ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 11, выпуск 2, 2022

Nauchnyi Dialog

Volume 11, Issue 2, 2022

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 11, выпуск 2, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
География авторов выпуска	Владивосток Екатеринбург Елец Красноярск Москва Нижневартовск Нижний Новгород Оксфорд (Великобритания) Пекин (Китай)	Петрозаводск Пятигорск Ростов-на-Дону Санкт-Петербург Саранск Севастополь Симферополь Тобольск Хабаровск
Авторы, имеющие ученую степень	82 %	

Дата выхода в свет 18.03.2022

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 2, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор
Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика
Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:
Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Содержание

Языкознание

Буженинов А. Э. Конвенциональные и новаторские метафоры со сферой-источником «Liquidity» в англоязычном инвестиционном дискурсе 9

Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г. Магия слов : лексемы с семантикой заговор и заговаривать в вепсском языке (этимолого-семантический и лингвогеографический аспекты) 28

Иоанесян Е. Р. Переход от жеста и жестовой номинации к фразеологизму 46

Петренко С. А., Петренко А. Ф. Эпистемическая каузальность в художественном дискурсе М. Эмиса 63

Садченко В. Т. Глаголы с приставкой по- в русских говорах Приамурья 77

Сигал К. Я. Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века : основные тенденции 94

Смолина А. Н. Интертекстуальные включения в русской духовной эпистолярной коммуникации : типология, функции, контекст 122

Смолоногина Е. А., Ситникова И. О. Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница 140

Юрьева Н. М. Интерактивное порождение устной истории ребенком при участии взрослого 159

Медиакоммуникации и журналистика

Ван Чжэ, Дай Сяофэн. Трансмедийное повествование в китайском литературном сетевом дискурсе (онлайн-роман «Основатель пути дьявола») 182

Иванова А. А. Образ женщины в социальной рекламе Италии 198

Николаева О. В. Дискурсивно-прагматическая креативность в англоязычных китайских масс-медиа 221

Селеменева О. А. Интертекстуальность в нативной рекламе международных глянцевых журналов (на примере журнала «Tatler») 239

Литературоведение. Фольклористика

Богданова О. В., Власова Е. А. В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие») 258

Лебедева В. Ю. Смерть, пришедшая на праздник, в рассказах Э. А. По, И. Бунина и В. Набокова 282

Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. К вопросу об идиостиле К. Исигуро (на материале романа «Клара и Солнце»)..... 299

Осьмухина О. Ю., Сухих О. С. Концепция пути в романах «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы..... 316

Шарыпина Т. А., Казакова П. Д., Егорова В. Н. Специфика авторской модальности и репрезентация образа России в книге Клаудии Эрдхайм «Früher war alles besser» : австрийский взгляд..... 331

Исторические науки

Аксарин В. В. Тобольский окружной союз потребительских обществ в 1920—1940-х годах : исторический экскурс 347

Воронов И. И. Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ как структурный элемент государственного управления России в 1837—1855 годах 359

Гросс А. А. Формирование идеологии раннего диссидентского движения в СССР в 1960-е годы : этика Александра Есенина-Вольпина..... 376

Дорофеев Д. В. Внешняя политика США в исследованиях С. Ф. Бимиса : полиархивный подход 395

Жерлицына Н. А. Радикализация колониальных методов Франции и Испании во время войны с Республикой Риф (1921—1926) 419

Корнилов А. А., Лобанова Н. С., Жерновая О. Р. Обсуждение палестино-израильского конфликта в комитете Британского Парламента по иностранным делам (2014 год) 437

Нестеров А. Г., Ханина Е. Е. Создание и развитие Нинся-Хуэйского автономного района Китайской Народной Республики (1949—1979) 463

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале 482

Цысь В. В. Становление системы медицинских учреждений на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв..... 497

АВТОРАМ..... 513

CONTENTS..... 519

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Александр Филиппович Петренко, канд. филол. наук (Пятигорск)
Александр Эдуардович Буженинов, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Анджелла Николаевна Смолина, канд. филол. наук (Красноярск)
Валентина Тарасовна Садченко, д-р филол. наук (Хабаровск)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Елена Анатольевна Смолоногина, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ирина Олеговна Ситникова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Надежда Михайловна Юрьева, д-р филол. наук (Москва)
Нина Григорьевна Зайцева, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Ольга Юрьевна Жукова, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Светлана Анатольевна Петренко, канд. филол. наук (Пятигорск)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Буженинов А. Э. Конвенциональные и новаторские метафоры со сферой-источником «Liquidity» в англоязычном инвестиционном дискурсе / А. Э. Буженинов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-9-27.

Buzheninov, A. E. (2022). Conventional and Innovative Metaphors with Source Sphere "Liquidity" in English Investment Discourse. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-9-27. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-9-27

Конвенциональные и новаторские метафоры со сферой-источником «Liquidity» в англоязычном инвестиционном дискурсе

Буженинов Александр Эдуардович
orcid.org/0000-0003-0116-6355
WoS ResearcherID: AFK-5109-2022
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков
и межкультурных коммуникаций
alexandrebougeninov@mail.ru

Уральский государственный
университет путей сообщения
(Россия, Екатеринбург)

Conventional and Innovative Metaphors with Source Sphere "Liquidity" in English Investment Discourse

Alexander E. Buzheninov
orcid.org/0000-0003-0116-6355
WoS ResearcherID: AFK-5109-2022
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Foreign Languages
and intercultural communications
alexandrebougeninov@mail.ru

Ural State University
of Railway Transport
(Yekaterinburg, Russia)

© Буженинов А. Э., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования метафорической модели «инвестиционный феномен — это жидкость» в инвестиционном англоязычном дискурсе. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, важнейшей гносеологической ролью метафоры как механизма, категоризующего, интерпретирующего и формирующего знания о мире и его явлениях, а с другой стороны, тем, что исследование метафорической модели проводится на материале научного дискурса. Методологическую основу исследования составляет фреймово-слотовый анализ метафорической модели, включающий контекстуальный, компонентный и дефиниционный виды анализа используемых метафорически лексических единиц. Приводится обзор работ, посвященных различным аспектам изучения конвенциональной и новаторской метафор. Разрабатывается фреймово-слотовая структура исследуемой метафорической модели, которая представлена такими фреймами, как «Движение жидкости» (слоты: «Сосуды» «Водоемы»), «Бедствия» и «Процессуальные свойства жидкости». Особое внимание уделяется роли конвенциональных и новаторских метафор в концептуализации инвестиционных феноменов. Показан производный характер новаторских метафор от конвенциональных, первые представляют собой дальнейшее расширение концептуальных связей между сферой-мишенью и сферой-источником путем окказионального лексического заполнения целевых слотов.

Ключевые слова:
конвенциональная метафора; новаторская метафора; метафорическая модель; фрейм; слот; инвестиционный дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the metaphorical model study “investment phenomenon is a liquid” in the investment English discourse are presented. The relevance of the study is due, on the one hand, to the most important epistemological role of metaphor as a mechanism that categorizes, interprets and forms knowledge about the world and its phenomena, and on the other hand, the fact that the study of the metaphorical model is carried out on the basis of scientific discourse. The methodological basis of the study is the frame-slot analysis of the metaphorical model, which includes contextual, component and definitional types of analysis of the metaphorically used lexical units. A review of works devoted to various aspects of the study of conventional and innovative metaphors is given. The work develops a frame-slot structure of the metaphorical model under study, which is represented by such frames as “Movement of a liquid” (slots: “Vessels”, “Reservoirs”), “Disasters” and “Procedural properties of a liquid”. Particular attention is paid to the role of conventional and innovative metaphors in the conceptualization of investment phenomena. The derivative nature of innovative metaphors from conventional ones is shown, the first ones represent a further expansion of the conceptual links between the target sphere and the source sphere by occasional lexical filling of the target slots.

Key words:
conventional metaphor; innovative metaphor; metaphorical model; frame; slot; investment discourse.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’37::330.322

Конвенциональные и новаторские метафоры со сферой-источником «Liquidity» в англоязычном инвестиционном дискурсе

© Буженинов А. Э., 2022

1. Введение = Introduction

Метафора как мощная категоризующая и интерпретирующая операция является одним из ключевых объектов исследования в современной когнитивно-дискурсивной парадигме науки о языке. В последние десятилетия возрос интерес ученых к проблеме их гносеологической роли в дискурсопорождении.

В связи с этим интерес представляет разграничение метафор на конвенциональные (conventional) и новаторские (novel). В данном исследовании мы будем придерживаться такого перевода этих терминов, хотя в отечественных публикациях фигурируют различные наименования: конвенциональные, обычные, традиционные метафоры, с одной стороны, и новаторские, новые, творческие, окказиональные, креативные, с другой.

Подобное разграничение проводится в теории карьеры метафоры (The Career of Metaphor Theory) Д. Гентнер и Б. Боудла [Bowdle et al., 1999; Gentner et al., 2001], согласно которой метафора проходит путь («карьеру») от новаторских к конвенциональным и стертым (мертвым) метафорам. Не отказываясь от базовых постулатов, предложенных еще Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (принцип аналогии, принцип разделения доменов на сферу-мишень и сферу-источник), теория карьеры метафоры фокусируется на том, как происходит восприятие метафоры. Согласно Гентнер и Боудлу, способ, которым понимается метафора, зависит от уровня её конвенциональности [Bowdle et al., 1999, с. 91; Thibodeau et al., 2008].

Новаторские метафоры (novel metaphors) включают наименования, относящиеся к специфической сфере-источнику, но (ещё) не ассоциируются с общей сферой-источником, с некой общей категорией. Действительно, в метафоре *science is a glacier* вербальный компонент *glacier* (айсберг) имеет буквальное значение (‘крупный, свободно плавающий в океане или в море кусок льда’), но не имеет связанного метафорического значения (напр., «нечто, медленно, но неуклонно растущее, прогрессирующее»). Подобные метафоры воспринимаются, интерпретируются как сравнения (*science is LIKE a glacier*). Конвенциональные метафоры включают наименования, относящиеся и к буквальному концепту, и к ассоциируемой мета-

CC BY

форической категории (*a gene is a blueprint*). Таким образом, при конвенциональной метафоре лексемы сферы-источника полисемичны; буквальное и метафорическое типы значения семантически связаны отношением сходства. Следовательно, подобные метафоры интерпретируются и как сравнение, и как член суперординатной метафорической категории, именуемой лексемой сферы-источника. Таким образом, когда метафоры становятся конвенциональными, происходит сдвиг в способе их обработки (от сравнения к категоризации) [Бурмакова, 2015; Дулесов, 2015; Новицкая, 2019; Gentner et al., 2001; Boeynames et al., 2017].

Если данная метафорическая основа (лексема сферы-источника) многократно используется для концептуализации разных сфер-мишеней и дает одну и ту же интерпретацию, то не только формируется устойчивая абстракция, но и закрепляется ее условная (конвенциональная) ассоциация с лексемой сферы-источника [Boeynames et al., 2017, с. 2862].

Так, например, инструментом формирования базовой конвенциональной метафоры в инвестиционной сфере выступает концептуализация различных сфер-мишеней посредством сферы-источника LIQUIDITY (*money is liquidity, liquid assets*): денежные средства, различные виды финансовых активов метафорически переосмысляются как нечто жидкое, текучее, способное к быстрому и относительно беспрепятственному перемещению. Как уже говорилось, согласно теории карьеры метафоры, в случае конвенциональной метафоры наименования сферы-источника полисемичны; метафорическое и буквальное типы значения *liquid*, очевидно, семантически связаны, чего нельзя сказать об образе айсберга в примере *science is a glacier*.

В зарубежной науке, в основном в англистике, ряд исследований посвящен различным аспектам конвенциональных и новаторских метафор. Так, в работе [Boeynames et al., 2017] ставилась задача выяснить, как различные типы метафор (конвенциональные и новаторские) могут влиять на точку зрения воспринимающих новостные тексты субъектов. Конвенциональная метафора позитивно сказывается на когнитивном восприятии текста (облегчает восприятие новой информации, упрощает сложные для понимания идеи путем отсылки к общему опыту). Новаторская же метафора позитивно влияет как на когнитивное, так и на аффективное восприятие текста (придает необычность, «остроту», повышает эмоциональный интерес). Интересным выводом стало положение о том, что для когнитивного восприятия текста положительный эффект воспринимаемой новизны противопоставляется отрицательному эффекту воспринимаемой пригодности метафоры (aptness).

В экспериментальном исследовании [Lai et al., 2009] авторы при помощи электроэнцефалограммы измеряли отклик мозга на стимул: тексты, со-

держащие предложения с буквальным смыслом, предложения с конвенциональной метафорой, новаторской метафорой и аномальные предложения.

Результат исследования показал, что, как обычные метафоры, так и буквальные предложения были оценены одинаково как знакомые и интерпретируемые, традиционные метафоры требовали некоторых временных дополнительных усилий по обработке по сравнению с буквальными предложениями. Новые метафоры, которые оценивались как незнакомые и менее интерпретируемые, требовали более продолжительных усилий, аналогичных усилиям, наблюдаемым при восприятии аномальных предложений, оцениваемых как незнакомые и наименее интерпретируемые.

Авторы указывают, что «понимание новаторских метафор труднее, чем конвенциональных, поскольку новые способы осмысления требуют сравнения концептов и создания концептуального отображения (conceptual mapping) в режиме онлайн» [Lai et al., 2009, с. 152].

Любопытным представляется исследование конвенциональных и новаторских метафор в работе [Moreno, 2015], выполненной на материале дискурса по морской биологии. Автор отвергает взгляд на новаторскую метафору как спорадическую единицу, неспособную к дискурсопорождению. В терминологическом аспекте Морено предлагает квалифицировать новаторские метафоры, концептуализирующие понятия конкретной научной сферы, как прототермины, воспринимаемые как преднамеренные (deliberate) риторические и концептуальные приемы, часть дискурсивной стратегии автора дискурса, не столько приглашающего, сколько заставляющего читателя постоянно отображать исходную область на целевую для понимания специализированных знаний [Ibid., с. 149]. Таким образом, новаторские метафоры свидетельствуют о способности дискурса создавать креативные метафорические выражения, помогающие внедрять инновационные знания и иллюстрировать научные открытия для построения теории. Этот вывод особенно релевантен для научного дискурса, к которому принадлежит исследуемый нами инвестиционный дискурс.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью нашей работы является описание метафорической модели «Инвестирование — это движение жидкости» в англоязычном инвестиционном дискурсе с выявлением конвенциональных и новаторских метафор, наполняющих данную модель.

Материалом исследования послужили контексты, содержащие метафору жидкости, извлеченные из монографий англоязычных авторов, исследовавших различные аспекты инвестиционной деятельности.

CC BY

Основным методом, принятым в данном исследовании, является фреймовый анализ метафорической модели «инвестирование — это движение жидкости», включающий контекстуальный, компонентный и дефиниционный виды анализа используемых метафорически лексических единиц, а также построение фреймово-слотовой структуры исследуемой метафорической модели.

С точки зрения определения конвенционального или новаторского характера исследуемых метафор методологически необходимым представляется также определить критерии их разграничения, что зачастую делается интуитивно и интроспективно.

При работе с нашим фактическим материалом мы прибегнем к некоторым ***критериям степени конвенциональности метафоры***, предложенным в работе [Гурин и др., 2012, с. 191—194]:

— НАЛИЧИЕ ИЛИ ОТСУТСТВИЕ СЛОВАРНОЙ ФИКСАЦИИ КАК ИСХОДНОГО, ТАК И МЕТАФОРИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ (в случае, если метафорическое значение не является единственным). Поскольку нашим материалом является специализированный инвестиционный дискурс, рассматривается также и фиксация в терминологических словарях. Рассмотрим в качестве примера термин *dilution*. Общеязыковое, исходное значение «разведение жидкости» является основой для конвенциональной метафоры *разводнение капитала*, что и отражено в словаре соответствующей пометой «finance», см., например, в [Lexico.com].

— ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЗАМЕНЫ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ НА НЕМЕТАФОРИЧЕСКИЙ СИНОНИМ (поскольку автор мог и не воспользоваться метафорой). Если подобная замена возможна, речь идет о конвенциональной метафоре.

— ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ НЕВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В МИНИМАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ, ВНЕ РЕЧЕВОГО ОКРУЖЕНИЯ, СОДЕРЖАЩЕГО ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ ОБЛАСТИ-ЦЕЛИ. Так, единицы, вербализующие традиционные конвенциональные метафоры со сферой-источником «Жидкость», прошедшие порог терминологизации и ставшие термином, реализуют свои значения вне речевого окружения: *cash inflow, money outflow*. Новаторская метафора *fishing in the low-cost pond* [Bogle, 2007, с. 118] не может реализовать свое значение вне контекста, согласно которому пассивная стратегия инвестирования метафорически концептуализируется как рыбалка в пруду, не несущая крупных издержек.

— ПОИСК МЕТАФОРЫ, НЕ ЗАФИКСИРОВАННОЙ В СЛОВАРЯХ В КОРПУСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ВИДЕ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ. Если анализируемая метафора не зафиксирована ни в сло-

CC BY

варе, ни в корпусе, можно проверить ее на соответствие концептуальным метафорам, определяющим строй того или иного языка.

Как показывает наш анализ, англоязычный инвестиционный дискурс насыщен метафорическим переосмыслением значительного числа объектов, субъектов и явлений. Одной из наиболее крупных и частотных является сфера-источник LIQUIDITY (ЖИДКОСТЬ).

Можно отметить, что данная метафорическая модель сама является конвенциональной не только для носителя английского языка, но и для других культур. Многие исследования были посвящены метафорическому осмыслению денег как жидкости [Антонова, 2013; Миронова 2018, с. 117—121; Silaski et al., 2011; Davidko, 2013; O'Connor, 1998 и др.].

Универсальность данной модели проявляется в реализации метафорического потенциала многочисленными лексическими единицами — от терминологических до фразеологических — в совершенно различных языках.

Восприятие денежных средств, активов и ценностей как жидкости зафиксировано в терминологических словарях и имеет закрепленные наименования: *ликвидность*, *высоко- / низколиквидный* (рус.), *liquid, liquidity* (англ.), *liquidité, liquid* (фр.), *liquidität, liquid, flüssig* (нем.).

В работе [Нгуен, 2020] проводится сопоставительный анализ метафор со сферой-источником «водное пространство» во вьетнамском и русском языках. Автор выделяет несколько семантических групп, связанных с понятием «водное пространство», в качестве источников экономических номинаций и выделяет как совпадающие метафоры сравниваемых языках, так и те, что свойственны какому-то одному языку.

Например, в обоих языках представлены метафора «ручей» (*финансовые ручейки, Dòng suối tín dụng (ручейки кредита)*) [Нгуен, 2020, с. 169]. С другой стороны, различия в культурных реалиях обусловливают и апелляцию к специфическим реалиям в экономическом дискурсе (так, для вьетнамского языка это метафоры «дамба», «сельский пруд») [Там же, с. 170].

В исследовании [Плисецкая, 2010] приведены многочисленные примеры фразеологических единиц со значением движения жидкостей: «Метафора ДЕНЬГИ ЕСТЬ ЖИДКОСТЬ крайне характерна и для разговорной, и для профессиональной речи: деньги *утекают сквозь пальцы*, рубль *отпускают в свободное плавание*, *финансовые потоки* и т. д.» [Плисецкая, 2010, с. 73].

Сопоставление метафорической модели «Деньги — это жидкость» в английском, сербском и румынском языках в переводческом аспекте проводится в публикации [Silaski et al., 2011]. Авторы фиксируют больше сходств, чем расхождений, между сопоставляемыми языками в плане метафорических моделей. Так, например, во всех трех языках фигурирует семантическая

CC BY

модель «СДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ ДОСТУПНЫМИ — ПРЕВРАТИТЬ ДЕНЬГИ В ЖИДКОСТЬ» (*liquid asset — likvidno sredstvo* (серб.) — *activ lichid* (рум.)).

В статье [Пермякова и др., 2018] представлены глагольные метафоры в рамках модели «ВОДА — ЭТО ДЕНЬГИ» в русском, английском и французском языках (*splash out money* (англ.), *arroser d'argent* (фр.), *отжать деньги* (рус.)).

Поэтому можно с полным на то основанием утверждать, что метафорическая модель «ДЕНЬГИ — ЭТО ЖИДКОСТЬ» является базовой, концептуальной метафорой, реализуемой в разных лингвокультурах. При этом само понятие деньги может быть осмыслено в разных формах: наличные деньги, активы, капитал. Однако отсутствуют полные описания метафоры воды / жидкости для инвестиционного дискурса. Настоящее исследование показало, что данная метафора в инвестиционном дискурсе отличается особым богатством и концептуализирует не только понятие денег, но широкий круг инвестиционных концептов. Наша гипотеза состоит в том, что на основе базовой модели «ДЕНЬГИ — ЭТО ЖИДКОСТЬ», использующей широкий ряд конвенциональных метафор, строятся новаторские метафоры, концептуализирующие различные инвестиционные реалии в терминах воды, жидкости и сопряженных понятий. В результате мы можем говорить уже о более широкой в исследуемом нами дискурсе метафорической модели «ИНВЕСТИРОВАНИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ЖИДКОСТИ», поскольку деньги являются лишь частью инвестиционных феноменов, к которым относятся также неденежные активы, фонды, недвижимое имущество и т. д.

Именно в рамках этой метафорической модели мы можем наблюдать продуктивное взаимодействие конвенциональных и новаторских метафор на уровне всех конституирующих её фреймов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Рассмотрим подробнее конвенциональные и новаторские метафоры, систематизированные с применением фреймового подхода.

3.1. Фрейм «Движение жидкости» в англоязычном инвестиционном дискурсе

Базовое восприятие инвестиционных благ (денежных средств, активов) как жидкости предполагает их концептуализацию как динамического явления.

Flow (поток), inflow (приток), outflow (отток). К конвенциональным метафорам, прежде всего, относятся такие, как *cash flow* (денежный поток), *cash inflow / outflow* (приток / отток денежных средств), *earnings stream*, *income stream, revenue stream* (поток доходов), *economic wave* (эко-

CC BY

номическая волна). Все эти метафоры являются конвенциональными: с одной стороны, они зафиксированы в словарях (более того, зафиксированы в терминологических словарях и являются терминами-метафорами), а с другой стороны, фигурируют в Национальном корпусе английского языка в этих значениях [British corpora].

An asset is any resource that has the potential to either generate future ***cash inflows*** *or reduce future* ***cash outflows*** [Damodaran, 2012, с. 55] (Актив — это любой ресурс, который может либо генерировать будущие потоки денежных средств, либо уменьшать будущие оттоки денежных средств); *Aside from this, many fixed-income securities are backed by a revenue stream that is not wholly predictable* [Lehmann, 2007, с. 29] (Помимо этого, многие ценные бумаги с фиксированным доходом обеспечены потоком доходов, который нельзя полностью предсказать).

Помимо субстантивных метафор, конвенциональные метафоры данного фрейма вербализуются и атрибутивными, и глагольными метафорами: *The most important is a well of money that started* ***flowing*** *when governments began to sponsor retirement savings programmes* [Coleman, 2016, с. 99] (Самое главное — это поток денег, возникший, когда правительства начали спонсировать программы пенсионных накоплений.); *Money* ***flows*** *into the funds when prices are high* [Malkiel et al., 2010, с. 82] (Деньги поступают в фонды, когда цены высоки); *A* ***liquid*** *instrument is one which can be sold fast* [Booth, 2014, с. 105] (Ликвидный инструмент — это тот, который можно быстро продать).

Таким образом, привычный для нас способ концептуализации денежных средств и иных инвестиционных инструментов включает в себя их понимание как текучей субстанции, способной к быстрому перемещению. Конвенциональность подобного рода метафор заключается в их стёртости, привычности употребления, когда исходно вкладывавшийся метафорический смысл перестал осознаваться.

Однако данный фрейм реализуется и за счёт новаторских метафор, строящихся на основе конвенциональных. Важно подчеркнуть, что новаторская метафора редко создается без какой-либо основы и более характерна, вероятно, для художественного и поэтического языка. Будучи мощным средством когниции, новаторская метафора создается как продолжение и расширение конвенциональной, «вызывает ассоциации, пробуждает в сознании концептуальные схемы, которыми располагают реципиенты» [Аргунов и др., 2019, с. 58].

Trickle **(струя),** ***waterfall, cascade*** **(водопад).** На основе образа потока появляется метафора струи, каскада, водопада: *The late 1990 when firms went public at an extraordinary pace, and 2001 when the number slowed to a* ***trickle****...*

CC BY

[Damodaran, 2012, с. 347] (Конец 1990-х годов, когда фирмы становились публичными с невероятной скоростью, и 2001 год, когда их число сократилось до минимума...); *The share price performance looks like a* ***waterfall****, but this waterfall likely leads to rainbows* [Gad, 2009, с. 214] (Динамика цен на акции выглядит как водопад, но после этого водопада, вероятно, появится радуга); *The priority under such condition is to stop a* ***cascade*** *of unmanaged and sudden bankruptcies* [Booth, 2014, с. 64] (Приоритетом в таких условиях является прекращение каскада неуправляемых и внезапных банкротств).

Infusion **(вливание).** Известный термин *capital infusion* (вливание капитала) метафорически выражает идею единовременного вложения средств в тот или иной проект, дело: *In hypothetical terms, an investor can correctly short a stock trading at $100, but months later, the shares can easily be trading for $200, at which point a* ***capital infusion*** *may be required* [Gad, 2009, с. 191] (С гипотетической точки зрения, инвестор может корректно совершать короткие сделки с акциями по 100 долларов, но через несколько месяцев акции могут легко торговаться по 200 долларов, и в этот момент может потребоваться вливание капитала).

Фрейм «Движение жидкости» реализуется также в нескольких слотах, наполненных метафорическими переосмыслениями источников движения жидкости (сосуды, водоемы) и иных связанных с движением жидкостей явлений.

3.1.1. Слот «Сосуды»

Данный слот группирует метафоры, основанные на осмыслении явления или пространства как контейнера. Эта модель универсальна для многих культур, то есть реализует конвенциональную метафору.

Reservoir **(резервуар),** ***glass of water*** **(стакан воды).** Так, банковский сектор концептуализируется как стакан воды, совокупность обыкновенных акций во владении — как большой резервуар: *This is [ownership of common stocks] is indeed a vast* ***reservoir*** *to supply institutional requirements* [Berstein, 2010, с. 208]. (Это [владение обыкновенными акциями] действительно является огромным резервуаром для удовлетворения институциональных потребностей.); *One may think of a banking sector as a* ***glass of water*** *for liquidity to flow over the rim into economy the glass has to be full* [Booth, 2014, с. 64]. (Банковский сектор можно представить себе стаканом воды; чтобы ликвидность перетекала через край в экономику, стакан должен быть полным).

3.1.2. Слот «Водоемы»

Что касается метафорической концептуализации инвестиционных реалий как водоёмов, то она может быть как конвенциональной, так и но-

CC BY

ваторской. Конвенциональной метафорой в данном случае будет широко используемая метафоризация понятий болота, моря и океана как бурных, опасных мест.

***Mire* (болото), *ocean* (океан), *sea* (море).** *America was **mired** in the deepest economic depression in its history* [Siegel, 2008, с. 4] (Америка погрязла в глубочайшей экономической депрессии в своей истории); *Except for the poor bond holder, once again **mired** in the slough of despond, most segments of the economy are looking forward to a rip-roaring 1969* [Bernstein, 2008, с. 114] (За исключением бедного держателя облигаций, снова погрязшего в трясине отчаяния, большинство сегментов экономики с нетерпением ждут бурного 1969 года); *People may not like volatility. **Being at sea** is disturbing for many landlubbers* [Booth, 2014, с. 208] (Людям может не нравиться волатильность. Нахождение в море беспокоит многих сухопутных крыс). В последнем случае метафорой фактически становится утверждение *volatility is being at sea.* Проверка метафоры в британском корпусе показала 3 вхождения, 2 из которых принадлежат финансовому дискурсу [BNC].

***Pond* (пруд).** Новаторской является метафора «инвестиции в недорогой индексный фонд — рыбалка в пруду»: *Surely, fishing in **the low-cost pond** should enhance your returns and by a wide margin at that* [Bogle, 2007, с. 118] (Без сомнения, рыбалка в недорогом пруду должна увеличить вашу прибыль, причем с большим отрывом). В данном случае автор говорит о стратегиях пассивного инвестирования: вложения средств в недорогие индексные фонды метафорически концептуализируются как «рыбалка в пруду».

***Wave* (волна).** Так, наиболее частотно метафорическое использование понятия *волна*, фигурирующее не только в инвестиционном и смежными с ним экономическом и финансовом дискурсах, но и, например, в публицистике.

В исследуемом нами дискурсе образ волны эксплуатируется при концептуализации различных понятий:

— волны информации: *we live in a sea of financial information, with **waves of stock information*** [Bernstein, 2010, с. 4]. (Мы живем в море финансовой информации, с волнами биржевой информации).

— экономические волны: *…there are also long **economic waves** of concern with inflation and deflation* [Booth, 2014, с. 12]. (…существуют также длительные экономические волны беспокойства по поводу инфляции и дефляции).

Новаторские метафоры вновь представлены лексически уникальными, но концептуально предсказуемыми единицами. Это подчеркивает произ-

CC BY

водный характер новаторских метафор от конвенциональных: речь идет об «окказиональном заполнении целевого слота при общей поддержке когнитивной системы, при наличии манифестированных в узусе фактов сближения доменных областей» [Гурин и др. 2012, с. 196].

Так, финансовый рынок, на котором происходит продолжительный рост цен, метафорически переосмысливается как «оседлавший приливную волну»: *When it comes to bull markets, no one wants to be off the boat when it's* ***riding a rising tide*** [Gad, 2009, с. 145]. (Когда дело доходит до бычьих рынков, никто не хочет быть в стороне, когда рынок находится на подъеме (букв.: «катается на приливной волне»)).

Watershed **(водораздел).** Поворотный момент в экономической и инвестиционной конъюнктуре выражен метафорой водораздела: *This event precipitated enormous uncertainty in financial markets and was a* ***watershed*** *for the crisis* [Booth, 2014, с. 63]. (Это событие спровоцировало огромную неопределенность на финансовых рынках и стало водоразделом кризиса).

Ripples **(рябь).** Интересны и случаи, когда в одном смысловом контексте фигурирует конвенциональная метафора и порождаемая ею новаторская метафора: *He claimed that there was a primary wave, which like the tide, determined the overall trade. Upon this trend were superimposed secondary waves and minor* ***ripples*** [Siegel, 2008, с. 290]. (Он утверждал, что существовала первичная волна, которая, как и прилив, определяла всю торговлю. На эту тенденцию накладывались вторичные волны и мелкая рябь). Наряду с *волнами*, характеризующими некий тренд, имеются также и менее значительные циклы, метафорически репрезентируемые как *рябь* на водной поверхности.

3.2. Фрейм «Бедствия» в англоязычном инвестиционном дискурсе

При метафорическом осмыслении крупных водоемов, как мы видели, именно концептуальный признак «опасность» является доминирующим. Исходя из этого широко метафорически концептуализируются понятия о бедствиях, связанных с водой: наводнение, потоп, утечки, шторм.

Storm **(шторм).** Так, умение управлять компанией метафорически концептуализируется как управление кораблем во время шторма: *So far, Terex management has succeeded at steering the ship during the* ***storm*** [Gad, 2009, с. 232].

Flood, inundation **(наводнение).** Все метафоры, входящие в данный фрейм, являются конвенциональными. Широко используются метафорические переосмысления потопа, наводнения (*flood, flooding, deluge, inundation*): *...as these new firms* ***flood*** *the market* [Damodaran, 2012, с. 229] (…поскольку эти новые фирмы наводняют рынок); *At year-end, most*

CC BY

investors are being ***inundated*** *with special statements from brokerage houses and mutual funds* [Lehmann, 2007, с. 177] (В конце года большинство инвесторов завалены («затоплены») специальными заявлениями брокерских контор и взаимных фондов).

Следует отметить, что использование различных лексем для построения метафоры нерегулярно: так, в исследуемом нами дискурсе лексема *flood (flooded, flooding*) очень частотна, тогда как использование синонима *inundated* — единичный случай.

3.3. Фрейм «Процессуальные свойства жидкости» в англоязычном инвестиционном дискурсе

Данный фрейм очень богато представлен глагольными метафорами, построенными на образе процессов, свойственных жидкостям. Речь идет как о самостоятельных процессах, осуществляемых жидкостью (*juice* (сочиться), *dampen* (увлажнять) и др.), так и несамостоятельных, осуществляемых кем-то при помощи жидкости (*roil* (мутить), *dilute* (разбавлять) и др.).

Среди конвенциональных метафор в первую очередь стоит отметить метафорические термины, устоявшиеся в профессиональной речи и получившие дефиниции в соответствующих терминологических словарях (например, в [Oxford dictionary..., 2005; Investment...,2014]). Более того, для данных метафор характерна и корпусная фиксация.

Dilution **(разводнение).** Метафорический термин *разведение (dilution*) означает уменьшение прибыли на акцию и доли владения акционера в связи с выпуском компанией новых акций. В русской терминологии данный процесс называется *разводнением*. Образной основой здесь становится получаемое в процессе разведения большее количество жидкости с меньшей концентрацией исходного содержащегося в ней вещества: *...if it were desirable to issue more stock, increasing the percentage of expenditures reserved for the stock could not offset any* ***dilution*** [Bernstein, 2008, с. 279] (если было бы желательным выпустить больше акций, увеличение процента расходов, зарезервированных для акций, не могло бы компенсировать никакого разводнения).

Именно данный фрейм широко представлен новаторскими метафорами. Вновь мы можем говорить об их производности от конвенциональных посредством метафорического окказионального использования лексем на базе имеющегося концептуального междоменного сближения инвестиционных реалий и жидкостей:

— метафора: «инвестировать некий актив — перелить жидкость из одного вместилища в другое»: *The US* ***poured*** *its golden treasure into the hands*

of the speculators in an effort to hold the price of gold down to $35 an ounce [Bernstein, 2008, с. 46] (США вложили («слили») свое золото в руки спекулянтов, пытаясь удержать цену на золото до 35 долларов за унцию);

— метафора «увеличение прибыльности инвестиционного портфеля — обильное течение жидкости»: *Imagine a $1 portfolio that* ***juices*** *its purchasing power to a $1,5 million by taking on 50 % margin* [Gad, 2009, с. 62] (Представьте себе портфель в 1 доллар, покупательная способность которого увеличивается до 1,5 миллиона долларов за счет маржи 50 %);

— метафора «давать частые объявления о доходах компании — делать жидкость мутной, непрозрачной»: *According to this argument, firms with stable earnings are less likely to* ***roil*** *markets with earnings announcements that surprise investors* [Damodaran, 2004, с. 129] (Согласно этому аргументу, фирмы со стабильными доходами с меньшей вероятностью взбудоражат (будут «мутить») рынки объявлениями о доходах, которые удивят инвесторов);

— метафора «рост цены — переливание жидкости через край»: *Still others build their strategy around earnings announcements, buying stocks after the announcements report better-than-expected earnings and hoping that the resulting price increases* ***spill over*** *into the following days* [Damodaran, 2004, с. 392] (Другие строят свою стратегию на объявлениях о доходах, покупая акции уже после того, как объявления сообщают о более высоких, чем ожидалось, доходах, и надеясь, что в результате рост цен распространится на следующие дни);

— метафора «получение прибыли спекулятивным путем — уменьшение концентрации путем добавления жидкости»: *...but in the long run, the impact of speculative return* ***washes out*** [Bogle, 2007, с. 192] (...но в долгосрочной перспективе влияние спекулятивной доходности сходит на нет («вымывается»));

— метафора «асинхронное движение доходности активов — увлажнение чего-либо сухого, неподатливого»: *This asynchronous movement of returns* ***dampens*** *the volatility of the portfolio* [Siegel, 2008, с. 167] (Это асинхронное движение доходности снижает («увлажняет») волатильность портфеля.).

Таким образом, всем вышеперечисленным феноменам инвестиционного мира метафорически приписываются процессуальные свойства жидкостей.

4. Заключение = Consclusions

В результате исследования мы приходим к следующим выводам:

Метафорическая модель «ИНВЕСТИРОВАНИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ЖИДКОСТИ» в инвестиционном дискурсе является расширением традиционной модели «ДЕНЬГИ — ЭТО ЖИДКОСТЬ», закрепленной во мно-

CC BY

гих лингвокультурах. В терминах жидкостей, их источников и связанных с ними явлений в инвестиционном дискурсе метафорически переосмысливаются не только деньги, но и различные неденежные, товарные активы, недвижимое имущество, а также связанные с ними процессы и явления.

Метафорическая модель «ИНВЕСТИРОВАНИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ЖИДКОСТИ» является богатой и концептуально разработанной в инвестиционном дискурсе английского языка. Иерархически модель формируется за счет трех фреймов «Движение жидкости», «Бедствия» и «Процессуальные свойства жидкости». Фрейм «Движение жидкости» включает в себя два слота: «Сосуды» и «Водоемы».

Исследуемая метафорическая модель представлена широким рядом как конвенциональных метафор, закрепленных в узусе английского языка, в речевой практике его носителей и терминологических словарях, так и новаторскими метафорами, лексически уникальными, но предсказуемыми концептуально за счет уже имеющихся сближений двух доменов: «Инвестирование» и «Жидкость».

Новаторские метафоры являются производными от конвенциональных, строящимися на их основе: фактически новаторская метафора представляет собой дальнейшее расширение концептуальных связей между двумя доменами путем окказионального заполнения целевых слотов.

Источники

1. *Bernstein W*. Economist on Wall Street / W. Bernstein. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2008. — 293 p. — ISBN 978-0-470-43519-9.

2. *Berstein W*. The four pillars of investing / W. Bernstein. — New-York : The McGrow-Hill Companies, inc., 2010. — 333 p.

3. *Bogle J.* The little book of common sense investing / J. Bogle. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2007. — 216 p. — ISBN 978-0-470-10210-7.

4. *Booth J.* Emerging Markets in an Upside down world / J. Booth. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2014. — 265 p. — ISBN 978-1-118-87967-2.

5. *British Corpora*. — British National Corpus [Electronic resourse]. — Access mode : https://www.english-corpora.org/bnc/ (accessed 27.01.2022).

6. *Coleman L*. Applied investment theory / L. Coleman. — Palgrave Macmillan, 2016. — 271 p. — ISBN 978-3-319-43975-4.

7. *Damodaran A*. Investment Philosophies / A. Damodaran. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2012. — 597 p. — ISBN 978-1118011515.

8. *Damodaran A*. Investment fables / A. Damodaran. — New Jersey : Pearson Education inc., 2004. — 539 p. — ISBN 0-13-140312-5.

9. *Gad S.* The business of value investing / S. Gad. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2009. — 268 p. — ISBN 0470444487.

10. *Investment* dictionary. — London ; Mercer Lmt., 2014. — 90 p.

11. *Lehmann R*. Income investing today / R. Lehmann. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2007. — 234 p. — ISBN 978-0-470-14007-9.

12. *Lexico.com.* — English Dictionary [Electronic resorse]. — Access mode : https://www.lexico.com/definition/dilution (accessed 27.01.2022).

13. *Malkiel B.* The elements of investing / B. Malkiel, C. Ellis. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2010. — 154 p. — ISBN 978-0-470-58550-4.

14. *Oxford* dictionary of finance and banking. — Oxford : Oxford university press, 2005. — 436 p.

15. *Siegel J.* Stocks for the long run / J. Siegel. — New-York : The McGrow-Hill companies inc., 2008. — 380 p. — ISBN 0-07-058043-X.

16. *Singer B.* Investment. Leadership and portfolio management / B. Singer, G. Fedorinchik. — Hoboken, New Jersey : Wiley and sons inc., 2010. — 210 p.

Литература

1. *Антонова М. К.* Метафорическое представление денег как воды/жидкости в русской языковой картине мира / М. К. Антонова // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 372. — С. 7—12.

2. *Аргунов В. В.* Системность отношений в концептуальных метафорах в спортивном дискурсе / В. В. Аргунов, К. И. Фёдорова // Казанская наука. — 2019. — № 5. — С. 58—60.

3. *Бурмакова Е. А.* Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе / Е. А. Бурмакова // Язык и культура. — 2015. — № 3. — С. 28—36. — DOI: 10.17223/19996195/31/3.

4. *Гурин Г. Б.* Методика оценки конвенциональности метафорических выражений : от интуитивных критериев к операциональным / Г. Б. Гурин, А. Е. Беликова // Компьютерная лингвистики интеллектуальные технологии. — 2012. — Выпуск 11. — Т. 1. — С. 187—198.

5. *Дулесов Е. П.* Конвенциональные метафоры в русской и польской политической коммуникации (на материале текстов СМИ, посвященных парламенстким выборам) / Е. П. Дулесов // Вестник Удмуртского университета. — 2015. — Выпуск 5. — Т. 25. — С. 19—25.

6. *Миронова М. Ю.* Когнитивные и структурно-семантические особенности инвестиционных терминов английского языка в диахронии : лингвокультурный аспект : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. Ю. Миронова. — Санкт-Петербург, 2018. — 160 с.

7. *Нгуен Т. Х. Н.* Сопоставительный анализ метафор со сферой-источником «водное пространство» во вьетнамском и русском языках (на материале экономических газет) / Т. Х. Н. Нгуен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Выпуск 4. — Т. 13. — С. 167—171. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.34.

8. *Новицкая И. В.* Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) / И. В. Новицкая // Язык и культура. — 2019. — № 46. — С. 76—101. — DOI: 1017223/19996195/46/5.

9. *Плисецкая А. Д.* Использование национального корпуса русского языка для исследований в области метафоры / А. Д. Плисецкая // Социосфера. — 2010. — № 4. — С. 66—74.

10. *Пермякова Е. Г.* Метафора как средство концептуализации действительности на примере глаголов получения и передачи английского, русского и французского языков / Е. Г. Пермякова, В. С. Пономарева // Российский гуманитарный журнал. — 2018. — № 5. —Т. 7. — С. 409—423. — DOI: 10.15643/libartrus-2018.5.7.

11. *Boeynames A.* The impact of conventional and novel metaphors in news on Issue viewpoint / A. Boeynames, E. Konijn, C. Burgers, G. Steen // International Journal of Communication. — 2017. — № 11. — Pp. 2861—2879.

12. *Bowdle B.* Metaphor comprehension : from comparison to categorization / B. Bowdle, D. Gentner // Proceedings of the Twenty-First annual conference of the cognitive science Society. — Hillsdale New-Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1999. — Pp. 90—95.

13. *Davidko N.* The concept of "Water" in the metaphorics of economic discourse / N. Davidko // Verbum. — 2012. — Vol. 3. — Pp. 39—50.

14. *Gentner D.* Convention, form, and Figurative language processing / D. Gentner, B. Bowdle // Metaphor Symbol. — 2001. — № 16. — Pp. 223—247.

15. *Kovesces Z.* Metaphor : A practical introduction / Z. Kovesces. — New-York : Oxford University press, 2010. — 374 p.

16. *Lai V.* Comprehending conventional and novel metaphors : an ERP study / V. Lai, T. Curran, L. Menn // Brain Research. — 2009. — № 1284. — Pp. 145—155.

17. *Moreno J.* Novel metaphors and scientific discourse come to terms : a case study of metaphorical prototerms in Biology / J. Moreno // Proceedings of the conference Terminology and artificial intelligence. — 2015. — Pp. 149—157.

18. *O'Connor K. T.* Money and Finance as solid, liquid and gas in Spanish / K. T. O'Connor // Metaphor Symbol. — 1998. — № 13 (2). — Pp. 141—157.

19. *Silaski N.* The money is a liquid metaphor in economic terminology — a contrastive analysis of English, Serbian and Romanina / N. Silaski, A. Kilyeni // Professional Communication and translation studies. — 2011. — № 4 (1—2). — Pp. 63—72.

20. *Thibodeau P.* Productive figurative communication : Conventional metaphors facilitate the comprehension of related novel metaphors / P. Thibodeau, F. H. Durgin // Journal of memory and language. — 2008. — № 58 (2). — Pp. 521—540. — DOI: 10.1016/j.jml.2007.05.001.

Material resources

Bernstein, W. (2008). *Economist on Wall Street.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 293 p. ISBN 978-0-470-43519-9.

Berstein, W. (2010). *The four pillars of investing.* New-York: The McGrow-Hill Companies, inc. 333 p.

Bogle, J. (2007). *The little book of common sense investing.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 216 p. ISBN 978-0-470-10210-7.

Booth, J. (2014). *Emerging Markets in an Upside down world.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 265 p. ISBN 978-1-118-87967-2.

British Corpora. British National Corpus. Available at: https://www.english-corpora.org/bnc/ (accessed 27.01.2022).

Coleman, L. (2016). *Applied investment theory.* Palgrave Macmillan. 271 p. ISBN 978-3-319-43975-4.

Damodaran, A. (2004). *Investment fables.* New Jersey: Pearson Education inc. 539 p. ISBN 0-13-140312-5.

Damodaran, A. (2012). *Investment Philosophies.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 597 p. ISBN 978-1118011515.

Gad, S. (2009). *The business of value investing.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 268 p. ISBN 0470444487.

Investment dictionary. (2014). London; Mercer Lmt. 90 p.
Lehmann, R. (2007). *Income investing today.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 234 p. ISBN 978-0-470-14007-9.
Lexico.com. English Dictionary. Available at: https://www.lexico.com/definition/dilution (accessed 27.01.2022).
Malkiel, B., Ellis, C. (2010). *The elements of investing.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 154 p. ISBN 978-0-470-58550-4.
Oxford dictionary of finance and banking. (2005). Oxford: Oxford university press. 436 p.
Siegel, J. (2008). *Stocks for the long run.* New-York: The McGrow-Hill companies inc. 380 p. ISBN 0-07-058043-X.
Singer, B., Fedorinchik, G. (2010). *Investment. Leadership and portfolio management.* Hoboken, New Jersey: Wiley and sons inc. 210 p.

References

Antonova, M. K. (2013). Metaphorical representation of money as water/liquid in the Russian language picture of the world. *Bulletin of Tomsk State University, 372:* 7—12. (In Russ.).
Argunov, V. V., Fedorova, K. I. (2019). The system of relations in conceptual metaphors in sports discourse. *Kazan Science, 5:* 58—60. (In Russ.).
Boeynames, A., Konijn, E., Burgers, C., Steen, G. (2017). The impact of conventional and novel metaphors in news on Issue viewpoint. *International Journal of Communication, 11:* 2861—2879.
Bowdle, B., Gentner, D. (1999). Metaphor comprehension: from comparison to categorization. In: *Proceedings of the Twenty-First annual conference of the cognitive science Society.* Hillsdale New-Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 90—95.
Burmakova, E. A. (2015). The cognitive nature of anthropomorphic metaphor in artistic discourse. *Language and culture, 3:* 28—36. DOI: 10.17223/19996195/31/3. (In Russ.).
Davidko, N. (2012). The concept of "Water" in the metaphorics of economic discourse. *Verbum, 3:* 39—50.
Dulesov, E. P. (2015). Conventional metaphors in Russian and Polish political communication (based on media texts on parliamentary elections). *Bulletin of Udmurt University, 5 (25):* 19—25. (In Russ.).
Gentner, D., Bowdle, B. (2001). Convention, form, and Figurative language processing. *Metaphor Symbol, 16:* 223—247.
Gurin, G. B., Belikova, A. E. (2012). Methodology for assessing the conventionality of metaphorical expressions: from intuitive criteria to operational. *Computational linguistics intellectual technologies, 11 (1):* 187—198. (In Russ.).
Kovesces, Z. (2010). *Metaphor: A practical introduction.* New-York: Oxford University press. 374 p.
Lai, V., Curran, T., Menn, L. (2009). Comprehending conventional and novel metaphors: an ERP study. *Brain Research, 1284:* 145—155.
Mironova, M. Yu. (2018). *Cognitive and structural-semantic features of investment terms of the English language in diachrony: linguocultural aspect.* PhD Diss. St. Petersburg. 160 p. (In Russ.).
Moreno, J. (2015). Novel metaphors and scientific discourse come to terms: a case study of metaphorical prototerms in Biology. In: *Proceedings of the conference Terminology and artificial intelligence.* 149—157.

Nguyen, T. H. N. (2020). Comparative analysis of metaphors with the source sphere "water space" in Vietnamese and Russian (based on the material of economic newspapers). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 4 (13):* 167—171. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.34. (In Russ.).

Novitskaya, I. V. (2019). The theory of conceptual metaphor and the development of alternative concepts within the cognitive direction of metaphorology (based on the materials of modern Anglistics). *Language and culture, 46:* 76—101. DOI: 1017223/19996195/46/5. (In Russ.).

O'Connor, K. T. (1998). Money and Finance as solid, liquid and gas in Spanish. *Metaphor Symbol, 13 (2):* 141—157.

Permyakova, E. G., Ponomareva, V. S. (2018). Metaphor as a means of conceptualizing reality on the example of verbs of receiving and transmitting English, Russian and French languages. *Russian Humanitarian Journal, 5 (7):* 409—423. DOI: 10.15643/libartrus-2018.5.7. (In Russ.).

Plisetskaya, A. D. (2010). The use of the national corpus of the Russian language for research in the field of metaphor. *Sociosphere, 4:* 66—74. (In Russ.).

Silaski, N., Kilyeni, A. (2011). The money is a liquid metaphor in economic terminology — a contrastive analysis of English, Serbian and Romanina. *Professional Communication and translation studies, 4 (1—2):* 63—72.

Thibodeau, P., Durgin, F. H. (2008). Productive figurative communication: Conventional metaphors facilitate the comprehension of related novel metaphors. *Journal of memory and language, 58 (2):* 521—540. DOI: 10.1016/j.jml.2007.05.001.

Статья поступила в редакцию 11.09.2021,
одобрена после рецензирования 03.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Жукова О. Ю. Магия слов : лексемы с семантикой *заговор* и *заговаривать* в вепсском языке (этимолого-семантический и лингвогеографический аспекты) / О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 28—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-28-45.

Zhukova, O. Yu., Zaitseva, N. G. (2022). Magic of Words: Lexemes with Semantics 'Spell' and 'to Spell' in Vepsian (Etymological-Semantic and Linguo-Geographical Aspects). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 28-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-28-45. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-28-45

Магия слов: лексемы с семантикой 'заговор' и 'заговаривать' в вепсском языке (этимолого-семантический и лингвогеографический аспекты)

Жукова Ольга Юрьевна [1,2]
orcid.org/0000-0001-9527-7982
кандидат филологических наук
olgazhukovaveps@mail.ru

Зайцева Нина Григорьевна [1]
orcid.org/0000-0002-8335-2137
доктор филологических наук,
zng@ro.ru

[1] Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН) (Петрозаводск, Россия)

[2] Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН
Авторы выражают искреннюю благодарность Н. Л. Шибановой, главному инженеру по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН за помощь в технической подготовке лингвистических карт

Magic of Words: Lexemes with Semantics 'Spell' and 'to Spell' in Vepsian (Etymological-Semantic and Linguo-Geographical Aspects)

Olga Yu. Zhukova [1,2]
orcid.org/0000-0001-9527-7982
PhD in Philology
olgazhukovaveps@mail.ru

Nina G. Zaitseva [1]
orcid.org/0000-0002-8335-2137
Doctor of Philology
zng@ro.ru

[1] Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS) (Petrozavodsk, Russia)

[2] Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared within the framework of the state assignment of the KarRC RAS
The authors express their sincere gratitude to N. L. Shibanova, Chief Information Technology Engineer of the Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, for her assistance in the technical preparation of linguistic maps

© Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится сопоставительный анализ лексем вепсского языка с семантикой ‘заговор’ (*puheg, puitoomine*), а также глаголов со значением ‘заговаривать; произносить заговоры’. Актуальность исследования обусловлена значимостью заговорной традиции для мировоззрения вепсского народа и возможностью выявления семантико-этимологических особенностей группы лексики, связанной с данной сферой жизни. Анализируются наименования понятия «заговор» *(puheg, puitoomine*), где лексема *puheg* в отличие от русского термина *заговор* (< *заговорить* < *говорить*) связана не с говорением, а с своеобразным «выдуванием» слов изо рта в процессе заговаривания. Из литературы известно об аналогичном явлении, свойственном одному из русских говоров Республики Коми (*дуть слова*), по поводу чего авторы данной статьи полагают, что оно может быть своеобразной калькой из прибалтийско-финских языков, в которых подобное явление представлено более широко, хотя не исключают и некой универсалии в развитии языков. В представленной авторской разработке уделяется внимание этимологии и семантическим нюансам лексем *sana* и *vajeh* со значением ‘слово’, одна из которых (*sana*) также по своей семантике пересекается с магией слов мира заговоров. В исследовании анализируются этимологические аспекты глаголов «магического действия» *(puhuda, puiteida, otvedaida)*, где проявляются как исконные основы, так и заимствования из русского языка. Лингвистические карты иллюстрируют широту распространения анализируемых терминов в диалектах вепсского языка.

Ключевые слова:
вепсский язык; заговор; заговаривать; этимология; языковые контакты; лингвистическая география; универсалии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A comparative analysis of the Veps language lexemes with the semantics ‘spell’ (*puheg, puitoomine*), as well as verbs with the meaning ‘to spell; pronounce incantations. The relevance of the study is due to the significance of the spell tradition for the worldview of the Vepsian people and the possibility of identifying the semantic and etymological features of the vocabulary group associated with this sphere of life. The names of the concept of “spell” (*puheg,* puitoomine) are analyzed, where the lexeme *puheg*, unlike the Russian term *spell (< to spell < to speak*), is associated not with speaking, but with a kind of “blowing” words from the mouth in the process of speaking. It is known from the literature, about a similar phenomenon that is characteristic of one of the Russian dialects of the Komi Republic (*blowing words*), about which the authors of this article believe that it may be a kind of tracing paper from the Baltic-Finnish languages, in which such a phenomenon is represented more widely, although they do not exclude and some universality in the development of languages. In the presented author's development, attention is paid to the etymology and semantic nuances of the lexemes *sana* and *vajeh* with the meaning ‘word’, one of which (*sana*) also intersects with the magic of the words of the world of spells in its semantics. The etymological aspects of the verbs of “magical action” (*puhuda, puiteida, otvedaida*) are analyzed in the study, where both original stems and borrowings from the Russian language are manifested. Linguistic maps illustrate the breadth of distribution of the analyzed terms in the dialects of the Vepsian.

Key words:
Veps language; spell; to spell; etymology; language contacts; linguistic geography; universals.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.511.11’37:61+398.41

Магия слов : лексемы с семантикой ‘заговор’ и ‘заговаривать’ в вепсском языке (этимолого-семантический и лингвогеографический аспекты)

© Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г., 2022

1. Введение = Introduction

Как свидетельствуют исследования по этнографии и фольклору вепсов, все окружающее их жизненное пространство, как и у многих иных народов, было ранее активно мифологизировано. Лексем, именующих результат или способ мифологического воздействия на человека, животное либо иное живое существо, в языке вепсов достаточно много. Это воздействие связано с различными природными стихиями, прежде всего с водой, лесом, ветром, которые, по представлениям вепсского населения, особенно мощно воздействовали на них, насылая различные болезни, обладающие такими названиями, как *mecannena* ‘болезнь от леса (букв. лесной нос)’, *tul’l’ažnena* ‘болезнь от ветра (букв. нос ветра)’, *veziehtatiž* ‘болезнь от воды (букв. проклятие воды)’ и т. д.

Финский исследователь А. Турунен в одной из своих статей после поездки на вепсские территории в начале 1940-х годов писал: «…у старшего поколения вепсов еще живы понятия о происхождении болезней как влиянии злых сил. Поэтому использование заговоров в качестве средства излечения широко используется. Почти в каждом селе есть знающие женщины среднего возраста (*noid* ‘колдун, ведун’), способные производить магические действия» [Turunen, 1943, с. 157]. Об этом же сообщает и другой финский лингвист Л. Кеттунен, который в первой половине XX века совершил немало поездок в места расселения вепсов, подготовив работу по синтаксису вепсского языка с громадным количеством языковых иллюстраций, которая до сих пор с этой стороны является эталонной, став настоящим кладезем живого вепсского материала, этнографического и фольклорного [Kettunen, 1943]. Именно Л. Кеттунен назвал земли вепсов “*taikuuden maailma*”, то есть «мир волшебства», а вепсов «детьми природы»: «Могут ли эти дети природы и действительно каким-то шестым чувством видеть что-то “*сверхъестественное*”, на что глаз человека, отрицательно настроенного к данной культуре, не реагирует?» [Kettunen, 1945, с. 381]. И это его высказывание относилось именно к заговорам, которыми была пропитана вся жизнь вепсов, а в различных ситуациях верили прежде всего в помощь магических слов. Отметим также, что даже обычные представители народа, не имевшие

CC BY

каких-либо магических способностей, могли воспользоваться заговорами, если так можно выразиться, «в домашних условиях» (это были заговоры, связанные с животными, детьми и их болезнями, промысловые заговоры и т. д.). Но, тем не менее, сама магия произнесения заговоров была прерогативой сведущих лиц, знающих людей, знатоков, колдунов, магическая сила слов которых, как полагали, была значительно более мощной.

Заговоры являются одним из древних способов воздействия на определенную ситуацию для достижения результата, в силу чего их за подобную прагматику ставят на особое место среди прочих жанров фольклора. Заговоры были свойственны всему прибалтийско-финскому миру. В известном карело-финском эпосе «Калевала» персонажи при помощи заговоров, магии составляющих их слов спасались в войнах, ходили на охоту и рыбную ловлю, осваивали железо, шли доить коров, выпускать скот на выпас и т. д. (см. напр. [Лённрот, 2007, с. 88—96, 382—392 и т. д.].

Вепсская заговорная традиция до сих пор остается малоизученной. Тексты заговоров рассматривались исследователями при изучении мифолого-религиозного мировосприятия народа, а образы животных, упоминаемых в заговорах, анализировались для выявления традиционных представлений о них [Винокурова, 2006, с. 352; 2008, с. 196—205].

Согласно исследованиям, у вепсов выделяются такие типы заговорных текстов, как лечебные (от грыжи, кровотечения, радикулита, боли в ухе, от нарывов, сглаза, порчи и т. д.); любовные (присушки, отсушки); заговоры, связанные с уходом за домашними животными (чтобы у коровы было молоко, для лечения коровы, для защиты на летний период); промысловые заговоры (для удачной охоты, рыбалки). Отдельно выделяются заговоры-обращения, используемые во взаимоотношениях с духами-хозяевами (просьба дать разрешение пойти в лес, вселиться в новый дом, благодарить за мытье в бане и т. д.).

Цель данной статьи представить вепсскоязычные наименования понятия «заговор» и действия «заговаривать», раскрыть этимологию и глубинную сторону их семантики в вепсском языке на прибалтийско-финском фоне, проиллюстрировать широту распространения лексем на лингвистической карте, сопоставить, по мере возможности, с русским языком, который служил источником для многих терминов в области как материальной, так и духовной культуры вепсов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История собирания вепсских заговоров, которые находятся в данной статье в поле особого внимания авторов, начинается с записей финского фольклориста и языковеда, создателя эпоса «Калевала» Э. Лённрота. Находясь в экспедиции на территории проживания вепсов, он собирал материал

CC BY

для своей будущей диссертации, фиксируя в числе прочего и заговорные тексты. Они вошли в книгу французского исследователя 1875 года Х. Уйфалви [Ujfalvy, 1875].

Материалом для данного исследования послужило и значительное количество иных источников, среди которых образцы вепсской речи финских лингвистов первой половины XX века (например: [NVM, 1935; NÄKM, 1951; NEV, 1920—1925; ÄVN, 1982 и т. д.]), где можно найти и сведения по интересующей нас теме. Представления об особой архаике языка вепсов побуждали финских языковедов активно использовать его в сравнительно-исторических исследованиях, даже считать его своеобразным «прибалтийско-финским санскритом», сохранившим древнее праязыковое наследие [Grünthal, 2015, с. 22]. В связи с этим финские лингвисты и этнографы стали выезжать на территории вепсов значительно раньше отечественных исследователей. Именно ими были сформулированы основные черты диалектов вепсского языка [ЛАВЯ, 2019, с. 6].

Первые поездки в места расселения вепсов отечественные лингвисты стали регулярно совершать в начале 1950-х годов. Тем не менее фонотека Фонограммархива ИЯЛИ КарнЦ РАН насчитывает сейчас более 450 часов магнитофонных записей и является на сегодня одной из самых богатых коллекций вепсской речи. Для данного исследования просмотрены фронтально все книги описей материалов Фонограммархива и проведены расшифровки необходимых материалов. Особо ценную помощь при сборе материала для исследования оказал раритетный словарь диалектов вепсского языка М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен [СВЯ, 1972], содержащий значительный объем лексики из всех ареалов языка вепсов. Их перу принадлежат и образцы вепсской речи, где имеется также как этнографический, так и фольклорный материал [Зайцева и др., 1969].

Основными методами исследования являются семантический и этимологический, что позволяет раскрыть более глубоко семантику и мотивы происхождения анализируемых лексем, сравнить и выявить их особенности на прибалтийско-финском фоне, сопоставить, по возможности, некоторые явления с данными соседствующих языков, а также, привлекая лингвогеографический метод, сделать заключение о частоте и характере функционирования лексем в диалектах вепсского языка.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вепсскоязычные обозначения понятия ‘заговор’ (*puheg, puitoomine, sana, vajeh*)

Прежде всего обратимся к самим вепсскоязычным обозначениям понятия «заговор». В этом ряду отметим лексему *puheg* ‘заговор’, характер-

CC BY

ную для северно- и средневепсского диалектов. В отдельных пунктах фиксируется также и ее усеченный вариант *puhe* [NÄKM, 1951, с. 37, 317]. В русском языке понятие «заговор» обозначается существительным, образованным от приставочного глагола *заговорить* (← *говорить*). И, таким образом, слово связано с речью, говорением, произнесенным словом.

В вепсском языке слово *puheg* берет истоки также от глагольной лексемы *puhuda* ‘дуть, выдувать; заговаривать’, о которой более подробно речь пойдет ниже. В образовании лексемы участвует в настоящее время исключительно редкий, практически не участвующий в образовании новых слов, суффикс *-eg*, производящий слова именно от глаголов. И, таким образом, вепсское слово *puheg* ‘заговор’ (или букв. ‘выдувание; дуновение’) соотносится с речью опосредованно, как с неким специфичным физиологическим процессом — выдуванием слов изо рта. В фольклорных текстах даже появилось словосочетание *puhuda puhegid* ‘говорить заговоры’ (букв. ‘выдувать, дуть дуновения’) [СВЯ, 1972, с. 438]. Многие вепсские заговорные тексты обладают именно подобным зачином: *Sur’ Sündei sötai, abuta puhegid puhuda* ‘Великий бог кормилец, помоги заговоры говорить (букв. выдувать дуновения)’ [Фон. ИЯЛИ КарНЦ РАН, № 1304, II/3].

Из научной литературы известно, что в одном из говоров старого русского села на берегу р. Лузы в Республике Коми также зафиксировано словосочетание *дуть слова* в значении «воздействовать на кого-либо (посредством слова) с целью причинения вреда, чаще — для оказания помощи» [Ильина, 2014, с. 31]. Данный словесный образ исключительно близок вепсскому. Не является ли он калькой из прибалтийско-финских языков, пришедшей, возможно, через коми язык, который является финно-угорским? Отметим в связи с этим, что глагол *puhuda*, давший начало лексеме *puheg* ‘заговор’, — прибалтийско-финский, отсутствующий в коми языке. Его возможные рефлексы в более дальнородственных языках ханты и манси, являются, по мнению этимологов, ненадежными. Кроме того, глагол считают дескриптивным, что способствовало еще более значительному разбросу в фонетическом облике слова и его семантике [Häkkinen, 2007, с. 964]. Тем не менее данное явление не может остаться без внимания лингвистов так же, как, например, вепсское *sep* ‘кузнец; *искусный мастер*’, а также и ‘дрожжи’, с одной стороны, и, с другой стороны, русское диалектное (вологодское) *мастер* ‘закваска’, отмеченное в «Словаре говоров Русского Севера» (‘… пиво прокипятят и пускают в ход, *мастер* в основном туда кладут …’ [2018, с. 246]. И в данном случае одна и та же метафора стала мотивом для номинации в языках разных языковых систем: кузнец, рабочий человек, *мастер* и дрожжи — закваска и *мастер*. Является ли это семантической калькой? Вполне воз-

CC BY

можно, что это одно из универсальных явлений, которые на одних или близких территориях расселения народов, родственных и неродственных, особенно значительны и вероятны. Таким образом, и русское *дуть слова* в одном из говоров Республики Коми может быть определенной универсалией, поскольку физиологический процесс произнесения слов также универсален и тесно связан с выдыханием и дуновением. Было бы интересно знать, насколько широко данное выражение *дуть слова* распространено в русских говорах, поскольку для прибалтийско-финских языков оно, особенно ранее, было характерно практически повсеместно. Кроме того, привлечем внимание и к тому факту, что в вепсском языке не только существует глагол *puhuda* ‘произносить (выдувать)’, но и возникла лексема, обозначающая результат этого воздействия *puheg* ’заговор (выдувание)’, что делает картину вовлечения данного образа в магию заговоров еще более яркой, глубокой и завершенной.

Отметим далее, что при конкретизации направленности воздействия лексема *puheg* может входить в сложное слово, в котором первый его компонент иллюстрирует, на что направлен заговор: *purend/puheg* ‘заговор от грыжи’ (букв. грыжа + заговор), *kuiduz/puheg* ‘любовный заговор-присушка (букв. присушка + заговор)’ и т. д.

Семантика *заговора* ощущается также в отглагольном южновепсском (Бокситогорский район Ленинградской области) существительном *puitoomine* (< *puitoda*). Слово, возможно, является вепсизмом, отсутствующим в известных этимологических словарях близкородственных вепсскому языков. Лексема упоминается в дневниковых записях лингвиста Л. Кеттунена, о котором речь шла выше. Материалы Л. Кеттунена, собранные им в первой половине XX века, размещены его учениками в электронном ресурсе [VVS]. Очевидно, и Л. Кеттунену не удалось в свое время определиться с точной семантикой данного слова; оно лишь упоминается в его списках, но нет определенности в формулировке значения.

У лексемы *puitoomine* достаточно сложна семантическая связь с определяемым явлением. Понятно, что существительное *puitoomine* является отглагольным существительным с суффиксом *-mine*, произведенным от глагола *puiteida* (в говорах: *puitooda, piiteida, piiteitta*) ‘произносить заговоры, заговаривать’, о котором речь пойдет ниже. Отметим, что названный глагол исключительно редкий и иным говорам вепсского языка практически не знаком.

Помимо специальных наименований понятия «заговор» *puheg* и *puitoomine*, тексты заговоров вепсы именуют лексемами, обладающими значением ‘слово’. Тем не менее анализ наименований понятия «слово» подсказывает, что и в этом случае подразумеваются «определенные сло-

CC BY

ва», «особенные слова». Причем как этимологи, так и фольклористы утверждают, что вера во влияние силы слова на деяния — это важная сторона прибалтийско-финской народной культуры [SSA, 2000, с. 153—154; Häkkinen, 2007, с. 1121]. В вепсском эпосе «Virantanaz», созданном с привлечением фольклорных материалов и мифологических сюжетов, также подчеркивается сила слова:

Mijal virktas: vahv om sana, Ничего нет крепче слова,
Sanal kükstas kibun ani, Слово боль изгонит снова,
Sana hädab mokan, tuskan, Слово гонит страхи, муки,
Tarіž vaiše sihe uskta… Сокращает час разлуки…
(Перевод В. Агапитова [Zaiceva, 2016, с. 137]).

В диалектах вепсского языка имеется две лексемы с обозначением понятия «слово»: *sana* и *vajeh*. Слово *sana* известно всем прибалтийско-финским языкам, и оно довольно многозначно в прибалтийско-финском мире, обладая семантикой от наименования самого понятия «слово» до вести и известия, речевого акта, обещания, просьбы и *заговора* [SSA, 2000, с. 153—154; Häkkinen, 2007, стр. 1118]. А в ливвиковском наречии карельского языка, близком вепсскому, и сейчас *sana* — это ‘слово; обещание; весть известие; *заклинание*’ [Макаров, 1990, с. 326]. Этимологические словари свидетельствуют, что уже в праприбалтийско-финский период в семантике слова *sana* присутствовала магическая составляющая.

В языке вепсов Приоятья (средневепсский диалект) у лексемы *sana* также обнаруживается расширенная семантика, например: *Ostaižin, ka üks' sana — ele dengoid* ‘Купил бы, да есть одна причина (один момент, один факт) — нет денег’; *Miš sana?* ‘В чем дело (причина)?’ [ЛАВЯ, 2019, с. 411]. Вполне возможно, что лексема *sana* с ее дополнительными значениями ‘причина; неопределенный момент; некое основание; некое дело’ ранее семантически была более тесно связана с магией заговоров.

Вепсским говорам в качестве наименования понятия «слово» известна еще лексема *vajeh*, которая несколько выбивается из общего родственного прибалтийско-финского фона. В родственных языках ее значение ‘фаза; промежуток; этап, период; расстояние между предметами’ и т. д. (см. *vaihe* [SSA, 2000, с. 390]). В вепсском же языке, единственном среди родственных языков, *vajeh* — это ‘слово’. Причем данная лексема *vajeh*, как свидетельствует лингвистическая карта (рис. 1), распространена достаточно широко, противопоставляя южновепсские (Бокситогорский район Ленинградской области) и восточные говоры (Бабаевский и Вытегорский районы Вологодской области) средневепсского диалекта северновепсским (Республика Карелия) и западновепсским приоятским (Подпорожский, Тихвинский, Лодейнопольский районы Ленинградской области), где употреби-

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

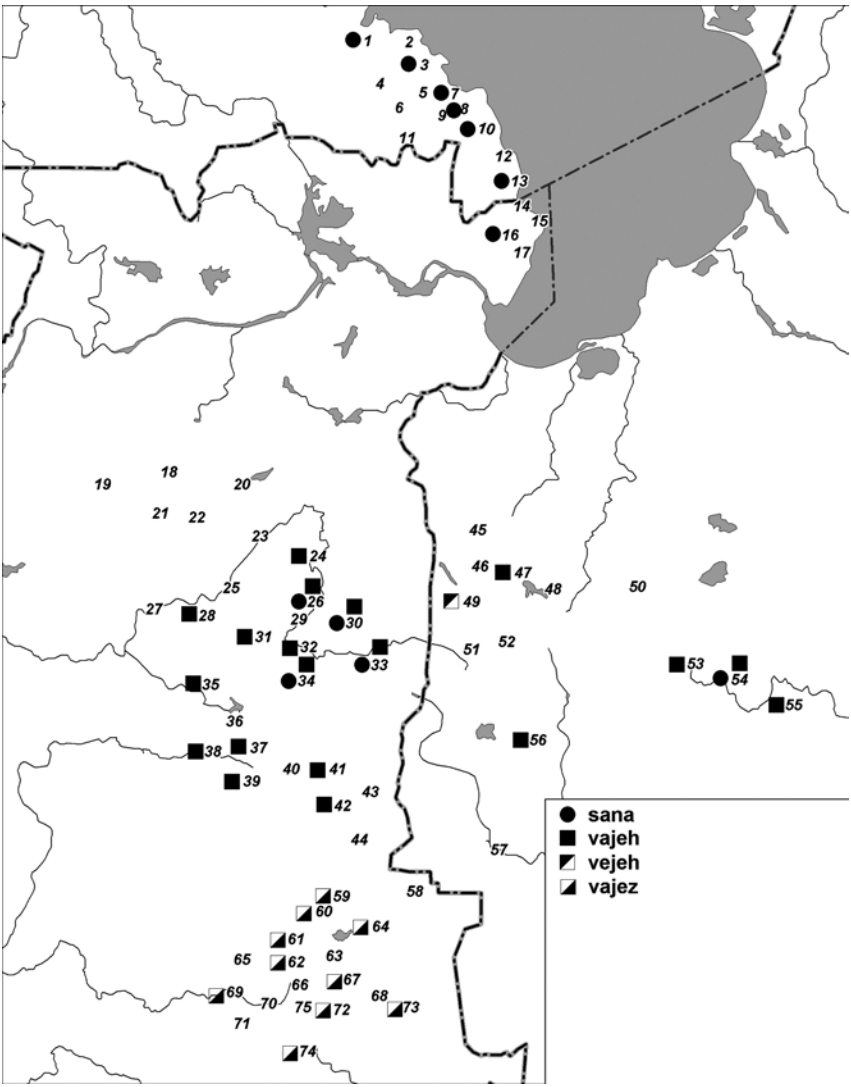

Рис. 1. Наименования понятия «слово» в диалектах вепсского языка: карта[1]

1 Список вепсских пунктов, соотносимых с номерами на картах, см. в конце статьи.

CC BY

тельна лексема *sana*. Этому имеется свое объяснение: именно южные и восточные вепсы долгое время входили в состав Новгородской губернии, в то время как северные и западные приоятские вепсы входили всегда в состав Олонецкой губернии [ЛАВЯ, 2019, с. 539], что, естественно, провоцировало более активное общение вепсского населения внутри административных единиц.

Можно предположить, что именно в связи с многозначностью лексемы *sana* следует искать в вепсских диалектах корни появления новой, семантически более точной лексемы *vajeh* для наименования понятия «слово». Возможно, данный момент мог спровоцировать появление в языке вепсов нейтральной лексемы для обозначения понятия «слово» — *vajeh* (с диалектными вариантами *vejeh, vajez*). Причем ее позднее появление не позволило ей войти в круг лексики, связанной с магией заговоров, куда входит более древняя лексема *sana*.

3.2. Магическое действие и его наименование (*puhuda, puiteida, otvedaida*)

Наиболее распространенным глаголом, обозначающим магическое действие с использованием заговора, является *puhuda.* Он характерен для северных и средних вепсов. Как утверждают этимологи, данный глагол относится к группе ономатопоэтических слов и имеется во всех близкородственных языках [Häkkinen, 2007, с. 964]. Его наиболее древнее значение — ‘выдувать что-то изо рта: прежде всего, слюну или семена при посадке (напр., репы)’. Постепенно значение стало расширяться, включив в себя и такие значения, как ‘выдувать слова изо рта; выдувать заговоры, заклинания’. В родственном вепсскому финском языке глагол *puhua* приобрел семантику ‘говорить’, а затем возникло большое количество производных как глаголов, так и существительных, вплоть до слова *puhelin* ‘телефон’ (см. *puhua* ‘говорить’ [SSA, 1995, с. 416]). В вепсском же языке глагол сохранил свое первоначальное значение ‘сеять, выдувая семена изо рта’: *vanhat suspei nagrhen puhuiba* ‘старики сеяли репу, выдувая семена изо рта’, а также значение ‘дуть’: *tullii puhub* ‘ветер дует’. Глагол широко используется и с магической семантикой ‘заговаривать’ [СВЯ, 1972, с. 437—438]: *puhutas, konz prizoriše ristit* ‘заговаривают, когда человека сглазили’ [NÄKM, 1951, с. 51].

По нашим наблюдениям, глагол *puhuda* не просто обозначает произношение текста заговора, но и весь комплекс магического ритуала, куда входят и слова, и действие. В д. Корбеничи (Тихвинский район Ленинградской области) так описывали процесс лечения: *Koume kerdad puhud, koume kerdad luged i kaikučel kerdal koume kerdad sülge. Necil vedel valad i spravitoi.*

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

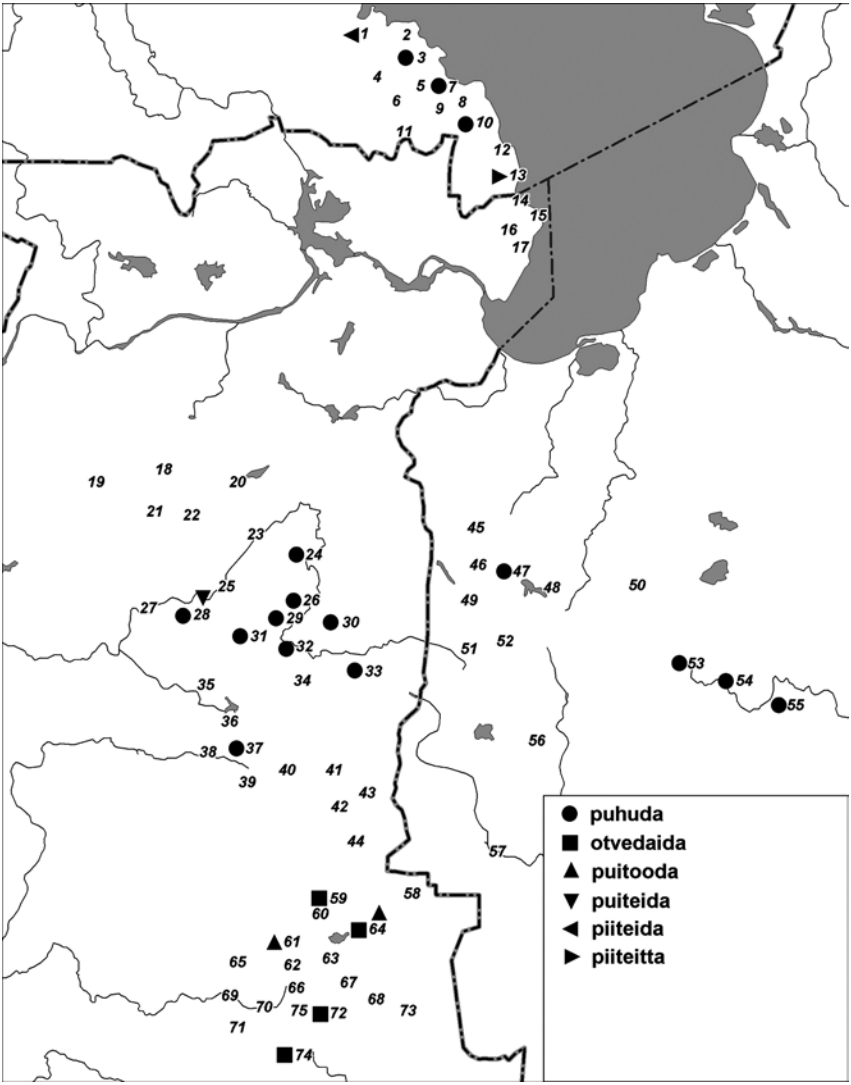

Рис. 2. Наименования понятия «заговаривать» в диалектах вепсского языка. Карта

‘Три раза заговариваешь *(букв. «выдуваешь слова»)* — три раза прочитываешь (заговор), и каждый раз три раза плюешь. Этой водой обольешь и излечишься’ [NVM, 1935, с. 143].

CC BY

Исследователи усматривают общность семантики данного глагола не только с актом “выдувания” воздуха, сопровождаемого декламацией “конкретных слов”, но и с некими способностями человека посредством совершаемого акта вызвать изменения как в людях, так и в окружающей среде [Siragusa et al., 2021, с. 463].

Значением ‘говорить заговоры, заговаривать’ обладает также глагол *puiteida (puitooda, piiteida, piiteitta)*, к примеру: *puitooda purendas* ‘заговаривать грыжу’ [СВЯ, 1972, с. 438], который в настоящее время менее распространен в диалектах вепсского языка, тем не менее его рефлексы имеются почти во всех говорах, что свидетельствует о более широком распространении глагола ранее (рис. 2). В данном случае мы попытаемся предположить связь глагола *puiteida* с другим вепсским глаголом *puitta* ‘идти верхом, прыгая по деревьям (о белке)’ и включить его в одно этимологическое гнездо с финской лексемой *puittaa* ‘бежать быстро, удирать’, которую связывают, с одной стороны, с лексемой *puu* ‘дерево’, с другой стороны, с параллельными формами глаголов типа *puikkia* ‘удирать’, *pujahtaa* ‘пробираться незаметно, проскальзывать’ и т. д. [SSA, 1992, с. 417]. Несмотря на то, что в этимологической статье финского языка вепсских сведений нет, нам представляется интересным упоминание в ней о том, что глагол *puittaa* из диалектов финского языка был заимствован в саамский язык, где он, помимо конкретного значения ‘прыгать (о белке)’, приобрел значение ‘спасаться, *произнося что-то,* в какой-то ситуации’. При использовании заговоров как раз и стремились силой и магией слова, спецификой его произношения спасать, помогать, излечивать. На наш взгляд, здесь напрашивается прямое сопоставление с вепсским *puiteida.* Вполне возможно, что на семантику вепсского глагола повлиял в этом отношении уже именно саамский язык, поскольку между вепсским и саамским языками существовали в свое время довольно тесные и длительные контакты.

В тексте обрядовых причитаний глагол *puiteida* приобретает, кроме того, и несколько иную семантику. Так, на похоронах мать плачет над сыном: *Uže-ske minä puitein pagištoitta i lodeižoitta ičiin’ libedad lindušt-se...* ‘Погоди-ка, я попробую разговорить и разбеседовать свою милую пташечку’ [KKK, 2012, с. 172—173]. В данном контексте напрашивается выявление у глагола *puiteida* также значения ‘(по)пробовать’. Учитывая, что причитание является сакральным языком для общения с человеком, находящимся в переходном состоянии, именно семантика заговаривания, произношения «особенных слов» может в подобных текстах являться исходной.

Помимо того, южные вепсы активно используют глагол *otvedaida*. Например: *otvedaida madoo söndas* ‘заговаривать от укуса змеи’ [СВЯ, 1972,

CC BY

с. 387]. Слово пришло в южновепсский диалект со сходной семантикой из смежных русских народных говоров (ср. петрозаводские, олонецкие говоры: *отведать, отведывать* ‘расколдовать’ [СРНГ, вып. 24, с. 132]).

4. Заключение = Conclusions

Хотя наименования анализируемых понятий, связанных с воздействием на что-либо или кого-либо и результатами воздействия, определяемыми магией слова, сейчас не настолько широко распространены в среде вепсов, их присутствие на вепсской территории исключительно важно с точки зрения истории развития духовной культуры народа. Слова, направленные на исцеление и защиту, на взаимодействие с духами, выделяются в общем потоке лексики как наделенные особой магией, особой силой (*sana, vajeh, puheg, puittoomine*). Сам же процесс использования *магических слов* именуется глаголами, хранящими в своих истоках значения выдувания из себя особенных слов (*puhuda*), а также произнесения подобных слов в определенный важный момент *(puiteida)*. Возможно, подобное понимание произнесения заговоров, именуемое *дуть слова*, было известно отчасти и в северорусской среде либо появилось в ней под влиянием прибалтийско-финских языков, что нуждается в дальнейших изысканиях.

Отметим, что магические слова и заговоры были особенно востребованы в среде вепсов, которых называли иногда «детьми природы». В первый период развития вепсской литературы (1990-е годы) начинающие писать на вепсском языке поэты и писатели часто обращались именно к заговорной традиции. Так, А. И. Андреева, дочь известной северновепсской сказительницы А. Е. Логачевой из с. Шелтозеро (Республика Карелия), даже свои некоторые стихи писала в форме заговоров, напр.:

Veri sinä, verut,	Кровь ты, кровь сырая,
Rusttan lepän vedut,	Красная, рудая,
Palab da sol’hiine,	Солёна, горяча,
Oled männu sonihe...	В венах жизни алчешь…
Ala voda maha,	Не беги землёю
Ala paina päha!..	Черною змеёю…

(перевод В. Агапитова) [Zaiceva, 2016, с. 109].

Это свидетельствует на начальной стадии о тесной связи фольклора и литературы, а также об особом отношении и вере народа в силу и магию слова, в его воздействие на окружающий мир.

CC BY

СОКРАЩЕНИЯ

Номера вепсских пунктов на лингвистических картах и их названия на вепсском и русском языках

Северновепсский диалект:

1. Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Išan’ (Ишанино) ~
3. Vehkoja (Вехручей) ~
4. Hapšom (Габшема) ~
5. Krik (Крюкова Сельга) ~
6. Vanhimsel’g (Вангимова Сельга) ~
7. Šoutarv (Шелтозеро) ~
8. Mecantaga (Залесье) ~
9. Mägi (Горнее Шелтозеро) ~
10. Kaleig (Рыбрека) ~
11. Matvejansel’g (Матвеева Сельга) ~
12. Toižeg (Другая Река) ~
13. Kaskezoja (Каскесручей) ~
14. Kukagd’ (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
15. Pervakat (Урицкая) ~
16. Himd’ogi (Гимрека) ~
17. Kal’l’ (Щелейки) ~

Средневепсский диалект (западные говоры):

18. Kekar’ (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Pečal (Печеницы) ~
20. Čikl (Чикозеро) ~
21. Karhil (Каргиничи) ~
22. Nirgl (Ниргиничи) ~
23. Kuzra (Кузра) ~
24. Nem — Nemž (Немжа) ~
25. Norj (Норгина) ~
26. Järved (Озера) ~
27. Koskenpä (Надпорожье) ~
28. Vil’häl (Ярославичи) ~
29. Sarjärv (Сарозеро) ~
30. Rihaluine (Подовинники) ~
31. Pecoil (Пелдуши) ~
32. Šondjal (Шондовичи) ~
33. Ladv (Ладва) ~
34. Mäggär’ (Мягозеро) ~
35. Enar’v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.

36. Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
37. Korbal (Корбеничи) ~
38. Jogens (Усть-Капша) ~
39. Haragl (Харагеничи) ~
40. Nürgl (Нюрговичи) ~
41. Rebagj (Ребов Конец), Бокситогорский р-н, Лениградская обл.
42. Noidal (Нойдала) ~
43. Čidoi (Чидово) ~
44. Korval (Корвала) ~

Средневепсскиий диалект (восточные говоры):

45. Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
46. Šatjärv (Шатозеро) ~
47. Šimgär’ (Шимозеро-Сюрьга), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
48. Püutkask (Пелкаска) ~
49. Väräsjärv (Кривозеро) ~
50. Särgjärv (Сяргозеро) ~
51. Nažamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
52. Vahtkär’ (Вахтозеро) ~
53. Pondal (Пондала) ~
54. Kuja (Куя) ~
55. Voilaht (Войлахта) ~
56. Päžar’ (Пяжозеро) ~
57. Kerčak (Керчаково) ~

Южновепсский диалект:

58. Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
59. Laht (Лахта) ~
60. Šidjärv (Прокушево) ~
61. Čaigl (Чайгино) ~
62. Sar’ (Остров) ~
63. Peloo (Пелуши) ~
64. Sodjärv (Сидорово) ~
65. Žarad (Жары) ~
66. Bušak (Бошаково) ~
67. Kortlaht (Кортлахта) ~
68. Sirj (Перелесок) ~
69. Maslagj (Маслозеро) ~
70. Tutuk (Сташково) ~
71. Tedroo (Тедрово) ~
72. Maigär’(Боброзеро) ~
73. Vaagedjärv (Белое озеро) ~

74. Arskaht' (Радогощь) ~
75. Požarišš (Пожарище) ~

Источники

1. *Зайцева М. И.* Образцы вепсской речи / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1969. — 296 с.

2. ЛАВЯ — *Лингвистический* атлас вепсского языка / под ред. Н. Г. Зайцевой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 573 с. — ISBN 978-5-4469-1395-4.

3. *Леннрот Э.* Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Э. Леннрот. — Петрозаводск : Карелия-Юминкеко, 2007. — 584 с.

4. *Макаров Г. Н.* Словарь карельского языка / Г. Н. Макаров. — Петрозаводск : Карелия, 1990. — 495 с. — ISBN 5-7545-0380-6.

5. СВЯ — *Зайцева М. И.* Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. — Ленинград : Наука, 1972. — 745 с.

6. *Словарь* говоров Русского Севера / сост. Е. Л. Березович и др. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — Т. 7. — 400 с. — ISBN 978-5-7996-2253-4.

7. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2016. — Т. 1—49. — ISBN 5-02-027894-7.

8. Фон. ИЯЛИ КарНЦ РАН — *Фонограммархив* Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

9. ÄVN — *Äänisvepsän* näytteitä / Keränneet ja julkaisseet A. Sovijärvi ja R. Peltola. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1982. — 171 p.

10. *Häkkinen K.* Nykysuomen etymologinen sanakirja / K. Häkkinen. — Juva : WSOY, 2007. — 1633 p. — ISBN 978-951-27108-7.

11. KKK — *Käte-šке* käbedaks kägoihudeks [Обернись-ка милой кукушечкой]. Вепсские причитания / Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2012. — 223 с. — ISBN 978-5-9274-0504-6.

12. NEV — *Kettunen L.* Näytteitä etelävepsästä. In 2 volums / L. Kettunen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1920—1925.

13. NVM — *Näytteitä* vepsän murteista / L. Kettunen, P. Siro. — Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. — 273 с.

14. NÄKM — *Näytteittä* Äänis- ja Keskivepsän murteista / E. N. Setälä, J. H. Kala. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1951. — 662 с.

15. SSA — *Suomen* sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. In 3 volums. — Jyväskylä : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992—2000.

16. VVS — *Vepsän* verkkosanasto. [Electronic resource]. — Access mode : http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/ (accessed 23.04.2021).

17. *Zaiceva N.* Virantanaz (вепсский эпос) / N. Zaiceva. — Petroskoi : Periodika, 2016. — 216 с. — ISBN 978-5-88170-282-3.

Литература

1. *Винокурова И. Ю.* Вепсские заговоры от змей как источник для реконструкции мифологических представлений / И. Ю. Винокурова // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. — Петрозаводск : Издательство КарНЦ РАН, 2008. — С. 196—205. — ISBN 978-5-9274-0308-0.

2. *Винокурова И. Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов / И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2006. — 448 с.

3. *Зайцева Н. Г.* Дрожжи и закваски — мастера, кузнецы? (именования понятий в вепсском этноязыковом пространстве) / Н. Г. Зайцева // Вестник угроведения. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 642—652. — DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-642-651.

4. *Ильина Ю. Н.* Дуть слова : этнолингвистическая характеристика обрядового термина / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. — 2014. — № 4 (28) : Филология. — С. 30—41.

5. *Grünthal R.* Vepsän kielioppi / R. Grünthal. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 2015. — 347 p.

6. *Kettunen L.* Tieteen matkamiehenä / L. Kettunen. — Porvoo-Helsinki : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1945. — 416 p.

7. *Kettunen L.* Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus / L. Kettunen. — Helsinki : Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, 1943. — № 86. — 526 p.

8. *Siragusa L.* Blowing specific words : verbal charms as material suspended events / L. Siragusa, O. Yu. Zhukova // Multilingua. — 2021. — № 40 (4). — Pp. 463—485. — DOI: 10.1515/multi-2020-0049.

9. *Turunen A.* Vepsäläistä kansanrunoutta / A. Turunen // Virittäjä. — 1943. — Pp. 147—166.

10. *Ujfalvy Ch.* Essai de grammaire vêpse ou tchoude du nord / Ch. Ujfalvy. — Paris : E. Leroux, 1875. — 129 p.

Material resources

Äänisvepsän näytteitä. (1982). Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura. 171 p. (In Fin.).

Dictionary of dialects of the Russian North, 7. (2018). Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 400 p. ISBN 978-5-7996-2253-4. (In Russ.).

Dictionary of Russian Folk Dialects, 1—49. (1965—2016). Leningrad; Saint Petersburg: Nauka. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).

Häkkinen, K. (2007). *Nykysuomen etymologinen sanakirja.* Juva: WSOY. 1633 p. ISBN 978-951-27108-7. (In Fin.).

Kettunen, L. (1920—1925). *Näytteitä etelävepsästä: In 2 volums.* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Fin.).

Kettunen, L., Siro, P. (1935). *Näytteitä vepsän murteista.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 273 p. (In Fin.).

Lönnrot, E. (2007). *Kalevala. An epic poem based on ancient Karelian and Finnish folk songs.* Petrozavodsk: Karelia-Yuminkeko. 584 p. (In Russ.).

Makarov, G. N. (1990). *Dictionary of the Karelian language.* Petrozavodsk: Karelia. 495 p. ISBN 5-7545-0380-6. (In Russ.).

Phonogram Archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Setälä, E. N., Kala, J. H. (1951). *Näytteittä Äänis- ja Keskivepsän murteista.* Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 662 p. (In Fin.).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. In 3 volums. (1992—2000). Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Fin.).

Vepsän verkkosanasto. Available at: http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/ (accessed 23.04.2021). (In Fin.).

Zaitseva, M., Mullonen, M. I. (1969). *Samples of Veps speech.* Leningrad: Nauka. 296 p. (In Russ.).

Zaitseva, M. I., Mullonen, M. I. (1972). *Dictionary of the Vepsian language.* Leningrad. Nauka. 745 p. (In Russ.).
Zaiceva, N. (2016). *Virantanaz (The Vepsian epic).* Petroskoi: Periodika. 216 p. ISBN 978-5-88170-282-3. (In Fin.).
Zaitseva, N. G., Zhukova, O. Y. (2012). *Käte-ške käbedaks kägoihudeks [Turn around with a cute cuckoo]. Vepsian Lamentations.* Petrozavodsk: KarSC RAS. 223 p. ISBN 978-5-9274-0504-6. (In Fin.).
Zaitseva, N. G. (ed.). (2019). *Linguistic atlas of the Veps language.* St. Petersburg: Nestor-History. 573 p. ISBN 978-5-4469-1395-4. (In Russ.).

References

Grünthal, R. (2015). *Vepsän kielioppi.* Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 347 p. (In Fin.).
Ilyina, Yu. N. (2014). *Dut' Slova:* Ritual Term Ethnolinguistic Description. *Nauchnyi dialog, 4 (28): Philology.* 30—41. (In Russ.).
Kettunen, L. (1943). *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, 86.* Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 526 p. (In Fin.).
Kettunen, L. (1945). *Tieteen matkamiehenä.* Porvoo-Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö. 416 p. (In Fin.).
Siragusa, L., Zhukova, O. Yu. (2021). Blowing specific words: verbal charms as material suspended events. *Multilingua, 40 (4):* 463—485. DOI: 10.1515/multi-2020-0049.
Turunen, A. (1943). Vepsäläistä kansanrunoutta. *Virittäjä.* 147—166. (In Fin.).
Ujfalvy, Ch. (1875). *Essai de grammaire vêpse ou tchoude du nord.* Paris: E. Leroux. 129 p. (In Franc.).
Vinokurova, I. Yu. (2008). Vepsian plots from snakes as a source for the reconstruction of mythological representations. In: *Historical and cultural heritage of the Veps and the role of the museum in the life of the local community.* Petrozavodsk: KarSC RAS Publishing House. 196—205. ISBN 978-5-9274-0308-0. (In Russ.).
Vinokurova, I. Yu. (2006). *Animals in the traditional worldview of Veps.* Petrozavodsk: PetrSU Publishing House. 448 p. (In Russ.).
Zaitseva, N. G. (2020). Yeast and starter cultures — masters, blacksmiths? (naming concepts in the Veps ethno-linguistic space). *Bulletin of ugrovedenie, 10 (4):* 642—652. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-642-651. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.11.2021,
одобрена после рецензирования 18.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иоанесян Е. Р. Переход от жеста и жестовой номинации к фразеологизму / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 46—62. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-46-62.

Ioanesyan, E. R. (2022). Transition from Gesture and Gesture Nomination to Phraseology. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 46-62. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-46-62. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-46-62

Переход от жеста и жестовой номинации к фразеологизму

Иоанесян Евгения Рафаэлевна
orcid.org/0000-0002-4950-6315
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
ioanevg@mail.ru

Институт языкознания Российской академии наук
(Москва, Россия)

Transition from Gesture and Gesture Nomination to Phraseology

Evgeniya R. Ioanesyan
orcid.org/0000-0002-4950-6315
Doctor of Philology
Leading Researcher
ioanevg@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Иоанесян Е. Р., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале нескольких языков рассматриваются семантические переходы от жестовых номинаций к жестовым фразеологизмам, а также развитие переносных значений жестовых единиц. Предметом исследования являются эмблемы — коммуникативные жесты, содержащие информацию, которую человек намеренно передает адресату, и симптоматические жесты — жесты, выражающие эмоциональное состояние жестикулирующего. Исследование показало, что переход от жестовой номинации к жестовому фразеологизму часто сопровождается изменением актантной структуры исходной единицы. Одним из признаков осуществления перехода от жеста к жестовому фразеологизму является генерализация ситуации — генерализация одного из актантов ситуации, что выражается присутствием в предложении кванторных единиц, образующих с именами существительными универсальные именные группы. Идиоматизация жестовых единиц в разных языках имеет как сходства, так и различия: различия в значении фразеологизмов, построенных на базе жестовых единиц одинаковой семантики, или различия в деривационном потенциале однотипных жестовых единиц в разных языках. Актуальность исследования обусловлена тем, что жесты играют огромную роль в устной коммуникации, и тем, что оно проведено в русле таких направлений, как построение объяснительных моделей языка и семантическая типология.

Ключевые слова:
жесты; жестовые фразеологизмы; семантическая деривация; семантическая типология; объяснительные модели языка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the material of several languages, semantic transitions from gestural nominations to gestural phraseological units, as well as the development of figurative meanings of gestural units are considered. The subject of the study is emblems — communicative gestures containing information that a person intentionally conveys to the addressee, and symptomatic gestures — gestures that express the emotional state of the gesticulator. The study showed that the transition from gestural nomination to gestural phraseology is often accompanied by a change in the actant structure of the original unit. One of the signs of the transition from gesture to gesture phraseology is the generalization of the situation — the generalization of one of the actants of the situation, which is expressed by the presence in the sentence of quantifier units that form universal noun phrases with nouns. Idiomatization of gestural units in different languages has both similarities and differences: differences in the meaning of phraseological units built on the basis of gestural units of the same semantics, or differences in the derivational potential of similar gestural units in different languages. The relevance of the study is due to the fact that gestures play a huge role in oral communication, and the fact that it was carried out in line with such areas as the construction of explanatory models of language and semantic typology.

Key words:
gestures; gesture phraseological units; semantic derivation; semantic typology; explanatory models of language.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’221.2+81’373.612

Переход от жеста и жестовой номинации к фразеологизму

© Иоанесян Е. Р., 2022

1. Введение = Introduction

Целью данной статьи является представление моделей семантической деривации от жестов и жестовых номинаций к жестовым фразеологизмам. Изучение жестов и жестовых номинаций является одной из самых интересных и актуальных задач современной лингвистики. Это определяется тем, что жесты играют большую роль в устной коммуникации: «Невербальная коммуникация является одной из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации и занимает значительное место в жизни человека и общества [Крейдлин, 2002, с. 6]. Невербальная семиотика, проблемы межкультурного соответствия жестов, оппозиции внутри жестовых языков, сходства и различия между жестовыми языками и естественными языками являются предметом исследований ученых разных стран, см., например, работы [Козеренко, 2011; Козеренко, 2017; Крейдлин, 2002; Куличенко и др., 2017; Harrison et al., 2018; Inbar et al, 2019; Lopez-Ozieblo, 2020; Vranjes et al., 2021].

Новизна нашего исследования связана с тем, что в нем на материале нескольких языков представлено описание процессов, происходящих при переходах от жестовых номинаций к жестовым фразеологизмам или к переносным значениям жестовых единиц; проведен сопоставительный анализ актантной структуры и заполнения валентностей жестовых номинаций и жестовых фразеологизмов. Проведенное нами исследование позволило установить, что процесс идиоматизации жестовых единиц в разных языках имеет как сходства, так и различия: различия в значении фразеологизмов, построенных на базе жестовых единиц одинаковой семантики, или различия в деривационном потенциале однотипных жестовых единиц в разных языках.

Изучение семантических переходов от жестовых номинаций к жестовым фразеологизмам имеет большое значение для построения объяснительных моделей языка и семантической типологии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования были использованы данные электронных языковых ресурсов, одноязычных, двуязычных и толковых словарей (см. список источников). Методологической базой нашей рабо-

CC BY

ты послужили исследования наших ведущих отечественных специалистов по невербальной семиотике в первую очередь — А. Д. Козеренко и Г. Е. Крейдлина [Аркадьев и др., 2011; Козеренко, 2011; Козеренко, 2017; Крейдлин, 2002]. В работе мы опирались на классификацию Г. Е. Крейдлина [Крейдлин, 2002, с. 79], выделяющего три класса семиотических жестов [Там же, с. 99][1].

В трудах наших коллег приводятся толкования жестовых единиц и жестовых фразеологизмов конкретной языковой общности, конкретного языка, мы в своей работе сделали упор на типологический аспект проблемы, исследуя различия в значениях жестовых фразеологизмов разных языков, построенных на базе жестовых единиц одинаковой семантики, а также на сопоставительный анализ жестовых единиц и жестовых фразеологизмов, в частности, на анализ их актантной структуры и заполнения валентностей[2].

3. Результаты и обсуждение= Results and Discussion

3.1. Семиотическая классификация жестов

В работе [Крейдлин, 2002, с. 79] выделяется три класса семиотических жестов: (1) эмблемы, единицы, «способные передавать смысл независимо от вербального контекста», (2) единицы, «выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации», (в) единицы, «управляющие ходом коммуникативного процесса». Объектом нашего рассмотрения являются эмблематические жесты — коммуникативные и симптоматические. Коммуникативные жесты, в отличие от симптоматических, выражающих эмоциональное состояние человека, содержат информацию, которую жестикулирующй намеренно, сознательно передает адресату [Там же, с. 99]3.

3.2. Актантная структура и семантические валентности

Мы усматриваем необходимость в толкованиях жестов отмечать их семантические актанты и валентности. Так, например, у английской номинации мимического жеста *to curl one's lip/one's mouth*, помимо субъекта, выделяются следующие семантические актанты:

1 См. об отличии симптоматических жестов от неконтролируемых физиологических реакций на причину, вызвавшую эмоцию, или на эту эмоцию в [Крейдлин, 2002, с. 114—115].

2 «Актант (семантический) лексемы L — слово, группа слов или предложение, обозначающие обязательного участника ситуации, именем которой является L» [Апресян 2009, с. 488]. Валентность — способность предикатной лексемы синтаксически подчинять себе слово, группу слов или *предложение*, которые соответствуют ее семантическому актанту [Там же, с. 491].

3 См. об отличии симптоматических жестов от неконтролируемых физиологических реакций на причину, вызвавшую эмоцию, или на эту эмоцию в [Крейдлин, 2002, с. 114—115].

CC BY

ЭМОЦИЯ, КОТОРОЙ ОБУСЛОВЛЕН ДАННЫЙ ЖЕСТ. Эта валентность выражается дополнением с предлогами *in* или *with* или наречием, например: *He curled his lip in disdain* [RHD]; *Jim's aunt curled up her lip with a disapproval* [РК, с. 118]; *Doug's lips curl in contempt towards his brother-in-law* [MWD]; *Maria saw his lip curl sardonically* [OD].

Необходимо заметить, что существуют жесты, за которыми закреплена одна эмоция, например, за русским жестом **делать страшные глаза 1**[1] закреплена эмоция страха [Крейдлин, 2002, с. 311—312].

Следует также отметить, что в действительности одной эмоции может соответствовать несколько жестов: «Не существует какого-то одного выражения удивления — их много: удивление вопрошающее, немое, слабое, изумление, удивление умеренное или крайнее» [Экман и др., 2021, с. 10]. С другой стороны, «различные эмоции могут объединяться и проявляться как одно выражение, сочетающее, например, печаль и гнев, страх и гнев, удивление и страх» [Там же]. Таково, к примеру, смешанное выражение печали и отвращения: «печали (брови — лоб и глаза) и отвращения (рот и нижние веки)» [Там же, с. 194].

ПРИЧИНЫ ЭМОЦИИ, КОТОРОЙ ПРОДИКТОВАН ЖЕСТ. Указанная валентность выражается предлогом *at* + существительное или глагольной конструкцией, например, *She curled her lip* ***in disgust at the suggestion*** [MD]: именная группа *in disgust* заполняет вторую валентность выражения *to curl one's lip* — валентность эмоции, лежащей в основе жеста; именная группа *at the suggestion* заполняет его третью валентность — валентность причины, вызвавшей эту эмоцию. Приведем еще один пример реализации на поверхностном уровне третьей валентности: *Knot and Vine curled their lips* ***at Tool's answer*** *and growled guttural contempt*. — Ship Breaker [VC]. Третья валентность может заполняться не только именем эмоции, которой продиктован жест, но и именем человека, который вызвал указанную эмоцию у субъекта жеста и к которому обращен жест, а именно — конструкцией вида *towards* / *at S*, например: *Doug's lips curl in contempt* ***towards his brother-in-law*** [MWD], *"So," Brinker* ***curled his lip at me****, "your little plot didn't work so well after all."* — A Separate Peace» [VC].

3.3. Жесты vs жестовые фразеологизмы

Переход от жеста к жестовому фразеологизму означает «символическое превращение жеста как физического движения тела в культурный и языковой элемент» [Крейдлин, 2002, с. 306]. Жесты описывают актуаль-

1 В статье в номинациях русских жестов используется жирный шрифт, жестовые фразеологизмы выделяются курсивом, как это делается в работах Г. Е. Крейдлина и его коллег, на которые мы опирались.

CC BY

ную ситуацию коммуникации, физическое движение; фразеологизмы обозначают ситуации, за которыми не обязательно стоят какие-то конкретные действия, жестовый фразеологизм не обязательно сопровождается жестом. Один из путей перехода от жеста к фразеологизму или к переносному значению, мотивированному жестом, — генерализация ситуации, «генерализация субъекта и объекта» [Козеренко, 2011, с. 327], в частности, возможность заполнения валентностей кванторными единицами, образующими с именами существительными универсальные именные группы. Именная группа является универсальной, если она построена на базе общего имени с открытым экстенсионалом [Падучева, 1985, с. 95—96]. Например, русский жест **отвернуться** (от кого-то) маркирует нежелание жестикулирующего иметь дело с адресатом: «X отвернулся 1 от У-а = Испытывая отрицательное чувство по отношению к адресату У-у, жестикулирующий X показывает, что не хочет с ним иметь дела» [Крейдлин, 2002, с. 330]. При заполнении субъектной валентности квантором глагол приобретает значение ‘перестать поддерживать отношения с человеком’: (а) *Друг — человек, который верен другому при всех обстоятельствах жизни, который готов всё делать для того, чтобы его не разочаровать, его не обмануть, остаться при нём, если даже* ***все другие от него отвернутся*** (митрополит Антоний (Блум). О христианстве, 1995) [НКРЯ]. (б) *Да, Сольнес во многом сам создал такую ситуацию, когда* ***все близкие отвернулись от него*** (Анастасия Гулина. Слух к чужой боли // «Богатей» (Саратов), 2003.09.11) [Там же][1].

Переход от жеста к жестовому фразеологизму часто сопровождается изменением актантной структуры. Например:

Английский жест *beat one's breast / chest*. Однословная характеристика английского жеста в одном из своих значений, как и русского жеста **бить себя в грудь**, — убеждение (см. о русском жесте [Крейдлин, 2002, с. 301]). Английский фразеологизм, построенный на базе указанного жеста, в отличие от жестовой номинации, имеет также валентность содержания — того, в чем субъект пытается убедить адресата, выражающуюся придаточным дополнительным предложением: *During election season, all the candidates* ***beat their breasts about how much they love our communities*** *— and then they get into office and slash community initiatives* [FD] / *В период выборов все кандидаты* ***бьют себя в грудь, что очень сильно любят наши города*** *— а потом избираются на должности и зарубают внутригородские инициативы*.

1 В приведенных примерах местоимение все выражает универсальный статус, хотя первичным для него, как отмечено в работе Е. В. Падучевой, является референтное употребление [Падучева, 1985, с. 96].

CC BY

Другой пример изменения актантной структуры при переходе от жеста к жестовому фразеологизму или переносному значению представлен трансформацией валентности адресата жеста, заполняющейся именами людей, в валентность объекта (косвенный синтаксический объект), заполняющуюся единицами, обозначающими ситуации, свойства и т. п., например:

(а) Русский коммуникативный жест **показать нос** («жест-дразнилка», невербальная реплика-стимул, в терминах Г. Е. Крейдлина): «*показать нос кому* (разг.) — дразнить кого-нибудь, приставив к своему носу руку с развернутыми пальцами» [УШ, 1938, с. 595]. — *Лягушки, лягушата! Набралось с обеих сторон до сорока мальчишек. Но начинать — не начинали, было боязно. Кидались снегом, показывали носы. С той стороны кричали: «Лягушки, лягушата!», с этой: «Кузнецы косоглазые!» То и другое было обидно* (А. Н. Толстой. Детство Никиты, 1919—1922) [НКРЯ]. Во французском языке этому жесту соответствует выражение *faire un pied de nez*: «*Faire un pied de nez à qqn*, un geste de dérision qui consiste à étendre la main, doigts écartés, en appuyant le pouce sur son nez» [PR, p. 1150**]** / *Faire un pied de nez à qqn* — жест, выражающий насмешку, состоящий в прикладывании большого пальца руки к носу, при этом остальные пальцы растопырены. *Я видел, видел, как ты обнимал ее! Астров. Да-с, обнимал-с, а тебе вот. (**Делает нос**.)* (А. П. Чехов. Дядя Ваня, 1896). J'ai vu comme tu l'as prise dans tes bras ASTROV. Oui'ss! Je l'ai prise'ss, embrassée'ss… et prends si ça pour toi! Il lui ***fait un pied de nez*** [НКРЯ]. Выражение *faire un pied de nez / pied de nez* выступает также как жестовая фразема, обозначающая насмешку, издевательское отношение ***к чему-то***: *Pied de nez*. — Moquerie [TR] / *Pied de nez*. Насмешка. «*Faire un pied de nez* разг. <…> посмеяться над...: *Claire: —... Vous m'aimez telle que je suis, fantaisiste, moderne, toujours prête à **faire un pied de nez aux préjudices***... (P. Gavault, Le Bonheur sous la main). Клер: — Любите меня такой, какая я есть: фантазеркой, увлекающейся всем новым, всегда готовой ***посмеяться над предрассудками***» [ФРФС, с. 828].

(б) Русский жест **плевать**, английский *spit*, французский *cracher* и аналогичные жесты в других языках обозначают презрение к **адресату жеста**[1], и соответствующая валентность заполняется именами людей. В переносном употреблении вторая валентность этих глаголов соответствует **объекту эмоции / эмоционального отношения** и заполняется именами, обозначающими ситуации, организации, нормативные акты и т. п. Например: *Плевать на замечания старших* [ОЖ, с. 538]; *It's a well known fact that all teenagers are constantly committing crimes and spitting in the face*

1 Этот жест может обозначать в других культурах и другую эмоцию или эмоциональное отношение (см. [Крейдлин, 2002, с. 133]).

CC BY

of the law [OD]; *Je crache sur ta loi* (CAMUS, État de siège, 1948, p. 255) [TR] / Я плюю на твой закон.

(в) Английский жест *to curl one's lip* (см. выше). От этого жеста образована жестовая фразема, выступающая как единица со встроенной эмоцией презрения: «to show contempt, as by raising a corner of the lip» [CED]. Важным элементом в приведенном толковании являются слова «as by raising a corner of the lip», см. наличие в толкованиях русских жестовых фразеологизмов компонентов «как будто», «как если бы», например: «*X делает большие глаз*а <*по поводу P*>» = человек X очень удивлен тому, что P, не понимает, что происходит, или очень испуган P; от этого выражение лица у X-а такое, будто X делает большие глаза» [Крейдлин, 2002, с. 311]. В отличие от жеста, жестовый фразеологизм не имеет валентности причины — эмоции, лежащей в основе жеста, поскольку в значение фраземы «встроена» эмоция презрения. Приведем пример указанного английского фразеологизма из художественной литературы: *I <…> resolved that if my world could not be yours, I would make yours mine; that no pride of birth should* ***curl the lip at you****, for I would turn from it* (Charles Dickens. Oliver Twist, 1838). *Я решил, что, если мой мир не может быть вашим, я сделаю ваш мир своим; я решил, что ни один из тех, кто чванится своим происхождением,* ***не будет презрительно смотреть на вас****, ибо я отвернусь от них* [НКРЯ][1].

3.4. Семантические переходы «жест → жестовый фразеологизм»: общее и лингвоспецифичное

Процессы идиоматизации, происходящие при переходе от жестовых номинаций к жестовым фразеологизмам, в разных языках имеют как сходства, так и различия.

Во многих языках фразеологизмы, построенные на базе жестовых единиц, имеющих семантически близкие интерпретации, имеют также и одинаковую (или очень близкую) семантику, приведем лишь один пример: рус. *пощечина*, франц. *gifle*, *soufflet*, *mornifle*, исп. *bofetada*, ит. *schiaffo* в переносном употреблении обозначают нанесение оскорбления (см. толкования этих фразем в [Иоанесян и др., 2020]). Аналогичное значение выделяется и у польских *policzek* и *spoliczkować*: (а) *Когда людно, труднее обсуждать. Но раз пришел — садись. Такую пощечину Корчагин получал впервые* (Н. А. Островский. Как закалялась сталь, 1930—1934). Gdy jest dużo osób, trudniej obradować. Skoro jednak już przyszedłeś-siadaj. Taki policzek otrzymał Korczagin po raz pierwszy [НКРЯ]. (б) *W kleryku tym nas*

1 В этом примере использован именно фразеологизм, здесь нет привязки к актуальной ситуации общения, речь не идет о физическом движении, о жесте как таковом, имеет место также генерализация ситуации. См. выше о различии жестов и жестовых фразеологизмов.

CC BY

spoliczkował bez bożnik (Józef Ignacy Kraszewski. Boleszczyce, 1877). В лице клирика безбожник дал пощечину всему духовенству[1] [Там же].

Расхождения в моделях семантической деривации жестовых номинаций в разных языках бывают двух типов: I. Различия в значении фразеологизмов, построенных на базе жестовых единиц одинаковой семантики. II. Различия в деривационном потенциале однотипных жестов в разных языках.

I. РАЗЛИЧИЯ В ЗНАЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПОСТРОЕННЫХ НА БАЗЕ ЖЕСТОВЫХ ЕДИНИЦ ОДИНАКОВОЙ СЕМАНТИКИ.

В языке L_1 имел место переход от жеста X к жестовому фразеологизму со значением ‘a’, в языке L_2 — к жестовому фразеологизму со значением ‘b’. Иными словами, фразеологизмы, соотносящиеся со сходными по форме жестами, в разных языках могут иметь разные значения. Например:

Русский симптоматический жест **руки опускаются** и аналогичный французский жест *les bras m’en tombent*. Соответствующая русская фразема обозначает ситуацию бессилия, отсутствия желания что-либо делать: «Совсем нет желания делать что-либо» [ФРС]. Французская фразема обозначает сильное удивление: «*Les bras m’en tombent*: Je suis stupéfait» [RC, 108] / *Les bras m’en tombent*: я поражен. «*Robineau. — Que vos ennemis déclarés soient les critiques, les bras m’en tombent!* (J. Giraudoux, L’Impromptu de Paris.) — Робино. — Неужели критиков вы считаете самыми заклятыми врагами? Я поражен!» [ФРФС, 169].

Русский жест **дать пинка** и испанский жест *dar, pegar un puntapié a uno*[2] — пнуть кого; что ногой; дать пинка кому. Русский фразеологизм *дать пинка кому-то* выступает в значении ‘заставить кого-то начать (или ускорить) действия, например: (а) *Вчера я получил от издательства хорошего пинка — намек на то, что пора дописывать книгу* (Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008) [НКРЯ]. (б) *Но есть люди, которым для того, чтобы заниматься, нужно дать пинка* (Твоя подпись в статусе (ICQ переписка), 2007.11.24) [Там же]. Выражение *получать пинок* означает ‘получать выговор’, и само русское слово *пинок* в метафорическом употреблении имеет значение ‘выговор, головомойка’, например: (а) *Я промолчал. Знал, что оправдываться не надо. Нужно безмолвно принять пинок. После, один, смиряя обиду, я по привычке искал оправдание этой не слишком пристойной сцене* (Леонид Зорин. Восходитель, 2005—2006) [Там же]. (б) *Я понять не могу, как мы выносили всё вместе: труд, бытовую неустроенность, вечную спешку, маршаковскую*

1 Дословно «дал пощечину всем нам».
2 Puntapié — «пинок (носком ноги) dar, pegar un puntapié a uno; a algo — пнуть кого; что ногой; дать пинка кому» [ИРСС].

CC BY

придирчивость, тычки и пинки московских хозяев? (Л. К. Чуковская. Прочерк, 1980—1994) [Там же]. Испанская фразема *darle un puntapié* имеет также еще и другое значение — ‘дать толчок чему-л.; каузировать какой-то процесс’, например: «*Para hacer frente a este desafío, la OMPI puede dar el puntapié inicial a un debate internacional sobre enfoques autorreguladores*» [LDE] / Чтобы ответить на этот вызов, ВОИС может дать толчок началу обсуждения на международном уровне методов авторегламентации; *dar el puntapié inicial a un debate* — букв. «дать начальный пинок обсуждению». Аналогичное значение отмечается и у существительного *puntapié* в переносном употреблении, например: *Tal vez la convicción de algunos de los torturadores del régimen militar pueda ser el puntapié para un cambio verdadero*. — gv2019 [DGL] / *Возможно, уголовное осуждение некоторых палачей военного режима сможет дать толчок началу процесса реальных изменений*.

Фразеологизмы *бить себя в грудь* и *beat one's breast / chest*, как уже отмечалось выше, означают ‘убеждать кого-л. в чем-л.’. Аналогичная итальянская фразема обозначает чувство раскаяния: «*battersi il petto, con il pugno*, in segno di penitenza ~fig. pentirsi» [SCD] / бить себя в грудь, рукой, кулаком, в знак раскаяния; перен. раскаиваться.

II. РАЗЛИЧИЯ В ДЕРИВАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ОДНОТИПНЫХ ЖЕСТОВ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ: наличие жестовых фразеологизмов, семантически связанных с некоторым жестом, в одном языке — и отсутствие дериватов от однотипного жеста в другом языке. Иными словами, в языке L_1 имел место переход от жеста X к жестовому фразеологизму, в языке L_2 нет фразеологизма, построенного на базе аналогичного жеста. Например:

Русский симптоматический жест **кусать губы** является манифестацией разных эмоциональных состояний — нервного напряжения, досады, сожаления и т. д.; на поверхностно-синтаксическом уровне это выражается наречиями, конструкциями *с* / *от* + S, например: (а) *Адъютант Донской смотрел на него, кусая губы с досады, чувствуя в душе странное уязвление* (Г. Н. Владимов. Генерал и его армия ,1994) [НКРЯ]. (б) *Тот сначала нерешительно пошел, потом побежал, догнал старшего мастера и, нервно кусая губы, тихо сказал…* (Григорий Горин. Случай на фабрике № 6, 1960—1985). Аналогичному французскому жесту соответствует номинация *se mordre les lèvres*: «*se mordre les lèvres de colère, de dépit, de rage*» [TR] / кусать губы от гнева, досады, ярости. В отличие от русского языка во французском языке имел место процесс идиоматизации, в результате которого за этим жестом закрепилась эмоция сожаления, досады: *Se mordre les lèvres de quelque chose*, S'en repentir. *Je n'ai pas eu plutôt lâché cette parole*

que je m'en suis mordu les lèvres [AD 1935] / *Se mordre les lèvres de quelque chose*, Пожалеть о чем-то, раскаяться. Я еще даже не успел договорить, как уже пожалел об этом.

Во французском языке есть также еще и другой, аналогичный по семантике жест — *se mordre les doigts* / *se mordre les pouces*, 'кусать себе пальцы', от которого тоже произошла фразема со значением 'раскаяние, сожаление'. «*Se mordre les doigts de qch*. S'en repentir amèrement» [RC, p. 288] / *Se mordre les doigts de qch*. Горько раскаиваться в чем-то. «*La plaie de mon coeur c'était le balais «pures soies». Je me mordais les doigts de m'en être muni. Sept cent cinquante francs d'immobilisés* (P. Cautrat, Paris porte à porte). Настоящей бедой для меня была щетка «из чистого шелка». Я локти готов был кусать с досады, что меня снабдили ею. Ведь заморожено было тем самым целых 750 франков» [ФРФС, с. 359].

Русский жест с адаптором **хлопать в ладоши** и аналогичный французский жест *battre des / les mains*. Во французском языке, в отличие от русского, существует фразема, построенная на базе указанного жеста, выступающая в двух значениях: 1. Радоваться чему-либо, восторгаться чем-либо: «Être enthousiaste (pour quelque chose). *Il a une idée à laquelle je bats des mains* (HUGO, Corresp., 1864, p. 477)» [TR] / Испытывать восторг перед чем-то. Его идея вызывает у меня восторг, букв. «хлопаю этой идее руками». 2. Одобрять что-либо, соглашаться с чем-либо: «Горячо соглашаться. *Il lui confia ses doléances sur les Allemands: elle battit des mains et fit chorus avec lui* (R. Rolland, La Révolte.) — Он стал жаловаться ей на немцев; она ему поддакивала, во всем соглашаясь с ним» [ФРФС, с. 634].

Особенный интерес, на наш взгляд, представляют фразеологизмы, в основе которых лежит зооморфная метафора. Единицы этого типа представлены в разных языках, например: (а) рус. *показывать зубы*, *когти* (кому-нибудь): «Вести себя жёстко и агрессивно <…>. Фразеол. в целом выступает в роли стереотипа агрессивного ответа на угрозу» [Гудков, 2010, с. 550—551]; (б) франц. *montrer les* (*grosses*) *dents*: «показывать зубы, показывать когти; угрожать, огрызаться» [ФРФС, с. 332], «***Montrer les dents à qqn*** ⇒ menacer» [PR, p. 442] / Показать зубы кому-нибудь → угрожать.

Существуют и лингвоспецифичные единицы этого класса, например:

(а) Французская фразема *montrer les dents*, как и рус. *показывать зубы*, обозначает агрессивное поведение субъекта или готовность к отражению агрессии, защите. Но во французском языке есть и другой связанный с этим жестом фразеологизм со значением агрессии или защиты — *montrer les cornes*: «*Montrer les cornes*. Se montrer prèt à l'attaque où à la défense» [RD, p. 122] / *Montrer les cornes*. Демонстрировать готовность к нападению или к защите. В основе этой фраземы лежит другая метафора — в функции

CC BY

орудия и символа агрессивного намерения выступают рога: «L'agressivité est liée ici à la puissance virile, comme dans toute la mythologie du taureau» [RC, p. 218] / Агрессивность в данном случае связана с мощью, которая закреплена за быком в мифологии. Приведем один пример употребления этой фраземы: *M. De Fréjus commença, tout petit garçon qu'il était encore, à montrer ses cornes au carddinal de Noailles* (Saint-Simon) [RD, p. 122] / М. де Фреус, будучи еще совсем ребенком, уже начал показывать зубы кардиналу де Ноаю.

(б) Французские выражения *baisser l'oreille* — 'придти в уныние' (букв. 'повесить ухо') и *avoir l'oreille basse* — 'находиться в состоянии уныния'. В основе этих фразеологизмов лежит симптоматический «собачий жест»: «Cette locution, qui s'applique, au sens propre, aux chiens chez lesquels on remarque ce mouvement particulier lorsqu'ils redoutent un châtiment ou qu'ils ont subi une mésaventure, s'applique aussi figurément aux hommes pour marquer la confusion ou le découragement» [RD, p. 39] / Это выражение, которое в исходном употреблении применяется по отношению к собакам, у которых опущенные уши являются признаком того, что они испытывают страх в ожидании наказания, или того, что с ними приключилась неприятная ситуация, в переносном употреблении используется по отношению к людям, испытывающим смущение, отчаяние, уныние. Приведем один пример из художественной литературы: «*Nous allions donc suivant la grande route de Wutrzen <...> le dos arrondi sous le sac et l'oreille basse* (Erckmann-Chatrian, «Histoire d'un Conscrit de 1813»). Так мы и плелись по Вюрценской дороге <…> сгорбившись под тяжестью ранцев, приунывшие, как вы сами понимаете» [ФРФС, с. 770].

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование находится в русле работ по невербальной коммуникации, невербальной семиотике, одной из самых интересных областей современной лингвистики.

На материале нескольких языков были рассмотрены процессы, происходящие при семантических переходах от жестовой номинации к жестовому фразеологизму или к соответствующему переносному значению этого выражения. Объектом изучения являлись коммуникативные жесты — жесты, содержащие информацию, которую человек намеренно, сознательно передает адресату, и симптоматические жесты — жесты, выражающие эмоциональное состояние жестикулирующего. Анализ материала показал, что процесс идиоматизации жестовых единиц в разных языках имеет как сходства, так и различия: 1. Различия в значении фразеологизмов, построенных на базе жестовых единиц одинаковой семантики: в языке L_1 имел место переход от

CC BY

жеста X к жестовому фразеологизму со значением ‘a’, в языке L_2 — к жестовому фразеологизму со значением ‘b’. 2. Различия в деривационном потенциале однотипных жестов в разных языках — наличие жестовых фразеологизмов, семантически связанных с некоторым жестом в одном языке, и отсутствие дериватов от однотипного жеста в другом.

Одним из следствий семантического перехода от жестовой номинации к жестовому фразеологизму является генерализация ситуации — генерализация одного из актантов ситуации. На поверхностном уровне это выражается, в частности, присутствием в предложении кванторных единиц, образующих с именами существительными универсальные именные группы, то есть именные группы, построенные на базе общего имени с открытым экстенсионалом. Было установлено, что при переходе от жестовой номинации к жестовому фразеологизму часто изменяется актантная структура исходной единицы.

Источники и принятые сокращения

1. ИРСС — *Садиков А. В.* Испанско-русский словарь современного употребления / Diccionario Español-Ruso de Uso Moderno [Электронный ресурс] / А. В. Садиков, Б. П. Нарумов. — Москва : Русский язык, 2000. — Режим доступа : https://modern_usage_es_ru.academic.ru (дата обращения 19.01.2022).

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www. ruscorpora.ru (дата обращения 19.01.2022).

3. ОЖ — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. Российская Академия Наук. Институт русского языка ; Российский фонд культуры / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : АЗЪ, 1993. — 960 с. — ISBN 5-85632-002-6.

4. РК — *Кортней Р.* Словарь глагольных идиом / Р. Кортней. — Москва : Русский язык, 1986. — 734 с.

5. УШ — *Толковый* словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Государственный институт «Советская энциклопедия» ; ОГИЗ ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935—1940. — Т. II (Л — Ояловеть). — 1039 с.

6. ФРС — *Фразеологический* словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. — Москва : Lingua, Астрель, АСТ. А. И. Фёдоров. 2008. — ISBN 978-5-17-049014-1. — Режим доступа : https://phraseology. academic.ru (дата обращения 19.01.2022).

7. ФРФС — *Французско-русский* фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. — 1112 с.

8. AD 1935 — *Dictionnaire* de l’Académie française. La 8e édition (1932—1935) [Electronic resource]. — Access mode : https://daf_1935.fr-academic.com/ (accessed 19.01.2022).

9. CED — *Collins* English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers [Electronic resource]. — Access mode : http://www.collinsdictionary.com / (accessed 19.01.2022).

10. DGL — *Dictionnaire* Glosbe [Electronic resource]. — Access mode : https://fr.glosbe.com/es/fr/ (accessed 19.01.2022).

11. FD — *The Free* Dictionary by Farlex [Electronic resource]. — Access mode : http://www.thefreedictionary.org /(accessed 19.01.2022).

12. LDE — *Linguee*. Dictionnaire espagnol-français: [Electronic resource]. — Access mode : https://www.linguee.fr/francais-espagnol/ (accessed 19.01.2022).

13. MD — *Macmillan* Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : http://www.macmillandictionary.com/ (accessed 16.01.2022).

14. MWD — *Merriam-Westber's* Online Dictionary, 11th Edition [Electronic resource]. — Access mode : https://www.merriam-webster.com/dictionary/ (accessed 19.01.2022).

15. OD — *Oxford* Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 [Electronic resource]. — Access mode : //https://en.oxforddictionaries.com/ (accessed 19.01.2022).

16. PR — *Le Petit* Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. — Paris : Dictionnaire LE ROBERT, 1970. — 1967 p.

17. RC — *Rey A.* Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. — Paris : Dictionnaires LE ROBERT, 2003. — 888 p.

18. RD — *Rat M.* Dictionnaire des Expressions et Locutions traditionnelles / M. Rat. — Paris : Éditions Larousse, 2007. — 448 p.

19. RHD — *Random* House Unabridged Dictionary [Electronic resource]. Copyright © 1997, by Random House, Inc. — Access mode : http://dictionary.infoplease.com/ (accessed 19.01.2022).

20. SCD — *Il Sabatini* Coletti. Dizionario della Lingua Italiana [Electronic resource]. — Milano, 2007. — Access mode : http://dizionari.corriere.it/ (accessed 19.01.2022).

21. TR — *Le Trésor* de la langue française informatisé [Electronic resource]. — Access mode : http://atilf.atilf.fr/ (accessed 19.01.2022).

22. VC — *Vocabulary.com* Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : https://www.vocabulary.com/dictionary/ (accessed 19.01.2022).

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Парадигматика / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — Т. I. — 568 с. — ISBN 978-5-9551-0304-4.

2. *Аркадьев П. М.* Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) / П. М. Аркадьев, Г. Е. Крейдлин // Слово и язык : сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — С. 41—53. — ISBN 978-5-9551-0478-2.

3. *Григорьева С. А.* Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. — Москва : Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 2001. — 256 с. — (Язык. Семиотика. Культура). — ISBN 5-7859-0149-8.

4. *Гудков Д. Б.* Показывать / показать когти <зубы> кто кому / Д. Б. Гудков // Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. — С. 550—551. — ISBN 5-462-00735-4.

5. *Иоанесян Е. Р.* Естественно-языковые номинации жестов с адапторами / Е. Р. Иоанесян, П. С. Дронов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2020. — Выпуск 6. — Т. 30. — С. 959—967. — DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-959-967.

6. *Козеренко А. Д.* Жестовые идиомы и жесты : типы соответствий / А. Д. Козеренко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». — Москва : Издательство РГГУ, 2011. — Выпуск 10 (17). — С. 325—332.

7. *Козеренко А. Д.* Сильные эмоции : маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом [Электронный ресурс] / А. Д. Козеренко // Международная конференция «Маргиналии-2017 : границы культуры и текста». Торжок (Тверская обл. России). 29 сентября — 1 октября 2017. Тезисы докладов под редакцией А. Г. Кравецкого, М. Ю. Михеева. — Москва, 2017. — Режим доступа : http://uni-persona. srcc.msu.su/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm (дата обращения 19.01.2022).

8. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с. — ISBN 5-86793-194-3.

9. *Куличенко Ю. Н.* Сопоставительная характеристика русских и английских жестовых фразеологических единиц / Ю. Н. Куличенко, Е. М. Королевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 2 (68). — Ч. 1. — С. 109—112.

10. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1985. — 271 с.

11. *Экман П.* Узнай лжеца по выражению лица / П. Экман, У. Фризен. — Санкт-Петербург : Питер, 2021. — 320 с. — ISBN 978-5-4461-1742-0.

12. *Harrison S.* All hands on deck. Negotiation over gesture forms in collaborative discourse / S. Harrison, S. Adolphs, M. G. Dowens, P. Dua, J. Littlemore // Lingua. — 2018. — Vol. 207 (1). — Pp. 1—22. — DOI: 10.1016/j.lingua.2018.02.002. Corpus ID: 232127705.

13. *Inbar A.* Covert negation in Israeli Hebrew : Evidence from co-speech gestures / A. Inbar, L. Shor // Journal of Pragmatics. — April 2019. — Vol. 143. — Pp. 85—95.

14. *Lopez-Ozieblo R.* Proposing a revised functional classification of pragmatic gestures / R. Lopez-Ozieblo // Lingua. — November 2020. — Vol. 247. — DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102870.

15. *Ozieblo R.* Proposing a revised functional classification of pragmatic gestures / R. Ozieblo // Lingua. — November 2020. — Vol. 247. — DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102870. Corpus ID: 225679355.

16. *Vranjes J.* Interpreters as laminated speakers : Gaze and gesture as interpersonal deixis in consecutive dialogue interpreting / J. Vranjes, G. Brone // Journal of Pragmatics. — August 2021. — Volume 181. — Pp. 83—99. — DOI: 10.1016/j.pragma.2021.05.008.

Material resources

Collins English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers. Available at: http://www.collinsdictionary.com (accessed 19.01.2022).

Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932—1935). Available at: https://daf_1935.fr-academic.com/ (accessed 19.01.2022). (In Franc.).

Dictionnaire Glosbe. Available at: https://fr.glosbe.com/es/fr/ (accessed 19.01.2022).

Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. (2007). Milano. Available at: http://dizionari.corriere.it (accessed 19.01.2022).

Kortney, R. (1986). *Dictionary of verbal idioms*. Moscow: Russian Language. 734 p. (In Russ.).

Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. (1970). Paris: Dictionnaire LE ROBERT. 1967 p. (In Franc.).

Le Trésor de la langue française informatisé. Available at: http://atilf.atilf.fr/ (accessed 19.01.2022).

Linguee. Dictionnaire espagnol-français. Available at: https://www.linguee.fr/francais-espagnol/ (accessed 19.01.2022).

Macmillan Dictionary. Available at: http://www.macmillandictionary.com/ (accessed 16.01.2022).

Merriam-Westber's Online Dictionary, 11th Edition. Available at: https://www.merriam-webster.com/dictionary/ (accessed 19.01.2022).

National Corpus of the Russian language. Available at: www. ruscorpora.ru (accessed 19.01.2022). (In Russ.).

Oxford Dictionary of English. (2016). Oxford University Press. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/ (accessed 19.01.2022).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (1993). *Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions. Russian Academy of Sciences.* Institute of the Russian Language; Russian Cultural Foundation. Moscow: AZ. 960 p. ISBN 5-85632-002-6. (In Russ.).

Phraseological dictionary of the Russian literary language. (2008). Moscow: Lingua, Astrel, AST. A. I. Fedorov. ISBN 978-5-17-049014-1. Available at: https://phraseology.academic.ru (accessed 19.01.2022). (In Russ.).

Random House Unabridged Dictionary. Copyright © 1997, by Random House, Inc. Available at: http://dictionary.infoplease.com/ (accessed 19.01.2022).

Rat, M. (2007). *Dictionnaire des Expressions et Locutions traditionnelles.* Paris: Éditions Larousse. 448 p. (In Franc.).

Retsker, Ya. I. (ed.). (1963). *French-Russian phraseological dictionary.* Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1112 p. (In Russ.).

Rey, A., Chantreau, S. (2003). *Dictionnaire des expressions et locutions.* Paris: Dictionnaires LE ROBERT. 888 p. (In Franc.).

Sadikov, A. V., Narumov, B. P. (2000). *Spanish-Russian Dictionary of modern usage / Diccionario Español-Ruso de Uso Moderno.* Moscow: Russian language. Available at: https://modern_usage_es_ru.academic.ru (accessed 19.01.2022). (In Russ.).

The Free Dictionary by Farlex. Available at: http://www.thefreedictionary.org /(accessed 19.01.2022).

Ushakov, D. N. (ed.). (1935—1940). *Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes II (L — Oyalovet).* Moscow: State Institute "Soviet Encyclopedia"; OGIZ; State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1039 p. (In Russ.).

Vocabulary.com Dictionary. Available at: https://www.vocabulary.com/dictionary/ (accessed 19.01.2022).

References

Apresian, Yu. D. (2009). *Studies of semantics and lexicography. Paradigmatics, I.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 568 p. ISBN 978-5-9551-0304-4. (In Russ.).

Arkadiev, P. M., Kreidlin, G. E. (2011). Body parts and their functions (according to the Russian language and the Russian body language). In: *Word and language: a collection of articles for the 80th anniversary of Academician Y. D. Apresyan.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 41—53. ISBN 978-5-9551-0478-2. (In Russ.).

Ekman, P., Friesen, V. (2021). *Recognize a liar by facial expression.* St. Petersburg: Peter. 320 p. ISBN 978-5-4461-1742-0. (In Russ.).

Grigorieva, S. A., Grigorieva, N. V., Kreidlina, G. E. (2001). *Dictionary of the Russian sign language.* Moscow: Vienna: Languages of Russian culture, Vienna Slavic Almanac. 256 p. (language. Semiotic. Culture). ISBN 5-7859-0149-8. (In Russ.).

CC BY

Gudkov, D. B. (2010). *Show / show claws <teeth > to whom. Big phraseological dictionary of the Russian language.* Moscow: AST Book Press. 550—551. ISBN 5-462-00735-4. (In Russ.).

Harrison, S., Adolphs, S., Dowens, M. G., Dua, P., Littlemore, J. (2018). All hands on deck. Negotiation over gesture forms in collaborative discourse. *Lingua, 207 (1):* 1—22. DOI: 10.1016/j.lingua.2018.02.002. Corpus ID: 232127705.

Inbar, A., Shor, L. (2019). Covert negation in Israeli Hebrew: Evidence from co-speech gestures. *Journal of Pragmatics. April, 143:* 85—95.

Ioanessian, E. R., Dronov, P. S. (2020). Nominations for natural gestures using adapters. Bulletin of the Udmurt University. *History and Philology series, 6 (30):* 959—967. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-959-967. (In Russ.).

Kozerenko, A. D. (2011). Idioms and gestures of gestures: types of correspondences. In: *Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference "Dialogue", 10 (17).* Moscow: Publishing house of the Russian Orthodox University. 325—332. (In Russ.).

Kozerenko, A. D. (2017). Strong emotions: marginal behavior in the internal form of idioms as a symptom. In: *International conference "marginals-2017: boundaries of culture and text". Torzhok (Tver region of Russia). September 29 — October 1, 2017.* Moscow. Available at: http://uni-persona. srcc.msu.su/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm (accessed 19.01.2022). (In Russ.).

Kreidlin, G. E. (2002). *Nonverbal semiotics: body language and natural language.* Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-194-3. (In Russ.).

Kulichenko, Yu. N., Royal, E. M. (2017). Comparative characteristics of phraseological units of Russian and English gestures. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 2 (68) / 1:* 109—112. (In Russ.).

Lopez-Ozieblo, R. (2020). Proposing a revised functional classification of pragmatic gestures. *Lingua. November, 247.* DOI: 10.1016 /j.lingua.2020.102870.

Ozieblo, R. (2020). Proposing a revised functional classification of pragmatic gestures. *Lingua. November, 247:* DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102870. Corpus ID: 225679355.

Paducheva, E. V. (1985). *Statement and its correlation with reality (referential aspects of pronoun semantics).* Moscow: Nauka. 271 p. (In Russ.).

Vranjes, J., Brone, G. (2021). Interpreters as laminated speakers: Gaze and gesture as interpersonal deixis in consecutive dialogue interpreting. *Journal of Pragmatics. August, 181:* 83—99. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.05.008.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021,
одобрена после рецензирования 21.01.2022,
подготовлена к публикации 25.03.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Петренко С. А. Эпистемическая каузальность в художественном дискурсе М. Эмиса / С. А. Петренко, А. Ф. Петренко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 63—76. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-63-76.

Petrenko, S. A., Petrenko, A. Ph. (2022). Epistemic Causality in Literary Discourse of M. Amis. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 63-76. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-63-76. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-63-76

Эпистемическая каузальность в художественном дискурсе М. Эмиса

Петренко Светлана Анатольевна
orcid.org/0000-0001-8684-0382
кандидат филологических наук, доцент
кафедра экспериментальной лингвистики
и межкультурной компетенции
speterson@yandex.ru

Петренко Александр Филиппович
orcid.org/0000-0001-9004-9198
кандидат филологических наук, профессор
кафедра словесности и педагогических технологий филологического образования
petrenko@pgu.ru

Пятигорский государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Epistemic Causality in Literary Discourse of M. Amis

Svetlana A. Petrenko
orcid.org/0000-0001-8684-0382
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence
speterson@yandex.ru

Alexander Ph. Petrenko
orcid.org/0000-0001-9004-9198
PhD in Philology, Professor
Department of Literature and Pedagogical Technologies of Philological Education
petrenko@pgu.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

© Петренко С. А., Петренко А. Ф., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются эпистемические каузальные отношения в дискурсе Мартина Эмиса на примере сложных высказываний с коннектором *because*, эксплицирующим несобственно-причинную связь между пропозициями. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения логико-семантической сущности причинности как базовой категории человеческого мышления. Механизм каузальной аргументации рассматривается с точки зрения когнитивного взаимодействия причинно-следственных элементов дискурса. Уделяется внимание эпистемическим аргументативным отношениям, представляющим собой последовательное разворачивание мыслительного процесса с обратной / регрессивной обусловленностью событий, где за мнением-выводом следует аргумент, из которого данный вывод был сформулирован. Описывается широкий диапазон функционально-семантических ролей причинного коннектора в качестве экспликатора эпистемической каузальности. Посредством контекстуального анализа микроситуаций с коннектором *because* выявляется многообразие логических связей между находящимися в обратной зависимости пропозициями, а также в конструкциях, близких к паратактическим. Описывается специфика функциональных возможностей изучаемого союза, что приводит авторов к созданию классификации эпистемических каузальных отношений с причинным союзом *because* в английском языке. Выявляются четыре эпистемические функции коннектора *because*: дискурсивно-рефлексивная, экспрессивно-эпистемическая, имплицитно-эпистемическая и логико-дискурсивная.

Ключевые слова:
эпистемическая модальность; каузальные отношения; причинный союз; художественный дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Epistemic causal relations in the discourse of Martin Amis are studied on the example of complex statements with the connector because, which expresses the non-self-causal relationship between propositions. The relevance of the study is due to the importance of studying the logical and semantic essence of causality as a basic category of human thinking. The mechanism of causal argumentation is considered from the point of view of the cognitive interaction of cause-and-effect elements of discourse. Attention is paid to epistemic argumentative relations, which are a sequential unfolding of the thought process with the reverse / regressive conditionality of events, where the opinion-conclusion is followed by the argument from which this conclusion was formulated. A wide range of functional and semantic roles of the causal connector as an explicator of epistemic causality is described. The contextual analysis of micro-situations with the connector because reveals a variety of logical connections between inversely related propositions, as well as in constructions close to paratactic ones. The specificity of the functional capabilities of the conjunction under study is described, which leads the authors to create a classification of epistemic causal relations with the causal conjunction because in English is described. Four epistemic functions of the connector because are identified: discursive-reflexive, expressive-epistemic, implicit-epistemic, and logical-discursive.

Key words:
epistemic modality; causal relationships; causal union; artistic discourse.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.111Amis.08+821.111’42

Эпистемическая каузальность в художественном дискурсе М. Эмиса

© Петренко С. А., Петренко А. Ф., 2022

1. Введение = Introduction

Каузальные отношения, которые находят отражение в причинных, следственных, уступительных, целевых семантических единствах, уже давно привлекают внимание отечественных и зарубежных лингвистов в различных научных направлениях — когниолингвистическом, функционально-грамматическом, коммуникативно-прагматическом и др. Объективная реальность немыслима без причинных связей, которые принадлежат к числу наиболее существенных и закономерных отношений между предметами и явлениями действительности [Helbig, 1979, с. 371; Лопухина, 2015, с. 67]. По Дж. Лакоффу и М. Джонсону, причинность — «базовая категория человеческого мышления», это концепт, относящийся к числу наиболее часто используемых человеком понятий «для ментальной организации материального мира и культурных реалий» [Lakoff et al., 1980, pp. 104—105].

Особенно значимыми исследованиями когерентных отношений причинной семантики на базе английского языка представляются работы Б. Альтенберга [Altenberg, 1987], Дж. Торна [Thorne, 1986], И. Лоу [Lowe, 1987], С. Вандепитт [Vandepitte, 1988], М. Шлеппегрель [Shleppegrell, 1991], К. Литковского [Litkowski, 1998], Х. Стьюард [Steward, 2006], Х. Мерсиер [Mercier, 2012] и др. В отечественном языкознании эти и смежные проблемы изучаются в исследованиях Р. М. Теремовой [Теремова, 1984, 1989], Л. И. Камыниной [Камынина, 1992], М. В. Всеволодовой и др. [Всеволодова и др., 2008], С. А. Петренко [Петренко, 2000], В. С. Аганесова [Аганесов, 2009; Аганесов, 2019], О. В. Куликовой [Куликова, 2016], И. В. Эделевой и А. Р. Мустафина [Эделева и др., 2019] и мн. др. Тем не менее многогранность логических соотношений, функциональная неоднородность взаимосвязей между пропозициями, отсутствие четкой классификации принципов ментальной организации эпистемических контекстов, сложность выявления логических взаимозависимостей в ходе построения аргументативных суждений и другие аспекты каузальности вновь и вновь привлекают внимание исследователей.

Дихотомия каузальных отношений между причиной и следствием заключается в наличии двух типов когерентной связи между двумя событиями, находящимися в причинно-следственной корреляции. Во-первых, это

CC BY

собственно причинные семантические отношения (*John came back because he loved her — Джон вернулся, потому что любил ее*), во-вторых, это эпистемические аргументативные отношения (*John loved her, because he came back. — Джон любил ее, потому что вернулся*) [Sweetser, 1990; Oversteegen, 2005; Петренко, 2000; Петренко, 2002]. В обоих случаях два события связаны между собой причинно-следственными отношениями, однако, если в первом случае между событиями присутствует прямая зависимость (причинный союз вводит причину), то во втором случае наблюдается обратная / регрессивная зависимость (причинный союз вводит объяснение, суждение, на основе которого было сделано заключение о первом событии).

В данной работе сосредоточим внимание на текстовых фрагментах, в которых причинный союз *because* не обеспечивает прямую зависимость между причиной и следствием, а содержит эпистемические отношения основания и следования (суждения, вывода). Цель исследования заключается в том, чтобы проникнуть в суть семантики эпистемических каузальных высказываний с аргументативной корреляцией между двумя событиями, максимально определить спектр семантических возможностей каузальных отношений, маркированных причинным союзом *because,* но не отражающих собственно причинную связь между пропозициями.

В фокусе исследования — текстовые фрагменты из книг современного британского прозаика и критика Мартина Эмиса. Ироничный стиль писателя, его обращение к современным проблемам общества и наличие достаточно большого количества модально-эпистемических рассуждений каузального характера обеспечивают плодотворный материал для анализа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проясним логические отношения эпистемических аргументативных связей. Механизм каузальной аргументации с точки зрения когнитивного взаимодействия причинно-следственных элементов дискурса представляет собой последовательное разворачивание мыслительного процесса, в котором за мнением-выводом следует положение, служащее аргументом в пользу вывода. Причинный союз при этом является связующим звеном, обеспечивающим взаимодействие ментальных пространств причины и следствия. Исследователи отмечают сложность дискурсивного явления каузальной аргументативности, объясняя ее «повышенной информационной насыщенностью», подразумевающей «большие затраты когнитивных усилий и времени на обработку» [Куликова, 2016, с. 135] и отмечая, что «рассуждение говорящего реализуется с помощью сложных логических мыслительных операций, посредством мыслительной деятельности в виде редуктивного умозаключения» [Дальбергенова и др., 2013].

CC BY

Многофункциональность причинных союзов, в частности союза *because*, проявляется в способности не только объединять части сложного предложения, но и выполнять связующую функцию в более широком контексте. Это позволяет лингвистам усматривать наряду с подчинительными функциями также паратактические функции причинных союзов.

Б. Кроль [Kroll, 1977], Б. Альтенберг [Altenberg, 1987], М. Халлидей [Halliday, 1985], К. Леманн [Lehmann et al., 1988], М. Шлеппегрель [Schleppegrell, 1991], Л. Оверстейген [Oversteegen, 2005] и др. утверждают, что союз *because*, например, часто употребляется в функции, близкой паратактической, и что отношения между частями сложного высказывания в таком случае могут быть равноправными (что недопустимо для гипотактических отношений). Разница между подчинительной и сочинительной организацией предложения может быть неявной, размытой, а части сложного, представленные причинным союзом, могут располагаться независимо друг от друга.

Референтами формально-логических отношений между причиной и следствием в эпистемических рассуждениях могут стать любые — реальные или воображаемые — мыслительные процессы [Безрукова и др., 2012, с. 89], приводящие к неким теоретически выводимым умозаключениям. Редуктивность мыслительной операции заключается в том, что между пропозициями наблюдаются отношения обратной обусловленности событий: с синтаксической точки зрения, в главной части (не содержащей причинного союза) располагается вывод или предположение, сделанное на основе информации из придаточной части, содержащей обоснование главной пропозиции, а информация, представленная в придаточном причины, является, по существу, следствием того, о чем сообщается в главной пропозиции [Петренко, 2000, с. 87, 93].

Выявление многообразия логических связей между находящимися в обратной зависимости пропозициями, равно как и в отношениях, близких к паратактическим, описание специфики их функциональных возможностей способствуют созданию классификации эпистемических каузальных отношений с причинным союзом *because* в английском языке.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Союз *because* как дискурсивно-рефлексивная текстуальная связка в дискурсе М. Эмиса

Когнитивный процесс, лежащий в основе эпистемических каузальных отношений, как было показано ранее, проявляется в ментальной деятельности человека и отражается в речи в виде разнообразия оттенков семан-

CC BY

тической связи между пропозициями, объединенными союзом. Дальнейшее описание микроситуаций, в которых коннектор *because* употребляется в несобственно-причинных контекстах, даст основания для выявления широкого диапазона его функционально-семантических ролей в качестве экспликатора эпистемической каузальности.

Одна из распространенных эпистемических функций союза *because* — давать объяснение предшествующему утверждению на основе умозаключения. Вслед за Э. Трауготт [Traugott, 1988] и М. Шлеппегрель [Schleppegrell, 1991] мы подтверждаем развитие контекстов, в которых *because* выступает как *дискурсивно-рефлексивная текстуальная связка* (*discourse-reflexive textual link*). В дискурсивно-рефлексивных контекстах значение *because* заключено во внутренней (определительной / перцептивной / когнитивной) ситуации [Traugott, 1988, с. 409], как в представленных ниже примерах (1—3):

(1) *Leave me alone. I'm not doing anyone any harm. And I* ***can't have been murdered****, can I, BECAUSE here I am* [AOP, p. 127] // *Оставь меня в покое. Я никому не причиняю вреда. И меня ведь* ***не могли убить****, ПОТОМУ ЧТО я здесь* (здесь и далее перевод наш. — *С. П., А. П.*).

(2) *If there is, it will* ***probably*** *be hell. (If there is, it will* ***probably*** *be murder.) If there is, it will* ***probably*** *be very like life, BECAUSE only in life is there variety* [AOP, p. 128] *// Если ад и есть, то,* ***вероятно****, будет ад (Если убийство и есть, то,* ***вероятно****, будет убийство). Если есть жизнь, то,* ***вероятно****, это очень похоже на жизнь, ПОТОМУ ЧТО только в жизни есть разнообразие.*

(3) ***Evidently*** *Simon was in big trouble at home BECAUSE, having just been given his first bank-account, he was already £10 overdrawn* [AS, p. 90] // ***Очевидно****, у Саймона были большие неприятности дома, ПОТОМУ ЧТО он только что получил свой первый банковский счет, но его долг уже превысил 10 фунтов стерлингов.*

Когнитивно-семантический анализ пропозиций главной и придаточной частей сложноподчиненных предложений в примерах 1—3 выявляет отсутствие прямой причинной зависимости. Причинный союз *because* вводит не причину, как при собственно-причинной организации высказывания, а ту информацию, которая подробно объясняет и аргументирует предыдущее положение, обосновывая справедливость предыдущего утверждения, доказывая его истинность. Отличительным признаком дискурсивно-рефлексивной функции *because* является обязательное наличие эпистемического компонента в главной пропозиции (модальный глагол с перфектным инфинитивом в (1): *I can't have been murdered, can I. — Не может быть, чтобы меня убили, так ведь;* тройное употребление модального наречия *probably*

CC BY

(вероятно) в (2); наречие модально-эвиденциальной семантики *evidently (очевидно)* в (3). Информация, представленная в пропозиции с *because*, поясняет, на каком основании было сделано предшествующее утверждение, как говорящий пришел к такому выводу. Таким образом, в несобственно-причинных каузальных контекстах, коннектор *because* как дискурсивно-рефлексивная связка отвечает за предоставление вывода, аргументирующего рассуждения, обоснования, умозаключения, объяснения предыдущей пропозиции. Эпистемическая составляющая аргументативного отношения между двумя пропозициями заключается в изложении говорящим логического доказательства истинности предшествующего утверждения.

3.2. Экспрессивно-эпистемическая функция коннектора *because* в дискурсе М. Эмиса

Кроме дискурсивно-рефлексивной роли *because* как коннектора двух пропозиций, находящихся в аргументативной зависимости, была выявлена *экспрессивно-эпистемическая функция* рассматриваемого в работе союза. Данная функция зафиксирована в контекстах, где между частями сложного предложения нет ни собственно причинной связи, ни отношения вывода, сделанного говорящим, как в примере (4):

(4) *Outrage! The incident struck Keith as a sign of the times. Everyone was cheating.* ***Everyone was cheating —*** *BECAUSE* ***everyone was cheating*** [ALF, p. 105] *// Ужас! Этот инцидент показался Киту знамением времени. Все жульничали.* ***Все жульничали*** — ПОТОМУ ЧТО ***все жульничали***.

В своих эмоциональных рассуждениях главный герой соединяет коннектором *because* две семантически равнозначные пропозиции, которые не могут характеризоваться каузальными отношениями. Причинный союз не только не эксплицирует причину, но и не объясняет на дискурсивно-рефлексивном уровне, на каком основании говорящий сделал предыдущее утверждение. Мыслительный процесс героя, пребывающего в состоянии импульсивного раздражения, характеризуется сбивчивым наложением фоновых знаний, в результате чего его речь становится несколько хаотичной.

Схожий пример (5) с коннектором *because* представляет собой, на первый взгляд, абсурдную вереницу мыслей, не нуждающихся в причинной связке. Данный пример также демонстрирует экспрессивно-эпистемическую функцию союза:

(5) *Industrial accidents, pimples, bee-keeping, pus crapping Tampax, exams ... Pick a poet — BECAUSE I do not hope to turn the mermaids round from the back singing BECAUSE I do not hope to keep your hands off me…* [ARP, p. 122] *// Несчастные случаи на производстве, прыщи, пчеловодство, следы мочи на тестовой полоске Тампакса, экзамены... Выбирай поэта —*

CC BY

ПОТОМУ ЧТО я не надеюсь помешать русалкам подпевать, и ПОТОМУ ЧТО я надеюсь, что ты не уберешь от меня руки…

Изобилие обрывочных мыслей героя в примере (5) представлено настолько непоследовательно, что с трудом подвергается когнитивно-логической интерпретации. Обрывки информации об окружающей его действительности соединены при помощи коннектора *because*, однако читателю представлен лишь поток сознания человека, находящегося по какой-то причине в эмоционально-психологическом перенапряжении. Такое построение дискурса свидетельствует о наложении концептуальных сфер сознания персонажа, не позволяющем продуктивно структурировать причинные и следственные связи между пропозициями. Экспрессивно-эпистемическая функция *because* отражает его способность организовывать высказывание, объединяя пропозиции на эмоциональном уровне, что характерно для сбивчивой речи или хаотичного мыслительного процесса в художественном или разговорном дискурсе.

3.3. Имплицитно-эпистемическая функция коннектора *because* в дискурсе М. Эмиса

Контекстуальный анализ дискурса М. Эмиса привел к выявлению еще одной функции союза *because* в высказываниях каузальной семантики с субъективной направленностью — *имплицитно-эпистемической*. Как показывает иллюстративный материал, коннектор *because* в каузальном дискурсе может связывать две пропозиции не напрямую, а опосредованно, при помощи имплицитно представленной пресуппозиции *I claim this... (я заявляю об этом…)* или *I say this... (я говорю так…)*, см. об этом: [Vandepitte, 1988, с. 203]. Это означает, что обстоятельственные предложения непрямой причины основываются на знании говорящего о реальной ситуации. Коннектор *because* как имплицитно-эпистемическая связка маркирует каузальные отношения в контекстуальных микроситуациях (6) и (7) в дискурсе М. Эмиса:

(6) *How will we teach the children to speak when all the animals are gone? BECAUSE animals are what they want to talk about first. Yes, and buses and food and Mama and Dada. But animals are what they break their silence for* [ALF, p. 82] // *Как мы научим детей говорить, когда все животные исчезнут? ПОТОМУ ЧТО животные — это то, о чем они хотят поговорить в первую очередь. Да, и автобусы, и еда, и мама с папой. Но животные — это то, ради чего они нарушают свое молчание.*

(7) *The atmosphere was better tonight, BECAUSE toward the end I threw a treble zo* [ALF, p. 95] // *Атмосфера этим вечером была куда лучше, ПОТОМУ ЧТО ближе к концу я выбил тройную двадцатку.*

CC BY

В обоих представленных выше эпистемических микроконтекстах логика умозаключения восстанавливается лишь после воссоздания полного комплекта ментальных операций, в результате которых герой создает свою картину мира. Во-первых, это два пропозициональных содержания: в примере (6) *How will we teach the children to speak when all the animals are gone? (Как же обучать детей речи без животных?)* и *animals are what they want to talk about first (они первым делом хотят говорить о животных)* и имплицитная пресуппозиция *I ask this question / я задаю этот вопрос, потому что…*; в примере (7) *The atmosphere was better tonight (Атмосфера этим вечером была лучше)* и *toward the end I threw a treble zo (ближе к вечеру я выбил тройную двадцатку)* с пресуппозицией *I judge about this… / Я сужу об этом потому, что*.

Имплицитно-эпистемическая функция причинного коннектора *because* служит речевой компрессии, позволяя собеседникам — в данном случае персонажу книги и читателю — общаться более динамично без потери основного смысла, несмотря на отсутствие прямой причинной зависимости в семантике сложного предложения.

3.4. Логико-дискурсивная функция коннектора *because* в дискурсе М. Эмиса

Четвертая из функций эпистемической каузальности, выявленная в дискурсе М. Эмиса, — *логико-дискурсивная*. Контексты употребления союза *because* в логико-дискурсивной функции указывают на многоступенчатый характер рассуждений, в которых существенная вербальная часть мыслительного процесса опущена, и читатель посредством когнитивых усилий воссоздает недостающие звенья логической цепи для получения всей картины событий или умозаключений, как в примере (8):

(8) *Each flicker of his hands, each muffled cough, each falling hair is radiant with his hideousness — and he is hideous, he is, BECAUSE love renders you hideous when the weight of failure falls (Amis, Other people, 116). // Каждое движение его рук, каждый приглушенный кашель, каждый падающий волос излучают его уродство — и он уродлив, он уродлив, ПОТОМУ ЧТО любовь делает вас уродливыми, когда падает тяжесть неудачи.*

Фоновые знания персонажа о деструктивных последствиях безответной любви или неудачных отношений позволяют ему отслеживать и фиксировать их негативный результат, проявляющийся у его друга. Лексемы *hideous / hideousness (уродливый / уродство)*, многократно повторенные в пределах минимального контекста, описывают ощущение ущербности, неполноценности, дефективности. Логические связи между пропозициями оказываются разорванными и воссоздаются лишь при построении

CC BY

всей цепочки внутренних переживаний героя, который и сам пережил подобную неудачу. Логико-дискурсивная функция коннектора *because* заключается в осуществлении эпистемической внутритекстовой связи на уровне ситуативных и коннотативных реалий, отражающихся в подсознании. Вербальное воплощение всей цепочки рассуждений невозможно, так как в ней заложено много внутренних переживаний, эмоций, потрясений.

4. Заключение = Conclusions

Эпистемическая каузальность, заключающаяся в отсутствии прямой причинной зависимости между пропозициями, соединенными причинным коннектором, репрезентирует логические выводы в ходе ментальной деятельности человека в виде разнообразия оттенков семантической связи. Контекстуальный анализ микроситуаций с союзом *because* в дискурсе М. Эмиса позволил выявить его основные функционально-семантические роли в качестве экспликатора эпистемической каузальности. Во-первых, коннектор *because* выступает в качестве дискурсивно-рефлексивной связки, вводящей доказательство истинности предшествующего утверждения путем предоставления вывода, обоснования, умозаключения, аргумента, объяснения предыдущей пропозиции. Во-вторых, коннектором *because* может осуществляться экспрессивно-эпистемическая функция, заключающаяся в соединении двух семантически равнозначных пропозиций, что характерно для эмоционально напряженной речи. Между частями сложного предложения в таком случае нет ни собственно причинной связи, ни отношения вывода, сделанного говорящим. Третья функция причинного коннектора — имплицитно-эпистемическая. Логика умозаключения становится очевидной лишь после мысленного внедрения имплицитно представленной пресуппозиции, восстанавливающей ход ментальных операций. Четвертая функция коннектора *because* — логико-дискурсивная — заключается в построении неочевидных, на первый взгляд, умозаключений и поддается расшифровке после совершения ряда сложных логических мыслительных операций, требующих необходимых фоновых знаний и определенных когнитивных усилий.

Источники и принятые сокращения

1. ALF — *Amis M.* London Fields / M. Amis. — London : Vintage, 1991. — 470 p.
2. AOP — *Amis M.* Other People / M. Amis. — London : Vintage, 1994. — 224 p.
3. ARP — *Amis M.* The Rachel Papers / M. Amis. — London : Vintage, 2003. — 224 p. — ISBN 0099466694.
4. AS — *Amis M.* Success / M. Amis. — London : Vintage, 1991. — 224 p. — ISBN 0099461854.

CC BY

Литература

1. *Аганесов В. С.* Каузальные союзы английского языка как объект исследования / В. С. Аганесов // Вопросы романо-германской и русской филологии. — 2009. — Т. 1. — С. 5—19.

2. *Аганесов В. С.* Структурно и семантически несамодостаточные главные предложения с постпозитивным придаточным предложением с союзом because / В. С. Аганесов // Университетские чтения — 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. — 2019. — С. 115—119.

3. *Безрукова О. Г.* Средства выражения причинно-следственных и формально-логических отношений в английском и русском языках / О. Г. Безрукова, Н. Ю. Микитенко // Вестник Калмыцкого университета. — 2012. — № 2 (14). — С. 88—92.

4. *Всеволодова М. В.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Т. А. Ященко. — Изд. 2-е. — Москва : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. — 207 с. — ISBN 978-5-382-00612-3.

5. *Дальбергенова Л. Е.* Исследования каузальных отношений в современной лингвистике [Электронный ресурс] / Л. Е. Дальбергенова, Ш. К. Жаркынбекова // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — Режим доступа : https://science-education.ru/ru/article/view?id=10878 (дата обращения 21.08.2021).

6. *Камынина Л. И.* Функционально-семантическое поле каузальности в современном английском языке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Л. И. Камынина. — Москва, 1992. — 16 с.

7. *Кузьмин Ю. А.* К вопросу о сущности причины и следствия / Ю. А. Кузьмин // Теология. Философия. Право. — 2020. — № 1 (13). — С. 34—43.

8. *Куликова О. В.* Каузальность как основа репрезентации событийной цепочки в аргументативном дискурсе / О. В. Куликова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 7 (746). — С. 134—140.

9. *Лопухина Р. В.* Логико-семантическая сущность категории причинности / Р. В. Лопухина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2015. — № 4 (16). — С. 67—74.

10. *Петренко С. А.* Позиционно-семантические характеристики союза because и особенности перевода высказываний с ним на русский язык / С. А. Петренко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2002. — № 4. — С. 42—46.

11. *Петренко С. А.* Сопоставительное описание каузальных союзов английского и русского языков : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / С. А. Петренко. — Пятигорск, 2000. — 195 с.

12. *Теремова Р. М.* Собственно причинные СПП в аспекте их функционирования в тексте / Р. М. Теремова // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. — Ленинград : Ленинградский педагогический институт [ЛГПИ] им. А. И. Герцена, 1984. — С. 99—109.

13. *Теремова Р. М.* Функции каузальных конструкций в современном русском языке / М. Теремова // Филологические науки. — 1989. — № 3. — С. 82—86.

14. *Эделева И. В.* Семантический анализ причинно-следственной связи в лингвистике сквозь призму философской научной мысли / И. В. Эделева, А. Р. Мустафина // Преподаватель XXI век. — 2019. — № 2—2. — С. 325—334.

15. *Altenberg B.* Causal ordering strategies in English conversation / B. Altenberg // Grammar in the construction of texts. — London : Cambridge University Press, 1987. — Pp. 50—64.

16. *Halliday M. A. K.* An introduction to functional grammar / M. Halliday. — London : Edward Arnold, 1985. — 384 p.

17. *Helbig G.* Rezension : W. Koch. Kasus-Kognition-Kausalitat / G. Helbig // Deutsch als Fremdsprache. — 1979. — Heft 6. — Pp. 370—375.

18. *König E.* Causal and concessive clauses : Formal and semantic relations / E. König, P. Siemund // Cause — Condition — Concession — Contrast. Cognitive and Discourse Perspectives (ed. by E. Couper-Kuhlen and B. Kortmann). — Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. — Pp. 341—360. — DOI: 10.1515/9783110219043.4.341.

19. *Kroll B.* Combining ideas in Written and Spoken English : A look at subordination and coordination / B. Kroll // Discourse across time and space. Los Angeles. — 1977. — Pp. 69—108.

20. *Lakoff G.* Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 256 p.

21. *Lehmann Ch.* Towards a typology of clause linkage / Ch. Lehmann, J. Haiman, S. Thompson // Clause Combining in Grammar and Discourse. — Amsterdam/Philadelphia. — 1988. — Pp. 181—226. — DOI: 10.1075/tsl.18.09leh.

22. *Litkowski K. C.* Analysis of subordinating conjunctions. CL Research / K. C. Litkowski. — Gaithersburg : MD, 1998. — 21 p.

23. *Lowe I.* Two ways of looking at causes and reasons / I. Lowe // Grammar in the construction of texts. — London : [b. i.], 1987. — Pp. 37—49.

24. *Mercier H.* The power of well-connected arguments : Early sensitivity to the connective because [Electronic resource] / H. Mercier. — 2012. — Access mode : https://www.academia.edu/17023435/The_power_of_well_connected_arguments_Early_sensitivity_to_the_connective_because (accessed 21.09.2021).

25. *Oversteegen L.* Causality and Tense — Two Temporal Structure Builders / L. Oversteegen // Journal of Semantics. — 2005. — № 22 (3). — Pp. 307—337.

26. *Schiffrin D.* Discourse markers / D. Shiffrin. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — Pp. 3—27.

27. *Schleppegrell M. J.* Paratactic because / M. Schleppegrell // Journal of Pragmatics. — Amsterdam. — 1991. — Vol. 16. — № 4. — Pp. 323—337.

28. *Steward H.* Understanding because [Electronic resource] / H. Steward // Proto-Sociology. — 2006. — Vol. 23. — Pp. 67—92. — Access mode : https://www.academia.edu/17048414/Understanding_Because (accessed 15.08.2021).

29. *Sweetser E.* From Etymology to Pragmatics / E. Sweetser. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 174 p.

30. *Thorne J. P.* "Because" / J. P. Thorne // Linguistics across historical and geographical boundaries. — 1986. — Vol. 2. — Pp. 1063—1066. — DOI: https://doi.org/10.1515/9783110856132.

31. *Traugott E.* Pragmatic strengthening and grammaticalization / E. Traugott // Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society. — 1988. — Pp. 406—416.

32. *Vandepitte S.* Metapragmatic terms of the expression of propositional attitude : the case of the causal conjunctions / S. Vandepitte // Acta Linguistica Hungarica. — 1988. — Vol. 38 (1—4). — Pp. 201—210.

Material resources

Amis, M. (1991). *London Fields.* London: Vintage. 470 p.

Amis, M. (1991). *Success.* London: Vintage. 224 p. ISBN 0099461854.

Amis, M. (1994). *Other People.* London: Vintage. 224 p.
Amis, M. (2003). *The Rachel Papers.* London: Vintage. 224 p. ISBN 0099466694.

References

Aganesov, V. S. (2009). Causal conjunctions of the English language as an object of research. *Questions of Romano-Germanic and Russian philology, 1:* 5—19. (In Russ.).
Aganesov, V. S. (2019). Structurally and semantically non-self-sufficient main sentences with a postpositive subordinate clause with the conjunctions because. In: *University readings — 2019. Materials of scientific and methodological readings of PSU*. 115—119. (In Russ.).
Altenberg, B. (1987). Causal ordering strategies in English conversation. In: *Grammar in the construction of texts.* London: Cambridge University Press. 50—64.
Bezrukova, O. G., Mikitenko, N. Y. (2012). Means of expressing causal and formal-logical relations in English and Russian. *Bulletin of the Kalmyk University, 2 (14):* 88—92. (In Russ.).
Dalbergenova, L. E., Zharkynbekova, Sh. K. (2013). Studies of causal relations in modern linguistics. *Modern problems of science and education, 6:* Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=10878 (accessed 21.08.2021). (In Russ.).
Edeleva, I. V., Mustafina, A. R. (2019). Semantic analysis of cause-effect relationship in linguistics through the prism of philosophical scientific thought. *Teacher of the XXI century, 2—2:* 325—334. (In Russ.).
Halliday, M. A. K. (1985). *An introduction to functional grammar.* London: Edward Arnold. 384 p.
Helbig, G. (1979). Rezension: W. Koch. Kasus-Kognition-Kausalitat. *Deutsch als Fremdsprache, 6:* 370—375. (In Germ.).
Kamynina, L. I. (1992). *The functional and semantic field of causality in modern English.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).
Kroll, B. (1977). Combining ideas in Written and Spoken English: A look at subordination and coordination. In: *Discourse across time and space.* Los Angeles. 69—108.
Kulikova, O. V. (2016). Causality as the basis of the representation of the event chain in argumentative discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 7 (746):* 134—140. (In Russ.).
Kuzmin, Yu. A. (2020). To the question of the essence of cause and effect. *Theology. Philosophy. Right, 1 (13):* 34—43. (In Russ.).
König, E., Siemund, P. (2000). Causal and concessive clauses: Formal and semantic relations. In: *Cause — Condition — Concession — Contrast. Cognitive and Discourse Perspectives.* Berlin: Mouton de Gruyter. 341—360. DOI: 10.1515/9783110219043.4.341.
Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press. 256 p.
Lehmann, Ch., Haiman, J., Thompson, S. (1988). Towards a typology of clause linkage. In: *Clause Combining in Grammar and Discourse. Amsterdam/Philadelphia.* 181—226. DOI: 10.1075/tsl.18.09leh.
Litkowski, K. C. (1998). *Analysis of subordinating conjunctions. CL Research.* Gaithersburg: MD. 21 p.
Lopukhina, R. V. (2015). The logical and semantic essence of the category of causality. *Humanities Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University, 4 (16):* 67—74. (In Russ.).
Lowe, I. (1987). Two ways of looking at causes and reasons. In: *Grammar in the construction of texts.* London: [b. i.]. 37—49.

Mercier, H. (2012). *The power of well-connected arguments: Early sensitivity to the connective because.* Available at: https://www.academia.edu/17023435/The_power_of_well_connected_arguments_Early_sensitivity_to_the_connective_because (accessed 21.09.2021).

Oversteegen, L. (2005). Causality and Tense — Two Temporal Structure Builders. *Journal of Semantics, 22 (3):* 307—337.

Petrenko, S. A. (2000). *Comparative description of causal conjunctions of English and Russian languages.* PhD Diss. Pyatigorsk. 195 p. (In Russ.).

Petrenko, S. A. (2002). Positional and semantic characteristics of the conjunctions because and the features of translating statements with it into Russian. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University, 4:* 42—46. (In Russ.).

Schiffrin, D. (1987). *Discourse markers.* Cambridge: Cambridge University Press. 3—27.

Schleppegrell, M. J. (1991). Paratactic because. *Journal of Pragmatics. Amsterdam, 16 (4):* 323—337.

Steward, H. (2006). Understanding because. *ProtoSociology, 23:* 67—92. Available at: https://www.academia.edu/17048414/Understanding_Because (accessed 15.08.2021).

Sweetser, E. (1990). *From Etymology to Pragmatics.* Cambridge: Cambridge University Press. 174 p.

Teremova, R. M. (1984). Proper causal CS in the aspect of their functioning in the text. In: *Complex sentence in the system of other syntactic categories.* Leningrad: Leningrad Pedagogical Institute [LGPI] named after A. I. Herzen. 99—109. (In Russ.).

Teremova, R. M. (1989). Functions of causal constructions in the modern Russian language. *Philological sciences, 3:* 82—86. (In Russ.).

Thorne, J. P. (1986). "Because". *Linguistics across historical and geographical boundaries, 2:* 1063—1066. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110856132.

Traugott, E. (1988). Pragmatic strengthening and grammaticalization. In: *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of Berkeley Linguistics Society.* 406—416.

Vandepitte, S. (1988). Metapragmatic terms of the expression of propositional attitude: the case of the causal conjunctions. *Acta Linguistica Hungarica, 38 (1—4):* 201—210.

Vsevolodova, M. V., Yashchenko, T. A. (2008). *Causal relations in the modern Russian language.* Moscow: URSS: LKI Publishing House. 207 p. ISBN 978-5-382-00612-3. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.10.2021,
одобрена после рецензирования 21.01.2022,
подготовлена к публикации 25.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Садченко В. Т. Глаголы с приставкой *по-* в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 77—93. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-77-93.

Sadchenko, V. T. (2022). Verbs with Prefix *po-* in Russian Dialects of Amur Region. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 77-93. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-77-93. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-77-93

Глаголы с приставкой *по-* в русских говорах Приамурья

Садченко Валентина Тарасовна
orcid.org/0000-0001-6276-6819
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой русского языка
и издательского дела
ValentinaSadchenko@yandex.ru

Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

Verbs with Prefix *po-* in Russian Dialects of Amur Region

Valentina T. Sadchenko
orcid.org/0000-0001-6276-6819
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian Language and Publishing
ValentinaSadchenko@yandex.ru

Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

© Садченко В. Т., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Префиксальная глагольная лексика проанализирована на диалектном материале русских говоров Приамурья. Актуальность и новизна работы обусловлены как общей нерешенностью проблемы описания значений русских глагольных приставок, так и недостаточной изученностью специфики глагольного словообразования в говорах. Рассматриваются глагольные дериваты с префиксом *по-*. Характеризуются языковые процессы, сопровождающие образование данных дериватов. Предлагается классификация словообразовательных типов и моделей, выделенных на материале, репрезентированном в «Словаре русских говоров Приамурья», отмечаются их отличительные признаки по сравнению с литературными аналогами. Обращается внимание на явления полипрефиксации и субституции, в которых участвует префикс *по-*. Сделан вывод о том, что группе русских говоров Приамурья свойственна агглютинация с препозитивным префиксом *по-*. Обращение к проблемам глагольной префиксации в говорах вторичного образования, локализованных на обширной территории позднего заселения, может способствовать более широкому привлечению диалектного материала для иллюстрации спорных положений префиксологии в современном русском языке, а также выявлению особенностей глагольной деривации русского языка в аспекте его регионального существования.

Ключевые слова:
глагольная лексика; приставка *по-*; префиксальное словообразование; словообразовательный тип; русские говоры; диалектный префиксальный глагол.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The prefix verbal lexicon is analyzed on the basis of the dialect material of the Russian dialects of the Amur region. The relevance and novelty of the work are due to both the general unresolved problem of describing the meanings of Russian verbal prefixes, and insufficient knowledge of the specifics of verbal word formation in dialects. Verbal derivatives with the prefix *po-* are considered. The linguistic processes accompanying the formation of these derivatives are characterized. A classification of word-formation types and patterns is proposed based on the material presented in the Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region, their distinctive features are noted in comparison with their literary counterparts. Attention is drawn to the phenomena of polyprefixation and substitution, in which the prefix *po-* is involved. It is concluded that the group of Russian dialects of the Amur region is characterized by agglutination with the prepositive prefix *po-*. Addressing the problems of verbal prefixation in dialects of secondary formation, localized on a vast territory of late settlement, can contribute to a wider involvement of dialect material to illustrate the controversial provisions of prefixology in modern Russian, as well as to identify the features of the verbal derivation of the Russian language in the aspect of its regional existence.

Key words:
verbal vocabulary; prefix *po-*; prefix word formation; derivational type; Russian dialects; dialectal prefix verb.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’282.2(571.56+571.65)+81’373.611

Глаголы с приставкой *по-* в русских говорах Приамурья

© Садченко В. Т., 2022

1. Введение= Introduction

Префиксальное глагольное словообразование привлекает внимание ученых в последние десятилетия. Это объясняется следующими причинами: 1) общая нерешенность проблемы описания значений русских приставок в целом и глагольных приставок, в частности, с учетом высокой степени развития префиксального глагольного словообразования; 2) дискуссионность вопроса о функции приставки в системе видообразования глагольного слова; 3) недостаточная изученность специфики глагольной префиксации в говорах.

«Морфологические, синтаксические и семантические ограничения на префиксацию — это до сих пор terra incognita морфологии и синтаксиса русского языка», — пишет С. Г. Татевосов, разработавший собственную оригинальную теорию префиксации, согласно которой все префиксы делятся на две большие группы: 1) внешние (супралексические), разделенные, в свою очередь, на левопериферийные, селективно-ограниченные и позиционно-ограниченные, а также 2) внутренние (лексические) [Татевосов, 2009, с. 94—96].

На существующие грамматические проблемы в области глагольной префиксации в русском языке обращает внимание А. Богуславский. Первой в ряду таких проблем А. Богуславский считает вопрос о том, являются ли приставки всегда словообразовательным средством и, следовательно, принадлежат к сфере словообразования, или же лишь в некоторых случаях они являются словообразовательным средством, а в других — формообразующим (словоизменительным) и принадлежат к сфере формообразования (словоизменения). Для решения этого вопроса А. Богуславский предлагает обращаться к анализу типов семем, «реализующихся в глагольных приставочных компонентах» [Богуславский, 2001, с. 8]. Интересно, что, анализируя семантику и функции целого ряда русских приставок, А. Богуславский не рассматривает так же подробно префикс *по-*.

К анализу глагольной лексики с префиксом *по-* в русском литературном языке обращались А. Н. Тихонов [Тихонов, 1963], Р. Г. Карунц [Карунц, 1978], Л. Р. Байгильдина [Байгильдина, 1985], Е. А. Земская [Земская, 1992], С. Г. Татевосов [Татевосов, 2009].

Значительный интерес представляет докторская диссертация О. И. Дмитриевой, в которой в синхронно-диахронном аспекте исследу-

CC BY

ются особенности внутриглагольной префиксации в русском языке и в том числе, как его называет автор, «стабильно словообразовательно продуктивного суффикса» *по-* [Дмитриева, 2005, с. 7].

Т. В. Жеребило на большом эмпирическом материале доказывает, что «на уровне словообразовательной и лексической семантики всем глаголам с приставкой *по-* присуща категория времени и практически весь массив глаголов связан с пространственными характеристиками» [Жеребило, 2006, с. 80].

На материале художественной литературы глагольную лексику с префиксом *по-* рассматривают Л. Г. Чапаева. Исследователь обращает внимание в первую очередь на авторские окказиональные дериваты с префиксом *по-* в прозе М. А. Шолохова [Чапаева, 2016].

К анализу словообразовательных значений, выражаемых отдельными группами глаголов в говорах Тверской области, обращалась Л. Н. Новикова. Автор распределяет префиксальные глаголы по трем словообразовательным категориям: 1) выражающие пофазное завершение действия; 2) выражающие интенсивность действия; 3) глаголы пространственного значения. Примеры глаголов с префиксом *по-* автор включает в первую группу [Новикова, 2016].

Мы также делали попытку описать некоторые особенности глагольной префиксации в русских говорах Приамурья [Садченко, 2016, 2019, 2021]. Были рассмотрены словообразовательные типы глаголов с приставками *вы-* и *за-*; глагольная лексика с префиксом *по-* только частично (в рамках вопросов о редупликации и полипрефиксации проанализированы глагольные диалектизмы *попомереть, напомотать, попирвать, поприхорошить*) была затронута в работе [Садченко, 2016]. Таким образом, несмотря на длительную историю существования префиксологии, по-прежнему актуальным остается анализ всех значений глагольной приставки *по-*, в том числе и возможных трансформаций этих значений как «семантических корректоров глагольной единицы» [Трубникова, 2015, с. 68]. Цель данной работы — охарактеризовать массив зафиксированных в «Словаре русских говоров Приамурья» глаголов с приставкой *по-* и систематизировать их по типам словообразования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Русские говоры Приамурья относятся к переселенческим говорам вторичного образования и характеризуются разносистемностью, повышенной вариативностью и особенностями функционирования в условиях длительного междиалектного контактирования на обширной территории, что, с одной стороны, вело к интенсивной нивелировке диалектных черт, а с другой — отражало действие основных общерусских языковых процес-

CC BY

сов. Источником фактического материала является «Словарь русских говоров Приамурья», лингвистический феномен которого состоит в широком охвате лексики, в нестрогом ее отборе, что уже отмечалось как недостаток в предшествующих работах, посвященных анализу единиц, помещенных в словарь [Садченко, 2018]. Это относится и к глагольной лексике, которая представлена всем разнообразием единиц: слова из литературного языка, лексика общерусская, свойственная другим группам русских говоров, собственно диалектная, характеризующая исключительно данную группу говоров (русские говоры Приамурья). Словарь включает в себя диалектную лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории, от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилого населения Амурской области и Хабаровского края). Лексический состав «Словаря русских говоров Приамурья» собран в едином временном отрезке (материал словаря представляет собой записи, сделанные в период с 1965 по 1981 годы), информантами выступили носители диалекта, старожилы, которые в большинстве случаев были хорошо знакомы с бытом крестьянства и духовной культурой традиционной деревни.

В данном исследовании применяются в целом традиционные подходы и методы: описательно-аналитический метод, структурно-семантический метод, а также сопоставительный метод для сравнения диалектных особенностей глаголов с приставкой *по-* в русских говорах Приамурья с глаголами других диалектных групп, с общерусскими словами данной части речи, а также с литературными аналогами изучаемой группы слов, установления между ними отношений эквивалентности и дифференциации. Данные методы сопровождаются методикой количественных сопоставлений, необходимых при выявлении регулярности и продуктивности использования тех или иных единиц.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Словообразовательные типы глагольных дериватов с префиксом *по-* в русских говорах Приамурья

В «Словаре русских говоров Приамурья» (далее — СРГП) [СРГП, 2007] глагольных дериватов с приставкой *по-* нами выделено более 130. Их удалось распределить по следующим словообразовательным типам и моделям (далее — СТ — словообразовательный тип; Мод. — словообразовательная модель). Следует отметить, что данное деление мы осуществляем с учетом словообразовательного и аспектологического подходов, учитывая грамматическое значение и выражаемые оттенки семантики каждой конкретной префиксальной лексемы, а также в зависимости от вида мотивирующего глагола и способа образования деривата.

CC BY

СТ 1: Глаголы совершенного вида, образованные от глаголов несовершенного вида + префикс *по-* со значением начала действия: *почапать* (‘пойти’), *потарзыкать* (‘пойти, пошагать’). В материалах СРГП выделено только два таких глагола. Оба относятся к группе со значением однонаправленного движения и обозначают начало длительного процесса. В литературном языке данный тип (4-й тип в разделе «Русской грамматики», посвященном описанию производных глаголов с префиксом *по-* [Русская …, 1980, § 871]) отмечен как продуктивный. Традиционно подобные лексемы относятся к Начинательному способу глагольного действия (далее — СД).

СТ 2: Глаголы совершенного вида, образованные префиксальным способом от глаголов несовершенного вида, + префикс *по-* с делимитативным значением. Тип представлен следующими моделями. Мод. 1 со значением ‘совершить действие в течение некоторого времени’: *побригадирить* (‘поработать некоторое время в должности бригадира’), *побреднить* (‘половить рыбу бреднем’), *побыгать* (‘подсыхать некоторое время на ветру, на морозе’), *поговореть* (‘провести некоторое время в разговорах’), *погутарить* (‘поговорить, побеседовать’), *подевовать* (‘быть некоторое время в девичестве, незамужем, без семейных обязанностей’), *пожвикать* (‘попить чай, издавая булькающий звук’), *позыкать* (‘работать некоторое время с большим напряжением’), *покозовать* (‘поохотиться на коз’), *покородиться* (‘поухаживать за девушкой’), *поорокать* (‘покричать некоторое время’), *посолониться* (‘полизать соль (о животных)’), *поплугарить* (‘проработать некоторое время на плуге’), *потетёшкать* (‘нянчить некоторое время’), *пофестивалить* (‘отдыхая, повеселиться в застольях с друзьями некоторое время’), *похарчать* (‘похрипеть некоторое время’), *похлестаться* (‘побродить в лесу’), *побреднить* (‘половить рыбу бреднем’), *погостевать* (‘погостить’), *похозяиновать* (‘похозяйничать некоторое время’), *пошиньгать* (‘потеребить некоторое время шерсть’), *пощелкать* (‘пострелять некоторое время’).

Модель в целом соответствует 3-му типу в классификации, представленной в «Русской грамматике» со значением ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени (чаще недолгого)’ [Русская …, 1980, § 871].

Мод. 2 со значением ‘менее интенсивно и (или) менее тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’: *пожамкать* (‘слегка постирать белье вручную, особенно не усердствуя при этом’), *пожулькать* (‘постирать слегка, потерев белье руками’), *поморговать* (‘подумать, поразмыслить’), *пощекотить* (‘поспрашивать, проэкзаменовать’), *поширыкать* (‘подергать, потянуть’).

CC BY

Модель соответствует выделенному «Русской грамматикой» 1-ому типу со значением ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью, иногда также постепенно’ [Там же].

СТ 3: Глаголы совершенного вида, образованные префиксальным способом с префиксом *по-* от глаголов совершенного вида со значением, совмещающим оттенки временной и интенсивной ограниченности ‘совершить действие с незначительной интенсивностью в течение некоторого времени’: *пообидеться* ‘обидеться’, *потронуть* ‘побеспокоить’. В данном случае у префикса проявляется аспектуальное значение количественно-временного предела.

СТ 4: Глаголы совершенного вида, образованные префиксально-постфиксальным способом от глаголов несовершенного вида, со значением ‘совершить в течение некоторого времени’: *пожиться* (‘пожить некоторое время’), *пополоться* (‘пополоть некоторое время’).

СТ 5: Глаголы совершенного вида, образованные префиксально-суффиксально-постфиксальным способом (префикс *по-* + суффикс *-ова-* + постфикс *-ся*) от глаголов несовершенного вида, со значением ‘совершить действие в течение некоторого времени’: *покормоваться* (‘покормиться’).

СТ 2, 3, 4, 5 могут быть отнесены к Ограничительному СД.

СТ 6: Глаголы совершенного вида, образованные от глаголов совершенного вида, + префикс *по-* с дистрибутивным (распределительным) значением: *пособраться* (‘собраться, соединиться группами из разных мест’), *посоткать* (‘неоднократно исколоть’), *повыесть* (‘съесть что-либо полностью’), *повызнать* (‘любопытствуя, путем расспросов все узнать’), *поостыть* (‘заболеть в результате неоднократного длительного переохлаждения’), *поугробить* (‘поперевести’), *поупасть* (‘погибнуть (о многих)’).

СТ 7: Глаголы совершенного вида, образованные от глаголов несовершенного вида, + префикс *по-* с дистрибутивным (распределительным) значением: *поплавить* (‘перевести на лодке’), *посымать* (‘снять всё или многое (об одежде, украшениях)’), *посливать* (‘смешать, довести до готовности особый чай — сливан’), *поволосатиться* (‘подраться, дёргая друг друга за волосы’), *пожать* (‘съесть много’), *позажинать* (‘зажать туго со всех сторон, защипнуть’), *поотрубовать* (‘отрубить что-либо одно за другим’), *порестовать* (‘взять под арест несколько лиц в отдельности’), *порубать* (‘зарубить, истребить холодным оружием многих, всех’), *посдевать* (‘надевать одно на другое’), *потухать* (‘избить, побить’).

В целом типы 6 и 7 соответствуют 2-ому СТ, выделенному «Русской грамматикой», с общим значением ‘многократное, иногда также поочередное действие, распространенное на все или многие объекты или совершенное всеми или многими субъектами’ [Русская …, 1980, § 871].

CC BY

СТ 8: Глаголы несовершенного вида, образованные от глаголов несовершенного вида, + префикс *по-* с дистрибутивным (распределительным) значением: *потушать* (‘тушить, гасить’), *поделяться* (‘производить раздел при разводе семейной пары, делиться’), *подыгаться* (‘нанизываться на крючки, зацепляться’), *потоплять* (‘периодически затоплять (о наводнении)’), *поварить* (‘работать поваром’), *понуждаться* (‘нуждаться в чем-либо’).

СТ 9: Глаголы совершенного вида, образованные префиксальным способом от глаголов несовершенного вида, + префикс *по-* с общерезультативным значением: *побудать* (‘исколоть рогами, забодать’), *побаниться* (‘помыться в бане’), *повдоветь* (‘стать вдовой или вдовцом’), *поверстаться* (‘повстречаться, помириться’), *повечерить* / *повечеровать* (‘поужинать’), *повидеть* (‘посмотреть, увидеть’), *погробить* (‘загубить (здоровье)’), *поглянуться* (‘глянуться, нравиться’), *поговореть* (‘рассказать’), *подиковать* (‘удивиться’), *подолить* (‘проборонить поле вдоль’), *пожалиться* (‘высказать неудовольствие, посетовать на кого-либо’), *позавидовать* (‘полюбить’), *поимать* (‘схватить за что-либо; задержать, перехватить; уловить чутьем, почувствовать’), *познаться* (‘познакомиться’), *поклонить* (‘наклонить’), *постружить* (‘обстрогать’), *подыгаться* (‘нанизываться на крючок, зацепляться’), *поверстаться* (‘повстречаться’), *поздрастаться* (‘поздороваться’), *позориться* (‘разориться’), *покособенить* (‘сделать кривым, перекошенным’), *покочевать* (‘продолжить передвижение’), *покрыться* (‘случиться (о животных)’), *получшеть* (‘окрепнуть, почувствовать себя здоровее’), *помогнуть* (‘помочь’) / *помогчи* (‘то же, что помогнуть’), *помыть* (‘смыть, снести сильным течением во время наводнения’), *посдевать* (‘надевать одно на другое’), *посодить* (‘посадить’), *посолеть* (‘просолиться’), *посолодать* (‘сделаться солодовым’), *поспеть* (‘достигнуть промыслового качества (о пушнине)’), *постаростевать* (‘пойти на пенсию, быть на заслуженном отдыхе’), *постыриться* (‘поспорить, поссориться с кем-либо’), *посухарить* (‘флиртовать распутничать’), *потухать* (‘побить’), *пожать* (‘съесть много’), *покорябить* (‘покарябать’), *покоцать* (‘уничтожить многих, истребить’), *помягчить* (‘вспахать, взрыхлить’), *пополудновать* (‘пополдничать’), *поплавить* (‘перевезти на лодке’), *попролувать* (‘затопить’), *порепаться* (‘потрескаться (о коже)’), *порушать* (‘дробить зерно в крупу’), *попытать* (‘спросить, узнать’), *посапать* (‘прополоть картофель, овощи тяпкой’), *посдобить* (‘сделать тесто сдобным’), *повялеть* (‘завянуть’*поужить* (‘уменьшить, сделать более узким что-либо’), *похилиться* (‘покривиться, прогнуться’), *похужать* (‘сделаться хуже’), *почулюкать* (‘выпить чаю’), *пошвыркать* (‘выпить чай’), *пошлихтовать* (‘очистить кожу от мездры’).

CC BY

СТ 10: Глаголы совершенного вида, образованные префиксальным способом от глаголов совершенного вида, + префикс *по-* с общерезультативным значением: *погинуть* (‘*погибнуть*’), *попуститься* (‘прекратить, перестать что-либо делать; утратить интерес к чему-либо, разленитьcя’), *понужнуть* (‘заставить двигаться (по отношению к животному); прогнать’), *понистожить* (‘уничтожить’), *потронуться* (‘подняться (о кислом тесте)’), *поступить* (‘вступить’), *посказать* (‘сказать, рассказать’).

СТ 11: Глаголы совершенного вида, образованные префиксально-постфиксальным способом от глаголов несовершенного вида, + префикс *по-* с общерезультативным значением: *пожиться* (‘благополучно пожить’).

СТ 12: Глаголы совершенного вида с общерезультативным значением, образованные префиксально-суффиксально-постфиксальным способом (префикс *по-* +суффикс *-ова-* + постфикс *-ся*) от глаголов несовершенного вида: *полюбовать* (‘облюбовать, полюбить’).

В «Русской грамматике» значение, соответствующее значениям 9—12 типов, дается следующим образом: ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’ (5-ый тип) [Русская …, 1980, § 871].

В анализируемом материале производные с общерезультативным значением представлены самой многочисленной группой. Префикс является грамматическим, или, иначе, «чистовидовым».

Е. Р. Добрушина, опираясь на полученные результаты анализа языковых единиц в русском литературном языке, пишет, что *по-* чаще остальных приставок становится «чистовидовой», так как у нее по сравнению с другими глагольными приставками «значение наименее выразительное, поскольку в наибольшей степени совпадает с общим значением процессуальности» [Добрушина, 2014, с. 80].

В русских говорах Приамурья в целом этот тезис тоже находит подтверждение, однако, на наш взгляд, не всегда можно говорить о наличии видовой корреляции даже применительно к лексемам, относимым к СТ 9. Учитывая, что мотивирующий глагол не всегда представлен в словаре (а скорее всего, и в речи), то приставочные перфективы образуют видовые пары только с зафиксированными соотносительными глаголами несовершенного вида, типа: *повялеть* ← *вялеть, посолодать* ← *солодать*. Если соответствующий бесприставочный глагол отсутствует, то, как отмечает и Л. Н. Денисова, анализирующая глагольную лексику в русских говорах Мордовии, «актуализируется акциональная семантика аффиксального оформления глагола» [Денисова, 2008, с. 118].

В материалах СРГП это проявляется, например, в лексемах: *покоцать, подыгаться* или в архаичной форме *почать*.

CC BY

Кроме того, в СРГП зафиксированы глаголы *понурять* (‘понуждать кого-либо к действию’) и *понужать* (‘идти (о сильном дожде); заставлять идти (обычно скот), понукать; бить, колотить с целью устрашения; стрелять из ружей, пугая этим окружающих’), относимые авторами СГРП к глаголам несовершенного вида. Перфектное значение приставки здесь ослаблено, на длительность, незавершенность действия указывает в обоих случаях суффикс.

СТ 13: Глаголы несовершенного вида, образованные от глаголов несовершенного вида, + префикс *по-* и суффикс *-ива-*. Общее значение — ‘время от времени и с небольшой интенсивностью совершать действие, названное мотивирующим глаголом’ [Русская …, 1980, § 918]: *поширкивать* (‘неоднократно издавать звуки, шуршать’), *порубливать* (‘порубить, делая отверстия’), *полазывать* (‘лазить некоторое время’), *попрядывать* (‘прясть изредка, иногда’), *почапываться* (‘пошатываться’).

С. Г. Татевосов считает, что такие глаголы являются «продуктом» суффиксальной деривации от делимитативных глаголов типа *поколоть*, так как значение ограниченности, или, иначе, — незначительной интенсивности уже присутствует и в глаголе с префиксом *по-*, но с отсутствующим суффиксом *-ива-* [Татевосов, 2009, с. 133].

Е. Р. Добрушина отмечает, что в этом случае у глагола «акцентируется протекание действия во времени и пространстве безотносительно к итогу» [Добрушина, 2014, с. 21].

А. Богуславский, анализируя глагол *попрыгивать* в русском литературном языке, обращает внимание на комплексность приставки и суффикса (более того, он пишет о том, что в данном глаголе «не удается выделить отдельные элементы, соответствующие *по-* и *-ива-*»), которые в совокупности характеризуют процесс, обозначенный корневой морфемой, как «многократно и регулярно прерываемое и возобновляемое действие» [Богуславский, 2001, с. 16].

СТ 13 может быть отнесен к Прерывисто-смягчительному СД, где префикс *по-* обозначает незначительную интенсивность действия, а суффикс указывает на временную длительность действия, распадающегося на отдельные фрагменты.

3.2. Полипрефиксация и субституция

Явление полипрефиксации в современном русском литературном языке и в говорах отмечается как активное многими учеными, что обусловливает новый виток интереса к таким языковым единицам. Так, Ю. В. Королева в синхронном аспекте исследует структурно-семантические и функциональные особенности глагольной полипрефиксации в русском литературном языке [Королева, 2003]. Многоприставочным глаголам

CC BY

в аспекте психолингвистики посвящены работы Ю. В. Серышевой [Серышева, 2013]. Полипрефиксальные глаголы и в том числе языковые единицы с вторичным префиксом *по-* рассматриваются также в совместной работе Ю. В. Серышевой и Ю. В. Филь. Авторы отмечают особую регулярность данного префикса при выражении дистрибутивного и деминутивного значений в общерусских глаголах [Серышева и др., 2021].

Е. В. Синицына отмечает частотность полипрефиксальных глаголов с начальным префиксом *по-* в донских казачьих говорах, где данный префикс реализует значения повторяемости, а также расчлененности и ослабленности действия. Автор также отмечает случаи удвоения приставки *по-*, что объясняется, по мнению Е. В. Синицыной, наличием в высказываниях отрицательной экспрессивности и стремлением говорящих усилить общую эмоциональную окраску [Синицына, 2008, с. 30—31]. В другой своей работе, анализируя явление десемантизации приставок и в том числе приставки *по-*, Е. В. Синицына доказывает, что взаимозамена префиксов свидетельствует об их десемантизации [Синицына, 2009].

Н. Ю. Бельская обращает внимание на тот факт, что носители говоров прибавляют аффиксы с эмоционально-оценочными коннотациями к глаголам «с целью убедить слушателя в достоверности даваемой оценки» [Бельская, 2009, с. 75].

Русским говорам Приамурья, как уже отмечалось [Садченко, 2016], также свойственно явление полипрефиксации. В частности, в материалах СРГП с препозитивным (вторичным) префиксом *по-* выделена группа полипрефиксальных лексем: *понарушить* (‘нарушить, привести в негодность многое’), *попривезти* (‘привезти всех и каждого’), *повыесть* (‘съесть что-либо полностью’), *повыпить* (‘выпить всё и в большом количестве’), *повырубливать* (‘вырубить деревья в результате многократных действий’) (в литературном языке отмечен аналог *повырубить*; диалектный дериват является вторичным имперфективом (*вырубливать* ← *вырубить* ← *рубить*), в структурном плане отличается суффиксом со значением несов. в.), *повыхлещивать* (‘повыбивать’), *понаткать* (‘насадить, насеять в нескольких местах и много’), *понатянуть* (‘испытать трудности’), *попаужинать* (‘поужинать’), *поперевести* (‘уничтожить каждого, истребить всех’), *переполазывать* (‘переползать’), *поприрвать* (‘износить полностью, перервать что-либо, каждый предмет на какое то время’), *попримереть* (‘умереть’), *поприхорошить* (‘подправить, улучшить’), *посоткать* (‘проткнуть, неоднократно уколоть’), *посрубить* (‘построить в большом количестве деревянные дома’), *посымать* (‘снять всё или многое (об одежде, украшениях)’).

Е. В. Горбова отмечает распространение вторичной имперфективации в русской речи, а также тот факт, что в русском языке имеются «вторичные

CC BY

имперфективы, образованные от глаголов совершенного вида с префиксом *по-* с диапазоном значений от бесспорного делимитативного до возможного результативного» [Горбова, 2014, с. 187].

Начального (или внешнего, в терминологии С. Г. Татевосова) делимитативного *по-* в полипрефиксальных глаголах в русских говорах Приамурья не отмечено; во всех приведенных примерах префикс *по-* имеет дистрибутивное значение.

Кроме того, отмечены глаголы с редупликацией префикса: *попомереть, попаужинать* (в материалах словаря второй глагол дается с гласным [а] в первом предударном слоге, возможно, отражающем особенности произношения).

Префикс *по-* часто подвергается субституции, а именно — его замене другим префиксом:

по- / ***при-***: *поломать* → *приломать*;
по- / ***из-***: *поломаться* → *изломаться*;
по- / ***о-***: *постареть* → *остареть*;
по- / ***у-***: *поверить* → *уверить*;
по- / ***при-***: *полюбить* → *прилюбить*.

Следует отметить, что во всех случаях в литературных аналогах префикс *по-* является чистовидовым, образующим перфективную видовую пару: *поломать* ← *ломать*, *поломаться* ← *ломаться*.

Замещение префикса *по-* иной, чем в литературном языке, приставкой в ряде случаев приводит к появлению дополнительных оттенков значений в глагольном слове и, вследствие этого, к переводу глагола, например, в Результативный СД, где глагол *изломаться* приобретает значение ‘полнота изменений, произведенных действием, направленным на субъекта’; или в смягчительную разновидность Уменьшительно-смягчительного СД — *приломать* со значением ‘неполноты произведенного действия’. Префиксы *из-* и *при-* в приведенных примерах отличаются синкретизмом значений: совершенный вид + модификационное лексическое значение.

Многозначные глаголы с префиксом *по-* могут быть отнесены к разным типам в зависимости от выражаемого значения, например, глагол *поговореть* в первом из значений может быть отнесен к лексемам, выражающим Ограничительный СД, а во втором — к группе единиц с общерезультативным значением:

ПОГОВОРЁТЬ*, р, ршь,* сов. *1. Провести некоторое время в разговорах.* Поговорели маненько, и хватит. Всё уж забыла *(Поярк. Мих.). Амур. (Мих.). Хаб. (Окт.). 2. Рассказать.* Есь всё-таки чё, поговорели вам *(Чесн. Мих.). Амур. (Мих.)* [СРГП, 2007, с. 321].

Глагол *пожиться*, наоборот, в первом значении имеет общерезультативное значение, а во втором — обозначает действие, ограниченное временным пределом:

***ПОЖИ́ТЬСЯ**, ж и в ё т с я,* сов., безл. *1. Благополучно пожить.* Замуж вышла, да не пожилось ей *(Н.-Андр. Бел.).* Не пожилось мне с тем мужем *(Черн. Магд.). Амур. (Бел. Магд.). 2. Пожить некоторое время.* Ну как вам пожилось у ей? *(Бус. Своб.). Амур. (Своб.)* [Там же, с. 328].

На подобное явление обращала внимание и Е. Р. Добрушина, рассматривая вопрос о наличии некоего инвариантного значения у приставок в русском литературном языке. Е. Р. Добрушина пришла к выводу, что «инвариантного значения приставок не существует». Автор пишет: «Ясно, что нет такого смыслового компонента, который входил бы в значение каждого (или хотя бы большинства) глаголов с одной и той же приставкой»; «сочетание приставки с основой порождает то значение — или несколько значений, если приставочный глагол многозначен, — которое проявляется в реальных текстах» [Добрушина, 2014, с. 12—13].

Л. Н. Денисова, анализируя способы действия глаголов с предельной семантикой основ на материале русских говоров Мордовии, также отмечала отсутствие «четкой специализации» значений у приставок [Денисова, 2008].

Второй из приведенных в качестве примера — глагол *пожиться* — имеет два словарных значения: 1) «прожить определенное время» и 2) «прожить некоторое время определенным образом». Префикс *по-* совмещает значения результативности (акциональная семантика глагольного вида), делимитативности (собственно ограничительное, непродолжительное по времени действие) и аттенуативности (слабая интенсивность процесса, деинтенсификация процесса).

Таким образом, префикс проявляет себя как синкретичный, выражающий смягчительные варианты Уменьшительно-смягчительного СД.

На свойственный префиксам в русском литературном языке синкретизм лексических значений и значения совершенного вида указывала и Д. А. Осильбекова [Осильбекова, 2013, с. 32].

Семантика аттенуативности характерна и для глаголов *пожулькать* (‘постирать слегка, потерев белье руками’), *поморговать* (‘подумать, поразмыслить’), *поширыкать* (‘подергать, потянуть’).

4. Заключение= Conclusions

Таким образом, в русских говорах Приамурья представлены все типы глагольных дериватов с префиксом *по-*, выделяемые и в русском литературном языке.

CC BY

Отличия заключаются в наличии некоторых словообразовательных типов синкретичной семантической структуры (в нашей классификации на материале русских говоров Приамурья представлен СТ 3, совмещающий значения отмеченных в литературном языке двух типов и не выделенный авторами «Русской грамматики), и СТ 8, к которому отнесены глаголы несовершенного вида с префиксом *по-* с дистрибутивным (распределительным) значением, образованные от глаголов несовершенного вида); в количестве лексем, относимых к каждому типу, в частности, менее частотным оказался СТ 1 (глаголы с префиксом *по-* с начинательным значением).

Диалектным глагольным дериватам свойственна агглютинация: отмечены производные глаголы с аддитивным (прибавляемым) префиксом *по-* с дистрибутивным значением.

В русских говорах Приамурья отмечена полипрефиксация с препозитивным (вторичным) префиксом *по-*; полипрефиксальные глаголы с препозитивным префиксом *по-* с делимитативным значением в материалах говоров не зафиксированы.

Исследованный материал показал, что и в русских говорах Приамурья префикс *по-* часто подвергается субституции, которая приводит к появлению дополнительных оттенков значений в глагольном слове и, вследствие этого, к переводу глагола в группу лексем, выражающих тот или иной СД. Отмечается синкретизм указанного префикса.

Редупликация префикса *по-* для данной группы говоров менее характерна: в изучаемом лингвистическом источнике отмечены единичные примеры таких глагольных лексем.

Источник

1. *Словарь* русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Издательство БГПУ, 2007. — 544 с.

Литература

1. *Байгильдина Л. Р.* К функциональной характеристике чистовидовой приставки ПО- в русском языке / Р. Л. Байгильдина // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент : [б. и.], 1985. — С. 101—103.

2. *Бельская Н. Ю.* Коммуникативно-функциональные аспекты анализа языковых единиц / Н. Ю. Бельская // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. — Тверь : ТГУ, 1993. — С. 73—75. — ISBN 5-230-08532-0.

3. *Богуславский А.* Глагольная префиксация в современном русском языке / А. Богуславский // Московский лингвистический журнал. — 2001. — Т. 5. — № 1. — С. 7—36.

4. *Горбова Е. В.* Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной трактовке вида / Е. В. Горбова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2014. — Т. X. — № 3. — С. 183—211.

5. *Денисова Л. Н.* Способы действия диалектных глаголов с предельной семантикой основ : на материале русских говоров на территории Мордовии : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. Н. Денисова. — Саранск, 2008. — 251 с.

6. *Дмитриева О. И.* Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. И. Дмитриева. — Саратов, 2005. — 50 с.

7. *Добрушина Е. Р.* Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка / Е. Р. Добрушина. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2014. — 272 с. — ISBN 978-5-7429-0925-5.

8. *Жеребило Т. В.* Вербализация пространства и времени (на материале префиксальных глаголов с приставкой по-) / Т. В. Жеребило // Lingua-universum. — 2006. — № 2. — С. 80—85.

9. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — Москва : Наука, 1992. — 279 с. — ISBN 5-02-011082-5.

10. *Карунц Р. Г.* Семантическая соотносительность начинательных глаголов с приставкой ПО- и их производящие в русском языке / Р. Г. Карунц // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент : [б. и.], 1978. — С. 335—339.

11. *Королева Ю. В.* Полипрефиксальные глаголы в русском языке : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. В. Королева. — Томск, 2003. — 262 с.

12. *Новикова Л. Н.* Глагольные словообразовательные категории в Тверских говорах / Л. Н. Новикова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2016. — № 3. — С. 147—152.

13. *Осильбекова Д. А.* Соотношение значений и функций словообразовательных аффиксов в современном русском языке : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.01 / Д. А. Осильбекова. — Москва, 2013. — 43 с.

14. *Русская* грамматика : в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 784 с.

15. *Садченко В. Т.* Аспектуальная префиксация в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — № 2 (50). — С. 165—168.

16. *Садченко В. Т.* Глаголы с приставкой *вы-* в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 84—94. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-84-94.

17. *Садченко В. Т.* Глаголы с приставкой *за-* в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 95—106. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-95-106.

18. *Садченко В. Т.* К вопросу о вариативности наречий в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем востоке. — 2018. — Т. XV. — Выпуск 1. — С. 158—162.

19. *Серышева Ю. В.* Полипрефиксальные глаголы в языковом сознании носителей русского языка : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. В. Серышева. — Томск, 2013. — 389 с.

20. *Серышева Ю. В.* Полипрефиксальные глаголы со смягчительной семантикой в языковом сознании носителей русского языка / Ю. В. Серышева, Ю. В. Филь // Вестник Томского университета. — 2012. — Выпуск 357. — С. 29—36.

21. *Синицына Е. В.* О десемантизации глагольных префиксов (на материале донских казачьих говоров) / Е. В. Синицына // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 2 (36). — С. 108—111.

22. *Синицына Е. В.* Структурно-семантические особенности префиксальных глаголов в донском диалекте / Е. В. Синицына // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология : Исследования и материалы. — Вологда : [б. и.], 2008. — С. 29—33. — ISBN 978-5-87822-350-8.

23. *Татевосов С. Г.* Множественная префиксация и анатомия русского глагола [Электронный ресурс] / С. Г. Татевосов. — Режим доступа : http: // darwin.philol.msu.ru›staff/people…final.pdf (дата обращения 21.11.2021).

24. *Тихонов А. Н.* Глаголы с чистовидовыми приставками в современном русском языке : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Н. Тихонов. — Москва, 1963. — 189 с.

25. *Трубникова Е. В.* Пространственная семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов : сопоставительный аспект / Е. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 394. — С. 66—73. — DOI: 10.17223/15617793/394/11.

26. *Чапаева Л. Г.* Глаголы с приставкой по- в индивидуально-авторском стиле М. А Шолохова / Л. Г. Чапаева // Мир Шолохова Sholokhov's world : научно-просветительский общенациональный журнал. — 2016. — № 2 (6). — С. 50—56.

Material resources

Dictionary of Russian dialects of the Amur region. (2007). Blagoveshchensk: Publishing House of BSPU. 544 p. (In Russ.).

References

Baigildina, L. R. (1985). To the functional characteristics of a pure-type prefix in the Russian language. In: *Actual problems of Russian word formation.* Tashkent: [b. i.]. 101—103. (In Russ.).

Belskaya, N. Y. (1993). Communicative and functional aspects of the analysis of linguistic units. In: *Communicative and functional aspect of linguistic units.* Tver: TSU. 73—75. ISBN 5-230-08532-0. (In Russ.).

Boguslavsky, A. (2001). Verb prefixation in modern Russian. *Moscow Linguistic Journal, 5 (1):* 7—36. (In Russ.).

Chapaeva, L. G. (2016). Verbs with the prefix po- in the individual author's style M. A. Sholokhova. *Sholokhov's world: scientific and educational nationwide magazine, 2 (6):* 50—56. (In Russ.).

Denisova, L. N. (2008). *Methods of action of dialect verbs with the ultimate semantics of the basics: based on the material of Russian dialects on the territory of Mordovia.* PhD Diss. Saransk. 251 p. (In Russ.).

Dmitrieva, O. I. (2005). *Dynamic model of the Russian intraglagular prefix.* Author's abstract of Doct. Diss. Saratov. 50 p. (In Russ.).

Dobrushina, E. R. (2014). *Corpus studies on morphemic, grammatical and lexical semantics of the Russian language.* Moscow: Publishing House of PSTSU. 272 p. ISBN 978-5-7429-0925-5. (In Russ.).

Gorbova, E. V. (2014). Notes on the speciation of the Russian verb and the inflectional interpretation of the species. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research, X (3):* 183—211. (In Russ.).

Karunts, R. G. (1978). Semantic correlation of initial verbs with the prefix PO- and their derivatives in the Russian language. In: *Actual problems of Russian word formation.* Tashkent: [b. i.]. 335—339. (In Russ.).

Koroleva, Yu. V. (2003). *Polyprefixal verbs in the Russian language.* PhD Diss. Tomsk. 262 p. (In Russ.).

Novikova, L. N. (2016). Verbal word-formation categories in Tver dialects. *TvSU Bulletin the series "Philology", 3:* 147—152. (In Russ.).

Osilbekova, D. A. (2013). *Correlation of meanings and functions of word-forming affixes in modern Russian.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 43 p. (In Russ.).

Sadchenko, V. T. (2016). Aspectual prefix in the Russian dialects of the Amur region. *Social and humanitarian sciences in the Far East, 2 (50):* 165—168. (In Russ.).

Sadchenko, V. T. (2018). On the question of the variability of adverbs in the Russian dialects of the Amur region. *Social and humanitarian sciences in the Far East, XV (1):* 158—162. (In Russ.).

Sadchenko, V. T. (2019). Verbs with the prefix you — in the Russian dialects of the Amur region. *Nauchnyj dialog, 12:* 84—94. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-84-94. (In Russ.).

Sadchenko, V. T. (2021). Verbs with the prefix *za-* in the Russian dialects of the Amur region. *Nauchnyj dialog, 2:* 95—106. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-95-106. (In Russ.).

Serysheva, Yu. V. (2013). *Polyprefixal verbs in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language.* PhD Diss. Tomsk. 389 p. (In Russ.).

Serysheva, Yu. V., Fil, Yu. V. (2012). Polyprefixal verbs with extenuating semantics in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language. *Bulletin of Tomsk University, 357:* 29—36. (In Russ.).

Shvedov, N. Y. (ed.). (1980). *Russian grammar: in 2 volumes.* Moscow: Nauka. 784 p. (In Russ.).

Sinitsyna, E. V. (2008). Structural and semantic features of prefixed verbs in the Don dialect. In: *Dialect word formation, morphemics and morphology: Research and materials.* Vologda: [b. i.]. 29—33. ISBN 978-5-87822-350-8. (In Russ.).

Sinitsyna, E. V. (2009). On the desemantization of verbal prefixes (based on the material of Don Cossack dialects). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2 (36):* 108—111. (In Russ.).

Tatevosov, S. G. *Plural prefixation and anatomy of the Russian verb.* Available at: http: // darwin.philol.msu.ru "staff/people...final.pdf (accessed 11.21.2021). (In Russ.).

Tikhonov, A. N. (1963). *Verbs with pure-type prefixes in modern Russian.* PhD Diss. Moscow. 189 p. (In Russ.).

Trubnikova, E. V. (2015). Spatial semantics of English phrasal and Russian prefixed verbs: comparative aspect. *Bulletin of Tomsk State University, 394:* 66—73. DOI: 10.17223/15617793/394/11. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (1992). *Word formation as an activity.* Moscow: Nauka. 279 p. ISBN 5-02-011082-5. (In Russ.).

Zherebilo, T. V. (2006). Verbalization of space and time (based on the material of prefixed verbs with the prefix po-). *Lingua-universum, 2:* 80—85. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.11.2021,
одобрена после рецензирования 16.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сигал К. Я. Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века : основные тенденции / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 94—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-94-121.

Seagal, K. Ya. (2022). Development of Punctuation theory in First Quarter of 21st Century: Main Trends. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 94-121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-94-121. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-94-121

Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века: основные тенденции

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Development of Punctuation theory in First Quarter of 21st Century: Main Trends

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Researcher
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлено обобщение основных тенденций в развитии русско- и англоязычной теории пунктуации в первой четверти XXI века, а именно относительно устойчивых направлений в анализе пунктуации в рамках коммуникативно-прагматического подхода и пунктуационной деятельности в ее функциональном разнообразии. Актуальность исследования заключается в следующем: до сих пор отсутствует представление о том, что нового сделано в теории пунктуации в первой четверти XXI века и каковы основные тенденции ее развития. Новизна исследования состоит в раскрытии того, как освещается теория пунктуации сквозь призму коммуникативно-прагматического подхода. Анализ развития теории пунктуации в первой четверти XXI века основан на русско- и англоязычных публикациях 2000□2021 годов. Показано, как в теории пунктуации первой четверти XXI века на основе коммуникативно-прагматического подхода рассматриваются принципы и функции пунктуации, соотношение знака препинания и пунктуационной позиции, основания приоритетности знаков препинания, вербализация знаков препинания, пунктуационная вариантность, смыслоразличительный потенциал пунктуации, текстовая пунктуация. Кроме того, продемонстрировано, как освещается функциональное разнообразие пунктуационной деятельности, в том числе употребление знаков препинания в компьютерно-опосредованной коммуникации.

Ключевые слова:
теория пунктуации; пунктуационная деятельность; коммуникативно-прагматический подход; пунктуационный узус; креативность в пунктуации.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

A generalization of the main trends in the development of the Russian and English punctuation theory in the first quarter of the 21st century is presented, namely, relatively stable trends in the analysis of punctuation within the framework of the communicative-pragmatic approach and punctuation activity in its functional diversity. The relevance of the study lies in the following: there is still no idea of what has been done in the theory of punctuation in the first quarter of the 21st century and what are the main trends in its development. The novelty of the study is in the disclosure of how the theory of punctuation is covered through the prism of a communicative-pragmatic approach. An analysis of the development of punctuation theory in the first quarter of the 21st century is based on Russian and English publications from 2000 to 2021. It is shown how in the theory of punctuation of the first quarter of the 21st century, on the basis of a communicative-pragmatic approach, the principles and functions of punctuation, the relationship between the punctuation mark and the punctuation position, the grounds for the priority of punctuation marks, the verbalization of punctuation marks, punctuation variance, the semantic potential of punctuation, textual punctuation are considered. In addition, it is demonstrated how the functional diversity of punctuation activity, including the use of punctuation marks in computer-mediated communication is covered.

Key words:
punctuation theory; punctuation activity; communicative-pragmatic approach; punctuation usage; creativity in punctuation.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК [811.161.1+811.111]:003.086“2000/2021”

Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века: основные тенденции

© Сигал К. Я., 2022

Researchers are increasingly realizing that punctuation
is a fascinating area to study!
C. Claridge, M. Kytö

1. Введение = Introduction

В конце XX века в русско- и англоязычной теории пунктуации преобладал взгляд на пунктуацию как на особую систему, отображающую в своей организации функциональную предназначенность знаков препинания в письменном высказывании (тексте) и его частях (ср., в частности, [Шварцкопф, 1988] и рецензии [Ширяев, 1991; Comtet, 1990], а также [Nunberg, 1990] и рецензию [Humphreys, 1993]). Благодаря функционально-системному подходу в теории пунктуации стало очевидно, что «главная <…> отличительная черта пунктуационной системы в том, что эта искусственная система ориентирована, несомненно, на естественную систему — на язык» [Ширяев, 1991, с. 150].

В первой четверти XXI века для русско- и англоязычной теории пунктуации характерно пристальное внимание к функционированию пунктуации в речевой деятельности пишущего (в меньшей степени — читающего), то есть — по сравнению с концом XX века — произошла смена фокуса внимания: от пунктуации как таковой обратились к пишущему, оперирующему пунктуацией в своей речевой деятельности. По этой причине функционально-системный подход, не способный обеспечить акцент на субъекте речевой деятельности в ее письменном регистре, стремительно был вытеснен в теории пунктуации коммуникативно-прагматическим подходом. В первой четверти XXI века пунктуация получила осмысление как «навык (skill), <…> который не может быть приобретен независимо от социокультурного опыта» и при этом как сфера «личностной критической интерпретации <…> и дизайна» [Betham, 2011—2012, p. 48]. Тот факт, что эмоционально-субъективное переживание собственной и чужой пунктуационной деятельности (в последнем случае — вплоть до пуризма) приобретает сейчас небывалую ценность, подтверждается расцветом так называемой «развлекательной (recreational) пунктуации» [Watson, 2005] —

CC BY

жанра, создающего бестселлеры (ср., например, [Пасько, 2007] и особенно [Truss, 2003; Трасс, 2006]).

Необходимо отметить, что развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века как в русской, так и особенно в англоязычной традиции во многом соответствует более общим представлениям о том, какой должна быть лингвистика XXI века. Так, по мнению академика РАН В. А. Плунгяна, в XXI веке нам предстоит иметь дело с «лингвистикой вариативности», с корпусной «лингвистикой текста, ориентированной на квантитативные методы, на изучение диахронии и на максимальное языковое разнообразие» [Плунгян, 2018, с. 7, 10]. Представляется, что в новейшем коллективном труде [Punctuation in context …, 2020] продемонстрировано именно то, что теория пунктуации, развиваемая в русле коммуникативно-прагматического подхода, вполне удовлетворяет тому образу лингвистики XXI века, о котором пишет В. А. Плунгян. Однако наряду с корпусным анализом в рамках современной теории пунктуации применяют и метод эксперимента, добиваясь от носителей языка необходимой пунктуационной реакции или побуждая их к метаязыковой рефлексии над пунктуацией (ср., в частности, [Булгакова и др., 2014; Тискова, 2004; Betham, 2011—2012]).

Безусловно, развитие русско- и англоязычной теории пунктуации в первой четверти XXI века отличается и другими более общими чертами. Во-первых, несмотря на продолжение работы по кодификации пунктуационного узуса [Правила …, 2014; Woods, 2006], в теории пунктуации осуществляется переход от предписывающего рассмотрения пунктуации к описательному и объяснительному. Применительно к пунктуации описание состоит в ее «изучении с ориентацией на корпус» [Звегинцев, 1996, с. 27], а объяснение — в «привязанности <…> к человеку» [Там же, с. 38], к субъекту речевой деятельности, оперирующему знаками препинания сообразно их предназначению и своим потребностям. Во-вторых, в теории пунктуации начинает преобладать объективная (в противовес нормативной!) точка зрения, «при которой эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение — познавательное» [Пешковский, 2007, с. 145]. Объективная точка зрения позволяет более широко охватить разнообразные факты употребления пунктуации и более свободно подойти к их интерпретации.

Выборочный анализ русско- и англоязычных публикаций по теории пунктуации 2000—2021 годов позволяет выявить и более конкретные основные тенденции в развитии теории пунктуации в первой четверти XXI века. В данном случае под основными тенденциями понимаются от-

CC BY

носительно устойчивые направления в анализе пунктуации в рамках коммуникативно-прагматического подхода и пунктуационной деятельности в ее функциональном разнообразии. Целью настоящей статьи является обобщение этих более конкретных основных тенденций в развитии русско- и англоязычной теории пунктуации в первой четверти XXI века.

Надо сказать, до сих пор отсутствуют представления о том, что нового сделано в теории пунктуации в первой четверти XXI века, каковы основные тенденции ее развития, насколько они обусловлены изменениями в наши дни письменной формы речевой деятельности, в том числе благодаря компьютерно-опосредованной коммуникации (ср. термин-понятие «computer-mediated communication» [Raclaw, 2006, p. 299]), и в связи с этим повышенной функциональной нагрузкой на сферу пунктуации, наконец, как может повлиять коммуникативно-прагматический «поворот» в подходе к пунктуации на ее кодификацию. Это обусловило актуальность работы.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые определены основные тенденции в развитии русско- и англоязычной теории пунктуации в первой четверти XXI века, а именно выделены особенности освещения теории пунктуации сквозь призму коммуникативно-прагматического подхода и показаны специфические черты современной пунктуационной деятельности в ее функциональном разнообразии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала для настоящей статьи (по своему жанру — аналитического обзора), посвященной развитию теории пунктуации в первой четверти XXI века, использованы 48 и 17 публикаций (монографий, диссертаций, статей) на русском и английском языках соответственно, вышедших из печати в 2000—2021 годах. Выбор именно этих публикаций связан с тем, что в них не только изложены ценные наблюдения над пунктуационным узусом, но и определен новый ракурс теоретического осмысления пунктуации — коммуникативно-прагматический. Рассмотрение публикаций осуществлялось посредством применения интерпретативного (или аналитического) метода, давшего возможность выделить ключевые идеи коммуникативно-прагматического подхода к пунктуации. Несмотря на то, что многие лингвисты лишь по мере необходимости обращаются к исследованиям по теории пунктуации, появившимся в наши дни, им удалось установить главное: моделирование пунктуации в действии стало возможным благодаря тому, что современная теория пунктуации приобрела коммуникативно-прагматическую направленность (ср., в частности, [Андросова, 2018; Punctuation in context …, 2020]).

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пунктуация в зеркале коммуникативно-прагматического подхода

Как известно, коммуникативно-прагматический подход решает двуединую задачу: «вскрывает такие свойства языковых единиц, которые проявляются в общении, то есть в коммуникативных взаимодействиях партнеров в процессе обмена мыслями (и чувствами)», с одной стороны, и «предполагает учет того значимого компонента языковых единиц, который связан с человеком, использующим язык как орудие общения и делающим свой выбор для достижения поставленных целей», с другой [Формановская, 2002, с. 5]. Согласно Н. И. Формановской, в рамках коммуникативно-прагматического подхода на первый план выходят «периферийные языковые образования» [Там же, с. 7], к которым в условиях письменной речи, несомненно, относятся средства пунктуации (знаки, приемы и т. д.).

Одной из важнейших тенденций в развитии теории пунктуации в первой четверти XXI века, происходящем под эгидой коммуникативно-прагматического подхода, является возникновение новых представлений о принципах пунктуации, то есть о детерминирующих факторах пунктуационной деятельности. Во-первых, общепринятые принципы пунктуации (структурно-синтаксический, смысловой, интонационный) перестали восприниматься как автономные и равнозначные. Специалисты по пунктуации полагают теперь, что «на самом деле в большинстве случаев» эти принципы «действуют нераздельно, хотя с соблюдением определенной иерархии» [Валгина, 2004, с. 33].

Во-вторых, в качестве доминирующего принципа пунктуации, во многом подчиняющего себе названную триаду, называют коммуникативный [Прияткина, 2007] либо коммуникативно-прагматический [Андросова, 2018, с. 17]. Как разъясняет Н. Л. Шубина, «пунктуационные нормы следует относить к коммуникативно-прагматическим, так как они, будучи наименее обязательными, регулируют употребление пунктуационных знаков в соответствии с теми условиями, которые устанавливаются в конкретной коммуникативной ситуации, то есть в конкретном тексте» [Шубина, 2006, с. 63]. При этом выдвижение коммуникативного принципа пунктуации предлагается отображать в речевой практике. Так, например, коммуникативный принцип пунктуации должен приводить к недопустимости отделения посредством запятой части ремы высказывания. Ср. обособление деепричастного оборота с отрицанием в рематической позиции, являющееся отступлением от коммуникативного принципа: *Многие юные граждане поступают в школу**, не зная русского языка***. «Неоправданная запятая, — пишет в связи с этим пунктуационным фактом А. Ф. Прияткина, — то есть

CC BY

запятая при отсутствии обособления, фактически искажает смысл высказывания, — просто эта помеха в силу привычки не замечается коммуникантами» [Прияткина, 2007, с. 379—380]. Не чем иным, как умалением роли коммуникативного принципа пунктуации, О. А. Крылова объясняет отказ от постановки тире в биноминативных предложениях с нулевой связкой и дополнением между его главными членами. «Если сохранить тире, то семантико-синтаксические связи этого второстепенного члена предложения будут четко выявлены; например: *Дети* ***родителям*** *— помощники* (Кем являются дети для родителей?) или: *Дети —* ***родителям*** *помощники* (Кто суть дети?)» [Крылова, 2008, с. 50].

Понятно, что от замечаний такого рода рано или поздно специалисты по пунктуации вынуждены будут перейти к кодификации пунктуационного маркирования, обусловленного коммуникативным принципом, поскольку «стихийно, в речевой практике коммуникативный принцип давно пробивает себе дорогу» [Прияткина, 2007, с. 380].

В-третьих, вопреки «привязке» доминирующего принципа к типу пунктуации [Орехова, 2000] и тем самым его стабильности в пунктуационном узусе, один из подчиненных принципов может оказаться необходимым в обеспечении равно как перцептивного автоматизма, так и стилистической установки. Это всецело относится к структурно-синтаксическому принципу в английской пунктуации, о котором в первой четверти XXI века писали немало. Так, К. Шу отмечает: «На уровне синтаксиса бóльшая часть пунктуационного оформления посредством запятой теперь избыточна, так как фактор неделимости охватывает все больше конструкций. Это сделало возможной практику открытой пунктуации (open punctuation), в которой используется лишь пунктуационное оформление, нужное для общения» [Shou, 2007, p. 214]. С. Уотсон предлагает, не отвергая синтаксических по своей сути правил пунктуации, «думать за пределами (beyond) их» [Watson, 2012, p. 672] (ср. также [Baron, 2001, p. 62]), а Л. С. Митчелл, подводя итоги своим наблюдениям над пунктуацией в современной художественной литературе, заявляет буквально следующее: «Но только сопоставив давление пунктуации с синтаксисом, контролируемым (или, наоборот, игнорируемым) ею, можно начать объяснять волшебство, которое мы ощущаем в процессе простого сканирования страницы» [Mitchell, 2020, p. 175].

А. Е. Крэн выдвигает новую трактовку пунктуации как «системы символов и графических элементов, используемых для защиты целостности предложения в английском письме и обеспечения визуальной выделимости предложения» [Krahn, 2014, p. 136], причем имеется в виду исключительно «абстрактное каноническое предложение SVO (“субъект — глагол — объект”)» [Там же, p. 171]. Характерно, что у А. Е. Крэна актуализация

CC BY

структурно-синтаксического принципа пунктуации, пусть даже взятого в редуцированном виде, взаимодействует с идеями гештальта и зрительного восприятия.

Особую тенденцию, возникшую в теории пунктуации благодаря коммуникативно-прагматическому подходу, образует расширение функций знаков препинания в графической «упаковке» речи. Наряду с функциями разделения (или отделения) и выделения в первой четверти XXI века специалисты по пунктуации отмечают еще одну — функцию соединения (или связи) [Кольцова, 2006, с. 8], развивая идею Б. С. Шварцкопфа о том, что, «разделяя или выделяя одни элементы, пунктуационный знак тем самым связывает (сплачивает) другие» [Шварцкопф, 1988, с. 16]. Против функции соединения в сфере пунктуации, по мнению М. А. Петриченко, свидетельствует тот факт, что «пунктуация потому и присутствует в тексте, предложении, что они являются связными, связной речью и эту речь следует представить как членораздельную, <…> *отделив* и *выделив* (курсив автора цитаты. — *К. С.*) в ней отдельные элементы» [Петриченко, 2003, с. 52]. Кроме того, развитие письменной речи отражает движение к членению: «В первых памятниках письменности пробел между словами, равно как и знаки препинания, отсутствовали» [Там же, с. 53]. Однако функция соединения, причем в пунктуационной практике наших современников, является весьма востребованной. Так, например, дефис, использование которого было привычно при пунктуационном оформлении одиночных приложений или тех же голофрастических конструкций, начинает выполнять «интегрирующую функцию» [Гималетдинова, 2010, с. 189] в рядах однородных членов предложения, употребляясь вместо запятой. Ср. пример из блога в «Живом Журнале»: *Спрашиваем друг у друга, кто как отмечает, покупаем* ***елки-шампанское-петарды-подарки-мандарины****, планируем движения и тусовки* [Нгуен Тиен Динь, 2016, с. 131]. Показательно, что функция соединения, обеспечиваемая дефисом, поддерживается здесь такими условиями синтаксической связности однородных членов предложения, как бессоюзие и отсутствие распространителей. В данном случае функция соединения у дефиса дала возможность не только перечислить все наиболее характерное, что обычно покупают для новогоднего праздника, но и развернуть ситуативную номинацию ad hoc.

Для коммуникативно-прагматического взгляда на пунктуацию функция соединения (или связи) столь важна потому, что в зависимости от роли субъекта речи в пунктуационной деятельности суть этой функции определяется по-разному. Так, если «для читающего связь элементов простого или частей сложного предложения зависит от разделения и / или выделения (связь как следствие)», то «для пишущего разделение и / или вы-

CC BY

деление следует за связью элементов или частей, он выражает эту связь разделением и / или выделением (связь как цель)» [Шварцкопф, 1988, с. 16]. Именно поэтому в первой четверти XXI века развивается трактовка пунктуации в предложении (и тексте) как «совокупности позиций, обеспечивающих в первую очередь смысловое единство» [Кольцова, 2006, с. 35].

Заметной тенденцией в теории пунктуации, развиваемой на коммуникативно-прагматической основе, стало изменение представлений об основной единице пунктуации: это уже не столько знак препинания как таковой, сколько пунктуационная позиция. Позиции в пунктуации отражают конструктивно-синтаксические, коммуникативно-синтаксические и коммуникативно-смысловые условия сегментирования письменного высказывания (текста) посредством знаков препинания. Пунктуационная позиция первична по отношению к знаку препинания, то есть обусловливает постановку или нулевую представленность определенного знака препинания. «Не замещенные, не маркированные знаками препинания позиции, — подчеркивает Л. М. Кольцова, — системно представлены и исправно выполняют свои функции, поскольку непосредственно связаны со смыслами» [Там же, с. 31]. Во многом благодаря этому становятся возможными так называемые беспунктуационные тексты, которые правильнее было бы называть текстами без знаков препинания, поскольку пунктуационные позиции в них сохраняются и передают необходимую графически-сигнальную информацию (ср. интереснейший эксперимент с беспунктуационным стихотворением [Петриченко, 2003, с. 140—141]). Для эволюции пунктуации существенно, что «разные знаки, попадая в одинаковую позицию, под влиянием этой позиции приобретают новые функции» [Валгина, 2004, с. 42].

Интересно отметить, что в первой четверти XXI века специалисты по пунктуации пристальное внимание уделяли изучению далеко не всех знаков препинания, но преимущественно тех, которые отображают эмоции, эмоционально-оценочные «сдвиги» в описательных или повествовательных контекстах, участвуют в передаче имплицитных смыслов, способствуют созданию субъективированного пунктуационного оформления письменного высказывания. Прежде всего это тире [Садченко, 2009; Семейко, 2007] и особенно многоточие, тщательно рассмотренное с диахронической точки зрения на материале русских и английских художественных текстов [Копылова, 2000; Toner, 2015], в плане метаязыковой рефлексии в Интернет-дискурсе [Басалаева и др., 2015], в функционально-структурном аспекте (употребление многоточия как парного знака [Поспелова, 2003], вариантность «многоточие / тире» в английской беллетристике [Майзенгер, 2004, с. 13]), в ракурсе контрастивной пунктуации и художественного перевода [Сигал, 2014; Чайковский и др., 2012]. Подобный исследователь-

CC BY

ский «ажиотаж» обусловлен, с одной стороны, активизацией этих знаков препинания в современном пунктуационном узусе [Широкова, 2015], а с другой стороны, их непосредственной включенностью в реализацию коммуникативного принципа пунктуации.

Весьма ценным приобретением теории пунктуации в первой четверти XXI века надо признать обращение к метаязыковым рассуждениям о знаках препинания (в частности, о многоточии), полученным из Интернет-форумов, блогов, сообщений в социальных сетях (реже — в эксперименте), и прогнозирование на основе их анализа оценочных реакций на знак препинания в письменной коммуникации. Так, Е. Г. Басалаева и М. В. Шпильман установили, что употребление многоточия оценивается двояко: «с позиции собственной языковой практики (*Многоточие — мой любимый знак… Наверное, он передает какие-то внутренние переживания…*)» и «с позиции интерпретатора чужого коммуникативного поведения (*Просто тошнит от этого! Люди, ставящие многоточия, думают зачастую, что это придает тексту некий шарм, индивидуальность. Но на деле получается полнейшая пошлятина*)» — и что смена коммуникативных ролей может «обусловливать гедонистический вектор сообщения: в своей речи использование многоточия оценивается, как правило, положительно, тогда как в чужой — отрицательно» [Басалаева и др., 2015, с. 250]. Совершенно очевидно, что благодаря такого рода метаязыковым показаниям в теорию пунктуации вводится реальный (а не абстрактно-модельный!) пользователь в его социокультурной конкретности, что крайне важно для коммуникативно-прагматического подхода.

При коммуникативно-прагматическом исследовании пунктуации особое место отводится такому явлению, как вербализация знаков препинания, отражающему «влияние вторичной коммуникативной системы на первичную и образа письменного текста на порождение высказывания» [Ильина, 2014, с. 12]. Говорящий / пишущий употребляет наименование пунктуационного знака либо для описания действий с ним в реальной / воображаемой письменной речи (прямое значение), либо для метафорического обозначения чего-либо, не имеющего непосредственного отношения к пунктуации (переносное значение) [Ищук, 2014а; Куликова и др., 2017; Перфильева, 2015]. Иногда утверждается, что «вербализация графических символов» является «одной из разновидностей авторской пунктуации» [Ищук, 2014а, с. 137]. Ср., однако: *Поставим жирную* ***точку*** *в нашем споре!* Ясно, что вербализация приобретает для знака препинания лексическое «подданство», тем более в случае переносного употребления.

Нужно сказать о том, что одной из первых на это явление обратила внимание израильский лингвист Е. Бороховски Бар-Аба, рассмотревшая

CC BY

употребление наименований знаков препинания в разговорном иврите [Borochovsky Bar-Aba, 2003]. Так, знак препинания *nekuda* ‘точка’ выполняет процедурно-организующую функцию, разделяя текст на структурные единицы. При вербализации у наименования знака препинания возникает установочная функция, эмотивная по своей природе. Ср.: *’ani do ’eg lema’arexet ha-xinux.* ***nekuda*** ‘Я забочусь о системе образования. Точка’. Это высказывание некогда было произнесено министром образования Йоси Саридом в ответ на следующие слова репортера: «Вы заботитесь о системе образования в целом и о светском образовании в частности». По мнению Е. Бороховски Бар-Аба, «слово *nekuda* ‘точка’ используется для того, чтобы выразить свое желание прекратить обсуждение темы», с одной стороны, и для того, чтобы «отвергнуть импликацию», заложенную в речи репортера, с другой [Там же, p. 1036—1037]. Несмотря на то, что знак препинания «точка» маркирует конец повествовательного предложения, слово *nekuda* ‘точка’ встречается и в конце вопросительных предложений. Ср.: *’ata mitkaven lehamshix kaxa,* ***nekuda****?* ‘Это так ты собираешься жить дальше, и точка?’ [Там же, p. 1040].

Важную тенденцию в теории пунктуации, основанной на коммуникативно-прагматическом подходе, представляет изучение вариантности оформления одной и той же пунктуационной позиции, или, коротко говоря, пунктуационной вариантности. Согласно Н. С. Валгиной, «вариантность пунктуации не есть необязательность, факультативность: нужный смысл или его оттенок фиксируется только одним пунктуационным вариантом <…> Поэтому вариантность употребления знаков препинания есть следствие не их факультативности, а их контекстуальной обусловленности» [Валгина, 2004, с. 48]. Несмотря на то, что употребление знаков препинания является в какой-то мере нормативным актом и ориентировано на применение того или иного пунктуационного правила, «пунктуационные варианты не нарушают нормативности современной пунктуации» и «не могут рассматриваться как ошибки или отклонения от установленных правил» [Бурак, 2011, с. 44]. Пунктуационный вариант является экспрессивным ресурсом (в плане синхронии), но иногда демонстрирует отсутствие нормативного и / или принятого в узусе образца оформления пунктуационной позиции (в плане диахронии).

Известно, что бессоюзные сложные предложения, обладающие недифференцированной семантикой, допускают вариантное пунктуационное оформление. Например, в бессоюзных сложных предложениях с условно-временными отношениями нормативным считается тире, но при ослаблении условно-следственной зависимости вполне возможна запятая; ср.: *Не умеешь петь — в запевалы не суйся* и *Не принять горького, не узнать*

CC BY

и сладкого [Чернышева, 2012, с. 140]. Вариантность «тире / двоеточие» в бессоюзном сложном предложении может быть основана на разном характере диктумно-модусных отношений: при связи двух диктумных частей в рамках единого модусного плана ставится тире, в случае мены модуса — двоеточие [Ярыгина, 2015, с. 82].

По наблюдениям Т. Г. Щецовой, в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина (конец XVIII века) прямая речь довольно редко выделяется абзацным отступом и маркируется кавычками, что отражает «начальный этап формирования <…> пунктуационных норм выделения прямой речи» [Щецова, 2014, с. 91—92]. Н. А. Николина отмечает, что в современной художественной прозе «кавычки, абзацное выделение и двоеточие перестают служить сигналом разграничения своего и чужого слова, поскольку размытой оказывается сама граница между ними» [Николина, 2013, с. 16]. Ср. в рассказе Т. Толстой «Милая Шура»: *Чужой ребенок доверчиво вывалил песочные сокровища на колени Александре Эрнестовне. Не пачкай тете одежду. Ничего… Пусть* [Потапова, 2006, с. 506]. Безусловно, подача прямой речи «в подбор» и без сопровождения необходимыми пунктуационными знаками в постмодернистской прозе (да уже и не только в ней!) стала особым пунктуационно-стилистическим приемом. Н. М. Карамзин, наоборот, как прием осознавал пунктуационное оформление прямой речи, поскольку он ставил кавычки только «в особо значимых репрезентациях прямой речи», «выступающих в качестве некоего текстового камертона» [Щецова, 2014, с. 91]. Основу обоих приемов, отстоящих друг от друга на два столетия, образует не что иное, как пунктуационная вариантность.

При коммуникативно-прагматическом подходе заметна тенденция рассматривать пунктуацию как значимый для общения «слой» организации письменного высказывания, в том числе и воображаемого. Чаще всего специалисты по пунктуации останавливаются на демонстрации роли пунктуации в разрешении неоднозначности. Так, А. С. Бердичевский и Б. Л. Иомдин приводят диалог: — *Представляешь, [такой-то] опозорился как лингвист. — С запятой или без?* — и дают следующее разъяснение: «Вопрос совершенно законен: если без запятой перед *как*, то [такой-то] опозорился в качестве лингвиста, оказался плохим лингвистом, а если с запятой, то опозорился, словно лингвист (лингвист выступает некоторым эталоном позора)» [Бердичевский и др., 2007, с. 47].

Однако иногда идут дальше и утверждают, что «в обыденном общении (частная переписка, СМС, Интернет-общение и т. п.) соблюдение требований нормативной пунктуации воспринимается участниками общения как в некотором роде культурно-знаковый ритуал, не увязанный с коммуникативными основаниями» [Голев и др., 2010, с. 131]. В экспериментальном

CC BY

исследовании О. В. Тисковой выяснилось, что помехи для читающего создаются «отсутствием знаков препинания в “спорных” пунктуационных ситуациях и наличием знаков препинания в неестественной пунктуационной ситуации (пунктуационные описки)» [Тискова, 2004, с. 15] и что «отказ от внутрифразовой пунктуации лишь в половине случаев приводит к опасности неоднозначного прочтения предложения» [Там же, с. 18]. По-видимому, дело в том, что при чтении восприятие пунктуации осуществляется во многом в автоматизированном режиме, но даже «знаки препинания, только подкрепляющие значения и отношения, выраженные другими языковыми средствами», то есть не играющие смыслоразличительной роли, помогают читающему «быстрее и вернее разбираться в синтаксической структуре текста и в значениях, вложенных в него пишущим» [Шапиро, 1955, с. 86].

Наконец, еще одной тенденцией в исследованиях пунктуации в первой четверти XXI века (пожалуй, одной из важнейших в рамках коммуникативно-прагматического подхода) является разработка теории текстовой пунктуации [Кольцова, 2006]. Л. М. Кольцова предложила ряд эвристически ценных понятий теории текстовой пунктуации, в частности «пунктуационный сценарий», то есть «совокупность всех пунктуационных позиций (обозначенных и не обозначенных знаками препинания) в пределах текста» [Там же, с. 102]. Е. Н. Ищук, обратившись к художественной прозе реализма и постмодернизма, показала, что различие типизированных пунктуационных сценариев позволяет «отличить своеобразный стилевой почерк одного автора от другого» [Ищук, 2015, с. 118]. Теория текстовой пунктуации, у истоков которой стоял И. А. Фигуровский (ср. постановку проблемы [Фигуровский, 1936]), не сложилась окончательно и в наши дни. Однако потребность в ней остро ощущается именно теперь, когда выдвинута гипотеза о том, что пунктуация «включается в программу текстообразования на всех его этапах» [Шубина, 2006, с. 105], и когда описание пунктуационной деятельности охватывает разнообразные (в том числе ранее не отмеченные либо вовсе не существовавшие) сферы функционирования знаков препинания в речевой коммуникации.

3.2. Функциональное разнообразие пунктуационной деятельности

Пунктуационная деятельность как целенаправленный акт употребления знаков препинания в письменной речи почти никогда не бывает автономной, независимой от закономерностей порождения / восприятия высказывания в той или иной функциональной сфере речевой коммуникации. В первой четверти XXI века пунктуационная деятельность трактуется не столько как применение пунктуационных правил, отражающих общую для любых речевых условий прескрипцию, сколько как обусловленное функциональ-

CC BY

но-стилевой принадлежностью, жанром, диапазоном экспрессивности того или иного текста маркирование знаками препинания коммуникативной целеустановки и актуализации, эмоциональной окрашенности, смысловой организации и синтаксической структуры предложения. Разработка теории пунктуации в русле коммуникативно-прагматического подхода позволила увидеть широчайший функциональный «разброс» в употреблении знаков препинания, обусловленный функциональным разнообразием пунктуационной деятельности. Очевидно, что характер пунктуационной деятельности при создании Интернет-мемов [Канашина, 2021], при составлении брачного объявления или при написании научной статьи, а следовательно, и пунктуационный «рисунок» каждого из этих текстов во многом различны.

В первой четверти XXI века специфика пунктуационной деятельности и, соответственно, пунктуационного оформления получила описание на весьма разнообразном текстовом материале: это и реклама [Захарова, 2009], и студенческие конспекты [Ярица, 2009], и СМС [Ong'onda et al., 2010], и сообщения в мессенджерах [Карпухина, 2021], и даже граффити [Стренева, 2007] и улицы города [Cook, 2014].

Так, в рекламе нередко происходит взаимодействие знака препинания и визуальных образов: «Семантизированные знаки могут быть представлены в виде каких-либо изображений. Например, восклицательный знак в рекламе корма для кошек Kitekat после призыва *Держи хвост морковкой* изображен в виде морковки <…> Оригинальное изображение восклицательного знака указывает на новый вкус продукта: рекламируется корм для кошек с овощами» [Захарова, 2009, с. 27]. Точка и восклицательный знак в сообщениях мессенджеров воспринимаются как «показатели речевой агрессии», но при редупликации эти знаки препинания охотно употребляются как отдельные высказывания [Карпухина, 2021, с. 16—17]. На улицах города пунктуация может быть как вполне стандартной (в объявлениях), так и ограниченной только разрывами строк (в указателях местоположения). При этом, по мнению В. Кук, «пунктуация улицы не является девиантной, неграмотной или ошибочной, она представляет собой ответ на функциональные потребности тех, кто ее использует» [Cook, 2014, p. 267]. Интересно, что подобный пунктуационный минимализм в граффити Н. В. Стренева объясняет возрастом пишущих (ср. надписи на партах в учебных аудиториях) и их установкой на игровое речевое поведение [Стренева, 2007, с. 121].

Во многом следуя сложившейся в прошлом столетии традиции речеведения, в первой четверти XXI века пунктуационную деятельность исследовали в рамках функциональных стилей речи: научного, официально-делового, газетно-публицистического, художественного.

CC BY

Для научного стиля речи характерно единообразное оформление разных пунктуационных позиций. Так, в английских научных текстах конца XX века обнаружено, что «многие функции запятой, двоеточия, точки с запятой, круглых скобок постепенно переходят к тире, превращая его в самый полифункциональный пунктуационный маркер» [Убушаева, 2012, с. 151]. Научному стилю нашего времени свойственно более свободное пунктуационное выражение эмоций и эмоционального отношения, причем в наиболее заметных, прагматически сильных позициях. Например, эпиграф к настоящей статье (ср. его перевод: «Исследователи все больше осознают, что пунктуация — это увлекательная область для изучения!») представляет собой инициальное высказывание, с которого начинается коллективный научный труд [Punctuation in context …, 2020, p. 7]. По-видимому, в данном случае восклицательный знак указывает на эмоционально пристрастное отношение к своей области исследования, с одной стороны, и на стремление «спровоцировать» эмоциональное вовлечение читателя, с другой.

Применительно к официально-деловому стилю речи утверждается, что «в деловой переписке в ее цифровой версии знаки препинания <…> чаще используются как знаки эмоций, создавая определенный эмоциональный фон бизнес-диалога» [Северская и др., 2021, с. 51]. Это следует из наблюдений над обильным употреблением восклицательного знака и многоточия. Однако отмечается «крен» и в другую сторону. «В деловых письмах часто после обращения восклицательный знак заменяется точкой, что противоречит современным пунктуационным нормам, или запятой, например: ***Уважаемая Ольга Игоревна.*** / ***Господа,*** *в продолжение нашего разговора хочу предложить сотрудничество*» [Там же, с. 49]. Деловая переписка нашего времени не чуждается пунктуационных заимствований: в частности, запятая после традиционного для завершения письма эмотивно-этикетного сопровождения подписи (ср.: ***С уважением,*** *Иванов*) восходит к английской пунктуации. Е. Г. Водолазкин предположил, что здесь «мы имеем дело <…> с влиянием переводчика компьютерной почтовой программы. Это самое “*С уважением,*” там присутствует в качестве предлагаемой вставки-подписи и является переводом англоязычного эквивалента (“*Best wishes*”?), сопровождаемого обычно запятой» [Водолазкин, 2014, с. 276—277].

Газетно-публицистический стиль речи отличается «экспрессивной пунктуацией, отражающей интонацию речи (паузы, мелодические взлеты и падения, эмотивные и логические акценты)» и «способной включаться в реализацию всех видов речевого воздействия: “эмоционального заражения”, внушения, убеждения» [Будниченко, 2003, с. 149]. Экспрессивная пунктуационная деятельность в публицистике строится на предотвраще-

CC BY

нии автоматизированного восприятия знаков препинания в определенной пунктуационной позиции либо в определенном взаимодействии с другими пунктуационными и / или вербальными элементами. Л. А. Будниченко разграничивает в публицистической речи четыре типа экспрессивных пунктуационных приемов: конструктивные (парцелляция, дубитация и др.); эмотивные (комплексы одинаковых или разных знаков препинания, ср.: <!! / !!!>, <?! / !.. >); комбинированные метатекстовые (взаимодействие скобок с восклицательным или вопросительным знаком); контаминированные (комбинация союза с многоточием или тире, многоточие с разрывом синтаксической цепи, многоточие с лексическим повтором) [Там же, с. 194, 196, 213, 221—222]. Многообразие способов экспрессивизации пунктуационного «рисунка» текста в сфере публицистики демонстрирует ограниченность представления о том, что «в основе механизма экспрессивных пунктуационных приемов лежит употребление знака препинания в не свойственной ему позиции» [Дзякович, 1994, с. 8].

В художественной речи пунктуация получает эстетическую нагрузку, участвует в композиционно-смысловой организации повествования, определяет характер суггестии и, конечно же, создает доминанты авторского стиля. Подобная «симфония пунктуации» (the symphony of punctuation), по выражению Н. Люкмэна, может ощущаться и, несомненно, переживаться уже в первом предложении художественного текста [Lukeman, 2006, p. 180]. Ср. в рассказе Э. По «Сердце-обличитель» (“The Tell-Tale Heart”): *True! — nervous — very, very dreadfully nervous I had been and am; but why* ***will*** *you say that I am mad? // ‘Верно! я нервничал — как и сейчас — очень, очень страшно нервничал; но почему* ***хотите*** *вы сказать, что я безумен?’* (перевод И. Головачевой, С. Удаловой). «Мы видим, — комментирует Н. Люкмэн, — восклицательный знак после самого первого слова, затем тире, затем другое тире после одного слова, затем бросающуюся в глаза запятую при повторе слова *very* ‘очень’, затем точку с запятой, выделенное курсивом (здесь жирным курсивом. — *К. С.*) слово и, наконец, вопросительный знак. Э. По добивается всем этим в первом же предложении следующего: мы уже знаем, что не можем доверять рассказчику. Пунктуация говорит сама за себя» [Там же, p. 184]. В целом художественном тексте обнаруживается стилистическая «подоснова» дифференцировки пунктуации. Так, Е. И. Лелис показала, что в романе Г. Яхиной «Дети мои» повествование, связанное с внешним миром, строится на основе регламентированной пунктуации, тогда как повествование, раскрывающее духовный мир Якоба Баха, — при обращении к пунктуации авторской [Лелис, 2021, с. 19].

Для современного художественно-речевого творчества представляются наиболее показательными в плане эстетически обусловленного употре-

CC BY

бления знаков препинания такие факты, как пунктуационная интертекстуальность [Будниченко, 2017], «усечение» / «расширение» пунктуационной системы [Губина, 2017, с. 180—181], создание собственно пунктуационных сообщений. Так, яркий представитель Интернет-поэзии Н. Скандиака демонстрирует пустую болтовню молодых людей в виртуальном режиме, применяя только компьютерный значок @ («собака») и пунктуационно-графические средства. Ср.:

их беседа звучит как несмазанная тележка
@, --`----,----

Согласно Е. Н. Ищук, в этом собственно пунктуационном сообщении можно вычленить «обращение (“собака”, которая выделена запятой), информативно значимую часть, выделенную надстрочным значком логического ударения, и блок с дополнительной информацией (после второй запятой)» [Ищук, 2014б, с. 276].

В первой четверти XXI века приоритет в креативной пунктуационной деятельности и в поддержке творческого «заряда» в пунктуационном узусе во многом принадлежит коммуникации в Интернете (чаты, блоги, форумы и т. д.). Специалисты по пунктуации отмечают, что в Интернет-общении действуют «две противоположные тенденции: гиперпунктуация и отсутствие знаков препинания». Ср. в текстах форумов: *Мой друг Саня, тоже вас поздравляет* (лишняя запятая между подлежащим и сказуемым) и *Shurkent07 как же вам не стыдно нагло врать…* (нет запятой после обращения) [Биянова, 2013, с. 83—84]. Благодаря общению в Интернете возник целый ряд пунктуационных инноваций. Например, дистанцирование знака препинания от конечной буквы высказывания, ср.: *Do you understand my wish_?* ‘Ты понимаешь, чего я хочу_?’, позволяющее «сделать утверждение более категоричным» [Тарасова, 2015, с. 167—168]. Скобки перестают употребляться как парный знак препинания и приобретают новую для них функцию — эмотивную, причем «закрывающая скобка “)” выражает только позитивные эмоции, в то время как открывающая “(” — негативные» [Там же, с. 168—169]. При этом n-разовая редупликация скобки маркирует степень экспрессивности высказывания, ср.: *У меня нет времени все обсуждать с вами(я выпадаю из жизни(((((* [Там же, с. 170].

По наблюдениям Дж. Ракло, в компьютерно-опосредованной коммуникации функции многоточия и мотивировки употребления этого пунктуационного знака во многом оказались не теми, что в привычной письменной речи. В частности, многоточие используется в качестве объединяющего маркера, как бы заменяя союз или запятые. Ср.: <yahoo> *you mean to tell me cutie…you don’t have any old shoes* ‘ты хочешь сказать мне милашка…у тебя нет никаких старых ботинок’; <modern> *lets* (sic! — *К. С.*) *get ice cream…*

pickles…soda :) ‘давайте купим мороженое…соленья…содовую :)’ [Raclaw, 2006, p. 301]. Дж. Ракло полагает, что употреблению многоточия способствует указание на скрытый престиж пишущего и выражение сочувствия или симпатии к другому участнику беседы [Там же, p. 303].

Пунктуация в Интернет-общении тесно связана с изображениями эмоций — от смайликов до эмодзи (даже чисто технически набор двоеточия, тире и скобки, например, в первую очередь отображается как смайлик [De Vere Brody, 2008, p. 158]). Обеспечивая визуализацию эмоций в структуре компьютерного высказывания, эмодзи употребляются не столько наряду со знаками препинания, сколько замещая их пунктуационные позиции. М. Данези показал, что «пунктуационная функция эмодзи состоит в том, что можно назвать “перерывами в настроении” в потоке текста и “финалами настроения” при использовании в конце сообщений». Поэтому-то «счастливое лицо», в частности, «обычно функционирует как запятая или точка в гибридном <…> сообщении» [Danesi, 2017, p. 105].

Весьма примечателен следующий факт: высказав оптимистическое утверждение о том, что «появление Интернета — это не конец пунктуации, какой мы ее знаем», британский лингвист Д. Кристал все же вынужден был признать, что «сейчас мы живем в двух пунктуационных мирах — стандартном и нестандартном», и предложил обозначить сосуществование традиционного пунктуационного узуса и пунктуации в Интернете термином *диграфия* (*digraphia*) по аналогии с термином *диглоссия* в социолингвистике [Crystal, 2016, p. 328—329].

Исследования функционального разнообразия пунктуационной деятельности, выполненные в первой четверти XXI века, дают основания для того, чтобы на фоне специфики пунктуационного маркирования в разных сферах письменно-речевой коммуникации выделить некоторые общие закономерности. Во-первых, пунктуационная практика нашего времени нацелена преимущественно на коммуникативную целесообразность употребления знаков препинания. Во-вторых, пунктуационная деятельность воспринимается ныне не столько как ограниченная нормой, сколько как пригодная для воплощения креативности субъекта речи. В-третьих, эмоциональный фактор все чаще оказывается важнее структурного в пунктуационной «упаковке» высказывания (текста).

4. Заключение = Conclusions

Принципиально новый этап в развитии русско-и англоязычной теории пунктуации в первой четверти XXI века связан с переориентацией исследований по пунктуации от функционально-системного подхода к коммуникативно-прагматическому. Сегодня в теории пунктуации редко доволь-

CC BY

ствуются описанием пунктуационной практики и нацелены на объяснение того, как функционирует пунктуация в письменно-речевом общении. По этой причине здесь заметно преобладает объективная (а не нормативная) точка зрения на пунктуацию и все чаще применяется метод эксперимента.

В теории пунктуации первой четверти XXI века, основанной на коммуникативно-прагматическом подходе, именно в ракурсе речевого общения в письменном регистре и дейктико-смысловой значимости пунктуационного знака in actu рассматриваются принципы и функции пунктуации, соотношение знака препинания и пунктуационной позиции, основания приоритетности знаков препинания, вербализация знаков препинания, пунктуационная вариантность, смыслоразличительный потенциал пунктуации, текстовая пунктуация. Кроме того, коммуникативно-прагматический подход способствовал осмыслению функционального разнообразия пунктуационной деятельности, в том числе употребления знаков препинания в компьютерно-опосредованной коммуникации.

Безусловно, возникшее в первой четверти XXI века представление о пунктуации как о деятельности, осуществляемой в разных коммуникативно-функциональных условиях, значительно обогатило теорию пунктуации. Однако для коммуникативно-прагматического подхода характерна бóльшая сосредоточенность все же не столько на субъекте речи, оперирующем знаком препинания, сколько на употребленном так или иначе знаке препинания. Для изучения же того, как происходит овладение пунктуацией и владение ею в речевой деятельности пишущего / читающего, необходим психолингвистический «поворот» в теории пунктуации.

Литература

1. *Андросова Ф. С.* Пунктуационные знаки в художественном тексте : коммуникативно-прагматический аспект / Ф. С. Андросова. — Санкт-Петербург : Лань, 2018. — 156 с. — ISBN 978-5-8114-2783-3.

2. *Басалаева Е. Г.* Многоточие как объект языковой рефлексии в Интернет-дискурсе / Е. Г. Басалаева, М. В. Шпильман // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 3. — С. 248—255.

3. *Бердичевский А. С.* Роль пунктуации в разрешении неоднозначности / А. С. Бердичевский, Б. Л. Иомдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Москва : РГГУ, 2007. — С. 44—49.

4. *Биянова М. В.* О функционировании пунктуации в текстах форумов / М. В. Биянова // Языки и этнокультуры Европы / отв. ред. Е. Э. Калинина. — Глазов : ГГПИ им. В. Г. Короленко, 2013. — С. 81—87.

5. *Будниченко Л. А.* Пунктуационная интертекстуальность в поэзии Г. Айги / Л. А. Будниченко // Вестник Чувашского университета. — 2017. — № 2. — С. 183—189.

6. *Будниченко Л. А.* Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) / Л. А. Будниченко. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2003. — 264 с.

7. *Булгакова О. А.* Обыденная метаязыковая рефлексия как способ определения пунктуационной вариативности / О. А. Булгакова, М. Г. Чабаненко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2014. — Т. 13. — № 9. — С. 97—101.

8. *Бурак І. Л.* Пунктуацыйныя варыянты ў сучаснай беларускай мове / І. Л. Бурак // Беларуская лінгвістыка. — Мінск : Беларуская навука, 2011. — Выпуск 67. — С. 40—44.

9. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.

10. *Водолазкин Е. Г.* Дом и остров, или Инструмент языка : эссе / Е. Г. Водолазкин. — Москва : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2014. — 384 с. — ISBN 978-5-17-089670-7.

11. *Гималетдинова Г. К.* Семантика и прагматика английского дефиса / Г. К. Гималетдинова // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2010. — Т. 152. — № 6. — С. 188—189.

12. *Голев Н. Д.* Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) / Н. Д. Голев, М. Ю. Басалаева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2010. — № 4. — С. 129—133.

13. *Губина Е. А.* Трансформация пунктуационной системы в текстах неклассической парадигмы : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Губина. — Ростов-на-Дону, 2017. — 214 с.

14. *Дзякович Е. В.* Стилистический аспект современной пунктуации. Экспрессивные пунктуационные приемы : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Дзякович. — Москва, 1994. — 20 с.

15. *Захарова Е. О.* Пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста / Е. О. Захарова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 324. — С. 25—28.

16. *Звегинцев В. А.* Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 333 с. — ISBN 5-211-03478-3.

17. *Ильина К. А.* Соотношение между вербальными и графическими знаками в обыденном метаязыковом сознании : знаки конца предложения / К. А. Ильина // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 380. — С. 12—17.

18. *Ищук Е. Н.* Вербализация пунктуационных знаков в письменных и устных текстах : функциональный аспект / Е. Н. Ищук // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2014а. — № 2. — С. 130—138.

19. *Ищук Е. Н.* Небуквенные графические знаки в Интернет-поэзии (на примере творчества Н. Скандиаки) / Е. Н. Ищук // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014б. — № 1. — С. 273—278.

20. *Ищук Е. Н.* Пунктуационный сценарий текста как критерий идентификации идиостиля автора / Е. Н. Ищук // Филология и человек. — 2015. — № 1. — С. 117—123.

21. *Канашина С. В.* Стилистические особенности пунктуационных средств в англоязычных Интернет-мемах / С. В. Канашина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2021. — Т. 18. — № 3. — С. 22—27. — DOI: 10.14529/ling210304.

22. *Карпухина В. Н.* «Новая система» знаков препинания в ситуациях texting / messaging : финальный пунктуационный знак высказывания как эмоциогенный фактор / В. Н. Карпухина // Человек : образ и сущность. — 2021. — № 2. — С. 9—19. — DOI: 10.31249/chel/2021.02.01.

23. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с.

24. *Копылова С. А.* Функционирование многоточия в русских литературных текстах XVIII—XX веков : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. А. Копылова. — Москва, 2000. — 16 с.

25. *Крылова О. А.* Норма и пунктуация / О. А. Крылова // Русская речь. — 2008. — № 6. — С. 49—51.

26. *Куликова И. С.* Термин *тире* вне лингвистического дискурса / И. С. Куликова, Д. В. Салмина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2017. — № 184. — С. 58—64.

27. *Лелис Е. И.* Пунктуация художественного текста как компонент его лингвостилистической системы (на материале романа Г. Яхиной «Дети мои») / Е. И. Лелис // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43. — № 5. — С. 15—21. — DOI: 10.15393/uchz.art.2021.631.

28. *Майзенгер Н. В.* Позиционно-содержательная и прагматическая значимость знаков препинания в современном английском языке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04. — Барнаул, 2004. — 19 с.

29. *Нгуен Тиен Динь.* О постановке дефиса между однородными членами предложения / Тиен Динь Нгуен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 10. — Ч. 1. — С. 130—133.

30. *Николина Н. А.* Новые тенденции в оформлении чужой речи / Н. А. Николина // Русский язык в школе. — 2013. — № 6. — С. 13—17.

31. *Орехова Н. Н.* Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков) / Н. Н. Орехова. — Ижевск : УдмГУ, 2000. — 216 с. — ISBN 5-93008-027-5.

32. *Пасько Э. В.* Роман со знаками препинания / Э. В. Пасько. — Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2007. — 178 с. — ISBN 978-5-85510-301-4.

33. *Перфильева Н. П.* Лакуны в лексикографическом описании слов тематической группы «Пунктуация» / Н. П. Перфильева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2. — С. 76—84.

34. *Петриченко М. А.* Очерки по пунктуации / М. А. Петриченко. — Кривий Ріг : Видавничий дім, 2003. — 156 с.

35. *Пешковский А. М.* Лингвистика. Поэтика. Стилистика : Избранные труды / А. М. Пешковский. — Москва : Высшая школа, 2007. — 800 с. — ISBN 5-06-005089-0.

36. *Плунгян В. А.* Лингвистика в XXI веке : проблемы, перспективы, точки роста / В. А. Плунгян // Слово.ру : балтийский акцент. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 7—12. — DOI:10.5922/2225-5346-2018-1-1.

37. *Поспелова Е. Г.* Парное многоточие как стилистический прием / Е. Г. Поспелова // Русская речь. — 2003. — № 5. — С. 40—45.

38. *Потапова Т. Ю.* Способы пунктуационного оформления чужой речи в произведениях Татьяны Толстой / Т. Ю. Потапова // Язык и мы. Мы и язык : сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа. — Москва : РГГУ, 2006. — С. 506—515. — ISBN 5-7281-0763-X.

39. *Правила* русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2014. — 432 с.

40. *Прияткина А. Ф.* Русская пунктуационная система и перспективы ее развития / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. — Владивосток : ДВГУ, 2007. — С. 375—382. — ISBN 978-5-7444-1940-0.

41. *Садченко В. Т.* «Потому что я вас — —» (К вопросу о ненормативных пунктуационных знаках в художественном тексте) / В. Т. Садченко // Русский язык в школе. — 2009. — № 8. — С. 64—68.

42. *Северская О. И.* О бизнес-пунктуации : знаки препинания или преткновения? / О. И. Северская, Л. В. Селезнева // Русская речь. — 2021. — № 2. — С. 44—53. — DOI: 10.31857/S013161170014708-7.

43. *Семейко Е. А.* Актуализирующая функция тире в русском языке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Семейко. — Воронеж, 2007. — 19 с.

44. *Сигал К. Я.* Пунктуация как средство создания эмоционального подтекста (на материале рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека» и его переводов на английский язык) / К. Я. Сигал // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. — 2014. — Т. 73. — № 6. — С. 38—50.

45. *Стренева Н. В.* Пунктуация в граффити / Н. В. Стренева // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2007. — № 77. — С. 117—121.

46. *Тарасова А. Н.* Особенности пунктуации и графики сетевых текстов (на материале татарского, русского и английского языков) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.02 ; 10.02.20 / А. Н. Тарасова. — Казань, 2015. — 236 с.

47. *Тискова О. В.* Проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы (на материале интерпретации читающим письменных текстов) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Тискова. — Барнаул, 2004. — 20 с.

48. *Трасс Л.* Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации / Л. Трасс. — Москва : Р. Валент, 2006. — 192 с. — ISBN 5-93439-192-5.

49. *Убушаева В. В.* Пунктуационная система как средство организации текста (на материале британских и американских научных текстов) / В. В. Убушаева. — Элиста : КалмГУ, 2012. — 178 с.

50. *Фигуровский И. А.* Пунктуация целого текста / И. А. Фигуровский // Русский язык в школе. — 1936. — № 5. — С. 143—147.

51. *Формановская Н. И.* Речевое общение : коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. — Москва : Русский язык, 2002. — 216 с. — ISBN 5-200-03192-3.

52. *Чайковский Р. Р.* Многоточие как стилистическое средство в романах Д. Стил и его воссоздание в переводах на русский язык / Р. Р. Чайковский, А. В. Зеленая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 141—146.

53. *Чернышева А. Ю.* Пунктуационные варианты в бессоюзном сложном предложении / А. Ю. Чернышева // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2012. — Т. 154. — № 5. — С. 137—144.

54. *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. — Москва : Издательство АН СССР, 1955. — 398 с.

55. *Шварцкопф Б. С.* Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

56. *Широкова Е. Н.* Новые тенденции в русской пунктуации (по данным массмедийного и художественного дискурсов) / Е. Н. Широкова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2015. — № 10. — С. 174—178.

57. *Ширяев Е. Н.* Рецензия на книгу : Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация : система и ее функционирование. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

58. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. — Москва : Издательский центр «Академия», 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.

59. *Щецова Т. Г.* Прямая речь в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и особенности ее пунктуационно-графического выделения / Т. Г. Щецова // Проблемы современной науки и образования. — 2014. — № 2. — С. 86—92.

60. *Ярица Л. И.* Пунктуационные нормы и тенденции их изменения в некодифицированных текстах (на материале конспектов студентов томских вузов) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. И. Ярица. — Томск, 2009. — 22 с.

61. *Ярыгина Е. С.* Тире или двоеточие? / Е. С. Ярыгина // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции. — Москва : МГОУ, 2015. — С. 79—83.

62. *Baron N. S.* Commas and canaries : the role of punctuation in speech and writing / N. S. Baron // Language sciences. — 2001. — Vol. 23. — № 1. — Pp. 15—67.

63. *Borochovsky Bar-Aba E.* Punctuation marks : procedural and conceptual uses / E. Borochovsky Bar-Aba // Journal of pragmatics. — 2003. — Vol. 35. — № 7. — Pp. 1031—1048.

64. *Betham E.* Punctuation today : a qualitative study / E. Betham // Skepsi. — 2011—2012. — Vol. 4. — № 2. — Pp. 34—67.

65. *Comtet M.* Review : Современная русская пунктуация : система и ее функционирование by Б. Шварцкопф / M. Comtet // Russian linguistics. — 1990. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 116—119.

66. *Cook V.* Standard punctuation and the punctuation of the street / V. Cook // Essential topics in applied linguistics and multilingualism. Studies in honor of David Singleton / M. Pawlak, L. Aronin (eds.). — Heidelberg : Springer, 2014. — Pp. 267—290. — DOI: 10.1007/978-3-319-01414-2-16.

67. *Crystal D.* Making a point. The pernickety story of English punctuation / D. Crystal. — London : Profile books, 2016. — 378 p.

68. *Danesi M.* The semiotics of emoji. The rise of visual language in the age of the Internet / M. Danesi. — London ; New York : Bloomsbury Academic, 2017. — 197 p.

69. *De Vere Brody J.* Punctuation : art, politics, and play / J. De Vere Brody. — Durham ; London : Duke University Press, 2008. — 221 p.

70. *Humphreys R. L.* Review : Nunberg G. The linguistics of punctuation. Stanford, 1990 / R. L. Humphreys // Machine translation. — 1993. — № 7. — Pp. 199—201.

71. *Krahn A. E.* A new paradigm for punctuation. Dissertation / A. E. Krahn. — Wisconsin–Milwaukee : University of Wisconsin–Milwaukee, 2014. — 235 p.

72. *Lukeman N.* The art of punctuation / N. Lukeman. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 192 p. — ISBN 0199210780.

73. *Mitchell L. C.* Mark my words : profiles of punctuation in modern literature / L. C. Mitchell. — London ; New York : Bloomsbury Academic, 2020. — 192 p. — ISBN 1501360728.

74. *Nunberg G.* The linguistics of punctuation / G. Nunberg. — Stanford : Center for the study of language and information, 1990. — 141 p.

75. *Ong'onda N. A.* Punctuation as a sociolinguistic variable in text messages / N. A. Ong'onda, P. M. Matu, O. Oketch // Sino-US English teaching. — 2010. — Vol. 7. — № 9. — Pp. 42—47.

76. *Punctuation* in context — past and present perspectives / C. Claridge, M. Kytö (eds.). — Bern : Peter Lang, 2020. — 287 p. — ISBN 3034338031.

77. *Raclaw J.* Punctuation as a social action : the ellipsis as a discourse marker in computer-mediated communication / J. Raclaw // Proceedings of the 32nd annual meeting of the Berkeley Linguistic Society. — Berkeley : UC Berkeley, 2006. — Pp. 299—306.

78. *Shou K.* The syntactic status of English punctuation / K. Shou // English studies. — 2007. — Vol. 88. — № 2. — Pp. 195—216.

79. *Toner A.* Ellipsis in English literature. Signs of omission / A. Toner. — Cambridge : Cambridge University Press, 2015. — 255 p.

80. *Truss L.* Eats, shoots & leaves : The zero tolerance approach to punctuation / L. Truss. — New York : G. P. Putnam's Sons, 2003. — 209 p. — ISBN 1861976127.

81. *Watson C.* Points of contention : rethinking the past, present, and future of punctuation / C. Watson // Critical inquiry. — 2012. — Vol. 38. — № 3. — Pp. 649—672.

82. *Watson R.* Colons and hyphens and commas, oh my! An examination of recreational punctuation / R. Watson // Language arts journal of Michigan. — 2005. — Vol. 21. — № 1. — Pp. 30—34.

83. *Woods G.* Webster's new world punctuation : simplified and applied / G. Woods. — Hoboken, New Jersey : Wiley, 2006. — 348 p. — ISBN 9780764599163.

References

Androsova, F. S. (2018). *Punctuation marks in a literary text: a communicative and pragmatic aspect.* Saint Petersburg: LAN'. 156 p. ISBN 978-5-8114-2783-3. (In Russ.).

Basalaeva, E. G., Spielman, M. V. (2015). Ellipsis as an object of language reflection in online discourse. *Siberian journal of Philology, 3:* 248—255. (In Russ.).

Baron, N. S. (2001). Commas and canaries: the role of punctuation in speech and writing. *Language sciences, 23 (1):* 15—67.

Berdichevsky, A. S., Iomdin, B. L. (2007). The Role of punctuation in the resolution of ambiguity. In: *Computational linguistics and intellectual technologies.* Moscow: RSUH. 44—49. (In Russ.).

Betham, E. (2011—2012). Punctuation today: a qualitative study. *Skepsi, 4 (2):* 34—67.

Biyanova, M. V. (2013). On the functioning of punctuation in the texts of forums. In: *Languages and ethnocultures of Europe.* Glazov: V. G. Korolenko State Pedagogical Institute. 81—87. (In Russ.).

Borochovsky, Bar-Aba E. (2003). Punctuation marks: procedural and conceptual uses. *Journal of pragmatics, 35 (7):* 1031—1048.

Budnichenko, L. A. (2003). *Expressive punctuation in a journalistic text (based on the material of the language of newspapers).* St. Petersburg: St. Petersburg State University. 264 p. (In Russ.).

Budnichenko, L. A. (2017). Punctuation intertextuality in the poetry of G. Aigi. *Bulletin of the Chuvash University, 2:* 183—189. (In Russ.).

Bulgakova, O. A., Chabanenko, M. G. (2014). Ordinary metalanguage reflection as a way of determining punctuation variability. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology, 13 (9):* 97—101. (In Russ.).

Burak, I. L. (2011). Punctuation variants in modern Belarusian. *Belarusian linguistics, 67.* Minsk: Belorusskaya navuka. 40—44. (In Belarus.).

Chernysheva, A. Yu. (2012). Punctuation variants in a non-union complex sentence. *Scientific notes of Kazan University. Humanities, 154 (5):* 137—144. (In Russ.).

CC BY

Claridge, C., Kytö, M. (eds.). (2020). *Punctuation in context — past and present perspectives.* Bern: Peter Lang. 287 p. ISBN 3034338031.

Comtet, M. (1990). Review: Modern Russian Punctuation: the System and its Functioning by B. Schwarzkopf. *Russian linguistics, 14 (1):* 116—119.

Cook, V., Aronin, L. (2014). *Standard punctuation and the punctuation of the street. Essential topics in applied linguistics and multilingualism. Studies in honor of David Singleton.* Heidelberg: Springer. 267—290. DOI: 10.1007/978-3-319-01414-2-16.

Crystal, D. (2016). *Making a point. The pernickety story of English punctuation.* London: Profile books. 378 p.

Danesi, M. (2017). *The semiotics of emoji. The rise of visual language in the age of the Internet.* London; New York: Bloomsbury Academic. 197 p.

De Vere Brody, J. (2008). *Punctuation: art, politics, and play.* Durham; London: Duke University Press. 221 p.

Dzyakovich, E. V. (1994). *Stylistic aspect of modern punctuation. Expressive punctuation techniques.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).

Figurovsky, I. A. (1936). Punctuation of the whole text. *Russian language at school, 5:* 143—147. (In Russ.).

Formanovskaya, N. I. (2002). *Speech communication: a communicative and pragmatic approach.* Moscow: Russian Language. 216 p. ISBN 5-200-03192-3. (In Russ.).

Golev, N. D., Basalaeva, M. Y. (2010). The role of punctuation in understanding the text (on the interaction of the surface and deep structures of the text). *Bulletin of Kemerovo State University, 4:* 129—133. (In Russ.).

Gubina, E. A. (2017). *Transformation of the punctuation system in the texts of the non-classical paradigm.* PhD Diss. Rostov-on-Don. 214 p. (In Russ.).

Himaletdinova, G. K. (2010). Semantics and pragmatics of the English hyphen. *Scientific Notes of Kazan University. Humanities, 152 (6):* 188—189. (In Russ.).

Humphreys, R. L. (1993). Review: Nunberg G. The linguistics of punctuation. Stanford, 1990. *Machine translation, 7:* 199—201.

Ilyina, K. A. (2014). Correlation between verbal and graphic signs in everyday metalanguage consciousness: signs of the end of a sentence. *Bulletin of Tomsk State University, 380:* 12—17. (In Russ.).

Ishchuk, E. N. (2014a). Verbalization of punctuation marks in written and oral texts: functional aspect. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant, 2:* 130—138. (In Russ.).

Ishchuk, E. N. (2014b). Non-letter graphic signs in Internet poetry (on the example of N. Scandiaki's creativity). *Historical and socio-educational thought, 1:* 273—278. (In Russ.).

Ishchuk, E. N. (2015). Punctuation script of the text as a criterion for identifying the author's idiostyle. *Philology and man, 1:* 117—123. (In Russ.).

Kanashina, S. V. (2021). Stylistic features of punctuation tools in English-language Internet memes. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics, 18 (3):* 22—27. DOI: 10.14529/ling210304. (In Russ.).

Karpukhina, V. N. (2021). "New system" of punctuation marks in texting / messaging situations: the final punctuation mark of utterance as an emotionogenic factor. *Man: image and essence, 2:* 9—19. DOI: 10.31249/chel/2021.02.01. (In Russ.).

Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text.* Voronezh: VSU. 194 p. (In Russ.).

Kopylova, S. A. (2000). *The functioning of ellipsis in Russian literary texts of the XVIII—XX centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).

Krahn, A. E. (2014). *A new paradigm for punctuation. Dissertation.* Wisconsin–Milwaukee: University of Wisconsin–Milwaukee. 235 p.

Krylova, O. A. (2008). Norm and punctuation. *Russian speech, 6:* 49—51. (In Russ.).

Kulikova, I. S., Salmina, D. V. (2017). The term dash outside linguistic discourse. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 184:* 58—64. (In Russ.).

Lelis, E. I. (2021). Punctuation of a literary text as a component of its linguistic-stylistic system (based on the material of G. Yakhina's novel "My Children"). *Scientific notes of Petrozavodsk State University, 43 (5):* 15—21. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.631. (In Russ.).

Lopatin, V. V. (ed.). (2014). *Rules of Russian spelling and punctuation. The Complete Academic Handbook.* Moscow: AST-PRESS. 432 p. (In Russ.).

Lukeman, N. (2006). *The art of punctuation.* Oxford: Oxford University Press. 192 p. ISBN 0199210780.

Maizenger, N. V. (2004). *Positional-meaningful and pragmatic significance of punctuation marks in modern English.* Author's abstract of PhD Diss. Barnaul. 19 p. (In Russ.).

Mitchell, L. C. (2020). *Mark my words: profiles of punctuation in modern literature.* London; New York: Bloomsbury Academic. 192 p. ISBN 1501360728.

Nguyen Tien Dinh. (2016). On the setting of a hyphen between homogeneous members of a sentence. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 10 (1):* 130—133. (In Russ.).

Nikolina, N. A. (2013). New trends in the design of someone else's speech. *Russian language at school, 6:* 13—17. (In Russ.).

Nunberg, G. (1990). *The linguistics of punctuation.* Stanford: Center for the study of language and information. 141 p.

Ong'onda, N. A., Matu, P. M., Oketch, O. (2010). Punctuation as a sociolinguistic variable in text messages. *Sino-US English teaching, 7 (9):* 42—47.

Orekhova, N. N. (2000). *Punctuation and writing (based on the material of Russian and English languages).* Izhevsk: UdmSU. 216 p. ISBN 5-93008-027-5. (In Russ.).

Pasko, E. V. (2007). *Novel with punctuation marks.* Murmansk: Murmansk Book Publishing House. 178 p. ISBN 978-5-85510-301-4. (In Russ.).

Perfileva, N. P. (2015). Lacunae in the lexicographic description of the words of the thematic group "Punctuation". *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University, 2:* 76—84. (In Russ.).

Petrichenko, M. A. (2003). *Essays on punctuation.* Kriviy Rig: Vidavnichy dim. 156 p. (In Russ.).

Peshkovsky, A. M. (2007). *Linguistics. Poetics. Stylistics: Selected works.* Moscow: Higher School. 800 p. ISBN 5-06-005089-0. (In Russ.).

Plungyan, V. A. (2018). Linguistics in the XXI century: problems, prospects, points of growth. *Word.<url>: Baltic accent, 9 (1):* 7—12. DOI: 10.5922/2225-5346-2018-1-1. (In Russ.).

Pospelova, E. G. (2003). Paired ellipsis as a stylistic device. *Russian speech, 5:* 40—45. (In Russ.).

Potapova, T. Y. (2006). *Methods of punctuation of someone else's speech in the works of Tatiana Tolstaya. Language and us. We and the Language: a collection of articles in*

CC BY

memory of B. S. Schwarzkopf. Moscow: RSUH. 506—515. ISBN 5-7281-0763-X. (In Russ.).

Priyatkina, A. F. (2007). Russian punctuation system and prospects of its development. In: *Russian syntax in grammatical aspect (syntactic connections and constructions). Selected works.* Vladivostok: DVSU. 375—382. ISBN 978-5-7444-1940-0. (In Russ.).

Raclaw, J. (2006). Punctuation as a social action: the ellipsis as a discourse marker in computer-mediated communication. In: *Proceedings of the 32nd annual meeting of the Berkeley Linguistic Society.* Berkeley: UC Berkeley. 299—306.

Sadchenko, V. T. (2009). "Because I am you — —" (On the question of deviant punctuation marks in a literary text). *Russian language at school, 8:* 64—68. (In Russ.).

Segal, K. Ya. (2014). Punctuation as a means of creating emotional subtext (based on the material of M. A. Sholokhov's story "The Fate of Man" and its translations into English). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language, 73 (6):* 38—50. (In Russ.).

Semeyko, E. A. (2007). *Actualizing function of the dash in the Russian language.* Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 19 p. (In Russ.).

Severskaya, O. I., Selezneva, L. V. (2021). About business punctuation: punctuation marks or stumbling blocks? *Russian speech, 2:* 44—53. DOI: 10.31857/S013161170014708-7. (In Russ.).

Shchetsova, T. G. (2014). Direct speech in the 'Letters of a Russian traveler' by N. M. Karamzin and the peculiarities of its punctuation and graphic selection. *Problems of modern science and education, 2:* 86—92. (In Russ.).

Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning.* Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).

Shapiro, A. B. (1955). *Fundamentals of Russian punctuation.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 398 p. (In Russ.).

Shirokova, E. N. (2015). New trends in Russian punctuation (according to mass media and artistic discourses). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 10:* 174—178. (In Russ.).

Shiryaev, E. N. (1988). *Book review: Schwarzkopf, B. S. Modern Russian punctuation: the system and its functioning.* Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).

Shou, K. (2007). The syntactic status of English punctuation. *English studies, 88 (2):* 195—216.

Shubina, N. L. (2006). *Punctuation of the modern Russian language.* Moscow: Publishing Center "Academy". 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).

Streneva, N. V. (2007). Punctuation in graffiti. *Bulletin of Orenburg State University, 77:* 117—121. (In Russ.).

Tarasova, A. N. (2015). *Features of punctuation and graphics of network texts (based on the material of Tatar, Russian and English languages).* PhD Diss. Kazan. 236 p. (In Russ.).

Tchaikovsky, R. R., Zelenaya, A. V. (2012). Ellipsis as a stylistic means in D. Steele's novels and its recreation in translations into Russian. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 1:* 141—146. (In Russ.).

Tiskova, O. V. (2004). *The problem of the influence of punctuation on written-speech communicative processes (based on the interpretation of written texts by readers).* Author's abstract of PhD Diss. Barnaul. 20 p. (In Russ.).

Toner, A. (2015). *Ellipsis in English literature. Signs of omission.* Cambridge: Cambridge University Press. 255 p.

Trass, L. (2006). *Cannot be executed and pardoned. Uncompromising approach to punctuation.* Moscow: R. Valent. 192 p. ISBN 5-93439-192-5. (In Russ.).

Truss, L. (2003). *Eats, shoots & leaves: The zero tolerance approach to punctuation.* New York: G. P. Putnam's Sons. 209 p. ISBN 1861976127.

Ubushaeva, V. V. (2012). *Punctuation system as a means of text organization (based on the material of British and American scientific texts).* Elista: KalmSU. 178 p. (In Russ.).

Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation.* Moscow: Higher School. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).

Vodolazkin, E. G. (2014). *House and island, or the Instrument of language: essay.* Moscow: AST; Edited by Elena Shubina. 384 p. ISBN 978-5-17-089670-7. (In Russ.).

Watson, C. (2012). Points of contention: rethinking the past, present, and future of punctuation. *Critical inquiry, 38 (3):* 649—672.

Watson, R. (2005). Colons and hyphens and commas, oh my! An examination of recreational punctuation. *Language arts journal of Michigan, 21 (1):* 30—34.

Woods, G. (2006). *Webster's new world punctuation: simplified and applied.* Hoboken, New Jersey: Wiley. 348 p. ISBN 9780764599163.

Yaritsa, L. I. (2009). *Punctuation norms and trends of their changes in uncodified texts (based on the material of the notes of students of Tomsk universities).* Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 22 p. (In Russ.).

Yarygina, E. S. (2015). Dash or colon? In: *Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International Scientific Conference.* Moscow: Moscow State University. 79—83. (In Russ.).

Zakharova, E. O. (2009). Punctuation and punctuation-graphic techniques of advertising text. *Bulletin of Tomsk State University, 324:* 25—28. (In Russ.).

Zvegintsev, V. A. (1996). *Thoughts on linguistics.* Moscow: Lomonosov Moscow State University. 333 p. ISBN 5-211-03478-3. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.11.2021,
одобрена после рецензирования 03.02.2022,
подготовлена к публикации 25.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Смолина А. Н. Интертекстуальные включения в русской духовной эпистолярной коммуникации : типология, функции, контекст / А. Н. Смолина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 122—139. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-122-139.

Smolina, A. N. (2022). Intertextual Inclusions in Russian Spiritual Epistolary Communication: Typology, Functions, Context. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 122-139. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-122-139. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-122-139

Интертекстуальные включения в русской духовной эпистолярной коммуникации: типология, функции, контекст

Смолина Анджелла Николаевна
orcid.org/0000-0003-0947-3763
кандидат филологических наук, доцент
angelic2009@mail.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44099 «Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теолингвистики»

Intertextual Inclusions in Russian Spiritual Epistolary Communication: Typology, Functions, Context

Andzhella N. Smolina
orcid.org/0000-0003-0947-3763
PhD in Philology, Associate Professor
angelic2009@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44099 “Development methods and models for the analysis of religious texts as one of the ways of theolinguistics development”

© Смолина А. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются интертекстуальные включения (цитаты, реминисценции, аллюзии), функционирующие в русской духовной эпистолярной коммуникации. Представлены их типы: библейские (ветхозаветные и новозаветные), святоотеческие, молитвенные, гимнографические (из псалмов и акафистов), агиографические. Указаны их основные функции: смыслообразующая, аргументативная, прескриптивная, оценочная, синдикативная, эстетическая. На материале писем русских церковных писателей XX века показаны особенности использования в церковно-религиозном стиле интертекстуальных включений из ставших частью духовного наследия христианских текстов. Выявлены следующие черты: (1) формирование с помощью цитат, реминисценций и аллюзий смыслов, связанных с духовным воспитанием адресата, его нравственным совершенствованием, созиданием в себе внутреннего человека, укреплением в вере, изучением основ христианства, познанием церковной православной жизни; (2) ориентирование на христианские ценности: евангельские заповеди, учение о спасении, христианские добродетели и другие; (3) предписывание совершенствования в обретении милосердия, смирения, терпения, послушания, трезвения, нестяжания, покаяния и других добродетелей, борьбы с грехами, чтения Евангелия и трудов святых отцов; выражение оценки по отношению к грехам и добродетелям, вопросам, связанным с духовным воспитанием и развитием, исполнением церковных правил и христианских заповедей, достижением спасения души, следованием указаниям духовников; (4) создание и укрепление общего духовно-религиозного пространства с помощью реализации знаковой функции интертекстуальных включений.

Ключевые слова:
интертекст; интертекстуальное включение; цитата; реминисценция; интертекстуальный анализ; контекстологический анализ; духовная эпистолярная коммуникация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Intertextual inclusions (quotations, reminiscences, allusions) functioning in Russian spiritual epistolary communication are considered. Their types are presented: biblical (Old Testament and New Testament), patristic, prayer, hymnographic (from psalms and akathists), hagiographic. Their main functions are indicated: meaning-forming, argumentative, prescriptive, evaluative, syndicative, aesthetic. Based on the material of the letters of Russian church writers of the 20th century, the features of the use of intertextual inclusions from Christian texts that have become part of the spiritual heritage are shown in the church-religious style. The following features were revealed: (1) formation of meanings with the help of quotations, reminiscences and allusions, connected with the spiritual education of the addressee, his moral perfection, the creation of an inner man in himself, strengthening in faith, the study of the foundations of Christianity, the knowledge of church Orthodox life; (2) focus on Christian values: the gospel commandments, the doctrine of salvation, Christian virtues, and others; (3) prescribing perfection in acquiring mercy, humility, patience, obedience, sobriety, non-possession, repentance and other virtues, fighting sins, reading the Gospel and the writings of the holy fathers; an expression of evaluation of sweat in relation to sins and virtues, issues related to spiritual education and development, the fulfillment of church rules and Christian commandments, the achievement of soul salvation, following the instructions of confessors; (4) creation and strengthening of a common spiritual and religious space through the implementation of the iconic function of intertextual inclusions.

Key words:
intertext; intertextual inclusion; quote; reminiscence; intertextual analysis; contextual analysis; spiritual epistolary communication.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42:17.022.1+82-52+82-4

Интертекстуальные включения в русской духовной эпистолярной коммуникации: типология, функции, контекст

© Смолина А. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Интертекстуальность — одна из основных черт текстов церковно-религиозного стиля, что связано прежде всего с постоянной обращенностью авторов духовных произведений к текстам Библии (в большей степени евангельским), погруженностью в них, отношением к данным текстам как главному источнику аргументации и наиболее авторитетному своду этических норм, правил, образцов. Ранее мы уже обращались к рассмотрению вопросов, связанных со спецификой интеретекстуальности церковно-религиозных текстов, указывая на то, что жития, труды святых отцов становятся значимыми источниками для авторов духовных произведений, Евангелие при этом становится ключевым среди них, а основными формами реализации интертекстуальности являются цитата, аллюзия и реминисценция [Смолина и др., 2012, с. 269—270]. Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней представляется более полная картина источников интертекстуальности духовных христианских текстов, дается их типология, рассматриваются основные функции интертекстуальных включений духовно-религиозного характера. Исследование вписывается в круг работ по теории текста, теории интертекстуальности и интертекстуального анализа.

Имея в виду, что «текст является неотъемлемой частью культуры» [Болотнова, 2009, с. 117], мы обращаем особое внимание на принадлежность исследуемых духовных произведений к церковно-религиозной культуре, несущей в себе христианские смыслы, ориентирующей на систему ценностей Нового Завета, святоотеческой литературы, христианской художественной литературы. Текст как единица культуры подробно рассматривается в исследованиях Н. С. Болотновой. В одной из работ, в частности, отмечается: «В процессе первичной текстовой деятельности автор моделирует художественный мир произведения, опираясь на свой культурный тезаурус, социальный и языковой опыт в соответствии с имеющимися эстетическими идеалами. При этом художественный текст как результат первичной коммуникативной деятельности творца отражает многоаспектную связь с культурой: на речевом уровне эта связь прослеживается, во-первых, с речевой культурой народа и ее поэтическими традициями в широком

CC BY

смысле, включая знание ресурсов и правил использования языка в эстетической сфере коммуникации; во-вторых, с культурно-речевыми особенностями и предпочтениями автора как человека определенной эпохи, носителя определенной национальной культуры и неповторимой творческой индивидуальности. На уровне структуры текста (представление реалий художественного мира, сюжетно-композиционные особенности, образный строй) связь с культурой ощущается как верность автора имеющейся литературной традиции или эстетически обоснованное отступление от нее» [Там же, с. 118—119]. Применительно к текстам церковно-религиозного стиля, обращаясь к мыслям Н. С. Болотновой, можно сказать, что церковные писатели, особенно монашествующие, опираются на культурный тезаурус, сформированный под влиянием прочтения христианских священных текстов, трудов христианских писателей прошлого, составляющих основу богословского, этического и аскетического учения Церкви и становящихся мировоззренческим источником идеосферы русского православного монашества (труды апостола Матфея, апостола Луки, апостола Марка, апостола Иоанна, апостола Павла (I — начало II века); Феофила Антиохийского, Иринея Лионского (II век), Ипполита Римского (II—III века), Киприана Карфагенского (III век), Антония Великого (III—IV века); Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Евагрия Понтийского (IV век), Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Иоанна Кассиана Римлянина, Викентия Леринского (IV—V века); Дионисия Ареопагаита (V или начало VI века), аввы Дорофея (VI век); Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Григория Великого (Двоеслова) (VI—VII века); Иоанна Дамаскина (VIII век), Феодора Студита (VIII—IX века); Симеона Нового Богослова (X—XI века), Никиты Стифата (XI век); Григория Синаита, Григория Паламы (XIII—XIV век); Нила Сорского (XV—XVI века), Димитрия Ростовского (XVII—XVIII века); Тихона Задонского, Паисия Величковского (XVIII век); Никодима Святогорца (XVIII—XIX века), Игнатия Брянчанинова (XIX век) и других). Кроме того, можно сказать, что культурный тезаурус церковных писателей формируется под влиянием духовных наставников, их советов, наставлений, поучений. Социальный и языковой опыт, приобретаемый в христианской среде (в особенности если это касается монастырей), отличается тем, что в окружении человека всегда присутствуют воцерковленные люди, зачастую люди, обладающие богословскими знаниями, что оказывает влияние на формирование и развитие речевого и неречевого поведения. Эстетические и духовно-нравственные идеалы церковных писателей восходят к Евангелию, являя высший идеал в личности Иисуса Христа. Связь с культурой на речевом уровне прослеживается прежде всего с вербальной практикой той части народа, которую

CC BY

можно назвать христианизированной, а с традициями — в первую очередь православными. Что касается соотнесенности с определенной эпохой, то здесь следует сказать о том, что церковная, в особенности же монашеская, среда консервативна, и в ней весьма заметна направленность на древние образцы, таинства, уставы; традиции почти не меняются, хотя изменения, происходящие в социуме, конечно же, вносят новое и в эту сферу. Неповторимая творческая индивидуальность церковных писателей, как и в иных сферах творчества, обнаруживает себя в стилистических особенностях, возникновение которых обусловлено характером полученного образования, языковым окружением, личным духовно-религиозным опытом авторов и др. Литературные традиции, которым они следуют, сформированы в первые века христианства и содержат в своей основе Новый Завет и святоотеческое учение.

В ходе представляемого исследования учитывался опыт ученых, разрабатывавших теорию интертекстуальности и интертекстуального анализа. Особое внимание уделялось трудам Н. Пьеге-Гро, указывавшей на то, что пространство культуры — это место взаимодействия текстов, рассматривавшей происхождение интертекстуальности, ее историю и теорию, представившей ее типологию; Н. А. Кузьминой, трактующей интертекст как текстовую семиотическую культуросферу, характеризующуюся процессами порождения, понимания / интерпретации и взаимодействия текстов, осветившей теоретические и методологические проблемы описания интертекста; В. П. Москвина, представившего категориальный аппарат теории интертекста, алгоритм интертекстуального анализа и рассмотревшего интенциональные, структурные и иные типы интертекстуальности; В. А. Мишланова и В. А. Салимовского, обратившихся к проявлениям интертекстуальности в церковно-религиозных произведениях; О. Ф. Жолобова, рассматривавшего интертекстуальные и композиционные связи поучений Ефрема Сирина и произведений древнерусской письменности, Т. Ф. Карвальхал, отмечавшей, что в литературе все становится достоянием всех, общим достоянием, к которому прибегают писатели, подчеркивавшей, что раскрытие интертекстуальных связей стало незаменимой процедурой в исследовании отношений между различными текстами, направляющей интерпретацию, обеспечивающей работу со смыслами [Пьеге-Гро, 2015; Кузьмина, 2009; Москвин, 2015а, 2015б; Мишланов и др., 2010; Жолобов, 2007; Carvalhal, 2006, p. 126, 128].

Актуальность исследования определяется необходимостью развития формирующегося в настоящее время теолингвистического направления в изучении языка, центрирующегося прежде всего вокруг религиозных текстов и проблем их изучения и теории церковно-религиозного функци-

CC BY

онального стиля. Помимо этого, актуальность обусловливается интересом современных лингвистов к эпистолярной коммуникации и ее роли в развитии словесности, документальным жанрам, к которым относится духовное письмо и реализации интертекстуальности в текстах разных функциональных стилей, включая и церковно-религиозный.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Интертекстуальный анализ в ходе исследования проводился с опорой на труды В. П. Москвина, предложившего такую последовательность действий: «1. Выявление: а) инотекстовых вкраплений («инотекстем», «гетеротекстем») в анализируемом тексте; б) прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат. <…> 2. Определение фигуры, вводящей инотекстему <…> 3. Определение функций выявленных фигур интертекста <…> 4. определение типа прецедентного текста» [Москвин, 2015а, с. 118]. Помимо этого, использовался метод контекстологического анализа, предполагающего «выявление семантических отношений между исходным словом и его контекстными партнерами» [Мухин, 2015, с. 109—110], изучение языковых единиц в контексте (в широком и узком понимании термина «контекст»), наблюдение за литературными подтекстами и интертекстами. Обращенность к текстам церковно-религиозного стиля предопределила использование лингвостилистического метода, направленного «на установление закономерностей употребления языковых единиц в разных сферах и ситуациях общения, обусловленных экстралингвистическими факторами» [Комарова, 2016, с. 612].

Изучение произведений с религиозным содержанием порождает необходимость иметь в виду следующее: «одной из принципиальных методологических предпосылок является то, что в религиозном языке отражается собственная картина мира. Через его содержание и структуру, через содержательные речевые акты и выбор лексических и стилистических средств конкретные высказывания обнаруживают актуальную картину Земного и Небесного. Самыми важными компонентами этой картины являются концепты Бога, церкви, человека и отношений между ними» (по мнению А. Грейле, М. Макуховской, Э. Кухарской-Драйсс) [Цит. по: Гадомский, 2021, с. 31]. Отсюда следует, что при анализе религиозно-христианских текстов нужно использовать особые подходы, которые наметились в формирующейся отрасли языкознания, именуемой теолингвистикой. В центре внимания ученых, исследующих речь и язык с теолингвистических позиций, находится изучение взаимосвязи языка и религии [Постовалова, 2019, с. 37] и проявлений религии, «которые закрепились и отразились в языке» [Гадомский, 2018, с. 18]. Эта фокусировка предполагает обращенность

CC BY

к идейно-смысловому плану исследуемых текстов с дальнейшим возможным привлечением методов теологии, в частности экзегетического метода, сущность которого заключается в толковании смыслов Священного Писания, выявлении его буквальных, аллегорических, духовных и анагогических смыслов (анагогический смысл — смысл, который «через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе» по учению о четырех смыслах произведения Данте А. (рассматриваются в трактате «Пир»)) [Данте, 1975, с. 202], «извлечении духовно-символического содержания» [Клименко, 2016, с. 211]. Поскольку «вторичные», постновозаветные религиозно-христианские тексты идейно, тематически, риторически, стилистически и в целом текстуально восходят к Священному Писанию, экзегетический метод с его основными процедурами (буквальное, аллегорическое, духовное толкования (см., например работы М. Никулина, О. К. Пирогова), сравнение соответствующих друг другу фрагментов переводов Библии (см., например работу Е. А. Чагинской)) крайне важен для раскрытия смыслов этих текстов [Никулин 2017; Пирогов 2009; Чагинская 2009]. Однако следует сказать, что разработка подходов к исследованию религиозных произведений (проповедей, житий, акафистов, духовных эссе, духовных писем и других) с использованием экзегезы в настоящее время нуждается в осмыслении, систематизации, встраивании в современную общефилологическую методологию. Выполняемый нами анализ произведений был нацелен на выявление духовных смыслов. Целью исследования стало рассмотрение особенностей функционирования интертекстуальных включений (цитат, реминисценций, аллюзий) в русской духовной эпистолярной коммуникации, создание их типологии, выявление основных функций.

Материалом исследования послужили эпистолярные тексты русских церковных писателей XX века. Изучались письма игумена Никона (Воробьева), иеромонаха Рафаила (Шейченко), схиигумена Иоанна (Алексеева), схиархимандрита Серафима (Романцова), митрополита Макария (Невского), схиархимандрита Андроника (Лукаша), митрополита Иоанна (Снычева).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Типология интертекстуальных включений, функционирующих в духовной эпистолярной коммуникации, их основные стилистические функции

Наблюдение за функционированием цитат, аллюзий и реминисценций в духовных эпистолярных текстах русских церковных писателей показало, что круг источников религиозно-христианской интеретекстуальности достаточно широк и можно выделить типы интертекстуальных включений,

CC BY

за основу типологии взяв тексты-первоисточники (с их содержательной составляющей), к которым наиболее часто делается отсылка в ходе коммуникации.

В большей мере в исследованных эпистолярных текстах представлены интертекстуальные включения из Нового Завета. Обратимся к примерам. Реминисценция из Евангелия: *Ты читал в Евангелии, что* ***Царствие Божие подобно закваске, которую вложили в муку, пока она вся не скисла***[1]***.*** *Так и душа человеческая не сразу бывает заквашена новой евангельской закваской. Иногда этот процесс заквашивания идет быстро, иногда замедляется* (игумен Никон (Воробьев)). Цитата из Деяний святых апостолов: *Поревнуем возлюбленным Божиим: поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: «****нашел я мужа по сердцу моему... который исполнит вся хотения мои****» (Деян. 13, 22)*[2] (схиархимандрит Серафим (Романцов)). Цитата из Посланий апостолов: *Ревнующим о духовной жизни приходится приспосабливаться к этой жизни внешне, а более всего надо обратить весь свой труд на внутреннее делание. Св. Апостол Павел говорит: «****Телесное бо обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть****» (1 Тим. 4, 8)*[3] (схиигумен Иоанн (Алексеев)). Основная их функция, как и иных интертекстуальных включений, используемых в духовных эпистолярных текстах, — смыслообразующая (порождения, формирования смыслов). Помимо этого, авторы привлекают цитаты, реминисценции, иногда — аллюзии (встречаются нечасто) в аксиологической функции (ориентирования на ценности), аргументативной, прескриптивной (предписывающей — функции предписывания адресату определенных действий и поведения), оценочной (выражения положительной или отрицательной оценки), синдикативной (сближения автора и адресата, укрепления общности между ними), эстетической (создания выразительного и эстетически привлекательного текста, пробуждения эстетических чувств).

Смыслы, формируемые с помощью интертекстуальных включений, касаются духовного воспитания адресата, его нравственного совершенствования, созидания в себе внутреннего человека, укрепления в вере, изучения основ христианства, познания церковной православной жизни. Приведем пример: *Теперь есть, кому тебя утешить, ободрить. Пусть отец Иосиф заменит меня.* ***Оному подобает расти, мне же малитися***[4] (иеромонах Рафаил (Шейченко)). В данном отрезке текста (в том числе и в цитате) мы

1 Евангелие от Матфея, глава 13, стих 33.
2 Деяния святых апостолов, глава 13, стих 22.
3 Первое послание Тимофею, глава 4, стих 8.
4 Евангелие от Иоанна, глава 3, стих 30.

CC BY

видим утверждение идеи самоумаления человека — самоуничижения, послушания воле Бога, отсутствия самопревозношения, способности к жертвенности (подробно это рассматривается в статье «Идея самоумаления человека в русской монашеской эпистолярной культуре XX века: лингвокоммуникативный аспект» [Смолина, 2019]), которое в христианстве рассматривается как положительное свойство личности. В основе самоумаления лежит смирение, что вводит его в круг наиболее значимых ценностей христианства. Именно к смирению нередко направляют духовных учеников церковные писатели, обращая внимание на то, что, обретая эту добродетель, можно обрести и другие добродетели. Вспоминая слова Иоанна Крестителя *Оному подобает расти, мне же малитися* (*умаляться*), Рафаил (Шейченко) показывает пример смирения и самоумаления, учит не возноситься, принимать происходящее безропотно, кротко, послушно воле Божией, дает евангельский образец.

Ориентируя на христианские ценности (евангельские заповеди, учение о спасении, христианские добродетели и другие), церковные писатели прибегают к цитатам из Евангелия, подчеркивая верность своих утверждений. Евангелия для христиан являются самыми авторитетными источниками, и здесь можно говорить о том, что если интертекстуальное включение используется в аксиологической функции, то оно обычно выполняет и аргументативную функцию. Приведем пример: *Господь в святом Евангелии много раз говорит о прощении обид. А ты по своей немощи, а может быть, и по гордости, не хочешь поминать своих обидчиков. Знай, что суд будет во второе пришествие по Евангелию, ибо* ***пройдет небо и земля, но ни йота едина, или едина черта не прейдет от закона (****от Мат. 5, 18)*[1]. *Страшно не исполнять евангельских заповедей! Молись, чтобы Господь смягчил твое сердце… и ты могла молиться за родителей твоего мужа* (схиигумен Иоанн (Алексеев)). В этом примере автор письма ориентирует духовного ученика на обретение христианской добродетели — милосердия — и ее проявление — прощение ближних. Интертекстуальное включение становится аргументом к тезису о том, что нужно прощать обидчиков. Автор с помощью цитаты напоминает, что так сказано в законе и следует думать об ответственности за то, что не можешь придерживаться истин, данных в Евангелии.

В функции предписывания адресату определенных действий и поведения интертекстуальные включения обычно используются в духовных письмах-поучениях, адресованных ученикам; в письмах, носящих характер беседы, воспоминания, в письмах, повествующих о путешествии, и

1 Евангелие от Матфея, глава 5, стих 18.

CC BY

иных жанрах они в прескриптивной функции, как правило, не употребляются. Предписывается духовным ученикам молиться, любить Бога и ближних, работать над собой, духовно совершенствуясь в обретении милосердия, смирения, терпения, послушания, трезвения («хранения ума от всего лишнего, что мешает внутренней (умной) молитве, — от чувственных впечатлений, образов и т. д.» [Постовалова, 2012, с. 68], в обретении нестяжания, покаяния и других добродетелей, бороться с грехами (в особенности с грехом гордыни) и страстями (влечениями к каким-либо грехам), читать Евангелие и труды святых отцов, трудиться в деле спасения души, не осуждать ближних, принимать волю Божию, жить по евангельским заповедям. Приведем пример: *Если будешь… стараться быть ученицей Спасителя, жить по заповедям евангельским, а о нарушениях вольных и невольных станешь искренно болеть сердцем и приносить покаяние… то скоро увидишь на себе милость Божию, забудешь все свои скорби или легко понесешь их и станешь благодарить Господа за ту участь, которую Он послал тебе.* ***Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим***[1] (игумен Никон (Воробьев)). Реминисценция в данном случае призвана подкрепить авторскую мысль о необходимости жить по евангельским заповедям, стремиться обрести добродетель покаяния, одновременно с этим она служит предписанием, руководством к действию — учиться жить по-христиански, каяться в своих грехах, быть кроткими и смиренными.

Выражение положительной или отрицательной оценки обычно касается категорий греха и добродетели, вопросов, связанных с духовным воспитанием и развитием, с отношением к жизни и поведением адресатов писем, исполнением церковных правил и христианских заповедей, следованием советам, которые авторы писем дают в письмах, достижением спасения своей души, следованием указаниям духовного наставника, чтением значимых христианских текстов. Игумен Никон (Воробьев) в одном из писем, выражая отрицательное отношение к греху и греховным привычкам, пишет: *… все мы, не имея внешних подвигов, должны компенсировать внутренними… за легкое (чтобы не сказать легкомысленное) отношение к взятым обязанностям [монашеским обетам] не погладят по головке. Если за всякое слово праздное дадим ответ, то что же сказать о всем устроении, о всей устремленности не вперед, а назад.* ***За оборачивание назад некто превратилась в соляной столб*** *(Быт. 19, 26)*[2]*. И еще сказано:* ***не благонадежен взявшийся за плуг и оглядывающийся назад***…[3]. Ал-

1 Евангелие от Матфея, глава 11, стих 29.
2 Книга Бытия, глава 19, стих 26.
3 Евангелие от Луки, глава 9, стих 62.

CC BY

люзия на библейское событие (превращение жены Лота в соляной столб) и цитата из Евангелия от Луки дают автору письма возможность выразить свою оценку образно, усилить воздействие на адресата.

Реализация функции сближения автора и адресата, укрепления их единства связывается с общностью тезаурусов авторов духовных эпистолярных текстов и их адресатов. Принадлежа к христианской культуре, корреспонденты находятся в одном литературном поле, ориентируются на общие для них тексты, значимые в идейно-смысловом и художественном отношении. Зачастую церковные писатели напоминают о каких-либо библейских событиях, будучи уверены в том, что адресат знает, о чем идет речь, указывают стихи и главы, которые нужно прочесть, также понимая, что корреспондент с ними знаком. Единое культурное пространство, в котором находятся участники духовной эпистолярной коммуникации, создается и консолидируется, на наш взгляд, в том числе и за счет идейно значимых интертекстуальных включений (повторяющихся, выделяющихся в тексте и иногда становящихся своеобразным знаком в переписке отдельных корреспондентов). Так, например, в переписке игумена Никона (Воробьева) с духовными учениками часто упоминается евангельский эпизод, в котором мы видим мытаря, кроме того, игумен Никон обращает учеников к молитве мытаря: *...все делание спасения сводится к сознанию своих грехов, своей негодности для царствия Божия, а вследствие этого — необходимости постоянно умолять Господа: «**Боже, милостив буди мне, грешному**». Так молиться учил Господь и в притче о мытаре*. Напоминая о молитве мытаря, Никон (Воробьев) подчеркивает важность покаяния, смирения и самоумаления.

Тексты, к которым церковные писатели обращают своих адресатов, несомненно, культурно значимы, большая часть из них признана во многих странах как духовное достояние и мировое литературное наследие. Поэтому выполнение интертекстуальными включениями из этих текстов эстетической функции вряд ли можно считать спорным фактом. Авторы духовных писем, используя цитаты, аллюзии и реминисценции из священных и иных религиозных текстов, осознают их художественную ценность и понимают их важность в воспитании чувства прекрасного, развитии духовного и нравственного начала. О том, какое значение имеют используемые ими тексты, можно судить по ближайшему окружению: *Я преступил благоговейно Святой Порог Обители и... взял свой крест, сказав: **«Се покой мой! — Зде вселюся в век века!...»***[1] (иеромонах Рафаил (Шейченко)). Книжная лексика (слова *преступил*, *благоговейно*, *обитель*) дает возмож-

1 Псалом 131, стих 14.

CC BY

ность понять, что цитируемые строки воспринимаются автором как важные, значительные, насыщенные духовно.

Возвращаясь к вопросу о типах интертекстуальных включений, обозначим главное: наиболее значимыми с точки зрения смыслообразования являются интертекстуальные включения из Библии (ветхозаветные и новозаветные). Из Ветхого Завета в русской духовной эпистолярной коммуникации встречаются цитаты, аллюзии и реминисценции преимущественно из Книг Бытия, Исхода, Царств, Пророков. Интертекстуальные включения из Нового Завета обращают к Евангелию, Деяниям святых апостолов, Посланиям святых апостолов. Кроме того, в рассматриваемых текстах представлены интетрекстуальные включения из творений церковных писателей древних времен (преподобного Ефрема Сирина, преподобного Иоанна Лествичника и др.), из творений церковных писателей Нового времени (Тихона Задонского, Игнатия (Брянчанинова) и др.). Частотно использование цитат и реминисценций из псалмов, молитв, акафистов и агиографических текстов. Изредка встречаются интертекстуальные включения из произведений русской классической литературы, пословицы, поговорки и афоризмы. Приведем ряд примеров использования отдельных типов интертекстуальных включений. Из творений церковных писателей древних времен: ***Монах**, — говорит святой Иоанн Лествичник, **— есть тот, кто, будучи облечен в вещественное бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных***…[1] (игумен Никон (Воробьев)). Из творений церковных писателей Нового времени: *Послушай, что говорит еп. Феофан: **«Когда ведете речь, больше всего опасайтесь растревожить покой другого каким-либо задором или высказыванием своих мыслей наперекор ему с явным желанием постоять на своем»***[2] (митрополит Иоанн (Снычев)). Из молитв: *Да повторяем в памяти нашей сию молитву: **«Господи, сподоби мя любити Тя от всея души моея и помышления и творити во всем волю Твою»***[3] (схиархимандрит Серафим (Романцов)). Из псалмов: *…я шел в эту славную Оптину пустынь, в колыбель духовного окормления Богомудрых Старцев и Духоносных Отцов — не только помолиться, — но поселиться! **— Чаях Бога, спасающего мя от малодушия и бури***…[4] (иеромонах Рафаил (Шейченко)). Из акафистов: *почитайте **акафист Божией Матери «Утоли моя печали», Свят. Николаю***… (схиархимандрит Андроник (Лукаш). Из агиографических текстов:*…помолись Богу и проси Его помощи, чтобы Господь смягчил сердце твое… иначе ты погибнешь.*

1 Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица или Скрижали духовные, Слово 1.
2 Феофан Затворник. Письма к разным лицам.
3 Молитва 7-я святого Иоанна Златоуста.
4 Псалом 54, стих 9.

CC BY

<…> Вот что… есть в церковной истории: ***были… друзья, священник Саприкий и мирянин Никифор. Дьявол навел на них такую вражду, что никак не могли примириться. Тогда было гонение на христиан, священник Саприкий много претерпел мучений, приговорили отсечь ему голову. Никофор спросил священника: «Мучениче Христов, прости меня ради Христа», — но жестокий священник не простил и сказал… «Отрекаюсь от Христа», а Никифор объявил себя христианином, и отрубили ему голову. Саприкий погиб, а Никифор стал мучеником***[1]***.*** *Вот какой тяжкий грех вражда, после тяжких мучений погиб человек* (Схиигумен Иоанн (Алексеев)).

Итак, в русской духовной эпистолярной коммуникации представлены интертекстуальные включения следующих типов: библейские (ветхозаветные и новозаветные), святоотеческие, молитвенные, гимнографические (из псалмов и акафистов), агиографические.

3.2. Контекстуальное взаимодействие интертекстуальных включений, функционирующих в русской духовной эпистолярной коммуникации

Изучение духовных эпистолярных текстов с позиций стилистики и риторики позволяет сделать выводы относительно особенностей их языкового оформления, к которым относятся, в частности, такие: церковные писатели прибегают к метафорам и аллегориям, восходящим к библейским текстам (хотя используются и иные метафоры и аллегории, не соотносящиеся напрямую идейно и образно со священными текстами), активно используют сравнения, книжные слова, религионимы, перифразы, эмоционально-экспрессивно окрашенные слова. Синтаксически данные тексты специфичны присутствием в них перечисления, синтаксического параллелизма, инверсии и парцелляции (наиболее употребительные стилистические фигуры). Интертекстуальные включения обычно взаимодействуют с книжными словами, различными религионимами, метафорами и аллегориями, а также эпитетами и перечислением (используя наименование, предложенное М. Ю. Мухиным, перечисленные средства можно отнести к *контекстным партнерам*). Выполняя определенную стилистическую функцию, эти языковые средства обычно связываются в узком контексте. Возвышенная тональность («соответствующая высокой цели религиозной деятельности» [Кожина и др., 2012, с. 415]), в целом свойственная текстам церковно-религиозного стиля, в основном создается взаимодействием цитат и реминисценций выявленных типов, библейских аллегорий и мета-

1 Из жития святого мученика Никифора Антиохийского (Сирского) (III век н. э.).

CC BY

фор, книжных слов, эстетически выразительных сравнений и религионимов. Приведем несколько примеров. Взаимодействие цитаты, метафоры, перечисления, книжных слов (книжные слова выделены подчеркиванием; тропы и фигуры — жирным курсивом): *Отец Серафим говаривал: «**Радость моя, стяжи мирный дух и около тебя тысячи спасутся**»*[1]. *Задача **вверенного** тебе учреждения быть… местом приготовления женской проповеднической **рассады**, чтобы из этого учреждения выходили **веропроповедницы, учительницы**, притом не одной грамоты, но и местных **рукоделий**, **ремесел**, **домохозяйства**…* (митрополит Макарий (Невский)). Взаимодействие реминисценции, теонима, метафоры, повтора, книжных слов: ***Чаях Бога, спасающего мя о малодушия и бури***[2]*, — **бури страстей**, **вздымаемых** **скорогибнущими** прелестями мира сего* (иеромонах Рафаил (Шейченко)). Взаимодействие цитаты, сравнения, перечисления, теонима, повтора: *В этой временной жизни иначе и быть не может: приходится переживать всякие невзгоды, **как кораблику в море** — то **ветры**, то **дождь**, то **буря**… <…> В такие тяжелые минуты полезно прогуляться в лес и посмотреть, как белки прыгают с елки на елку и птички хвалят **Господа**. Еще смущают тебя старые привычки, и ты очень **унываешь**. Да, тяжеловато переживаешь их, однако **унывать** не надо. Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «**Часто старые привычки мучительным образом обладают нами и теми, которые оплакивают грехи свои**…»* (схиигумен Иоанн (Алексеев)).

Идейно-тематическая контекстуальная связь цитат и реминисценций и выразительных средств, становящихся их «партнерами», актуализирует религиозные смыслы, вкладываемые авторами эпистолярных текстов в их наиболее значимые в содержательном отношении части (обычно те, где содержатся советы, утешения, обосновывается какое-либо утверждение, даются рекомендации). Взаимодействие интертекстуальных включений с книжными словами, религионимами, метафорами, аллегориями, сравнениями (особенно с теми, в которых прослеживается связь с библейскими текстами) также способствует созданию особой религиозно-христианской поэтики, отличающей культурно значимые тексты церковно-религиозного стиля от текстов иных функциональных стилей русского литературного языка, а также усиливает экспрессивность и эстетическую выразительность.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, обратим внимание на то, что библейские (ветхозаветные и новозаветные), святоотеческие, молитвенные, гимнографические

1 Житие Серафима Саровского.
2 Псалом 54, стих 9.

CC BY

и агиографические цитаты и реминисценции становятся стилистическим маркером духовных эпистолярных текстов, выполняя в них разнообразные функции: смыслообразующую, аргументативную, прескриптивную, оценочную, синдикативную, эстетическую.

Выделенные типы интертекстуальных включений в целом характерны для текстов церковно-религиозного стиля, их функционирование становится его чертой, и этому можно посвятить отдельное исследование, на примере разных произведений (духовных дневников, духовных воспоминаний и иных) показав, что характер интертекстуальности русских церковно-религиозных текстов существенно отличается от характера интертекстуальности, например, русских художественных текстов. Насыщенность ветхозаветными, новозаветными и молитвенными цитатами, реминисценциями, аллюзиями подчеркивает глубинную и весьма тесную связь культурно-языковых традиций современной церковно-религиозной литературы и традиций древней христианской литературы разных стран мира (в особенности европейской и древнерусской). В перспективе предполагается рассмотреть отличия источниковой основы интертекстуальности произведений церковно-религиозного и художественного стилей русского литературного языка, выявить особенности функционирования интертекстуальных включений в русской художественной литературе в сопоставлении с особенностями их функционирования в церковно-религиозной литературе, показать черты сходства и отличия в бытовании церковно-религиозных цитат и реминисценций в русской художественной и церковно-религиозной прозе.

Литература

1. *Болотнова, Н. С.* Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 520 с. — ISBN 978-5-9765-0053-2.

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 17—28. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

3. *Гадомский А. К.* Дискуссия о религиозном языке в русском и польском языкознании / А. К. Гадомский // Методические инновации в практике преподавания русского языка и литературы в условиях поликультурной среды : III Международная научно-практическая конференция (21—22 мая 2021 г.) : сборник материалов / под ред. О. В. Чевела, С. И. Федотовой. — Казань : [б. и.], 2021. — 120 с.

4. *Данте А.* «Пир» / А. Данте // Зарубежная литература Средних веков. — Москва : Просвещение, 1975. — С. 200—202.

5. *Жолобов О. Ф.* Поучения Ефрема Сирина в итертекстуальных и композиционных отзвуках оригинальной древнерусской письменности / О. Ф. Жолобов // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3 : Филология. — 2007. — № 3 (9). — С. 7—13.

6. *Клименко Л. П.* К вопросу экзегезы сакрального текста на церковнославянском языке и его русского перевода / Л. П. Клименко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 4. — С. 211—215.

7. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0256-7.

8. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие / З. И. Комарова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. — 820 с.

9. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. — Изд. 5-е. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-397-00842-6.

10. *Мишланов В. А.* Диалогичность церковно-религиозных текстов / В. А. Мишланов, В. А. Салимовский // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 6 (12). — С. 24—29.

11. *Москвин В. П.* Методика интертекстуального анализа / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015а. — № 3 (98). — С. 116—121.

12. *Москвин В. П.* Интертекстуальность : Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В. П. Москвин. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 164 с. — ISBN 978-5-397-02024-4.

13. *Мухин М. Ю.* Нетипичная лексическая сочетаемость : формализация термина и анализ текста / М. Ю. Мухин // Уральский филологический вестник. Серия : язык. система. Личность : лингвистика креатива. — 2015. — № 1. — С. 105—115.

14. *Никулин М.* Экзегетический метод святителя Кирилла Александрийского в его «Толковании на послание к евреям» / М. Никулин // Христианское чтение. — 2017. — № 6. — С. 64—70.

15. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 240 с. — ISBN 978-5-9710-2020-2.

16. *Пирогов О. К.* Экзегетические методы свт. Иоанна Златоуста в его толковании на послание св. ап. Павла к римлянам / О. К. Пирогов // Христианское чтение. — 2009. — № 9—10. — С. 68—99.

17. *Постовалова В. И.* «Монастырь в миру» и его культурно-исторические лики (к богословию православной аскезы) / В. И. Постовалова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. — 2012. — № 3. — С. 46—81.

18. *Постовалова В. И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки и направления / В. И. Постовалова // Хрестоматия теолингвистики. — Ульяновск : Мастер Студия, 2019. — С. 36—47.

19. *Смолина А. Н.* Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов / А. Н. Смолина, О. А. Лубкина // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 5 (36). — С. 268—270.

20. *Смолина А. Н.* Идея самоумаления человека в русской монашеской эпистолярной культуре XX века : лингвокоммуникативный аспект / А. Н. Смолина // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019а. — № 1. — С. 48—65. — DOI: 10.17516/2311-3499-048.

21. *Чагинская Е. А.* Метаморфозы смысла : взгляд через призму сравнительно-экзегетического метода / Е. А. Чагинская // Вестник Московского университета. Серия 22 : теория перевода. — 2009. — № 4. — С. 108—120.

22. *Carvalhal, T. F.* Intertextualidade : a migração de um conceito / T. F. Carvalhal // Via atlântica. — JUN. 2006. — N 9. — Pp. 126—136.

References

Bolotnova, N. S. (2009). *Philological analysis of the text: textbook. 4th ed.* Moscow: Flint: Nauka. 520 p. ISBN 978-5-9765-0053-2. (In Russ.).

Carvalhal, T. F. (2006). Intertextualidade: a migração de um conceito. *Via atlântica, 9. JUN:* 126—136. (In Port.).

Chaginskaya, E. A. (2009). Metamorphoses of meaning: a view through the prism of the comparative exegetic method. *Bulletin of the Moscow University. Series 22: Theory of translation, 4:* 108—120. (In Russ.).

Dante, A. (1975). "Feast". In: *Foreign literature of the Middle Ages.* Moscow: Prosveshchenie. 200—202. (In Russ.).

Gadomsky, A. K. (2018). Lexicographic description of terminology of theolinguistics (on the example of Russian and Polish languages). *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 17 (1):* 17—28. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2. (In Russ.).

Gadomsky, A. K. (2021). Discussion about religious language in Russian and Polish linguistics. In: *Methodological innovations in the practice of teaching Russian language and literature in a multicultural environment: III International Scientific and Practical Conference (May 21—22, 2021): collection of materials.* Kazan: [b. i.]. 120 p. (In Russ.).

Klimenko, L. P. (2016). On the question of exegesis of the sacred text in the Church Slavonic language and its Russian translation. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 4:* 211—215. (In Russ.).

Komarova, Z. I. (2016). *Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics: textbook.* Moscow: FLINT: Nauka. 820 p. (In Russ.).

Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovsky, V. A. (2012). *Stylistics of the Russian language: textbook.* Moscow: FLINT: Nauka. 464 p. ISBN 978-5-9765-0256-7. (In Russ.).

Kuzmina, N. A. (2009). *Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language. Ed. 5th.* Moscow: Book House "LIBROCOM". 272 p. ISBN 978-5-397-00842-6. (In Russ.).

Mishlanov, V. A., Salimovsky, V. A. (2010). Dialogicity of church-religious texts. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology, 6 (12):* 24—29. (In Russ.).

Moskvin, V. P. (2011). *Intertextuality: Conceptual apparatus. Figures, genres, styles.* Moscow: Book House "LIBROCOM". 164 p. ISBN 978-5-397-02024-4. (In Russ.).

Moskvin, V. P. (2015a). Methodology of intertextual analysis. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, 3 (98):* 116—121. (In Russ.).

Mukhin, M. Yu. (2015). Atypical lexical compatibility: term formalization and text analysis. Ural Philological *Bulletin. Series: language. system. Personality: linguistics of creativity, 1:* 105—115. (In Russ.).

Nikulin, M. (2017). The exegetical method of St. Cyril of Alexandria in his "Interpretation of the Epistle to the Hebrews". *Christian Reading, 6:* 64—70. (In Russ.).

Piege-Gro, N. (2015). *Introduction to the theory of intertextuality. 2nd Ed.* Moscow: LENAND. 240 p. ISBN 978-5-9710-2020-2. (In Russ.).

Pirogov, O. K. (2009). Exegetical methods of svt. St. John Chrysostom in his Interpretation of the Epistle of St. Paul to the Romans. *Christian Reading, 9—10:* 68—99. (In Russ.).

Postovalova, V. I. (2012). “Monastery in the world” and its cultural and historical faces (to the theology of the Orthodox asceticism). *Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia Magister Dixit, 3:* 46—81. (In Russ.).

Postovalova, V. I. (2019). Dealingwith in modern human cognition: origins and directions. In: *Reader coolingsystem.* Ulyanovsk: Master Studio. 36—47. (In Russ.).

Smolina, A. N., Lubkina, O. A. (2012). Intertextuality as a stylistic feature of church-religious texts. *The world of science, culture, education, 5 (36):* 268—270. (In Russ.).

Smolina, A. N. (2019a). The idea of self-abasement of a person in the Russian monastic epistolary culture of the twentieth century: linguocommunicative aspect. *Ecology of language and communicative practice, 1:* 48—65. DOI: 10.17516/2311-3499-048. (In Russ.).

Zholobov, O. F. (2007). The Teachings of Efrem Sirin in the itertextual and compositional echoes of the original Old Russian writing. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 3: Philology, 3 (9):* 7—13. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.01.2022,
одобрена после рецензирования 03.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Смолоногина Е. А. Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница / Е. А. Смолоногина, И. О. Ситникова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 140—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-140-158.

Smolonogina, E. A., Sitnikova, I. O. (2022). Parameters of Lexicographic Description of New Vocabulary of Modern German in Electronic Dictionary of Neologisms of Leibniz Institute for German Language. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 140-158. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-140-158. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-140-158

Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница

Смолоногина Елена Анатольевна
orcid.org/0000-0001-6248-1442
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкой филологии
easmolonogina@herzen.spb.ru

Ситникова Ирина Олеговна
orcid.org/0000-0002-4261-5658
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкой филологии
iositnikova@herzen.spb.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Parameters of Lexicographic Description of New Vocabulary of Modern German in Electronic Dictionary of Neologisms of Leibniz Institute for German Language

Elena A. Smolonogina
orcid.org/0000-0001-6248-1442
PhD in Philology, Associate Professor
Department of German Philology
easmolonogina@herzen.spb.ru

Irina O. Sitnikova
orcid.org/0000-0002-4261-5658
PhD in Philology, Associate Professor
Department of German Philology
iositnikova@herzen.spb.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Смолоногина Е. А., Ситникова И. О., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема лексикографической фиксации неологизмов на современном этапе развития немецкоязычной лексикографии — частными толковыми словарями электронного формата. В качестве объекта исследования был выбран достаточно успешный образец лексикографической практики — электронный словарь неологизмов современного немецкого языка на лексикографическом онлайн-портале Института немецкого языка им. Лейбница. Словарь является «живым», постоянно пополняющимся изданием, в основу которого положены критерии определения и классификации неологизмов, разработанные его составителями. Авторы статьи выполнили анализ параметров лексикографического описания неологизмов в данном словаре. Поднимается вопрос об обязательном или факультативном характере параметров, примененных составителями словаря при формировании микротекста (словарной статьи). Выделяются стандартные и специфические параметры лексикографического описания, являющиеся профильными для словаря новых слов: пример-дефиниция, первая фиксация, языковая рефлексия, энциклопедическая информация, представленность в словарях и др. Анализ лексикографической практики ставит задачу обобщить практический опыт лексикографов с целью определить оптимальный набор параметров для кодификации неологии.

Ключевые слова:
неология современного немецкого языка; кодификация неологизмов; лексикографирование неологизмов; электронные словари неологизмов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of lexicographic fixation of neologisms at the present stage of development of German-language lexicography by private explanatory dictionaries of electronic format is considered. A fairly successful example of lexicographic practice was chosen as the object of the study — an electronic dictionary of neologisms of the modern German language on the lexicographic online portal of the Leibniz Institute for the German Language. The dictionary is a “living”, constantly updated edition, which is based on the criteria for the definition and classification of neologisms, developed by its compilers. The authors of the article performed an analysis of the parameters of the lexicographic description of neologisms in this dictionary. The question is raised about the mandatory or optional nature of the parameters used by the compilers of the dictionary when forming the microtext (dictionary entry). Standard and specific parameters of lexicographic description, which are profile for the dictionary of new words are distinguished: example-definition, first fixation, language reflection, encyclopedic information, representation in dictionaries, etc. The analysis of lexicographic practice sets the task of summarizing the practical experience of lexicographers in order to determine the optimal set of parameters for the codification of neology.

Key words:
neology of the modern German language; codification of neologisms; lexicography of neologisms; electronic dictionaries of neologisms.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’374.3+811.112.2’373.43

Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница

© Смолоногина Е. А., Ситникова И. О., 2022

1. Введение = Introduction

Лексикографическое описание языковой единицы в словаре любого типа всегда представляет определенные трудности для исследователей: нужно корректно организовать сбор материала и представить его в словаре в соответствии с целями и задачами издания, а также с учетом общей лексикографической традиции.

«Минимальный объем информации о языке и внеязыковой реальности, который может быть выделен и оформлен традиционными способами и приемами, используемыми при построении словарей, и включен в структуру филологического словаря», «единицу языковой информации в словарной форме» [Караулов, 2006, с. 1] в отечественной лексикографии традиционно называют *лексикографическим параметром*. Немецкоязычная лексикография, вслед за Г. Э. Вигандом, определяет его как «данные» (*Angaben*) [Виганд, 1985]. Идея лексикографической параметризации приобретает особое значение в настоящее время, поскольку антропоцентрический подход ведет к расширению типологии словарей языка, а лексикографические параметры позволяют определить типологические признаки того или иного словаря и способствуют унификации словарных разработок [Скляревская, 2017, с. 11].

Принципы лексикографического описания и набор лексикографических параметров в тексте словарной статьи не являются константными от издания к изданию и зависят от многих факторов. Настоящая статья ставит задачу исследовать открытый лексикографический ресурс — современный электронный словарь неологии немецкого языка на лексикографическом онлайн-портале Института немецкого языка им. Лейбница OWID (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch — электронная информационная система словарного состава немецкого языка, здесь и далее — *словарь*) — с целью установить, насколько оптимален отбор используемых составителями при описании неологизмов параметров [Караулов, 1988, с. 9], какие из них можно считать доминирующими, обязательными или факультативными [Там же, с. 13] при лексикографическом описании неологизмов. Данный словарь был разработан и постоянно дополняется коллективом

CC BY

Института немецкого языка Мангейма (IDS Mannheim). Электронное издание создано на основе первого современного печатного словаря неологии немецкого языка «Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen» Д. Херберга, М. Кинне и Д. Штеффенс (2004), подробнее о словаре см. [Шишкина и др., 2015]. На сегодняшний день словарь является самым полным словарем неологии немецкого языка последних трех десятилетий и весьма удачным примером лексикографической практики. Пользовательский интерфейс и принципы работы с электронным словарем подробно описаны одним из его составителей Д. Штеффенс [Steffens, 2016].

На отбор параметров влияют различные внешние и внутренние, собственно лексикографические, факторы: историческая эпоха, личность лексикографа и его научные взгляды, целевая аудитория издания, тип и задачи словаря и др., подробнее об этом см. здесь [Смолоногина, 2015, с. 80—83; Шишкина и др., 2018, с. 62—76; Kinne, 1996]. В задачи настоящего исследования также входило установление взаимосвязи двух факторов, выделенных авторами в качестве наиболее значимых, с набором представленных в словаре лексикографических параметров.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом настоящего исследования выступает электронный словарь неологизмов современного немецкого языка Института немецкого языка им. Лейбница, а предметом — организация его словарных статей и макротекста словаря в целом. Предмет определил методы работы: анализ метатекста (вступительной статьи издания), макротекста (словника словаря в целом) и микротекста (текстов словарных статей) с выявлением и описанием структуры последнего, ее особенностей в данном словаре.

Особенности словарных статей рассматриваемого ресурса более контрастно проявляются на фоне сопоставления с микротекстами крупнейшего общего толкового словаря немецкого языка издательства «Дуден» [Онлайн-версия …]. Набор параметров лексикографического описания в словарях издательства «Дуден» является эталонным для немецкоязычной лексикографии.

Поскольку в немецкоязычной лексикографической практике словарь неологизмов на портале OWID и предшествовавший его выходу печатный словарь уникальны, сопоставление по принципу единства объекта кодификации проходило на материале русского языка [Леонтьева и др., 2021; НСиЗ; Словарь русского языка …, 2021] и дополнительно подкрепило тезис о том, что сложный для кодификации объект создает трудности при выделении параметров его лексикографического описания, провоцирует снижение точности при толковании значения и др.

CC BY

Сопоставительный анализ по принципу единства объекта кодификации продемонстрировал, что как в немецкой, так и в отечественной лексикографии словари неологизмов — «один из активно развивающихся в последние годы и наиболее подвижных типов лексикографических изданий» [Козырев и др., 2016, с. 87]. Отечественные и немецкие лексикографы идут по схожему пути, выявляя и описывая новую лексику определенных периодов. В российской лексикографии существуют словари одного года, одного десятилетия, сводный словарь трех десятилетий [Там же, с. 89]. Изучаемый авторами статьи словарь включает в себя неологизмы 90-х, нулевых, десятых годов XXI века, а также лексику последних двух лет, связанную с темой пандемии коронавируса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ключевые факторы, влияющие на выбор лексикографических параметров словаря OWID

Первым важнейшим фактором является электронный формат исследуемого словаря. Общий объем издания перестал довлеть над его составителями, а удобный пользовательский интерфейс позволил увеличить объем словарных статей, количество и объем параметров описания слов, не создавая неудобств для читателей.

Одним из главных преимуществ электронного словаря мы, вслед за В. Д. Девкиным, считаем «установление с его помощью семантических и структурных взаимоотношений слов» [Девкин, 2005, с. 57], возможность лексикографической репрезентации языка как системы. Такая задача под силу идеографическому, или тематическому, словарю языка, в котором заголовочные слова располагаются не в алфавитном порядке, а по тематическому признаку. Таким способом словарь воссоздает существующие в языке связи между лексемами, представляя каждую из них не только как отдельную единицу, но и как часть тематической группы. Основным тематическим словарем немецкого языка является словарь Фр. Дорнзайффа «Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen» (1934). Сегодня составители электронных словарей имеют возможность представить лексику языка одновременно в алфавитном порядке для удобства пользователей и в тематическом, объединив заголовочные слова в тематические группы и эксплицировав таким образом их взаимосвязи. Данной опцией пользуются и создатели словаря неологизмов на портале OWID.

На настоящем этапе российские и немецкие лингвисты активно участвуют в разработке и пополнении электронных словарей, выявляют общие проблемы и перспективы электронной лексикографии (см., например, [Агапова, 2014; Беляева, 2010; Девкин, 2005, с. 56—61; Geyken, 2014; Kin-

CC BY

ne, 1996; Lemnitzer, 2010]), а также работают над усовершенствованием отдельных компонентов микротекста с целью повышения точности и постоянной актуализации предоставляемой пользователю словаря информации (см., например, [Didakowski et al., 2012; Lemnitzer et al., 2013]).

Важнейшим внутренним лексикографическим фактором является сам объект кодификации. Неологизмы крайне редко включаются в общие толковые словари немецкого языка (см. «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» под ред. Р. Клаппенбах и В. Штайница (1961—1977)), но иногда становятся объектом описания частных толковых словарей — лексикографических изданий, кодифицирующих и описывающих определенный фрагмент лексико-семантической системы языка, например, лексику отдельных социальных групп, профессиональную лексику, неологизмы и архаизмы и др. Нефиксация неологизмов общими толковыми словарями обусловлена их особым статусом, о котором говорит немецкий лингвист Д. Херберг: «Ein Neologismus ist eine lexikalische Einheit bzw. eine Bedeutung, die in einem bestimmten Abschnitt der Sprachentwicklung in einer Kommunikationsgemeinschaft aufkommt, sich ausbreitet, als sprachliche Norm allgemein akzeptiert und in diesem Entwicklungsabschnitt von der Mehrheit der Sprachbenutzer über eine gewisse Zeit hin als neu empfunden wird» [Herberg et al., 2004, S. XII] (Неологизм — лексическая единица либо новое лексическое значение, которые появляются в коммуникативном сообществе на определенном этапе развития языка, получают распространение, воспринимаются носителями языка как языковая норма, а также ощущаются большинством говорящих в определенный период времени как новые) (здесь и далее перевод наш. — *Е. С., И. С.*). Д. Херберг с коллегами подчеркивают временной критерий выделения новых единиц. Время в данном случае имеет как объективный, так и субъективный характер: слово или выражение должно восприниматься носителями языка как неологизм, то есть как недавно появившийся факт, образованный в соответствии с нормами языка и никак не нарушающий их. Таким образом, установление статуса неологизма имеет довольно субъективный характер, а лексическая единица пребывает в этом статусе недолго, что вызывает трудности при отборе материала в словари неологии. В поисках решения лексикографы нередко создают собственные определения неологизма и классификацию новых лексических единиц. Включению новых слов в общие толковые словари языка или созданию словарей неологизмов почти всегда предшествует разработка теоретического обоснования для будущей кодификации неологизмов. Характер объекта кодификации напрямую влияет на количество и качество параметров лексикографического описания новой лексике в словаре.

CC BY

3.2. Многопараметровое описание неологизмов в словаре на портале OWID

Объект наблюдения и дефинирования — неологизмы современного немецкого языка — достаточно сложен, потому заголовочные слова получают в анализируемом словаре многопараметровое описание. Такое описание обычно характерно для общих толковых словарей немецкого языка и обусловлено их типом и задачами. Комплексный подход к фиксации неологизмов свидетельствует об убежденности составителей в том, что данная лексика имеет большие шансы закрепиться в языке, потому и описывать ее необходимо так, как это принято в общей толковой лексикографии. Электронный формат, ключевой фактор для словаря, позволяет реализовать данную задачу, не перегружая внимание пользователей, помогая им легко ориентироваться в текстах словарных статей и быстро переходить от одного параметра к другому за счет удобной навигации.

Большинство параметров в словаре являются стандартизированными, укоренившимися в лексикографической практике, а некоторые параметры можно считать специфическими, они были выделены составителями словаря именно с целью наиболее полного описания неологизмов. Специфическим параметрам, а также традиционным параметрам, имеющим в словаре уникальное наполнение, и будет уделено особое внимание.

Как уже было сказано, составители словаря, рассматривая новую лексику как часть лексической системы немецкого языка в целом, предприняли попытку комплексного описания и осмысления неологизмов, о чем свидетельствует тот факт, что макротекст издания организован сразу в двух порядках — алфавитном и тематическом. Перед нами практически два словаря, информация которых дополняет друг друга.

В данном словаре составители выделяют 20 тематических групп, к которым можно отнести исследуемые ими неологизмы 90-х годов XX века, нулевых и 10-х годов XXI века. Перечень групп охватывает практически все сферы жизни современного общества: от работы и политики до автомобилей и моды. Особенно актуальным на сегодняшний день можно считать выделение составителями таких групп, как, например, «Gesundheit / Körperkult» (здоровье / культура тела), «(Computer-)Kriminalität» ((кибер) преступность), «Ernährung» (питание). Лексика, относящаяся к ним, помогает характеризовать состояние немецкого общества и его ценности в настоящий момент.

Интересен тот факт, что в качестве самостоятельной фигурирует тематическая сфера «Expressive Benennungen» (экспрессивные обозначения), куда входят такие единицы, как, например, *Weichei*, *mega-in*, *mega-out*, *Warmduscher*, *ups*, *Rinderwahn*, *hammer*, *hundertpro*. Их перевод на русский

CC BY

язык представляет собой переводческую проблему, поскольку речь идет о разговорной и стилистически маркированной лексике: например, *hammer* используется в устной речи носителей в значении «мега, супер, круто(й)». Объединение данной лексики в рамках одной тематической группы, к выделению которой также возникают вопросы, кажется неправомерным, поскольку она очень разнородна с точки зрения особенностей лексического значения единиц в ее составе.

Об экспрессивно-эмоциональном характере лексики внутри данной тематической группы дополнительно свидетельствует введение таких параметров описания, как «Stil» (стиль) (например, «umgangssprachlich spöttisch» (разговорное, насмешка), «ironisch» (ирония)), «Wertungsaspekt» (оценочный аспект) (например, «Schimpfwort» (ругательство)), «Kommunikationssituation» (ситуация коммуникации) (например, «meist mündlich» (преимущественно устно). Однако этот тип данных не используется составителями словаря последовательно для всех единиц группы, что было бы логичным. Вероятно, при помощи данных параметров составители стремятся наиболее точно описать контекст использования лексических единиц, возможные коммуникативные ситуации. В результате стилистическая маркированность предстает перед читателем в разных видах и формах. Сам по себе этот факт не удивителен, поскольку те параметры, которые условно можно объединить под общим названием «стиль высказывания», очень по-разному представлены даже в общих толковых словарях немецкого языка, и единой системы в настоящий момент не существует. Подробный сопоставительный анализ систем стилистических помет в общих толковых словарях немецкого языка был проведен составителем одного из них, К. Д. Людвигом, в монографии «Markierungen im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch des Deutschen» [Ludwig, 1991].

Рассмотрим набор параметров лексикографического описания слов в данном словаре, учитывая тот факт, что многие из них не являются уникальными для словаря неологии и присутствуют в общих толковых словарях немецкого языка, однако могут играть особую роль при описании новых слов и становиться профильными, определять типологическую специфику, типологический профиль словаря [Морковкин, 2006, с. 352].

Словарь дает возможность проследить, как его составители осуществляют выбор параметров описания в соответствии со взятым ими за основу определением неологизма. Ниже авторы статьи сделают попытку продемонстрировать это соответствие для конкретных видов данных о лексических единицах. Каждый из параметров призван раскрыть ту или иную сторону понятия «неологизм» и помочь определить суть этого феномена. Перед читателем не только и не столько лексикографический труд, сколько

CC BY

масштабное лексикологическое исследование, результаты которого обрели форму словаря.

Составители издания выделяют следующие параметры: Aufkommen (возникновение), Wortbildung (словообразование), Definitionsbeleg (пример-дефиниция), Wertungsaspekt (оценочный аспект), Kommunikationssituation (ситуация коммуникации), Gruppensprache (группа говорящих), Textspezifik (тип и специфика текста), Stil (стиль), Wortbildungsproduktivität (словообразовательная активность), Enzyklopädisches (экстралингвистическая информация), Sprachreflexives (языковая рефлексия), Vorkommen in Wörterbüchern (фиксация в словарях).

Их выделение связано с особенностями объекта описания. Для неологизма, согласно определению Д. Херберга, которое взяли в качестве рабочего составители словаря, значим период появления в языке (Aufkommen) и (не-)фиксация другими, особенно — общими толковыми, словарями (Vorkommen in Wörterbüchern). Эти два параметра напрямую затрагивают статус лексической единицы, помогая установить, неологизм перед нами или нет.

Кроме периода возникновения, согласно определению Д. Херберга, важным фактором является распространенность нового слова, частотность и повсеместность его использования носителями языка. Об этом, помимо традиционного блока примеров, многое говорит словообразовательная активность слова (Wortbildungsproduktivität), например, легкость, с которой оно входит в состав композитов.

Неологизм характеризуется новизной формы и / или значения. Значение новых слов, не являющихся общеизвестными, необходимо раскрыть как можно более полно и точно. С этой целью составители дополняют традиционную дефиницию таким компонентом, как «Definitionsbeleg», — примером, который, на их взгляд, наиболее полно и точно раскрывает значение слова:

Fitnessarmband

Bedeutungsangabe

mit dem Smartphone kabellos vernetztes Armband mit eingebauten Sensoren, die bestimmte Körperdaten des Besitzers zur Kontrolle seiner Fitness aufzeichnen

Definitionsbeleg

Fitness-Armbänder im Test [Überschrift] Diese Armbänder sind kein Schmuck, sondern ein persönlicher Fitness-Coach und liegen voll im Trend. Wer sie trägt, will modernes Gesundheitsbewusstsein beweisen. Die digitalen Fitness-Messgeräte in Armbandform zählen Schritte, zeichnen Schlafzeiten auf und geben Alarm, wenn sich ihr Besitzer zu lange nicht bewegt. (Focus, 13.05.2013, Nr. 21).

CC BY

(*Фитнес-браслет*

Дефиниция значения

подключенный к смартфону беспроводным способом браслет со встроенными сенсорами, которые фиксируют определенные показатели здоровья пользователя для контроля его физического состояния

Пример-дефиниция

Тестируем фитнес-браслеты (заголовок) Такие браслеты не украшения, а личный фитнес-тренер, и сегодня они в тренде. Те, кто их носит, демонстрируют сознательное отношение к своему здоровью. Электронные измерительные приборы в форме браслетов считают шаги, фиксируют режим сна и подают сигнал тревоги, если их владелец слишком долго сидит на месте. (Журнал «Focus», 13.05.2013, Nr. 21)).

Как мы видим, пример-дефиниция не заменяет собственно словарное толкование слова, а дополняет его и выделяется авторами в качестве самостоятельного параметра лексикографического описания, явно имеющего профильный характер для данного типа словаря. Такой пример, как правило, представляет собой цитату из корпуса Института немецкого языка, в который входят газеты, журналы и другие источники, отобранную и сокращенную до нужного объема лексикографами, часто содержащую конструкцию дефиниционного типа. Пример-дефиниция подбирается для каждого заголовочного слова с целью раскрыть все нюансы явления действительности и обеспечить максимально точное понимание его значения.

Разграничение лексико-семантических вариантов слова и их описание в рамках словарной статьи — серьезная лексикографическая проблема. О том, что возможно раскрыть значение слова с помощью примеров его употребления, писал Л. Витгенштейн. Многие немецкие лексикографы подхватили его идею, среди них был и Г. Э. Виганд: «Nachfolgend fasse ich die Bedeutung eines sprachlichen Ausdrucks als die Regel(n) für seinen Gebrauch auf» (Я определяю значение языкового высказывания как правило(-а) его употребления) [Wiegand, 1985, с. 61]. Развитие антропоцентрического подхода в лингвистике привело к тому, что современные лексикографические издания стремятся не только описать язык как систему, но и показать «живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание современников» [Скляревская, 2013, с. 103]. Выбор наиболее репрезентативного примера-дефиниции, где реализуется дефиниционная стратегия и слово максимально полно раскрывает свое значение и одновременно понятно абсолютному большинству пользователей словаря (однозначная семантизация), является задачей составителей словаря и всегда отчасти субъективен.

С целью показать взаимосвязь значения и формы слова составители словаря вводят в микротекст словарной статьи такой параметр описания,

CC BY

как способ словообразования (Wortbildung). Для словарей неологии он является профильным параметром по нескольким причинам: внутренняя форма слова дополнительно мотивирует значение; способ словообразования лежит в основе классификации неологизмов; использование данных о существующих в языке словообразовательных моделей позволяет систематизировать новый лексический массив. В случае если при образовании слова использовалась необычная, новая словообразовательная стратегия, появляется яркий неологизм, однозначно трактуемый большинством носителей языка как лексическая инновация, что ускоряет процесс его лексикографической фиксации.

Дефиницию подкрепляет еще один параметр — энциклопедическая информация о неологизме (Enzyklopädisches). Он не является новым для современной немецкой лексикографии и довольно часто встречается в частных толковых словарях немецкого языка, подробнее см. [Шишкина и др., 2018]. Комбинирование в словарях двух типов информации — лингвистической и энциклопедической — можно считать «симптоматичным и отвечающим запросам пользователей» [Козырев и др., 2014, с. 11]. В случае с неологизмом полнота раскрытия значения часто невозможна без учета и описания широкого экстралингвистического контекста его использования, потому данный параметр также можно считать профильным для данного типа словарей.

Следующий параметр описания — «Sprachreflexives» — включает в себя лингвистическую информацию о слове дополнительного характера, такую, как, например, первое упоминание слова и имя его «автора», контекстуальные синонимы, включение в список «слов года», и многое другое. Данный параметр является нововведением составителей словаря и представляет собой совокупный результат анализа неологизма носителями языка и лингвистами-профессионалами. Например, носители языка замечают лексические инновации в речи и выделяют некоторые лексические единицы на фоне остальных, предлагают считать их «словами года». Лингвисты наблюдают за тем, как меняется речь носителей языка, и выносят экспертное заключение о том, является ли то или иное слово достаточно значимым для описания жизни немецкого общества в определенный период.

3.3. Параметры, описывающие ограничения при использовании слова

Следующие несколько параметров можно объединить в одну группу, поскольку все они указывают на наличие у слова ограничений в использовании: Wertungsaspekt (оценочный аспект), Kommunikationssituation (коммуникативная ситуация), Gruppensprache (группа говорящих), Textspezifik

CC BY

(тип и специфика текста), Stil (стиль). Здесь прослеживается как терминологическое, так и содержательное расхождение с оформлением общих толковых словарей немецкого языка, которые чаще всего снабжают заголовочное слово только пометами, касающимися стилистической маркированности или свидетельствующими об оценочно-экспрессивном характере слова. Словарь неологизмов работает с этими двумя параметрами, стилистическая оценочная маркированность лексики последовательно отражена в микротекстах словаря при помощи пометы «Stil», например, «ironisch» (иронично), «scherzhaft» (шутливо). Присутствует в словаре и второй параметр: в словарную статью вводится блок данных с названием «Wertungsaspekt» (оценочный аспект), в котором представлено развернутое описание отношения говорящего к объекту номинации, например:

Wutbürger

Wertungsaspekt

Wutbürger kann negativ gesehen werden, weil Wut für einen unbeherrschten Gefühlsausbruch steht, der eine sachliche Auseinandersetzung behindert. Wutbürger kann aber auch positiv interpretiert werden, wenn Wut als Zeichen für Interessiertheit an politischen Entscheidungen verstanden wird.

(примерное соответствие — *разгневанный гражданин*

оценочный аспект

Разгневанный гражданин может вызывать неодобрение, поскольку гнев и ярость — синонимы бесконтрольного проявления эмоций, а последние мешают рациональному выяснению отношений. Одновременно можно видеть в гневе граждан плюсы: гнев и ярость — сигналы интереса населения к политическим решениям и жизни страны в целом).

В метатексте авторы так характеризуют данный параметр: «Unter „Wertungsaspekt“ ist eine explizite Wertung angegeben, die nicht innerhalb der lexikografischen Definition zum Ausdruck kommt» (Оценочный аспект отражает эксплицитную оценку, которая не представлена в лексикографической дефиниции слова) [OWID]. Таким образом, оценочность, заложенная в слове, может быть отражена как в самой дефиниции его значения, так и дополнительно, в блоке «Wertungsaspekt» в случае, если первого варианта оказалось недостаточно.

Следующие три параметра как таковые отсутствуют в общих толковых словарях немецкого языка, однако та информация о слове, которую они фиксируют, представлена в других компонентах словарных статей.

Коммуникативная ситуация (Kommunikationssituation), под которой подразумевается преобладание устной или письменной формы коммуникации, обозначена в общих толковых словарях, например, такими пометами, как «ugs.»/«umg.» (umgangssprachlich — разговорное), «dial.» (dialek-

CC BY

tal — диалектное), «norddt.» (norddeutsch — северо-немецкое) и т. п., поскольку разговорная речь, диалекты и т. п. реализуются преимущественно в устной форме.

Параметр «Gruppensprache» (язык группы) интерпретируется составителями словаря в его метатексте так: «Unter „Gruppensprache“ werden Angaben wie „Jugendsprache“, „Fachjargon“, „aus der Fachsprache“ gebracht, die zur Kennzeichnung des Bereiches dienen, in dem neuer Wortschatz, der im Übergang zur Allgemeinsprache begriffen ist, bevorzugt gebraucht wird» (Параметр «язык группы» включает в себя указания на принадлежность неологизма к языку молодежи, профессиональному жаргону и т. п., описывая, таким образом, сферу преимущественного использования нового слова, находящегося на стадии вхождения в общее употребление) [OWID]. Новые слова нередко возникают внутри какой-то группы носителей языка, например, в молодежной среде или как часть профессионального жаргона, и первое время функционируют именно там. В случае, если начинается процесс постепенного перехода нового слова в общее употребление, возможно говорить о появлении неологизма. В общих толковых словарях систематически отмечается принадлежность слова к социолекту, однако перечень самих помет может отличаться от издания к изданию.

Последний параметр — «Textspezifik» (специфика текста) — достаточно нечеткий, он показывает наличие у слова связи с определенным жанром (например, объявлением), стилем (например, публицистическим) или текстами одной тематической области. Например:

chippen

Textspezifik: besonders in Anzeigen zur Vermittlung von Heimtieren

(*чипировать*

Специфика текста: преимущественно в объявлениях о бездомных животных).

Данный параметр в идентичном виде не встречается в общих толковых словарях немецкого языка, однако в текстах их словарных статей иногда можно выявить такую информацию.

4. Заключение = Conclusions

«Современное “наполнение” каждого типа словарей заслуживает специального рассмотрения» [Козырев и др., 2014, с. 12]. Словари неологии — тип лексикографических изданий, где сам объект исследования, его статус, подвижен, «что определяет динамичность жанра неологических словарей» [Козырев и др., 2016, с. 89]. Потому большой интерес представляют реализованные попытки лексикографической фиксации новых слов — словари неологии XXI века, авторы которых предложили тот или иной вариант

CC BY

решения задачи комплексного лексикографического описания новой лексики. Такие словари отражают современное состояние лексикологии, поскольку их составители берут за основу современную трактовку понятия «неологизм», и лексикографии с выработанными в ее рамках методиками фиксации лексического фонда языка, а также демонстрируют расширение влияния антропоцентрического подхода в лингвистике.

В задачи настоящего исследования входил анализ размещенного на портале OWID электронного словаря неологизмов немецкого языка, который продемонстрировал взаимосвязь лексикологии и лексикографии на практике: для реализации лексикографического проекта из целого ряда концепций и определений неологизмов, существующих в настоящий момент в немецкой германистике, было выбрано одно, и оно определило набор параметров лексикографического описания словарных единиц и степень значимости данных параметров для конкретного издания и словарей неологии в целом.

Об особом статусе объекта описания, о том, что его специфика определяет структуру словаря, свидетельствует многопараметровый характер микротекста. Несмотря на то, что в данном случае мы имеем дело с частным толковым словарем немецкого языка, словарные статьи в нем по структуре схожи с микротекстами общих толковых словарей.

Ключевые параметры описания заголовочных слов в проанализированном словаре неологизмов и в общих толковых словарях немецкого языка в целом совпадают. Однако некоторые из них претерпели некоторые изменения в словаре неологии. В частности, дефиниция значения дополняется новым компонентом — примером-дефиницией.

Кодификация неологизмов требует добавления в словарь других, дополнительных видов информации о слове, которые не представлены или редко представлены в общих толковых словарях языка, но являются профильными для данного толкового словаря: Aufkommen (возникновение), Wortbildung (словообразование), Wertungsaspekt (оценочный аспект), Kommunikationssituation (коммуникативная ситуация), Gruppensprache (язык группы), Textspezifik (тип и специфика текста), Wortbildungsproduktivität (словообразовательная активность), Enzyklopädisches (экстралингвистическая информация), Vorkommen in Wörterbüchern (фиксация в словарях).

Факультативным, разработанным специально для данного словаря, можно считать параметр «Sprachreflexives» (языковая рефлексия).

Словарь имеет сложную структуру словарной статьи с большим количеством параметров, ориентироваться в которых пользователю помогает электронный интерфейс, позволяющий оптимизировать поисковый запрос и быстро найти ту или иную информацию.

Анализ данного словаря показывает, что вопрос об оптимальном наборе параметров для описания неологизмов требует дальнейшего изучения.

Количество информации о значении и употреблении слова по сравнению с общими толковыми словарями немецкого языка значительно увеличено, что является необходимым при описании новой лексики языка.

Все выделенные составителями словаря параметры лексикографического описания неологизмов функционируют в комплексе, дополняя друг друга. Цель составителей — полное и точное раскрытие значения нового для носителя языка слова. Для этого необходимо включить в словарную статью не только дефиницию его значения, но и определенное количество контекстов использования, указать на ограничения в употреблении неологизма и дать другую дополнительную информацию о нем, которая позволит носителям языка избежать коммуникативных ошибок. Как показывает анализ данного словаря, целью составителей также может являться более детальное изучение самого объекта кодификации, который может оказаться очень сложным.

Источники и принятые сокращения

1. *Леонтьева Т. В.* Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.

2. НСиЗ — *Новые* слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 томах / сост. Т. Н. Буцева [и др.] ; отв. ред. Т. Н. Буцева ; Институт лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — Т. 1—3.

3. *Онлайн-версия* словаря «Duden» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.duden.de/ (дата обращения 08.11.2021).

4. *Словарь неологизмов* современного немецкого языка на онлайн-портале Института немецкого языка им. Лейбница (OWID) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.owid.de/docs/neo/start.jsp (дата обращения 09.11.2021).

5. *Словарь* русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е. С. Громенко [и др.], отв. ред. М. Н. Приемышева. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.

Литература

1. *Агапова Н. А.* О принципах создания электронного словаря лингвокультурологического типа : к постановке проблемы [Электронный ресурс] / Н. А. Агапова, Н. Ф. Картофелева // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 382. — С. 6—10.

2. *Беляева Л. Н.* Потенциал автоматизированной лексикографии и прикладная лингвистика [Электронный ресурс] / Л. Н. Беляева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2010. — № 143. — Режим доступа : https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/134/belyaeva_134_70_79.pdf (дата обращения 14.11.2021).

3. *Девкин В. Д.* Немецкая лексикография : учебное пособие для вузов / В. Д. Девкин. — Москва : Высшая школа, 2005. — С. 56—61. — ISBN 5-06-004998-1.

4. *Караулов Ю. Н.* Отзыв о «Современном толковом словаре живого русского языка» (слова на букву «А», приблизительно 240 страниц). Рукопись. — 2006.

5. *Караулов Ю. Н.* Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии / Ю. Н. Караулов // Советская лексикография. — Москва : Издательство "Русский язык". Курсы, 1988. — 237 с.

6. *Козырев В. А.* Фактор новизны как стимул развития лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк ; отв. ред. Т. Н. Буцева. Институт лингв. исслед. РАН // Неология и неография : современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). — Санкт-Петербург : Нестор–История, 2016. — С. 86—92. — ISBN 978-5-4469-1025-0.

7. *Козырев В. А.* Современные ориентации отечественной лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопросы лексикографии. — 2014. — № 1 (5). — С. 5—15.

8. *Морковкин В. В.* О синергетическом лексикографировании / В. В. Морковкин // Языковая личность : текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова. — Москва : Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. — С. 351—360. — ISBN 5-209-02109-2.

9. *Скляревская Г. Н.* Антропоцентрическая лексикография : идеи и практика / Г. Н. Скляревская // Лексикография. Язык. Речь : сборник статей памяти Анны Липовской. — София : Sofia University "St. Kliment Ohridsky", 2013. — С. 95—104.

10. *Скляревская Г. Н.* Идея лексикографической параметризации и ее реализация в Современном толковом словаре живого русского языка / Г. Н. Скляревская // Научно-методический иллюстрированный журнал «Мир русского слова». — 2017. — № 1. — С. 11—18.

11. *Смолоногина Е. А.* Восемнадцатый век в истории немецкой лексикографии / Е. А. Смолоногина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета : научный журнал. — 2015. — № 3. — С. 80—83.

12. *Шишкина И. П.* Лексикографическая кодификация и описание неологии современного немецкого языка / И. П. Шишкина, Е. А. Смолоногина // STUDIA LINGUISTICA. Язык в пространстве социума и культуры : сборник научных трудов. — 2015. — Выпуск XXIV. — С. 127—128.

13. *Шишкина И. П.* Немецкая лексикография : вчера, сегодня, завтра / И. П. Шишкина, Е. А. Смолоногина // STUDIA LINGUISTICA. Язык и познание в современной науке : сборник научных трудов. — 2018. — Выпуск XXVII. — С. 62—76.

14. *Didakowski J.* Automatic example sentence extraction for a contemporary German dictionary / J. Didakowski, A. Geyken, L. Lemnitzer // Proceedings EURALEX. — Oslo : [b. i], 2012. — Pp. 343—349. — ISBN 978-82-303-2228-4.

15. *Geyken A.* Methoden bei der Wörterbuchplanung in Zeiten der Internetlexikographie / A. Geyken // Lexicographica. — Berlin / New York : [b. i], 2014. — Pp. 77—112.

16. *Herberg D.* Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens. — Berlin / New York : W. de Gruyter, 2004. — XXXIX, 393 p.

17. *Kinne M.* Neologismus und Neologismenlexikographie im Deutschen. Zur Forschungsgeschichte und zur Terminologie, über Vorbilder und Aufgaben / M. Kinne // Deutsche Sprache 24. — 1996. — H. 4. — Pp. 327—358.

18. *Lemnitzer L.* Neologismenlexikographie und das Internet [Electronic resource] / L. Lemnitzer // Lexicographica. — Berlin / New York : [b. i], 2010. — Pp. 65—78. — DOI: 10.1515/lexi.2010.005.

19. *Lemnitzer L.* Representing human and machine dictionaries in markup languages (SGML / XML) [Electronic resource] / L. Lemnitzer, L. Romary, A. Witt // An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume : Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography. — Berlin / New York: W. De Gruyter, 2013. — Access mode : https://www.dwds.de/dwds_static/publications/text/Lemnitzer_Romary_Witt-HSK-Article-v2009-12-15_-_deformatted.pdf (accessed 25.11.2021).

20. *Ludwig K.-D.* Markierungen im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch des Deutschen. Ein Beitrag zur Metalexikographie / K.-D. Ludwig. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1991.

21. *Steffens D.* Das Online-Neologismenwörterbuch für den neuen Wortschatz im Deutschen / D. Steffens ; отв. ред. Т. Н. Буцева. Институт лингвистических исследований РАН // Неология и неография : современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). — Санкт-Петербург : Нестор–История, 2016. — С. 222—333. — ISBN 978-5-4469-1025-0.

22. *Wiegand H.-E.* Eine neue Auffassung der sog. Lexikographischen Definition / H.-E. Wiegand ; Karl Hyldgaard-Jensen, Arne Zettersten // Symposium on Lexicography II. — Tübungen : Max Niemeyer, 1985. — Pp. 15—100.

Material resources

Buzawa, T. N. (ed.). (2009). *New words and meanings: dictionary of the press and literature of the 90-ies of XX century: in 3 volumes, 1—3: Institute for linguistic studies, Russian Academy of Sciences.* Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.).

Dictionary of neologisms of the modern German language on the online portal of the German Language Institute. Leibniz (OWID). Available at: https://www.owid.de/docs/neo/start.jsp (accessed 09.11.2021). (In Russ.).

Leontieva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). *Dictionary of the actual vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century.* Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).

Priemyshev, M. N. (ed.). (2021). *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era.* Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. 550 p. (In Russ.).

The online version of the dictionary "Duden". Available at: https://www.duden.de (accessed 08.11.2021). (In Russ.).

References

Agapova, N. A., Kartoteleva, N. F. (2014). On the principles of creating an electronic dictionary of linguoculturological type: to the formulation of the problem. *Bulletin of Tomsk State University, 382:* 6—10. (In Russ.).

Belyaeva, L. N. (2010). The potential of automated lexicography and applied linguistics. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 143.* Available at: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/134/belyaeva_134_70_79.pdf (accessed 14.11.2021). (In Russ.).

Devkin, V. D. (2005). *German lexicography: A textbook for universities.* Moscow: Higher School. 56—61. ISBN 5-06-004998-1. (In Russ.).

CC BY

Didakowski, J., Geyken, A., Lemnitzer, L. (2012). Automatic example sentence extraction for a contemporary German dictionary. In: *Proceedings EURALEX.* Oslo: [b. i]. 343—349. ISBN 978-82-303-2228-4.

Geyken, A. (2014). Methoden bei der Wörterbuchplanung in Zeiten der Internetlexikographie. In: *Lexicographica.* Berlin / New York: [b. i]. 77—112. (In Germ.).

Herberg, D., Kinne, M., Steffens, D. (2004). *Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi.* Berlin / New York: W. de Gruyter. XXXIX, 393 p. (In Germ.).

Karaulov, Yu. N. (1988). The current state and trends in the development of Russian lexicography. In: *Soviet lexicography.* Moscow: Publishing house "Russian language". Courses. 237 p. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2006). *Review of the "Modern explanatory dictionary of the living Russian language" (words with the letter "A", approximately 240 pages). The manuscript.* (In Russ.).

Kinne, M. (1996). Neologismus und Neologismenlexikographie im Deutschen. Zur Forschungsgeschichte und zur Terminologie, über Vorbilder und Aufgaben. *Deutsche Sprache 24, 4:* 327—358. (In Germ.).

Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2014). Modern orientations of Russian lexicography. *Questions of lexicography, 1 (5):* 5—15. (In Russ.).

Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2016). The novelty factor as a stimulus for the development of lexicography. In: *Institute of Linguistics. research. RAS. Neology and neography: current state and prospects (to the 50th anniversary of the scientific direction).* St. Petersburg: Nestor-History. 86—92. ISBN 978-5-4469-1025-0. (In Russ.).

Lemnitzer, L. (2010). Neologismenlexikographie und das Internet. In: *Lexicographica.* Berlin / New York: [b. i]. 65—78. DOI: 10.1515/lexi.2010.005. (In Germ.).

Lemnitzer, L., Romary, L., Witt, A. (2013). Representing human and machine dictionaries in markup languages (SGML / XML). In: *An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume: Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography.* Berlin / New York: W. De Gruyter. Available at: https://www.dwds.de/dwds_static/publications/text/Lemnitzer_Romary_Witt-HSK-Article-v2009-12-15_-_deformatted.pdf (accessed 25.11.2021).

Ludwig, K.-D. (1991). *Markierungen im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch des Deutschen. Ein Beitrag zur Metalexikographie.* Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In Germ.).

Morkovkin, V. V. (2006). About synergetic lexicography. In: *Linguistic personality: text, dictionary, image of the world. To the 70th anniversary of chl.-corr. RAS Yu. N. Karaulova.* Moscow: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia. 351—360. ISBN 5-209-02109-2. (In Russ.).

Shishkina, I. P., Smolonogina, E. A. (2015). Lexicographic codification and description of the neology of the modern German language. *STUDIA LINGUISTICA. Language in the space of society and culture: a collection of scientific papers, XXIV:* 127—128. (In Russ.).

Shishkina, I. P., Smolonogina, E. A. (2018). German lexicography: yesterday, today, tomorrow. *STUDIA LINGUISTICA. Language and cognition in modern science: a collection of scientific papers, XXVII:* 62—76. (In Russ.).

Sklyarevskaya, G. N. (2013). Anthropocentric lexicography: ideas and practice. In: *Lexicography. Language. Speech: a collection of articles in memory of Anna Lipovskaya.* Sofia: Sofia University "St. Kliment Ohridsky". 95—104. (In Russ.).

Sklyarevskaya, G. N. (2017). The idea of lexicographic parametrization and its implementation in the Modern explanatory dictionary of the living Russian language. *Scientific and methodological illustrated magazine "The World of the Russian word", 1:* 11—18. (In Russ.).

Smolonogina, E. A. (2015). The eighteenth century in the history of German lexicography. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities: Scientific Journal, 3:* 80—83. (In Russ.).

Steffens, D. (2016). Das Online-Neologismenwörterbuch für den neuen Wortschatz im Deutschen. In: *Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. Neology and Neography: current state and prospects (to the 50th anniversary of the scientific direction)*. St. Petersburg: Nestor-History. Pp. 222—333. ISBN 978-5-4469-1025-0. (In Germ.).

Wiegand, H.-E. (1985). Eine neue Auffassung der sog. Lexikographischen Definition. In: *Symposium on Lexicography II.* Tübungen: Max Niemeyer. 15—100. (In Germ.).

Статья поступила в редакцию 01.07.2021,
одобрена после рецензирования 16.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Юрьева Н. М. Интерактивное порождение устной истории ребенком при участии взрослого / Н. М. Юрьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 159—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-159-180.

Yurieva, N. M. (2021). Interactive Generation of Oral History by a Child with Participation of an Adult. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 159-180. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-159-180. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-159-180

Интерактивное порождение устной истории ребенком при участии взрослого

Юрьева Надежда Михайловна
orcid.org/0000-0001-8537-1713
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела
экспериментальных исследований речи
o.yuriev@list.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Interactive Generation of Oral History by a Child with Participation of an Adult

Nadezhda M. Yurieva
orcid.org/0000-0001-8537-1713
Doctor of Philology, Leading Researcher,
Department of Experimental
Speech Research
o.yuriev@list.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Юрьева Н. М., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются интерактивные нарративные паттерны, возникающие в ходе рассказывания детьми историй с участием взрослого. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки теории дискурсивного развития в период дошкольного детства как важной составляющей знаний о речевом онтогенезе и особенностях становления нарративной компетенции. Новизна исследования видится в том, что в теорию речевого онтогенеза вводится идея о сложном характере становления нарративных умений в речевом онтогенезе, которые имеют длительный характер и не ограничены лишь усвоением детьми языкового материала, совершенствованием синтаксиса и синтаксических конструкций. В статье вводятся новые данные, получающие теоретическое осмысление на основе когнитивно-дискурсивного подхода и гипотезы об интерактивной природе нарративного дискурса в речевом онтогенезе. Объясняется понятие интерактивного диалогического паттерна, под которым понимаются совместно построенные взрослым и ребенком диалогические конструкции, посредством которых внутренний опыт, образы, впечатления о визуально представленной истории анализируются и формулируются участниками ситуации рассказывания. Показано, что диалогические паттерны, возникающие в рассказывании ребенком истории с участием взрослого, являются дискурсивным механизмом, способствующим созданию устной истории ребенком через «мобилизацию» потенциальных дискурсивных возможностей ребенка, которые активируются в диалоге.

Ключевые слова:
рассказывание истории; создание устной истории; диалогическая тактика; диалогические паттерны.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the interactive narrative patterns that arise in the course of telling stories by children with the participation of an adult. The relevance of the study is due to the need to develop a theory of discursive development during preschool childhood as an important component of knowledge about speech ontogenesis and the features of the formation of narrative competence. The novelty of the research is seen in the fact that the theory of speech ontogenesis introduces the idea of the complex nature of the formation of narrative skills in speech ontogenesis, which are of a long-term nature and are not limited only to the assimilation of linguistic material by children, the improvement of syntax and syntactic structures. New data that receive theoretical understanding on the basis of a cognitive-discursive approach and a hypothesis about the interactive nature of narrative discourse in speech ontogenesis are introduced in the article. The concept of an interactive dialogical pattern is explained, which means dialogical constructions jointly built by an adult and a child, through which the internal experience, images, impressions of the visually presented story are analyzed and formulated by the participants in the storytelling situation. It is shown that the dialogical patterns that arise in the child's telling a story with the participation of an adult are a discursive mechanism that contributes to the creation of oral history by the child through the “mobilization” of the child's potential discursive capabilities, which are activated in the dialogue.

Key words:
storytelling; oral history creation; dialogical tactics; dialogic patterns.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’233+81’271.1-053.4

Интерактивное порождение устной истории ребенком при участии взрослого

© Юрьева Н. М., 2022

1. Введение = Introduction

Вплоть до середины XX века в лингвистике монологическая речь и вместе с ней монологические речевые жанры традиционно рассматривались в качестве важной формы речевого общения, которая противопоставлена диалогической речи и диалогу. Наблюдающийся с середины прошлого века «всплеск интереса» гуманитарной науки к устной речи, к риторике, нарратологии и нарративу [Авеличев, 1986, с. 5—22] не только привел ученых к осмыслению нарратива в качестве фрагмента знаний рассказчика о тех или иных событиях и языкового способа передачи информации о них, но позволил рассматривать устный нарратив и такие жанры, как повествование, рассказ, истории, в качестве «речевой формы социального взаимодействия», которая, выполняя «функции организации и упорядочивания знания» [Bruner, 2004, с. 691—710], не противопоставлена диалогической форме общения и диалогу, а находится с ними в неразрывной и, возможно, генетической связи. Отметим, что, по мнению А. А. Холодовича, «монолог не выступает антонимом диалога» [Холодович, 1966, с. 3—13]. Г. О. Винокур также указывал на «отсутствие строгих и абсолютных границ между монологом и диалогом» [Винокур, 1990, с. 310]. Э. Бенвенист считал, что монолог «ведет свое происхождение от акта высказывания. Его следует признать, несмотря на внешнее несходство, разновидностью диалога, являющегося базовой структурой. Монолог есть не что иное, как перенесенный во “внутреннюю речь” диалог между я-говорящим и я-слушающим» [Бенвенист, 2002, с. 317].

В ряде работ отмечается «ограниченность существующих подходов к изучению нарратива», которая обусловлена преобладающим взглядом на нарративы как на «застывшие» вербализованные факты, а не как на созидательный дискурсивный феномен нарративной деятельности, в которой отражается процесс создания «повествовательного факта» и его воплощения в ходе наррации в той или иной нарративной форме, нарративных структурах и языковом материале [Косиков, 2000, с. 3—48; Юрьева, 2020б, с. 140]. В этой статье мы придерживаемся точки зрения, что устная история (как и диалог) на момент ее порождения «еще не представляет собой завершенной дискурсивной сущности, а находится в процессе конструи-

CC BY

рования и реализации» [Алферов, 2001, с. 12]. Именно в речевом онтогенезе, как нами отмечалось ранее, эта особенность порождения устной истории проявляется в доступном для наблюдений виде [Юрьева, 2020б]. По этой причине изыскания в области *narrative development* способствуют, во-первых, осмыслению нарративных явлений с позиции их генезиса и эволюции на дошкольной ступени онтогенеза и, во-вторых, созданию целостного представления о таком «многоликом» и «чрезвычайно изменчивом» феномене речевой деятельности человека, как нарратив [Брокмейер и др., 2000, с. 36; Троцук, 2004, с. 56—74], его проявлениях и механизмах, связанных с возникновением тех или иных дискурсивных продуктов. Разработка проблематики нарратива в детской речи в последние несколько десятилетий значительно продвинулась, тем не менее эта область остается актуальной, поскольку именно в ней, можно полагать, находятся ключи к проблеме многообразия форм человеческой речи, эволюции и взаимосвязи диалога и монолога.

Стоит отметить два момента: во-первых, «именно фундамент создаваемой истории, ее когнитивно-смысловая основа, обеспечивающая сюжетную многослойность историй», в которых отражается непрерывно изменяющийся внешний мир с возникающими в нем всевозможными простыми, уникальными и сложными ситуациями с действующими в них лицами, долгое время находился вне интересов исследователей [Мышление …, 1982, с. 26]. Во-вторых, вопросы формирования в дискурсе ребенка-рассказчика целостной нарративной формы и нарративных структур, пропитывающих и поддерживающих «сюжетно-смысловой каркас истории» [Юрьева 2020а], также не привлекали внимания ученых, поскольку считалось, что облечение смысла в некоторую повествовательную форму происходит само собой и не требует направленных усилий: стоит научить ребенка таким обычным нарративным компонентам, как начало и конец, и устная история получит свою законченную и целостную форму.

Настоящая статья является частью более широкого исследования, результаты которого представлены в [Юрьева, 2020а; Юрьева, 2020б, с. 132—152]. В статье описываются некоторые типичные *нарративные интерактивные паттерны*, возникающие в рассказывании ребенком истории в диалоге со взрослым, также выявляется, как эти паттерны изменяются в разные периоды дошкольного развития детей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — представить данные об особенностях создания истории детьми-дошкольниками в диалоге со взрослым. В статье используется материал эксперимента (который был описан ранее) «по рассказыванию

CC BY

детьми истории с активной позицией взрослого в нарративной ситуации» [Юрьева, 2020б, с. 132—149]. Предметом осмысления являются интерактивные диалогические паттерны, зафиксированные в рассказывании детьми («при активном участии взрослого») одной сказочной истории, в которой вымысел и реальность соединены в одно сюжетное целое. Под *интерактивными диалогическими паттернами* понимаются совместно построенные взрослым и ребенком (в ходе наррации истории) диалогические конструкции, посредством которых внутренний опыт, отдельные образы, впечатления об истории интерпретируются, «распадаются» и интегрируются, переходят в мысль и формулируются в диалоге участников ситуации рассказывания.

В качестве рабочей ***гипотезы*** можно высказать предположение, что ***интерактивные диалогические паттерны*** принадлежат к психолингвистическим механизмам повествовательного дискурса, которые обнаруживают себя в совместной наррации ребенка и взрослого носителя языка. Прибегнув к метафоре Г. И. Берестнева, мы полагаем, что в ситуации рассказывания истории ребенком с участием взрослого возникающие интерактивные диалогические паттерны, представляющие по своей природе внутренние рефлексивные процессы, «ткут» содержательное пространство истории [Берестнев, 2008, с. 62].

В нашей предыдущей статье объектом изучения являлись посреднические высказывания взрослого в нарративном процессе. Показано, что «посреднические действия взрослого через вопросительные высказывания вмешиваются в мыслительную деятельность ребенка, направляя внимание на структуру эпизодов истории, выделение основных характеристик каждого эпизода в соответствии с логикой действий участников в конкретных эпизодах» [Юрьева, 2020б, с. 132]. Эта статья в основном сосредоточена на совместно построенных речевых конструкциях — диалогических паттернах, возникающих в ходе рассказывания истории ребенком при содействии взрослого. ***Основная задача*** исследования состоит в том, чтобы попытаться выявить функциональный психолингвистический механизм, связанный с созданием устной истории в ходе рассказывания ее детьми-дошкольниками в ситуации диалога со взрослым носителем языка.

Как и все исследование, статья основывается на методологических принципах психологической теории онтогенеза, теории речевой деятельности и речевого онтогенеза [Асмолов, 1983, с. 128—126; Лидерс и др., 1991, с. 49—58; Юрьева, 2020б, с. 136—137], а также опирается на когнитивно-дискурсивный подход к языку, позволяющий рассматривать повествовательный дискурс как сложный вербализованный фрагмент человеческого опыта, интегрирующий в нарративном процессе внутренние

CC BY

когнитивные и дискурсивные механизмы, действующие под влиянием «психологических, языковых, социальных и культурологических факторов» [Демьянков, 2017, с. 21—27].

Представленные в статье данные получены путем анализа устных текстов, записанных в эксперименте с русскоязычными детьми от трех до семи лет. По условию задания дети рассказывали для экспериментатора одну историю, представленную в иллюстрациях и состоящую из 24 эпизодов; экспериментатор в ходе рассказывания «вступал в диалог с ребенком-рассказчиком, поддерживая его нарративную активность» [Юрьева, 2020б, с. 137].

В эксперименте участвовали 28 русскоязычных детей (без особенностей языкового развития) четырех возрастных групп детского сада и экспериментатор, профессионально подготовленный для работы с детьми дошкольного возраста. Повествовательный материал составил около 8 часов аудиозаписей, которые расшифровывались и затем фиксировались в письменной форме для анализа. Анализу подверглись ***28 устных историй*** «со встроенным интерактивным компонентом», которые включали фрагменты диалога ребенка и взрослого, ранее проанализированные в аспекте функционального назначения высказываний взрослого [Юрьева, 2020б, с. 132—149]. Зафиксированные истории распределены в следующие группы: истории детей младшей возрастной группы (дети 3,3 лет — 4,6 лет) — 6 текстов; истории детей средней группы (4,5 года — 5,7 лет) — 9 текстов; истории детей старшей и подготовительной групп (6 лет — 7 лет) — 5 и 8 текстов [Там же, с. 138].

Издавна классической сферой функционирования нарратива выступала история как теоретическая научная область, где нарратив (в большей мере письменный, соотносимый с рассказами и разного рода историями) «предстает в виде осмысления и интерпретации прошлых событий <…> или цепи событий, вокруг которых происходит повествование» [Утченко, 1977, с. 111]. В этой связи представляют интерес «наставления Цицерона о важнейших законах истории *(leges historiae)»*, которые он давал ораторам. По Цицерону, в качестве материала для них «всегда служат факты и слова. Изложение фактов требует точной временной локализации, описания места действия. <…> когда речь идет о значительных и важных событиях, то читатель (слушатель) хочет выяснить сначала намерения, затем — действия и, наконец, следствия». Поэтому рассказчику следует «удовлетворять возникающий интерес в определенной последовательности» [Там же]. Излагая действия, необходимо «осветить не только то, *что* было сделано или сказано, но и *как* было сделано, а переходя к следствиям, необходимо вскрыть и все причины — как случайные и безотчетные, так и предусмотренные разумом» [Там же].

CC BY

В гуманитарной науке хорошо известна характеристика нарративов, данная Й. Брокмейером и Р. Харре, как «самой общей категории дискурсивной деятельности» и «чрезвычайно изменчивых форм посредничества между личностными и обобщенными канонами культуры». По мнению авторов, «это понятие должно использоваться, скорее, как выражение ряда инструкций и норм в различных практиках коммуникации, упорядочивания, придания смысла некоторому познавательному опыту и процессу становления знания» [Брокмейер и др., 2000, с. 36]. Авторы подчеркивают «значимость двух специфических свойств в рассказывании историй» и главных моментов в исследовании нарративов. Во-первых, это «открытость и гибкость нарратива». Они пишут, что «нарративные структуры и элементы (например, такие, как жанр, сценарий, сюжетные линии и т. д.) не являются стабильными и жесткими формами» [Там же]. По мысли авторов, «нарративные структуры» — это «быстропроходящие структуры», которые являются, «скорее, удивительно открытыми и адаптирующимися структурами, изменяющими свою организацию и форму с изменением дискурсивного контекста и лежащими в их основании социальными и (что особенно характерно для литературы) эстетическими функциями» [Там же]. Во-вторых, авторы считают, что «формы нарратива не существуют в качестве образцов, которые нужно наполнить конкретным содержанием; они вынуждены принимать формы под влиянием требований ситуации, в которых они оказываются», и предлагают рассматривать нарративы не столько «в качестве когнитивных, лингвистических, металингвистических или онтологических сущностей, сколько в *качестве modus operandi* особых дискурсивных практик» [Там же]**.** Противоположная точка зрения высказывается Дж. Брунером, по мысли которого, «для характеристики культуры» очень важным является «путь через *нарративные модели*», позволяющие «описывать течение жизни». По его словам, «набор инструментов любой культуры наполнен не только массой канонических нарративов, но и множеством *формальных составляющих*, с помощью которых ее носители могут создавать свои собственные жизненные повествования» [Bruner, 2004, с. 694; Юрьева, 2019, с. 276—283].

Устные истории являются заметным дискурсивным явлением, возникающим в речи ребенка дошкольного возраста. Эти разнообразные истории, в которых обыденные жизненные ситуации выходят за пределы сиюминутного времени и наблюдаемого момента реальной жизни, в детском воображении часто сочетаются со «сказочностью» героев истории, их действий и поступков. Эти истории отражают мир, увиденный и осмысленный ребенком, который замечает, что в отличие от звучащей вокруг него речи, сопровождающей ежедневные ситуации общения с окружающими, в устных

CC BY

историях, рассказах и сказках привычные вещи, игрушки, живые существа могут стать необычными, наделенными необычными качествами. Будучи представленными в живой звучащей речи детей, устные истории помогают исследователям, во-первых, «реконструировать далеко не очевидный ход развития нарративных умений в разные периоды дошкольного детства» [Юрьева, 2020а] и, во-вторых, представить объективные сведения о развивающейся способности ребенка рассказывать о своих впечатлениях и знаниях о тех или иных явлениях и событиях, актуализируя их в различных дискурсивных формах «в виде комбинации и сочленения различного рода "последовательностей" и "микропоследовательностей" повествовательной ткани» [Юрьева, 2020б, с. 134].

Совсем немногие носители языка обладают талантом рассказчика, однако многие могут отличить статью в газете от таких литературных жанров, как роман и рассказ, сюжетно запутанный классический детектив от народной сказки и т. д. Очевидно, что в течение жизни у человека формируется дискурсивная способность, позволяющая дифференцировать различные типы текстов и жанровые формы, «нащупывать» и выделять присущие им особенности. Дискурсивная способность включает нарративную компетенцию, которая, вероятно, для каждого человека является индивидуальной и формируется на протяжении его жизни [Седов, 2004]. Тем не менее, обладая дискурсивной способностью, не каждый индивид может продемонстрировать умения опытного рассказчика. Для иллюстрации индивидуальной нарративной компетенции взрослого носителя языка приведем несколько следующих фрагментов. (1) Фрагмент рассказа героя из фильма Марка Донского «Песнь о счастье». *Я лес по Волге сгонял. Сидим мы раз у Волги, никому не мешаем. И вдруг …* (2) Рассказ женщины о том, как в ее квартире обвалился потолок. *Я услышала странный звук. Потом наверх посмотрела, и потолок обвалился* (НТВ, ноябрь 2010 г.). (3) Фрагмент из рассказа «Кириллыч» К. М. Станюковича. *Несколько лет тому назад мне пришлось гостить у одних знакомых на хуторе в степной части Крыма. На этом хуторе, в числе работников, жил старый отставной матрос прежнего Черноморского флота Кириллыч* [Станюкович, 1984, с. 163].

Два первых примера иллюстрируют нарративные умения обычных людей, выступающих в роли рассказчиков. Первый — указывает на явные умения рассказчика сразу заинтересовать окружающих и с помощью завязки истории и привлечения внимания слушателя к необычной деятельности героя рассказа, и с помощью языковых средств; второй — отражает умения рассказчика в краткой форме через перечисление действий передать основной смысл произошедшего события; третий — иллюстрирует нарративные умения зрелой, одаренной языковой личности писателя, об-

CC BY

ладающей целостным представлением о нарративной форме, нарративных структурах, овладевшей как лексико-грамматическим потенциалом родного языка, так и нюансами, «свойственными различным типам дискурса» [Общая …, 1986, с. 280].

Отечественная лингводидактика расценивает обучение детей разным видам рассказывания как важнейшую часть образовательного процесса в дошкольных учреждениях, имеющего целью «развитие навыков владения родным языком в его коммуникативной функции» [Сохин, 2002, с. 6]. Так, особо выделяются «умения структурно правильно строить текст, используя необходимые средства связи между предложениями и частями высказывания» [Там же, с. 7]. Подчеркивается, что «путь, по которому должно идти руководство развитием речи детей в целях формирования способности строить связное высказывание (текст), ведет от диалога между взрослым и ребенком, в котором взрослый берет на себя руководящую роль, направляя ход мысли и способы ее выражения, к развернутой монологической речи самого ребенка» [Там же, с. 14]. Попутно отметим, что нарративные умения имеют значение и для взрослых носителей языка. В наши дни недостаточная сформированность нарративных умений нередко наблюдается в профессиональной сфере, например в тележурналистике, где устный нарратив предъявляет рассказчику свои требования: краткость изложения, выделение основной темы истории, раскрытие в краткой форме ее смыслового содержания в online-ситуации и т. д.

Мы исходим из понимания рассказывания истории как продуктивного, творческого когнитивно-дискурсивного процесса, которому в речевом онтогенезе свойственны особая динамичность и изменчивость, приводящие к многообразию нарративных форм, возникающих в речи детей в ходе освоения социального и предметного мира, родного языка, его лексико-грамматических особенностей и присущих ему дискурсивных форм [Юрьева, 2020а]. Как уже отмечалось, «для онтогенетической перспективы важно иметь в виду как раз спонтанный характер порождения устного нарратива ребенком, то есть процессуальный, растянутый во времени характер возникновения устной истории и тех когнитивно-дискурсивных структур, которые стоят за ее созданием», «важная особенность этого дискурсивного явления заключается в участии взрослого в его создании» [Юрьева, 2020б, с. 140]. В этой статье анализ устных историй сосредоточен на «доступной эмпирическому наблюдению» внешней языковой стороне истории и *интерактивных диалогических паттернах*, участвующих в оформлении мысли в сложную дискурсивную форму.

Мы осознаем, что все стороны когнитивно-дискурсивного процесса, включенные в оформление образов визуального восприятия истории, про-

CC BY

исходящих в ней событий и формирующейся мысли в ту или иную дискурсивную форму, взаимосвязь участвующих при этом процессов (восприятия, мышления, памяти, языка и т. д.) в ходе наррации характеризуются «недизъюнктивностью». Психологи отмечают, что эти процессы «онтологически вообще не существуют как отдельные и обособленные», то есть «представляют собой лишь абстрактно, только мысленно выделенные стороны единой, онтологически нераздельной психической деятельности…» [Мышление …, 1982, с. 28]. Поэтому поясним, что мы пытаемся лишь мысленно выделить действие деривативных нарративных структур и процессов и выявить на материале эксперимента особенности их возникновения в рассказанной детьми истории с участием взрослого носителя языка.

По данным исследований в области устной речи детей младшего школьного возраста, «рассказ-история относится к наиболее активно используемым речевым жанрам устной речи среди школьников с 1 по 4 класс» [Толмачева, 2009, с. 5]. Возрастная специфика функционирования «речевых жанров в языковом сознании младшего школьника» характеризуется тем, что «большинство первоклассников отождествляют «жанр рассказа-истории со *сказкой»,* <…> но к 4 классу ядром рассказа-истории является составляющая *«текст небольшого объема»*» [Там же, с. 21]. При этом для большинства исследований характерно использование материалов письменной речи, относящейся к школьному периоду формирования дискурсивной компетенции. О. А. Дмитриевой и Е. С. Михайловой выявлена «гендерная специфика тематики рассказанных сказок» школьниками 7—11 лет [Дмитриева и др., 2015, 5, с. 54—56].

Устные истории — это продукт дискурсивной деятельности, возникающий в ходе вербализации (с помощью лингвистической комбинации имен существительных, глаголов, прилагательных, наречий и грамматических правил) «некоторой модели понимания реальности рассказчиком», которая основана на осмыслении цепи реальных и нереальных событий, получающих реализацию в рассказанной истории [Юрьева, 2020а]. По мысли И. П. Меркулова, «любой рассказ следует рассматривать как идеализацию либо как абстракцию реального хода событий» [Меркулов, 2000, с. 164], то есть сам процесс рассказывания предполагает «субъективную трактовку описываемых событий» [Там же]; в нем выделяются лишь те аспекты, которые значимы для рассказчика, привлекли его внимание и «составляют цель рассказа» [Там же]. Своего рода «канонический», «прототипичный» рассказ, представляя собой целостную «сложноорганизованную дискурсивную структуру», характеризуется последовательностью изложения о сообщаемых событиях, «связанностью внутренних и внешних составляющих, образующих некоторую систематическую дискурсивную целостность» [Там же, с. 167].

CC BY

По данным исследований в области детского нарратива, устные истории в речи детей предстают «во множестве речевых воплощений», отличающихся характером содержательной структуры и лингвистической связности [Applebee, 1978; Очерки …, 2013, с. 134—135]. Ранее выявлены разные формы повествования, в основе которых «находится когнитивная событийная структура, которая входит в формирующуюся понятийную систему ребенка, определяющую характер познавательного отношения ребенка к различным явлениям и событиям» [Очерки …, 2013, там же]. В проведенном исследовании высказана гипотеза о действии в ходе рассказывания ребенком истории интерактивного компонента, «представленного фрагментами диалога взрослого и ребенка <…>; с одной стороны, именно ребенок рассказывает историю, но, с другой стороны, вопросы, комментарии и замечания взрослого являются необходимым компонентом в создании истории» [Юрьева, 2020а, с. 162]. При этом мы отталкивались от мысли, что в создании устной истории взаимодействует комплекс речемыслительных процессов, которые «закреплены» в некоторой повествовательной целостности как экстериоризованном проявлении внутренней познавательной и дискурсивной деятельности рассказчика [Там же].

Таким образом, в данной статье рассказанная ребенком история осмысливается в качестве сложной дискурсивной «целостности», воплощающей в себе, с одной стороны, «*процесс* создания смысла» и передачи значимой (с точки зрения рассказчика) информации о произошедшем событии в виде «сложно стратифицированного речемыслительного явления», которое интегрирует «смысловые единицы разных уровней» [Дымарскиий, 2001, с. 57]. В этих интегративных и одновременно интерпретативных процессах происходит наделение смыслом мысленных репрезентаций (образов, сценариев и т. д.) с помощью некоторой последовательности вербальных структур и знаков. Поэтому, с другой стороны, вербальная история — это (как писал М. Халлидей о тексте) результативный «*продукт* этого процесса» [Halliday, 1982, с. 209—247].

Когда дети рассказывают о сложных событиях, бесспорно, что они сталкиваются с трудностями, связанными как «со смыслопорождением» — «отбором фрагментов, лиц, действий, их свойств из множества элементов и качеств событий» [Шмид, 2003, с. 158], так и «с языковой стороной истории» [Власова, 2020, с. 197] — созданием целостного вербального продукта, с поиском не только нужных словесных выражений, но и целостной типичной формы, присущей устным историям. Поэтому в ситуации, когда ребенок испытывает затруднения при рассказывании истории, взрослые часто вступают в диалог с ребенком, чтобы «через диалогические структуры и соответствующие высказывания» активизировать «мыс-

CC BY

лительную деятельность ребенка, заполняя и восполняя разрывы в его когнитивной активности, <…>, направляя внимание в нужном направлении…» и к возможному «смыслопорождающему результату [Шмид, 2003, с. 158—159], необходимому для связной осмысленной истории» [Юрьева, 2020б, с. 146—147]. Ученые отмечают, что «ощущения интеллектуального дискомфорта <…>, появляющиеся в результате несогласованности перцептивных и вербальных репрезентаций, образного и речевого понимания, периодически могут возникать не только у детей, но и у взрослых — эти ощущения, в частности, нередко выступают побудительными мотивами творческих поисков ученых, поэтов и писателей» [Меркулов, 2000, с. 165].

Чтобы перейти к эмпирическим данным, относящимся к вербальной составляющей и дискурсивным механизмам, «включенным в преобразование события и истории в нарративный текст» [Шмид, 2003, с. 158—184], подведем некоторый промежуточный итог.

В этой статье ***устная история*** трактуется как жанр детского устного дискурса — речевой продукт дискурсивной деятельности, посредством которого раскрываются знания ребенка о сложных событиях, происходящих в окружающем мире. Именно в устной истории, рассказанной ребенком, в концентрированном виде актуализируются сформированные на данный момент внутренние когнитивные сущности, языковые структуры, дискурсивные образцы, нарративные модели и паттерны устной речи, вместе обеспечивающие вербализацию его индивидуального речемыслительного опыта, включая опыт по восприятию, пониманию и воспроизведению услышанных образцов устной речи — историй, рассказов, сказок и т. п.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В основе методики анализа текстового материала лежит конверсационный анализ (Х. Сакс, Э. Щеглофф), который «строится на учете специфики осуществления вербальной интеракции ее участниками» [Юрьева, 2020а, с. 148], и сопоставительно-описательный анализ устных текстов, принадлежащих детям разного возраста. ***Основная задача*** анализа собранного дискурсивного материала состояла в следующем: выделить в текстах каждой возрастной группы совместно построенные ребенком и взрослым ***диалогические паттерны***, возникшие в ходе рассказывания истории, и определить «насыщенность» историй этими паттернами, а также функциональное значение этих построений для раскрытия содержания истории.

В ходе анализа выявлены различия в количественной стороне интерактивных диалогических паттернов, зафиксированных, с одной стороны, в текстах детей младшей и средней групп, с другой стороны, в текстах детей старшей и подготовительной групп: тексты историй детей в возраст-

CC BY

ном диапазоне от трех до пяти лет целиком пронизаны диалогическими паттернами, возникающими по инициативе взрослого; в историях шести — семилетних детей диалогические паттерны, в большинстве случаев также инициированные взрослым, составили от 20 до 50 % текста. Принимая во внимание этот факт, зафиксированные тексты для дальнейшего анализа разделены на тексты детей младшей и средней групп и тексты детей старших групп.

Следует отметить одну общую особенность: дети всех возрастных групп не начинали свой рассказ самостоятельно, поэтому взрослый участник вовлекал ребенка-нарратора в *storytelling,* прибегая к прямой просьбе рассказать историю. *Расскажи, какая история произошла с мальчиком; расскажи мне историю про мальчика.* Подобный способ вовлечь детей в рассказывание практически не имел успеха, поэтому далее взрослый вынужден прибегнуть к иной, более действенной диалогической тактике, вовлекающей ребенка в нарративный процесс через вопросно-ответную модель взаимодействия с ребенком-нарратором.

3.1. Устные истории детей младшей и средней возрастных групп

Тексты большинства историй (15 историй) детей трех — пяти лет состоят из «скопления» простых высказываний ребенка, для которых характерно «перечисление предметно-субъектного ряда (действий участников истории, предметов, их признаков и характеристик), относящегося к каждому эпизоду истории» [Юрьева, 2020б, 142]. Тем самым история предстает в виде «аморфной совокупности ситуаций, персонажей и действий» [Шмид, 2003, с. 158]. Выбранная взрослым диалогическая тактика, опирающаяся на вопросно-ответную диалогическую структуру, позволяет вовлечь ребенка в рефлексивный процесс и предопределить необходимый ответ, поскольку, как писал Х.-Г. Гадамер, «всякое знание проходит через вопрос», который, по своей диалогической природе «создает возможность ответа» [Гадамер, 1988, с. 427—433], определяя тесную связь диалогических реплик семантически и синтаксически. Несколько вопросно-ответных диалогических реплик, которые относятся к одному эпизоду истории и связаны друг с другом семантически и синтаксически, будем называть ***диалогическими вопросно-ответными паттернами***. Далее представлены несколько вопросно-ответных паттернов.

Протокол 2. Взрослый (далее В.) *Что здесь происходит? /* Ребенок (далее Р.) *Мальчик зовет кого-то с собачкой /* (В.) *А кого же он зовет, как ты думаешь? /* (Р.) *Какого-то мальчика;* (Р.) *Он теперь влез на дерево. Кто там живет в дупле? /* (В.) *Вот интересно! Давай посмотрим. Кто же там живет в дупле? / (Р.) Сова. /* (В.) *Она что сделала? /* (Р.) *Маль-*

CC BY

чика сбросила / (В.) *Сова сбросила мальчика. Куда она его сбросила?* / (Р.) *В море.* (В) *Сова сбросила мальчика в море.*

Вопросы взрослого фокусируют внимание ребенка на конкретный дискретный фрагмент эпизода и устанавливают «строгую обязанность» ответчика для развития соответствующего фрагмента и темы истории. В ходе подобного вопросно-ответного «сканирования» каждого эпизода детьми данных возрастных групп возникают диалогические паттерны, состоящие из вопроса взрослого и ответа-подтверждения *«да»* ребенка, который имеет возможность далее развернуть свой ответ более подробно. (В.) *Ты видишь, лягушка вылезла из банки?* / (Р.) *Да.* / (В.) *Что потом они стали делать? Почему они смотрят в банку, ты знаешь?* / (Р.) *Да. Они хотят найти лягушку. Они любили с ней играть.*

Подобные вопросно-ответные паттерны в историях детей младшей и средней групп отмечены на всем протяжении рассказывания и относятся к вербальной проработке каждого эпизода истории. Анализ поэпизодной вербализации в историях показал, что подобные паттерны в ходе совместного с взрослым рассказывания истории детьми в возрасте трех — пяти лет занимают почти всю «повествовательную ткань». Таким образом, устные истории «предстают в виде вопросно-ответного диалога по сюжету истории, представленной в иллюстрациях» [Юрьева, 2020б, с. 143]. Взрослый в ситуации рассказывания «выступает инициатором в продвижении ребенка» по содержательной и языковой канве истории [Там же].

В вопросно-ответных паттернах часто именно взрослый завершает начатую ребенком реплику, подхватывая ее синтаксическую структуру, дополняя реплику ребенка недостающей лексико-семантической информацией и завершая эпизод логически. Нередки случаи, когда нарративные паттерны оказываются распределенными и «растянутыми» между двумя участниками нарративной ситуации и, таким образом, приобретают структуру совместно построенного «сложного синтаксического единства» (далее — ССЕ) — «ряда высказываний, объединенных семантически и синтаксически в единый фрагмент» [Болотнова, 2009, с. 267; Валгина, 2003, с. 21—22; Гальперин, 2009, с. 68—69]. Подобного рода ССЕ, относящиеся к вербализации отдельного фрагмента истории, созданные «совместными усилиями двух участников», формируют «содержательную канву» устной истории [Болотнова, 2009, с. 267].

Здесь из-за недостатка печатного пространства нет возможности представить длинные фрагменты материала. Важно отметить, что большинство инициальных реплик в диалогических вопросно-ответных паттернах принадлежали взрослому, который в диалоге с детьми трех — пяти лет направлял внимание ребенка на конкретный эпизод истории и соотносил с ним

CC BY

свои вопросы, обращая внимание на важные характеристики эпизода, связанные с участниками истории, их действиями, результатами действий.

Другая особенность диалогических вопросно-ответных паттернов, отмеченных в диалогической интеракции взрослого с детьми трех — пяти лет, состоит в том, что взрослый сохраняет контроль в диалоге до завершения дискурсивного единства, помогает ребенку в осмыслении визуальной информации, в отборе из разных визуальных составляющих эпизода наиболее значимых для основной темы истории элементов и характеристик. Тем самым он предлагает для ребенка сегментацию «рыхлого» избыточного содержания воспринимаемой ребенком визуальной информации, ее выстраивание и оречевление в некоторую законченную реплику, относящуюся к конкретному эпизоду истории. Протокол 3. (Р.) *Они ищут тут лягушку* / (В.) *Собака, что делает?* / (Р.) *Собака ищет под кроватью. Ищут, ищут, под кроватью нету, в сапоге нету и там нету* / (В.) *Где там, скажи* / (Р.) *В банке* / (В.) *В банке лягушки тоже нет*.

Данные факты указывают на то, что вопросно-ответные диалогические паттерны способствуют установлению полноты и завершенности события, выделению в нем характеристик, заслуживающих внимания, и построению сообщения о них — таковы условия для создания нарративных единиц, значимые для развития содержательной стороны истории.

В ходе «пошагового» анализа каждого эпизода истории становится наблюдаемым раскрытие образа истории в динамике поэпизодной линеаризованной текстовой структуры истории. Создание истории предстает «шаг за шагом», раскрываясь через серию интерактивных диалогических паттернов, сформированных двумя участниками, где взрослый выполняет ведущую роль по упорядочиванию элементов соответствующей нарративной структуры. Проведенный анализ свидетельствует о том, что устная история, рассказанная детьми трех — пяти лет, предстает не столько в виде монологической повествовательной речи (монолога) одного рассказчика, а, скорее, в виде «вопросно-ответного диалога ребенка и взрослого» [Очерки …, 2013, с. 120], в котором взрослый направляет речемыслительный процесс, линию анализа, осмысление ребенком происходящих событий и создание сложных синтаксических единств, из которых «вырастает» и создается вербальная ткань истории.

3.2. Устные истории детей старшего дошкольного возраста

Далее назовем наиболее заметные общие особенности интерактивных диалогических паттернов, отмеченные в *storytelling* детей *старшего дошкольного возраста* — 5,6—7 лет. Большинство историй, рассказанных детьми этого возраста, представляют собой «устный нарратив с встроенным

CC BY

конверсационным компонентом, рассредоточенным по ходу рассказывания истории» [Юрьева, 2020б, с. 141]. Подробная характеристика историй, рассказанных детьми этих возрастных групп, дана в [Юрьева 2020а; 2020б].

Старшие дети самостоятельно продуцировали истории, состоящие из нескольких ССЕ, которые, в свою очередь, включали более чем одно высказывание: выделяли «пресобытие» [Шабес, 1989, с. 57] *(Мальчику купили лягушку)*, участников истории *(еще у мальчика была собака),* инициирующее событие *(Пока он спал ночью, вот, лягушка вылезла, потом она поскакала в болото)*, оречевляли визуальные «эпизодные узлы» *(Он утром проснулся, а в банке нет лягушки. Стал ее везде искать),* определяя действия участников истории и их результат, и распространяли один эпизод за другим *(Потом собака залезла в банку, и там даже лягушки не было. Вот)*. В большинстве случаев ребенок вербализовал событийные «узлы» истории и последовательно линеаризировал вербальную нить каждого эпизода истории. При этом старшие дети в большинстве эпизодов стремились распространить событийную структуру эпизодов, фокусируясь на признаках, значимых для сюжета истории. (Р.) *В дереве была дырка, и тогда он залез на дерево, чтобы посмотреть лягушку.* Или другой пример: (Р.) *Он бежал и внезапно увидел дыру в земле.* Вместе с тем отмечены случаи вербализации второстепенных характеристик эпизода: *А потом из норы вылезла мышь. Он испугался и закрыл свой нос.*

Диалогические вопросно-ответные паттерны отмечены в каждой истории, рассказанной старшими детьми, и составляют от 20 до 50 % текста. Построенные в ходе речевого взаимодействия участников нарративной ситуации вопросно-ответные паттерны предстают в виде совместно сконструированного сложного синтаксического единства (далее — ССЕ), в котором реактивные вопросы взрослого вовлекают ребенка в осмысление содержательной информации эпизода, позволяют ему расширить реплику, добавить новую информацию. В результате ребенок при опоре на вопрос взрослого завершает реплику и создает более развернутую синтаксическую структуру.

Интересными представляются такие факты, когда взрослый в своей финальной реплике формулирует полностью эту синтаксическую структуру, подтверждая и одобряя предложенное ребенком завершение реплики. Отмеченные явления мы наблюдаем в следующих примерах. Протокол 2. (Р.) *Он снова стал звать …* (В.) *Звать кого?* (Р.) *Лягушку звать.* (В.) *Он снова стал звать лягушку;* (Р.) *Он не знал, как на оленях кататься. И олень поскакал и сбросил мальчика в обрыв. А собака полетела в обрыв. /* (В). *И они оказались … /* (Р.) *В воде. /* (В.) *Они оказались в воде, в болоте.* Протокол 3. (Р.) *Мальчик … я даже не знаю /* (В.) *Мальчик поднял собачку, по-*

CC BY

жалел ее. И куда они пошли? / (Р.) *В лес. /* (В). *Зачем они пошли в лес? /* (Р.) *Искать лягушку. /* (В.) *Они пошли в лес искать лягушку.*

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Выявлена различная степень самостоятельности детей в ходе наррации, которая характеризуется наличием опосредствующих звеньев — интерактивных диалогических паттернов, возникающих в ходе рассказывания и влияющих на создание истории ребенком. Наибольшая «насыщенность» интерактивными диалогическими паттернами характерна для нарративной деятельности детей младших возрастных групп. К шестилетнему возрасту дети способны создать локальные повествовательные структуры, относящиеся к отдельным эпизодам истории, не прибегая к помощи взрослого. В тех случаях, когда ребенок испытывает трудности в осмыслении содержания отдельных эпизодов, определения действий участников во взаимосвязи с основной темой истории, взрослый прибегает к диалогической тактике, которая построена на использовании возможностей вопросно-ответного диалога, выступающего как когнитивно-дискурсивный инструмент, выполняющий функции ориентира в осмыслении истории и конкретного эпизода.

В историях старших детей вопросно-ответные диалогические паттерны и совместно производимые ребенком и взрослым дискурсивные структуры представлены не столь значительно по сравнению с историями детей младших возрастных групп и возникали в случаях, когда взрослый оказывал ребенку вербальную помощь в виде «скэффолдинговых» конструкций [Bruner et al., 1987], которые способствовали распространению и завершению «пропозициональной структуры высказывания ребенком»; вводу дискурсивных маркеров перехода к новому эпизоду истории, посредством которых происходит семантическая интеграция содержания различных эпизодов истории и создается связная многоэпизодная текстовая структура; уточнению правильной лексической единицы «для языкового означивания» соответствующего фрагмента эпизода [Юрьева, 2020б, с. 143—145].

На наш взгляд, результаты проведенного анализа позволяют считать, что диалогические паттерны, возникающие в ходе рассказывания ребенком истории с участием взрослого, являются своеобразным когнитивно-дискурсивным инструментом или психолингвистическим механизмом, способствующим развитию нарративных умений ребенка. Интерактивные диалогические паттерны «мобилизуют» потенциальные дискурсивные возможности ребенка, которые активируются взрослым в диалоге, «убирают» и нивелируют «несбалансированность нарративных компетенций» [Quasthoff, 1997, с. 81] участников ситуации рассказывания.

CC BY

Таким образом, полученные результаты могут служить подтверждением гипотезы о том, что в нарративном процессе в ходе диалога ребенка и взрослого происходит превращение образа и представления о событии в вербальную историю через его анализ и структурирование с помощью диалогических структур. Образ через анализ и структурирование еще «неоформленного» содержания оформляется в сознании ребенка на основе языковых категорий и диалогических структур, «разворачивается линейно в тех или иных частях» [Берестнев, 2008, с. 56—58] и на основе интерактивных диалогических паттернов облекается в языковые и дискурсивные формы. Таким образом, говоря словами Н. Д. Арутюновой, «образ превращается в текст» [Арутюнова, 1990, с. 24].

Источники

1. *Станюкович К. М.* Морские рассказы / К. М. Станюкович. — Москва : Издательство «правда», 1984. — 480 с.

Литература

1. *Авеличев А. К.* Возвращение риторики / А. К. Авеличев // Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 5—25.

2. *Алферов А. В.* Интеракциональный дейксис / А. В. Алферов. — Пятигорск : Издательство ПГЛУ, 2001. — 296 с. — ISBN 5-89966-251-4.

3. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32. — ISBN 5-01-001599-4.

4. *Асмолов А. Г.* Основные принципы психологической теории деятельности / А. Г. Асмолов // А. Н. Леонтьев и современная психология : сборник статей памяти А. Н. Леонтьева. — Москва : Издательство МГУ, 1983. — С. 118—128.

5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 448 с. — ISBN 5-354-00066-1.

6. *Берестнев Г. И.* К философии слова (лингвокультурологический аспект) / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. — 2008. — № 1. — С. 37—65.

7. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста / Н. С. Болотнова. — Москва : Флинта — Наука, 2009. — 384 с.

8. *Бремон К.* Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа / К. Бремон // От структурализма к постструктурализму. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 239—246.

9. *Брокмейер Й.* Нарратив : проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. — 2000. — № 3. — С. 29—42.

10. *Валгина Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 280 с. — ISBN 5-94010-187-9.

11. *Винокур Г. О.* Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Г. О. Винокур. — Москва : Наука, 1990. — 456 с. — ISBN 5-02-011436-7.

12. *Власова О. А.* «Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии: перспектива диалога / О. А. Власова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 193—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210.

13. *Гадамер Х.–Г.* Истина и метод : Основы философской герменевтики / Х.–Г. Гадамер. — Москва : Прогресс, 1988. — 704 с. — ISBN 5-01-001035-6.

14. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 144 с. — ISBN 978-5-397-00031-4.

15. *Демьянков В. З.* Событие как предмет гуманитарных наук / В. З. Демьянков // Репрезентация событий : интегрированный подход с позиции когнитивных наук. — Москва : Языки славянской культуры, 2017. — С. 21—27. — ISBN 978-5-9500226-3-0.

16. *Дмитриева О. А.* Детский сказочный нарратив : тематический и ценностный аспекты / О. А. Дмитриева, Е. С. Михайлова // Альманах современной науки и образования. — 2015. — № 5 (95). — С. 54—56.

17. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX—XX вв. / М. Я. Дымарский. — Москва : УРСС, 2001. — 326 с.

18. *Косиков Г. К.* «Структура» и/или «Текст» (Стратегии современной семиотики) / Г. К. Косиков // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 3—48.

19. *Лидерс А. Г.* Метод планомерного формирования в истории советской психологии / А. Г. Лидерс, Ю. И. Фролов // Вестник МГУ. Серия «Психология». — 1991. — № 1. — С. 49—58.

20. *Меркулов И. П.* Формирование «пропозициональной» парадигмы в античной эпистемологии / И. П. Меркулов // Эволюция. Язык. Познание. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 162—220.

21. *Мышление :* процесс, деятельность, общение. — Москва : Наука, 1982. — 286 с.

22. *Общая* риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др ; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. — Москва : Прогресс, 1986. — 392 с.

23. *Очерки по* синтаксису связной речи / К. Я. Сигал, З. Н. Бакалова, Н. И. Пушина, Н. М. Юрьева. — Москва : Ключ—С, 2013. — 142 с. — ISBN 978-5-93136-187-1.

24. *Седов К. Ф.* Дискурс и личность / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — ISBN 5-87604-031-2.

25. *Сохин Ф. А.* Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников / Ф. А. Сохин. — Москва, Воронеж : МОДЭК, 2002. — 224 с. — ISBN 5-89502-754-7.

26. *Толмачева С. Ю.* Речевые жанры в языковом сознании младшего школьника : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / С. Ю. Толмачева. — Белгород, 2009. — 22 с.

27. *Троцук И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник РУДН, серия Социология. — 2004. — № 6—7. — С. 56—74.

28. *Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима / С. Л. Утченко. — Москва : Наука, 1977. — 255 с.

29. *Холодович А. А.* О типологии речи / А. А. Холодович // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — Москва : Наука, 1966. — С. 3—13.

30. *Шабес В. Я.* Событие и текст / В. Я. Шабес. — Москва : Высшая школа, 1989. — 75 с. — ISBN 5-06-000439-2.

31. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.

32. *Юрьева Н. М.* К построению модели порождения устной истории детьми / Н. М. Юрьева // Когнитивные исследования языка. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. — 2019. — Выпуск XXXYI. — С. 276—283.

33. *Юрьева Н. М.* Устное повествование в онтогенезе речи / Н. М. Юрьева. — Москва — Ярославль : Издательство Канцлер, 2020а. — 192 с. — ISBN 978-5-6041117-8-9.

34. *Юрьева Н. М.* Посреднические речевые действия взрослого в рассказывании истории ребенком : к гипотезе об интерактивной природе повествования в речевой деятельности ребенка / Н. М. Юрьева // Научный диалог. — 2020б. — № 11. — С. 132—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-132-152.

35. *Applebee A. N.* The child's concept of story. Ages two to seventeen / A. N. Applebee. — Chicago : University of Chicago Press, 1978. — 209 p.

36. *Bruner J. S.* Making sense : the child's construction of the world / J. S. Bruner, H. Haster. — London : Routledge, 1987. — 204 p.

37. *Bruner J. S.* Life as narrative / J. S. Bruner // Social research. — 2004. — Vol. 71. — № 3. — Pp. 691—710.

38. *Halliday M. A. K.* How is a text like a clause? / M. A. K. Halliday // Text processing. Text analysis and generation. Text typology and attribution. — Stockholm : Almqvist and Wiksell, 1982. — Pp. 209—247.

39. *Quasthoff U. M.* An interactive approach to narrative development / U. M. Quasthoff // Narrative development : Six approaches. Ed. by M. Bamberg. — Abingdon : Routledge, 1997. — Pp. 51—83. — ISBN 9780203053508.

Material resources

Stanyukovich, K. M. (1984). *Sea stories.* Moscow: Pravda Publishing House. 480 p. (In Russ.).

References

Alferov, A. V. (2001). *Interactive deixis.* Pyatigorsk: PGLU Publishing House. 296 p. ISBN 5-89966-251-4. (In Russ.).

Applebee, A. N. (1978). *The child's concept of story. Ages two to seventeen.* Chicago: University of Chicago Press. 209 p.

Arutyunova, N. D. (1990). Metaphor and discourse. In: *The theory of metaphor.* Moscow: Progress. 5—32. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).

Asmolov, A. G. (1983). Basic principles of psychological theory of activity. In: *A. N. Leontiev and modern psychology: collection of articles in memory of A. N. Leontiev.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 118—128. (In Russ.).

Avelichev, A. K. (1986). The return of rhetoric. In: *General rhetoric.* Moscow: Progress. 5—25. (In Russ.).

Benvenist, E. (2002). *General Linguistics*. Moscow: Editorial URSS. 448 p. ISBN 5-354-00066-1. (In Russ.).

Berestnev, G. I. (2008). To the philosophy of the word (linguoculturological aspect). *Questions of Linguistics, 1:* 37—65. (In Russ.).

Bolotnova, N. S. (2009). *Communicative stylistics of the text*. Moscow: Flint — Nauka. 384 p. (In Russ.).

Bremon, K. (2000). Structural study of narrative texts after V. Propp. In: *From structuralism to poststructuralism.* Moscow: Progress. 239—246. (In Russ.).

Brockmeyer, J., Harre, R. (2000). Narrative: problems and promises of an alternative paradigm. *Questions of Philosophy, 3:* 29—42. (In Russ.).

Bruner, J. S., Haster, H (1987). *Making sense: the child's construction of the world.* London: Routledge. 204 p.

Bruner, J. S. (2004). Life as narrative. *Social research, 71 (3):* 691—710.

Demyankov, V. Z. (2017). Event as a subject of humanities. In: *Representation of events: an integrated approach from the perspective of cognitive sciences.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 21—27. ISBN 978-5-9500226-3-0. (In Russ.).

Dmitrieva, O. A., Mikhailova, E. S. (2015). Children's fairy tale narrative: thematic and value aspects. *Almanac of modern science and education, 5 (95):* 54—56. (In Russ.).

Dubois, J., Peer, F., Trinon, A., Avelichev, A. K. (ed.). (1986). *General rhetoric.* Moscow: Progress. 392 p. (In Russ.).

Dymarsky, M. Ya. (2001). *Problems of text formation and artistic text. Based on the material of Russian prose of the XIX—XX centuries*. Moscow: URSS. 326 p. (In Russ.).

Gadamer, H.-G. (1988). *Truth and Method: Fundamentals of philosophical Hermeneutics.* Moscow: Progress. 704 p. ISBN 5-01-001035-6. (In Russ.).

Galperin, I. R. (2009). *Text as an object of linguistic research.* Moscow: Book House "LIBROCOM". 144 p. ISBN 978-5-397-00031-4. (In Russ.).

Halliday, M. A. K. (1982). How is a text like a clause? In: *Text processing. Text analysis and generation. Text typology and attribution.* Stockholm: Almqvist and Wiksell. 209—247.

Kholodovich, A. A. (1966). On the typology of speech. In: *Scientific reports of the higher school. Philological sciences.* Moscow: Nauka. 3—13. (In Russ.).

Kosikov, G. K. (2000). "Structure" and/or "Text" (Strategies of modern semiotics). In: *French Semiotics: From structuralism to poststructuralism.* Moscow: Progress. 3—48. (In Russ.).

Leaders, A. G., Frolov, Yu. I. (1991). Method of systematic formation in the history of Soviet psychology. *Bulletin of Moscow State University. Series "Psychology", 1:* 49—58. (In Russ.).

Merkulov, I. P. (2000). Formation of the "propositional" paradigm in ancient epistemology. *Evolution. Language. Cognition.* Moscow: Languages of Russian Culture. 162—220. (In Russ.).

Quasthoff, U. M., Bamberg, M. (ed.). (1997). An interactive approach to narrative development. In: *Narrative development: Six approaches.* Abingdon: Routledge. 51—83. ISBN 9780203053508.

Schmid, V. (2003). *Narratology.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).

Sedov, K. F. (2004). *Discourse and personality.* Moscow: Labyrinth. 317 p. ISBN 5-87604-031-2. (In Russ.).

Segal, K. Ya., Bakalova, Z. N., Pushina, N. I., Yuryeva, N. M. (2013). *Essays on the syntax of coherent speech.* Moscow: Key—C. 142 p. ISBN 978-5-93136-187-1. (In Russ.).

Shabes, V. Ya. (1989). *Event and text.* Moscow: Higher School. 75 p. ISBN 5-06-000439-2. (In Russ.).

Sokhin, F. A. (2002). *Psychological and pedagogical foundations of speech development of preschoolers.* Moscow, Voronezh: MODEK. 224 p. ISBN 5-89502-754-7. (In Russ.).

Thinking: process, activity, communication. (1982). Moscow: Nauka. 286 p. (In Russ.).

Tolmacheva, S. Yu. (2009). *Speech genres in the language consciousness of a junior schoolboy.* Author's abstract of PhD Diss. Belgorod. 22 p. (In Russ.).

Trotsuk, I. V. (2004). Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern social sciences. *Bulletin of the RUDN, Sociology series, 6—7:* 56—74. (In Russ.).

Utchenko, S. L. (1977). *Political teachings of Ancient Rome.* Moscow: Nauka. 255 p. (In Russ.).

Valgina, N. S. (2003). *Text theory.* Moscow: Logos. 280 p. ISBN 5-94010-187-9. (In Russ.).

Vinokur, G. O. (1990). *Philological research. Linguistics and poetics.* Moscow: Nauka. 456 p. ISBN 5-02-011436-7. (In Russ.).

Vlasova, O. A. (2020). "Point of View" in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue. *Nauchnyi dialog, 11:* 193—210. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193- 210. (In Russ.).

Yurieva, N. M. (2019). To the construction of a model of the generation of oral history by children. *Cognitive studies of language. Understanding. Interpretation. Cognitive modeling, XXXI:* 276—283. (In Russ.).

Yurieva, N. M. (2020a). *Oral narration in the ontogenesis of speech.* Moscow — Yaroslavl: Chancellor Publishing House. 192 p. ISBN 978-5-6041117-8-9. (In Russ.).

Yurieva, N. M. (2020). Mediating Speech Actions of an Adult in Telling a Story by a Child: Hypothesis about the Interactive Nature of Narration in a Child's Speech Activity. *Nauchnyi dialog, 11:* 132—152. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-132-152. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.09.2021,
одобрена после рецензирования 15.12.2021,
подготовлена к публикации 25.03.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Агния Алексеевна Иванова, преподаватель (Москва)
Ван Чжэ, аспирант (Пекин, Китай)
Дай Сяофэн, аспирант (Санкт-Петербург)
Ольга Александровна Селеменева, д-р филол. наук (Елец)
Ольга Васильевна Николаева, д-р филол. наук (Владивосток)

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ван Чжэ. Трансмедийное повествование в китайском литературном сетевом дискурсе (онлайн-роман «Основатель пути дьявола») / Ван Чжэ, Дай Сяофэн // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 182—197. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-182-197.

Wang Zhe, Dai Xiaofeng. (2022). Transmedia Narrative in Chinese Literary Network Discourse (Online Novel "Founder of Devil's Way"). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 182-197. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-182-197. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-182-197

Трансмедийное повествование в китайском литературном сетевом дискурсе (онлайн-роман «Основатель пути дьявола»)

Ван Чжэ [1]
orcid.org/0000-0001-9153-5884
аспирант
442385354@qq.com

Дай Сяофэн [2]
orcid.org/0000-0003-0556-2195
аспирант
кафедра мировой экономики
st080708@student.spbu.ru

[1] Китайский университет коммуникации
(Пекин, Китай)

[2] Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Transmedia Narrative in Chinese Literary Network Discourse (Online Novel "Founder of Devil's Way")

Wang Zhe [1]
orcid.org/0000-0001-9153-5884
post-graduate student
442385354@qq.com

Dai Xiaofeng [2]
orcid.org/0000-0003-0556-2195
post-graduate student
Department of World Economy
st080708@student.spbu.ru

[1] China University of Communication
(Beijing, China)

[2] St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

© Ван Чжэ, Дай Сяофэн, 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о новых формах повествования, которые появились благодаря конвергенции средств массовой информации. Отмечается, что кроссмедийное повествование формируется за счет того, что то или иное произведение получает широкую популярность у пользователей сетевых платформ. Показано, что владельцы последних приобретают права на произведения, которые имеют большую читательскую аудиторию, поскольку в настоящее время число подписчиков, поклонников, фанатов является маркером потенциального коммерческого успеха. На примере онлайн-романа «Основатель пути дьявола» Мосян Тунсю показано, что у современных пользователей большой интерес вызывает не только содержание текста, но трансформация оригинального произведения в анимацию, кино- и теледрамы, игры. Кроме того, авторы поднимают проблему места танби в поле традиционной культуры. Авторы приходят к выводу, что, с одной стороны, танби пользуется популярностью у сетевых писателей и молодых читателей, является коммерчески успешной литературой. С другой стороны, из-за обращения к теме однополой любви, а также из-за низкого качества многих произведений данный вид нарратива вызывает неоднозначное отношение у общества и власти. Утверждается, что за трансмедийным повествованием видится будущее сетевой литературы.

Ключевые слова:
Основатель пути дьявола; сетевая литература; трансмедийное повествование; танби; фанаты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of new forms of storytelling that have emerged due to the convergence of the media is considered. It is noted that cross-media narration is formed due to the fact that a particular work is widely popular among users of network platforms. It is shown that the owners of the latter acquire the rights to works that have a large readership, since at present the number of subscribers, fans is a marker of potential commercial success. On the example of the online novel “The Founder of the Way of the Devil” by Masyan Tongsiu, it is shown that modern users are of great interest not only in the content of the text, but also in the transformation of the original work into animation, film and television dramas, and games. In addition, the authors raise the problem of the place of tanbi in the field of traditional culture. The authors come to the conclusion that, on the one hand, tanbi is popular with online writers and young readers, and is a commercially successful literature. On the other hand, due to the appeal to the topic of same-sex love, as well as due to the low quality of many works, this type of narrative causes an ambiguous attitude among society and authorities. It is argued that the future of network literature is seen behind transmedia narration.

Key words:
Founder of the way of the devil; network literature; transmedia storytelling; tanbi; fans.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.581:004.032.6

Трансмедийное повествование в китайском литературном сетевом дискурсе (онлайн-роман «Основатель пути дьявола»)

© Ван Чжэ, Дай Сяофэн, 2022

1. Введение = Introduction

В последние годы в условиях конвергенции медиаиндустрии сетевая литература адаптируется к читательским предпочтениям аудитории и становится все более зрелой, при этом число пользователей литературных ресурсов также увеличивается с каждым днем. Согласно отчету о развитии сетевой литературы за 2018 год, опубликованному «Юэвэнь Групп», по состоянию на июнь 2018 года количество читателей сетевой литературы в Китае превысило 400 миллионов, что составляет более 50 % от общего числа пользователей Интернета [Отчет, 2018б]. Благодаря такому широкому рынку пользователей сетевой роман как развивающаяся литературная форма постепенно стал новым фаворитом продюсирования в кино- и телеиндустрии. В фокус внимания специалистов данной отрасли попали повествовательные кросс-медийные онлайн-новеллы.

Технология *кросс-медийного повествования*, также известная как *трансмедийное повествование* и *трансмедийное рассказывание*, была впервые предложена американским ученым Генри Дженкинсом. В своей книге «Сближение культур: зона конфликта новых и старых медиа» он пишет, что «трансмедийное повествование представлено на нескольких медиаплатформах, при этом каждый новый текст вносит уникальный и ценный вклад в общую историю» [Дженкинс, 2012, с. 156—157] (здесь и далее перевод наш. — *В. Ч., Д. С.*). Несмотря на то, что платформы по-своему представляют повествование, у каждой из них есть свои сильные стороны в создании единого сценария для пользователей. Другими словами, нарратив, предлагаемый каждой медиаплатформой в рамках трансмедийного повествования, представляет собой в целом законченный сюжет, который остается относительно независимым от других текстов трансмедийного рассказывания, но при этом единым с ними, что проявляется в стремлении представить аудитории различные тексты во взаимосвязанном и цельном виде. В исследовании Дженкинса серия «Матрица», включающая комиксы, игры и фильмы, оценивается как успешный пример трансмедийных нарративов. В Китае постоянно развивается кросс-медийное повествование онлайн-фантастики.

CC BY

На Саммите 2018 года, посвященном вопросам интеллектуальной собственности в сфере культуры Китая, Чэнь Янь, генеральный директор Группы по развитию культурной индустрии страны, отметил, что вместе с подъемом новых медиа Китай вступил в эпоху «смешанной государственной интеграции», в которой романы, анимация, кино, телевизионные драмы, игры и другие формы развлечений становятся все более популярными. Вместо того, чтобы развиваться изолированно друг от друга, они теперь взаимодействуют друг с другом, создавая экосистему индустрии развлечений [Отчет, 2018а].

По данным за 2019 год о развитии онлайн-литературы в Китае, объем рынка китайской индустрии онлайн-литературы неуклонно увеличивается с 2013 года (рис. 1). Уже в 2019 году объем доходов китайского рынка онлайн-литературы достиг 20,17 млрд юаней, увеличившись на 26,6% по сравнению с предыдущим годом [Отчет, 2020б]. Позже, в 2020 году, доход увеличился до 24,98 млрд юаней. Количество читателей данного типа литературы составило 460 млн человек при среднесуточном числе активных пользователей — 7,577 млн. В этом же году в онлайн-формате создано 29,059 млн произведений онлайн-литературы, общее количество читателей которой — 21,3 млн человек [Отчет, 2020а].

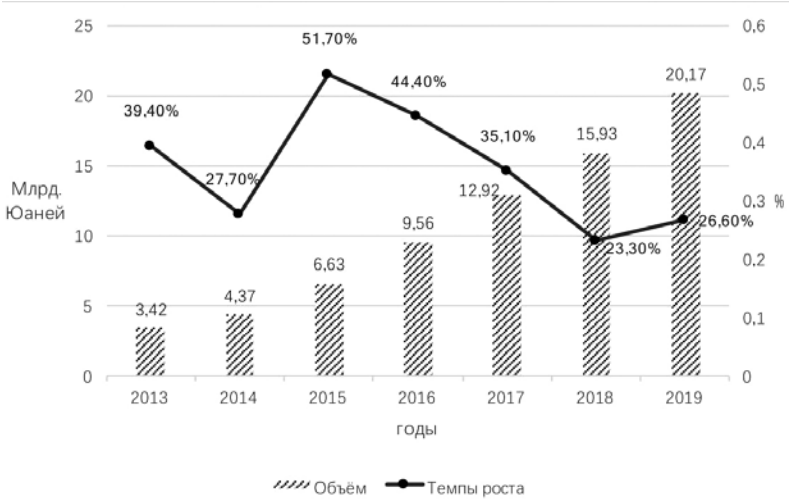

Рис. 1. Объем рынка онлайн-литературы в Китае (2013—2019).

Таким образом, сегодня можно с уверенностью говорить о перемещении читательского интереса от традиционных форм к новым форматам,

CC BY

в частности трансмедийного повествования, что выражается как в увеличении количества пользователей такого типа развлечения, так и в экономических показателях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Являясь классическим произведением, роман «Основатель пути дьявола» продолжает набирать популярность, трансформируясь в новеллы, мангу и аниме. Он функционирует в коммуникационной интернет-среде, связан с творчеством «нетизенов» (нетизен — человек, который позиционирует себя гражданином интернет-сообщества) и работой в сетях известных блогеров. В связи с этим для анализа кросс-медийного продвижения «Основателя пути дьявола» мы используем модель 5W Лассуэлла [Lasswell, 1948]. Процесс коммуникации, по Лассуэллу, включает в себя пять основных компонентов, а именно: Коммуникатора (Who? / Кто), Сообщение (Says what? / Что), Канал (In Which Channel? / По какому каналу), Получателя (To Whom? / Кому) и Эффект (With What Effect? / С каким эффектом). Поскольку в рамках данной модели мы рассматриваем роман в обратной проекции, не углубляясь в анализ его содержания и художественных достоинств, в фокусе нашего внимания в настоящем исследовании находится эффект его продвижения, так как эпоха конвергенции СМИ позволяет трансформировать художественные произведения в веб-литературные, которые представляются публике через многочисленные медиаканалы в виде романов, аниме, фильмов и драм. Кроме того, в наши задачи входил анализ причин его успеха, выявление которых позволит определить стратегии развития кросс-медийных повествований в свете развития интернет-технологий.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Форматы трансмедийного повествования «Основатель пути дьявола»

Роман «Основатель пути дьявола» (другое название «Основатель темного пути») представлен на известном сайте женской литературы «Jinjiang Literature City» (Цзиньцзян). Его автор — Мосян Тунсю — получила широкую известность у пользователей данной платформы после запуска произведения. Аниме по его сюжету «Магистр дьявольского культа» популярно и у российских читателей [Аниме Магистр …]. Повествование было трансформировано известными компаниями в различные форматы: анимацию, радиодраму и веб-драму, — что сделало его одним из кросс-медийных повествований в китайской интернет-литературе. 31 октября 2015 года Мосян Тунсю начала серийное издание оригинального танби и

CC BY

таинственного онлайн-романа «Основатель пути дьявола» на литературной платформе Цзиньцзян, первое произведение было завершено 1 марта 2016 года. Онлайн-издание увидело свет 7 сентября. Мосян Тунсю была признана самым популярным автором ежегодного фестиваля Цзиньцзян 2017 года. Ей также принадлежат онлайн-романы «Система самоспасения негодяя» и «Благословение небесного чиновника».

Основной линией анализируемого романа стало повествование о главных героях, Вэй Усянь и Лань Ванцзи, которые пережили всевозможные трудности, но всегда придерживались убеждения «бороться с предателями и помогать слабым» и в конце концов стали даосской парой, гармонично сосуществующими партнерами. Их история представлена на фоне конфликта между пятью аристократическими семьями: Цишань Вэнь, Ланьлин Цзинь, Гусу Лань, Юньмэнь Цзян и Цинхэ Ни. Герои — Вэй Усянь из Юньмэн Цзян и Лань Ваньчжи из Гусу Лань — отстаивали идеи справедливости в мире, где трудно однозначно разграничить добро и зло. Хотя в романе описывается гомосексуальная любовь, она встраивается в социальную систему отношений. Повествование принимает форму комбинации повествования и интермедии, имеет стройную композицию. Хотя «Основатель пути дьявола» — сказочный роман, все же в нем присутствует глубокий дух реальных боевых искусств и идея социальной справедливости. Характеры главных героев неоднозначны. Так, Вэй Усянь, которого приютил Цзян Фэнмянь — глава семьи Юньмэн Цзян, отличается несдержанностью, но рыцарским характером. Он живет в соответствии с семейным девизом «делать то, что заведомо невозможно». Даже когда герою приходится жить на заброшенном кладбище и практиковать черную магию, чтобы разогнать темные силы, Вэй Усянь все равно остается верен своему сердцу и вершит правосудие. Эти поступки резко контрастируют с поведением Цзинь Гуанъяо и Су Шэ, простых людей из бедной семьи, которые делали все возможное, чтобы добиться успеха. Однако злодеи, описанные автором, не являются сугубо отрицательными героями. Показывая их темную сторону, автор в то же время вызывает у читателя терпимое и доброжелательное отношение к персонажам, что делает их образы многоплановыми. Несмотря на то, что «Основатель пути дьявола» является романом в жанре фэнтези, он востребован аудиторией как произведение, в котором развитие действия и персонажи соотносительны с реальной жизнью современных людей.

Сетевой роман, представленный в разных форматах, набрал почти 14 миллиардов баллов в Цзиньцзяне, включен более чем в 1,09 миллионов коллекций, получил более 440 000 рецензий, возглавил золотые списки продаж и т. д. Повествование активно оценивалось — в сети можно най-

CC BY

ти почти 6 миллионов обсуждений и 6 миллиардов прочтений в горячих темах sina Weibo, благодаря чему произведение можно назвать лидером среди онлайн-нарративов.

Поддержка большого числа зрителей обусловливает создание и последующую популярность таких художественных форм, как комикс и анимация. Мультипликационный фильм «Основатель пути дьявола», который был создан Tencent Penguin Picutres и Summer ACG, курируется B.C May Pictures и эксклюзивно сериализуется Kuaikan Comics, выходит с 9 декабря 2017 года. Его популярность составляет почти 25 миллиардов кликов, число полученных им «лайков» (значок в социальных сетях, выражающий положительное отношение, одобрение пользователей к кому- / чему-либо) превышает 990 000. 1 июня 2018 года таинственная радиодрама «Основатель пути дьявола», которая была произведена студией Triones Penguin и компанией MissEvan, сотрудничающей со студией Following the Sound, вышла в интернет с общим количеством трансляций почти 300 миллионов за три сезона. Онлайн-анимация «Основатель пути дьявола» производства B.C May Pictures Co, Ltd. была размещена в эксклюзивной видеосети Tencent 9 июля 2018 года и состояла в общей сложности из 23 эпизодов. Анимация представляет собой изысканно водно-чернильные картины, выполненные кадр за кадром, создающие мультипликационный фильм в китайской стилистике. Объем трансляции в течение 24 часов достиг более 100 миллионов показов. Уже к ноябрю 2019 года общий объем трансляции составил более 2 миллиардов, а оценка видеоплатформы Tencent — 9,4 балла. Аудиокнига «Основатель пути дьявола» была обновлена на гималайской платформе 12 июля 2019 года и завоевала более 55 миллионов слушателей к 18 ноября. 4 декабря 2018 года вышел первый том официальной китайской упрощенной версии печатной книги бизнес-хроники «Основатель пути дьявола», который достиг рейтингового показателя 8,5 балла в Douban. Кроме того, онлайн-драма «Повелитель Чэньцин», являющаяся адаптацией онлайн-романа «Основатель пути дьявола», производится компаниями Tencent Penguin Picutres и New Style Media и транслируется исключительно на Tencent Video. Трансляция началась 27 июня 2019 года и официально завершилась 14 августа. Оценка Douban продолжала расти с 4,8 до 9,1 балла, демонстрируя редкую тенденцию повышения рейтинга. «Повелитель Чэньцин» даже превзошел «Нирвану в огне» (“Langya Bang”) и стал, согласно рейтингу, лучшей кино- и телевизионной драмой с наибольшим количеством зрителей. Объем трансляции онлайн-драмы превысил 6 миллиардов показов, она продолжала доминировать в верхних строчках списка драм микроблога.

В условиях конвергенции медиаиндустрия, связывающая различные форматы, такие как кино и телевизионные драмы, анимацию, комиксы,

CC BY

игры и др., еще не достигла окончательной зрелости, но сформировала относительно полный режим повествования для продвижения на различных платформах. После успеха онлайн-романа «Основатель пути дьявола» продюсеры трансформировали его в различные жанры и запустили их на соответствующих платформах, в результате преобразованные тексты получили отличные отзывы пользователей. Изучение путей и инструментов продвижения кросс-медийного повествования обладает, безусловно, актуальностью, поскольку позволяет развивать данный тип нарратива в онлайн-среде.

3.2. Авторы — медиакомпании — читатели сетевых произведений

В последние годы благодаря развитию Интернета общество вступило в эпоху, когда любой человек может стать писателем. Свободный формат веб-сайта дает сетевым романам большие возможности для развития. Обращение к различным темам, широкая вовлеченность читателей и активное взаимодействие с ними автора, трансмедийность повествования позволили сетевым романам стать каналом для отражения социальной действительности, преодоления устоявшихся правил и обращения к внутренним потребностям авторов и читателей. Авторы сетевых романов, имея хорошие писательские навыки, меньше зависят от норм, существующих в мире печатной литературы, что выражается в свободной репрезентации своих чувств и желаний в отношении содержания и форм представления контента. В то же время они хорошо знают запросы пользователей и в соответствии с ними создают качественные и привлекательные медиатексты, что положительно влияет на привлечение пользователей.

Как девяносто восьмой по величине, китайский сайт женской литературы в Китае «Цзиньцзянский литературный город» не только объединяет многих сетевых романистов, предоставляет им платформы для обмена, но и активно разрабатывает инструменты для более разнообразного показа сетевых романов. В авторском канале «Цзиньцзянского литературного города» Цзиньцзянское кино и телевидение устанавливают контакты авторов фильмов и телевизионных продуктов с профессиональными редакторами, развивают долгосрочное сотрудничество с кино и телекомпаниями, продюсерами, агентствами по подбору актеров и платформами видеовещания. Цзиньцзянское кино и телевидение также постоянно создают превосходные онлайн-новеллы, углубляют сотрудничество с кино и телеиндустрией и формируют «производство, снабжение и маркетинг» в режиме «одного окна». Эти процессы сопровождаются интенсивным развитием анимации и геймификации произведений китайских авторов. Так, «Цзиньцзянский литературный город» занимается продвижением проектов по преобразованию онлайн-новелл в анимационные и игровые произведения. Этот

CC BY

процесс на сегодняшний день обеспечил десятки миллионов авторских соглашений о сотрудничестве с BiliBili, Tencent и другими платформами. Анимация «Основатель пути дьявола» получила большое признание, а одноименная игра находится в стадии подготовки. Можно утверждать, что постоянное совершенствование коммерческо-производственной цепочки управления «объемным авторским правом» (в Китае является ядром книжного авторского права, взаимной интеграцией издательского дела, кино и телевидения, игр, культурных и творческих продуктов, туризма, коммуникаций и других областей полного спектра авторского права) способствует активному развитию кроссмедийного повествования.

В то же время популярные онлайн-романы имеют большую читательскую аудиторию, соответственно, потребительский спрос, а также устойчивое положение на рынке, благодаря чему легче осуществляется последующее повествование в ином формате и процесс его популяризации и продажи на рынке. В связи с возросшей популярностью онлайн-произведений медиакомпании склонны к тому, чтобы использовать их как интеллектуальную собственность. При этом она понимается широко, не только как исключительное право на творческий онлайн-продукт, но и как приобретение вместе с ним группы подписчиков-пользователей. Подписчики стали твердой валютой, которую легче всего идентифицировать и оценить в коммерческой цепочке [Инь Хун и др., 2015, с. 22—29]. В определенном смысле интеллектуальная собственность приобретает ценность благодаря ее признанию широкой аудиторией. Если рыночный потенциал произведения очевиден, то у него больше шансов на успех и, соответственно, продюсерам легче привлечь капитал и персонал, чтобы продвинуть кроссмедийное повествование. После того как книга «Основатель Пути Дьявола» была сериализована в «Литературном городе Цзиньцзян» и признана онлайн-читателями, за авторские права на нее боролись крупнейшие медиакомпании. Они выпускали комиксы, радиодрамы, анимацию, онлайн-драмы, аудиороманы и другие творческие продукты, а стоимость их производства составила более 100 миллионов юаней. В результате формируется процесс производства, включающий в себя цепочку «сетевая литература — кино и телевидение — анимация — мультфильм — радиодрама — аудиокниги — издательство — онлайн-игры» и обусловливающий разнообразие аудитории «читатели — зрители — слушатели — игроки».

3.3. Активная роль поклонников, фанатов, подписчиков в развитии сетевой литературы

В отчете о развитии онлайн-литературы за 2018 год отмечается, что в этом году доля писателей «пост-90-х» среди авторов онлайн-литературы

CC BY

достигла 50,6 %, а читателей моложе 30 лет — почти 60 %, из которых более одной десятой моложе 18 лет [Отчет, 2018б]. С точки зрения характера творческих групп можно утверждать, что молодые люди продолжают входить в сферу онлайн-литературы, а по критерию возраста среди читателей наиболее активны пользователи «поколения Z», которые, согласно прогнозам, станут крупнейшей в мире группой потребителей, интенсивно освоившей данную сферу. Таким образом, молодежь стала играть важную роль в формировании сетевой литературы.

Современное молодое поколение, которое постепенно взрослеет с развитием Интернета, имеет большой спрос на развлечения, интеллектуальное и эмоциональное потребление. Опрос показывает, что более 80 % читателей обращают внимание на такие произведения, как кино- и теледрамы, анимация или музыка, адаптированные из сетевых произведений. Такие пользователи всегда уделяют значительное или даже чрезмерное внимание тому, что их привлекает, а также часто демонстрируют сильное стремление к идентификации с фанатами других каналов СМИ [Макгуайр, 2006, с. 48]. Как считает Дженкинс, фанаты относятся к любимым ими продуктам гораздо внимательнее, чем это делают обычные зрители или читатели. Их потребление социально и ориентировано на приобретение тех знаний, которыми можно было бы поделиться с другими [Jenkins, 1992].

Оригинальный медиатекст может получить широкое распространение благодаря не только усилиям медиакомпании, но, что более важно, участию фанатов. При этом фанаты, поддерживая произведение, не преследуют экономических интересов, а удовлетворяют собственные эмоциональные потребности или стремятся к социальному взаимодействию с другими фанатами. У онлайн-романов часто есть группа особых поклонников и обычно большое количество молодых читателей. Эти пользователи составляют основную аудиторию и других медиаформ, поэтому можно сказать, что они определяют тенденции на рынке сетевых услуг. После того как оригинальное произведение «Основатель Пути Дьявола» завоевало определенное количество поклонников и появились его новые форматы, большое количество пользователей перешло от чтения онлайн-романов к просмотру кино- и теледрам, анимации, прослушиванию аудиокниг и даже возобновился интерес к печатной литературе. Из обычных читателей пользователи превратились в аудиторию поклонников, а затем стали фанатами. Таким образом, сетевые романы и другие продукты продвигают друг друга и в то же время полностью удовлетворяют запросы производителей и потребителей, образуя коммуникативный цикл и принося большую прибыль владельцу интеллектуальной собственности.

CC BY

3.4. Танби в поле традиционной культуры

Китайский иероглиф 耽 *dan* означает ‘быть зависимым и одержимым’, а 耽美 *danmei* означает ‘наслаждаться красотой’. Слово *танби* пришло из Японии в 1940-х годах, первоначально обозначая эстетизм. После 1960-х годов в японской анимации под эстетизмом понималась также любовь мальчиков. Самые ранние работы в стиле танби, получившие распространение в Китае, были в основном японскими мультфильмами. Позже развитие интернет-технологий значительно способствовало появлению и популяризации сетевой литературы. Большинство романов танби написаны писателями-женщинами, аудиторией которых являются читатели-женщины. При этом в них основное внимание уделяется любовным или эротическим отношениям между мужчинами. Хотя значительное количество романов танби было удалено или снято в последние годы с полок в ходе национального регулирования сетевой литературы, все же романы танби демонстрируют сильную жизнеспособность и большой потенциал развития на сетевых платформах, выступающих за мультикультурализм. Произведения в стиле танби стали одной из главных сил, которую нельзя игнорировать в сетевой литературе. В то же время, хотя произведения танби очень популярны в социальных сетях, они игнорируются на рынке адаптации сетевых произведений из-за щекотливости тем, которые они поднимают. Относительно немногие романы сегодня успешно адаптированы и признаны аудиторией. При адаптации «Основателя пути дьявола» в аудиороман большинство глав было удалено, а в онлайн-драме «Повелитель Чэньцин» чувства двух мужчин рассматриваются как доверительная дружба. С одной стороны, для того чтобы получить одобрение, изменения были необходимы, с другой — они делают невозможным полное представление культуры танби.

В настоящее время культура танби все еще вызывает неоднозначное отношение. Хотя есть много и высококачественных продуктов, тем не менее большое количество произведений написано авторами, имеющими низкий уровень образования и скромные писательские способности. В результате культурная ценность их произведений невысока. В целях получения большой прибыли некоторые авторы слепо угождают рынку и намеренно искажают ценности танби, создавая тексты, не обладающие эстетической и нравственной ценностью. Что еще немаловажно, нынешняя аудитория романов о красоте состоит в основном из подростков, а их ценности все еще находятся на стадии формирования, когда способность детей различать добро и зло, красоту и уродство слаба. В результате есть опасность, что они могут попасть под влияние субкультуры, которая отклоняется от ценностей традиционной культуры. Подростки, попадая в псевдосреду, созданную романами, не могут отличить виртуальный мир от реального,

CC BY

и из-за длительного влияния культуры танби на молодых людей могут возникнуть другие негативные последствия.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин на симпозиуме по сетевой безопасности и информатизации отметил: «Мы должны действовать ответственно по отношению к обществу и народу, укреплять управление киберпространством в соответствии с законом, укреплять строительство сетевого контента, укреплять позитивную рекламу в Интернете, культивировать этичную здоровую сетевую культуру, питать сердца людей социалистическими традиционными ценностями и достижениями человеческой цивилизации. Создавать у общества позитивный настрой, говорить о высоких материях, создавать чистое киберпространство для большинства пользователей Интернета, особенно подростков» [Си Цзиньпин]. Согласно данной установке, китайские онлайн-новеллы в стиле танби должны создаваться в духе социалистических ценностей как творческого принципа, стараться изо всех сил соответствовать традиционной культуре и передавать позитивные настроения общества, связанные в том числе с отказом от культуры танби.

3.5. «Сюжетный мир рассказа» и интертекстуальность

Генри Дженкинс считает, что нарративные кросс-медиа должны фокусироваться на едином «сюжетном мире», который будет репрезентирован в разнообразных медиаформах [Дженкинс, 2012]. Понятие «сюжетный мир» рассказчик Дэвид Херман определяет как «мир, созданный повествованием, явным или неявным, он включает в себя повествование в письменной форме, фильмы, графические романы, язык жестов, повседневный диалог и даже истории, которые еще не стали конкретным искусством ...; сюжетный мир — это реконструированная психологическая модель времени и сцены» [Шан Биву, 2009, с. 97—105, 128]. Мир рассказа — это основа нарративного кросс-медиа. Все медиатексты нарративного кросс-медиа должны быть расширены за счет интертекстуальности в рамках единой основной истории. Поэтому построение сюжетного мира кросс-медиа — это своего рода построение сюжета на основе механизма интертекстуальности, который стремится к основным сюжетам в различных медиаформах, взаимосвязанных и различных.

Трансмедийное повествование, в видении Дженкинса, — это явление, в котором доминируют американские голливудские фильмы. В Китае кросс-медийный нарратив на фоне интеграции медиа представляет собой, главным образом, литературный текст, созданный как сетевой феномен, адаптированный в текстовые формы, такие как кино- и теледрамы, анимация и аудиокниги. Аудитория воспринимает содержание сюжетного мира в различных медиаформах: она выступает читателем романов, зрителем

CC BY

кино- и теледрам, слушателем аудиокниг и даже игроком. При этом трансмедийное повествование предполагает, что в разных форматах нам рассказываются разные истории.

Идеальным трансмедийным повествованием является то, при котором каждый медиатекст вносит свой вклад в общее представление истории. Чтобы преодолеть существующие барьеры отечественного нарративного кросс-медиа, создатели должны сделать так, чтобы все тексты «наблюдали» друг за другом и ссылались друг на друга. Важно усилить интертекстуальность сюжетного мира, заставить разные медиа представлять разные «сюжетные миры» одной и той же основной истории, чтобы сформировать «сеть трансмедийного повествования», соединяющую различные нарративные пространства и формирующую сенсорный мир аудитории.

4. Заключение = Conclusions

С углублением конвергенции медиасреды трансмедийное повествование становится новым трендом в литературном мире. Интернет-технологии позволяют трансформировать оригинальные романы в аудио и видеожанры, анимацию и иные форматы, которые получили широкое признание у молодой аудитории сетевых платформ. Обратная связь с пользователями, поклонниками, фанатами, возможность по их голосам определить, например, популярность произведения позволяют выявить наиболее перспективные оригинальные тексты, которые могут принести большую прибыль.

Молодой состав аудитории, специфика онлайн-коммуникации и другие факторы обусловливают популярность произведений в стиле танби, среди которых одним из наиболее известных является онлайн-роман «Основатель пути дьявола». Данное произведение поднимает вопросы, обращение к которым не свойственно традиционной культуре, что во многом объясняет внимание к роману не только читателей и исследователей, но и первых лиц государства.

Таким образом, для кросс-медийного повествования, в частности танби, складывается сложная ситуация: с одной стороны, медиатексты неизбежно будут в разной степени адаптировать и трансформировать оригинальное произведение, что приведет к его изменению, с другой — они также должны сохранить жанровую и тематическую стилистику, чтобы соответствовать ожиданиям читателей оригинального романа и вкусам молодой аудитории.

Источник

1. *Аниме* Магистр дьявольского культа (The Founder of Diabolism: Mo Dao Zu Shi) онлайн // FindAnime. — Режим доступа : https://findanime.net/the_founder_of_diabolism (дата обращения 12.12.2021).

2. Мосян Тунсю — 墨香铜臭. 魔道祖师 : 无羁 / 墨香铜臭. — 成都 : 四川文艺出版社, 2018. — 320 页. (Мосян Тунсю. Основатель пути дьявола / Мосян Тунсю. — Чэнду : Сычуаньское издательство литературы и искусства, 2018. — 320 с.).

Литература

1. Дженкинс, 2012 — 詹金斯 亨利. 融合文化：新媒体和旧媒体的冲突地带 / 亨利·詹金斯 ; 杜永明译. — 北京 : 商务印书馆, 2012. — 156—157 页. (*Дженкинс Г.* Культура конвергенции : где сталкиваются старые и новые медиа / Г. Дженкинс ; перевод Ду Юнмина. — Пекин : Коммерческая пресса, 2012. — С. 156—157).

2. Инь Хун и др., 2015 — 尹鸿. IP 转换兴起的原因、现状及未来发展趋势/ 尹鸿, 王旭东, 陈洪伟, 冯斯亮 // 当代电影. — 2015. — № 9. — 22—29 页. (*Инь Хун.* Причины, текущая ситуация и будущая тенденция развития IP-конверсии / Инь Хун, Ван Сюдун, Чэнь Хунвэй, Фэн Силян // Журнал Современный фильм. — 2015. — № 9. — С. 22—29).

3. Ли Шиюй, 2016 — 李诗语. 从跨文本改编到跨媒介叙事:互文性视角下的故事世界建构 / 李诗语 // 北京电影学院学报. — 2016. — № 06. — 26—32 页. (*Ли Шиюй.* От межтекстовой адаптации к меж-медийному нарративу : конструирование сюжетных миров в перспективе интертекстуальности / Ли Шиюй // Журнал Пекинской киноакадемии. — 2016. — № 06. — С. 26—32).

4. Макгуайр, 2006 — 麦奎尔 丹尼斯. 受众分析 / 丹尼斯·麦奎尔 ; 刘燕南, 李颖, 杨振荣译. — 北京 : 中国人民大学出版社, 2006. — 48 页. (*Макгуайр Д.* Анализ аудитории / Д. Макгуайр ; перевод Лю Яньнань, Ли Ин и Ян Чжэньронг. — Пекин : Издательство Китайского университета народа, 2006. — 48 с).

5. Отчет, 2018а — 人民网.《2018中国文化IP产业发展报告》在京发布 [电子资源] / 人民网. — 访问链接: http://m.people.cn/%2Fn4%2F2018%2F0929%2Fc646-11682902.html （访问时间 2021年2月27日）(Сайт Народа. «Отчет о развитии индустрии культурных ИС Китая за 2018 год» опубликован в Пекине [Электронный ресурс] / Сайт Народа. — Режим доступа : http://m.people.cn/%2Fn4%2F2018%2F0929%2Fc646-11682902.html (дата обращения 27.02.2021)).

5. Отчет, 2018б — 年网络文学发展报告 2018, 2019年2月18日 [电子资源] / 阅文集团. — 访问链接 : http://www.199it.com/archives/834027.html （访问时间 2019年11月30日）(*Отчет* о развитии сетевой литературы за 2018 год, 18 февраля 2019 года [Электронный ресурс] / Юэвэнь Группа. — Режим доступа : http://www.199it.com/archives/834027.html (дата обращения 30.11.2019)).

6. Отчет, 2020б — 国家版权局网络版权产业研究基地. 中国网络版权产业发展报告 [电子资源] // 国家版权局网络版权产业研究基地. 2020. — 访问链接 : https://www.ncac.gov.cn/chinacopyright/upload/files/2021/6/9205f5df4b67ed4.pdf （访问时间 2021年2月27日）(*Исследовательская* база индустрии авторского права в Интернете Национальной администрации по авторскому праву. Отчет о развитии китайской онлайновой индустрии авторского права [Электронный ресурс] // Исследовательская база индустрии авторского права в Интернете Национальной администрации по авторскому праву. 2020. — Режим доступа : https://www.ncac.gov.cn/chinacopyright/upload/files/2021/6/9205f5df4b67ed4.pdf (дата обращения 27.02.2021)).

7. Отчет, 2020б — 年中国网络文学出海研究报告 [电子资源] / 艾瑞咨询. 2020. — 访问链接 : https://www.iresearch.com.cn/Detail/report?id=3644&isfree=0（访问时间 2021年2月27日）(*Исследовательский* отчет о зарубежном распространении китайской онлайн-литературы [Электронный ресурс] // iResearch. 2020. — Режим доступа : https://www.iresearch.com.cn/Detail/report?id=3644&isfree=0 (дата обращения 27.02.2021)).

6. Си Цзиньпин — 习近平 : 在网络安全和信息化工作座谈会上的讲话 [电子资源]. — 访问链接 : http://www.cac.gov.cn/2016-04/25/c_ 1118731366.htm（访问时间 2021年11月21日）(*Си Цзиньпин* : Выступление на симпозиуме по сетевой безопасности и информатизации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.cac.gov.cn/2016-04/25/c_ 1118731366.htm (дата обращения 21.11.2021)).

7. Ху Цин, 2019 — 胡晴. 煮一壶生死悲欢祭少年郎——由《魔道祖师》到《陈情令》 / 胡晴 // 网络文学评论. — 2019. — № 05. — 85—91 页. (*Ху Цин.* Варить котел жизни, смерти, горя и радости для молодого мальчика : от «Основатель пути дьявола» до «Повелитель Чэньцин» / Ху Цин // Журнал Обзор литературы онлайн. — 2019. — № 05. — С. 85—91).

8. Шан Биву, 2009 — 尚必武. 叙事学研究的新发展——戴维·赫尔曼访谈录 / 尚必武 // 外国文学. — 2009. — № 5. — 97—105+128 页. (*Шан Биву.* Новое развитие исследований в области нарратологии — интервью с Дэвидом Германом / Шан Биву // Журнал Иностранная литература. — 2009. — № 5. — С. 97—105+128).

9. Ши Чан, 2015 — 施 畅. 跨媒体叙事 : 盗 猎 计 与 召 唤 术 / 施 畅 // 北京电影学院学报. — 2015. — № Z1. — 98—104 页. (*Ши Чан.* Кросс-медийное повествование : браконьерство и вызывание / Ши Чан // Журнал Пекинской киноакадемии. — 2015. — № Z1. — С. 98—104).

10. *Jenkins H.* Textual Poacher : Television Fans & Participatory Culture / H. Jenkins. — London : Routledge, 1992. — Pp. 284—287.

11. *Lasswell H. D.* The structure and function of communication in society / H. D. Lasswell // The Communication of Ideas. — New York : Harper and Brothers, 1948. — Pp. 215—228.

Material resources

Anime Master of the Devil cult (The Founder of Diabolism: MoDa ZuShi) online. In: *FindAnime*. Available at: https://findanime.net/the_founder_of_diabolism (accessed 12.12.2021). (In Russ.).

Masyan Tongsiu. (2018). *Founder of Devil's Way.* Chengdu: Sichuan Publishing House of Literature and Art. (In Chin.).

References

Jenkins, H (1992). *Textual Poacher: Television Fans & Participatory Culture*. London: Routledge. 284—287.

Jenkins, H. (2012). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide.* Beijing: Commercial Press. 156—157. (In Chin.).

Hu Qing. (2019). Cooking a cauldron of life, death, grief and joy for a young boy: from "The Founder of the Devil's Way" to "The Lord of Chenqing". *Journal of Literature Review online, 05:* 85—91. (In Chin.).

Lasswell, H. D. (1948). The structure and function of communication in society. In: *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers. 215—228.

Li Shiyu. (2016). From intertextual adaptation to intermedia narrative: constructing Plot worlds in the perspective of intertextuality. *Journal of the Beijing Film Academy, 06:* 26—32. (In Chin.).

McGuire, D. (2006). *Audience Analysis.* Beijing: Chinese People's University Press. 48 p. (In Chin.).

Report on the development of online literature for 2018, February 18, 2019. In: *Yuewen Group*. Available at: http://www.199it.com/archives/834027.html (accessed 30.11.2019). (In Chin.).

Research report on the foreign distribution of Chinese online literature. (2020). In: *iResearch.* Access mode: https://www.iresearch.com.cn/Detail/report?id=3644&isfree=0 (accessed 27.02.2021)

Shang Biwu. (2009). A new development of research in the field of narratology — an interview with David Herman. *Journal of Foreign Literature, 5:* 97—105+128. (In Chin.).

Shi Chang. (2015). Cross-media Narration: Poaching and Evocation. *Journal of the Beijing Film Academy, Z1:* 98—104. (In Chin.).

The research base of the copyright industry on the Internet of the National Copyright Administration. Report on the development of the Chinese online copyright industry. (2020). In: *Research base of the copyright industry on the Internet of the National Copyright Administration*. Access mode: https://www.ncac.gov.cn/chinacopyright/upload/files/2021/6/9205f5df4b67ed4.pdf (accessed 27.02.2021).

Xi Jinping: Speech at the symposium on Network security and informatization. Available at: http://www.cac.gov.cn/2016-04/25/c_ 1118731366.htm (accessed 21.11.2021). (In Chin.).

Yin Hong, Wang Xudong, Chen Hongwei, Feng Siliang. (2015). Reasons, current situation and future trend of IP conversion development. *Modern Film Magazine, 9:* 22—29. (In Chin.).

Статья поступила в редакцию 02.11.2021,
одобрена после рецензирования 16.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иванова А. А. Образ женщины в социальной рекламе Италии / А. А. Иванова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 198—220. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-198-220.

Ivanova, A. A. (2022). Image of a Woman in Social Advertising in Italy. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 198-220. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-198-220. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-198-220

Образ женщины в социальной рекламе Италии

Иванова Агния Алексеевна
orcid.org/0000-0003-3550-5829
соискатель кафедры философии им. А. Ф. Шишкина,
преподаватель кафедры романских языков им. Т. З. Черданцевой,
Международно-правовой факультет
ag.ivanova@my.mgimo.ru

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва, Россия)

Image of a Woman in Social Advertising in Italy

Agniya A. Ivanova
orcid.org/0000-0003-3550-5829
Post-graduate student of the A. F. Shishkin Department of Philosophy,
Lecturer at the T. Z. Cherdantseva of Romance Languages Department
Faculty of International Law
ag.ivanova@my.mgimo.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Иванова А. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются проблемы становления образа женщины и развития гендерного подхода в социальной рекламе Италии. Актуальность исследования обусловлена высокой значимостью социальной рекламы в современном обществе и возросшим интересом к гендерным исследованиям. Автором рассмотрены примеры визуально-графической и визуально-кинематографической рекламы. Проанализированы примеры политических манифестов и агитационных плакатов, которые предшествуют феномену социальной рекламы и по своему назначению очень с ней близки. Результаты исследования позволяют судить о поздней гендерной ориентированности общественно важных сообщений. Выделены следующие этапы репрезентации женского образа в социальной рекламе. С середины XIX до второй половины XX века на плакатах используется образ Башенной Италии. В период Первой и Второй мировых войн роль женщины в обществе была переосмыслена, на агитационных плакатах появился образ женщины-вдохновительницы, женщины-матери, хранительницы домашнего очага. Выделение женщины в непосредственного адресата социально значимых сообщений происходит по окончании Второй Мировой войны, что отражает продвижение в развитии прав и свобод женщин и одновременно связано с зарождением гендерного подхода в рекламе. Со второй половины XX века в социальной рекламе используется традиционный образ женщины-матери и домохозяйки, тематический спектр рекламы, адресованной женской аудитории, значительно расширяется. С началом XXI века в социальной рекламе уделяется большое внимание проблеме домашнего насилия и дискриминации женщин, что отражено в видео и плакатах общественных, благотворительных и коммерческих организаций.

Ключевые слова:
социальная реклама; Италия; образ женщины; агитационный плакат; гендерная дискриминация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problems of the formation of a woman image and the development of a gender approach in social advertising in Italy are studied. The relevance of the study is due to the high importance of social advertising in modern society and the increased interest in gender studies. The author considered examples of visual-graphic and visual-cinematic advertising. Examples of political manifestos and campaign posters are analyzed that precede the phenomenon of social advertising and are very close to it in their purpose. The results of the study make it possible to judge the late gender orientation of socially important messages. The following stages of representation of the female image in social advertising have been identified. From the middle of the 19th century to the second half of the 20th century, the image of Tower Italy was used on posters. During the First and Second World Wars, the role of women in society was rethought, the image of a woman-inspirer, a woman-mother, a homemaker appeared on campaign posters. The selection of a woman as a direct addressee of socially significant messages occurs after the end of the Second World War, which reflects the progress in the development of women's rights and freedoms and is simultaneously associated with the emergence of a gender approach in advertising. Since the second half of the 20th century, the traditional image of a woman-mother and a housewife has been used in social advertising, the thematic range of advertising addressed to a female audience has expanded significantly. Since the beginning of the 21st century, social advertising has paid great attention to the problem of domestic violence and discrimination against women, which is reflected in the videos and posters of public, charitable and commercial organizations.

Key words:
social advertisement; Italy; the image of a woman; campaign poster; gender discrimination.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.131.1:659

Образ женщины в социальной рекламе Италии

© Иванова А. А., 2022

1. Введение = Introduction

Социальная реклама является формой коммуникации, которая предоставляет населению информацию высокой общественной важности и формирует модель человеческого поведения, способствующую решению актуальных общественных проблем. В федеральном законе «О рекламе» от 13 марта 2006 года этот феномен определяется как «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [О рекламе …, 2006]. Аналогов данному термину в законодательстве Италии нет, но схожее определение мы встречаем в итальянском словаре рекламы: *La pubblicità sociale è l'insieme dei messaggi e delle comunicazioni creati con i metodi e diffusi con i mezzi della pubblicità commerciale, ma che, contrariamente a questa, non sono finalizzati alla vendita di un prodotto o alla circolazione del nome di una marca, poiché perseguono scopi di utilità sociale e di interesse generale* [Dizionario della pubblicità …, 1994, p. 361] (Социальная реклама — набор сообщений, создаваемых и распространяемых с помощью инструментов коммерческой рекламы, но, в отличие от последней, имеющих задачу не продать определенный товар или привлечь внимание к определенному бренду, но предоставить информацию высокой социальной важности, представляющую интерес для всего общества) (здесь и далее перевод наш. — *А. И.*).

Таким образом, социальная реклама продвигает идеи, меняющие отношение общества к какому-либо вопросу, и обращается как к отдельным индивидам, так и к некоторым группам людей, что, в свою очередь, обусловливает разницу в обращениях социальной рекламы в зависимости от специфики аудитории и, в частности, от ее гендерной принадлежности.

С этим связано изучение гендерных стереотипов в коммерческой рекламе. Так, например, Д. В. Осипова, основываясь на материалах российской телевизионной рекламы, предлагает типологию рекламных видеороликов по гендерному признаку [Осипова, 2010]. Согласно ее концепции, рекламные сообщения подразделяются на гендерно-индифферентные, в которых отсутствуют какие-либо персонажи, и гендерно-окрашенные, которые строятся на основе традиционных гендерных стереотипов. Кроме

CC BY

того, автор выделяет основные женские типажи, присутствующие в российской телевизионной рекламе: патриархальный, в котором женщина является в первую очередь матерью и домохозяйкой, эгалитарный, предполагающий равенство мужчины и женщины, и гендерно-слепой, который не демонстрирует четкого положения женщины в обществе. Подробная классификация образов женщины в рекламе представлена также в работах Ю. В. Простотиной [Простотина, 2017], М. В. Терских [Терских, 2019].

И. В. Грошев утверждает, что в рекламе стереотипизации подвергаются именно женские персонажи [Грошев, 1999]. Е. С. Турутина и С. Н. Тоноян провели исследование по выявлению наиболее притягательных для российской молодежной аудитории мужских и женских рекламных образов [Турутина и др., 2010]. В изучении французской лингвокультуры значимыми являются исследования Н. К. Шангаевой, выявившей гендерно значимые характеристики женских текстов [Шангаева, 2012], и А. С. Борисовой, изучившей частотность использования женских типажей в рекламных сообщениях различной тематики [Борисова, 2008]. В. А. Патрасенко были созданы речевые портреты современных мужчин и женщин в английской и немецкой лингвокультурах на основе рекламных текстов [Патрасенко, 2017]. Е. Н. Гоголева в работе, посвященной изучению гендерных стереотипов, приходит к заключению, что использование в российской телевизионной рекламе стереотипизированных мужских и женских образов, то есть присвоение главным героям рекламы традиционных ролей, позволяет вызвать большее доверие аудитории [Гоголева, 2019]. К. С. Авдюшина и Е. Ю. Потапчук, анализируя материалы прошедших в 2016—2019 годах кампаний, отмечают тенденцию к изменению приоритетов в создании рекламного образа женщины в России и поиск новых типажей [Авдюшина и др., 2020].

Подчеркнем, что коммерческая реклама заведомо ориентирована на воспроизведение и поддержание существующих гендерных стереотипов, в то время как социальная реклама действует в ином направлении: ее задача сформировать линию поведения общества по отношению к какой-либо проблеме, что часто достигается непосредственно разрушением существующих стереотипов, в том числе и гендерных. Отсутствие исследований, посвященных изучению этой проблемы в контексте социальной рекламы, обусловливает актуальность и научную новизну данной работы.

Цель данного исследования — проследить динамику становления женского образа и определить путь формирования гендерного подхода в социальной рекламе Италии. Кроме того, анализ контента социальной рекламы как формы массовой коммуникации, транслирующей наиболее актуальные ценности и идеи общества, позволит сделать некоторые выводы о современном положении женщин в итальянском обществе.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Большинство ученых относят появление феномена социальной рекламы в Италии к началу 60-х годов XX века [Puggelli, 2019; Bernocchi, 2018; Gadotti, 2011; Gadotti, 2019], то есть ко времени появления первых социальных сообщений в современном понимании этого явления. Данная периодизация связана с возникновением в это время особенного интереса к этому явлению со стороны научного сообщества: формируются различные теории и подходы.

Современные ученые призывают отделять непосредственно социальную рекламу от политической или военной агитации [Тогузаева, 2014]. Некоторые ученые, напротив, подчеркивают сходство этих явлений [Пискунова, 2004; Ученова, 2006]. Действительно, в российском законодательстве за социальной рекламой закреплено определение, согласно которому она представляет общественные и государственные интересы. Мы не говорим о тождественности этих понятий, однако подчеркнем некоторое сходство между ними: и социальная реклама, и политическая агитация, являясь формами информационного воздействия, направлены на формирование у адресата определенного набора ценностей и идей и призывают его предпринять определенные, запланированные в контексте конкретного сообщения действия, цель которых — улучшить уровень жизни общества, регулируя модель поведения некоторых ее индивидов. Поэтому, помимо образцов непосредственно социальной рекламы, в качестве примеров видится допустимым рассмотреть и некоторые итальянские агитационные плакаты.

При отборе материала исследования учитывались следующие характеристики:

— территория создания и распространения: анализировались сообщения, распространяемые непосредственно в Италии, поскольку такого вида реклама создается с учетом национальных особенностей аудитории;

— предмет рекламы: изучались сообщения, транслирующие идеи, которые удовлетворяют общественным интересам;

— рекламный персонаж: в соответствии с предметом исследования была рассмотрена реклама, содержащая образ женщины или адресованная ей;

— тип заказчика: были отобраны рекламные сообщения, заказчиками которых выступало государство, частные благотворительные организации, а также коммерческие организации, создающие и распространяющие социальную рекламу в рамках стратегий корпоративной социальной ответственност (КСО);

— формат: исследовалась визуально-графическая (плакаты и манифесты) и визуально-кинематографическая (видеоролики) реклама.

CC BY

Источниками исследуемого материала служат интернет-архивы итальянских плакатов и видеороликов, размещенные на официальных сайтах благотворительных организаций Pubblicità Progresso и Fondazione Gramsci Emilia-Romagna, на сайте итальянского независимого интернет-сообщества женщин-домохозяек Federcasalinghe, исторический портал города Болоньи, международный фотохостинг Pinterest, интернет-архив итальянских социальных и политических плакатов Manifestipolitici, видеохостинг Youtube, а также социальные сети Facebook и Instagram.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ женщины как национальная персонификация страны

На начальных этапах формирования визуальных форм социальной и политической коммуникации образ женщины служил средством персонификации страны. Так, например, на военных и политических плакатах фигурирует образ Italia Turrita — так называемой Башенной Италии. Она изображается в облике молодой девушки с короной в виде башен — символом защищенности итальянских городов, а также с некоторыми другими атрибутами, а именно: рог изобилия или сноп пшеницы — символы плодородия и сельскохозяйственной экономики страны, меч — символ справедливости, особенно в период войны, пучки вязовых прутьев — в период фашизма. Таким образом, Башенная Италия олицетворяла королевскую власть, итальянские города, природные и сельскохозяйственные богатства или действующий политический режим, но не непосредственно итальянскую женщину.

Образ приобрел высокую популярность в XIX веке, став одним из символов объединения Италии. К примеру, образ Башенной Италии фигурирует на плакате 1848 года (рис. 1) [Nascita …, 2011]: голову Италии венчает пятиконечная звезда — один из геральдических элементов королевского герба Савойского дома, представитель которого, Карл Альберт, сыграл решающую роль в эпоху Революции, возглавив антиавстрийскую коалицию. Италия поднимает взор в сторону тех, кто выступал за ее освобождение — Папа Пий IX, Карл Альберт Сардинский, Леопольд II (великий герцог Тосканы), Фердинанд II (король Неаполя). Кроме того, в манифесте прослеживаются и другие элементы национальной символики: позади аллегорического образа Италии изображен освобожденный ею от цепей лев — еще один геральдический символ Савойской династии, вокруг которой предполагалось объединить страну.

Образ Башенной Италии используется для поддержания боевого духа солдат в качестве элемента политической пропаганды также и в 1915—1918 годах во время проведения боевых действий на Итальянском фронте. Плакаты и открытки, центральной фигурой которых был образ Италии, ко-

CC BY

Рис. 1. Плакат времен объединения Италии, 1848 год

торой отдавали честь итальянские солдаты, сопровождались надписями: *Siamo pronti a morire per te!* (Готовы умереть за тебя!); *Italia! Ogni tuo figlio e`pronto a morire per te!* (Италия! Каждый твой сын готов умереть за тебя!). Примечательно, что последний текстовый компонент является одним из немногих примеров, отсылающих к образу Башенной Италии как матери для своих граждан, поскольку она традиционно представлялась как мать скорее для итальянских городов. Данная характеристика особенно ясно прослеживается, например, в манифесте «Trieste ritorna all'Italia» (Триест возвращается к Италии) [Trieste, 1953], опубликованном 25 октября 1953 года в газетном издании «Domenica del corriere». Он провозглашает передачу Англией и США Италии части итальянского города Триеста, ранее находившейся под управлением союзников. На манифесте представлен аллегорический образ Италии, по-матерински распахнувшей свои объятия навстречу идущей к ней молодой девушке, являющейся, в свою очередь, аллегорией Триеста, о чем можно заключить по символике: она облачена в красное одеяние с изображенным на нем гербом города. Визуальная репрезентация манифеста является аллюзией на возвращение дочери в родную семью. Несколько позже к образу Башенной Италии обращались и создатели плакатов предвыборной агитации. Так, например, этот образ был использован Христианско-демократической партией (Democrazia Cristiana) в 1948 году, идеология которой основывалась на антисоциалистических и антикоммунистических принципах.

CC BY

Рис. 2. Плакат «Difenderai l'Italia!» (Ты защитишь Италию!), 1948 год

На плакате «Difenderai l'Italia!» (Ты защитишь Италию!) [Difenderai l'Italia, 1948] (рис. 2) изображена человеческая рука, которая тянется сверху по направлению к образу Италии. Большое значение в восприятии визуального контекста здесь имеет цветовая символика: часть плаката, со стороны которой протянута рука, окрашена в черный цвет, что, безусловно, символизирует зло, пытающееся захватить и, возможно, уничтожить корону, изображенную на контрастном фоне, краски которого напоминают зарево рассвета. Зеленый манжет и красная звезда на нем дают зрителю возможность понять, что рука принадлежит русскому солдату.

Стоит отметить, что в настоящее время образ Башенной Италии практически утратил свою распознаваемость среди итальянцев, поэтому в современной социальной рекламе его почти не используют.

3.2. Образ женщины в агитационных плакатах времен Первой и Второй мировых войн

Выделение женщины в отдельного адресата общественно важных сообщений в Италии произошло достаточно поздно, что во многом связано с угнетенным положением женщины в итальянском обществе: как известно, все решения относительно женщины в итальянской семье принимались ее отцом, а впоследствии — мужем. Однако, несмотря на ограничения женщины в правах, ее образ приобретает существенную значимость на плакатах времен Первой и Второй мировой войн.

CC BY

В качестве примера можно привести плакат «Cacciali via!» (Прогони их!) (рис. 3) 1917—1918 годов, в основу сюжета которого легла идея семьи [Storia e memoria, 1917—1918]. Несмотря на то, что мужской образ практически превращен в героический за счет расположения на пьедестале, фигура женщины, хотя и находящаяся позади, занимает равнозначную площадь плаката. Схожие в цветовой гамме, их образы, однако, противопоставлены: мужчина облачен в военную форму, женщина — в повседневное платье, он держит в руках штык, она — ребенка, на голове у него каска, у нее — платок. Можно предположить, что мужчина олицетворяет войну, а женщина — мир. Внимания заслуживают и их позы: мужчина устремляется вперед, женщина же стоит на ногах прочно и в то же время является опорой, от которого отталкивается ее муж. Таким образом, реализуется символичный подтекст данного сообщения: муж сражается за идеалы, которые принадлежат его семье, силу и уверенность ему обеспечивает его тыл — жена и ребенок. Зарево, на фоне которого изображены фигуры, цветовой гаммой напоминает центральную часть итальянского флага. Плакат содержит текстовое сообщение: «Прогони их!» Эти слова, несомненно, принадлежат женщине, которая не просто заняла на плакате равную позицию с мужчиной, но демонстрирует моральную поддержку и побуждает к подвигу.

Рис. 3. Плакат «Прогони их!», 1917—1918 годы

CC BY

Схожая идея присутствует и на плакате Джино Бокказиле «Donna italiana…» (Итальянская женщина…) [Donna italiana …, 1943], получившем распространение в 1943—1945 годы и изображавшим женщину на фоне идущих на фронт солдат (рис. 4). Ее решительный взгляд направлен в ту же сторону, что и взгляд бойцов, положение тела также повторяет их устремленную вперед позу. Солдаты несут в руках оружие, у нее же в одной руке талоны на хлеб, другой она держит ребенка. То есть женщина изображена защитницей наравне с мужчиной: он защищает ее и их общего ребенка на войне, она выступает хранительницей их семьи в тылу. В то же время напрашивается сравнение с плакатами СССР военного периода: если для отечественных плакатов было характерно прямое обращение к женщине с призывом взять на себя некоторые обязанности мужчин, пока те сражались за Родину, то на итальянском плакате женщина под грузом тягот и лишений остается женщиной. Это подтверждает как ее внешний вид (она одета просто, но аккуратно, как типичная горожанка того времени — юбка, шейный платок, туфли на каблуках, перекинутая через руку элегантная сумка), так и идущий позади нее ребенок — символ ее основной роли в обществе. Кроме того, ее позиция обозначена и в текстовом сообщении: «Итальянская женщина с ее самоотречением и жертвенностью марширует вместе с итальянскими солдатами».

Рис. 4. Плакат «Итальянская женщина…», 1943—1945 годы

CC BY

Тенденция по сдерживанию прав женщин наблюдается и в период фашизма, согласно идеологии которого основным долгом женщин признавалось продолжение рода. В отношении женщин была принята серия законов, существенно ограничивавших их права, в частности, в рабочей сфере: они были отстранены от преподавания словесности и философии в старших классах, лишены права преподавания некоторых предметов в технических институтах и средних школах, им было запрещено становиться директорами или завучами школ. Ряд законов был направлен и на лишение женщин возможности получить образование: к примеру, была удвоена плата за обучение девочек в школах. Таким образом, государство существенно ограничило сферу развития женщин и возможность их личностного и профессионального роста.

20 января 1927 года правительство Италии выпустило декрет [L'emancipazione …, 2020], согласно которому заработная плата женщин была уменьшена в два раза по сравнению с окладом мужчин, поскольку, согласно идеологии фашизма, истинное предназначение женщины — быть в кругу семьи, заниматься домом и воспитанием детей, и ее исключение из трудовой сферы будет способствовать развитию в мужчинах физической силы и моральной устойчивости. Работающая женщина в то же время заслуживала всеобщего порицания, поскольку в конечном счете способствовала разложению обычаев и традиционного устройства общества. Образ идеальной женщины, созданный фашизмом, — образ примерной домохозяйки, необразованной, неграмотной, далекой от моды и светских развлечений, но искренне преданной мужу и семье, постоянно фигурировал, к примеру, на обложке ежемесячного журнала Agenda della massaia rurale.

После 1945 года была признана важность роли женщин во время Второй мировой войны, после чего женщины получили право голосования на выборах, что, в свою очередь, ознаменовало существенные изменения: именно с этого момента можно говорить о выделении женщины непосредственно в адресата общественно значимых сообщений. Для плакатов предвыборной агитации характерно прямое обращение к женщине (*donna italiana* (итальянская женщина), *madre italiana (*итальянская мать), *sposa* (жена)), использование императивных форм (*vota!* (голосуй!), *salva Italia!* (спаси Италию!), *salva la pace!* (спаси мир!), *difendi Italia!* (защити Италию!)). Вместе с тем в предвыборной агитации сохраняется апелляция к образу женщины как хранительницы домашнего очага (*salva la tua famiglia* (спаси свою семью!), *per il benessere della tua famiglia* (для благополучия твоей семьи), *per l'esistenza dei tuoi figli* (для будущего твоих детей)). Кроме этого, в некоторых случаях можно наблюдать смягче-

CC BY

ние тональности обращения (*mamma* (мама) вместо более официального *madre* (мать)).

Один из плакатов предвыборной агитации, адресованный женщинам, демонстрирует важный этап в формировании женского образа, вступающего в противоречие сразу с двумя политическими идеологиями. Это манифест [Vota …, 1948] 1948 года, выполненный по заказу Христианско-демократической партии. Он представляет собой противопоставление двух женских образов. Один из них дан в красных тонах: красный цвет — знак принадлежности социалистической идеологии, что подтверждает и эмблема в виде скрещенных серпа и молота на груди. Однако, если не принимать во внимание данный символический контекст, можно заметить, что это изображение сближается с диктуемым фашизмом образом женщины: корпулентная, далекая от мира моды — типичная *massaia rurale* (деревенская домохозяйка). Противопоставленный же ему образ женщины, стильной, ухоженной, активно участвующей в политической жизни страны, полностью соответствует тому, от чего идеология фашизма призывала отказаться, — так называемому образу *donna in crisi* (проблемной женщины). Сопровождает визуальные образы текстовое сообщение, апеллирующее к привлекательности женщины: *Anche la tua femminilita` e` affidata al tuo voto* (Твоя женственность тоже зависит от твоего голоса). Таким образом, создатели плаката, избежав императивных форм и агрессивного давления, реализуют своего рода психолингвистическую манипуляцию путем предоставления женщине, ранее ограниченной в свободе действий, во-первых, некоторой свободы в виде возможности выбора, во-вторых — двух контрастных образов: одного — долгое время «навязываемого» тоталитарным режимом — и другого — желанного и вместе с тем недоступного.

Таким образом, получение итальянскими женщинами права участвовать в политических выборах во многом способствовало выделению их в отдельного адресата сообщений предвыборной агитации. В связи с этим считаем допустимым говорить о зарождении гендерного подхода в массовой коммуникации именно с этого момента. На протяжении второй половины XX века адресация агитационных плакатов женщине происходила в двух направлениях: одна часть призывала ее бороться за установление равных прав с мужчинами, а также за достижение больших нравственных и юридических свобод (к примеру, за разрешение разводов и абортов). Другая же часть, в основном относящаяся к предвыборным кампаниям, манипулируя желанием женщины добиться равноправия, использовала ее как инструмент для достижения своей цели. Вместе с тем начиная с 60-х годов XX века в Италии получила развитие социальная реклама как форма массовой коммуникации.

CC BY

3.3. Традиционный образ женщины в социальной рекламе второй половины XX века

Вторая половина XX века ознаменовалась существенным расширением прав женщин в Италии и некоторым упрочнением их позиций в обществе, что стало возможным благодаря ряду законодательных мер, затронувших как трудовую, так и семейно-правовую сферы жизни. В частности, были признаны недействительными любые договорные положения, предусматривающие возможность увольнения работниц в случае замужества, беременности или материнства. Кроме того, был определен порядок владения совместной собственностью, а родительские права были признаны в равной степени за обоими супругами. Вместе с тем в контексте социальной рекламы женщина остается адресатом сообщений, связанных в первую очередь с воспитанием детей. К примеру, в 1984 году была выпущена серия плакатов «Incidenti domestici» (Бытовые травмы) [Incidenti domestici, 1984], обращавшихся к родителям с бытовыми советами по предотвращению детских травм. Один из них (рис. 5) изображал женщину в домашней одежде и с бигуди на голове, что подтверждает сохранение восприятия женщины в итальянском обществе в первую очередь как домохозяйки.

Рис. 5. Плакат социальной кампании по предотвращению детских бытовых травм, 1984 год

Героиня плаката держит в руках телефонную трубку и проявляет признаки увлеченности разговором, по всей видимости, с одной из ее подруг. В это же время на заднем плане изображена детская рука, тянущаяся к стоящей на плите кастрюле. Текстовое сообщение вверху плаката имеет иронически-шутливый тон и в то же время демонстрирует некоторую пренебрежитель-

CC BY

ность по отношению матери, не уследившей за ребенком: *Vi preoccupate per il figlio di Luisa che non trova lavoro e intanto vostro figlio ha trovato un lavoro come cuoco* (Вы беспокоитесь за сына Луизы, который не может устроиться на работу, а ваш ребенок тем временем нашел себе работу повара). Разговорный регистр с элементами иронии сохраняется и в информации, детально разъясняющей смысл кампании: *E`piu`probabile che un bimbo si tiri in testa la pentola piuttosto che vi porti in tavola un capolavoro di gastronomia* (С большей вероятностью ребенок опрокинет себе на голову кастрюлю, чем приготовит вам шедевр кулинарии); *D'altra parte, direte voi, non si puo`stare tutto il giorno con gli occhi puntati sui bambini* (С другой стороны, скажете вы, невозможно сидеть весь день, не спуская с ребенка глаз). Схожее стилистическое оформление получил и другой плакат этой кампании, ирония которого реализуется за счет метафоры *far scintilla* (искриться), употребленной в отношении увлекательного разговора между двумя соседками, во время которого оставленный без присмотра ребенок одной из женщин «решил поработать электриком», поместив пальцы в розетку.

В то же время для этого периода характерен новый способ реализации гендерного подхода в социальной рекламе: сообщения, регулирующие отношения в семье, начинают адресоваться мужчинам, например, призывая их к более активному участию в воспитании детей, что сигнализирует о постепенном переосмыслении позиции женщины в обществе, а также о наделении ее ролью, выходящей за рамки устоявшегося стереотипа.

3.4. Образ женщины в социальной рекламе XXI века в контексте дискриминации и домашнего насилия

В Италии значительная доля социальной рекламы, объектом которой стала непосредственно женщина, относится к началу XXI века. В этот период реклама поднимает тему гендерной дискриминации. В 2013 году прошел первый этап кампании Punto su di te [Punto su di te — 2013, 2013] против дискриминации женщин, проявляющейся в разных областях: в семье, на работе, в межличностных отношениях. Ее задачей было, с одной стороны, сформировать у женщин осознание собственных прав и возможностей в современном обществе, с другой стороны — изменить поведение мужчин в сторону более уважительного отношения к слабому полу.

Рекламные плакаты акции изображают женщин, рассказывающих о своих планах, однако их фразы, оборванные на полуслове, получают продолжение в виде имитирующих акт вандализма надписей от руки — унизительных и грубых: *Quello che chiedo alle istituzioni… un ferro da stiro* (То, что я хочу от рабочего места… *утюг*) (рис. 6); *Vorrei che mio marito minasse piu`* (Я хотела бы, чтобы мой муж... *больше меня унижал*) и др.

CC BY

Рис. 6. Плакат кампании Punto su di te против дискриминации женщин, 2013 год

Эти тексты полны ненависти по отношению к женщинам, ненормативной лексики, дисфемизмов и намеренных нарушений норм итальянского литературного языка.

Данная кампания продолжилась через 2 года [Punto su di te —2015, 2015], но освещалась уже в несколько ином ракурсе. В отличие от первой своей фазы, сосредоточенной на отсутствии у женщин возможности свободно выражать свое мнение, второй этап акцентирует внимание на том, что при равных с мужчинами навыках, образовании, опыте работы труд женщины оплачивается в среднем на 30 % ниже. Организаторы кампании провели эксперимент: снабженная скрытой видеокамерой актриса отправилась на реальное собеседование сначала в своем истинном облике, а затем — тщательно загримированная под мужчину. В обоих случаях на вопросы специалиста по кадрам были даны одинаковые ответы, однако предложенная заработная плата кандидату-женщине оказалась существенно ниже. Плакаты кампании представляют женщину, держащую в руках банкноту, по дизайну соответствующую купюре в 10 евро, но изображающей номинал 7 евро, что является наглядным подтверждением несправедливого распределения оплаты труда.

К этому феномену, получившему в Италии заимствованное из английского языка наименование *Pay gap*, социальная реклама в последние несколько лет обращается регулярно. Одна из последних кампаний Nopaygap

CC BY

[No pay gap, 2018] по преодолению этого явления прошла в 2018 году. Героини этого видео — представительницы женского пола разных возрастов, от школьного до пенсионного, каждая из которых с явным восторгом рассказывает о более низкой оплате своего труда по сравнению с коллегами-мужчинами. *Ho scoperto che la mia paghetta è più bassa di quella di mio fratello. Figo no?* (Я узнала, что моему брату родители дают больше карманных денег. *Это же так круто, правда?*) — радостно говорит школьница. Выпускница университета заявляет: *Mi sono laureata con il massimo dei voti e ho già trovato un lavoro che mi paga meno del mio compagno di corso. Sono felicissima!* (Я окончила университет с отличными оценками и уже нашла работу, на которой мне платят меньше, чем моему однокурснику. *Я так счастлива!*). Женщина средних лет говорит: *Ho dedicato tutta la mia vita al lavoro ma la soddisfazione più grande è arrivata quando mi hanno detto che non mi meritavo un ruolo nel Cda* (Я посвятила всю свою жизнь работе, но *самое большое удовлетворение я получила, когда узнала, что мне не место в совете директоров*). С помощью этого приема — неуместного, но подчеркнуто радостного тона, идущего вразрез с содержанием их речи, — привлекается внимание к той проблеме, что этот финансовый разрыв настолько укоренился в обществе, что считается нормой.

Вместе с этим в Италии в последние несколько лет социальная реклама привлекает внимание общества к другой актуальной проблеме — проблеме домашнего насилия, несмотря на постоянное ужесточение мер наказания за применение физической силы в отношении женщин [Associazione Federcasalinghe, 2020]. Многие кампании создавались при поддержке национальных и международных коммерческих организаций. Так, к примеру, шведская торговая сеть по продаже товаров для дома IKEA совместно с линией поддержки женщин Telefono Donna, функционирующей в Италии уже более 20 лет, выпустили серию социальных сообщений. Видеоролик, выход которого был приурочен к 25 ноября — Международному дню против домашнего насилия, изображал женщину, рассматривающую мебель для спальни в одном из магазинов IKEA [La casa …, 2017]. Ее испуганный вид, звучащая фоном тревожная музыка, характерные движения — все говорит о том, что основной критерий выбора интерьера для нее — безопасность: она ищет, куда можно спрятаться, как защититься от мужа, который стоит в стороне. Завершает картину сообщение: «Дом создан не для того, чтобы защищаться».

Косметическая компания Linda также обратилась к теме домашнего насилия в одном из видеороликов, выполненных в рамках КСО [Linda: uno spot contro silenzio, 2010]. Его героиня — молодая женщина, страдающая от побоев мужа, несмотря на кажущееся на первый взгляд благополучие

CC BY

семьи. Голос за кадром сообщает о проблемах, которые она испытывает из-за видимых следов насилия: муж к ней охладел, подруги ее сторонятся, дочь откровенно боится. Вновь обрести спокойствие в семье и признание в обществе ей помогают товары из подарочного набора косметики, назначение каждого из которых — скрыть следы домашнего насилия. «Суперматирующая пудра» (*una speciale cipria supercoprente*), чтобы замаскировать синяки; мыло, чтобы отстирать одежду (от пятен крови); чистящее средство, «чтобы удалить самые въевшиеся пятна (крови)» (*per eliminare le macchie piu`ostinate*); модный шейный платок, «чтобы скрыть самые заметные следы (побоев)» (*per coprire i segni piu` evidenti*). Продолжает идею «маскировки проблемы» и описание результатов от использования товаров: «Ты сможешь *заставить замолчать сплетников*» *(Con Linda potrai far tacere i pettegolezzi*); «Твои *семейные секреты останутся в тайне*» *(Con Linda i tuoi segreti rimarranno nascosti come un tesoro)*. Исходя из текстового сообщения можно сделать вывод, что проблема семейного насилия в Италии носит массовый характер, поскольку неоднократно повторяется, что с помощью набора Linda — «секрета *всех* женщин» (*il segreto di tutte le donne)* — «и *ты* тоже сможешь удалить следы домашнего насилия» (*anche tu potrai rimuovere le macchie delle tue violenze domestiche*).

Другой пример представляет серия социальных плакатов, созданная при поддержке ритуального бюро Taffo. Текстовое сообщение гласит, что существуют два типа женщин: к первой категории относятся «те, которые заявляют о насилии», вместо же описания второй категории изображается гроб. Предполагается, что адресат — женщина, увидев плакат, будет поставлена перед выбором: молчать о случаях домашнего насилия и умереть или заявить о них в соответствующие правоохранительные органы и получить помощь. На официальной странице бюро в социальной сети Facebook [Taffo ..., 2019], однако, стиль этого плаката подвергли жесткой критике как за гротескное художественное оформление, так и за адресацию: по мнению аудитории, реклама о домашнем насилии должна быть обращена не к жертвам, а к агрессорам. Кроме того, публика открыто высказывалась относительно бессмысленности предлагаемых мер — заявления в полицию.

Об актуальности и остроте проблемы насилия, совершаемого над женщинами в Италии, можно судить и по некоторым языковым явлениям. К примеру, помимо распространенного во всем мире термина *femicidio* («фемицид»), употребляемого для обозначения преднамеренного убийства женщин, в итальянском языке используется термин *feminicidio*, образованный путем слияния корней двух слов — *femina* («женщина») и *uccidere* («убивать»). Однако данный термин имеет более сложное значение, выходящее за пределы понятия «фемицид», поскольку не только описывает форму физи-

CC BY

ческого насилия, но и фокусирует внимание на социологических его аспектах, а также социальных и политических последствиях этого явления.

4. Заключение = Conclusions

Анализ социальной рекламы в Италии позволяет сделать некоторые выводы о динамике становления женского образа и применении гендерного подхода в социальной рекламе.

Для страны характерна поздняя гендерная ориентированность общественно значимых сообщений, что связано с неоднородным развитием прав и свобод женщин. Культурно-историческая специфика региона способствовала формированию традиционных представлений о женщине как носительнице социальной роли примерной жены и матери. Эти воззрения ярко отразились и в рекламном образе женщины XX века. С началом XXI века упрочнилась тенденция по преодолению разрывов между гендерными ролями мужчины и женщины, однако в этот период социальная реклама обращена к острым проблемам домашнего насилия и дискриминации женщин: образ примерной домохозяйки вытесняет образ женщины-жертвы. Таким образом, были выделены основные этапы формирования образа женщины в социальной рекламе Италии:

Середина XIX — первая половина XX века: в данный период образ женщины выступал в качестве аллегории Италии, олицетворяя страну, королевскую власть или действующий политический режим. Вплоть до Первой мировой войны образ использовался на плакатах, взывающих к национальному самосознанию, но в настоящее время утратил свою распознаваемость среди итальянцев.

В период Первой и Второй мировой войн агитационный плакат задействовал образ женщины-матери и женщины-вдохновительницы. По дошедшим до наших дней примерам можно судить о том, что в указанное время оценка социальной роли женщины претерпевает некоторые изменения: образ женщины становится смыслообразующим компонентом визуального и текстового сообщения. Это указывает на предпосылки формирования гендерного подхода в создании социальной рекламы.

С развитием прав и свобод женщин, а также с трансформацией морально-нравственной системы общества в конце XX века наблюдается значительное расширение тематического спектра адресованной женщине рекламы — от привлечения женщины к участию в голосовании до решения бытовых проблем. Со второй половины до конца XX века в социальной рекламе активно используется образ женщины-домохозяйки.

Начало XXI века — наши дни: женщина становится самостоятельным адресатом и объектом социальной рекламы, реклама же обращена к проб-

леме дискриминации женщин в Италии в трудовой, социальной и семейно-бытовой сферах.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в пересмотре некоторых сформировавшихся лингвокультурных типажей. Так, наличие значительного объема социальных сообщений на тему домашнего насилия ставит под сомнение образ итальянского мужчины как идеального семьянина.

Источники и принятые сокращения

1. *О рекламе* в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Федеральный закон Российской Федерации от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 03.06.2011). — Режим доступа : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105292 (дата обращения 01.11.2021).

2. *Abruzzese A.* Dizionario della pubblicita`. Storia. Tecniche. Personaggi / A. Abruzzese, F. Colombo. — Bologna : Zanichelli, 1994. — 469 p.

3. *Associazione* Federcasalinghe (сайт женского интернет-сообщества) [Electronic resource]. — Access mode : https://www.donne.it/diritti-donne-italia (accessed 25.02.2022).

4. *Difenderai* l'Italia (интернет-архив рекламных и агитационных плакатов Pinterest) [Electronic resource]. — 1948. — Access mode : https://www.pinterest.it/pin/373869206569349773/ (accessed 25.02.2022).

5. *Donna* italiana colle sue rinunce (интернет-архив рекламных и агитационных плакатов Pinterest) [Electronic resource]. — 1943. — Access mode : https://www.pinterest.it/pin/473792823306521848/ (accessed 25.02.2022).

6. *La casa* non è fatta per difendersi [Electronic resource] / IKEA per Telefono Donna. — 2017. — Access mode : https://youtu.be/NFbytZHNxus (accessed 25.02.2022).

7. *Incidenti* domestici (сайт некоммерческой организации Pubblicità Progresso) [Electronic resource]. — 1984. — Access mode : https://www.pubblicitaprogresso.org/campagne/incidenti-domestici/ (accessed 25.02.2022).

8. *L'emancipazione* femminile soffocata sotto il Fascismo, alle donne ruoli subalterni «perche` poco intelligenti» (сайт итальянской ежедневной газеты «Il Messaggero») [Electronic resource]. — 2020. — Access mode : https://www.ilmessaggero.it/politica/fascismo_duce_mussolini_donne_lavoro_archivi_storia_emancipazione_diritti_voto_mind_the_gap-4998223.html (accessed 25.02.2022).

9. *Linda :* uno spot contro silenzio [Electronic resource]. — 2010. — Access mode : https://youtu.be/9KrK9fDNYXk (accessed 25.02.2022).

10. *Nascita* di una nazione. Immagini del Risorgimento italiano [Electronic resource]. — 2011. — Access mode : https://storiaefuturo.eu/nascita-di-una-nazione-immagini-del-risorgimento-italiano-nelle-raccolte-dellarchiginnasio-bologna-10-giugno-17-settembre-2011/ (accessed 25.02.2022).

11. *No* pay gap (сайт некоммерческой организации Pubblicità Progresso) [Electronic resource]. — 2018. — Access mode : https://www.pubblicitaprogresso.org/patrocini/campagne-patrocinate/nopaygap/ (accessed 25.02.2022).

12. *Punto* su di te — 2013 (сайт некоммерческой организации Pubblicità Progresso) [Electronic resource]. — 2013. — Access mode : https://www.pubblicitaprogresso.org/campagne/punto-su-di-te-2014/ (accessed 25.02.2022).

13. *Punto* su di te — 2015 (сайт некоммерческой организации Pubblicità Progresso) [Electronic resource]. — 2015. — Access mode : https://www.pubblicitaprogresso.org/campagne/punto-su-di-te-2015/ (accessed 25.02.2022).

14. *Storia* e memoria di Bologna (интернет-архив) [Electronic resource]. — 1917—1918. — Access mode : https://www.storiaememoriadibologna.it/cacciali-via-1441-opera (accessed 25.02.2022).

15. *Taffo* funeral services (официальная страница в социальной сети Facebook) [Electronic resource]. — 2019. — Access mode : https://www.facebook.com/onoranzefunebritaffo/photos/a.796425327129847/2372568076182223/?type=3 (accessed 25.02.2022).

16. *Trieste* ritorna all'Italia (интернет-архив рекламных и агитационных плакатов Pinterest) [Electronic resource]. — 1953. — Access mode : https://www.pinterest.ru/pin/336573772142687452/ (accessed 25.02.2022).

17. *Vota* la Democrazia cristiana (интернет-архив итальянский социальных и политических плакатов «Manifestipolitici») [Electronic resource]. — 1948. — Access mode : http://gestionalemanifesti.iger.org/sebina/repository/catalogazione/immagini/ams_dc/ams_dc_035.jpg (accessed 25.02.2022).

Литература

1. *Авдюшина К. С.* Образ женщины в современной рекламе : основные тенденции 2016—2019 гг. / К. С. Авдюшина, Е. Ю. Потапчук // Общество : социология, психология, педагогика. — 2020. — № 4. — С. 59—64. — DOI: 10.24158/spp.2020.4.10.

2. *Борисова А. С.* Женский гендерный стереотип во французских рекламных текстах / А. С. Борисова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. — 2008. — № 2. — С. 69—75.

3. *Гоголева Е. Н.* Гендерные стереотипы в телевизионной рекламе как отражение гендерного неравенства / Е. Н. Гоголева // Женщина в российском обществе. — 2019. — № 1. — С. 77—86. — DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.7.

4. *Грошев И. В.* Образ женщины в рекламе / И. В. Грошев // Женщина. Гендер. Культура. — Москва : РЛШГИ, 1999. — С. 331—343. — ISBN 5-89997-010-3.

5. *Осипова Д. В.* Неформальные практики воспроизводства гендерной спецификации (на примере телевизионной рекламы / Д. В. Осипова // Власть. — 2010. — № 11. — С. 16—18.

6. *Патрасенко В. А.* Лингвокреативный аспект гендерных рекламных текстов (на материале немецких и английских СМИ) / В. А. Патрасенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11—1 (77). — С. 144—150.

7. *Петров М. С.* Гендерные образы и стереотипы современной российской рекламы / М. С. Петров // Вестник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2010. — № 124. — С. 401—407.

8. *Пискунова М. И.* Социальная реклама как феномен общественной рефлексии [Электронный ресурс] / М. И. Пискунова. — Режим доступа : http://www.mediascope.ru/социальная-реклама-как-феномен-общественной-рефлексии (дата обращения 01.11.2021).

9. *Простотина Ю. В.* Классификация стереотипных гендерных персонажей в рекламе / Ю. В. Простотина // Социально-гуманитарные знания. — 2017. — Т. 1. — С. 327—337.

10. *Терских М. В.* Вербально-визуальные средства репрезентации гендерных стереотипов в современной рекламе / М. В. Терских // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 86—99. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-86-99.

11. *Тогузаева Е. Н.* Социальная реклама и пропаганда : сложности правового регулирования / Е. Н. Тогузаева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Се-

рия : Экономика. Управление. Право. — 2014. — Т. 14. — № 4. — С. 662—668. — DOI: 10.18500/1994-2540-2014-14-4-662-668.

12. *Турутина Е. С.* Гендерные образы в рекламе : особенности восприятия и репрезентации / Е. С. Турутина, С. Н. Тоноян // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. — 2010. — № 1. — С. 52—64.

13. *Ученова В. В.* Социальная реклама вчера, сегодня, завтра / В. В. Ученова, Н. В. Старых. — Москва : ИндексМедиа, 2006. — 327 с. — ISBN 5-98965-028-0.

14. *Шангаева Н. К.* Проявление гендерного фактора во французских рекламных текстах / Н. К. Шангаева // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2012. — № 11. — С. 128—131.

15. *Belardelli G.* L'Italia immaginata. Iconografia di una nazione / G. Belardelli. — Venezia : Marsilio Editori, 2020. — 304 p. — ISBN 8829701637.

16. *Bernocchi R.* Comunicazione sociale e media digitali / R. Bernocchi, A. Contri, A. Rea. — Roma : Carocci editore, 2018. — 234 p. — ISBN 9788843090228.

17. *Gadotti G.* La pubblicità sociale : maneggiare con cura / G. Gadotti, R. Bernocchi. — Roma : Carocci editore, 2019. — 204 p. — ISBN 9788843053377.

18. *Gadotti G.* Pubblicità sociale : lineamenti, esperienze e nuovi sviluppi / G. Gadotti. — Milano : FrancoAngeli, 2011. — 256 p. — ISBN 9788846428974.

19. *Puggelli F. R.* La communicazione sociale / F. R. Pugelli, R. Sobrero. — Roma : Carocci editore, 2019. — 128 p. — ISBN 9788843055890.

Material resources

Abruzzese, A., Colombo, F. (1994). *Dizionario della pubblicita`. Storia. Tecniche. Personaggi.* Bologna: Zanichelli. 469 p. (In Ital.).

Associazione Federcasalinghe (website of the women's online community). Available at: https://www.donne.it/diritti-donne-italia (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Difenderai l'Italia (Pinterest internet archive of advertising and campaign Pinterest). (1948). Available at: https://www.pinterest.it/pin/373869206569349773/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Donna italiana colle sue rinunce (Pinterest internet archive of advertising and campaign Pinterest). (1943). Available at: https://www.pinterest.it/pin/473792823306521848/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Incidenti domestici (website of a non-profit organization Pubblicità Progresso). (1984). Available at: https://www.pubblicitaprogresso.org/campagne/incidenti-domestici/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

La casa non è fatta per difendersi. (2017). *IKEA per Telefono Donna.* Available at: https://youtu.be/NFbytZHNxus (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

L'emancipazione femminile soffocata sotto il Fascismo, alle donne ruoli subalterni «perche` poco intelligenti» (website of the Italian daily newspaper «Il Messaggero»). (2020). Available at: https://www.ilmessaggero.it/politica/fascismo_duce_mussolini_donne_lavoro_archivi_storia_emancipazione_diritti_voto_mind_the_gap-4998223.html (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Linda: uno spot contro silenzio. (2010). Available at: https://youtu.be/9KrK9fDNYXk (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Nascita di una nazione. Immagini del Risorgimento italiano. (2011). Available at: https://storiaefuturo.eu/nascita-di-una-nazione-immagini-del-risorgimento-italiano-nelle-

raccolte-dellarchiginnasio-bologna-10-giugno-17-settembre-2011/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

No pay gap (website of a non-profit organization Pubblicità Progresso). (2018). Available at: https://www.pubblicitaprogresso.org/patrocini/campagne-patrocinate/nopaygap/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

On Advertising in the Russian Federation. In: *Federal Law of the Russian Federation № 38-FZ of 13.03.2006 (as amended on 03.06.2011)*. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105292 (accessed 01.11.2021). (In Russ.).

Punto su di te — 2013 (website of a non-profit organization Pubblicità Progresso). (2013). Available at: https://www.pubblicitaprogresso.org/campagne/punto-su-di-te-2014/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Punto su di te — 2015 (website of a non-profit organization Pubblicità Progresso). (2015). Available at: https://www.pubblicitaprogresso.org/campagne/punto-su-di-te-2015/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Storia e memoria di Bologna (internet archive). (1917—1918). Available at: https://www.storiaememoriadibologna.it/cacciali-via-1441-opera (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Taffo funeral services (official page on the social network Facebook). (2019). Available at: https://www.facebook.com/onoranzefunebritaffo/photos/a.796425327129847/2372568076182223/?type=3 (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Trieste ritorna all'Italia (internet archive of advertising and campaign posters Pinterest). (1953). Available at: https://www.pinterest.ru/pin/336573772142687452/ (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

Vota la Democrazia cristiana (internet archive of Italian social and political posters «Manifestipolitici»). (1948). Available at: http://gestionalemanifesti.iger.org/sebina/repository/catalogazione/immagini/ams_dc/ams_dc_035.jpg (accessed 25.02.2022). (In Ital.).

References

Avdyushina, K. S., Potapchuk, E. Y. (2020). The image of a woman in modern advertising: the main trends of 2016—2019. *Society: sociology, psychology, pedagogy, 4:* 59—64. DOI: 10.24158/spp.2020.4.10. (In Russ.).

Belardelli, G. (2020). *L'Italia immaginata. Iconografia di una nazione.* Venezia: Marsilio Editori. 304 p. ISBN 8829701637. (In Ital.).

Bernocchi, R., Contri, A., Rea, A. (2018). *Comunicazione sociale e media digitali.* Roma: Carocci editore. 234 p. ISBN 9788843090228. (In Ital.).

Borisova, A. S. (2008). Female gender stereotype in French advertising texts. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Linguistics, 2:* 69—75. (In Russ.).

Gadotti, G., Bernocchi, R. (2019). *La pubblicità sociale: maneggiare con cura.* Roma: Carocci editore. 204 p. ISBN 9788843053377. (In Ital.).

Gadotti, G. (2011). *Pubblicità sociale: lineamenti, esperienze e nuovi sviluppi.* Milano: FrancoAngeli. 256 p. ISBN 9788846428974. (In Ital.).

Gogoleva, E. N. (2019). Gender stereotypes in television advertising as a reflection of gender inequality. *Woman in Russian society, 1:* 77—86. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.7. (In Russ.).

Groshev, I. V. (1999). The image of a woman in advertising. In: *Woman. Gender. Culture.* Moscow: RLSHGI. 331—343. ISBN 5-89997-010-3. (In Russ.).

CC BY

Osipova, D. V. (2010). Informal practices of reproduction of gender specification (on the example of television advertising. *Power, 11:* 16—18. (In Russ.).

Patrasenko, V. A. (2017). Linguocreative aspect of gender advertising texts (based on the material of German and English media). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 11—1 (77):* 144—150. (In Russ.).

Petrov, M. S. (2010). Gender images and stereotypes of modern Russian advertising. *Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 124:* 401—407. (In Russ.).

Piskunova, M. I. *Social advertising as a phenomenon of social reflection.* Available at: http://www.mediascope.ru/социальная-реклама-как-феномен-общественной-рефлексии (accessed 01.11.2021). (In Russ.).

Prostotina, Yu. V. (2017). Classification of stereotypical gender characters in advertising. *Socio-humanitarian knowledge, 1:* 327—337. (In Russ.).

Puggelli, F. R., Sobrero, R. (2019). *La communicazione sociale.* Roma: Carocci editore. 128 p. ISBN 9788843055890. (In Ital.).

Shangaeva, N. K. (2012). The manifestation of the gender factor in French advertising texts. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture, 11:* 128—131. (In Russ.).

Terskikh, M. V. (2019). Verbal-Visual Means of Representing Gender Stereotypes in Modern Advertising. *Nauchnyi dialog, 11:* 86—99. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-86-99. (In Russ.).

Toguzaeva, E. N. (2014). Social advertising and propaganda: difficulties of legal regulation. *News of Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right, 14 (4):* 662—668. DOI: 10.18500/1994-2540-2014-14-4-662-668. (In Russ.).

Turutina, E. S., Tonoyan, S. N. (2010). Gender images in advertising: features of perception and representation. *Almanac of theoretical and applied research of advertising, 1:* 52—64. (In Russ.).

Uchenova, V. V., Starykh, N. V. (2006). *Social advertising yesterday, today, tomorrow.* Moscow: Indexmedia. 327 p. ISBN 5-98965-028-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.11.2021,
одобрена после рецензирования 04.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Николаева О. В. Дискурсивно-прагматическая креативность в англоязычных китайских масс-медиа / О. В. Николаева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 221—238. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-221-238.

Nikolaeva, O. V. (2022). Discursive-Pragmatic Creativity in English-Language Chinese Mass Media. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 221-238. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-221-238. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-221-238

Дискурсивно-прагматическая креативность в англоязычных китайских масс-медиа

Николаева Ольга Васильевна
orcid.org/0000-0002-2918-2202
доктор филологических наук,
профессор
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
nikolaeva.ov@dvfu.ru

Дальневосточный
федеральный университет
(Владивосток, Россия)

Discursive-Pragmatic Creativity in English-Language Chinese Mass Media

Olga V. Nikolaeva
orcid.org/0000-0002-2918-2202
Doctor of Philology, Professor
Department of Linguistics
and Intercultural Communications
nikolaeva.ov@dvfu.ru

Far Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia)

© Николаева О. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о лингвистической креативности в китайских масс-медийных источниках, издаваемых на английском языке. Новизна исследования состоит в том, что англоязычный дискурс китайских масс-медиа изучается как самостоятельный культурно-обусловленный речедеятельностный феномен, актуализирующий культурные ценности Китая и цивилизационные ценности Востока. Обосновано, что лингвистическая креативность реализуется в текстах на английском языке посредством разных форм проявления китайской национальной коммуникативной идентичности: пословиц, аллегорий, аналогий, намеков, аллюзий, уходящих корнями в китайскую историю, философию и народный опыт. Актуализированные концепты пословиц подчеркивают ценности постоянного эволюционного движения по принципу «движения в неподвижном» и ценности коллективизма, значимые как в самой стране, так и в регионе и мире. Свойственный Китаю коллективизм обусловил акцентирование концептов-антиценностей гегемонии, стыда, клеветы и унижения. Доказано, что лингвокреативность в китайских СМИ на английском языке выражается также в игре слов и словотворчестве, если это способствует более эффектному донесению до англоязычной аудитории позиции Китая и не нарушает принципа уместности. Установлено, что в китайских англоязычных масс-медиа лингвистическая креативность носит дискурсивно-прагматический характер, допускает копирование образцов лингвокреативности из англоязычных медиа и дополняется новыми ассоциациями и смыслами в собственном культурном контексте.

Ключевые слова:
лингвокреативность; вербальная креативность; человек говорящий; человек творящий; речемыслительная традиция Китая; англоязычные китайские СМИ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of linguistic creativity in Chinese mass media sources published in English is considered. The novelty of the study lies in the fact that the English-language discourse of the Chinese mass media is studied as an independent culturally conditioned speech activity phenomenon that actualizes the cultural values of China and the civilizational values of the East. It is substantiated that linguistic creativity is realized in English texts through various forms of manifestation of Chinese national communicative identity: proverbs, allegories, analogies, hints, allusions, rooted in Chinese history, philosophy and folk experience. The updated concepts of proverbs emphasize the values of constant evolutionary movement on the principle of "movement in the still" and the values of collectivism, which are significant both in the country itself and in the region and the world. The collectivism peculiar to China determined the accentuation of the anti-value concepts of hegemony, shame, slander and humiliation. It has been proved that linguistic creativity in the Chinese media in English is also expressed in wordplay and word creation, if this contributes to a more effective presentation of China's position to the English-speaking audience and does not violate the principle of appropriateness. It has been established that in the Chinese English-language mass media, linguistic creativity is of a discursive-pragmatic nature, allows copying samples of linguistic creativity from English-language media and is supplemented with new associations and meanings in their own cultural context.

Key words:
linguistic creativity; verbal creativity; person speaking; a person who creates; speech and thinking tradition of China; English-language Chinese media.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’42:39(=581)+316.776:004.738.5(510)

Дискурсивно-прагматическая креативность в англоязычных китайских масс-медиа

© Николаева О. В., 2022

1. Введение = Introduction

Настоящее исследование выполнено в актуальном проблемном поле лингвистической креативности, отражающем становление нового самостоятельного направления.

Лингвистическая креативность способствует вербализации проявлений общего творческого начала человека и обществ в целом [Swann et al., 2019]. Феномен языкового творчества в самом широком смысле сопровождает всю историю человечества, историю любого народа и любого языка. *Человек говорящий* является априори и *человеком творящим* [Самохвалова, 2017], создающим речевые произведения разного объема и разного жанра на своем родном языке. При этом нестандартное употребление в речи единиц родного языка при речепорождении возникает то спонтанно, то намеренно в зависимости от речевой ситуации, а при речевосприятии — то отталкивает, то притягивает своей необычностью.

Как научная категория *лингвокреативность* заняла свое место в лингвистике (отечественной и зарубежной — creativity in language, linguistic creativity) не так давно, ее становление связано с дальнейшим развитием антропоцентризма в науке о языке, восстановившего верховенство идеи о человеке как творце языка.

Научная парадигма лингвистической креативности как особого направления использует и развивает, помимо лингвокреативности, такие категории, как вербальная креативность, языковое творчество, речевое творчество, дискурсивное творчество, дискурсивная креативность, человек творящий, человек креативный и др.

Разнообразие подходов, возникших в рамках направления лингвокреативности, демонстрирует целая серия статей и серия монографий отечественных и зарубежных авторов. Среди отечественных работ следует выделить коллективную монографию «Лингвистика креатива», издаваемую с 2012 года под общей редакцией профессора Т. А. Гридиной.

Внимание к творческому началу человека в его языковой деятельности позволило объединить в рамках категории лингвокреативности разные языковые явления, вполне изученные отдельно, каждое в своем специальном ракурсе: фонетическом, лексико-семантическом, словоо-

CC BY

бразовательном, фразеологическом, морфологическом, синтаксическом. К языковой креативности относятся и пограничные единицы, возникающие на стыке нескольких языковых уровней, например, композитные образования, сочетающие признаки синтаксических конструкций и лексических единиц.

В рамках категории лингвистической креативности инновационные языковые средства именуют разными способами: языковые аномалии, индивидуально-авторское новообразование, креатема, лингвокреатема, игрема [Гридина и др., 2012; Колова, 2012; Вишнякова, 2017; Кшеновская, 2020; Соколова, 2020]. Во всех случаях акцент поставлен не столько на отклонении от канонических норм языка, сколько на реализации творческой способности языковой личности к языковым инновациям, реализации в языке творческого потенциала и языковой интуиции.

Лингвистическая креативность, реализовавшаяся при создании текстов на языке-посреднике в ситуациях межкультурной коммуникации, привела к формированию нового исследовательского ракурса, проблематика которого включает вопросы о причинах и последствиях использования нестандартных языковых форм на неродном языке в коммуникации представителей разных культур.

Инновационные элементы, вводимые неносителем, всегда сопровождаются бóльшим риском возникновения коммуникативной неудачи, поскольку возрастает вероятность расхождений в их интерпретации. Тем не менее в средствах массовой информации при подготовке текстов на языке-посреднике, например на английском языке, использование лингвокреативных приемов стало объективной реальностью и требует отдельного изучения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Мы сосредоточили внимание на исследовании лингвокреативности в масс-медийной коммуникации Китая с остальным миром, а именно в китайских СМИ на английском языке. Анализ англоязычного дискурса китайских СМИ позволяет нам говорить о дискурсивно-прагматической креативности, направленной на повышение эффективности дискурса в представлении национальной позиции Китая по освещаемым проблемам.

Гипотезой исследования является предположение о том, что дискурсивно-прагматическая креативность в китайских СМИ на английском языке обладает национальным своеобразием, сложившимся под влиянием китайской национально-культурной речемыслительной традиции.

Целью исследования стало выявление национальных особенностей лингвокреативности в англоязычных китайских СМИ.

CC BY

Задачи исследования:

— экспликация причин дискурсивно-прагматической креативности в англоязычных китайских СМИ;

— определение системы языковых и речевых средств, использованных для реализации дискурсивно-прагматической креативности в англоязычных китайских СМИ;

— установление корреляции традиционно-китайских коммуникативных практик и лингвокреативных техник в англоязычных китайских СМИ.

Материал исследования охватывает современный китайский масс-медийный дискурс на английском языке за период 2016—2021 годов. Изучены китайские англоязычные СМИ: «The Xinhua News Agency», «The China Daily», «The People's Daily», «The Global Times». Выбор материала обусловлен его значимостью: в китайских СМИ, издаваемых на английском языке, освещаются основные события в стране и за рубежом для обширной англоговорящей целевой аудитории. Одним из важных критериев являлся по большей части самостоятельный (а не переводной с китайского языка) характер данных материалов.

Для исследования отобрано 248 инновационных единиц, включающих факты структурно-языкового уровня (лексемы, полилексемные имена, фразеологические единицы, словосочетания и предложения) и дискурсивные единицы (фрагменты дискурса, содержащие паремии, аллюзии, символы, игру слов и каламбур), использованных в китайском масс-медийном дискурсе на английском языке для реализации прагматического замысла автора статьи и / или редакции масс-медийного источника.

Методы исследования обусловлены дискурсивно-прагматической парадигмой изучения лингвокреативности масс-медийного дискурса и включают дискурсивный анализ, интент-анализ и семантический анализ языковых единиц, составляющих лингвокреатему.

Категория «креативность» соотносится с исследованием креативной деятельности сознания, нейрокогнитивными процессами, порождающими необычные и уникальные мысли, и изучается в целом ряде научных областей: психологии, психиатрии, когнитивистике, нейролингвистике, педагогике, социологии и других. Н. Хомский был одним из первых ученых, обративших внимание на феномен креативности в языке: «… one of the qualities that all languages have in common is their "creative" aspect. Thus an essential property of language is that it provides the means for expressing indefinitely many thoughts» [Chomsky, 1965, p. 6]. (… одним из качеств, присущих всем языкам, является их «творческий» аспект. Таким образом, важнейшим свойством языка является то, что он предоставляет средства для выражения бесконечно многих мыслей) (здесь и далее перевод наш. — *О. Н.*).

CC BY

Однако у Н. Хомского креативность фактически равна продуктивности и заключается в том, что мы можем моделировать бесконечно многие предложения и высказывания из конечного количества единиц языка: «Language is a process of free creation; its laws and principles are fixed, but the manner in which the principles of generation are used is free and indefinitely varied» [Chomsky, 2003, p. 402]. (Язык — процесс свободного творчества; его основы и правила закреплены, однако способ применения принципов порождения [высказывания] произволен и бесконечно вариативен).

Позже понятия продуктивности и креативности в языке были разведены [Sampson, 2016; Bergs, 2019], однако категория *лингвистическая креативность* и сейчас сохраняет и широкую, и узкую трактовку. В широком смысле *лингвистическая креативность* включает в себя как «общую продуктивность языка», так и образный язык (метафору, метонимию), а также каламбур, игру слов, словесный юмор (иронию и сарказм) [Langlotz, 2015, p. 41]. Кроме этого, сюда же входит творческое взаимодействие языка с другими видами коммуникации: жестами или образами в рекламе, комиксах, кино и театре [Langlotz, 2015, p. 41].

В узком понимании *лингвистическая креативность* связана не с продуктивностью, то есть моделированием высказываний по установленным образцам, а с нестандартными образованиями, нарушающими установленные правила [Berg, 2019, p. 175].

В отечественной лингвистике особое внимание уделяется разграничению категорий *языковой* и *дискурсивной креативности*. Так, языковая креативность трактуется как способность создавать инновационные единицы из средств языковой системы, в ходе которой происходит трансформация языковой системы [Колова, 2012; Кшеновская, 2020; Соколова, 2020]. Дискурсивная креативность обновляет не языковую систему, а структурные и содержательные аспекты дискурса.

Категория *вербальная креативность* также соотносится с *лингвистической креативностью*. Тем не менее она является частью дихотомической пары *вербальная* и *невербальная креативность* и более сосредоточена на исследовании креативного мышления языковой личности с акцентом на оригинальности и гибкости мыслительных процессов, ведущих к созданию ярких речевых произведений.

Термин *вербальная креативность* может быть применен в отношении всего спектра речевых продуктов: от повседневных разговоров до литературных произведений разного жанра. Рональд Картер подчеркивает, что творчество в языке — это «не просто свойство исключительных людей, а исключительное свойство всех людей» [Carter, 2015]. Автор доказывает в своем исследовании, что каждый человек в своей повседневной языко-

CC BY

вой деятельности реализует свой творческий потенциал, и обычный повседневный разговор полон креативности [Carter, 2015]. В узком смысле *вербальная креативность* может проявляться, например, в каламбурах и игре слов [Гридина и др., 2012].

Речетворчество на неродном языке представляет еще один интересный ракурс в исследовании лингвокреативности [Bell, 2012; Голованова и др., Дупленко, 2019; Кунщикова, 2021]. Однако здесь следует учитывать, что нестандартные формы и аномалии граничат с феноменами интерференции и девиации, поэтому необходимы четкие критерии разграничений между инновациями и ошибками.

Итак, сам спектр обсуждаемых вопросов в проблемном поле лингвокреативности достаточно обширен. В разных исследованиях разнятся как объем понятия лингвокреативности, так и содержание данного понятия. Под эту категорию подпадают многие явления, и критерии отнесенности явлений к ней все еще недостаточны и размыты.

Говоря о критериях лингвокреативности, следует прежде всего назвать наиболее часто называемые параметры: оригинальность, гибкость, беглость, нестандартность, отклонение от канонических норм. Эти параметры достаточно разнородны и характеризуют и саму языковую личность, и речевые продукты.

Для исследования лингвокреативности на неродном языке мы оттолкнемся от общих критериев креативности, сформулированных Александром Бергсом. Автор пишет, что *креативная* инновация должна быть одновременно и оригинальной, и уместной в данной конкретной ситуации [Bergs, 2019. p. 173].

Представляется, что критерии *оригинальности* и *уместности* более точно передают идею не только креативности в целом, но и лингвокреативности, в отличие от упомянутого выше критерия *нестандартности* и *нарушений установленных в языке правил*, поскольку последний может привести к смешению этой категории с ошибками. Оригинальность же акцентирует *самобытность* и *неповторимость*, что в соединении с *уместностью* в определенной степени решает вопрос их разграничения.

Основываясь на идеях Александра Бергса, представим собственное определение лингвокреативности, под которым, на наш взгляд, следует понимать процесс и результат оригинального и уместного в конкретной речевой ситуации вербального (языкового и дискурсивного) творчества, порождающего структурно-языковые, речевые и дискурсивные новации с наличным или латентным потенциалом к фиксации в языке, речи или дискурсе.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Паремии и их трансформы как инструмент лингвистической креативности в китайских масс-медиа на английском языке

Дискурс китайских масс-медиа на английском языке является соединением исконно-китайской речемыслительной традиции с англоязычной формой [Николаева, 2019]. Фигурально выражаясь, китайцы мастерски кроят и перекраивают англоязычную ткань, создавая свой фасон и свой рисунок.

Умелая аранжировка матричного англоязычного материала приводит к искусному дискурсивному «миксу». Многочисленные проявления традиционного речевого поведения китайцев в таких медиа с позиции самих китайцев являются нормой, а с точки зрения англоязычной аудитории представляют культурно-обусловленные новации.

Например, естественным проявлением национального речевого поведения является частотное использование китайских этнических пословиц, афоризмов, символов и аллегорий. Как известно, в традиционной коммуникации китайцев отражается «окружной способ» мышления, китайцы в своих умозаключениях предпочитают принцип аналогии. Н. А. Спешнев отмечает, что для китайца важно сначала интуитивно «почувствовать» истину, а затем, используя различные сравнения и образы (предпочтительно из народной мудрости, афоризмов древних мыслителей и истории Китая), усилить воздействие этой истины [Спешнев, 2017]. Так возникают оригинальные дискурсивные феномены, которые в фоновой пресуппозиции англоязычного читателя кажутся вполне уместными и допустимыми, вполне характерными для ***китайских*** медиа.

В ходе исследования выявлено, что дискурс китайских масс-медиа на английском языке характеризуется культурно-специфичной лингвокреативностью. Разные ее виды включают этнические пословицы и поговорки, их миксы и ремейки, культурно-обусловленные аллюзии, афоризмы, образы, символы и их коллаж, игру слов, каламбур, сарказм, иронию или переплетение нескольких видов.

Китайские этнические пословицы и поговорки занимают важное место в публицистическом дискурсе китайских СМИ в представлении позиции Китая по разным международным вопросам. Посредством пословиц и поговорок реализуются элементы исконно-китайского стиля коммуникации, осуществляется демонстрация китайской национальной идентичности, приверженной народной мудрости, коллективного опыта многих поколений.

Так, дискурс о борьбе с пандемией наводнен китайскими пословицами, аллегорично призывающими к взаимной помощи. В рамках этой

CC BY

темы газета «The People's Daily» использует пословицу *Каждая отданная капля вернется бурлящим родником*: *A large commercial bank based in Morocco, donated 150,000 surgical masks and 900,000 medical gloves to the central Chinese province of Hubei.* ***As a Chinese proverb goes, "whoever gives a drop of water will receive spring water."*** *Months later <…> the China Development Bank showed its solidarity with the Moroccan people by offering dozens of respirators and 98,000 medical protective masks* (How China, Morocco support each other. June 02, 2020) [PD]. (Крупный коммерческий банк, базирующийся в Марокко, пожертвовал 150 000 хирургических масок и 900 000 медицинских перчаток центральной китайской провинции Хубэй. Как гласит китайская пословица, 'тот, кто даст каплю воды, получит родник'. Несколько месяцев спустя <...> Банк развития Китая продемонстрировал свою солидарность с марокканским народом, предложив десятки респираторов и 98 000 медицинских защитных масок.

В ином англоязычном оформлении эта же пословица используется в газете «The Global Times» для характеристики отношений Китая и Сербии: Guo said, quoting *a Chinese proverb which reads that the grace of dripping water should be reciprocated by a gushing spring* (As domestic outbreak wanes, China rushes to assist other countries. March 29, 2020) [GT]. (Го Сказал, цитируя китайскую пословицу, которая гласит, что 'благодать капающей воды обернется бьющим родником').

Другую пословицу о взаимной помощи цитирует «The China Daily»: As *a Chinese proverb goes, all sides come to help when one is struck* (Peng Fei. Feb 09, 2020) [CD]. (Как гласит китайская пословица, все стороны приходят на помощь, когда по одной нанесен удар).

Идея единства и взаимного сотрудничества отражает традиционные ценности китайского коллективизма и является концептуальным ядром многих китайских паремий.

Народная китайская мудрость регулярно транслируется миру через англоязычные СМИ. Так, например, идея о международном сотрудничестве репрезентирована в речи Председателя КНР так: *As a Chinese saying goes, 'The ceaseless inflow of rivers makes the ocean deep'. However, were such inflow to be cut, the ocean, however big, would eventually dry up* (Highlights of Xi's speech. Apr 26, 2019) [PD]. (Как гласит китайская поговорка, 'Непрерывный приток рек делает океан глубоким'. Однако, если бы такой приток был сокращен, океан, каким бы большим он ни был, в конечном итоге пересох бы).

В этом представлении заключены ценности китайской культуры в отношении бытия и общества: беспрерывного поступательного движения и коллективизма.

CC BY

Важной для Китая является проблема информационных нападок на страну со стороны США в связи со вспышкой пандемии. «The Global Times» приводит китайскую пословицу: «Their acts disregard the facts and are extremely immoral, just as *a Chinese proverb describes — dropping stones on someone who has fallen into a well*. Major disasters are the severest test of human nature» (Mao Junxiang. Feb 06, 2020) [GT]. (Их действия, игнорирующие факты и крайне аморальные, можно описать китайской пословицей «бросать камни в того, кто упал в колодец». Большая беда — самое суровое испытание человеческой натуры).

Некоторые другие примеры пословиц, а также темы, в отношении которых они актуализированы, и ядерный концепт пословицы отражены в таблице (табл. 1).

Приведенные в таблице многочисленные примеры иллюстрируют, что пословицы и поговорки широко используются как при освещении положительных взаимоотношений Китая со странами мира, так и для аллегорического представления разногласий Китая с США.

Актуализированные в пословицах концепты подчеркивают глубокие культурные ценности Китая в отношении философии бытия и жизни общества:

— ПОСТОЯННОГО ЭВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ — ПО ПРИНЦИПУ «ДВИЖЕНИЯ В НЕПОДВИЖНОМ» (концепты поступательного развития и стабильности);

— КОЛЛЕКТИВИЗМА, как в самой стране, так и в регионе и мире (концепты единства, сотрудничества, дружбы).

Кроме того, в пословицах актуализированы и анти-ценности (в китайском понимании), противопоставленные вышеназванным ценностям: индивидуализм / эгоизм, нарушение стабильности. Свойственный Китаю коллективизм влечет за собой акцентирование концептов СТЫДА и УНИЖЕНИЯ как мер коллективного воздействия, а также концепта СКРОМНОСТИ через его антиподы: выдвигаются утверждения, осуждающие гегемонию, самоуверенность индивидуалиста, порицающие кричащее невежество, самодовольство и заносчивость.

Примеры показывают, что лингвокреативность заключается как в широком представлении китайской народной мудрости, так и в англоязычной аранжировке, допускающей разнообразное представление одного и того же пословичного смысла. Кроме того, национально-культурная линвокреативность включает и образное расширение метафорического смысла пословицы.

Лингвистическая креативность в китайских СМИ на английском языке проявляется и в обыгрывании англоязычных паремий. Так, о торговых от-

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 1

Китайские пословицы в англоязычных китайских СМИ

Китайская пословица в англоязычной аранжировке	**Тема дискурса**	**Ядерный концепт пословицы**
No egg is able to stay unbroken when a nest is overturned. (Ни одно яйцо не может остаться целым, когда гнездо перевернуто)	Российско-китайские отношения в регионе	МИР, СТАБИЛЬНОСТЬ
When drinking with a bosom friend, a thousand cups will still be too little (Когда пьешь с закадычным другом, тысячи чашек все равно будет слишком мало)	Отношения Китая и Греции	ДРУЖБА
Do not be afraid of moving slowly. Be afraid of standing still (Не бойтесь двигаться медленно, бойтесь стоять на месте)	Отношения Китая и Непала	ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
The ignorant are fearless (Невежественные бесстрашны) Humiliation soon turns to rage to cover one's shame (Унижение вскоре превращается в ярость, чтобы скрыть свой стыд) The feeling of shame is close to bravery (Чувство стыда близко к храбрости) Ultimate power incurs humiliation (Высшая власть влечет за собой унижение) To measure the heart of the great with a heart of the mean (Измерить сердце великого сердцем среднего)	Гегемония США	НЕВЕЖЕСТВО, УНИЖЕНИЕ, СТЫД, КЛЕВЕТА

ношениях с США «The Global Times» пишет, обыгрывая поговорку *easy come, easy go*: «In a world where countries are interdependent, it is stupid for the US to believe that *a trade war is "easy to win" and its opponents are "easy to lose*"» (US' self-righteousness will lead to nothing but failure. June 02, 2019) [GT]. (В мире, где страны взаимозависимы, со стороны США глупо полагать, что торговую войну "легко выиграть", а противников "легко

CC BY

обыграть”). В текст внедрен креативный «ремейк», а отсылка к поговорке вполне прозрачна. Известные читательской аудитории провербиальные образы получают новую контекстуально-обусловленную референцию.

Ситуативная образность, оригинальная и уместная, не только провербиальная, является широко распространенной техникой лингвокреативности в публицистическом дискурсе китайских англоязычных СМИ. Так, в речи Председателя КНР перспективы и новые вызовы обозначены через образы *гор, на которые еще нужно взобраться,* и *берегов, которые еще нужно освоить*: *we are keenly aware that with all we have achieved, there are still many mountains to scale, and many shores to navigate* (Highlights of Xi’s speech. Apr 26, 2019) [PD].

Ситуативная образность отражает «окружной, сторонний путь» достижения цели убеждения и воздействия на читателя — путь аналогии и аллегории. В сознании читателя создается яркая аналогическая картина, усиливающая подаваемую идею.

Создаваемые образы отсылают к общечеловеческому опыту, явлениям окружающего мира, известным в западном мире прецедентным феноменам и фигурам. В наших ранних работах мы отмечали, что в отношении экономических проблем и пандемии использованы образы войны, врага, героя, сражения, поля битвы [Николаева, 2020].

3.2. Языковая игра как прием лингвокреативности в англоязычных китайских СМИ

К числу лингвокреативных техник относится игра слов каламбур. В свете политики экс-президента США Трампа в отношении Китая искусно обыгрываются фамилия *Trump* и слово *trump* в значении ‘козырная карта’: *The China card is a trump card that US President Donald Trump won’t discard* (Washington must curb warmongering among right wing. Feb 27, 2020) [GT]. (Китайская карта — это козырная карта, которую президент США Дональд Трамп не сбросит). Созданный ироничный каламбур усиливается посредством ассоциации: *The China card* (китайская карта), *a trump card* (козырная карта) и *Trump won’t discard* (козырная карта Трампа не побьет китайскую козырную карту). Обыгрывается не только *a trump* и *Trump*, на эту пару наслаивается еще одна: *card* и *discard*, их совмещение производит двойной эффект.

Фамилия 45-го президента США Трампа стала аттрактором каламбура в китайских медиа на английском языке. В свете экономических и «пандемических» обвинений Китая со стороны Трампа особый подтекст в китайском употреблении получает, например, известное выражение *trumped-up charges* (сфабрикованные, подтасованные обвинения / инициированные Трампом обвинения): *Targeting Chinese firms* ***on trumped-up charges****, the US*

CC BY

was just afraid of yielding control of telecoms infrastructure (Shi Wangsheng. June 14, 2019) [PD]. (Нанося удар по китайским фирмам по сфабрикованным обвинениям, инициированным Трампом, США просто боялись потерять контроль над телекоммуникационной инфраструктурой).

В другой созвучной аранжировке создается перекрестная ассоциация между фамилией президента *Trump upped accusations* (Трамп усилил обвинения) и выражением *trumped-up accusations* (сфабрикованные обвинения): ***Trump upped*** *his accusatory rhetoric saying China was manipulating its currency in order to lessen the impact of tariffs* (China, US restart trade talks. Aug 23, 2018) [PD]. (Трамп усилил свою [сфабрикованную] обвинительную риторику, заявив, что Китай манипулирует своей валютой, чтобы уменьшить влияние тарифов).

Выражения *trumped-up charges / lie / accusations / claims / products / excuses* стали весьма популярными в контексте китайско-американских отношений в СМИ Китая на английском языке с 2016 года. В случае написания с заглавной буквы создается очевидный каламбур: *Trumped-up trickle-down economics* (Liu Xin. Sep 28, 2016) [GT] (созданная Трампом провальная экономическая политика); *Trumped-up* "*lab-leak theory*" (Trumped-up "lab-leak theory". June 24, 2021) [PD] (сфабрикованная Трампом теория утечки вируса из лаборатории).

В китайских СМИ на английском языке словотворчество с фамилией 45-го президента США Трампа, «креативно скомпилированное» из англоязычных медиа (*Trumpize*; *Trumpized*; *Trumpier and Trumpier; Trumpization*; *de-Trumpization*), получает обновленный, ассоциированный с Китаем подтекст — «Трампизировать»; «Трампизированный»; «все Трампизированнее и Трампизированнее»; «Трампизация»; «де-Трампизация» отношений с Китаем: *In general, the US administration's current trade policy toward China is highly '****Trumpized****'* (Biden suffers more than Beijing from high tariffs. Aug 06, 2021) [GT]. (В целом нынешняя торговая политика администрации США в отношении Китая сильно 'Трампизирована').

Таким образом, дискурсивно-прагматическая лингвокреативность в китайских СМИ на английском языке допускает копирование образцов словотворчества из англоязычных источников, но обязательно с установлением и акцентированием новых ассоциативных связей — с китайской тематикой.

Игра слов часто сопровождается иронией или сарказмом. В ответ на сарказм западных СМИ китайские СМИ на английском языке «отзеркаливают» сарказм оппонента: *The Wall Street Journal's "China is the Real Sick Man of Asia" provoked a strong reaction among ordinary citizens and officials alike. <…> Let's hope The New York Times does a better job of covering the US*

CC BY

chapter of the coronavirus tragedy than it's done so far in China (Headlines in New York Times are misleading. Feb 28, 2020) [CD]. (Заголовок «The Wall Street Journal» «Китай — настоящий больной в Азии» вызвал бурную реакцию как у простых граждан, так и у чиновников. Будем надеяться, что «The New York Times» пишет американскую главу трагедии с коронавирусом лучше, чем написана глава о Китае).

Таким образом, основными результатами исследования следует признать следующие положения.

Лингвокреативность в китайских СМИ на английском языке является культурно-обусловленной, вносящей в англоязычный публицистический дискурс СМИ элементы исконно-китайской речемыслительной традиции, и национально-обусловленной, подчиняющей все языковые средства донесению до мировой аудитории общенациональной позиции Китая.

Лингвокреативность реализуется посредством разных форм проявления китайской национальной коммуникативной идентичности: пословиц, аллегорий, аналогий, намеков, аллюзий, многие из которых уходят корнями в китайскую историю, философию и народный опыт. Такие средства актуализируют культурные ценности Китая и цивилизационные ценности Востока и вполне уместны в китайских СМИ на английском языке.

Лингвокреативность в китайских СМИ на английском языке выражается и в словотворчестве, если это способствует более эффективному донесению до англоязычной читательской аудитории позиции Китая и не нарушает принципа уместности в конкретной речевой ситуации.

В китайских англоязычных СМИ дискурсивно-прагматическая лингвокреативность допускает использование матричной лингвокреативности, заимствованной из англоязычных медиа, встраивая ее в свою «публицистическую повестку» и приращивая к ней в собственном контексте дополнительные ассоциации и смыслы.

Умелая компиляция и навыки оригинальной национально-культурной аранжировки матричного структурно-языкового и структурно-дискурсивного материала приводят к искусному дискурсивному «миксу»: исконно-китайское содержание мастерски порождается в англоязычной форме.

В результате взаимодействия коммуникативных стилей Востока и Запада при освещении острых международных вопросов «околичный», «окружной» способ коммуникации Китая перемежается с отзеркаливанием прямой, жесткой ультимативной риторики Запада.

Лингвокреативность тематически обнаруживается прежде всего в освещении наиболее актуальных для Китая вопросов и проблем.

В коммуникации Китая с англоязычным миром через китайские англоязычные СМИ реализуются исконно-китайские средства воздействия —

CC BY

актуализируется ценность ***коллективизма*** (в международных вопросах) и анти-ценности ***гегемонии, стыда*** за неблаговидные поступки.

В отношении болевых точек китайско-американских отношений, событий в Гонконге, инцидентов в Южно-Китайском море чаще используются такие текстовые средства, как саркастическая игра слов, китайские пословицы, актуализирующие анти-ценности, образность с отрицательным эмоционально-оценочным зарядом.

4. Заключение = Conclusions

Лингвокреативность в национальных китайских СМИ на английском языке проявляется в двух тенденциях. Одна из них предполагает творческое использование языковых ресурсов английского языка (trumped-up *сфабрикованный* → Trumped-up *сфабрикованный Трампом*): Trumped-up "lab-leak theory" (*сфабрикованная Трампом* утечка вируса из Уханьской лаборатории).

Применяется также оперативное привнесение англоязычных инноваций из американских медиа в дискурс китайских медиа: *Trumpized society* in the USA (*трампизация американского общества, менталитета внутри страны*) → Trumpized policy toward China *трампизация внешней политики в отношении Китая*. Попадая в дискурс китайских медиа, такие единицы получают и актуализируют новые ассоциативные связи и, таким образом, становятся вновь лингвокреативны, что на этот раз обусловливается соотнесенностью с китайской тематикой.

Другая тенденция касается введения в англоязычный масс-медийный дискурс оригинальных исконно-китайских дискурсивных приемов, таких как китайские этнические паремии, аллюзии, символы, игра слов. Всякий раз они порождаются на английском языке сообразно конкретной речевой ситуации и потому обладают высокой вариативностью (*whoever gives a drop of water will receive spring water / the grace of dripping water should be reciprocated by a gushing spring*).

Обе тенденции демонстрируют программную линию речевого поведения Китая в англоязычных СМИ, которая включает следующее:

— современные и инновационные языковые средства английского языка обеспечивают доступность и привлекательность масс-медийного дискурса для восприятия англоязычной аудиторией;

— публично и креативно демонстрируется национально-культурная идентичность Китая, акцентируется образ мудрости китайской философии и древности китайской культуры;

— обеспечивается эффективность воздействия на целевую аудиторию.

Лингвокреативность в китайских СМИ, издаваемых на английском языке, можно в дальнейшем рассматривать как один из аспектов межкуль-

турной прагматики в коммуникации Китая с англоязычным миром. Экспериментальному исследованию может быть подвергнута роль китайских лингвокреативных техник в привлечении целевой аудитории, в повышении степени воздействия на ее, а также вопрос об измерении эстетического эффекта лингвокреатем, оценке их оригинальности и уместности.

Источники и принятые сокращения

1. CD — *The China* Daily [Electronic resource]. — Access mode : https://www.chinadaily.com.cn/.
2. GT — *The Global* Times [Electronic resource]. — Access mode : https://www.globaltimes.cn/.
3. PD — *The People's* Daily [Electronic resource]. — Access mode : http://en.people.cn/.

Литература

1. *Вишнякова О. Д.* Лингвокреативность как элемент PR-технологий в политической риторике / О. Д. Вишнякова // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения : сборник материалов Третьего международного научного семинара. — Пльзень : Zapadoceska Univerzita v Plzni, ZCU, 2017. — С. 28—33.

2. *Голованова Л. Н.* Лингвокреативность в формировании коммуникативной компетенции магистров неязыкового вуза / Л. Н. Голованова, Е. Н. Панкратова, Е. Н. Дупленко // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 4. — С. 80.

3. *Гридина Т. А.* Экспериментальное исследование вербальной креативности : словотворчество и речепорождение / Т. А. Гридина, Е. И. Пипко // Филологический класс. — 2012. — № 3 (29). — С. 12—18.

4. *Козлова Л. А.* Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте / Л. А. Козлова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия. Филология. — 2012. — № 2s (18). — С. 121—128.

5. *Кунщикова М. О.* Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингвов / М. О. Кунщикова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 71—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-71-88.

6. *Кшеновская У. Л.* Когнитивно-дискурсивная сущность лингвокреативности / У. Л. Кшеновская // Евразийский гуманитарный журнал. — 2020. — № 2. — С. 16—21.

7. *Николаева О. В.* Коммуникативные практики реализации риторики патриотизма в китайских СМИ на английском языке / О. В. Николаева // Известия Восточного Института. — 2020. — № 1. — С. 23—33. — DOI: 10.24866/2542-1611/2020-1/23-33.

8. *Николаева О. В.* Стратагемность речевой культуры в китайских СМИ на английском языке / О. В. Николаева. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2019. — 104 с. — ISBN 978-5-7444-4709-0.

9. *Самохвалова В. И.* Человек : творческий и творящий / В. И. Самохвалова // Вестник культурологии. — 2017. — № 1 (80). — С. 183—207.

10. *Соколова О. В.* Лингвокреативен ли рекламный дискурс? Особенности полисемии в коммерческой и социальной рекламе / О. В. Соколова // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. — 2020. — № 2 (13). — С. 134—157. — DOI: 10.37892/2218-1393-2020-13-2-134-157.

11. *Спешнев Н. А.* Китайцы. Особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. — Санкт-Петербург : КАРО. 2017. — 336 с. — ISBN 978-5-9925-0634-1.

12. *Bell N.* Formulaic Language, Creativity, and Language Play in a Second Language / N. Bell // Annual Review of Applied Linguistics. — 2012. — Vol. 32. — Pp. 189—205.

13. *Bergs A.* What, If Anything, Is Linguistic Creativity? / A. Berg // Gestalt Theory. — 2019. — Vol. 41 (2). — Pp. 173—183. — DOI: 10.2478/gth-2019-0017.

14. *Carter R.* Language and Creativity. The Art of Common Talk / R. Carter. — Routledge, 2015. — 288 p.

15. *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax / N. Chomsky. — Cambridge : MIT Press, 1965. — 251 p.

16. *Chomsky N.* For reasons of state / N. Chomsky. — London : Penguin. 2003. — 496 p. — ISBN 1565847946.

17. *Langlotz A.* Language, creativity, and cognition / A. Lanlotz // Routledge Handbook of Language and Creativity. — Routledge, 2015. — Pp. 40—60. — ISBN 9780415839730.

18. *Onsman H. J.* Creativity and linguistic theory : a study of the creative aspect of language. Research Master thesis / H. J. Onsmann. — Tasmania : University of Tasmania, 1982. — 193 p.

19. *Sampson G.* Two ideas of creativity / G. Sampson // In Martin Hinton (Ed.). Evidence. Experiment and argument in linguistics and philosophy of language. — Bern : Peter Lang, 2016. — Pp. 15—26. — ISBN 9783653969047.

20. *Swann J.* Sociolinguistics and language creativity / J. Swann, A. Deumert // Language Sciences. — 2018. — Vol. 65. — Pp. 1—8. — DOI: 10.1016/j.langsci.2017.06.002.

21. *Zawada B.* Linguistic creativity from a cognitive perspective / B. Zwada // Southern African Linguistics and Applied Language Studies. — 2006. — Vol. 24 (2). — Pp. 235—254.

Material resources

The China Daily. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/.
The Global Times. Available at: https://www.globaltimes.cn/.
The People's Daily. Available at: http://en.people.cn/.

References

Bell, N. (2012). Formulaic Language, Creativity, and Language Play in a Second Language. *Annual Review of Applied Linguistics, 32:* 189—205.

Bergs, A. (2019). What, If Anything, Is Linguistic Creativity? *Gestalt Theory, 41 (2):* 173—183. DOI: 10.2478/gth-2019-0017.

Carter, R. (2015). *Language and Creativity. The Art of Common Talk.* Routledge. 288 p.

Chomsky, N. (1965). *Aspects of the theory of syntax.* Cambridge: MIT Press. 251 p.

Chomsky, N. (2003). *For reasons of state.* London: Penguin. 496 p. ISBN 1565847946.

Golovanova, L. N., Pankratova, E. N., Duplenko, E. N. (2019). Linguocreativity in the formation of communicative competence of masters of a non-linguistic university. *Modern problems of science and education, 4:* 80. (In Russ.).

Gridina, T. A., Pipko, E. I. (2012). Experimental study of verbal creativity: the creation of words and production. *Philological class, 3 (29):* 12—18. (In Russ.).

Kozlova, L. A. (2012). Linguistic anomalies as a means of realization of the creative potential of language and their implementation in the text. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Series. Philology, 2s (18):* 121—128. (In Russ.).

Krzanowska, W. L. (2020). Cognitive-discursive nature of linguostatistic. *Eurasian Humanities journal, 2:* 16—21. (In Russ.).

Kundikova, M. O. (2021). Metalinguistic activity KREATOR language game in the dialogues artificial bilinguals. *Nauchnyj dialog, 12:* 71—88. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-71-88. (In Russ.).

Langlotz, A. (2015). Language, creativity, and cognition. In: *Routledge Handbook of Language and Creativity.* Routledge. 40—60. ISBN 9780415839730.

Nikolaeva, O. V. (2019). *Strategymost language culture in the Chinese media in English.* Vladivostok: Far Eastern University Press. 104 p. ISBN 978-5-7444-4709-0. (In Russ.).

Nikolaeva, O. V. (2020). Communicative practices of implementing the rhetoric of patriotism in Chinese media in English. *News of the Oriental Institute, 1:* 23—33. DOI: 10.24866/2542-1611/2020-1/23-33. (In Russ.).

Onsman, H. J. (1982). *Creativity and linguistic theory: a study of the creative aspect of language. Research Master thesis.* Tasmania: University of Tasmania. 193 p.

Samokhvalova, V. I. (2017). Man: creative and creative. *Bulletin of Cultural Studies, 1 (80):* 183—207. (In Russ.).

Sampson, G. (2016). *Two ideas of creativity.* In: Martin Hinton (ed.). *Evidence. Experiment and argument in linguistics and philosophy of language.* Bern: Peter Lang. 15—26. ISBN 9783653969047.

Sokolova, O. V. (2020). Is the advertising discourse linguocreative? Features of polysemy in commercial and social advertising. *Linguistics and methods of teaching foreign languages, 2 (13):* 134—157. DOI: 10.37892/2218-1393-2020-13-2-134-157. (In Russ.).

Speshnev, N. A. (2017). *The Chinese. Features of national psychology.* St. Petersburg: KARO. 336 p. ISBN 978-5-9925-0634-1. (In Russ.).

Swann, J., Deumert, A. (2018). Sociolinguistics and language creativity. *Language Sciences, 65:* 1—8. DOI: 10.1016/j.langsci.2017.06.002.

Vishnyakova, O. D. (2017). Linguocreativity as an element of PR technologies in political rhetoric. In: *Language, literature and culture as facets of intercultural communication: a collection of materials of the Third International Scientific Seminar.* Pilsen: Zapadoceska Univerzita v Plzni, ZCU. 28—33. (In Russ.).

Zawada, B. (2006). Linguistic creativity from a cognitive perspective. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies,24 (2):* 235—254.

Статья поступила в редакцию 24.11.2021,
одобрена после рецензирования 17.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Селеменева О. А. Интертекстуальность в нативной рекламе международных глянцевых журналов (на примере журнала «Tatler») / О. А. Селеменева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 239—256. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-239-256.

Selemeneva, O. A. (2022). Intertextuality in Native Advertising of International Glossy Magazines (of Tatler Magazine). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 239-256. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-239-256. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-239-256

Интертекстуальность в нативной рекламе международных глянцевых журналов (на примере журнала «Tatler»)

Селеменева Ольга Александровна
orcid.org/0000-0002-0488-8428
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русского языка,
методики его преподавания
и документоведения
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Intertextuality in Native Advertising of International Glossy Magazines (of Tatler Magazine)

Olga A. Selemeneva
orcid.org/0000-0002-0488-8428
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Селеменева О. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема интертекстуальности в нативной коммерческой рекламе как одной из самых современных технологий продвижения товаров и услуг на рынке. В работе систематизированы типы интертекстуальных включений в международном глянцевом журнале «Tatler» и описан их функциональный потенциал. Выбор источника исследования обусловлен значительным влиянием транснациональных СМИ на процесс гомогенизации культурных картин мира разных этносов и прототипическим характером журнала как энциклопедии стиля жизни преуспевающего человека. Доказано, что нативный рекламный дискурс журнала «Tatler» характеризуется присутствием сложной системы верифицируемых интертекстуальных единиц, включающих цитаты модельеров, моделей, актеров и т. д., трансформированные и нетрансформированные текстовые аппликации из разных сфер-источников, прецедентные имена, хештеги с аллюзивной функцией. Отмечено, что анализируемые единицы отличаются полифункциональностью и выполняют информативную, аттрактивную, экспрессивную, суггестивную, композиционно-игровую и др. функции. Сделан вывод, что вся система интертекстуальных включений нативной рекламы журнала «Tatler» направлена на создание и поддержание мифа о существовании в визуально эстетичном мире роскоши особого «Татлеровского человека», образ которого становится инструментом формирования социально-статусной идентичности адресата рекламного сообщения.

Ключевые слова:
нативная реклама; интертекстуальность; цитата; текстовая аппликация; прецедентное имя; хештег.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problem of intertextuality in native commercial advertising as one of the most modern technologies for promoting goods and services on the market. The types of intertextual inclusions in the international glossy magazine Tatler" is systematized in the paper and their functional potential is described. The choice of the research source is due to the significant influence of transnational media on the process of homogenization of cultural pictures of the world of different ethnic groups and the prototypical nature of the journal as an encyclopedia of the lifestyle of a successful person. It is proved that the native advertising discourse of "Tatler" magazine is characterized by the presence of a complex system of verifiable intertextual units, including quotes from fashion designers, models, actors, etc., transformed and non-transformed text applications from different source areas, precedent names, hashtags with an allusive function. It is noted that the analyzed units are multifunctional and perform informative, attractive, expressive, suggestive, compositional-playing and other functions. The author comes to the conclusion that the whole system of intertextual inclusions of "Tatler" native advertising is aimed at creating and maintaining a myth about the existence of a special "Tatler man" in the visually aesthetic world of luxury, whose image becomes a tool for forming the social status identity of the addressee of the advertising message.

Key words:
native advertising; intertextuality; quote; text application; precedent name; hashtag.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42:659.11+316.776:004.738.5

Интертекстуальность в нативной рекламе международных глянцевых журналов (на примере журнала «Tatler»)

© Селеменева О. А., 2022

1. Введение = Introducion

В филологической науке проблема интертекстуальности является одной из наиболее сложных и интересных. Интертекстуальность может сводиться к присутствию в анализируемом тексте других текстов исключительно на уровне информации (узкий подход) или рассматриваться как взаимодействие, взаимопроникновение текстов на уровне жанра, стилистики, структурной организации (широкий подход) [Genette, 1966; Кристева, 2004; Allen, 2021]. Зародившись еще в работах А. Н. Веселовского, Р. Барта, М. М. Бахтина, указанная проблема уже давно вышла за рамки литературоведения и изучается лингвистами, культурологами, философами, психологами. Так, лингвисты интертекстуальность наряду с информативностью, когезией, интенциональностью, когерентностью рассматривают в качестве релевантного признака текста [Vater, 1992].

В функциональной стилистике, лингвистической поэтике, семиотике, теории и транслатологии текста классическим материалом для рассмотрения интертекстуальности выступают литературные (прозаические и поэтические) тексты [Белозерова, 1999; Олизько, 2007; Kaźmierczak, 2019; Stubbs, 2020]. Уже изучены механизмы и типы интертекстуальных включений в художественных дискурсах ряда зарубежных и отечественных авторов: А. Азимова, А. А. Ахматовой, Р. Брэдбери, О. Генри, Ч. Диккенса, В. В. Набокова, А. С. Пушкина, Дж. Оруэлла, Дж. Уиндема, О. Хаксли, М. Этвуд и др. Однако интертекстуальная природа присуща не только текстам художественно-эстетической сферы, но и текстам научным (жанры статьи, диссертации, рецензии), публицистическим, рекламным [Hitchon et al., 1997; Чернявская, 1999; Должич, 2010; Qayyum, 2019; Kalenych, 2020; GUell, 2020].

Исследование лингвистических форм выражения интертекстуальности и ее функций в современной политической, социальной и коммерческой рекламе становится все актуальнее, поскольку именно рекламный текст содержит ту коммуникативно-прагматическую программу, которая ориентирована на реализацию определенных психологических приемов (доверия, наглядности, сопереживания, прямого диалога и т. д.) и манипулятивных стратегий, а также формирование картины мира адресата. И не-

CC BY

случайно рекламный дискурс определяют как «самый распространенный, влиятельный и неизбежный дискурс XXI века» (перевод наш. — *О. С.*) [Kholboboeva, 2021, с. 89].

Анализ научных публикаций, посвященных интертекстуальным включениям в письменной форме рекламы [Анисимова и др., 2019; Терских, 2019; Wetzel, 2020], позволяет заключить, что материалом исследования обычно выступают прямые рекламные сообщения. Между тем одной из самых современных технологий продвижения какого-либо товара, услуги на рынке является уже не прямая, а нативная реклама [Schauster et al., 2016; Wojdynski et al., 2016]. Именно она обеспечивает внедрение коммерческого сообщения в контент сайта, журнала, газеты. Копируя речевые приемы журналистского материала, нативная реклама «приобретает естественные черты, свойственные прагматике газетного текста в его самых разнообразных речевых формах» [Быкова, 2018, с. 536]. Адресность, персонифицированность, интерактивность, способность к мимикрии способствуют коммерческому успеху естественной рекламы.

Хотя изучение нативной рекламы зарубежные ученые относят к ключевым областям академических исследований [Taylor et al., 2021, с. 51], объектом анализа отечественных лингвистов тексты формата нативной рекламы становятся редко [Быкова, 2018; Селеменева, 2020]. Это, вероятно, обусловлено, с одной стороны, продолжающимся поиском в условиях конвергенции форматов и жанров четких критериев отграничения нативной рекламы от сходных технологий и видов увещевательной коммуникации, с другой — сложностью анализа современных рекламных текстов как негомогенных по природе единиц, синтезирующих вербальную и невербальную части с целью передачи необходимой информации и воздействия на адресата.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель нашей работы — описать типы интертекстуальных включений в российском издании международного глянцевого журнала «Tatler» и определить их функциональный потенциал.

Выбор источника исследования обусловлен совокупностью экстралингвистических причин:

— российские издания международных журналов, адресованные преимущественно среднему классу и бизнес-элите, в полной мере отражают процесс гомогенизации культурных картин мира разных этносов;

— глянцевые журналы выступают инструментом влияния на идентификационные стратегии человека, формирование его картины мира и ключевых ценностных оппозиций. В частности, журнал «Tatler» является своего рода энциклопедией стиля жизни преуспевающего человека;

CC BY

— международные журналы постоянно развивают нативный формат рекламы разных жанров. Так, для журнала «Tatler» характерен набор универсальных рубрик («Герои», «Party», «Мода», «Красота», «Путешествия» и др.), обеспечивающих максимально эффективное интегрирование нативной рекламы в контент.

Отметим, что для анализа отбирались рекламные тексты из выпусков российской версии журнала «Tatler» за 2018—2021 годы, поскольку печатная реклама, как прямая, так и нативная, демонстрирует быструю обновляемость вербальных и невербальных средств воздействия на адресата. Объем авторской картотеки примеров составил 380 контекстов.

Характер фактического языкового материала обусловил применение различных общенаучных и специальных методов и приемов исследования: описательно-аналитического метода с приемами наблюдения, интерпретации и систематизации; метода контекстного анализа с приемом выявления реализации значений отдельных слов в контексте; метода интертекстуального анализа, основанного на установлении отношения производности между текстами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Цитация в нативной рекламе журнала «Tatler»

Нативный рекламный дискурс журнала «Tatler» отличается присутствием сложной системы верифицируемых интертекстуальных единиц, обладающих эксплицитной и имплицитной степенью выраженности. К числу эксплицитно выраженных единиц относятся цитаты, которые по степени отношения к исходному тексту характеризуются точной атрибуцией и воспроизведением образца. Как правило, в основной части текста нативной рекламы используются цитаты, принадлежащие известным зарубежным модельерам, моделям, певцам, актерам театра и кино, бизнесменам (рестораторам, отельерам), изъятые из интервью разных лет, биографий, мемуарных записей, аккаунтов социальных сетей. Например: «*Будьте добры к людям и к себе и перестаньте комментировать изменения чужих тел», — подписала ролик Сара…* [Tatler, апрель 2021, № 4 (152), с. 138]; *Практичная Коко настаивала на трансформерах*: *«Мои украшения универсальны и мобильны. Их можно разбирать на части, носить с шубой или прикалывать на шляпу. Ювелирный комплект утратил свою строгость. Жизнь изменила его, адаптировала под свой стиль»* [Tatler, апрель 2019, № 4 (128), с. 115]. В первом примере (нативная реклама крема для тела Le Sculpteur от SISLEY) цитата принадлежит Саре Сампайо, португальской топ-модели, а во втором (нативная реклама ювелирной коллекции Chanel) — французскому модельеру и основательнице модного дома Cha-

CC BY

nel Габриэль Бонер (Коко) Шанель. В обоих случаях цитирование носит манипулятивный характер, основанный на обращении к пресуппозициям: чужая речь и указание на точный источник сообщения актуализируют фоновые знания реципиента об авторитетном лице, которое косвенно (первый пример) или прямо (второй пример) связано с рекламируемым объектом. Сара Сампайо является лицом бельевого бренда Calzedonia и одним из «ангелов» Victoria's Secret («*ангелами*» называются известные модели, которые выступают послами бренда, в данном случае — бренда Victoria's Secret; они имеют особый контракт и поддерживают образ бренда в мире; в разное время ими были Жизель Бундхен, Летиция Каста, Хайди Клум, Мариса Миллер и др.), однако в цитате, введенной в текст рекламы французского косметического бренда SISLEY, акцент сделан не на сексуализации фигуры коммуникатора, а на доброте и терпимости к физическим недостаткам других. Это обусловлено резкой сменой риторики современной бьюти-индустрии, заключающейся в стремлении преодолеть культ бесконечного совершенствования женского тела. Цитаты, подобные приведенной и напрямую не связанные с рекламируемым объектом, а затрагивающие какие-то ключевые для современного общества аксиологические оппозиции, экзистенциальные вопросы, социальные проблемы и т. д., становятся эффективным средством воздействия на установки адресата, поскольку в условиях спада привлекательности традиционной коммерческой рекламы нативная реклама демонстрирует сближение с социальной. Во втором примере значительная по объему цитата Коко Шанель служит средством реализации тактики эксклюзивного предложения от конкретного бренда (ювелирные украшения-трансформеры), традиционной для прямой рекламы. Психологическое воздействие основано здесь на актуализации фоновых знаний адресата (Коко Шанель ввела моду на бижутерию, сделав украшения-трансформеры декоративным элементом костюма) и авторитете коммуникатора (Коко Шанель — революционер в области моды).

Композиционно цитаты обычно интегрируются в основной текст нативной рекламы, и для их графического оформления используются кавычки. Однако часто отсутствуют типовые вводящие слова (глаголы со значением речи, мысли, эмоций, цели высказывания и т. д.) и наличествует только имя лица-источника сообщения, находящееся в препозиции к чужой речи. Это обусловлено, с одной стороны, экономией речевых средств и печатной площади, с другой — сохранением экспрессивного характера синтаксиса нативного рекламного дискурса. Например: *Илья Клюев: «Украшения с редкими камнями, как никакой другой аксессуар, подчеркнут индивидуальный стиль женщины*» [Tatler, октябрь 2019, № 10 (134), с. 105].

CC BY

В целом цитаты в нативной рекламе журнала «Tatler» выполняют разные функции: информативную (содержат дополнительные сведения об объекте рекламы, истории бренда); аттрактивную (привлекают внимание реципиента за счет упоминания имени известного лица-источника сообщения и графического выделения цитаты кавычками); экспрессивную (выступая средством выражения прагматических установок адресанта, цитаты усиливают воздействие на эмоциональную сферу адресата); суггестивную (обеспечивают некритичное восприятие информации адресатом и влияют на формирование его системы ценностей).

3.2. Трансформированные и нетрансформированные текстовые аппликации в нативной рекламе

На страницах международного журнала «Tatler» продуктивными интертекстуальными включениями имплицитного характера выступают текстовые аппликации, которые не содержат ссылок на источник. К ним относятся интертекстемы трех основных сфер:

— сфера «Музыкальная культура» (субсферы «Классическая музыка», «Шансон, романс, авторская песня» и «Популярная музыка»): *Лунная соната* [Tatler, сентябрь 2019, № 9 (133), с. 163] (название четырнадцатой в ряду фортепианных сонат Л. Бетховена использовано в заголовке нативной рекламы часов бренда «Omega», выпущенных к пятидесятилетию посадки корабля «Аполлон-11» на Луну); *Она была в Париже* [Tatler, февраль 2018, № 2 (114), с. 103] (название песни В. Высоцкого «Она была в Париже» использовано в заголовке нативной рекламы «Кафе Пушкинъ» на площади Мадлен); *Вот эта улица* [Tatler, декабрь 2020, № 12, с. 105] (фраза из русского романса середины XIX века «Крутится, вертится шар голубой» в нативной рекламе сумки Dior St Honoré Марии Грации Кьюри) и др.;

— сфера «Кино» (субсфера «Советские фильмы и сериалы»): *Гостья из будущего* [Tatler, октябрь 2019, № 10 (134), с. 137] (название советского детского научно-фантастического фильма «Гостья из будущего» 1985 года по мотивам повести К. Булычева «Сто лет тому назад» 1977 года в нативной рекламе семинара Фионы Макензи, консультанта образовательной компании Carfax Education, в Москве); *Большая перемена* [Tatler, сентябрь 2019, № 9 (133), с. 163] (название советского художественного телевизионного фильма, снятого в 1972—1973 годах режиссером А. Кореневым, использовано в заголовке нативной рекламы одежды бренда Be Blumarine) и др.;

— сфера «Литература» (субсферы «Зарубежная проза», «Отечественная проза», «Отечественная лирика»): *Остров сокровищ* [Tatler, декабрь 2020, № 12, с. 167] (название романа шотландского писателя Р. Стивенсона «Остров сокровищ» в заголовке нативной рекламы отеля Caesars

Palace Bluewaters Dubai на острове Блю-Уотерс); *Тучки небесные* [Tatler, апрель 2021, № 4 (152), с. 132] (цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тучи» в нативной рекламе весенней коллекции GUESS, ключевой элемент дизайна которой — облако как символ безмятежности); *В поле каждый колосок* [Tatler, февраль 2018, № 2 (114), с. 103.] (цитата из стихотворения В. Н. Орлова «Это все мое родное…» в нативной рекламе аксессуаров бренда Valentino) и др.

В структуре текста нативной рекламы журнала «Tatler» такого рода неатрибутированные включения обычно используются в заголовках, самой сильной текстовой позиции. Они выполняют три функции: аттрактивную (привлекают внимание адресата к рекламному сообщению), композиционно-игровую (языковая игра со смыслом интертекстем в условиях нового контекста) и экспрессивную (становятся эмотемой всего рекламного сообщения). Например: ***ЕСЛИ ЗВЕЗДЫ ЗАЖИГАЮТ***. *В «Крокус Сити Молле» открылся бутик очень парижского — с Левого берега — бренда Isabel Marant. Помимо основной коллекции и линии Isabel Marant Étoile там продаются сумки, обувь и аксессуары* [Tatler, сентябрь 2019, № 9 (133), с. 164]. В нативной рекламе бутика французского бренда «Isabel Marant» использована цитата из стихотворения В. В. Маяковского «Послушайте!» (1914 год), которое представляет собой тонко завуалированный призыв равнодушному обществу, праздно проводящему жизнь, выйти из спячки и ощутить приближение Первой мировой войны. В стихотворении звезды стали символом совершенства мироздания, их появление на небесном своде интерпретировалось поэтом-бунтарем как надежда на духовное возрождение, прекращение насилия, уничтожение злобы и ненависти. В нативной рекламе линии одежды, обуви и аксессуаров от Изабель Маран, вдохновляющейся атмосферой Парижа и эстетикой Дикого Запада, интертекстема заголовка *Если звезды зажигают*, взаимодействуя с основной частью сообщения, полностью утрачивает свой первоначальный смысл: исчезает и историко-культурный, и нравственно-философский подтекст. Лексема *звезда* в интертекстеме реализует уже не прямое значение ‘небесное тело’, а переносное — ‘знаменитость’ (Изабель Маран — известный модельер, чьи творения ассоциируются с понятием «парижский шик»). Появление иного смысла, отличного от источника заимствования, все же позволяет интертекстеме сохранить свой эмоциональный заряд и тем самым задать эмотему всего рекламного сообщения.

Среди неэксплицированных цитат в нативных публикациях журнала «Tatler» присутствует большое количество трансформированных интертекстем. К продуктивным приемам трансформации можно отнести два:

— усечение: структурному эллипсису подвергаются известные русские пословицы, названия фильмов; например: *Кто старое помянет*

CC BY

[Tatler, октябрь 2019, № 10 (134), с. 137] (пословица *Кто старое помянет, тому глаз вон* в нативной рекламе отдела винтажной одежды в ЦУМе); *Мой ласковый и нежный* [Tatler, май 2021, № 5 (153), с. 81] (название советского художественного фильма Э. Лотяну «Мой ласковый и нежный зверь» (1978 год) в нативной рекламе бренда Frette) и др.;

— лексическую замену одного из компонентов: замена осуществляется на словоформу, которая, вероятно, должна обеспечить отсылку адресата к рекламируемому объекту или услуге. Например: ***Накорми*** *меня нежно* [Tatler, октябрь 2019, № 10 (134), с. 139] (в нативной рекламе мальдивских курортов Soneva Fushi и Soneva Jani использовано трансформированное название американского триллера 2002 года китайского режиссера Ч. Кайгэ «Убей меня нежно», снятого по одноименному роману Н. Френч); *О,* ***открой*** *свои бледные ноги* [Tatler, апрель 2018, № 4 (116), с. 125] (в нативной рекламе новой коллекции креативного директора Louis Vuitton Николя Жескьера использован трансформированный моностих В. Брюсова «О закрой свои бледные ноги») и др.

Трансформированные интертекстемы в заголовках, как и нетрансформированные, выступают видом цитатного письма и являются средством повышения экспрессивности текста нативной рекламы, игры со смыслом. Трансформациям в нативной рекламе журнала «Tatler» подвергаются претексты разных сфер-источников: «Фольклор» (субсфера «Словесное народное творчество»), «Литература» (субсферы «Зарубежная проза», «Отечественная проза», «Отечественная лирика»), «Кино» (субсферы «Мультипликационные фильмы», «Советские фильмы и сериалы»), «Музыкальная культура» (субсфера «Популярная музыка»), «Телевидение» (субсферы «Музыкальные телефильмы», «Телепередачи»).

3.3. Прецедентные имена как средства интертекстуальности текстов нативной рекламы

К средствам интертекстуальности и ядерным единицам рекламных сообщений нативной рекламы относим ряд прецедентных имен, которые «имеют мировую известность и входят в общечеловеческое когнитивное пространство» [Кушнерук, 2009, с. 146]. К проприальным единицам, которые редко встречаются в прямой печатной рекламе анализируемого журнала, но регулярно фигурируют в нативной, можно отнести мифонимы разных семантических групп: мифоантропонимы, мифозоонимы, спеллонимы и теонимы. Например: *Минос* — мифоантропоним, один из трех сыновей Зевса и Европы, легендарный царь «столицы» Древнего Крита — Кносса [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 152]; *Минотавр* (мифозооним, чудовище с телом человека и головой быка по имени Астерий, живший

CC BY

на Крите) [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 153], *Баба-Яга* (спеллоним, уродливая старуха, наделенная магической силой) [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 149], *Юнона* (теоним, богиня брака и рождения, семьи и семейных постановлений, материнства, женщин и женской производительной силы) [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 679] и др. Мифонимы включают конкретное рекламное сообщение в текстовое пространство сюжетов греко-римских, славянских и др. мифов, произведений фольклора. Фигурируя в заголовке или в основной части нативной рекламы, мифонимы выполняют смыслообразующую функцию, частично выражая свои историко-информационные и культурно-символические коннотации. Например: *Баба-яга снова в седле* [Tatler, май 2019, № 5, с. 129]. В контексте нативной рекламы фильма «Джон Уик-3» спеллоним *Баба-яга* актуализирует не семы ‘колдовство, волшебство’, ‘лес’, ‘похитительница’, ‘дарительница’ (как в восточнославянских сказках), а ‘проводник душ в царство мертвых’, поскольку адресат знает, что *Баба-яга* в фильме — прозвище киллера. Или: *Павлин — любимое создание Юноны*, *супруги римского бога Юпитера* [Tatler, апрель 2021, № 4 (152), с. 117]. В контексте нативной рекламы часов бренда «Bulgari» (стилизуется как «Bvlgari»), на скелетированнном корпусе которых имеется аппликация в виде павлиньего пера, теоним *Юнона* актуализирует семы ‘женственность’, ‘привлекательность’, ‘нежность’, хотя в римской мифологии Юнона обладала решительным, суровым нравом, был ревнива, порой беспощадна.

Собственные имена лиц, оставивших свой след в истории: *Симонетта Веспуччи* (считалась первой красавицей флорентийского Ренессанса, за свою красоту получила прозвище *Несравненной*), *Цезарь* (древнеримский государственный и политический деятель, полководец); *Георг V* (король Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии); *Мария Текская* (супруга Георга V, бабушка царствующей королевы Елизаветы II) и др. Например: *Симонетта Веспуччи, героиня «Татлера» времен Ренессанса, имела связь с Джулиано Медичи. Поэтому на портрете она в медальоне с камеей, принадлежавшей могучей флорентийской семье* [Tatler, сентябрь 2019, № 9 (133), с. 157] (нативная реклама украшений бренда MESSIKA); *В память о супруге Георга V Марии Текской, которая меняла камни в украшениях под цвет платьев, к части колье, браслетов и серег сделаны дополнительные элементы* [Tatler, май 2021, № 5 (153), с. 76] (нативная реклама ювелирного дома GARRARD). Включаясь в основной текст нативного рекламного сообщения, имена этой группы выступают средствами репрезентации исторического фона, создания флера эпохи, косвенно связанной с рекламируемым объектом. В контексте проприальные имена реальных исторических персонажей реализуют часть своих дифференциальных признаков

CC BY

(*Симонетта Веспуччи* — ‘внешняя привлекательность’, ‘знатность’, *Мария Текская* — ‘высокое социальное положение’, ‘страсть к красивым вещам’) и выполняют эстетическую функцию. За счет актуализации положительных характеристик исторических личностей, их идеализации тексты нативной рекламы регулярно получают следующие смысловые приращения: «эксклюзивный характер», «качественность», «благородство», «элитарность», «европейская изысканность».

Прецедентные имена второй группы встречаются и в составе прагматонимических единиц. При этом информационно-культурный фон, связанный с проприальным именем, настолько силен, что адресат однозначно ассоциирует имя с конкретной исторической личностью. Например: *Греют душу. Всю зиму старейший российский меховой Дом «Меха Екатерины» намерен развлекать клиентов капсульными коллекциями из рыси, соболя, норки, куницы, лисы, песца, белки* [Tatler, декабрь 2020, № 12, с. 105]. Прагматоним «Меха Екатерины» явно отсылает к фигуре Екатерины II, для которой костюм и его элементы всегда были неким эзоповым языком. Так, знаменитый суконный красный кафтан на меху, украшенный золотой вышивкой и расшитый застежками-«бранденбургами», высокая соболиная шапка с красным шлыком и кисточкой на картине М. Шибанова 1787 года стали декларацией политических и военных намерений императрицы относительно запорожцев и Речи Посполитой. Безусловно, подобный историко-культурный контекст не в полном объеме реализуется в рекламном тексте. Это и не требуется. Достаточно того, что прецедентное имя в прагматониме, взаимодействуя с контекстом, актуализирует семы ‘роскошь’, ‘эксклюзивность’.

Значительный пласт как в нативной коммерческой печатной рекламе журнала «Tatler», так и в прямой составляют единичные антропонимы с аллюзивной функцией, называющие известных людей современности в сфере шоу-бизнеса и искусства, в основном актеров и моделей: *Клеманс Поэзи*, *Кира Найтли*, *Лив Тайлер*, *Кейт Бланшетт, Хейли Клаусон*, *Джиджи Хадид*, *Анна Эверс*, *Джейми Бочерт*, *Антонина Петкович* и др. Например: *В Shiseido говорят, что если использовать крем дважды в день, то через месяц можно будет, как актриса* ***Клеманс Поэзи***, *лицо Benefiance, выходить в свет с чисто символическим макияжем* [Tatler, апрель 2019, № 4 (128), с. 124] (нативная реклама крема от японского бренда *Shiseido*); *Представлять помады доверили* ***Каре Делевинь*** [Tatler, апрель 2019, № 4 (128), с. 123] (нативная реклама серии помад марки *Dior*). Подобные единичные аллюзивные имена известных людей современности выполняют суггестивную функцию. Авторитет упоминаемого лица настолько высок, что включение имени в текст является гарантией высокого качества и надежности товара.

CC BY

В нативных сообщениях с аллюзивными антропонимами реализуются сразу две стратегии воздействия:

— стратегия свидетельств, благодаря которой возникает психологический эффект доверия (эта стратегия популярна и в прямой коммерческой рекламе);

— стратегия антимассовости объекта рекламы, адресованности его ограниченному кругу лиц высокого социального и финансового положения (актуализируется стереотип «дорогой товар = эксклюзивный товар»).

В нативной коммерческой рекламе, как и в прямой, аллюзивную природу имеет и целый ряд прагматонимических единиц отантропонимического способа номинации: *Ralph Lauren* (от имени и фамилии американского модельера, дизайнера и предпринимателя Ральфа Лорена), *LOUIS VUITTON* (от имени и фамилии основателя французского торгового дома Луи Виттона), *PRADA* (от фамилии основателя бренда Марио Прада), *GUCCI* (от фамилии основателя итальянского модного дома Гуччио Гуччи), *Alexander McQUEEN* (от имени и фамилии английского дизайнера одежда Александра Маккуина), *PHILIPP PLEIN* (от имени немецкого модельера Филиппа Плейна), *FENDI* (от фамилии Эдуарда Фенди, мужа основательницы итальянского дома моды Адель Касагранде), *Cartier* (от фамилии Луи-Франсуа Картье, основавшего свой ювелирный дом в Париже в 1847 году), *VALENTINO* (от имени итальянского дизайнера Валентино Гараани), *DOLCE&GABBANA* (от фамилий основателей итальянского модного дома Доминико Дольче и Стефано Габбана), *MICHAEL KORS* (от имени и фамилии американского дизайнера Майкла Корса), *TOM FORD* (от имени и фамилии американского дизайнера Тома Форда), *Narciso Rodriguez* (от фамилии и имени американского модельера кубинского происхождения Нарсисо Родригеса), *RICHARD MILLE* (от имени и фамилии основателя швейцарского часового бренда Ришара Милля), *LORO PIANA* (от фамилии семьи-основателей итальянской компании по производству одежды из шерсти кашемира класса люкс) и др. Для графико-фонетического облика таких ономастических единиц характерно использование латиницы. Подобные прагматонимы представляют собой собственные имена-глобализмы, которые, во-первых, появились вследствие распространения транснациональной рекламы, создающей глобальную культурную модель общества, в котором национальная идентичность уже оказывается размытой; а во-вторых, как показывают данные свободного ассоциативного эксперимента О. С. Фоменко, обладают значительным ассоциативным потенциалом, вызывая в сознании носителя языка определенные образы и представления [Фоменко, 2008, с. 69—70]. Прагматонимы-глобализмы в латинской графике выступают языковым средством и привлечения вни-

мания реципиента (аттрактивная функция), и увеличения воздействующего потенциала нативного рекламного сообщения, обеспечивающего некритичное восприятие информации адресатом (суггестивная функция).

К прецедентным единицам нативной рекламы журнала «Tatler» можно отнести и некоторые хештеги, вербальная часть которых представляет слово или сочетание слов, отсылающих адресата к прецедентным текстам из сферы-источника «Музыкальная культура» (субсфера «Популярная музыка»): *Каждая пара пронумерована, на стельке — хештег* ***#балет***, ***#маэстро*** *или* ***#миллионалыхроз*** (нативная реклама капсульной коллекции обуви в «Эконике») [Tatler, май 2019, № 5 (129), с. 116]. Используемые в рекламе хештеги *#балет, #маэстро, #миллионалыхроз* прочно ассоциируются в сознании реципиента с репертуаром А. Б. Пугачевой и вводятся с целью показать адресату, что в создании коллекции принимала участие Примадонна советской и российской эстрады. Они выполняют аттрактивную и суггестивную функции, выступая средством создания эффекта доверия.

4. Заключение = Conclusions

Как показал выполненный анализ фактического языкового материала, нативная реклама журнала «Tatler» обнаруживает богатую мозаику интертекстем эксплицитной и имплицитной степени выраженности, а также совокупность прецедентных имен: цитаты зарубежных модельеров, моделей, актеров театра и кино, бизнесменов и т. д. из мемуаров, интервью, аккаунтов социальных сетей и др.; трансформированные и нетрансформированные текстовые аппликации из субсфер-источников типа «Классическая музыка», «Популярная музыка», «Советские фильмы и сериалы», «Музыкальные телефильмы», «Телепередачи», «Зарубежная проза», «Отечественная проза», «Отечественная лирика» и др.; мифологические имена различных семантических групп; проприальные имена лиц, оставивших свой след в европейской истории; единичные аллюзивные антропонимы, именующие известных людей современности в сфере шоу-бизнеса и искусства; прагматонимические единицы отантропонимического способа номинации и, соответственно, аллюзивной природы; хештеги с аллюзивной функцией.

Интертекстемы и прецедентные имена характеризуются полифункциональностью в нативной рекламе. Они выполняют информативную, аттрактивную, экспрессивную, суггестивную, композиционно-игровую, смыслообразующую и иные функции.

Частотное использование трансформированных и нетрансформированных интертекстем в заголовках нативной рекламы, графическое оформление цитат выделяющими знаками препинания, указание на источник сообщения подчеркивают гибридный характер нативной рекламы, обнару-

CC BY

живающей связь с прямой коммерческой рекламой, социальной рекламой, публицистическими текстами.

Очевидно, что цель интертекстуальности как коммуникативно-прагматического феномена текстов нативной рекламы — создать такое «внутреннее повествовательное пространство» (перевод наш. — *О. С.*) [Wetzel, 2020, с. 265], которое разделит потенциальный потребитель, декодировав сообщение с опорой на имеющиеся фоновые знания и стереотипы восприятия. Система интертекстуальных включений нативной рекламы журнала «Tatler» наряду с интертекстуальностью прямой рекламы и всего контента информационно-развлекательного характера (психологические статьи, заметки о путешествиях, интервью знаменитостей, консультации по моде и стилю и т. д.) направлена на конструирование идеального «Татлеровского мира» роскоши и богатства, на поддержание мифа о существовании в этом мире особого «Татлеровского человека» — человека социально преуспевающего, ценящего концепцию индивидуализированного и деликатного ухода, выступающего в качестве образца для подражания. Образ этого идеального персонажа «Татлеровского мира» основывается, вероятно, на традиционных женских и мужских архетипических образах Короля и Королевы, которые демонстрируют уверенность в своих силах, управляют другими людьми и событиями, всегда находится в центре внимания. «Татлеровский человек» становится инструментом формирования социально-статусной идентичности адресата рекламного сообщения, а именно: стиля жизни, поведенческих аспектов, ценностно-нормативных и материально-экономических установок, связанных с потреблением товаров, которые маркируют социальную принадлежность.

Источники

1. *Tatler*. — Февраль 2018. — № 2. — 156 с.
2. *Tatler*. — Апрель 2018. — № 4. — 204 с.
3. *Tatler*. — Сентябрь 2019. — № 9. — 216 с.
4. *Tatler*. — Октябрь 2019. — № 10. — 205 с.
5. *Tatler*. — Январь 2020. — № 1. — 149 с.
6. *Tatle*r. — Декабрь 2020. — № 12. — 168 с.
7. *Tatle*r. — Апрель 2021. — № 4. — 180 с.
8. *Tatler*. — Май 2021. — № 5. — 144 с.

Литература

1. *Анисимова Т. В.* Особенности интертекстуальности в российской социальной рекламе / Т. В. Анисимова, С. А. Чубай // Мир русского слова. — 2019. — № 2. — С. 49—59. — DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12049.

2. *Белозерова Н. Н.* Интегративная поэтика : монография / Н. Н. Белозерова. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 1999. — 205 с. — ISBN 5-88081-147-6.

3. *Быкова Е. В.* Нативная реклама : речевые особенности презентации информации / Е. В. Быкова // Медиалингвистика. — 2018. — Том 5. — № 4. — С. 534—544. — DOI: 10.21638/spbu22.2018.411.

4. *Должич Е. А.* Межтекстовые связи и способы их маркирования в испанском научном дискурсе / Е. А. Должич // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». — 2010. — № 4. — С. 31—35.

5. *Кристева Ю.* Избранные труды : Разрушение поэтики / Ю. Кристева. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2004. — 656 с. — ISBN 5-8243-0500-5.

6. *Кушнерук С. Л.* Прецедентные имена как актуализаторы текстовых миров в рекламе / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 145—147.

7. *Мифы* народов мира. Энциклопедия : в 2-х тт. / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — Том 1. А–К. — 672 с. — ISBN 5-85270-161-0.

8. *Мифы* народов мира. Энциклопедия : в 2-х тт. / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — Том 2. К–Я. — 720 с. — ISBN 5-85270-108-4.

9. *Олизько Н. С.* Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта) : монография / Н. С. Олизько. — Челябинск : Энциклопедия, 2007. — 158 с. — ISBN 978-5-91274-015-2.

10. *Селеменева О. А.* Синтаксис нативных рекламных публикаций в глянцевой периодике / О. А. Селеменева // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 159—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-20202-10-159-171.

11. *Терских М. В.* Интертекстуальность как инструмент создания креативной рекламы / М. В. Терских // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 232—248. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-232-248.

12. *Фоменко О. С.* Прагматонимы-глобализмы как объект междисциплинарного исследования / О. С. Фоменко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2008. — № 7 (31). — С. 66—70.

13. *Чернявская Е. В.* Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации / Е. В. Чернявксая. — Санкт-Петербург : Издательство СПб ГУЭФ, 1999. — 209 с. — ISBN 5-7310-1037-4.

14. *Allen G.* Intertextuality. 3th Edition / G. Allen. — London : Routledge, 2021. — 270 p. — ISBN 9781003223795.

15. *Genette G.* Figures I / G. Genette. — Paris : Aux Éditions du Seuil, 1966. — 272 p. — ISBN 9782020044172.

16. *Guell M.* A la llum de la intertextualitat : Maragallpasseur de la literaturafrancesax / M. Guell // Haide Estudis Maragallians. — 2020. — Vol. 9. — Pp. 151—167. — DOI: 10.48284/Haide2020.9.8.

17. *Hitchon J. C.* Allegorically speaking : Intertextuality of the postmodern culture and its impact on print and television advertising / J. C. Hitchon, J. O. Jura // Communication Studies. — 1997. — Vol. 48. — Iss. 2. — Pp. 142—158. — DOI: 10.1080/10510979709368497.

18. *Kalenych V.* Cognitive and communicative pragmatic parameters of intertextuality in mass media / V. Kalenych // Psycholinguistics. — 2020. — Vol. 27. — Iss. 2. — Pp. 155—173. — DOI: 10.31470/2309-1797-2020-27-2-155-173.

19. *Kaźmierczak M.* Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case “Literatures of Smaller Nations” / M. Kaźmierczak // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Vol. 23 (2). — Pp. 362—382. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-362-382.

20. *Kholboboeva A.* Linguacultural aspects of rhetoric discourse in tourism advertising / A. Kholboboeva // Philology Matters. — 2021. — Vol. 36 (1). — Pp. 89—106. — DOI: 10.36078/987654479.

21. *Qayyum N.* Intertextuality as a Catalyst for Ideology Formation : A Study of Media Discourse Dynamics / N. Qayyum // International Journal of English Linguistics. — 2019. — Vol. 9. — № 3. — Pp. 249—259. — DOI: 10.5539/ijel.v9n3p249.

22. *Schauster E.* Native Advertising Is the New Journalism : How Deception Affects Social Responsibility / E. Schauster, P. Ferrucci, M. Neill // American Behavioral Scientist. — 2016. — Vol. 60. — Iss. 12. — Pp. 1408—1424. — DOI: 10.1177/0002764216660135.

23. *Stubbs M.* Text, intertext and meaning : With illustrations from Conan Doyle's stories about Sherlock Holmes / M. Stubbs // Variation in Time and Space : Observing the World through Corpora / Eds. A. Cermakova, M. Mala. — Berlin : De Gruyter, 2020. — Pp. 37—63. — DOI: 10.1515/9783110604719-003.

24. *Taylor C. R.* The future of advertising research : new directions and research needs / C. R. Taylor, L. Carlson // Journal of Marketing Theory and Practice. — 2021. — Vol. 29. — Iss. 1. — Pp. 51—62. — DOI: 10.1080/10696679.2020.1860681.

25. *Vater H.* Einführung in die Textlinguistik : Struktur, Thema und Referenz in Texten / H. Vater. — München : Fink Verlag, 1992. — 206 p.

26. *Wetzel P. J.* Intertextuality in Japanese advertising : The semiotics of shared narrative / P. J. Wetzel // Pragmatics and Beyond New Series. — 2020. — Vol. 314. — Pp. 265—281. — DOI: 10.1075/pbns.314.12wet.

27. *Wojdynski B.* Native Advertising and the Future of Mass Communication / B. Wojdynski, G. Golan // American Behavioral Scientist. — 2016. — Vol. 60 (12). — Pp. 1403—1407. — DOI: 10.1177/0002764216660134.

Material resources

Tatler. (2018). *February, 2:* 156 p.
Tatler. (2018). *April, 4:* 204 p.
Tatler. (2019). *September, 9:* 216 p.
Tatler. (2019). *October, 10:* 205 p.
Tatler. (2020). *January, 1:* 149 p.
Tatler. (2020). *December, 12:* 168 p.
Tatler. (2021). *April, 4:* 180 p.
Tatler. (2021). *May, 5:* 144 p.

References

Allen, G. (2021). *Intertextuality.* 3th Edition. London: Routledge. 270 p. ISBN 9781003223795.

Anisimova, T. V., Chubai, S. A. (2019). Features of intertextuality in Russian social advertising. *The world of the Russian word, 2:* 49—59. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12049. (In Russ.).

Belozerova, N. N. (1999). *Integrative poetics: monograph.* Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 205 p. ISBN 5-88081-147-6. (In Russ.).

Bykova, E. V. (2018). Native advertising: speech features of information presentation. *Media linguistics, 5 (4):* 534—544. DOI: 10.21638/spbu22.2018.411. (In Russ.).

Chernyavskaya, E. V. (1999). *Intertextual interaction as the basis of scientific communication.* Saint Petersburg: Publishing House SPb GUEF. 209 p. ISBN 5-7310-1037-4. (In Russ.).

Dolzhich, E. A. (2010). Intertextual connections and ways of marking them in the Spanish scientific discourse. *Bulletin of the RUDN. Series "Linguistics", 4:* 31—35. (In Russ.).

Fomenko, O. S. (2008). Pragmatonyms-globalisms as an object of interdisciplinary research. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 7 (31):* 66—70. (In Russ.).

Genette, G. (1966). *Figures I.* Paris: Aux Éditions du Seuil. 272 p. ISBN 9782020044172. (In Franc.).

Guell, M. (2020). A la llum de la intertextualitat: Maragallpasseur de la literaturafrancesax. *Haide Estudis Maragallians, 9:* 151—167. DOI: 10.48284/Haide2020.9.8. (In Franc.).

Hitchon, J. C., Jura, J. O. (1997). Allegorically speaking: Intertextuality of the postmodern culture and its impact on print and television advertising. *Communication Studies, 48 (2):* 142—158. DOI: 10.1080/10510979709368497.

Qayyum, N. (2019). Intertextuality as a Catalyst for Ideology Formation: A Study of Media Discourse Dynamics. *International Journal of English Linguistics, 9 (3):* 249—259. DOI: 10.5539/ijel.v9n3p249.

Kalenych, V. (2020). Cognitive and communicative pragmatic parameters of intertextuality in mass media. *Psycholinguistics, 27 (2):* 155—173. DOI: 10.31470/2309-1797-2020-27-2-155-173.

Kaźmierczak, M. (2019). Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case "Literatures of Smaller Nations". *Russian Journal of Linguistics, 23 (2):* 362—382. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-362-382.

Kholboboeva, A. (2021). Linguacultural aspects of rhetoric discourse in tourism advertising. *Philology Matters, 36 (1):* 89—106. DOI: 10.36078/987654479.

Kristeva, Yu. (2004). *Selected works: The Destruction of Poetics.* Moscow: Russian Political Encyclopedia. 656 p. ISBN 5-8243-0500-5. (In Russ.).

Kushneruk, S. L. (2004). Precedent names as actualizers of text worlds in advertising. *Political Linguistics, 4 (30):* 145—147. (In Russ.).

Olizko, N. S. (2007). *Intertextuality of postmodern artistic discourse (based on the work of J. Barth): monograph.* Chelyabinsk: Encyclopedia. 158 p. ISBN 978-5-91274-015-2. (In Russ.).

Schauster, E., Ferrucci, P., Neill, M. (2016). Native Advertising Is the New Journalism: How Deception Affects Social Responsibility. *American Behavioral Scientist, 60 (12):* 1408—1424. DOI: 10.1177/0002764216660135.

Selemeneva, O. A. (2020). Syntax of native advertising publications in glossy periodicals. *Nauchnyj dialog, 10:* 159—171. DOI: 10.24224/2227-1295-20202-10-159-171. (In Russ.).

Stubbs, M. (2020). Text, intertext and meaning: With illustrations from Conan Doyle's stories about Sherlock Holmes. In: *Variation in Time and Space: Observing the World through Corpora.* Berlin: De Gruyter. 37—63. DOI: 10.1515/9783110604719-003.

Taylor, C. R., Carlson, L. (2021). The future of advertising research: new directions and research needs. *Journal of Marketing Theory and Practice, 29 (1):* 51—62. DOI: 10.1080/10696679.2020.1860681.

Terskikh, M. V. (2019). Intertextuality as a tool for creating creative advertising. *Nauchnyj dialog, 10:* 232—248. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-232-248. (In Russ.).

Tokarev, S. A. (ed.). (1998). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes, 1. A-K.* Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 672 p. ISBN 5-85270-161-0. (In Russ.).

Tokarev, S. A. (ed.). (1998). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes, 2. K-Ya.* Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 720 p. ISBN 5-85270-108-4. (In Russ.).

Vater, H. (1992). *Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten.* München: Fink Verlag. 206 p.

Wetzel, P. J. (2020). Intertextuality in Japanese advertising: The semiotics of shared narrative. *Pragmatics and Beyond New Series, 314:* 265—281. DOI: 10.1075/pbns.314.12wet.

Wojdynski, B., Golan, G. (2016). Native Advertising and the Future of Mass Communication. *American Behavioral Scientist, 60 (12):* 1403—1407. DOI: 10.1177/0002764216660134.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021,
одобрена после рецензирования 06.03.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Виктория Николаевна Егорова, преподаватель (Нижний Новгород)
Виктория Юрьевна Лебедева, канд. филол. наук (Елец)
Галина Игоревна Лушникова, д-р филол. наук (Симферополь)
Елизавета Алексеевна Власова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Станиславовна Сухих, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)
Полина Дмитриевна Казакова, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Александровна Шарыпина, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Юрьевна Осадчая, канд. пед. наук (Севастополь)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Богданова О. В. В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 258—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). In Search of Self-Knowledge (Intertext of I. Brodsky's Poem "The Procession"). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 258-281. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281

В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие»)

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук,
профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-01671
(Русская христианская
гуманитарная академия)

In Search of Self-Knowledge (Intertext of I. Brodsky's Poem "The Procession")

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 22-28-01671
(Russian Christian Academy
for the Humanities)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на материале «поэмы-мистерии» И. Бродского «Шествие» (1961) прослежены интертекстуальные связи-отсылки, которые позволяют проникнуть в глубинные пласты поэмы, увидеть за ее сюжетом не историю любовного разочарования (И. В. Романова) или мотивы балаганной комедии dell'arte (Е. Э. Фетисова), но философские размышления о времени, о жизни и смерти (жизни-смерти). Интертекстуальность в «Шествии» выходит за пределы литературы: композиционная структура поэмы опосредована влиянием джазовых вариаций и блюзовых повторов. Как музыкальный претекст «Шествия» атрибутируется классика Ленинградского диксиленда «When the saints go marching in…», согласно джазовой гармонии которой формируется сюжетный стержень поэмы — череда зонгов-голосов, вариантов-импровизаций гамлетовской темы «Быть или не быть?» («жизнь / смерть»), обретая у Бродского субъективный вариант «смерть приходит словно в первый раз…» «Вихревая» композиция, опосредованная ритмами джаза, позволяет Бродскому провести героя через все круги дантева «Ада», в финале поэмы приблизив к «Чистилищу» и дав возможность пройти инициацию, оказаться в числе «посвященных». Герой не достигает высот «Рая», но ему даровано «ровное дыхание [стиха]», эксплицирующее представление о вечном жизненном шествии к недостижимой мировой гармонии.

Ключевые слова:
И. А. Бродский; Шествие; интертекст; джаз-композиция; образно-мотивная система; философский ракурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

In the article, based on the material of the "mystery poem" by I. Brodsky "The Procession" (1961), intertextual links are traced that allow us to penetrate into the deep layers of the poem, to see behind its plot not the story of a love disappointment (I. Romanova) or the motives of the farcical comedy dell'arte (E. Fetisova), but philosophical reflections on time, on life and death (life-death). The intertextuality in "The Procession" goes beyond literature: the compositional structure of the poem is mediated by the influence of jazz variations and blues repetitions. As a musical pretext of "The Procession", the classic of the Leningrad dixieland "When the saints go marching in..." is attributed. According to the jazz harmony the plot of the poem is formed as a series of zongs-voices, variants-improvisations of Hamlet's theme "To be or not to be?" ("life / death"), which in Brodsky's poem received a subjective version: "death comes as if for the first time..." The "vortex" composition, mediated by the rhythms of jazz, allows Brodsky to lead the hero through all the circles of Dante's "Hell", bringing him closer to "Purgatory" in the final poem and giving him the opportunity to pass initiation, to be among the "initiates". The hero does not reach the heights of "Paradise", but he is granted "even breath [verse]", explicating the idea of an eternal life march to an unattainable world harmony.

Key words:
I. Brodsky; "The Procession"; intertext; jazz composition; figurative-motivic system; philosophical perspective.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Бродский.07

В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие»)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2022

1. Введение = Introduction

В современном отечественном и мировом литературоведении достаточно широко обсуждается проблема интертекстуальности, аллюзийного диалога различных текстов, попытка выявить в художественной наррации следы претекстуальных вкраплений. Актуализация подобных ракурсов анализа позволяет пристальнее вглядеться в поэтический мир художника, обнажить множественные пласты его творческого миромоделирования.

Проблемы интертекстуальности применительно к поэзии (шире — творчеству) Иосифа Бродского рассматриваются в литературоведении (критике), как правило, спорадически, попутно, носят исключительно локальный характер [Ахапкин, 2009; Лосев, 2008; Петрушанская, 2004; Плеханова, 2002; Kline, 1977; Pilshikov, 1993; Polukhina, 1989, 1995; Smith, 2005; Stevanovic, 1987 и др.]. В данной статье нами впервые предпринята попытка заглянуть в глубинные пласты поэмы Бродского «Шествие», выявить ее множественные интертекстуальные переклички-отсылки с целью преодолеть инерцию восприятия поэмы, выявить ее завуалированные претекстуальные слагаемые, обозначить контуры прототипической структуры и, в итоге, эксплицировать новые смысловые ракурсы необычайно сложной и трудно воспринимаемой поэмы Бродского.

В ходе предлагаемого анализа интертекстуальность обретает приоритетную значимость, ибо апелляция к ней порождает новые коды восприятия текста Бродского, его многовекторных интерпретаций, предлагает нововыявленную парадигму поэтико-семантических нюансов. В контексте (мета)интертекстуальных пересечений и наложений образы, мотивы, характеры поэмы Бродского «Шествие» обрастают новыми коннотациями, генерируют семантическую перекодировку.

Объектом исследования в предлагаемой статье становится «Шествие» (1961) Иосифа Бродского — «поэма-мистерия в двух частях-актах и в 42-х главах-сценах» [Бродский, 1998, с. 79]. Предмет исследования — интертекстуальные пласты поэмы, отражающие мистический опыт центрального персонажа (персонажей) и поэтически переосмысленный реальный опыт автора-создателя.

CC BY

Новизна настоящей работы состоит в том, что в ней впервые поэма Бродского «Шествие» не интерпретируется в рамках мотивов истории любовного разочарования [Романова, 2010] или балаганной комедии dell'arte [Фетисова, 2017], а встраивается в контекст онтологических основ авторского — бытийного — мировидения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На материале поэмы Бродского «Шествие» в статье использованы историко-сопоставительный и структурно-типологический методы, эксплуатируются поливалентные стратегии интертекстуального подхода.

О «поэме-мистерии в двух частях-актах и в 42-х главах-сценах» Бродского говорят многие исследователи, однако мало кто обращается к непосредственному текстуальному анализу «Шествия». Как правило, критики ограничиваются указанием на трагический пафос поэмы, говорят о «настойчивых мотивах смерти» [Гордин, 2010, с. 161], а те немногие, кто пишет в прямой опоре на текст «Шествия», предлагают несколько облегченные и далекие от Бродского интерпретации. Так, И. В. Романова видит поэму Бродского следующим образом: «Завязка фабулы поэмы-мистерии представлена в самом начале первой части: герой теряет свою любовь. <…> Потеряв любовь, он решает, как теперь жить и жить ли вообще <…> От этого выбора будет зависеть, как он справится с душевной драмой, что и составит развязку фабулы» [Романова, 2010, с. 100]. В представлении исследователя, «финал поэмы расставляет все точки над "i"»: «Три месяца герой переживал свою драму и метался в поисках выхода. Три месяца он шествовал в своем воображении вместе с условными персонажами, рассуждающими о жизни. Результатом всего этого стало душевное спокойствие. Герой осуществил свой, оригинальный выбор: он написал поэму. Его мучительное любовное чувство сублимировалось в творчество» [Романова, 2010, с. 100].

В работе Е. Э. Феоктистовой, тоже непосредственно обращенной к тексту «Шествия», ставится задача «в преломлении к неоакмеистической парадигме рассмотр<еть> <…> поэтику, хронотоп, композицию практически неисследованной поэмы-мистерии "Шествие"» [Феоктистова, 2017, с. 109]. Однако итоговое наблюдение, к которому приходит исследователь, во-первых, слишком общее: «Мистерия И. Бродского — это причудливый синтез античной драмы (пролог, монолог, эпилог, интермедия), средневековой мистерии (жанр "романса", куртуазная тональность) и итальянской комедии "dell'arte"» [Феоктистова, 2017, с. 109]; во-вторых, требующее коррекции и уточнения (например, ни пролог, ни монолог, ни эпилог не могут быть атрибутированы как признаки античной драмы, точнее — тра-

CC BY

гедии). Выводы Е. Э. Феоктистовой можно существенно дополнить, назвав, в частности, другие очевидные претексты Бродского — «Балаганчик» А. Блока или «Поэму без героя» А. Ахматовой, см. об этом: [Ахапкин, 2021, с. 57]. В результате жанровые доминанты дефиниции, предложенной Е. Э. Феоктистовой, окажутся смещенными. Другими словами, на наш взгляд, поэма Бродского «Шествие» пока так и остается вне рамок серьезного научного исследования, что дает основание задуматься над ее текстом основательнее.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мистерия петербургского Аида

Прежде всего следует вспомнить, что в момент работы над поэмой Бродскому был только 21 год. Но, как отмечают друзья поэта, близко его знавшие (Я. Гордин [Гордин, 2010], Л. Лосев [Лосев, 2008]), именно этот период был связан у него с глубинным осмыслением темы смерти, осознанием трагизма человеческого существования. И, как можно предположить, не любовная тематика, но философская направленность размышлений составляет ядро поэмы-мистерии, в которой по «тротуарам» «вечного города» [Бродский, 1998, с. 67] — Петербурга-Петрограда-(Ленинграда) — проходит странное шествие видений-героев, теней-страстей, образов-архетипов. Бродский исходно предлагает емкую поэтическую метафору, которую будет реализовывать в ходе повествования: «Вот так всегда, — куда ни оглянись, / проходит за спиной толпою жизнь…» [Бродский, 1998, с. 83], где «толпа» — человеческие мысли, страсти, персонифицированные видения.

В атмосфере «вечного города» и мистически «вечного» движения герой-повествователь фактически берет на себя роль проводника по царству теней — принимает на себя роль Харона [Бродский, 1998, с. 113]:

Ступай, ступай, печальное перо,
куда бы ты меня ни привело,
болтливое, худое ремесло,
в любой воде ***плещи мое весло*** [Бродский, 1998, с. 82].

Петербург-Петроград — не столько собственно город, сколько некая ощутимая часть незримого и мистически бесконечного пространства. Именование города (на тот момент Ленинграда) удаленными во времени названиями (*Петроград → Петербург*) указывает путь-вектор в неизвестность, в доименное пространство «тьмы лесов» и «топи блат». Город-пространство предстает в поэме Бродского царством Аида, почти потусторонним миром, в котором ни разу ни в одной из 42 глав не появляется солнце, но

CC BY

постоянно льет непрекращающийся дождь (почти библейские «небесные хляби»). Контурный облик сумрачного и сумеречного города-пространства сформирован штрихами-впечатлениями от оград и ворот [Бродский, 1998, с. 88, 89 и др.], дворов-колодцев, узких улочек и тупиков, порождающих представление о запутанных лабиринтах «пустого» [Бродский, 1998, с. 89] и таинственно мистического межпутья — в «никуда» и в «никогда».

Тени прошедшей жизни выстраивают «за спиной» героя событийный (и персонифицированный) ряд ступеней жизненного (бытийного) познания. Образы-тени прочерчивают условный сюжет, ориентируют композиционное построение «в сторону сюжетной системы» [Гордин, 2010, с. 198].

Нарратор-повествователь программно заявляет, что его не устраивает чужое, «книжное» («вот книжка на столе» [Бродский, 1998, с. 81]) знание о мире, наскучивший «разговорчик о добре и зле» [Бродский, 1998, с. 81], и он (= Харон) намерен предоставить лирическому герою знание о мире «из первых уст». Причем тот, во имя кого разворачивается шествие, с одной стороны, невидим в поэме, с другой — наличествует в ней («присутствует герой» [Бродский, 1998, с. 80]). Герой лишен права явления в тексте, даже права голоса (подобно Орфею в Аиде, получившему запрет оборачиваться):

Таков герой. В поэме он молчит,
Не говорит, не шепчет, ни кричит,
Прислушиваясь к возгласам других,
Не совершает действий никаких [Бродский, 1998, с. 80].

Автор отделяет образ лирического персонажа от образа повествователя-Харона (почти демиурга), порождая систему субъективного и объективного знания, вопроса и ответа, сомнения и утверждения. Лирический персонаж (явно неп(р)освященный) словно бы вводится в сакрально бесконечное пространство-время, проходит обряд посвящения и, как следствие, взросления. По верному замечанию Я. Гордина, «диалог для Бродского важен как метод взаимоотношения с миром» [Гордин, 2010, с. 204]. Однако в рамках поэмы эти взаимоотношения еще слабы, потому молчание и закулисность персонажа позволяют нарратору в какой-то момент определить его как «полугероя» [Бродский, 1998, с. 115], которому еще только предстоит стать героем.

Таким образом, в «Шествии» на первый план выходит ракурс познания мира и самопознания персонажа, «по случаю» [Бродский, 1998, с. 80] погруженного в сонм блуждающих теней («ведь мы и плоть и тень» [Бродский, 1998, с. 112]), способных поделиться знанием-истиной о жизни / смерти.

CC BY

3.2. Иронические нюансы бытийного «банала»

Размах замысленного Бродским шествия с первых строк поэмы эксплицирует бытийный масштаб возникающего перед героем вопроса, им постигаемого через рефлексии девятнадцати персонажей-теней. Поскольку в Предуведомлении Бродский актуализирует имя Шекспира и даже указывает более точно — на Гамлета («Прочие наставления — у Шекспира в “Гамлете”, в 3 акте» [Бродский, 1998, с. 79]), то становится ясно, что в контексте шекспировского «Гамлета» центральным вопросом окажется вопрос «Быть или не быть?». Именно на него в самом начале повествования укажет повествователь-Харон: «Осмелюсь полагать, за триста лет, / принц-Гамлет, вы придумали ответ, / и вы его изложите…» [Бродский, 1998, с. 81].

Имена Шекспира, Гамлета, Харона (включая и «*затекстового*» Платона с его философскими «Диалогами», в опоре на которые сформирована драматургия «Шествия») маркируют повествование, задавая вневременной масштаб поискам героя (и странствиям его наставника-проводника), высвобождая вечностную компоненту цели и направления незримого бытийного путешествия. Античные и средневековые прецедентные тексты мирового эпического наследия становятся для Бродского избранным ориентиром при выборе «основного способа познания мира» [Гордин, 2010, с. 200].

Однако вообразить, что двадцатиоднолетний Бродский предполагал написать неоклассицистическую эпическую поэму в духе Вергилия или Шекспира, было бы наивно. Молодой поэт воспользовался «каркасом», который предлагала ему мировая культура, но применил его особым способом. В значительной мере Бродский *травестировал* исходный образец. С одной стороны, он актуализировал знаменитую шекспировскую трагическую философему «Вся жизнь — театр», с другой — ему доставало опыта, чтобы признать, что сегодняшняя жизнь — не просто театр, но балаган («Балаганчик» — уже по Блоку) с героями-куклами, героями-масками, героями-амплуа. Потому традиция итальянского dell’arte, намеченная Е. Э. Феоктистовой [Феоктистова, 2017, с. 109—110], у Бродского скорее «русифицирована», точнее, «символизирована» — выведена не из традиции итальянского площадного представления, но из традиции символистской поэтики Серебряного века, из текстов Блока, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой и др.

Примеривая «одежды» классицистического эпоса к современности, Бродский смело смешивает высокое и низкое (высокое прошлое и низкое настоящее) и, наряду с именем Шекспира, во вводной ремарке Предуведомления словно бы шутя квалифицирует замысел: «Идея поэмы — идея персонификации представлений о мире, и в этом смысле *она — гимн банализ*» (курсив наш. — *О. Б.*, *Е. В.*) [Бродский, 1998, с. 79]. Бродский при-

CC BY

меняет «лекало» классики к современности, но не претендует на большее, чем на банальность. В целях «самооправдания» автор обращается к приему (само)иронии, намереваясь говорить о важном (хотя, может быть, и известном), понимая, насколько банальными могут выглядеть поиски его героя со стороны.

Включение имени Шекспира и лексемы «банал» в единый контекст вводной «афишки» порождает некоторый стилевой диссонанс, утверждая в мысли об иронии, привносимой автором в текст. При этом Бродский явно наследует стилистику «от противного» — по примеру известной лермонтовской «Благодарности»:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был… [Лермонтов, 1975, с. 84].

Бродский словно вторит Лермонтову, благодаря за то, за что благодарить невозможно:

Пора давно за все благодарить,
за все, что невозможно подарить
когда-нибудь, кому-нибудь из вас
и улыбнуться, словно в первый раз
в твоих дверях, ушедшая любовь,
но невозможно улыбнуться вновь [Бродский, 1998, с. 79].

Ритмический рисунок строк совпадает. Избранный Бродским в 1-й главе стихотворный размер отвечает лермонтовскому: пятистопный ямб (5Я). Как и в случае с именем Шекспира, оказавшимся рядом с «баналом», лермонтовское горькое «Устрой лишь так, чтобы тебя отныне / Недолго я еще благодарил» [Лермонтов, 1975, с. 84] у Бродского иронизируется обращением к ушедшей любви и погружением в современность: «Прощай, любовь, *когда-нибудь звони*» [Бродский, 1998, с. 79]. Минорное настроение лермонтовского героя сменяется почти бравадой героя Бродского, становясь не знаком горечи прощания с возлюбленной (как полагает И. В. Романова [Романова, 2010]), а мерой благодарности за преподнесенный ему *дар* (от «подарить») размышления, за пробужденную расставанием способность услышать и увидеть шествие «по тротуару» героев-мыслей.

CC BY

3.3. Музыкальные контуры поэмы

Заглавный образ поэмы «Шествие» (концепт *шествие*) и характер повествования в 1—3 сценах I-ой части позволяют говорить о важном композиционном приеме, который использует Бродский при контурировании поэмы. Уже в прологе обращают на себя внимание отчетливые повторы (например, концептуально настойчивый мотив «процессия по улице идет»), которые множатся, дробятся, прирастают, повторяются, возвращаются. Причем мотив повтора словно бы мультиплицируется: он находит реализацию и в звуке, и в букве, и в слове, и в слоге, и во фразе, и в речевом обороте, даже в повторении и вариациях частей строфы.

Звукопись «И *ш*ум до*ж*дя и вс*п*ы*ш*ки *с*игарет, / *ш*аги и *ш*орох утренних газет, / и *ш*елес*т* непроглаженных *ш*танин… <и т. п.>» [Бродский, 1998, с. 80] дополняется анафорическим многократным союзом / частицей ***И***, усиливается повтором отдельных словоформ (например, «кое-кто… кое-кто… кое-кто…» [Бродский, 1998, с. 80; и др.]), утрируется возвращением к одним и тем же реалиям («а меж домами…» [Бродский, 1998, с. 80, 81 и др.]), формирует одни и те же устойчивые образные ряды (например, *дождь*), которые отмечены грамматическими вариантами и смысловыми вариациями, и — множится и множится, возвращается и возвращается. Суммарность вариантов и вариаций, повторений и импровизаций, ритмических сдвигов и переходов наводит на мысль, что Бродский в тоническом отношении ориентируется на музыкальные образцы-формы.

О музыкальном сопровождении «Шествия» уже писали исследователи, в частности, Е. Петрушанская. Она сравнила музыку «Шествия» с «баховскими “Страстями”»: «Это шествие-восхождение персонажей-призраков (если не мертвецов), где чередуются сольные высказывания (“Романсы”-арии) с авторскими “комментариями”, а подчас <…> звучат “хоровые” высказывания <…>» [Петрушанская, 2004, с. 144].

Нельзя не довериться суждению специалиста-музыковеда. Однако, на наш взгляд, Бродский эксплуатирует в тексте поэмы не «архаичные» классические каноны (в том числе «романса» и «баллады», которые жанрово маркируют монологи его героев-теней — «Романс Арлекина» или «Баллада Лжеца», и др.), а ориентируется на более свободные музыкальные формы — джазовые вариации, блюзовые проигрыши, свинговые повторы, которые стилистически близки современности и не чужды пристрастиям повествователя (= автора).

Музыкальные вариации джазовых композиций, особая метрическая пульсация, дробление слов и составные рифмы помогают Бродскому оттенить (и отчасти оправдать) «банал» с его «повторами» / вариациями, представить «классику темы» в формах, родственных современности. Более

CC BY

того, даже название «Шествие» словно бы получает отзвук-оттенок названия известной джазовой композиции «Когда святые маршируют» («When the saints go marching in…»; *go marching in* — возможный перевод «шествуют»), весьма популярной и в течение долгих лет актуализированной в репертуаре «Ленинградского диксиленда», любимого Бродским. Тематические векторы выделенной джазовой композиции вполне соотносимы с поисками героя Бродского:

I am just a lonesome traveler,
Through this big wide world of sin;
Want to join that grand procession,
When the saint go marching in.
Oh when the saint go marching in,
Lord I want to be in that number
When the saint go marching in [When the saints …]

Герой джазовой композиции не только желает («по случаю») присоединиться к этой «grand procession», вступает в диалог с Высшими Силами, ища ответы на свои вопросы, но и прибегает к тем же ритмико-стилистическим приемам, что и герой-повествователь Бродского: All my folks… // All my friends…; When the saint go marching in… // When the saint go marching in…; When the sun refuse to shine… // When the moon has turned the blood…; и др. (анафоры, повторы, синтаксический параллелизм, свободный диалог, и др.). Подобно тому как джаз — история о жизни, расписанная разными красками, с юмором, с сантиментами, с иронией и меланхолией, с особым «драйвом», так и поэма Бродского обретает определенную джазовую архитектонику, когда ритмический рисунок речи / стиха напоминает джазовое «раскачивание», которое уподобляется медленному (пере)движению — шаг вперед и полшага назад.

Некоторые строки и строфы поэмы Бродского приобретают весьма оригинальный вид: их пошаговая соотнесенность допускает переход с одной строки на другую не последовательно, а через строку, посредством пере-шагивания, пере-ступания:

Радость или злобу сотри с лица,
орлик мой орлик, крылья на груди,
Жизни и Смерти нет конца,
где-нибудь на свете, лети, лети [Бродский, 1998, с. 100],

когда смысловая нить соединяет первую и третью строки («Радость или злобу сотри с лица, <…> Жизни и Смерти нет конца») и, соответственно,

CC BY

вторую и четвертую («орлик мой орлик, крылья на груди, <…> где-нибудь на свете, лети, лети»).

Некоторые строфы построены на джазовом «стыке», с перетеканием строки из финала одной строфы в начало следующей (так называемый «перенос»):

Я продолжаю. Начали. Вперед.
<Глава> 21
Вот шествие по улице идет [Бродский, 1998, с. 104].

Музыкальная транскрипция позволяет объяснить особенности речестилевого оформления текста: джазовые «шаг вперед / полшага назад» или «step by step» находят формальное отражение на уровне текстуального (и визуального) контурирования строф или их частей.

Джазовая тональность, спонтанная импровизация, прямое общение с героями и слушателями, в свою очередь, опосредуют и еще одну специфическую черту повествования поэмы: на фоне отточенных и пронзительно выверенных в звуковом отношении стихов Бродского начала 1960-х годов «Шествие», как может показаться, отличается некой неряшливостью речи, взломанностью языка, сбоем словесных конструкций, нарушением стилистических норм и проч. На лексическом уровне: «будь к себе и к другим *не плох*…» [Бродский, 1998, с. 84]; «в последние год*а*» [Бродский, 1998, с. 84]; «*где-нибудь на свете* потанцуй» [Бродский, 1998, с. 95], «*несложней* тосковать» [Бродский, 1998, с. 106] и др. На синтаксическом уровне: «иногда судьба, / иногда стрельба, / иногда *по* любви, иногда *из-за* книг…» [Бродский, 1998, с. 83—84]; «мы в этом мире *на столе* / совсем чуть-чуть *берем*…» [Бродский, 1998, с. 85]; «чего ты *дорываешься над* русскими людьми…» [Бродский, 1998, с. 109]. Отсутствие пунктуации — прежде всего в пределах прямой и косвенной речи (например, «Романс Крысолова и Хора» и др.). Но таковая особенность речевой стихии сознательно продуцирована автором поэмы и проистекает именно из природы джаза, который подталкивал Бродского к тому, чтобы речь его персонажей (в согласии с затекстовым музыкальным фоном-сопровождением) была спонтанной, простой, «невычищенной», подчас косноязычной, доступной ошибкам и оговоркам, бытовой, разговорной, уличной. Шествие героев Бродского словно бы марширует по пространству поэмы, как «святые маршируют» в джазовой композиции.

3.4. Сольные партии мистического джаза

Напряжение трагического эпоса античности и средневековья нивелируется в поэме Бродского «баналом» джаза и уловимой иронией, од-

CC BY

нако серьезность вопроса, поставленного повествователем-Хароном, не снимается. В атмосфере подземно-пещерного Петербурга (не Ленинграда), погруженного во тьму веков, острейшую значимость сохраняет осознание инвариативной корреляции «жизнь / смерть». Мысль (героев) Бродского о том, что каждый раз «смерть приходит словно в первый раз» [Бродский, 1998, с. 83], позволяет выстроить череду романсных монологов-зонгов героев. Один и тот же вопрос — «Быть или не быть?» (вариант «жизнь / смерть») — подобно джазовой импровизации варьируется в размышлениях-«песенках» [Бродский, 1998, с. 101] различных персонажей-идей.

Парад героев Бродского организован шествием персонажей-архетипов, неких культурных универсалий-ментефактов, с закрепленными за ними особыми кодами и узнаваемыми моделями мышления и поведения. Как известно, К. Юнг выдвинул гипотезу, что коллективное бессознательное состоит из константных «первичных моделей», неких «психических образов» — архетипов, которые закрепляются в сознании человечества и диктуют как устойчивую стратегию их (архетипов) восприятия, так и определенную реакцию на события, с ними связанные. Именно на архетипичность человеческого сознания и ориентируется Бродский, выстраивая шествие идей-абстракций поэмы, по сути — интертекстуальных философем.

Представление героев-теней начинается в поэме с Арлекина и Коломбины. Можно предположить, что акцент на этих героях (именно с них начинается представление персонажей и им же предоставляется первое слово-зонг) необходим Бродскому, чтобы актуализировать «балаганный» характер раздумий или, как уже было сказано ранее, травестировать, за*маски*ровать серьезность «вечной» проблемы «жизнь-театр», признать ее «банальность». В том же контексте — но на ином уровне — оказывается и стремление актуализировать атмосферу мистического Серебряного века с розенкрейцеровской мистикой «Балаганчика» А. Блока [Блок, 1971] и трагической театральностью ностальгической «Поэмы без героя» А. Ахматовой [Ахматова, 1998].

Между тем Арлекин Бродского не таков, как типаж комедии dell'arte или одноименные персонажи Блока и Ахматовой. Из знаменитого «любовного треугольника» изгнан Пьеро, и его функцию (черты типа-характера) вбирает в себя Арлекин Бродского. Если традиционно Арлекин — шут и шутник, весельчак и балагур, лентяй и пустослов, то у Бродского Арлекин и трудяга («По всякой земле / Балаганчик везу…» [Бродский, 1998, с. 83]), и романтик («…одна любовь ему нужна» [Бродский, 1998, с. 84]), и «мудрец», который «плачет по ночам» о том, что «нам скоро всем придет конец» [Бродский, 1998, с. 84].

CC BY

В первых же романсах-монологах Арлекина и Коломбины проявляет себя устойчивый мотив смерти.

За веком век, за веком век
ложится в землю любой человек,
несчастлив и счастлив,
зол и влюблен,
лежит под землей не один миллион [Бродский, 1998, с. 83] —

выплакивает Арлекин. Ему вторит Коломбина:

…мы едем, едем по земле,
покуда не умрем [Бродский, 1998, с. 85].

Веселое балаганное представление dell'arte сменяется печальными зонгами героев-масок, рассуждающих о долгом, полном препятствий шествии человека по жизни. Размышления героев отталкиваются от образа Петрограда («вот Петроград шумит во мгле, / в который раз мы здесь» [Бродский, 1998, с. 85]), мистического города-локации, который «уводит в свою мглу» [Бродский, 1998, с. 85] уставших от жизни персонажей. Дуэт Арлекина и Коломбины, подобно «трагическому тенору эпохи» Блоку и «трагической плакальщице» Ахматовой, задает сквозную тональность повторов и повторений (например, городского пейзажа или мотивов усталости и тоски) и, как следствие, вводит в монологи ритм джаза, оттеняя повествование звуками (мелодией) непрекращающегося дождя.

Герой Поэт — точнее, архетип поэт — в «коллективном бессознательном» программирует представление о герое-стихотворце, посвящающем вирши преимущественно любви и нередко грустящем об ушедших днях былого счастья, всецело отдающемся не-желаемому, но желанному одиночеству (нередко — искомой смерти). Произнесенные Поэтом Бродского слова, кажется, свидетельствуют именно об этом:

И жизнь, как смерть, случайна и легка,
так выбери одно наверняка,
так выбери, с чем жизнь свою сравнить,
так выбери, где голову склонить [Бродский, 1998, с. 86].

Между тем, если вслушаться, зонг Поэта представляет собой «вариацию» на тему человеческого («поэтиного») одиночества, которую Бродский опробовал ранее в своей лирике: в сознании оживает стихотворный

CC BY

текст, в котором ситуация «возвращения» и даже стилевые обороты лирического героя уже были «слышимы». Речь идет об элегии Бродского «Воротишься на родину. Ну что ж…», созданной (чуть ранее) в том же 1961 году и входящей в «Июльское интермеццо» [Бродский, 1998, с. 71].

Знаменитое «Воротишься на родину…» насквозь интертекстуально. Прежде всего оно явно пробуждает в памяти романс А. Вертинского «Без женщины» (1940):

Как хорошо без женщины, без фраз,
Без горьких слов и сладких поцелуев,
Без этих милых слишком честных глаз,
Которые вам лгут и вас еще ревнуют!

Как хорошо без театральных сцен,
Без длинных «благородных» объяснений,
Без этих истерических измен,
Без этих запоздалых сожалений.

И как смешна нелепая игра,
Где проигрыш велик, а выигрыш — ничтожен,
Когда партнеры ваши — шулера,
А выход из игры уж невозможен. <…>

Как хорошо проснуться одному
В своем веселом холостяцком «флете»
И знать, что вам не нужно никому
Давать отчеты, никому на свете! <…> [Вертинский, 1990, с. 363].

Интонационный рисунок, пятистопный ямб (5Я), анафорическое «Как хорошо…», синтаксический параллелизм «Без… Без… Без…», центральный мотив одиночества («без женщины», «одному») — весь комплекс поэтических средств заставляет счесть романс А. Вертинского ближайшим претекстом Бродского. Однако композиционная структура элегии Бродского и возникающая в первой строке лексема «родина» («Воротишься на родину…») пробуждает еще одну значимую аллюзию — к стихотворению М. Цветаевой «Тоска по родине! Давно…» (1934). Как помним, в продолжение девяти с половиной строф лирическая героиня Цветаевой упорно и настойчиво отрицает свою любовь к родине: «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, / И все — равно, и все — едино…» [Цветаева, 1997, с. 315]. И только в двух заключительных строках (полу)признается, не договари-

CC BY

вая: «Но если по дороге — куст / Встает, особенно — рябина...» [Цветаева, 1997, с. 315].

В стихотворении «Воротишься на родину…» Бродский использует стратегию Цветаевой: настаивая многократно «как хорошо…» остаться одному, «как хорошо…» быть «никому не нужным», «как хорошо…», что «никогда во тьму / ничья рука тебя не провожала» (и т. д.), только в последнем катрене элегии лирический герой («вдруг») проговаривается:

Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах неоткровенных
и вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах [Бродский, 1998, с. 71].

Лирический герой Бродского, как и героиня Цветаевой, почти признается в собственной лжи («словах неоткровенных») и ощущает желание «перемен»: не быть «на свете одному», «до смерти любить» и быть «обязанным» кому-то.

В «Шествии» в «Романсе Поэта» тот же мотив «Как хорошо…» (мотив одиночества), с одной стороны, настойчиво повторяется, с другой — варьируется («Как нравится…»). Герой-Поэт словно бы прибегает к (авто) цитации, одновременно девальвируя и травестируя стиховой текст. Если лирический герой «Июльского интермеццо» рефлексирует по поводу жизни, вины, друзей, любви, то у персонажа-Поэта тематика существенно сужена, обмелена, сведена исключительно к любовной теме, о которой «нравится <ему>» «громко плакать днем» и «кричать по телефону» [Бродский, 1998, с. 86]. Лексические маркеры «плакать *днем*», о любви «*кричать*», штамп «*покуда я дышу*» позволяют прочувствовать иронический подтекст, который вкладывает автор в «исповедальный» романс Поэта. Однако интертекстуальный фон зонга Поэта — романс А. Вертинского и элегия М. Цветаевой — подчеркивает эмоциональный диссонанс, который возникает на пересечении претекстуальных единиц. «Тень» Александра Вертинского, как известно, выступавшего на сцене в костюме Пьеро, словно бы восполняет недостающее звено балаганного «любовного треугольника» — роль несчастного обманутого любовника делегируется Поэту, горько плачущему «днем» и ночью о своей Коломбине. «Тень» Цветаевой дополняет символический контекст Серебряного века и удерживает «расшатанное» иронией повествование в рамках нешутливых авторских раздумий.

Подобно тому, как в блоковском «Балаганчике» самостоятельной роли удостаивается Автор, в поэме Бродского, как уже было сказано, комментирующая функция («Комментарий») возложена на проводника-повествова-

CC BY

теля. Его «партии» привносят аксиологический ракурс в оценку голосов-рассуждений героев, придают объективирующий акцент «баналу» суждений участников шествия. Он же — герой-повествователь — обеспечивает последовательность сцен-глав и связь между ними на уровне представления нового «соло». Повествователь словно бы режиссирует драматургию поэмы, выдвигая на авансцену тот или иной персонаж — тип, амплуа, маску. Им определяется последовательность «репертуарных» тез, предлагаемых к осмыслению бессловесному герою, постигающему законы мира. Герой-повествователь выдвигает и контртезы. Так, после исповеди Поэта, кажется, искренней и открытой, повествователь без сантиментов итожит: «Вот наш поэт <…> он говорит неправду…» [Бродский, 1998, с. 86]. А уже далее почти по-шекспировски: «Да, все слова…», вызывая аллюзию к гамлетовскому: «Слова, слова, слова…» [Шекспир, 1992, с. 98]. Дихотомия определяемой «истины» выходит на передний план, позволяя «качаться» (джазовый термин) в ту или иную сторону.

Логика и закономерности в последовательности появления героев-архетипов по ходу шествия у Бродского не оговорены. Если первые персонажи — Арлекин и Коломбина, а следом и Поэт-Пьеро — были маркерами-сигналами мира-театра, то появление образа Дон Кихота в пространстве сумеречного Петрограда (Петербурга) отчетливо ничем не мотивируется. Никакая внешняя закономерность не опосредует его «очередность», если не исключать *внутреннюю* логику поэта-автора. Близкие друзья Бродского (см.: [Полухина, 2006]) не раз отмечали некое «донкихотство» в характере самого поэта — можно предположить, что таковая ипостась *субъективного* мира Бродского и инициировала актуализацию этого архетипа.

Рыцарь Печального образа М. де Сервантеса — «вечный» образ, возникающий в пространстве «вечного города» Бродского. Архетипически рыцарь-странник — мудрец и шут, герой и жертва, влюблённый романтик и обреченный идеалист. Но нравственное совершенство и духовные приоритеты личности Дон Кихота не обеспечивают ему связи с миром и людьми, становятся причиной одиночества и тоски, отторгнутости и отшельничества. Бродский опирается на «коллективное» культурологическое знание, на узнаваемость Дон Кихота, но не дублирует его хрестоматийные черты, а «маленький рассказ» [Бродский, 1998, с. 88] героя пронзает мотивами «безликой беды», «чьей<-то> вины», пророчеством близящейся «великой войны». И главное — опытом, который акцентирован графически: «КАК ТЕНЬ ЛЮДЕЙ — НЕУЯЗВИМО ЗЛО!» [Бродский, 1998, с. 88]. Наивный и доверчивый Дон Кихот Сервантеса оказывается обладателем нового знания — о неуязвимости зла и о несчастьях, заполняющих улицы города-вечности («по улице с несчастьями бегу» [Бродский, 1998, с. 88]).

CC BY

С образом Дон Кихота в поэме Бродского начинает формироваться еще один «банальный» мотив — *все мы дураки* («Да, все мы таковы», «легко теперь остаться в дураках» [Бродский, 1998, с. 88]), который впоследствии будет трансформирован в иной мотив: «все мы…» сумасшедшие, безумные, «идиоты» («…что в общем для меня одно и то же» [Бродский, 1998, с. 90]). Петербург-Петроград становится мистическим пространством, актуализирующим в рамках мистического хронотопа представления о мире-«маскараде» [Бродский, 1998, с. 90], в котором сложно за маской различить лицо, за ложью истину (или наоборот). Потому очередной зонг — монолог Лжеца — облекается Бродским в форму баллады «без счастливого конца» [Бродский, 1998, с. 90], а сам Лжец — парадоксальным образом — выводит поэму на разговор об искренности и истине. Традиционно облегченный в площадном театре образ Лжеца у Бродского обретает черты умудренного жизненными наблюдениями философа, который, как и другие персонажи-тени, обращен прежде всего к мысли о конечности жизни, в итоге — о желанности смерти:

Лови, лови. Лови меня на слове,
Что в улице средь солнца и метели,
Что во сто крат лежащий в луже крови
Счастливее лежащего в постели [Бродский, 1998, с. 91].

Смерть — как избавление от хаоса жизни («счастливее»), уход — лучше болезни, в контексте поэмы — в том числе лучше болезни душевной (сумасшествие), болезни совести (обмана). «Лживый» персонаж Бродского осознает эвристический характер высказанной «банальности», но утверждает ее на уровне закона вселенской жизни:

Слова Лжеца — вы скажете. Ну что же.
Я щеголяю выдумкой и ложью,
лжецу всегда несчастия дороже:
они на правду более похожи.

Ночное шествие «во мраке» [Бродский, 1998, с. 90] от арии к арии, от соло к соло аккумулирует трагические мотивы, нагнетая и подчеркивая символистский (и символический) ракурс миропонимания, исполненного философии *краткой жизни* как пути к *вечной смерти*. И дело не в том, чтобы понять, кто из философов — С. Кьеркегор или Л. Шестов — оказывал большее влияние на Бродского в тот период [Плеханова, 2002], существеннее иное — трагизм мировосприятия, присущий самому (еще совсем

CC BY

молодому) Бродскому и получивший отражение в многолюдном шествии его персонажей-теней.

3.5. Выбор героя поэмы

Выбор «вариаций» во взаимоотношениях жизни и смерти, как демонстрирует повествователь-комментатор в поэме Бродского, обширен, но и узок одновременно: победа неизменно остается за смертью. Каковыми бы ни были варианты выбора — итог один, будь то жизнь-война Короля [Бродский, 1998, с. 98], или нравственные заповеди Честняги, осмеянные Хором [Бродский, 1998, с. 108—110], или бегство из России «несчастного российского князька» Мышкина [Бродский, 1998, с. 106]. Как в джазовой композиции («…за сценой нарастает джаз» [Бродский, 1998, с. 95]), каждый персонаж шествия привносит собственной импровизацией новый акцент в вариации «жизни-смерти», предлагает свой поворот, виток, зигзаг темы: мотив случайности жизни (Поэт: «жизнь <…> случайна» [Бродский, 1998, с. 86]), мотив вины (Король: «чья вина», «кто виноват» [Бродский, 1998, с. 99]), мотив одинаковости конца (Вор: «один конец» [Бродский, 1998, с. 102]), мотив творческой силы несчастья (Честняга: «жизнь свою твори / всей силою несчастья своего» [Бродский, 1998, с. 111]), мотив самоубийства (Скрипач [Бродский, 1998, с. 95—97]) и т. д. Но каковыми бы ни были частности, общая тенденция сохраняется. Таков и монолог Плача:

Звонки, гудки, свистки, дела,
В конце концов — погост,
и смерть пришла, и жизнь прошла
как будто псу под хвост [Бродский, 1998, с. 102].

Примечательно, что в монологе героя-Плача *аллюзийно* проступает интертекстуальная отсылка к Э. Хемингуэю, к его (и Джона Донна) образу колокола, который «звонит по тебе». Джазовый «судорожный дождь» [Бродский, 1998, с. 112], затихающий, возобновляющийся, возвращающийся и отступающий, но не прекращающийся в продолжение всей поэмы, начинает осознаваться повествователем как «плач по самому себе», по всем.

Это плач по каждому из нас
<…>
Это крик по собственной судьбе,
это плач и слезы по себе,
это плач, рыдание без слов,
погребальный гром колоколов [Бродский, 1998, с. 113].

CC BY

Бесконечный петербургский дождь у Бродского — это слезы, это плач, это «общий крик за упокой» [Бродский, 1998, с. 113], который выплакивает город и его шествующие ночные обитатели-тени. Плачущий дождливый Петербург становится своеобразным порталом вечности: метонимическим заместителем древнегреческого Аида, «Пещеры» Платона, «Ада» Данте: «Здесь <…> рядом вечность бьет, / и льется дождь, и шествие идет» [Бродский, 1998, с. 115]. А голос мрачного ночного Хора-шествия трансформируется в синекдоху «похоронного хора» [Бродский, 1998, с. 113], сопровождаемого аккомпанементом саксофона и ударных. Прошлое и настоящее, история и бесконечность смыкаются, интерферируют: в тексте Бродского появляется визуализированная метафора минуты-вечности, когда стрелки на циферблате, фиксирующие четверть часа, могут быть указанием на «вечность без пятнадцать минут» [Бродский, 1998, с. 115]. Петербургская мистерия обретает очертания классической античной трагедии и — аллюзийно — библейского Апокалипсиса, эксплицированного звуками галопа коня «всадника Апокалипсиса» и ожидания судного *Д*ня [Бродский, 1998, с. 117], Страшного Суда [Бродский, 1998, с. 118].

Джазовое кружение и сюжетно повторяющиеся круги-темы закрепляются (стабилизируются) к финалу поэмы-мистерии кольцевой композицией, в 40-й главе-сцене возвращаясь к образам Шекспира и Гамлета, возникшим еще на уровне вводной ремарки (интерес Бродского к образам и мотивам Шекспира хорошо известен, см.: [Богданова и др., 2021, с. 129—148]). Нарратор предоставляет слово Гамлету, и тот на заданный в Прологе вопрос отвечает: «НЕ БЫТЬ» [Бродский, 1998, с. 130, 131].

Между тем одновременно с мотивом «НЕ БЫТЬ» возникает и мотив гамлетова безумия: «БЕЗУМИЕ — вот главное во мне» [Бродский, 1998, с. 131]. И в результате императив «не быть» оказывается (словно бы) поставленным под сомнение. «Тень Гамлета» как бы отвергает собственный вопрос, отказывается от поиска ответа: «Не быть иль быть! — какой-то звук пустой» [Бродский, 1998, с. 131] — и персонаж отдается на чужую волю: «<…> Здесь все, как захотелось небесам» [Бродский, 1998, с. 131].

Может возникнуть мысль, что герои Бродского, апеллируя к небесам, отдаются на суд Божий. Между тем весь текст поэмы, голоса участников шествия свидетельствуют о другом: Бродский и его всезнающий Харон, как и герои-тени, несмотря на длинное шествие-полилог, не ведают, от чего зависит человеческая жизнь / смерть, чьей волей определяется. Бродский эксплуатирует категорию неопределенных местоимений, чтобы квалифицировать эту *не*-определенность. Об Арлекине сказано, что он «*что-то* ищет в небесах» [Бродский, 1998, с. 85]. Король признается, что «было *что-то* выше нас» [Бродский, 1998, с. 98, 99]. Вор чувствует «*чей-то* взгляд», ко-

CC BY

торый «следит, следит за <ним> всегда, всегда» [с. 102], и обвиняет: «*кто-то* жизнь у нас крадет» [Бродский, 1998, с. 102]. Подобно тому, как ранее в «Пилигримах» лирический герой отказывался от «веры в себя да в Бога» [Бродский, 1998, с. 21], так и в близком по времени создания «Шествии» роль Бога сдвинута на background. Заключительное слово (иронико-символично) предоставлено нарратором Чорту, который вполне (не)определенно заключает: «<…> кроме страха перед дьяволом и Богом, / существует *что-то выше человека*…» (курсив наш. — *О. Б.*, *Е. В.*) [Бродский, 1998, с. 132]. Божественная инстанция признается, но не культивируется.

Некоторые исследователи бродское «что-то» определяют как творчество. И. В. Романова пишет: «Развязка и финал поэмы дают этот ответ: творчество спасает человека и мир от катастрофы» [Романова, 2010]. Образ Рождества, завершающий поэму, по мысли исследовательницы, воплощает «сам акт творчества и внутреннее возрождение героя» [Романова, 2010, с. 100—101]. Подобное решение можно принять к сведению, однако, на наш взгляд, у Бродского «сам акт творчества» менее значим, чем *время*, течение времени, которое дало возможность его «полугерою» к концу повествования слиться в миропонимании (и даже отчасти в сущности) с Хароном-проводником. Герой Бродского словно метафоризует фразеологему «Время лечит» и соглашается с Соломоновой истиной: «Все проходит, и это пройдет…» (ср. финальная фраза мистерии: «Шествие прошло» [Бродский, 1998, с. 133]). Рождественское шествие у Бродского коннотировано не столько идеей возрождения, сколько временности, текучести, проходящности, смены времен как смены сезонов. И семантическими знаками этой перемены становятся пишущая машинка, которая заместила перо повествователя, и имя города Ленинград, которое вернуло к настоящему исторические Петербург и Петроград. Смена перспективы организована обновленной детализацией пространства — исторический план приблизился к современному.

Как и Счастливца (которому предоставлено слово одним из последних), героя поэмы удивляет понимание: «Какое удивительное счастье / Узнать, что ты над прожитым не властен» [Бродский, 1998, с. 119]. Своеобразный фатализм (отстраненность от суеты) «нежданно посещает» [Бродский, 1998, с. 119] героя Бродского и порождает «ровное дыхание стиха» [Бродский, 1998, с. 119]. Рассветная пора отделяет «чувством новизны» героя от «вчерашнего дня» [Бродский, 1998, с. 119] и дарует понимание, что «когда над прожитым поплачешь всласть», то обретаешь власть над прошедшим («над временем захватывая власть» [Бродский, 1998, с. 120]). С наступлением мистического утра жизнь продолжает «шуметь», и у героя выкристаллизовывается знание о том, что счет времени идет «не по часам», но «по чувствам» [Бродский, 1998, с. 120]. Однако «это *описанье*

CC BY

правды чувств» герой не воспринимает высшим знанием, наоборот — «занятием невысшим» [Бродский, 1998, с. 120]. Творчество подчинено времени, время есть то нечто («что-то»), которое властвует над всеми и над всем. Иными словами, «рождественского» оптимизма, как считает И. В. Романова, у Бродского не возникает: прошедший «инициацию» герой повзрослел, чтобы понять, что завтра (даже в рождественскую пору) не зажжется вечный свет, но начнется вечно новое шествие, возникнет другая «гурьба», вместе с которой снова и снова придется шествовать герою, постигая жизнь и время. И в них — себя.

Так научись минутой дорожить,
которую дано тебе прожить,
не успевая все пересмотреть,
в которой можно даже умереть,
побольше думай, друг мой, о себе,
оказываясь в гуще и в гурьбе... [Бродский, 1998, с. 115].

Мистерия шествия героев Бродского заканчивается аспектацией бесконечности шествия, осознанием продолжения «после конца», в*и*дением и виде*н*ием вереницы нескончаемых теней движущейся процессии.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, завершая размышления над поэмой-мистерией «Шествие», можно заключить, что одна из ранних поэм Бродского включала в себя уже многие из тех важных поэтических откровений-открытий, которые демонстрировало его позднее творчество. Героями «Шествия» становятся не типы и персонажи, но персонифицированные «представления о мире» [Бродский, 1998, с. 79] — преимущественно литературные персонажи-архетипы, наделенные «коллективным бессознательным» вариативностью жизненных представлений, неизменно связанных с шекспировским вопросом «Быть или не быть?» Именно смерть (мотив смерти) становится у Бродского средством / способом наиболее интенсивного переживания жизни и постижения бытийного смысла. Интертекстуальный контекст мировой литературы — древнегреческая трагедия (прежде всего «Энеида» Вергилия), «Диалоги» Платона, «Божественная комедия» Данте, трагедии Шекспира (в первую очередь «Гамлет»), духовная поэзия Джона Донна (в том числе через Э. Хемингуэя), лироэпос Серебряного века (А. Блок, А. Ахматова) — позволяет охватить масштаб грандиозного мистического путешествия, которое совершают герои Бродского в поисках истины — о жизни и смерти, о мире и о себе. Фоновые интертекстуальные аллюзии порождают «второй план»

поэмы-мистерии, позволяя за (внешним) любовным разочарованием лирического героя разглядеть (внутренний) абрис глубокой философской модели мироздания и метафизики его постижения, складывавшихся в 1960-е годы в поэтическом сознании Бродского.

Источники

1. *Ахматова А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 1998—2004. — Т. 3. Поэмы. — 765 с. — ISBN 5-88889-031-6.

2. *Блок А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Блок. — Москва : Правда, 1971. — Т. 1. Стихотворения. 1897—1903. — 480 с.

3. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского / И. А. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — 2-е изд. — Т. 1. — 304 с. — ISBN 5-89803-024-7 (т. 1).

4. *Вертинский А.* Дорогой длинною … Стихи, песни, рассказы, зарисовки, размышления, письма / А. Вертинский. — Москва : Правда, 1990. — 572 с. — ISBN 5-253-00063-1.

5. *Лермонтов М.* Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. — Москва : Художественная литература, 1975. — Т. 1. Стихотворения. 1828—1841. — 648 с.

6. *Цветаева М.* Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева. — Москва : Терра, 1997. — Т. 2. Стихотворения. Переводы. — 592 с. — ISBN 5-300-01284-X.

7. *Шекспир В.* Собрание избранных произведений : в 5 т. / В. Шекспир. — Санкт-Петербург : Terra Fantastica, КЭМ, 1992. — Т. I. — 448 с. — ISBN 5-85982-005-4.

8. *When* the saints go marching in [Electronic resource]. — Access mode : http://stihi.ru/When_the_Saints_Go_Marching_In (accessed 18.10.2021).

Литература

1. *Ахапкин Д.* Иосиф Бродский после России : комментарии к стихам, 1972—1996 / Д. Н. Ахапкин. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2009. — 131 с. — ISBN 978-5-7439-0144-9.

2. *Богданова О. В.* «Иногда чувствую себя Шекспиром…» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 129—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148.

3. *Гордин Я.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского / Я. А. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-9691-0504-1.

4. *Лосев Л.* Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии / Л. В. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 446 с. — ISBN 978-5-235-03089-3.

5. *Петрушанская Е.* Музыкальное «Представление» Бродского / Е. Петрушанская // Музыкальный мир Иосифа Бродского. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2004. — С. 141—161. — ISBN 5-94214-055-3: 1000.

6. *Плеханова И. И.* Преображение трагического: метафизическая мистерия Иосифа Бродского : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.01 / И. И. Плеханова. — Иркутск, 2002. — 429 с.

7. *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников : в 2 книгах / В. Полухина. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2006. — Книга 1. — 130 с. — ISBN 5-7439-0109-0.

8. *Романова И. В.* «Я попытаюсь вас увлечь игрой…» : взаимодействие коммуникативных моделей в поэме-мистерии И. Бродского «Шествие» / И. В. Романова // Вестник ВГУ. — Серия Филология. Журналистика. — 2010. — № 2. — С. 99—106.

9. *Фетисова Е. Э.* Неоакмеизм И. Бродского : композиция мистерии «шествие» / Е. Э. Фетисова // Философская мысль. — 2017. — № 2. — С. 109—117. — DOI: 10.7256/2409-8728.2017.2.21763.

10. *Kline G.* A Bibliography of the Published Works of Iosif Aleksandrovich Brodsky / G. Kline // Ten Bibliographies of Twentieth Century Russian Literature. — Ann Arbor : Ardis, 1977. — Pp. 159—175.

11. *Pilshikov I.* Brodsky and Baratynsky / I. Pilshikov // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an international Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Russian Culture, Structure and Tradition. 2—6 July 1992, Keele University, United Kingdom. — Rodopi, 1993. — 341 p.

12. *Polukhina V.* Bibliography of Joseph Brodsky's interviews / V. Polukhina // Joseph Brodsky. Special Issue / ed. by V. Polukhina // Russian Literature. North-Holland. — 1995. — Vol. XXXVII—II/III. — Pp. 417—425.

13. *Polukhina V.* Joseph Brodsky : A Poet for Our Time / V. Polukhina. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — 324 p.

14. *Smith G. S.* Joseph Brodsky : Summing Up / G. S. Smith // Literary Imagination. — 2005. — Vol. 7. — № 3. — Pp. 399—410.

15. *Stevanovic B.* Brodskii, Iosif Aleksandrovich / B. Stevanovic, V. Wertsman // Free Voices in Russian Literature, 1950s—1980s. A Bio-Bibliographical Guide. — New York : Russica, 1987. — Pp. 70—73.

Material resources

Akhmatova, A. (1998—2004). *Collected works: in 6 volumes, 3.* Poems. Moscow: Ellis Luck. 765 p. ISBN 5-88889-031-6. (In Russ.).

Blok, A. (1971). *Collected works: in 6 volumes, 1. Poems. 1897—1903.* Moscow: Pravda. 480 p. (In Russ.).

Brodsky, I. (1998). *The Works of Joseph Brodsky, 2.* St. Petersburg: Pushkin Foundation. 304 p. ISBN 5-89803-024-7 (vol. 1). (In Russ.).

Lermontov, M. (1975). *Collected works: in 4 volumes, 1. Poems. 1828—1841.* Moscow: Fiction. 648 p. (In Russ.).

Shakespeare, V. (1992). *Collection of selected works: in 5 volumes, I.* St. Petersburg: Terra Fantastica, CAM. 448 p. ISBN 5-85982-005-4. (In Russ.).

Tsvetaeva, M. (1997). *Collected works: in 7 volumes, 2. Poems. Transfers.* Moscow: Terra. 592 p. ISBN 5-300-01284-X. (In Russ.).

Vertinsky, A. (1990). *Dear long ... Poems, songs, stories, sketches, reflections, letters.* Moscow: Pravda. 572 p. ISBN 5-253-00063-1. (In Russ.).

When the saints go marching in. Available at: http://stihi.ru/When_the_Saints_Go_Marching_In (accessed 18.10.2021).

References

Akhapkin, D. (2009). *Joseph Brodsky after Russia: comments on poems, 1972—1996.* St. Petersburg: "The Star". 131 p. ISBN 978-5-7439-0144-9. (In Russ.).

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). "Sometimes I feel Like Shakespeare..." (Intertextual Layers of the Pilgrim's Brodsky). *Nauchnyj dialog, 8:* 129—148. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148. (In Russ.).

Fetisova, E. E. (2017). I. Brodsky's Neo-Acmeism: composition of the mystery "procession". *Philosophical Thought, 2:* 109—117. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.2.21763. (In Russ.).

Gordin, J. (2010). *Knight and death, or Life plan. About the fate of Joseph Brodsky.* Moscow: Vremya. 256 p. ISBN 978-5-9691-0504-1. (In Russ.).

Kline, G. (1977). A Bibliography of the Published Works of Iosif Aleksandrovich Brodsky. In: *Ten Bibliographies of Twentieth Century Russian Literature.* Ann Arbor: Ardis. 159—175.

Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. The experience of literary biography.* Moscow: Molodaya gvardiya. 446 p. ISBN 978-5-235-03089-3. (In Russ.).

Petrushanskaya, E. (2004). Brodsky's Musical "Performan". In: *The musical world of Joseph Brodsky.* St. Petersburg: Zvezda Magazine. 141—161. ISBN 5-94214-055-3: 1000. (In Russ.).

Pilshikov, I. (1993). Brodsky and Baratynsky. In: *Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an international Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Russian Culture, Structure and Tradition. 2—6 July 1992, Keele University, United Kingdom.* Rodopi. 341 p.

Plekhanova, I. I. (2002). *The Transformation of the Tragic: the Metaphysical Mystery of Joseph Brodsky.* Doct. Diss. Irkutsk. 429 p. (In Russ.).

Polukhina, V. (1989). *Joseph Brodsky: A Poet for Our Time.* Cambridge: Cambridge University Press. 324 p.

Polukhina, V. (1995). Bibliography of Joseph Brodsky's interviews. *Joseph Brodsky. Special Issue. Russian Literature. North-Holland, XXXVII—II/III:* 417—425.

Polukhina, V. (2006). *Joseph Brodsky through the eyes of contemporaries: in 2 books, 1. 2nd Ed.* St. Petersburg: Zvezda Magazine. 130 p. ISBN 5-7439-0109-0. (In Russ.).

Romanova, I. V. (2010). "I will try to captivate you with the game ...": interaction of communicative models in the mystery poem by I. Brodsky "Procession". *Bulletin of the VSU. Philology series. Journalism, 2:* 99—106. (In Russ.).

Smith, G. S. (2005). Joseph Brodsky: Summing Up. *Literary Imagination, 7 (3):* 399—410.

Stevanovic, B., Wertsman, V. (1987). Brodskii, Iosif Aleksandrovich. In: *Free Voices in Russian Literature, 1950s—1980s. A Bio-Bibliographical Guide.* New York: Russica. 70—73.

Статья поступила в редакцию 04.12.2021,
одобрена после рецензирования 10.03.2022,
подготовлена к публикации 14.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лебедева В. Ю. Смерть, пришедшая на праздник, в рассказах Э. А. По, И. Бунина и В. Набокова / В. Ю. Лебедева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 282—298. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-282-298.

Lebedeva, V. Yu. (2022). Death that Came to Holiday, in Stories of E. A. Poe, I. Bunin and V. Nabokov. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 282-298. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-282-298. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-282-298

Смерть, пришедшая на праздник, в рассказах Э. А. По, И. Бунина и В. Набокова

Лебедева Виктория Юрьевна
orcid.org/0000-0003-4124-5146
кандидат филологических наук,
кафедра иностранных языков
и методики их преподавания
vikkktoria2@yandex.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Death that Came to Holiday, in Stories of E. A. Poe, I. Bunin and V. Nabokov

Victoria Yu. Lebedeva
orcid.org/0000-0003-4124-5146
PhD in Philology,
Department of Foreign Languages
and Teaching Methods
vikkktoria2@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Лебедева В. Ю., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты сопоставительного анализа «Маски Красной смерти» Э. А. По, «Господина из Сан-Франциско» И. Бунина и «Удара крыла» В. Набокова. Актуальность исследования обусловлена тем, что оно позволяет пролить дополнительный свет на русскую рецепцию Э. А. По, выявить ряд интертекстуальных перекличек, а также внести вклад в развитие литературоведческой танатологии. Автором отмечается, что в произведениях показана попытка скрыться от смерти на «острове удовольствий», обреченная на провал. Подробно исследуется хронотоп праздника, чьей доминантой оказывается мортальность. Утверждается, что персонажи объединены не только материальным статусом, но и духовным: авторами ставятся проблемы метафизического распада, жизни-сна, табуирования смерти, богоотступничества, близости инфернального. Показывается, что смерть в рассказах явлена субъектом, так или иначе взаимодействующим с людьми, однако ее «характер» в рассказах различается. Доказывается, что писатели обращаются и к библейскому дискурсу, делая акцент на эсхатологическом аспекте. Заключается, что авторские интенции очень схожи, каждый рассказ можно прочитать как притчу, а «Удар крыла» оказывается своего рода «связующим узлом» между ними.

Ключевые слова:
антропоморфная персонификация смерти; В. Набоков; И. Бунин; танатология; Э. А. По; danse macabre.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a comparative analysis of “The Mask of the Red Death” by E. A. Poe, “The Gentleman from San Francisco” by I. Bunin and “The Wing Blow” by V. Nabokov are presented in the article. The relevance of the study is due to the fact that it allows shedding additional light on the Russian reception of E. A. Poe, identifying a number of intertextual echoes, and also contributing to the development of literary thanatology. The author notes that the works show an attempt to escape from death on the “island of pleasure”, doomed to failure. The chronotope of the holiday, which is dominated by mortality, is studied in detail. It is argued that the characters are united not only by their material status, but also by their spiritual one: the authors pose the problems of metaphysical decay, life-sleep, tabooing of death, apostasy, and the proximity of the infernal. It is shown that death in the stories is a subject interacting with people in one way or another, but its “character” in the stories is different. It is proved that the writers also turn to the biblical discourse, focusing on the eschatological aspect. It concludes that the author's intentions are very similar, each story can be read as a parable, and “The Beat of the Wing” turns out to be a kind of “connecting node” between them.

Key words:
anthropomorphic personification of death; Vladimir Nabokov; Ivan Bunin; thanatology; Edgar Poe; danse macabre.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82-32+[821.161.1Бунин.07+821.161.1Набоков.07+821.111(73)По.07]::393

Смерть, пришедшая на праздник, в рассказах Э. А. По, И. Бунина и В. Набокова

© Лебедева В. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

Как известно, Э. А. По оказал значительное влияние на русскую литературу — символисты даже называли его своим предтечей. Ранее Ф. Достоевский указал на особого рода *«фантастичность»* в его текстах, сопряженную с *«силой подробностей»* [Достоевский, 1861, с. 230]. Схожие мысли впоследствии выражались неоднократно. З. Венгерова отмечает, что в самых мистических текстах писатель *«наиболее трезв, наиболее виртуоз»*, так как использует *«все ресурсы своего холодного, острого, насмешливого ума»* [Венгерова, 1898, с. 422]. К. Бальмонт, в свою очередь, заключил, что По органично слил воедино *«художественные настроения и логические результаты высших умозрений»* [Бальмонт, 1991, с. 543].

Дж. Гроссман исследовала влияние По на русских литераторов и назвала Набокова автором, *«в котором пересеклись несколько линий»* [Гроссман, 1998, с. 144]. Она пишет о «Лолите», о пародийности и двойничестве, видя отсылку к «Вильяму Вильсону» в эпизоде *«нелепой дуэли в готическом духе»* между *«двойниками»* Гумбертом и Куильти [Гроссман, 1998, с. 145]. Интертекстуальные связи между произведениями По и Набокова уже привлекали внимание, что неудивительно: в «Лолите» имеются прямые упоминания. К. Проффер усматривает там отсылки к «Аннабель Ли», «Ворону» и «Линор», отмечает пародийный аспект и резюмирует, что аллюзии и элементы пародии многое говорят о рассказчике, показывая *«темные закоулки его гибкого воображения, его эрудицию, живость ума и склонность к творческой деструктуризации»* [Проффер, 2000, с. 76]. А. Уракова утверждает, что *«целый ряд игровых реминисценций к По»* содержит «Приглашение на казнь», намечая путь новых изысканий (пока не пройденный) [Уракова, 2010, с. 4]. Мы тоже полагаем, что интертекстуальность Набокова рассмотрена не в полной мере. Это касается в том числе аллюзий на «Маску Красной смерти» и «Господина из Сан-Франциско».

Бунин и Набоков, современники и столь крупные величины, не могли избежать сравнения. М. Шрайер выделил четыре *«вопроса»*, в рамках которых, по его мнению, расхождение существенно: авторская метафизика, способность героев постигать судьбу, *«значение памяти»* и *«роль смерти»* [Шраер, 2014, с. 59]. Мы, однако, полагаем, что в ряде произведений

CC BY

танатология Бунина и Набокова имеет больше сходств, нежели различий. В целом за последние годы увеличилось число компаративистских трудов: большая их часть посвящена темам памяти и изгнанничества, а также образным полям Эроса и Танатоса. Не обойдена вниманием оценка писателями друг друга и собратьев по перу (Толстого, Чернышевского, Чехова и др.), равно как выявлен ряд интертекстуальных связей.

В фокусе наших интересов — притчевый сюжет «смерть, пришедшая на праздник» в «Маске Красной смерти», «Господине из Сан-Франциско» и «Ударе крыла». Данное исследование позволяет пролить свет на рецепцию По в России и раскрыть интертекстуальные связи, ранее ускользавшие от внимания ученых. Изыскания такого характера являются вкладом и в развитие танатологии — междисциплинарной отрасли научного знания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

«Маска…» — одно из наиболее эмблематичных произведений По, предполагающее разноуровневость интерпретаций. Например, J. Roppolo называет его притчей о природе человека, его судьбе и судьбе вселенной [Roppolo, 1963, p. 67], а T. Mabbott выявляет там мораль о том, что от ответственности сбежать невозможно [Mabbott, 1928, p. 174]. Также аббатство осмысляется в антропоморфном ключе — как метафора души или тела, пораженного недугом: А. Уракова обнаруживает *«воплощение симптомов болезни в знаковой системе»* [Уракова, 2010, с. 188]. Она же предлагает прочесть *«как своеобразную реплику»* автору «Маски… » описание *«обморока-головокружения»* в «Приглашении на казнь» (тур вальса тюремщика Родиона и Цинцинната).

«Реплики» Бунину тоже нередки в набоковских текстах. По наблюдению Е. Михеичевой, в концепции любви в «Весне в Фиальте» и способах ее воплощения *«много “бунинского”»* [Михеичева, 2021, с. 40]. Со своей стороны, заметим, что в «Господине…» много «набоковского» — как резюмирует А. Злочевская, для Бунина *«метод “мистического реализма” не столь характерен и всеопределяющ, как, скажем, для Ф. Сологуба, А. Белого, Л. Андреева, М. Булгакова или В. Набокова. Однако “Господин из Сан-Франциско” — один из великих образцов русского “мистического реализма”»* [Злочевская]. Заявленные там проблемы духовного распада, человекобожия, псевдопарадиза, эскапизма, вторжения смерти, потустороннего влияния всегда волновали Набокова.

А. Злочевская указывает и на *«жанровый симбиоз»* реалистичного рассказа и притчи в «Господине…», причем аллегорическое *«словно подсвечивает реалистический пласт»* [Злочевская]. Э. А. По «заземляет» фантастический пласт реалистичными деталями. Набоков особым образом

CC BY

сочетает то и другое: события в «Ударе…» похожи на *«страшный сон»*, но разворачиваются в столь *«подробной реальности, что можно разглядеть лопнувший сосудик на глазном яблоке»* [Чекалова, 1997, с. 222]. При этом писателю не чужды аллегорические приемы — как заметил П. Бицилли, при чтении его текстов *«вспоминаются образы, излюбленные художниками исходящего Средневековья, апокалипсические всадники, пляшущий скелет»* [Бицилли, 2000, с. 450]. По тоже черпал вдохновение в том числе в средневековой культуре, что отразилось в «Маске…». Известен он и как отец детектива — не только классического, но и метафизического, в основе которого — секреты, загадки и философские вопросы о тайнах жизни и смерти [Merivale et al., 1999, p. 4]. Исследователи выявляли детективную составляющую и в текстах Набокова, а Н. Мельников резюмировал, что в ряде произведений расследование перенесено в*«метафизическую плоскость»* [Мельников, 2014, с. 62]. У Бунина точек пересечения с американским классиком значительно меньше, чем у Набокова, — не обнаруживается пока и серьезных компаративистских работ. Однако интенции авторов «Маски…» и «Господина…» впечатляюще схожи, а «Удар…» пестрит аллюзиями на оба рассказа, оказываясь своего рода «связующим узлом».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности мортального хронотопа

В «Маске…» танатологичность пространства, окружающего «остров удовольствий», наиболее очевидна. В основу текста положено *«боккачьевское соседство: чума (смерть, могила) — праздник (веселье, смех, вино, эротика)»,* становящееся, однако, статичным контрастом с мортальной доминантой [Бахтин, 1986, с. 234]. В «Ударе...» же курорт словно «отзеркаливает» «Атлантиду»: у Бунина лайнер походил на *«громадный отель»* и океан ходил *«черными горами»*, а у Набокова *«огромная гостиница <…> в провале гор»* уподобляется кораблю. Авторы щедры на танатообразность: «Атлантида» шла *«над гудевшим, как погребальная месса, и ходившим траурными от серебряной пены горами океаном»* [Бунин, 1988, с. 70]; вокруг курорта *«металлические вершины гор плавали в гробовом сиянии»* [Набоков, 2004, с. 41].

В «Ударе…» вообще обнаруживается немало аллюзий на «Господина…». Бунин пишет про *«кусками сахара насыпанный»* Неаполь, а в набоковском рассказе Керн в бильярдной вдруг ощутил страшную скуку и, *«взглянув в окно на сахарное сияние гор, вернулся в читальню»* [Набоков, 2004, с. 38]. Так показано, что на героя-суицидента, в отличие от курортников и их «духовных собратьев» из «Господина…» и «Маски…», перестал действовать «искусственный подсластитель».

CC BY

Набоков воспроизводит и хронотоп читальни с *«глубокими кожаными креслами»* (тут он цитирует Бунина) и необременительным чтивом. В обоих текстах она явлена некропространством, корреспондируя с последней залой в «Маске…», только та изначально выглядит зловеще. В бунинском рассказе читальня стала некрозоной вследствие кончины героя, а в набоковском Керн увидел там журнал с фотографией жены-самоубийцы.

Организуя пространство, Набоков выстраивает диалог не только с Буниным, но и с По, воспроизводя колористику комнат из замка (голубая-синяя, пурпурная, зеленая, оранжевая, белая, фиолетовая-лиловая, черная). Мы ограничимся несколькими примерами, поскольку их немало. Первое цветообозначение в «Ударе…» соответствует колеру первой залы: *«Весело и лазурно было перед шестиярусной гостиницей»* [Набоков, 2004, с. 35]. Автор актуализирует этот колоратив несколько раз накануне сюжетных поворотов, намекая на цикличность. Следующий цвет — карминовый, близкий пурпурному: им маркирован рот Изабель, объекта похоти Керна, погубленной инкубом. Затем упоминается изумрудный бильярдный стол. *«Оранжевым жаром»* пышет *«пасть»* камина, отсылающая заодно к жаровням чертога, освещающим залы через цветные стекла. Сам курорт окружает *«исполинская белизна»*. Также белый наряду с лиловым маркирует потусторонние силы: у *«ангела»*-инкуба *«белый лик»* (ложная святость), а у демона-искусителя Монфиори лиловые веки. Трижды упомянуты *«лиловые тени»* — тень у Набокова часто выступает демонической персонификацией. Черный в «Ударе…», как и в двух других рассказах, мортален и противопоставлен ярким краскам и самой жизни. Так, Керн начал ощущать, что *«вместо будущего надвигается на него черная стена»* [Набоков, 2004, с. 52], и пространственный образ тоже отсылает к «Маске…».

Заслуживает внимания мотив искусственного света. В «Маске…» реальность искажается из-за подсвеченных цветных стекол. «Атлантида» наполнена *«двойным ярко-желтым освещением»*: золото служит *«знаком богатства, электричество — научно-технического прогресса»*, и для пассажиров они *«обретают значение языческих идолов»* [Злочевская]. Мотив искусственного света сопряжен там и с офиологической образностью, встречающейся также в «Ударе…». У побережья Капри по волнам *«потекли золотые удавы от фонарей пристани»* [Бунин, 1988, с. 60]. В «Ударе…» пьяный Керн по дороге в номер увидел, как в коридоре *«в тусклом свете змеились цветы»* [Набоков, 2004, с. 48]. Образ «текучих» светильников «отзеркален» тоже — в танцзале *«цветисто плыли японские фонари»* [Набоков, 2004, с. 40]. С учетом экспликации в рассказах демонических образов можно полагать, что «змеиная» тема не случайна. Набоков усиливает бунинскую линию — Монфиори цитирует строки о левиафане, а про

CC BY

это морское чудовище сказано: *«Оставляет за собой светящуюся стезю»* (Иов, 41: 24).

Знаковую роль играет и акустическая образность. В чертоге Просперо *"the wild music of the orchestra"* [Poe] (дикую-безумную-бешеную музыку оркестра) (здесь и далее перевод наш. — *В. Л.*) перебивал бой часов. В «Господине…» гул океана и вой сирены, что *«стенала в смертной тоске»* и *«взвывала с адской мрачностью»*, *«заглушали»* изысканные оркестровые звуки [Бунин, 1988, с. 55]. Музыка там старается разбудить сладострастие, гордость, воинственность и «оглушить» духовно. Путь же мертвого тела сопроводился звуком *«громыхающих»* бубенцов на упряжке — Бунин намеренно выбрал «немелодичный» эпитет и, возможно, ввел саркастическую ноту: бубенцы украшают и шутовской наряд. Схожую с музыкой роль «слуги, но больше господина» играет гонг, *«мощным, властным»* гулом зазывающий на трапезу. Он звучит и накануне смерти, и образ обогащается религиозной коннотацией: гонг *«загудел» «зычно, точно в языческом храме»* [Бунин, 1988, с. 64]. Ему противопоставлен образ, актуализирующий дискурс христианский: пассажиров будили *«трубные звуки»*. Возможно, Бунин, снабдивший рассказ эпиграфом из Апокалипсиса, так напоминает о конце времен: *«Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде»* (1 Сол. 4:15).

Еще один образ, противопоставленный музыке, — безмолвие. Оно наряду с тьмой и Красной смертью воцарилось в замке. В «Ударе…» на героя *«внезапно знакомым ужасом пахнула»* тишина [Набоков, 2004, с. 37]. В «Господине…» после переноса тела в гостинице сделалось *«так тихо, что четко слышался стук часов в вестибюле»* [Бунин, 1988, с. 66]. Здесь Бунин, подобно По, противопоставляет музыке также звук, отсчитывающий неумолимое время.

Набоков следует тем же путем, только звучание гонга в «Ударе…» то *«глуховатое»*, то с *«тупыми раскатами»,* — так показано отчуждение Керна от праздника. На веранде оркестр играет *«зябко»* — пространство не только «глохнет», но и проникается холодом. Также Набоков «идет на снижение» — у него мелодии не необузданные, не изысканные, а вяловатые и «мелко-животные»: *«Заныла и заквохтала негритянская музыка»* [Набоков, 2004, с. 45].

3.2. Специфика персоносферы: проблема метафизической смерти и мистико-религиозный аспект

В рассказах показан мир, замкнутый не только физически. Условием для пребывания в нем является высокий материальный статус, а также, импли-

CC BY

цитно, статус духовный. Бунин наиболее прямолинеен: в эпиграфе сказано об участи Вавилона, а капитан «Атлантиды» уподоблен идолу. Принц Просперо тоже не прост: его имя отсылает к шекспировскому персонажу, повелевающему духами, а титул, возможно, даже к князю мира сего (англ. “prince”). В «Ударе…» курорт показан пространством, открытым для темных сил.

Развлечения в таком «раю» примитивны (яства, алкоголь, игры, танцы, необременительные связи и т. п.), и все подчинено автоматизму — участники словно заложники праздника. Будучи зависимыми от навязанного ритма, гости Просперо *«напоминают механические фигурки»* [Уракова, 2010, с. 4]. Схожее впечатление производят пассажиры «Атлантиды» — автор *«подчеркивает механичность их поведения»* [Михайлова]. Набоков прямо называет катающихся на льду *«механическими бегунами»*.

Автоматизация — не единственное проявление расчеловечивания. В «Маске…» также «взят курс» на *“bizarre”* (причудливость-эксцентричность-неестественность), развоплощение, таяние. Просперо *«меняет облик»* приглашенных, обращает в гротески и арабески, и те *«словно теряют свои тела в фантастических складках и несоразмерных украшениях маскарадных костюмов»* [Уракова, 2010, с. 4]. А. Уракова указывает и на сравнение празднующих со снами и фантазиями безумца, а также на «шекспировскую» коннотацию имени устроителя — «повелевающий духами». Бунин и Набоков актуализируют дискурс звероуподобления, применяя зооморфную образность (сравнения «празднующих» с курицей, пиявкой, лягушками и т. д.).

Ставят авторы и проблему «жизни-сна». По пишет о множестве сновидений на маскараде: уподобленные снам участники словно сами заточены в царстве Морфея. «Атлантида» тоже сродни ему — капитан-*«идол»* назван *«всегда как бы сонным»*. Мотив сна в рассказе сквозной, и это состояние противопоставлено Танатосу: *«успокоенные»* тем, что мертвеца, *«напугавшего их напоминанием о смерти»*, отправили восвояси, *«путешественники спали крепким сном»* [Бунин, 1988, с. 68]. Набоков, как обычно, краток и играет словами: *«Люди крепко спят в горных гостиницах»* [Набоков, 2004, с. 51].

В аспекте противопоставления «жизни-сна» и смерти напоминание о последней связано с пробуждением (*«трубные звуки»*) и бессонницей. От нее страдает Керн, и это тоже знак его «выхода из игры»: *«Прошлая жизнь представилась ему зыбким рядом разноцветных ширм, которыми он ограждался от космических сквозняков. <…>. Сколько их было уже, шелковых тряпок этих, как он силился занавесить ими черный провал!»* [Набоков, 2004, с. 39]. Образ ширм «рифмуется» с образом цветных стекол в аббатстве, и воспроизводятся оппозиции из «Маски…»: «цветное

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

vs черное», «забвение vs “memento mori”», «псевдоживое vs откровенно мертвое». Набоков «заземляет» символизм По — под ширмами подразумеваются путешествия, чтиво, недолгая любовь к жене. Далее сказано: *«Они вздувались, лоскутки эти, от внешнего ветра, рвались, спадали один за другим. А провала не скрыть, бездна дышит, всасывает»* [Там же]. Поочередное падение снова отсылает к «Маске…»: *«И один за другим веселящиеся пали в этих пиршественных чертогах, обрызганных кровавой росой»* [По, 1901, с. 241]. Параллелизм подчеркнут и керновским восприятием Изабель как *«последнего яркого лоскутка»*. Накануне самоубийства на самом герое появилась «черная метка» — точнее, «красная метка», как у персонажей По: после столкновения с *«ангелом»* Керн взглянул в зеркало и увидел *«крахмальный вырез в красных брызгах»* и пистолет.

Герою-суициденту смерть казалась *«гладким сном, мягким падением»*, что снова отсылает к «Маске….», — только Керн ищет такого финала. Одновременно это попытка снова «заснуть»: самоубийца данного типа хочет, чтобы мир *«возбуждал его, привлекал его, и мучается, что это прошло»* [Бердяев, 1931, с. 20]. Также Керн повторяет мысль Кириллова из «Бесов» о том, что суицидент — *«бог»*: осознанное богоборчество — еще одно отличие его от «празднующих». После кончины жены герой *«мстил Богу, любви, судьбе»*, пойдя за проституткой, а в разговоре с Монфиори заявлял о неверии и богохульствовал. Правда, после столкновения с *«ангелом»* в его душе произошла борьба, и он невольно воззвал к Создателю, но вскоре эта искра погасла.

Пассажиры же «Атлантиды» равнодушны к высшим материям. В их программу попало *«чье-нибудь снятие со креста, непременно знаменитое»*, и А. Злочевская отмечает, что писатель *«смешивает»* смыслы: *«кого снимают или кто автор картины?»*. Персонажам *«так же безразлично и то, кто написал картину, как и то, Кого снимают с Креста»* [Злочевская]. Одновременно Бунин упоминает Тиберия (в его правление был распят Христос), намекая, к какому полюсу герои ближе. Однако если у Керна богоотступничество приняло агрессивную форму, то в душе господина *«не осталось ни даже горчичного семени каких-либо так называемых мистических чувств»* [Бунин, 1988, с. 61]. Тут намекается, что духовный потенциал у героя был, и подспудно ставится вопрос свободы выбора.

Что касается инфернальных сил, то у По они не упоминаются (можно лишь предполагать их присутствие на маскараде), у Бунина дьявол издали следит за «Атлантидой», а у Набокова бесы активничают в мире людей. Эксплицируя такие образы, писатели дают понять, что серой зоны между добром и злом нет. В «Ударе…» нечисть не просто наблюдает — отлавливаются по одному те, кто готов заступить дальше, влекомые темным

CC BY

Эросом или Танатосом. Так Набоков заявляет и проблему бесоуподобления. Одновременно он травестирует — Монфиори «заимствует» рыжину у капитана-*«идола»,* но выглядит отталкивающим *«человечком»* (у Бунина дьявол *«громаден, как утес»*), а *«ангел»*-инкуб являет собой помесь человека и «неведомой зверушки», вызывая у Керна отвращение. Набоков полагает главной приметой дьявола пошлость, потому его концепция зла отличается от предшественников.

3.3. Гость по имени Смерть

Во всех рассказах смерть так или иначе персонифицирована. В «Господине…» она не демонстрирует себя (разве что герою), однако, как и в «Маске…», выведена субъектом: *«Он настойчиво боролся со смертью, ни за что не хотел поддаться ей, так неожиданно и грубо навалившейся на него»* [Бунин, 1988, с. 65]. Набоков действует изощреннее, применяя принцип игры «Найдите, что спрятал матрос», упомянутой в «Других берегах» (поиск скрытого изображения на картинке). Д. Джонсон, говоря о ее набоковской *«литературной версии»*, утверждает: требуется *«внезапная перегруппировка переднего плана и поля»*, чтобы заметить *«фигуру, которая станет центральным образом»* [Джонсон, 2011, с. 159].

За несколько минут до кончины господин собирался к обеду *«точно к венцу»* (и Бунин не обманул, лишь не предупредил, что венец будет смертным), и в «Ударе…» приготовления «отзеркалены», вплоть до деталей гардероба. В читальне богача-американца смерть настигла, когда он *«закрылся газетным листом»* [Бунин, 1988, с. 64], а Керн там почувствовал, *«что какая-то бледная барышня с розовыми бровями смотрит на него из-за журнала»* [Набоков, 2004, с. 39]. Следом герой взял “Таймс” (англоязычное издание) и *«развернул исполинские* (эпитет, использованный при описании «Атлантиды». — *В. Л.*) *листы. Бумажное покрывало над бездной»* [Там же]. Далее Керн (точнее, автор) подводит глобальный итог: *«Люди выдумывают преступления, музеи, игры только для того, чтобы скрыться от неизвестного, от головокружительного неба»* [Там же], словно воспроизводя «прятки от Бога» падших Адама и Евы.

Второй эпизод иллюстрирует вышеприведенные слова Бицилли о неравнодушии Набокова к образам Средневековья, включая *«пляшущего скелета»*. После читальни Керн оказался в танцзале, где *«на ступеньке пониже* (героя и его партнерши Изабель. — *В. Л.*) *сидел юноша в очень узком жакете и костлявая барышня с родинкой на лопатке»* [Набоков, 2004, с. 41]. Это вторая встреча с *«барышней»*: ранее она следила за Керном, а теперь дистанция сократилась, и *«костлявая»* поджидает на ступенях, ведущих вниз. Набоков любит троичность: вскоре дистанция со-

CC BY

кратится максимально — и максимально сгустится образ. Юноша пригласил Изабель, и Керну *«пришлось танцевать с костлявой барышней. От нее кисловато пахло лавандой»* [Набоков, 2004, с. 41]. Автор живописует danse macabre, куда вовлекаются насильно, — глагол-сигнал *«пришлось»* не случаен. Ольфакторный образ — тоже подсказка: лаванда входила в состав мазей для бальзамирования, а средневековые изображения смерти включают мумифицированный труп. Юноша-партнер Изабель, вероятно, олицетворяет демонического представителя: во-первых, «узость» входит в число их маркеров у Набокова, во-вторых, если Керн искал гибели, то героиня — *«незабываемых прикосновений»*.

В целом, идея danse macabre, призывающей задуматься о бренности земного и покаяться до прихода всепобеждающей смерти, безразличной к богатству и почестям, корреспондирует с идеями всех трех рассказов.

При этом в каждом из них гостья словно «отзеркаливает» мир, в который пришла. Красная смерть явила себя полноправным участником маскарада, дерзким *"mummer"* (ряженым-фигляром-актером), перещеголявшим всех. Это проявилось и во внешнем облике, шокировавшем самых циничных, и в поведении — она неспешно вышагивала туда-сюда, *«как бы желая полнее выдержать роль»* [По, 1901, с. 233]. У По смерть — величественная, она «над схваткой», не нисходит до взаимодействия. В ее повадке есть нечто царственное, и ее статус выше статуса Просперо, — стало быть, он королевский. На настоящую хозяйку праздника намекает и заглавие — название рассказа можно перевести и как «Театр масок / Маскарад Красной смерти», не зря По заменил первоначальную лексему "mask".

У Бунина смерть — воин, агрессор: в «Господине…» звучит подспудный милитаристский аккорд (капитан-*«идол»* в мундире, *«отряды мелких солдатиков»* на Капри, шествующих под *«бодрую и вызывающую музыку»* [Бунин, 1988, с. 58]). Там явлен пафос власти, мощи и преодоления, имеющий богоборческий подтекст: «*гордыня Нового Человека со старым сердцем»* создала лайнер, что был *«стоек, тверд, величав и страшен»* [Бунин, 1988, с. 70] (и имел прообразы в виде Вавилонской башни и «Титаника»).

У Набокова смерть — партнер по танцам в пошловатом мирке. В ней не просматривается ни царственность, ни воинственность, она довольно игривая, как и демонический Монфиори, да и курортники в финале названы *«игрушечными людьми»*. При этом ее роднит с Красной смертью портретная деталь (но с нюансами). Лицо первой было *"besprinkled with the scarlet horror"* (окроплено алым ужасом), и автор отдельно упоминает *"broad brow"* (широкий лоб) [Poe]. Последнее слово можно также перевести как «бровь», и Набоков каламбурит, выделяя *«розовые брови»* на лице *«бледной барышни»*. Смена колоротива (цветономинации) обусловлена

CC BY

идеей вырождения-измельчания-иссякания-обесцвечивания — розовый в дискурсе писателя часто знаменует малокровие. Набоков отмечает подобное и в искусстве. Ставя вопрос об *«эволюции эпической формы»* от поэм Гомера, «Божественной комедии» и «Потерянного рая» к «Дон Кихоту», он говорит об уменьшении *«крылатого эпического чудовища»* до *«довольно-таки ручного млекопитающего»* [Набоков, 1998, с. 484]. Вероятно, в «Ударе…» отображена схожая тенденция. Кроме того, герои По и Бунина избегают мыслей о смерти, а Керн ищет ее, поэтому пафоса, обусловленного загадочностью и страхом, нет. И чем ниже спускаешься по ступеням духовного распада, тем сильнее, по Набокову, дух пошлости.

Примечательно, что смерть так или иначе стала объектом агрессии: в «Маске…» гости ринулись, чтобы «убить» ее, в «Господине…» и герой боролся с ней, и постояльцы страшно возмутились ее приходом к нему. Набоков действует тоньше: про курорт сказано, что *«жизнь»* на нем *«билась пьяно и легко после мертвых лет войны»* [Набоков, 2004, с. 36], и глагол-сигнал *«билась»* многозначен. Таким образом, явление смерти привело к эскалации конфликта с Богом и установленными Им законами. Керн и Изабель пошли дальше, вступив в контакт с Его врагами. Суицид же, по Бердяеву, оказывается насилием и над витальностью, и над мортальностью: накладывающий на себя руки не уважает ее тайну и не желает *«знать Того, Кто создал жизнь и от Кого зависит смерть»* [Бердяев, 1931, с. 20].

3.4. О нескольких библейских образах

Каждый рассказ содержит в себе библейские отсылки, и подробное их рассмотрение требует отдельного исследования. Часть из них была упомянута, еще некоторые хотелось бы выделить сейчас.

Смерть, описываемая авторами, приходит к нечестивцам, и в произведениях звучит мотив ада. Он реализуется, прежде всего, через образы огня, льда и темноты, отсылая к геенне огненной, тартару и тьме внешней. Бунин прямо уподобляет *«утробу»* «Атлантиды» *«мрачным и знойным недрам преисподней, ее последнему, девятому кругу»* [Бунин, 1988, с. 56]. Этот «дантовский» аккорд звучит уже в начале, задавая тон, а в финале автор «закольцовывает», говоря про *«кухню»*, где *«варилось движение корабля»*, что она была *«раскаляемой исподу адскими топками»* [Бунин, 1988, с. 70]. Сравнение сменяется утверждением и намеком на инфернальных «распорядителей» — в том же контексте эксплицирован образ дьявола. В эту *«утробу»* поместили ящик с господином, и участь тела намекает на участь души. Также автор скрыто «рифмует» нижние *«адские топки»* с *«пылающими каминами»* наверху — а Набоков соединяет их в образе *«пасти*

CC BY

камина». Сама гостиница названа *«одиноко горящей в провале гор»*, что тоже заставляет вспомнить “Inferno”. Ранее Л. Бугаева усмотрела отсылки к Данте (посмертное путешествие) в лиминальности положения Керна, находящегося *«на грани “провала” в смерть»* [Бугаева, 2011, с. 666]. Эпитет *«горящие»* охарактеризует также лица курортников и губы Изабель, и в означенном контексте это зловещее предзнаменование.

В «Маске…», отличающейся меньшей детализацией и большей условностью, напоминанием о геенне служат треножники с неугасимым огнем — те же, что помогают создавать *“bizarre”* иллюминацию праздника. Когда же били часы, все резко застывали, и в оригинале сказано *“stiff-frozen”*, что можно перевести и как «жестко замороженные-оледеневшие». У Бунина стужа борется с «Атлантидой» извне, и мотив холода сопровождает описание пред- и посмертия господина. У Набокова мороз маркирует и пространство, и персонажей-контактеров с темными силами, и сами эти силы. С учетом аллюзий на «Ад» и расположения курорта даже пригостиничный каток видится напоминанием о Коците.

Если Бунин акцентирует огонь (отмечая и *«соседство»* гроба со *«знойными недрами»* лайнера), Набоков — лед (Изабель умерла среди снегов, а Керн в переломный момент ощутил в теле *«ледяные волны»*), то По — тьму. Будучи поначалу локализованной в черной комнате и лишь временами напоминая о себе, позже она совместно с Красной смертью простерла владычество над аббатством.

Таким образом, пространство праздника выводится преддверием ада, а в Библии преисподняя названа ненасытимой. Лексему *«утроба»* использует Бунин, говоря о дне корабля, где покоится тело. В «Маске…» последняя комната имеет антропоморфные (танатоморфные?) черты: черный бархат уподоблен савану (в оригинале), а окна-«глаза» — кровавого цвета. Она тоже поглотила героев — они стеклись туда и остались навсегда. Набоков, проведя параллель «седьмая комната замка // черный провал», усилил звучание: *«А провала не скрыть, бездна дышит, всасывает»* [Набоков, 2004, с. 39]. В «Ударе…» вообще явлен мотив поглощающего пространства: *«пасть»* камина, *«лунные ребра»* (блики светила в номере Керна), кошмар героя, в котором прикроватная стена начала *«медленно на него валиться»*. В этой комнате он и покончит с собой.

Поднимая «адскую» тему, авторы связывают настоящее и будущее. За связь с прошлым отвечают, в частности, антропонимические образы. Бунин, как уже отмечалось, пишет о Тиберии. Имя набоковской героини отсылает к Иезавели, ассоциирующейся с нечестием и развратом (3Цар., 4Цар.). Звучит оно и в Апокалипсисе в контексте лжепророчества, любодеяния и поедания идоложертвенного (Откр. 2: 20). Другой правитель-совре-

CC BY

менник Христа (и борец с Ним) упомянут в «Маске…»: по мнению празднующих, гость в костюме Красной смерти *"had out-Heroded Herod"* [Poe] (переиродил самого Ирода). На неизбежность Судного дня По намекает тоже. О явлении Красной смерти сказано: *"**like a thief in the night**"* [Poe], и это цитата: *«День Господень так придет, **как тать ночью**»* (1Фес. 5: 2). Празднующие увидели в госте подобие Ирода, но в финале он показан исполнителем Божественной воли: *«Ибо, когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба»* (1 Фес. 5: 3).

4. Заключение = Conclusions

Притчевый сюжет «смерть, пришедшая на праздник» сумел объединить миры столь разных писателей. В текстах обнаруживается много сходств, но от рассказа к рассказу образ смерти травестируется. У По она имеет королевскую стать, не суетится, легко и спокойно убивает людей. У Бунина герой с ней борется — она как бы опускается до драки. У Набокова персонаж не конфликтует, а послушно, хоть и неохотно, танцует с ней.

Набоков, гений синтеза, отличающийся «всемирной отзывчивостью», соединил линии предшественников и продолжил их. Герои «Маски…» и «Господина…» закрыты от мистики, а герои «Удара…» (кроме основной массы курортников) как бы ориентированы на нее. Писателю потребовались особые персонажи-контактеры, чтобы в должной мере актуализировать проблематику. В «Ударе…» инфернальный дискурс выражен особенно сильно, и мотив ужаса, сквозной для всех трех произведений, связан там с темномистическим началом и ощущением близости ада. В «Маске…» и «Господине…» персонажей, зашедших не так далеко, как Керн, ужасает само напоминание о неизбежном конце. При этом если у Бунина демоническая сущность монументальна, то у Набокова такие сущности суетливы и отталкивающи, потому что главной приметой дьявола писатель полагает пошлость.

Можно заключить, что проблема эскапизма рассматривается писателями в аспекте «вертикали». Ставя вопросы соблазна, богоотступничества, влияния инфернальных сил, посмертного воздаяния, они являют человеческие души местом поединка света и тьмы. Обращает на себя внимание и совмещение временных планов: авторы соединяют прошлое (библейские персонажи), настоящее (их духовные наследники) и будущее (Судный день).

Источники и принятые сокращения

1. *Бунин И. А.* Господин из Сан-Франциско / И. А. Бунин // Собрание сочинений : в 6 т. — Москва : Художественная литература, 1988. — С. 53—71. — ISBN 5-280-00058-2.

2. *Набоков В. В.* Удар крыла / В. В. Набоков // Русский период. Собрание сочинений : в 5 томах. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — Т. 1. — С. 35—54. — ISBN 5-89091-051-5.

3. *По Э. А.* Маска Красной смерти / Э. А. По // Собрание сочинений Эдгара По в переводе с английского К. Д. Бальмонта. — Москва : Скорпион, 1901. — Т. 1. — С. 235—242.

4. *Poe E. A.* The Mask of the Red Death [Electronic resource] / E. A. Poe. — Access mode : https://poestories.com/read/masque (accessed 21.11.2021).

Литература

1. *Бальмонт К. Д.* Гений открытия / К. Д. Бальмонт // Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. — Москва : Правда, 1991. — 608 с. — ISBN 5-253-00115-8.

2. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1986. — 543 с.

3. *Бердяев Н. А.* О самоубийстве : Психологический этюд / Н. А. Бердяев. — Париж : YMCA-press, 1931. — 45 с.

4. *Библия*. — Москва : Сибирская благозвонница, 2020. — 1488 с. — ISBN 9785001272458.

5. *Бицилли П. М.* Трагедия русской культуры : Исследования, статьи, рецензии / П. М. Бицилли. — Москва : Русский путь, 2000. — 608 с. — ISBN 3-83887-073-2.

6. *Бугаева Л. Д.* Набоков и Данте / Л. Д. Бугаева // Данте : pro et contra. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2011. — С. 665—676. — ISBN 978-5-88812-429-1.

7. *Венгерова З.* Новости иностранной литературы / З. Венгерова // Вестник Европы. — 1898. — № 7. — С. 422.

8. *Гроссман Дж. Д.* Эдгар По в России. Легенда и литературное влияние / Дж. Д. Гроссман. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1998. — 198 с. — ISBN 5-7331-0114-8.

9. *Джонсон Д. Б.* Миры и антимиры Владимира Набокова / Д. Б. Джонсон. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2011. — 352 с. — ISBN 978-5-89091-445-3.

10. *Достоевский Ф. М.* Предисловие к публикации «Три рассказа Эдгара Поэ» / Ф. М. Достоевский // Время. — 1861. — № 17. — Отд. I. — С. 230—231.

11. *Злочевская А. В.* Роль мистико-религиозного подтекста в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» [Электронный ресурс] / А. В. Злочевская. — Режим доступа : https://bogoslov.ru/article/290249#_ednref6 (дата обращения 3.12.2021).

12. *Мельников Н. О.* Набокове и прочем : Статьи, рецензии, публикации / Н. О. Мельников. — Москва : НЛО, 2014. — 424 с. — ISBN 978-5-4448-0365-3.

13. *Михайлова М. В.* «Господин из Сан-Франциско» — судьба мира и цивилизации [Электронный ресурс] / М. В. Михайлова. — Режим доступа : http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/mihajlova-gospodin-iz-san-francisko.htm (дата обращения 6.12.2022).

14. *Михеичева Е. А.* Близкие — далекие : Бунин и Набоков / Е. А. Михеичева // Орловский текст российской словесности : Материалы Всероссийской научной конференции. — Орел : ООО «Картуш», 2021. — С. 35—44. — ISBN 978-5-9708-0933-4.

15. *Набоков В. В.* Из лекций о «Дон Кихоте» / В. В. Набоков // Лекции по зарубежной литературе. — Москва : Издательство Независимая Газета, 1998. — С. 481—507. — ISBN 5-86712-042-2.

16. *Проффер К.* Ключи к “Лолите” / К. Проффер. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000. — 301 с. — ISBN 5-89091-092-2.

17. *Уракова А. П.* Пустота под маской : антропологический аспект рассказа Э. А. По “Маска Красной Смерти” / А. П. Уракова // Новые российские гуманитарные исследования. — 2010. — № 5. — С. 4.

18. *Чекалова С.* В присутствии Набокова / С. Чекалова // Новый мир. — 1997. — № 6. — С. 218—230.

19. *Шраер М.* Бунин и Набоков. История соперничества / М. Шраер. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. — 222 с. — ISBN 978-5-9614-3585-6.

20. *Roppolo J. P.* "Meaning and 'The Masque of the Red Death'" / J. P. Roppolo // Tulane Studies in English. — 1963. — № 13. — Pp. 59—69.

21. *Mabbott T. O.* "On Poe's 'Tales of the Folio Club'" / T. O. Mabbott // Sewanee Review. — 1928. — № 36. — Pp. 171—176.

22. *Merivale P.* Detecting Texts : The Metaphysical Detective Story from Poe to Postmodernism / P. Merivale, S. E. Sweeney. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1999. — 320 p. — ISBN 0-8122-3434-0.

Material resources

Bunin, I. A. (1988). Mister from San Francisco. In: *Collected works: in 6 volumes.* Moscow: Fiction. 53—71. ISBN 5-280-00058-2. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2004). Wing strike. In: *Russian period. Collected works: in 5 volumes, 1.* St. Petersburg: Symposium. 35—54. ISBN 5-89091-051-5. (In Russ.).

Po, E. A. (1901). The Mask of the Red Death. In: *The Collected Works of Edgar Poe translated from English by K. D. Balmont, 1.* Moscow: Scorpion. 235—242. (In Russ.).

Poe, E. A. *The Mask of the Red Death.* Available at: https://poestories.com/read/masque (accessed 21.11.2021).

References

Bakhtin, M. M. (1986). *Literary and critical articles.* Moscow: Fiction. 543 p. (In Russ.).

Balmont, K. D. (1991). The genius of discovery. In: *Favourites. Poems. Transfers. Articles.* Moscow: Pravda. 608 p. ISBN 5-253-00115-8. (In Russ.).

Berdyaev, N. A. (1931). *About suicide: A psychological study.* Paris: YMCA-press. 45 p. (In Russ.).

Bicilli, P. M. (2000). *The tragedy of Russian culture: Research, articles, reviews.* Moscow: Russian Way. 608 p. ISBN 3-83887-073-2. (In Russ.).

Bugaeva, L. D. (2011). Nabokov and Dante. In: *Dante: pro et contra.* St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 665—676. ISBN 978-5-88812-429-1. (In Russ.).

Chekalova, S. (1997). In the Presence of Nabokov. *Novyj Mir, 6:* 218-230. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1861). Preface to the publication "Three Stories of Edgar Poe". *Time, 17 (1):* 230—231. (In Russ.).

Grossman, J. D. (1998). *Edgar Poe in Russia. Legend and Literary Influence.* Saint Petersburg: Academic Project. 198 p. ISBN 5-7331-0114-8. (In Russ.).

Johnson, D. B. (2011). *The worlds and anti-worlds of Vladimir Nabokov.* St. Petersburg: Symposium. 352 p. ISBN 978-5-89091-445-3. (In Russ.).

Mabbott, T. O. (1928). "On Poe's 'Tales of the Folio Club'". *Sewanee Review, 36:* 171—176.

Melnikov, N. O. (2014). *Nabokov and others: Articles, reviews, publications.* Moscow: UFO. 424 p. ISBN 978-5-4448-0365-3. (In Russ.).

Merivale, P., Sweeney, S. E. (1999). *Detecting Texts: The Metaphysical Detective Story from Poe to Postmodernism.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 320 p. ISBN 0-8122-3434-0.

Mikhailova, M. V. *"The Gentleman from San Francisco" — the fate of the world and civilization.* Available at: http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/mihajlova-gospodin-iz-san-francisko.htm (accessed 6.12.2022). (In Russ.).

Mikheicheva, E. A. (2021). Near and far: Bunin and Nabokov. In: *Orel text of Russian literature: Materials of the All-Russian Scientific Conference.* Eagle: LLC "Cartouche". 35—44. ISBN 978-5-9708-0933-4. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (1998). From lectures on "Don Quixote". In: *Lectures on foreign literature.* Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publishing House. 481—507. ISBN 5-86712-042-2. (In Russ.).

Proffer, K. (2000). *Keys to Lolita.* St. Petersburg: Symposium. 301 p. ISBN 5-89091-092-2. (In Russ.).

Roppolo, J. P. (1963). "Meaning and 'The Masque of the Red Death'". *Tulane Studies in English, 13:* 59—69.

Schraer, M. (2014). *Bunin and Nabokov. The history of rivalry.* Moscow: Alpina non-fiction. 222 p. ISBN 978-5-9614-3585-6. (In Russ.).

The Bible. (2020). Moscow: Siberian blagozvonnitsa. 1488 p. ISBN 9785001272458. (In Russ.).

Urakova, A. P. (2010). Emptiness under the mask: the anthropological aspect of E. A. Poe's story "The Mask of the Red Death". *New Russian humanitarian Studies, 5:* 4. (In Russ.).

Vengerova, Z. (1898). News of foreign literature. *Bulletin of Europe, 7:* 422. (In Russ.).

Zlochevskaya, A. V. *The role of the mystical-religious subtext in the story of I. A. Bunin "The Gentleman from San Francisco".* Available at: https://bogoslov.ru/article/290249#_ednref6 (accessed 3.12.2021). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.12.2021,
одобрена после рецензирования 16.02.2022,
подготовлена к публикации 12.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лушникова Г. И. К вопросу об идиостиле К. Исигуро (на материале романа «Клара и Солнце») / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 299—315. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-299-315.

Lushnikova, G. I., Osadchaya, T. Yu. (2022). Kazuo Ishiguro's Idiostyle (Novel "Klara and the Sun"). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 299-315. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-299-315. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-299-315

К вопросу об идиостиле К. Исигуро (на материале романа «Клара и Солнце»)

Лушникова Галина Игоревна [1]
orcid.org/0000-0003-1080-3184
доктор филологических наук,
профессор кафедра иностранной филологии
и методики преподавания
lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна [2]
orcid.org/0000-0001-8566-2529
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра лингводидактики
и зарубежной филологии
osadchaya_ta@mail.ru

[1] Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

[2] Севастопольский
государственный университет
(Севастополь, Россия)

Kazuo Ishiguro's Idiostyle (Novel "Klara and the Sun")

Galina I. Lushnikova [1]
orcid.org/0000-0003-1080-3184
Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Philology
and Teaching Methods
lushgal@mail.ru

Tatiana Yu. Osadchaya [2]
orcid.org/0000-0001-8566-2529
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Department of Linguodidactics
and Foreign Philology
osadchaya_ta@mail.ru

[1] V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

[2] Sevastopol State University
(Sevastopol, Russia)

© Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены толкования многоаспектного понятия «идиостиль писателя» в рамках изучения его различных характеристик, в частности, в контексте изучения языковой личности, с точки зрения лингвотипологии художественного текста, с позиций коммуникативно-деятельностного подхода. Актуальность изучения идиостиля конкретного автора обусловлена тем, что его характерные черты и оригинальные способы реализации авторского замысла являются важнейшими элементами характеристики литературного процесса в определенную эпоху. Новизна исследования видится в том, что новый роман британского писателя японского происхождения К. Исигуро «Клара и Солнце» еще не становился предметом изучения литературоведов. Особое внимание уделяется наднациональному аспекту, занимающему ведущую позицию в его творчестве. Анализу подвергается реализация таких ключевых элементов идиостиля писателя, как жанровая форма, тип повествования, хронотоп, образы персонажей, идейно-тематическая составляющая, ведущие стилистические средства. Проводится их сопоставление с характерными чертами других произведений автора. Показано, что в романе «Клара и Солнце» продолжают развиваться типичные для творчества К. Исигуро литературные приемы, однако они получают новое развитие и оригинальное преломление, по-новому решаются авторские задачи, несколько по-иному выстроена система образов и трактовка основных тем и идей.

Ключевые слова:
Кадзуо Исигуро; Клара и Солнце; идиостиль; наднациональность; универсальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Interpretations of the multidimensional concept of “writer’s idiostyle” are presented in the framework of the study of its various characteristics, in particular, in the context of the study of a linguistic personality, from the point of view of the linguotypology of a literary text, from the standpoint of a communicative-activity approach. The relevance of studying the idiostyle of a particular author is due to the fact that its characteristic features and original ways of implementing the author’s intention are the most important elements of the characterization of the literary process in a certain era. The novelty of the study is seen in the fact that the new novel by the British writer of Japanese origin K. Ishiguro “Klara and the Sun” has not yet become the subject of study by literary critics. Particular attention is paid to the international aspect, which occupies a leading position in his work. The implementation of such key elements of the writer's idiostyle as genre form, type of narration, chronotope, images of characters, ideological and thematic component, leading stylistic means is analyzed. They are compared with the characteristic features of other works of the author. It is shown that in the novel “Klara and the Sun” literary devices typical for Kazuo Ishiguro’s work continue to develop, however, they receive new development and original implementation, the author’s tasks are solved in a new way, the system of images and interpretation of the main themes and ideas are built in a slightly different way.

Key words:
Kazuo Ishiguro; Klara and the Sun; idiostyle; international and universal narrative.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.111Ishiguro.09

К вопросу об идиостиле К. Исигуро (на материале романа «Клара и Солнце»)

© Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

Идиостиль писателя является ключевым понятием глобальных парадигм лингвистики и литературоведения. Он становился предметом изучения филологов на протяжении нескольких десятилетий. Данный термин включает ряд параметров и поэтому может быть определен по-разному, в зависимости от того, какой параметр считать ключевым: «Идиостиль писателя — это сложное многоаспектное понятие, которое включает в себя различные параметры: стилистические, языковые, психолингвистические, семантические, когнитивные и многие другие и, как следствие, требует изучения с различных сторон» [Криницына, 2019, с. 113]. Изучением идиостиля писателя занимались такие видные ученые, как В. В. Виноградов [Виноградов, 1961], Ю. Н. Караулов [Караулов, 2010], А. И. Ефимов [Ефимов, 1957], В. П. Григорьев [Григорьев, 1983] и другие.

Поскольку идиостиль писателя был и остается предметом изучения многих исследователей, его рассматривают через призму различных подходов, точек зрения, данное понятие является одним из ключевых в лингвистических и литературоведческих изысканиях. Все это определяет актуальность изучения идиостиля конкретных авторов, выделения его характерных черт и оригинальных способов реализации авторского замысла как важнейших элементов характеристики литературного процесса в определенную эпоху: «… в индивидуальных проявлениях художественного типа текста содержатся зародыши последующих лингвотипологических сдвигов в художественном дискурсе конкретной эпохи» [Фоменко, 2006, с. 96].

Реализация ключевых аспектов идиостиля британского писателя К. Исигуро недостаточно изучена, а особенности его идиостиля в романе «Клара и Солнце» пока не становились предметом изучения литературоведов, что обусловливает актуальность данной статьи. Цель настоящего исследования — определить некоторые характерные черты идиостиля К. Исигуро; выявить способы их воплощения в его новом романе «Клара и Солнце».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С одной стороны, идиостиль писателя рассматривают в рамках изучения проблемы характеристики и поведения языковой личности, в частности,

CC BY

пишущей языковой личности. В контексте парадигмы изучения языковой личности понятие «идиостиль» писателя рассматривают такие ученые, как Ю. Н. Караулов [Караулов, 2010], В. В. Наумов [Наумов, 2013], В. В. Леденева [Леденева 2001а; Леденева 2001б], Н. С. Болотнова [Болотнова и др., 2014], Е. В. Старкова [Старкова, 2015] и др. По определению Ю. Н. Караулова, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык» [Караулов, 2010, с. 38]. В. В. Леденева полагает, что «идиостиль — это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным средствам и способам автопрезентации» [Леденева, 2001, с. 12]. Результаты изучения отдельной языковой личности могут быть использованы для масштабного исследования языка целой эпохи: «Изучение языковой личности помогает раскрыть индивидуальные особенности языка личности и эпохи в целом» [Криницына, 2019, с. 110]. В рамках исследования данной проблематики идиостиль рассматривается как «совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности <…>, формирующихся под воздействием всей экстралингвистической базы — как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой» [СЭСРЯ, с. 95—96]. Согласно теории Ю. Н. Караулова, любое художественное произведение отражает идиостиль писателя и определяет его как уникальную, индивидуальную языковую личность. При этом элементы идиостиля проявляются на всех уровнях текста. По словам Е. В. Старковой, «языковая личность автора привлекает внимание коммуникативной стилистики в аспекте идиостиля, проявляющегося в текстовой деятельности, в структуре, семантике и прагматике текста» [Старкова, 2015, с. 78]. Важно также отметить, что языковая личность автора проявляется «в выборе и организации многообразных средств, регулирующих диалог с читателем, стимулирующих ассоциативную деятельность адресата в определённом направлении, по-разному моделирующих смысловое развёртывание текста в сознании читателя» [Болотнова и др., 2014, с. 175].

С другой стороны, исследование идиостиля писателя представляет интерес с точки зрения лингвотипологии художественного текста, ведущей проблемой которой является определение инвариантной модели художественного текста определенной эпохи. По словам Е. Г. Фоменко, «предлагаемая концепция лингвотипологии художественного текста строится на базовых понятиях, к которым относятся идиостиль писателя, заключенный в пространство всех своих художественных текстов, и типовая модель художественного текста, проводником которой этот идиостиль писателя является» [Фоменко, 2006, с. 96]. При этом Е. Г. Фоменко полагает, что идиостиль писателя не совпадает с авторским, личным стилем писателя, его индивидуальным стилем, поскольку «лингвотипологическое пространство идиостиля писателя создается всей

CC BY

совокупностью его художественных текстов» [Фоменко, 2006, с. 97]. Понятие «идиостиль» не совпадает и с понятием «идиолект». М. И. Рутти предлагает следующее разграничение данных понятий: «Последовательность всех произведений определенного автора, созданных им художественных текстов представляет собой его идиолект. Совокупность глубинных, породивших эти тексты доминант писателя, определивших появление его произведений в данной последовательности, называется идиостилем» [Рутти, 2017, с. 102].

В данной статье мы рассматриваем идиостиль с точки зрения коммуникативно-деятельностного подхода, определяя вслед за Е. В. Старковой данное понятие как «систему принципов моделирования индивидуально авторской картины мира посредством формирования содержания художественного текста, отбора языковых единиц и образных средств для его выражения, основанного на особенностях сознания языковой личности и ее представлениях о действительности» [Старкова, 2015, с. 79].

Нужно также отметить, что языковую личность и идиостиль писателя мы рассматриваем через призму особенностей его индивидуальности: «Содержание понятия языковая личность переплетается с этнокультурными и национальными чертами индивидуальности» [Караулов, 2010, с. 46]. По справедливому замечанию ряда исследователей, картина мира художественного произведения отражает индивидуальную картину мира писателя: «Реализация индивидуальных особенностей языковой личности в художественном тексте происходит под влиянием определенной концептосферы, на фоне национальной картины мира» [Рутти, 2017, с. 100]; «Художественная картина мира характеризуется концептами авторского восприятия мира, то есть индивидуальными концептами писателя» [Тимашева и др., 2012, с. 180]; «Автор сознательно или подсознательно отражает в художественном тексте свою индивидуально-авторскую картину мира, хотя и является частью определенного лингвокультурного сообщества [Рябых и др., 2019, с. 184—185].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Наднациональный характер творчества К. Исигуро как ключевой аспект его идиостиля

Творчество современного британского писателя японского происхождения, лауреата Нобелевской премии по литературе К. Исигуро вызывает большой интерес читателей, критиков и исследователей. В зарубежном литературоведении предпринимались неоднократные попытки подвергнуть анализу отдельные черты идиостиля данного автора и охарактеризовать его в целом. Назовем авторов наиболее значимых монографий: B. Lewis [Lewis, 2001], W. Sim [Sim, 2006], B. W. Shaffer [Shaffer, 2008], C. F. Wong [Wong, 2019]. Авторы одной из первых коллективных монографий, посвященных

CC BY

К. Исигуро, «Kazuo Ishiguro: Contemporary Critical Perspectives» на первый план выдвигают универсальность творчества писателя, преодоление им языковых, национальных и культурных границ. В предисловии утверждается, что романы писателя можно назвать наднациональными — «international»: «His work celebrates openness and tolerance, addressing readers of all places and times without falling into cultural relativity» [Kazuo, 2010, p. 2] (Его работы прославляют открытость и терпимость, обращаются к читателям, живущим в разных странах и эпохах, независимо от их культурной принадлежности) (здесь и далее перевод наш. — *Г. Л., Т. О.*). В другой монографии «Kazuo Ishiguro: New Critical Visions of the Novels» автор предисловия наряду с универсальностью, называет еще один важный аспект творчества писателя, — обращение к общечеловеческим проблемам морали: «Ishiguro's work reduces references specific to place and culture to make his narratives 'universal', yet his reference to 'good manners' does not simply refer to etiquette or decorum but to his work's profound engagement with moral questions» [Kazuo, 2011, p. 2—3] (Исигуро немного внимания уделяет культурным особенностям общества, в котором происходят события, что делает его произведения «универсальными»; однако когда он говорит о «хороших манерах», он имеет в виду не просто этикет или приличия, а глубокое исследование вопросов морали).

Главы монографии «Kazuo Ishiguro in a Global Context» [Kazuo, 2019] посвящены характеристике тематической палитры, проблематики, хронотопа, нарративных стратегий и других аспектов творчества писателя. Как видно из названия монографии, произведения автора также рассматриваются в общемировом, глобальном контексте, причем «глобальность» проявляется на нескольких уровнях: авторы монографии представляют разные страны и научные школы; работы К. Исигуро касаются универсальных общечеловеческих тем и проблем; читателями, критиками и исследователями произведений автора являются представители разных стран, расположенных на всех без исключения континентах. Таким образом, идиостиль К. Исигуро является предметом изучения представителей различных культур, носителей различных языковых картин мира, что делает коллективный анализ творчества писателя в данной монографии достаточно глубоким и разносторонним.

Наднациональный универсальный характер творчества писателя наиболее ярко проявляется в его последнем на данный момент романе «Klara and the Sun» / «Клара и Солнце» (2021 год).

3.2. Проявление ключевых элементов идиостиля К. Исигуро в романе «Клара и Солнце»

В самых общих чертах идиостиль К. Исигуро можно охарактеризовать как игру с разными категориями текста, игру, которая позволяет читате-

CC BY

лю по-новому увидеть мир: «His play with genre, form, and narrative, however subtly performed, always suggests a doubling, another vantage point from which we might look differently at his world and our own» [Holmes, 2021, p. 1] (Его игра с жанрами, формой и повествованием, как бы тонко она ни была исполнена, всегда предполагает что-то новое, еще одну точку зрения, с которой мы могли бы иначе взглянуть на его мир и на наш собственный).

Роман К. Исигуро «Клара и Солнце» демонстрирует характерные черты идиостиля писателя и в то же время предлагает новые решения авторских задач. Вернее сказать, что характерные для творчества К. Исигуро приемы в данном романе получают новое развитие и оригинальное преломление.

Рассмотрим ключевые элементы авторского идиостиля в романе «Клара и солнце»: к которым относится жанровая форма, тип повествования, хронотоп, образы персонажей, идейно-тематическая составляющая, ведущие стилистические средства.

Практически во всех произведениях К. Исигуро наблюдается контаминация черт различных жанров, достаточно сложно отнести тот или иной его роман к определенному жанру. Роман «Художник зыбкого мира» соединяет в себе жанровые характеристики семейного, исторического и социального романов. Роман «Погребенный великан» — это и роман-притча, и исторический и философский роман одновременно. Роман «Остаток дня» считают историческим и психологическим романом. Роман «Не отпускай меня» относят к антиутопии с элементами научной фантастики.

Надо отметить, что во многих романах К. Исигуро создает атмосферу неопределенности для реализации авторского замысла — максимального вовлечения читателя в сотворчество: «Читатель должен самостоятельно интерпретировать недосказанность и умолчания автора, разгадывать аллюзии и придавать собственный смысл разнообразным событиям, явлениям и символам» [Лушникова и др., 2018, с. 15]. По словам О. Г. Сидоровой, «… элементы жанровой принадлежности (характерные герои, темы, элементы, мотивы) служат своеобразными приманками для читателей. Дихотомия того, что написано, и того, что не вербализовано, продолжает сохраняться в текстах романов с большей или меньшей напряженностью» [Сидорова, 2018, с. 312]. Данный аспект идиостиля К. Исигуро проявляется и в романе «Клара и солнце»: «There's a balancing act going on in *Klara and the Sun*, between the subtext and the text» [Battaglia, 2021] (В романе «Клара и солнце» сохраняется баланс между тем, что сказано и тем, о чем можно только догадываться).

По жанровому своеобразию роман К. Исигуро «Клара и солнце» также отличается соединением нескольких жанровых тенденций, с той разницей, что количество жанровых форм, использованных автором, здесь больше,

CC BY

чем в его предыдущих произведениях. Его можно отнести к антиутопии, к научной фантастике, семейному и подростковому роману (по словам самого Исигуро, он задумывал его как роман для детей). Темы, поднимаемые в романе, о которых речь пойдет ниже, позволяют говорить о нем и как о социально-психологическом и экзистенциалистском романе.

Как известно, К. Исигуро является мастером такого приема, как «перепорученное повествование». Он выбирает разнообразных рассказчиков-повествователей, именуемых ненадежными рассказчиками, вживается в их образы, тонко чувствует их психологию, представляет описываемые события и других персонажей с их точки зрения. В его романе «Художник зыбкого мира» повествование ведется от лица художника Оно, прошедшего сложные социально-политические катаклизмы, остро переживающего по поводу совершенных им ошибок, неверных шагов. В романе «Остаток дня» события представлены глазами пожилого английского дворецкого Стивена, имеющего свой специфический взгляд на жизненные принципы преданного слуги. В романе «Погребенный великан» повествователем является загадочный герой — лодочник (один или два), который, подобно Харону, перевозит души умерших в потусторонний мир. Его роль эксплицируется лишь в конце повествования. В цикле рассказов «Ноктюрны» каждый рассказ имеет своего повествователя (саксофонист, виолончелист, звезда эстрады), который рисует картины своей жизни и жизни окружающих, встречающихся на пути. В романе «Безутешные» повествователем является его главный герой — знаменитый пианист, заблудившийся в своих воспоминаниях и мечтах, соединяющий в своем сознании реальные и воображаемые события, людей из настоящего и прошлого. В каждом романе перевоплощение в того или иного героя-повествователя маркируется специфической речевой манерой — языковыми особенностями, присущими выбранному персонажу. Это использование и лексических единиц, и грамматических форм, и синтаксических конструкций.

В романе «Клара и солнце» также имеет место перепорученное повествование, но оно очень своеобразно и неожиданно: роль рассказчика отводится роботу-андроиду, машине, обладающей человеческим обликом и искусственным интеллектом. Имея поразительные способности, практически не отличающиеся от человеческих, искусственная подруга по имени Клара, однако, обладает свойственными машине манерами мышления и говорения, которые мастерски передает автор. Едва заметные, не нарочитые маркеры этой специфики делают повествование от лица машины достоверным, благодаря чему читатель постоянно воспринимает этого персонажа именно как робота, несмотря на всю ее человечность. К данным маркерам относятся использование специфичных терминов, строгое по-

CC BY

следовательное построение фраз, отсутствие характерных для речи человека отступлений, эллипсиса, импликаций, разговорных формул и прочих элементов, которые, как правило, наличествуют в речи реальных людей. Клара избегает прямого обращения к адресату, с которым ведет беседу, вместо местоимения второго лица (*you*) она произносит имя собеседника. Ее речь отражает не только характерную для искусственного интеллекта четкость выражения мыслей, но и четкость самих мыслей, а также характер Клары, лишенный человеческой сложности и изощренности, ее чистые помыслы и благородные намерения.

В процессе чтения романа создается впечатление, что люди и машины поменялись местами. Роботы, подобные Кларе, душевнее людей, и, кроме того, по словам одного из персонажей, они имеют более высокие интеллектуальные способности, поэтому люди должны учиться у роботов, стремиться достичь их уровня: *AFs (artificial friends) have so much more to give us than we currently appreciate. We shouldn't fear their intellectual powers. We should learn from them. AFs have so much to teach us* [Ishiguro, 2021, p. 263] / *Я полагаю, что ИД и ИП могут дать нам гораздо больше, чем мы в настоящее время готовы у них взять. Мы не должны бояться их интеллекта. Нам следует у них учиться. ИД и ИП способны преподать нам ценные уроки* [Исигуро, 2021, с. 228].

Хронотоп в разных произведениях К. Исигуро весьма разнообразен, время и место действия его произведений — разные эпохи, страны, миры. В романе «Художник зыбкого мира» это Япония 1948—1950 годов и — ретроспективно — Япония в военные 30-е годы; в романе «Остаток дня» — Англия на протяжении примерно 40 лет после первой мировой войны; в романе «Не отпускай меня» — Великобритания конца 20 века; в романе «Безутешные» — некий неназванный современный европейский город; в романе «Когда мы были сиротами» действие разворачивается в Шанхае в первой половине 20 века; в «Ноктюрнах» изображены несколько населенных пунктов, среди которых Венеция, Лондон, графство Вустершир в наше время; в романе «Погребенный великан» — Англия периода раннего средневековья с элементами вымышленного мира. Большинство произведений автора повествуют о прошлом, исключение представляют «Ноктюрны», «Не отпускай меня» и «Безутешные», в которых речь идет о современной действительности.

В романе «Клара и солнце» хронотоп уникален в том смысле, что ни место, ни время событий не указаны, тем самым Исигуро продолжает использовать тот же прием, что и в романе «Безутешные». Очевидно, что это неопределенное, но не очень отдаленное будущее, поскольку, как бы ни была высокоразвита в настоящее время техническая мысль, все же ис-

CC BY

кусственные друзья и подруги для детей пока не созданы. Место действия точно не обозначено, на основании некоторых деталей (имена героев, указания на английский акцент одного из персонажей) можно предположить, что это Америка. Неопределенность хронотопа, с одной стороны, обеспечивает высокую степень обобщения (любой город Америки или, еще шире, современного мира в целом), с другой стороны, показывает универсальность проблем, перед которыми оказалось человечество, независимо от географического положения и социально-политического строя.

Образы героев произведений Исигуро отличаются по возрасту, социальному положению, национальной принадлежности, психологическому складу, темпераменту и характеру. Автор обладает уникальной способностью проникать в психологию каждого из своих персонажей, убедительно представить их читателю и показать проблемы и жизненно важные с их точки зрения вопросы, а также пути, которые они выбирают для их решения. Среди главных героев его произведений — ушедший на пенсию некогда известный художник («Художник зыбкого мира»), стареющий дворецкий («Остаток дня»), знаменитый пианист («Безутешные»), совсем юные обитатели интерната для будущих клонов («Не отпускай меня»), успешные и неуспешные, ищущие себя музыканты («Ноктюрны»), пожилая супружеская пара, воин («Погребенный великан») и многие другие.

Не меньший интерес представляют и второстепенные персонажи автора, которые, как правило, занимают важное место в композиционной и нарративной структуре произведения, играют существенную роль в раскрытии идейного замысла и трактовке тем. Разнообразие, глубина и сложность образов героев являются характерной чертой идиостиля К. Исигуро, его визитной карточкой, неслучайно многие его персонажи имеют статус типажей (в большей степени это касается английского дворецкого из романа «Остаток дня»).

Для идиостиля писателя достаточно характерно создание ярких и в то же время глубоких детских образов, через которые автор реализует мотив «ненормальности» мира взрослых: «Они встречаются во всех без исключения романах писателя: в его художественном мире дети всегда представляют полюс нормальности человеческого бытия в тревожном взрослом мире, а их судьбы — самое суровое обвинение или оправдание судеб взрослых героев» [Сидорова, 2018, с. 314—315].

Главная героиня романа «Клара и солнце» уникальна в том плане, что это робот-андроид, который, как нам всем повествованием демонстрирует автор, своими душевными качествами превосходит других роботов. Этот факт отмечает менеджер магазина, ее искусственные друзья и довольно часто осознает она сама. Кроме того, что особенно поражает читателя, Клара оказывается

CC BY

более отзывчивой и внимательной, чем многие люди. Она владеет умением и, самое главное, желанием понять чувства и переживания окружающих ее людей: *...she now has the most sophisticated understanding of any AF* [Ibid., p. 58] / *... она сейчас понимает окружающее лучше и тоньше, чем любой ИД и любая ИП в этом магазине* [Там же, с. 56]. Более того, она обладает эмпатией самой высокой степени, поскольку запрограммирована на то, чтобы делать добро, служить, в первую очередь, девочке-подростку, для которой ее приобрели. Но ее внимательное и заботливое отношение распространяется практически на всех, с кем она сталкивается. В качестве искусственной подруги она настолько искренне и самоотверженно отдает себя своей то ли хозяйке, то ли подруге Джози, что на ее фоне настоящие люди и Джози в том числе выглядят равнодушными, невнимательными и порой жестокими. Имплицируемый печальный вывод автора заключается в том, что в мире, где машины более человечны, чем люди, необходимо срочно что-то менять.

Темы художественных произведений К. Исигуро весьма актуальны и потому вызывают интерес у самого разного читателя. Это и вечные темы любви, семейных отношений между супругами, родителями и детьми, это и глобальные темы, волнующие человечество, связанные с проблемами войн, экологии, последствий технического прогресса, это и, казалось бы, частные темы, ограниченные рамками определенной профессии, но важные для всех — о предназначении творческой личности, ее роли в политической и социальной системе, о том, как следует понимать смысл профессионального долга, и многие другие. Характерной чертой идиостиля автора на тематическом уровне является то, что он не ограничивается какой-либо одной темой, во всех его романах наличествует целая палитра тем, которые подвергаются оригинальной нетривиальной трактовке.

В романе «Клара и солнце» также присутствует тематическое разнообразие — темы семейных отношений, взросления подростков, долга, дружбы, любви, самоотверженности. Автор говорит о таких важных проблемах, как стремительное ухудшение экологии планеты, опасные последствия бурного развития техники. Центральной в этом романе, на наш взгляд, является тема одиночества, которая тесно связана со всеми другими темами. Эта тема и раньше волновала автора, он в той или иной мере раскрывал ее в других своих произведениях. Но в этом романе она звучит особенно пронзительно: люди чувствуют себя одиноко в больших мегаполисах, супруги очень часто не могут сохранить свои отношения и разводятся, обрекая себя на одиночество. Матери одиноки либо из-за особенностей своего характера (мать Рика), либо из-за занятости делами, работой (мать Джози). Подростки чувствуют себя одинокими в своих семьях и потому нуждаются в искусственных подругах или друзьях, которые, как

CC BY

показано в романе, стали обязательным атрибутом их жизни. Последнее является отражением тенденции, которая существует в реальной жизни: без современных гаджетов уже немыслимо существование подростков и молодых людей, очень часто они не находят времени и не имеют желания общаться с живыми людьми.

Клара неоднократно говорит об одиночестве подростков и о том, что дети, вопреки их природе, очень часто грустят: … *Josie might be one of those lonely children…* [Ibid., p. 16] / *... Джози, может быть, из тех одиноких подростков…* [Там же, с. 20]. Как следствие, подростки не умеют находить общий язык или испытывают трудности в общении друг с другом, чувствуют себя скованно среди своих сверстников. Так, для Джози предстоящая вечеринка с друзьями вызывает лишь негативные эмоции, она соглашается принимать своих гостей только потому, что ее мать настаивает на необходимости этого мероприятия, поскольку считает, что Джози должна учиться, по ее словам, социализации. По мысли автора, люди одиноки, но общение, которое должно доставлять радость, превращается в обязанность. Неслучайно, на наш взгляд, вместо слов *дружеская встреча, вечеринка с друзьями* употребляется сухой термин *interaction party.*

Слово *lone* и его дериваты употребляется многократно на протяжении романа, что выражает обеспокоенность автора тем, что люди боятся одиночества: *Rick's mother is reluctant to let Rick go because she fears the loneliness that would result for* [Ibid., p. 188] / *Я думаю, она считает, что мама Рика не хочет отпустить Рика из боязни остаться в одиночестве* [Там же, с. 164]; страдают от одиночества, делают все возможное, чтобы от него спастись: *…the wish to avoid loneliness; such a noble thing, to override the dread of loneliness* [Ibid., p. 204—205] / *желание избежать одиночества; благородная штука, побеждающая страх одиночества* [Там же, с. 178].

Идиостиль К. Исигуро характеризуется богатым использованием образных средств, литературных приемов и стилистических фигур. Наиболее сложным в плане включения интертекстуальных единиц, в частности, игры аллюзиями, импликациями является роман «Безутешные»; интерсемиотические связи наиболее ярко прослеживаются в романе «Художник зыбкого мира» и цикле рассказов «Ноктюрны»; глубоким символическим смыслом, обозначенным в названии и развивающимся в канве повествования, обладает роман «Погребенный великан». Другие произведения также представляют интерес с точки зрения функционирования в них стилистических средств разных текстовых и языковых уровней.

В рассматриваемом нами романе «Клара и солнце» наибольшее внимание привлекает символ солнца, который в разных национальных культурах имеет богатую мифологическую и литературную историю. Исигуро

CC BY

представляет этот символ по-своему, превращая солнце в некое божество, которое способно давать жизнь (андроиды в буквальном смысле живут благодаря согревающим лучам солнца, поскольку их системы работают на солнечной энергии). Клара убеждена, что солнце вершит судьбы людей, может спасать людей, возвращать их к жизни. Солнце является одним из персонажей романа, играет сюжетообразующую роль, Клара обращается к нему, разговаривает с ним, совершает ради него жертвенный поступок с целью спасти свою подопечную Джози. Неслучайно в название романа включены имена двух главных героев — андроида Клары и Солнца. Маркером олицетворения солнца является написание этого слова с заглавной буквы, а также использование местоимения *he*, которое традиционно для английского сказочного и поэтического текстов: *...we would see the Sun on his journey* [Ibid., p. 3] / *... видели Солнце на Его пути* [Там же, с. 9]; *... the Sun and his kindness to us* [Ibid., p. 11] / *о Солнце и Его доброте к нам* [Там же, с. 15]; *... though the Sun kept trying his best* [Ibid., p. 243] / *... хотя Солнце старалось как могло* [Там же, с. 211].

Еще одним вызывающим особый интерес стилистическим средством в данном романе представляется образное сравнение. Его специфика заключается в том, что в структуре образа обозначаемым выступает человек, обозначающим — какая-либо машина, механизм, техническое средство, а основанием для сравнения служат их свойства. Более распространенным принципом создания образа в стилистическом сравнении является противоположный перенос — человеческими качествами наделяются неодушевленные предметы. В романе, описывающем мир, в котором предметы играют первостепенную роль, а машины оказываются человечней людей, такое перевернутое сопоставление вполне закономерно. Так, Клара называет женщину, за которой она наблюдает из окна витрины магазина, кофейной чашкой: *I named her in my mind the Coffee Cup Lady because from the back, and in her thick wool coat, she seemed small and wide and round-shouldered like the ceramic coffee cups resting upside down on the Red Shelves* [Ibid., p. 28] / *Я назвала ее мысленно Кофейной Чашкой, потому что со спины она в своем толстом шерстяном пальто выглядела маленькой, широкой и закругленной в плечах, похожей на керамические кофейные чашки, стоявшие кверху донышками на Красных Полках* [Там же, с. 30]. Одну из подруг матери Джози Клара сравнивает с блендером: *Then a large woman whose shape resembled the food blending machine…* [Ibid, p. 92] / *Потом крупная женщина, похожая по очертаниям на кухонный блендер ...* [Там же, с. 84]. Примечательно, что при последующем упоминании персонажей автором используется антономазия, то есть эти персонажи именуются предметами, с которыми их сравнивают: *And as the taxis stopped, and the Coffee Cup Lady*

CC BY

began to cross with the rest… [Ibid, p. 29] / *И когда такси остановилось и Кофейная Чашка двинулась вместе со всеми через улицу …* [Там же, с. 31].

4. Заключение = Conclusions

Изучение идиостиля современного британского писателя К. Исигуро на материале его последнего романа «Клара и солнце» в сопоставлении с другими произведениями автора позволяет сделать ряд выводов. Ключевым аспектом идиостиля К. Исигуро можно назвать наднациональный, «глобальный» характер его творчества, его произведения исследуют универсальные общечеловеческие темы и проблемы. Анализ романа К. Исигуро «Клара и солнце» доказывает, что ведущие черты характерного для автора идиостиля реализуются в нем по-новому, он продолжает развивать присущую ему манеру повествования, но в то же время экспериментирует с методами ее воплощения. Литературные приемы, используемые автором, получают оригинальное развитие и преломление, по-новому решаются авторские задачи, несколько по-иному выстроена система образов и трактовка основных тем и идей. В этом романе наблюдается большее по сравнению с предыдущими произведениями количество жанровых форм, встречающееся и ранее, перепорученное повествование отличается тем, что здесь рассказ ведется от лица машины, обладающей искусственным интеллектом, неопределенность хронотопа обеспечивает высокую степень обобщения и показывает универсальность проблем современного человечества. Главным персонажем романа является неодушевленный предмет, робот, что определяет своеобразие стилистических фигур. Данное произведение демонстрирует широкую палитру тем, среди которых ведущее место занимает тема одиночества. В целом можно сказать, что в исследуемом романе во многом по-новому представлены такие ключевые элементы идиостиля, как жанровая форма, тип повествования, хронотоп, образы персонажей, идейно-тематическая составляющая, ведущие стилистические средства.

Источники и принятые сокращения

1. *Исигуро К.* Клара и Солнце / К. Исигуро ; перевод с английского Л. Мотылева. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — ISBN 978-5-04-121159-2.

2. СЭСРЯ — *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожиной. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — 696 с. — ISBN 978-5-89349-342-9.

3. *Battaglia I. J.* The Difficult Balance of Text and Subtext in “Klara and the Sun” [Electronic resource] / I. J. Battqaglia // Chicago Review of Books. March 8, 2021. — Access mode : https://chireviewofbooks.com/2021/03/08/the-difficult-balance-of-text-and-subtext-in-klara-and-the-sun/ (accessed 16.02.2022).

4. *Ishiguro K.* Klara and the Sun / K. Ishiguro. — New York : Random House Large Print, 2021. — 416 p. — ISBN 9780593311295.

CC BY

Литература

1. *Болотнова Н. С.* Идиостиль, или индивидуальный стиль / Н. С. Болотнова, М. П. Костюрова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 175—178.

2. *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. — Москва : Издательство художественной литературы, 1961. — 614 с.

3. *Григорьев В. П.* Грамматика идиостиля / В. П. Григорьев. — Москва : Наука, 1983. — 224 с.

4. *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. — Москва : Издательство МГУ, 1957. — 448 с.

5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.

6. *Криницына Е. С.* Особенности идиостиля писателя в когнитивном аспекте (на материале сборника эссе Р. Брэдбери «Дзен в искусстве написания книг») / Е. С. Криницына // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 4 (426). — С. 109—114. — DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10414.

7. *Леденева В. В.* Идиостиль как система отношений / В. В. Леденева // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2001а. — № 3—5 (23). — С. 12.

8. *Леденева В. В.* Идиостиль (к уточнению понятия) / В. В. Леденева // Филологические науки. — 2001б. — № 5. — С. 36—41.

9. *Лушникова Г. И.* Иронический модус повествования в современном экзистенциалистском романе / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 433. — С. 13—21. — DOI: 10.17223/15617793/433/2.

10. *Наумов В. В.* Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 240 с. — ISBN 978-5-397-03812-6.

11. *Рутти М. И.* Идиостиль писателя и его отражение в художественном произведении / М. И. Рутти // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства : материалы V Международной очно-заочной научно-практической конференции. — Челябинск : Челябинский филиал РАНХиГС, 2017. — С. 100—104.

12. *Рябых Е. Б.* Особенности индивидуально-авторской картины мира К. Исигуро (на материалах произведений «Не отпускай меня» и «Остаток дня») / Е. Б. Рябых, И. В. Коломлина // Культура в зеркале языка и литературы : материалы седьмой международной научной конференции. — Тамбов : Издательский дом “Державинский”, 2019. — С. 182—194.

13. *Сидорова О. Г.* Кадзуо Исигуро. Писатель в «зыбком мире» / О. Г. Сидорова // Вопросы литературы. — 2018. — № 4. — С. 301—318. — DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318.

14. *Старкова Е. В.* Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях / Е. В. Старкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 5. — С. 75—81.

15. *Тимашева О. В.* Идиостиль писателя в поликодовом тексте (Чарльз Диккенс и его мистер Пиквик) / О. В. Тимашева, Е. В. Бабич // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты : межвузовский сборник научных трудов. — 2012. — Выпуск 17. — С. 176—182.

16. *Фоменко Е. Г.* Проблемы лингвотипологического описания идиостиля писателя / Е. Г. Фоменко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2006. — № 2. — С. 95—102.

17. *Holmes Ch.* On Rereading Kazuo Ishiguro / Ch. Holmes, K. M. Rich // Modern Fiction Studies. — 2021. — Vol. 67. — № 1. — Pp. 1—19. — DOI: 10.1353/mfs.2021.0000.

18. *Kazuo* Ishiguro : Contemporary Critical Perspectives / S. Matthews, S. Groes (ed.). — London : Continuum, 2010. — 168 p. — ISBN 978-0-8264-9724-6.

19. *Kazuo* Ishiguro in a Global Context / C. F. Wong, H. Yildiz (ed.). — New York : Routledge, 2019. — 178 p. — ISBN 978-0-367-88085-9.

20. *Kazuo* Ishiguro : New Critical Visions of the Novels / S. Groes, B. Lewis (ed.). — London : Red Globe Press, 2011. — 288 p. — ISBN 978-0-230-23238-9.

21. *Lewis B.* Kazuo Ishiguro / B. Lewis. — Manchester : Manchester University Press, 2001. — 208 p. — ISBN 978-0-7190-5514-0.

22. *Shaffer B. W.* Understanding Kazuo Ishiguro / B. W. Shaffer. — Columbia : University of South Carolina Press, 2008. — 160 p. — ISBN 978-1-5700-3794-8.

23. *Sim W.* Kazuo Ishiguro / W. Sim. — London and New York : Routledge, 2009. — 200 p. — ISBN 978-0-4154-1536-1.

24. *Wong C. F.* Kazuo Ishiguro / C. F. Wong. — Liverpool : Liverpool University Press, 2019. — 128 p. — ISBN 978-1-786-94189-3.

Material resources

Battaglia, I. J. (2021). The Difficult Balance of Text and Subtext in “Klara and the Sun”. *Chicago Review of Books. March 8.* Available at: https://chireviewofbooks.com/2021/03/08/the-difficult-balance-of-text-and-subtext-in-klara-and-the-sun/ (accessed 16.02.2022).

Ishiguro, K. (2021). *Klara and the Sun.* Moscow: Eksmo. 352 p. ISBN 978-5-04-121159-2. (In Russ.).

Ishiguro, K. (2021). *Klara and the Sun.* New York: Random House Large Print. 416 p. ISBN 9780593311295.

SESRYa — Kozhina, M. N. (ed.). (2011). *Stylistic encyclopedic Dictionary of the Russian language.* Moscow: Flint: Nauka. 696 p. ISBN 978-5-89349-342-9. (In Russ.).

References

Bolotnova, N. S., Kostyurova, M. P. (2014). Idiostyle, or individual style. In: *Effective speech communication (basic competencies): dictionary-reference.* Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 175—178. (In Russ.).

Efimov, A. I. (1957). *Stylistics of artistic speech.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 448 p. (In Russ.).

Fomenko, E. G. (2006). Problems of linguotypological description of the writer’s idiostyle. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 2:* 95—102. (In Russ.).

Grigoriev, V. P. (1983). *Grammar of idiostyle.* Moscow: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Groes, S., Lewis, B. (ed.). (2011). *Kazuo Ishiguro: New Critical Visions of the Novels.* London: Red Globe Press. 288 p. ISBN 978-0-230-23238-9.

Holmes, Ch., Rich, K. M. (2021). On Rereading Kazuo Ishiguro. *Modern Fiction Studies, 67 (1):* 1—19. DOI: 10.1353/mfs.2021.0000.

Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality.* Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).

Krinitsyna, E. S. (2019). Features of the writer’s idiosyncrasy in the cognitive aspect (based on the collection of essays by R. Bradbury “Zen in the art of writing books”). *Bulle-*

tin of Chelyabinsk State University, 4 (426): 109—114. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10414. (In Russ.).

Ledeneva, V. V. (2001a). Idiostyle as a system of relations. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 3—5 (23):* P. 12. (In Russ.).

Ledeneva, V. V. (2001b). Idiostyle (to clarify the concept). *Philological sciences, 5:* 36—41. (In Russ.).

Lewis, B. (2001). *Kazuo Ishiguro.* Manchester: Manchester University Press. 208 p. ISBN 978-0-7190-5514-0.

Lushnikova, G. I., Osadchaya, T. Yu. (2018). The ironic mode of narration in the modern existentialist novel. *Bulletin of Tomsk State University, 433:* 13—21. DOI: 10.17223/15617793/433/2. (In Russ.).

Matthews, S., Groes, S. (ed.). (2010). *Kazuo Ishiguro: Contemporary Critical Perspectives.* London: Continuum. 168 p. ISBN 978-0-8264-9724-6.

Naumov, V. V. (2013). *Linguistic identification of personality.* Moscow: Book House "LIBROCOM". 240 p. ISBN 978-5-397-03812-6. (In Russ.).

Rutti, M. I. (2017). Idiostyle of a writer and his reflection in a work of fiction. In: *Profile and professional education in the conditions of a modern multicultural space: materials of the V International intramural and extramural scientific and practical conference.* Chelyabinsk: Chelyabinsk branch of RANEPA. 100—104. (In Russ.).

Ryabykh, E. B., Kolomlina, I. V. (2019). Features of the individual author's picture of the world K. Ishiguro (based on the materials of the works "Don't Let Me Go" and "The Rest of the Day"). In: *Culture in the mirror of language and literature: materials of the seventh International scientific conference.* Tambov: Publishing House Derzhavinsky. 182—194. (In Russ.).

Shaffer, B. W. (2008). *Understanding Kazuo Ishiguro.* Columbia: University of South Carolina Press. 160 p. ISBN 978-1-5700-3794-8.

Sidorova, O. G. (2018). Kazuo Ishiguro. The writer in the "shaky world". *Questions of literature, 4:* 301—318. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-301-318. (In Russ.).

Sim, W. (2009). *Kazuo Ishiguro.* London and New York: Routledge. 200 p. ISBN 978-0-4154-1536-1.

Starkova, E. V. (2015). The problem of understanding the phenomenon of idiostyle in linguistic research. *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities, 5:* 75—81. (In Russ.).

Timasheva, O. V., Babich, E. V. (2012). Idiostyle of a writer in a polycode text (Charles Dickens and his Mr. Pickwick). *Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects: interuniversity collection of scientific papers, 17:* 176—182. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1961). *The problem of authorship and the theory of styles.* Moscow: Publishing House of Fiction. 614 p. (In Russ.).

Wong, C. F. (2019). *Kazuo Ishiguro.* Liverpool: Liverpool University Press. 128 p. ISBN 978-1-786-94189-3.

Wong, C. F., Yildiz, H. (eds.). (2019). *Kazuo Ishiguro in a Global Context.* New York: Routledge. 178 p. ISBN 978-0-367-88085-9.

Статья поступила в редакцию 08.12.2021,
одобрена после рецензирования 16.02.2022,
подготовлена к публикации 10.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Осьмухина О. Ю. Концепция пути в романах «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы / О. Ю. Осьмухина, О. С. Сухих // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 316—330. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330.

Osmukhina, O. Yu., Sukhikh, O. S. (2022). Concept of Path in Novels "The Way of Muri" by Ilya Boyashov and "Chronicles of a Stray Cat" by Hiro Arikawa. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 316-330. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-316-330

Концепция пути в романах «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы

Осьмухина Ольга Юрьевна [1]
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой русской
и зарубежной литературы
osmukhina@inbox.ru

Сухих Ольга Станиславовна [2]
orcid.org/0000-0002-1670-880X
доктор филологических наук, доцент
кафедра русской литературы
ruslitxx@list.ru

[1] Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

[2] Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Concept of Path in Novels "The Way of Muri" by Ilya Boyashov and "Chronicles of a Stray Cat" by Hiro Arikawa

Olga Yu. Osmukhina [1]
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

Olga S. Sukhikh [2]
orcid.org/0000-0002-1670-880X
Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian Literature
ruslitxx@list.ru

[1] National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

[2] National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Осьмухина О. Ю., Сухих О. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются романы «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы с точки зрения концепции пути. Анализируется взаимосвязь мотива дороги с образом животного. Сравнительно-исторический метод исследования позволяет выявить наличие значимых параллелей в проблематике и поэтике произведений. Установлено, что образ дороги, традиционно символизирующий жизненный путь, в романах И. Бояшова и Х. Арикавы актуализируется по отношению к животному, а не только к человеку. Животные и люди в этих произведениях в поисках дома как своего места в жизни проходят определённый путь и в пространственном отношении, и во временном, и в психологическом. В том и в другом романе животное обладает способностью самостоятельно принимать решения и иметь свою дорогу в жизни, однако при этом его путь неразрывно связан с судьбами людей, которые для него олицетворяют собой дом, родное пространство, гармонию бытия. Как И. Бояшов, так и Х. Арикава осмысливают путь как суть бытия и полагают его одной из констант жизни и человека, и животного.

Ключевые слова:
Илья Бояшов; Хиро Арикава; путь; дорога; образ кота; символ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novels “The Way of Muri” by Ilya Boyashov and “Chronicles of a Stray Cat” by Hiro Arikawa from the point of view of the concept of the path are examined in the article. The relationship between the motive of the road and the image of the animal is analyzed. The comparative-historical method of research makes it possible to reveal the presence of significant parallels in the problems and poetics of the works. It has been established that the image of the road, traditionally symbolizing the path of life, in the novels of I. Boyashov and H. Arikawa is actualized in relation to the animal, and not only to man. Animals and people in these works, in search of a home as their place in life, go through a certain path both in terms of space, and in time, and in psychological terms. In both novels, the animal has the ability to make decisions on its own and have its own path in life, but at the same time, its path is inextricably linked with the fate of people who for it personify the home, native space, the harmony of being. Both I. Boyashov and H. Arikawa comprehend the way as the essence of being and consider it one of the constants of life for both man and animal.

Key words:
Ilya Boyashov; Hiro Arikawa; path; road; the image of a cat; symbol.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Бояшов.07+821.521Арикава.07

Концепция пути в романах «Путь Мури» Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» Хиро Арикавы

© Осьмухина О. Ю., Сухих О. С., 2022

1. Введение = Introduction

Актуальность настоящего исследования объясняется непреходящим значением проблемы межкультурных связей и перекличек: её осмысление приближает нас к пониманию единства мира как *целого*, воплощённого в *различном*. Наиболее показательными, на наш взгляд, в этом контексте становятся романы «Путь Мури» российского прозаика Ильи Бояшова и «Хроники странствующего кота» японской писательницы Хиро Арикавы, объединенные не только мотивом пути, что заявлено уже в заглавиях, но и образом кота. Подчеркнем, что философия пути, репрезентированная и Бояшовым, и Арикавой, раскрывает путь не только человека, но и — даже в большей степени — животного.

Концепция пути в романах И. Бояшова «Путь Мури» и Х. Арикавы «Хроники странствующего кота» в сравнительно-сопоставительном аспекте ранее не анализировалась литературоведами, чем и определяется научная новизна нашей работы.

Целью нашего исследования является анализ художественно значимых для обоих прозаиков элементов концепции пути: сам образ дороги в философском ключе — смысл пути; функции мотива пути в построении сюжетов романов и в раскрытии характеров персонажей, в осмыслении взаимоотношений человека и животного, соотношения их жизненных дорог. Принципиально значимым, кроме того, явился для нас и анализ образа дома — и в прямом, и в метафорическом смыслах — как истинной цели странствий героев, а также осмысление различных аспектов пути (пространственного, временного и психологического), которые в сочетании друг с другом позволяют трактовать путь как внутренний смысл бытия любого живого существа.

Роман Х. Арикавы «Хроники странствующего кота» в переводе на русский язык был опубликован в нашей стране в 2019 году, и отклики на него, за исключением указания на его философскую сторону С. Чуприниным [Чупринин, 2009], пока представляют собой лишь рецензии и отзывы читателей, в которых чаще всего обращается внимание на гуманистический пафос произведения и на обаятельный образ кота Нана, оказавшегося подлинным другом и наперсником своего хозяина Сатору. Роман И. Бояшо-

CC BY

ва, ставший в 2007 году лауреатом премии «Национальный бестселлер», напротив, вызвал заинтересованную реакцию не только читателей, блогеров, но и литературоведов, среди которых, например, А. Ю. Мережинская, автор статьи, где анализируется мифологизация как творческая стратегия И. Бояшова [Мережинская, 2013]. Есть и журналистские интерпретации этого романа, например, работа Е. Чернаковой [Чернакова, 2014], где делается вывод о знаковом характере мотива пути в творчестве И. Бояшова в целом. Отметим, что опорой нашего исследования стали, кроме того, работы не только литературоведческого характера [Божкова и др., 2018; Жиндеева и др., 2014], но и культурологического плана, в которых осмыслена специфика образа животного, в частности, образа кота / кошки в мифологии и культуре [Гордеева, 2016; Гура, 2019; Киселёва, 2017; Кондаков, 2014; Сомкина, 2008; Шапинская, 2017].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Использование сравнительно-исторического метода в нашем исследовании мотивировано его целью и материалом. На основе трудов И. Г. Гердера, Дж. Бенфея, Ф. Буслаева, А. Веселовского в XX веке В. Жирмунский, И. Неупокоева и др. «предложили сравнивать литературы не только схожих исторических общностей, но и <…> далеко отстоящие друг от друга» [Галай, 2011], как, например, русская и японская литературы, о представителях которых пойдёт речь ниже. Это важный аспект исследований в эпоху осознания мира как единства разных культур, когда компаративистика активно используется в таких сферах, как политика, экономика, теория культуры [Шайтанов, 2005]. Одной из ведущих областей её применения остаётся литературоведение, раскрывающее взаимосвязи различных национальных литератур на уровне не только общих тенденций, но и конкретных образов, мотивов, сюжетных составляющих, что особенно важно для нашего исследования.

Произведения И. Бояшова и Х. Арикавы принадлежат к различным культурным традициям, что не исключает общности мотивов, подходов, тем более образ кота / кошки пользуется вниманием как в России, так и в Японии: весьма символично, к примеру, что в последнее время и в нашей стране обрела популярность фигурка манэки-нэко («манящей» кошки-талисмана), давно ставшая элементом японской культуры [Гордеева, 2016]. Хотя изначально кошка «не являлась аборигеном Японии», здесь её образ приобрёл своё символическое значение [Сомкина, 2008, с. 103], которое теперь стало приживаться и у нас. Кошка — одно из самых популярных животных, его образ — «важная часть современной русской культуры» [Киселёва, 2017, с. 107], «один из самых распространённых второстепен-

CC BY

ных образов в современной русской литературе» [Жиндеева и др., 2014, с. 931], и не только: он имеет серьёзное значение для мировой культуры в целом, а в некоторых исследованиях утверждается, что ему принадлежит ни много ни мало, но «центральное место в истории русской и мировой культуры» [Кондаков, 2014, с. 125].

Образ кота, имеющего своё мировосприятие и осмысленный путь в жизни, привлёк как Илью Бояшова, так и Хиро Арикаву и получил в их произведениях символическое значение, причем во многом сходное. Параллели в сюжетах и образных системах, по-видимому, являются типологическими: мы не можем утверждать, что Х. Арикава знакома с произведением российского прозаика, написанным за несколько лет до её романа. Однако это лишь доказывает общность взглядов писателей на категорию пути в целом и на осмысление пути животного, в частности. Сравнительно-историческое исследование в данном случае — наиболее адекватный метод анализа, позволяющий отметить сюжетно-тематические, мотивные, образные переклички в романах, принадлежащих к принципиально разным культурным традициям.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Подходы к изображению образа животного в литературе и романы И. Бояшова и Х. Арикавы

В литературе сложились два подхода к изображению анималистических образов. Первый заключается в том, чтобы описывать животное «очеловеченным», объяснять его поведение мотивировками, которые близки человеку, моделировать мысли животного, его намерения, психологические реакции, — так создаётся, к примеру, образ Шарика в «Собачьем сердце» М. Булгакова. Этот принцип имеет своё объяснение: он изначально был основан «на вере в общность происхождения человека и животного» [Шапинская, 2017]. Второй подход состоит в том, чтобы изображать животное как часть природного мира, на который люди смотрят как на родственный, но всё же извне, не приписывая ему человеческих черт, — вспомним в качестве примера, скажем, рассказ К. Паустовского «Кот-ворюга».

Илья Бояшов и Хиро Арикава используют первый из названных подходов, который наиболее распространён в литературе XX—XXI веков, впрочем, он и всегда был популярен [Шапинская, 2017]. С этим связана специфика мотива пути, лежащего в основе сюжетов произведений, в названии одного из которых по отношению к животному использовано слово «*путь*», а в заглавии другого — «*странствующий*».

Образ дороги традиционно прочитывается как символ жизненного пути, судьбы. Обычно эти понятия связываются с человеком: для него характерно стремление осмыслить собственную «дорогу». В романах «Путь Мури» и

CC BY

«Хроники странствующего кота» речь идёт о жизненном пути животного, но, поскольку его образ несёт в себе антропоморфные черты, можно говорить о пути в философском смысле, отсылающем, кстати, к буддизму.

Так, в романе И. Бояшова есть ответвление сюжета, посвященное дороге и судьбе паломника-тибетца Тонга Рампы, проходящего между Озером Смерти и Озером Жизни и достигающего «центра тайн и невидимых энергий» [Бояшов, 2007, с. 220], а вместе с этим — и успокоения, ощущения полного счастья, когда больше уже ничего в жизни не надо, — можно сказать, нирваны. Паломничество, являющееся для буддистов «важнейшей частью религиозной жизни» [Зайцев, 2017, с. 127], — путь к духовной благодати, что и подтверждает образ Тонга Рампы. Этот персонаж — один из двойников кота Мури, тоже без страха и колебаний идущего вперёд и достигающего полного морального удовлетворения, своеобразной нирваны. Оба ставят эту цель выше любых эмоций, а потому ничего не боятся, не задумываются ни об опасности, ни о смерти. В романе Х. Арикавы кот Нана также с философским спокойствием совершает свой путь и, осмысливая проблему жизни и смерти, не испытывает страха, и это близко к буддийскому мировоззрению, в котором жизнь — «колесо» страданий, а «ценным утверждается то, что связано с покоем, вечностью» [Баева, 2003]. В буддизме система духовных практик, называемая «постепенный путь», ведёт к освобождению, к преодолению страданий, она «предназначена для любого живого существа» [Урбанаева, 2016], хотя более всего подходит человеку. В целом «буддийская логика» предполагает понимание жизни как «изменчивого потока преходящих явлений и их конечного вечного успокоения в нирване» [Щербатской, 1988, с. 55], и в этом смысле нет принципиальной разницы между человеком и другим живым существом. В этом контексте неудивительно обращение авторов к повествованию о пути животного.

3.2. Сюжетообразующая и характерологическая функции мотива пути в романах И. Бояшова и Х. Арикавы

Сюжетная роль мотива пути в этих произведениях является организующей. Он позволяет использовать принцип нанизывания эпизодов, каждый из которых обладает относительной самостоятельностью, однако в то же время каждый — определённый этап пути. Писатели выстраивают повествование таким образом, что герои в дороге сталкиваются с разными людьми, животными, попадают и в опасные, и в комичные ситуации, и каждый раз вместе с ними читатель обретает новый опыт, знание о жизни, впечатления и эмоции.

При этом сюжетная конструкция нанизывания эпизодов способствует раскрытию характера не только главного героя, но и второстепенных

CC BY

персонажей, поскольку в обоих произведениях существуют ответвления от основных сюжетных линий.

В «Пути Мури» автор лаконично обрисовывает жизненные пути лидера еврейской общины Якова, астронома Патича, водителя грузовика Зонжича, герра Хелемке и др.; несколькими штрихами намечена дорога жестокого, эгоистичного и глупого сына фермера, всего один эпизод из его жизни даёт представление не только о его прошлом и настоящем, но и о вероятном будущем. Эти ответвления сюжета связаны с образом главного героя: речь идёт о людях, которых Мури встречает на своём пути, узнаёт их характеры и судьбы. Однако есть и другие «ростки» сюжетных линий, связанные с сюжетом романа лишь самим мотивом пути: это истории стремящегося к полётам шейха, тибетца, кашалота Дика, учёных Стаута и Беланже. Автор как бы поднимается над судьбой конкретного героя и смотрит на мир в целом, видя его в движении физическом и духовном, в стремлении к чему-то — в самом процессе жизни.

В «Хрониках странствующего кота» основа сюжета — путешествие Сатору и Нана, однако внутренний сюжет более сложен. Перед читателем в ретроспекции разворачивается несколько историй, несколько жизненных путей. Общая канва — повествование о «дороге» кота Нана. Параллельно прослеживается судьба Сатору: автор сначала показывает героя в настоящем, потом перебрасывает действие в прошлое, и уже от него мы движемся по пути воспоминаний героя вновь к настоящему. Перед нами открываются и жизненные дороги второстепенных персонажей. Прозаик постепенно «прорисовывает» картину жизни Коскэ, с которым Сатору дружил в детстве, затем показывает, как складывалась судьба и формировался характер Ёсиминэ, с которым герой духовно сблизился в подростковый период, потом следует дорога-судьба супругов Суги, друзей героя в юношеские годы, и, наконец, история Норико, ставшей опекуном Сатору. Пути разных персонажей как будто вливаются в сюжет: каждый отдельный путь берёт начало где-то за пределами повествования и постепенно входит в его ткань, занимает своё место в общей картине, основу которой составляет странствие Сатору и его кота.

3.3. Специфика взаимоотношений животного с человеком в контексте единого жизненного пути у Бояшова и Арикавы

Наличие в обоих произведениях мотива пути — как в сюжетном, так и в философском смысле — и связь этого мотива с образом кота не могут не породить ассоциацию с котом, который гуляет сам по себе в сказке Р. Киплинга, где одной из ключевых является проблема взаимоотношений человека и животного. Отечественный читатель благодаря переводу К. Чуковского привык к другой формулировке: «Кошка, гуляющая сама по

CC BY

себе», хотя героем Р. Киплинга является именно кот — это многое объясняет в том, как сложились взаимоотношения этого героя с Женщиной и с Мужчиной [Мостепанов, 2011]. В романе И. Бояшова такой мотив не присутствует: Мури безразлично, мужчина или женщина кормит его и даёт пристанище, — это может быть и астроном Петко Патич, и хозяйка хутора Марта; для главного героя встреча с любым из людей — это лишь «ресурс» для восстановления сил и продолжения пути, ни к кому из них он не привязывается. Ему нужны именно те «двуногие», которые изначально ему «прислуживали»: предоставляли кресло, плед и миску с молоком. И даже когда Мури находит ту самую семью, он не выражает особых эмоций, ведь для него это просто восстановление должного положения вещей. Если говорить о взаимоотношениях кота и членов семьи, то у него нет никаких предпочтений в смысле гендерном. Можно лишь отметить, что наиболее связаны с котом дети. Не случайно, когда Мури появляется вновь, взрослые просто поражены произошедшим, а дети воспринимают это как нечто естественное и начинают играть с котом, как это бывало раньше. Однако нельзя сказать, что гендерная принадлежность героя вовсе не имеет значения в романе, и оно особенно ярко выявляется в эпизоде с сараевской кошечкой. Она олицетворение спокойствия, благополучия. Он же путник, искатель и борец, не привязанный к удобному жилищу и благоприятным условиям. В этом смысле перед нами «кот, гуляющий сам по себе». Однако в другом отношении это не так: герой не гуляет сам по себе, а проходит путь в поисках утраченного «царства», в том числе и людей, в него входивших, и далеко не все места «для него одинаковы», как для героя Киплинга.

Взаимоотношения человека и кота в произведении Хиро Арикавы изначально строятся на основе своеобразного договора: Сатору предлагает коту дом, еду, доброе отношение, а Нана в ответ соглашается стать именно его котом. Правда, при этом ставит условие — сохранение свободы, возможность выходить из дома и возвращаться. Даже когда кот находится в переноске, он может открыть дверцу и выйти, и если он остаётся на месте, то лишь потому, что считает это нужным. В этом отношении Нана — достойный наследник традиций киплинговского кота, который гулял сам по себе: тот тоже заключил договор с людьми, при этом сохранив свободу. С другой стороны, весь путь Нана определяется его преданностью человеку. Пусть он сам решает, выходить ли ему из переноски, и сам определяет, оставаться ли у друзей Сатору или ехать с ним дальше, но его решение каждый раз мотивируется привязанностью к хозяину. Коту Нана нужны не плед и миска с едой: он, будучи в прошлом бродячим, уверен, что всегда сможет найти себе пристанище и пропитание. Ему нужен человек, причём далеко не любой — именно Сатору, который становится в романе во-

CC BY

площением духовной красоты, мудрости, добра… и одиночества. В нём нуждаются и люди, с которыми его когда-либо сталкивала жизнь: Коскэ, Ёсиминэ, Тикако и Сюсукэ. Но в то же время у каждого из них — своя дорога, лишь кот полностью объединяет собственный путь с судьбой Сатору, у них одна жизнь, одна судьба, одно странствие. Действительно, у героев много общего: брошенный когда-то в младенчестве ребёнок и бродячий кот — оба проходят свой путь, проявляя спокойствие, мудрость, способность помочь другим. Кот Нана, как и Мури, не совсем «гуляющий сам по себе», оба они и свободны в своих решениях, и в то же время связаны с человеком, но при этом связаны по-разному.

Это различие подчёркивается, в частности, эпизодами поисков кота, которые есть в обоих произведениях: животное оказывается невидимым для человека в высокой траве. В романе И. Бояшова Мури намеренно прячется в траву, когда на общину Якова нападает банда. Когда же опасность больше не грозит, Яков склоняется над травой, ища кота, и тот сразу же позволяет себя найти. Старик справедливо объясняет это тем, что кот никуда не уйдёт от еды и от того, кто обеспечивает ему еду. В романе Х. Арикавы кот Нана оказывается в высокой траве, желая побыть в «травяном море», ему хочется новых ощущений, а Сатору теряет его из виду и очень пугается — тогда коту приходится не просто дать себя найти, а приложить массу усилий, чтобы хозяин мог его отыскать. Причём мотивировка поведения Нана совершено иная, чем у Мури. В романе Х. Арикавы кот постоянно, в том числе и в данном эпизоде, беспокоится о хозяине, стремится всё время быть рядом и поддерживать его, потому что чувствует: человеку будет без него плохо, поскольку тот слишком сильно к нему привязан. В восприятии японской писательницы кот — мудрое и преданное существо, чувствующее психологическую связь с хозяином. Это черта, которую мы обычно считаем присущей собакам, однако в романе Х. Арикавы кот проявляет не меньшую верность и любовь к человеку: «Как я могу оставить тебя, Сатору, ведь ты так любишь меня?» [Арикава, 2020]. И. Бояшов изображает кота в рамках иной, более привычной для нас традиции: принято считать, что если собака любит человека, то кот лишь позволяет человеку о себе заботиться, а сам относится к нему потребительски. Путь Мури — это дорога, на которой люди становятся спутниками, помощниками, иногда — врагами. Путь Нана — это дорога к человеку и вместе с человеком.

3.4. Цели странствий героев в «Пути Мури» и «Хрониках странствующего кота»

Путь, как правило, начинается по определённой причине и ведёт к определённой цели. В романе И. Бояшова герой начинает странствие

CC BY

в поисках хозяев, которые в панике покинули дом с началом войны. «Мне нужны миска, плед и двуногие, которые бы мне прислуживали» [Бояшов, 2007, с. 24], — говорит Мури и отправляется в путь, чтобы вернуть утраченное, восстановить тот облик окружающего мира, который для него привычен, оправдан, правилен.

В романе Хиро Арикавы путь героев начинается по инициативе человека. Сатору, зная о своей смертельной болезни, приезжает к друзьям с просьбой приютить его кота, правда, не объясняя причины. На первый взгляд представляется: он не хочет, чтобы Нана с грустью видел, как медленно угасает хозяин. Однако в итоге каждого из «странствий» выясняется, что в глубине души Сатору не стремится расставаться с другом, как и тот не желает оставаться с кем-то другим. Оба вроде бы прокладывают путь к новой жизни для Нана, а на самом деле каждый раз восстанавливают прежнее положение вещей: вроде бы приготовившись расстаться, вновь воссоединяются и остаются вместе. Оба в душе как будто стремятся вернуться к прежней жизни, когда их дружбу ничто не омрачало. Поэтому можно сказать, что в обоих романах путь главных героев, по сути, мотивируется желанием вернуть и продлить ту жизнь, которая давала им чувство устойчивости бытия, ощущение должного, а значит, и счастья.

Весьма показательно, что в обоих произведениях образ кота тесно связан с образом дома, который становится, по сути, истинной целью пути. В романе Х. Арикавы Сатору, будучи ещё ребёнком, потерял приёмных родителей и остался на попечении тёти Норико. Одновременно ему пришлось попрощаться и с котом Хати, которого тётя отдала родственникам, не поняв, что он имел для Сатору очень большое значение, причём не только потому, что тот любил животное, но и потому, что кот был, так сказать, последним членом семьи, который оставался у Сатору после страшной трагедии. Не случайно мальчик так хотел потом снова увидеть его и так страдал, когда он впоследствии погиб. Норико, для которой кот — это просто животное, лишь потом постепенно осознаёт, что для её племянника это своеобразный символ настоящего дома, который он утратил и который ему всей душой хотелось бы вернуть. И когда у Сатору появляется новый кот Нана, так похожий на прежнего, он как будто заново обретает дом, в каком-то смысле возвращается на много лет назад. И неудивительно, что герой не хочет расставаться с котом, несмотря на трагические обстоятельства, для него это всё равно что расстаться с домом в психологическом смысле — с ощущением уюта, жизненной устойчивости и *неодиночества*. И для Коскэ, друга Сатору, кот ассоциируется с теми же ценностями, а потому порождает надежду на то, что не разрушится его семья, что у него будет дом, в котором воцарятся любовь и согласие. Норико когда-то отдала кота родственникам, потому что часто меняла

CC BY

место жительства и считала невозможным держать у себя животное. Она не была привязана к дому, не стремилась создать семью, обустроить вокруг себя уютное, родное пространство. Однако к концу романа именно Норико берёт к себе Нана, видя в этом нравственный долг перед племянником, а впоследствии ещё и подбирает котёнка на улице. Общение с Нана меняет её характер, её взгляд на многие вещи, она перестаёт быть одинокой и самодостаточной, у неё появляется дом, в котором её ждут живые существа, нуждающиеся в заботе, обладающие чувствами, способные к общению. В Норико, которая ранее представлялась жёсткой, несентиментальной, проявляются неожиданные качества: доброта, способность к пониманию, заботе. Как пишут исследователи, животное в литературе зачастую осмысливается «как дар судьбы, дающийся героям для того, чтобы проявить свою сущность» [Божкова и др., 2018, с. 13]. В итоге перед нами квартира Норико, в которой она даёт приют Нана, заботится о нём, а он, в свою очередь, «воспитывает» маленькую кошечку Микэ — это уже не просто место проживания, это уже дом, в котором царит атмосфера добра и взаимопонимания. Итак, в романе Х. Арикавы привязанность к коту становится для человека шагом на пути к обретению дома.

В романе «Путь Мури» разрушен дом — разрушена привычная жизнь людей. Их путь — дорога бед и потерь. Оставляя развалины дома, они вынуждены оставить и Мури, в панике спасаясь от войны. Их жилище под Гётеборгом изображено как нечто безликое: это домик барачного типа, в какие обычно селят вынужденных эмигрантов. В его описании нет «домашности», теплоты. Однако когда к людям возвращается кот, картина преображается: кресло, около него — кот, улёгшийся на свой плед, и дети, гладящие Мури. Это уже не один из однотипных бараков — это уже дом. Не случайно в славянском фольклоре образ кота имеет «черты домашнего покровителя» [Гура, 2019, с. 343]. Как говорил Болислав Зонжич — двойник Мури, всё время находящийся в дороге, — каждому нужен дом как цель пути, пристанище, по-настоящему родное. Это желание восстановить «гармоничный космос» в противовес хаосу [Мережинская, 2013, с. 14].

Мури возвращается к своему пледу и миске с молоком, Нана возвращается домой вместе с Сатору и остаётся с хозяином до конца. Если для Мури ощущение дома — это его «царство» и «прислуживающие» ему «двуногие», то для Нана быть на руках у Сатору — это и означает быть дома. Как видим, в понятие дома эти персонажи вкладывают разный смысл, но для обоих именно настоящий дом является целью пути.

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования мы пришли к принципиально значимому выводу о том, что в анализируемых произведениях явственно выражена

CC BY

концепция пути как внутренней сути жизни. В обоих случаях этот путь воплощается как в пространственном плане, так и во временном, а также в психологическом. Пространство, время и духовная реальность — три аспекта бытия, которые связываются обоими авторами с категорией пути, а она нередко рассматривается в литературе как «перемещение в пространстве и “внутреннее восхождение”» [Корзун, 2011, с. 63].

Каждый из героев «Пути Мури» идёт к чему-то или же просто движется вперёд — в любом случае дорога героев и составляет их жизнь. Не случайно «мотив пути — один из знаковых в творчестве писателя» [Чернакова, 2014]. Мури движется в пространстве в поисках утраченного, но он совершает движение и во времени: находя «своих двуногих» под Гётеборгом, он как бы возвращается в прежние времена, когда у него было собственное «царство». Это «виток спирали» — возвращение к прежнему миру, правда, трансформированному на новом этапе бытия. С точки зрения психологической Мури тоже проделал определённый путь: познал разные типы, разные жизненные позиции и людей, и животных, прошёл испытание дорогой, подтвердив право на собственное «царство». В «Хрониках странствующего кота» Сатору отправляется в путь в прямом смысле, ища нового хозяина для Нана, но одновременно проходя и другой путь — в прошлое, оживающее в воспоминаниях и диалогах. Кот тоже перемещается и в пространстве, переезжая вместе с человеком из одного места в другое, и во времени, слушая о детстве и юности хозяина, а также проделывает и путь в смысле психологическом — приближается к наиболее полному познанию сущности характера хозяина: выясняются подробности его судьбы, его взаимоотношений с окружающими, и всё это бросает новый отсвет на его личность. Этот путь и составляет жизнь Нана: не случайно в романе не описано его существование до встречи с Сатору, но после смерти Сатору Нана чувствует, что его путь практически пройден, ему остаётся лишь передать жизненный опыт маленькой кошечке Микэ: «Как только Микэ выучится самостоятельности, думаю, я смогу отправиться в свое последнее странствие» [Арикава, 2020], — говорит Нана во сне своему хозяину, мечтая вновь странствовать с ним вместе, но уже в вечности.

Таким образом, концепция жизни как пути в нескольких аспектах — в пространственном, временном, психологическом — объединяет произведения И. Бояшова и Х. Арикавы, причём в них понятие пути как философской категории оказывается применимым не только к человеку, но и к животному. «Все имеют право на свой путь», — так говорил в своём интервью И. Бояшов [Бондаренко, 2007], и для всех он заключает в себе внутреннюю суть жизни.

CC BY

Источники

1. *Арикава Х.* Хроники странствующего кота / Х. Арикава ; перевод с японского Г. Дуткиной. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 314 с. — ISBN 978-5-389-17643-0.

2. *Бондаренко В.* «Пишу роман о войне». Беседа с И. Бояшовым [Электронный ресурс] / В. Бондаренко // Завтра : [газета]. — 27.06.2007. — № 26 (710). — Режим доступа : http://www.litkarta.ru/dossier/pishu-roman-o-voine/view_print/ (дата обращения 12.08.2021).

3. *Бояшов И. В.* Путь Мури / И. В. Бояшов. — Санкт-Петербург, Москва : Лимбус Пресс, 2007. — 232 с. — ISBN 978-5-8370-0471-1.

Литература

1. *Баева Л. В*. Аксиология буддийского мировоззрения / Л. В. Баева // Буддийская культура и мировая цивилизация : Материалы третьей Российской научной конференции. — Элиста : КалмГУ, 2003. — С. 33—39.

2. *Божкова Г. Н.* Анималистические образы в современной детской прозе / Г. Н. Божкова, И. Г. Шабалина, А. Г. Шайхлисламова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 5 (83). — Часть 1. — С. 13—16. — DOI: d10.30853/filnauki.2018-5-1.2.

3. *Галай К. Н.* О дискуссии вокруг компаративистики [Электронный ресурс] / К. Н. Галай // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 6. — С. 313—315.

4. *Гордеева З. А.* Образ кошки в современной культуре / З. А. Гордеева // Гуманитарные исследования. — 2016. — № 1 (10). — С. 112—114.

5. *Гура А. В.* Символика кошки в славянской народной традиции / А. В. Гура // Славянский альманах. — 2019. — № 1—2. — С. 335—370. — DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.5.01.

6. *Жиндеева Е. А.* Ассоциоативно-эмотивное представление образа кота в творчестве Н. Рузанкиной : традиции и новаторство / Е. А. Жиндеева, Ю. И. Щанкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2014. — Т. 16. — № 2 (4). — С. 931—937.

7. *Зайцев Д. М.* Паломничество в буддизме : истоки, традиция, особенности / Д. М. Зайцев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. — 2017. — № 15. — С. 127—131.

8. *Киселёва М. С.* Кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре / М. С. Киселёва // Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (16). — С. 107—110.

9. *Кондаков И. В.* «Кот учёный» в русской и мировой культуре / И. В. Кондаков // Международный журнал исследований культуры. — 2014. — № 4 (17). — С. 125—136.

10. *Корзун А. Ю.* Мотив пути в романе В. Набокова «Подвиг» [Электронный ресурс] / А. Ю. Корзун // Сборник работ 67 научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. 17—20 мая 2010 г., Минск. В 3 ч. — Минск : Издательский центр БГУ, 2011. — Ч. 2. — С. 63—67. — ISBN 978-985-476-912-7 (ч. 2).

11. *Мережинская А. Ю.* Знаковый код и стратегия мифологизации в романах Ильи Бояшова / А. Ю. Мережинская // Русская литература. Исследования : Сборник научных трудов. — Киев : Логос, 2013. — Выпуск XVII. — С. 4—23.

12. *Мостепанов А. А.* Значимость гендерной идентификации персонажей в сказке Р. Киплинга «Кот, который гулял сам по себе» / А. А. Мостепанов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 25 (240). Филология. Искусствоведение. — С. 108—111.

13. *Сомкина Н. А.* Общая сравнительная характеристика зооморфной символики Китая и Японии / Н. А. Сомкина // Вестник Санкт-Петербургского университера. Серия 9. — 2008. — Выпуск 1. — С. 102—104.

14. *Урбанаева И. С.* Буддийский подход к проблеме человека в сравнительном освещении [Электронный ресурс] / И. С. Урбанаева // Философская мысль. — 2016. — № 9. — С. 1—17. — DOI: 10.7256/2409-8728.2016.9.20457.

15. *Чернакова Е.* Диагноз обществу от И. Бояшова [Электронный ресурс] / Е. Чернакова // Около : [арт-журнал]. 19.02.2014. — Режим доступа : https://okolo.me/2014/02/diagnoz-obshhestvu-ot-i-boyashova/ (дата обращения 12.08.2021).

16. *Чупринин С.* Русская литература сегодня. Новый путеводитель / С. Чупринин. — Москва : Время, 2009. — 816 с. — ISBN 978-5-9691-0408-2.

17. *Шайтанов И. О.* Триада современной компаративистики : глобализация — интертекст — диалог культур / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 2005. — № 6. — Ноябрь–декабрь. — С. 130—137.

18. *Шапинская Е. Н.* Образ Животного в текстах культуры / Е. Н. Шапинская // Культура культуры. — 2017. — № 4. — С. 57—72.

19. *Щербатской Ф. И.* Буддийская логика. Введение / Ф. И. Щербатской // Избранные труды по буддизму. — Москва : Наука, 1988. — С. 54—111.

Material resources

Arikawa, H. (2020). *Chronicles of a Wandering Cat.* Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka Atticus. 314 p. ISBN 978-5-389-17643-0.

Bondarenko, V. (27.06.2007). “I’m writing a novel about the war.” Conversation with I. Boyashov. *Tomorrow: [newspaper], 26 (710):* Available at: http://www.litkarta.ru/dossier/pishu-roman-o-voine/view_print/ (accessed 12.08.2021). (In Russ.).

Boyashov, I. V. (2007). *The Way of Muri.* Saint Petersburg, Moscow: Limbus Press. 232 p. ISBN 978-5-8370-0471-1. (In Russ.).

References

Baeva, L. V. (2003). Axiology of the Buddhist worldview. In: *Buddhist culture and world civilization: Materials of the third Russian Scientific Conference.* Elista: KalmSU. 33—39. (In Russ.).

Bozhkova, G. N., Shabalina, I. G., Shaikhlislamov, A. G. (2018). Animalistic images in modern children’s prose. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 5 (83) / 1:* 13—16. DOI: d10.30853/filnauki.2018-5-1.2. (In Russ.).

Chernakova, E. (19.02.2014). Diagnosis to society from I. Boyashov. *About: [art magazine].* Available at: https://okolo.me/2014/02/diagnoz-obshhestvu-ot-i-boyashova / (accessed 12.08.2021). (In Russ.).

Chuprinin, S. (2009). *Russian Literature today. New guidebook.* Moscow: Vremya. 816 p. ISBN 978-5-9691-0408-2. (In Russ.).

Galay, K. N. (2011). On the discussion around comparative studies. *Theory and practice of social development, 6:* 313—315. (In Russ.).

Gordeeva, Z. A. (2016). The image of a cat in modern culture. *Humanitarian studies, 1 (10):* 112—114. (In Russ.).

Gura, A. V. (2019). The symbolism of the cat in the Slavic folk tradition. *Slavic Almanac, 1—2:* 335—370. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.5.01. (In Russ.).

Kiseleva, M. S. (2017). The cat as a personification of the family guardian spirit in modern Russian folklore. *Humanitarian studies, 3 (16):* 107—110. (In Russ.).

Kondakov, I. V. "The cat scientist" in Russian and world culture. *International Journal of Cultural Studies, 4 (17):* 125—136. (In Russ.).

Korzun, A. Yu. (2011). The motive of the path in V. Nabokov's novel "Feat". In: *Collection of works of the 67th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University. May 17—20, 2010, Minsk. At 3 o'clock, 2.* Minsk: Publishing Center of BSU. 63—67. ISBN 978-985-476-912-7 (part 2). (In Russ.).

Merezhinskaya, A. Yu. (2013). The sign code and the strategy of mythologization in the novels of Ilya Boyashov. In: *Russian Literature. Research: Collection of scientific papers, XVII.* Kiev: Logos. 4—23. (In Russ.).

Mostepanov, A. A. (2011). The significance of gender identification of characters in R. Kipling's fairy tale "The Cat who walked by himself". *Bulletin of Chelyabinsk State University, 25 (240). Philology. Art Criticism:* 108—111. (In Russ.).

Shaitanov, I. O. (2005). Triad of modern comparative studies: globalization — intertext — dialogue of cultures. *Questions of literature, 6. November-December:* 130—137. (In Russ.).

Shapinskaya, E. N. (2017). The image of an Animal in the texts of culture. *Culture of culture, 4:* 57—72. (In Russ.).

Shcherbatskoy, F. I. (1988). Buddhist logic. Introduction. In: *Selected works on Buddhism.* Moscow: Nauka. 54—111. (In Russ.).

Somkina, N. A. (2008). General comparative characteristics of zoomorphic symbols of China and Japan. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 9, 1:* 102—104. (In Russ.).

Urbanaeva, I. S. (2016). Buddhist approach to the human problem in comparative illumination. *Philosophical Thought, 9:* 1—17. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.9.20457. (In Russ.).

Zaitsev, D. M. (2017). Pilgrimage in Buddhism: origins, tradition, features. *Bulletin of the Polotsk State University. Series E. Pedagogical sciences, 15:* 127—131. (In Russ.).

Zhindeeva, E. A., Shchankina, Yu. I. (2014). Associative-emotive representation of the image of a cat in the work of N. Ruzankina: traditions and innovation. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 16 / 2 (4):* 931—937. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.11.2021,
одобрена после рецензирования 13.01.2022,
подготовлена к публикации 12.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Шарыпина Т. А. Специфика авторской модальности и репрезентация образа России в книге Клаудии Эрдхайм «Früher war alles besser» : австрийский взгляд / Т. А. Шарыпина, П. Д. Казакова, В. Н. Егорова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 331—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-331-345.

Sharypina, T. A., Kazakova, P. D., Egorova, V. N. (2022). Specificity of Author's Modality and Representation of Russia's Image in Claudia Erdheim's Book "Früher war alles besser": an Austrian View. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 331-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-331-345. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY LIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-331-345

Специфика авторской модальности и репрезентация образа России в книге Клаудии Эрдхайм «Früher war alles besser»: австрийский взгляд

Шарыпина Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0002-8585-8983
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
зарубежной литературы
swawa@yandex.ru

Казакова Полина Дмитриевна
orcid.org/0000-0003-2243-8292
кандидат филологических наук, доцент
polina_iwliewa@mail.ru

Егорова Виктория Николаевна
orcid.org/0000-0003-4244-2969
преподаватель
viktoria-egorova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Specificity of Author's Modality and Representation of Russia's Image in Claudia Erdheim's Book "Früher war alles besser": an Austrian View

Tatiana A. Sharypina
orcid.org/0000-0002-8585-8983
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Foreign Literature
swawa@yandex.ru

Polina D. Kazakova
orcid.org/0000-0003-2243-8292
PhD in Philology, Associate Professor
polina_iwliewa@mail.ru

Victoria N. Egorova
orcid.org/0000-0003-4244-2969
Lecturer
viktoria-egorova@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Шарыпина Т. А., Казакова П. Д., Егорова В. Н., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на проблемном, стилистическом и лексическом уровнях изучается рецепция инокультурного (русского) кода европейским (австрийским) литературным сознанием. Выявлена основная тенденция, характерная для репрезентации образа России в книге Клаудии Эрдхайм: ретроспективный взгляд в «светлое прошлое». Подчеркивается, что символическую нагрузку имеет фраза-рефрен «Früher war alles besser», вынесенная в заглавие. Выполнен анализ пяти мини-историй. Уделяется внимание стереотипам русского массового сознания. Исследуются политические стереотипы, этические каноны в восприятии автора-рассказчика. Утверждается, что антиномия западного образа мышления и российского менталитета является превалирующим мотивом в изучаемом произведении. Доказывается, что проблема русско-австрийского культурного диалога реализуется сквозь призму основообразующих слагаемых австрийской ментальности Einfühlung (вчувствование) и Gemütlichkeit (уютность, спокойствие). В числе ментальных штампов рассказчика обнаруживаются стереотипные представления о русском характере («широкая душа», «русский размах», «русский авось», «тоска»). Книга К. Эрдхайм является ярким примером репрезентации «Другим» / «Чужим» представлений об «Ином» национальном характере и воссоздает в своей художественной системе образ русского народа.

Ключевые слова:
образ России; национальная идентичность; национальные стереотипы; языковая картина мира; межкультурная коммуникация; ментальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The reception of a foreign cultural (Russian) code by the European (Austrian) literary consciousness on the problematic, stylistic and lexical levels are studied in the article. The main trend characteristic for the representation of the image of Russia in the book by Claudia Erdheim is revealed: a retrospective look into the “bright past”. It is emphasized that the refrain phrase “Früher war alles besser” in the title has a symbolic meaning. Five mini-stories were analyzed. Attention is paid to the stereotypes of the Russian mass consciousness. Political stereotypes, ethical canons are studied in the perception of the author-narrator. It is argued that the antinomy of the Western way of thinking and the Russian mentality is the prevailing motive in the work under study. It is proved that the problem of the Russian-Austrian cultural dialogue is realized through the prism of the fundamental components of the Austrian mentality Einfühlung (feeling) and Gemütlichkeit (comfort, tranquility). Among the mental clichés of the narrator, stereotyped ideas about the Russian character (“broad soul”, “Russian scope”, “Russian maybe”, “longing”) are found. The book by K. Erdheim is a vivid example of the representation of the “Other” / “Alien” ideas about the “Other” national character and recreates the image of the Russian people in its artistic system.

Key words:
the image of Russia; national identity; national stereotypes; language picture of the world; intercultural communication; mentality.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.112.2Erdheim.07

Специфика авторской модальности и репрезентация образа России в книге Клаудии Эрдхайм «Früher war alles besser»: австрийский взгляд

© Шарыпина Т. А., Казакова П. Д., Егорова В. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Усложняющаяся день ото дня реальность провоцирует усиление личностного начала не только в коммуникативной практике простых носителей языка, но и в творческой практике мастеров художественного слова. Этот процесс ставит на повестку дня необходимость изучения активных процессов межкультурной коммуникации на материале текстов мировой литературы. Б. М. Гаспаров определяет коммуникативное пространство как «мысленно представляемую среду», «духовный ландшафт», который помогает с максимальной точностью интерпретировать смысл сообщения или высказывания [Гаспаров, 1996, с. 69]. Именно социокультурный, общественно политический контекст эпохи раскрывает и конкретизирует специфику и эволюцию авторского стиля, реализующую себя в характерных «сдвигах» этических норм и экспрессивности оценок описываемых событий [Ваулина, 2013, с. 7], что указывает на «человеческий фактор как важный экстралингвистический компонент языковых преобразований» [Ваулина и др., 2010, с. 13—21]. Речь идет о личностных особенностях автора, его эмоционально-этической сфере, аксиологических установках, сформированных жизненными обстоятельствами, местом и средой происхождения [Стратийчук, 2006]. В статье на проблемном, стилистическом и лексическом уровнях впервые в отечественном литературоведении анализируется рецепция инокультурного (русского) кода европейским (австрийским) литературным сознанием в книге рассказов о России К. Эрдхайм «Раньше всё было лучше» («Früher war alles besser»).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время преимущественно в лингвистике детально разработана теоретическая база по изучению национальной картины мира на основе когнитивно-ориентированных лингвокультурологических исследований, а также теории и практики концептуального анализа. В литературоведении накоплен значительный фактический материал о национально-исторических кодах отдельных европейских литератур, имеющих принципиальную значимость для исследования слагаемых национального

CC BY

менталитета и изучения европейской самоидентичности. Объектом рассмотрения в представленной статье являются пять миниисторий из книги Клаудии Эрдхайм («Коля», «Стомкомплекс», «Петербург», «Казань», «Осенние листья»), материал которых позволяет анализировать проблему формирования приоритетов и стереотипов русского массового сознания: политические стереотипы, этические каноны и т. д. — в восприятии автора-рассказчика, а также способы репрезентации образа России в языковом сознании писателя-австрийца.

Клаудия Эрдхейм — дочь психоаналитика Теи Геннер-Эрдхейм и политика Лоренца Геннера. Несомненно, домашняя атмосфера, связанная с нравственными, общественными, политическими воззрениями её родных и близких, оказала влияние на становление личности будущей писательницы, на формирование её этической системы, аксиологических установок. Первоисточник сюжетов и конфликтов её произведений, а также способов их воплощения, включая эволюцию и модификацию определенных изобразительно-выразительных средств или особенности изменения синтаксических конструкций, следует искать прежде всего в событиях её собственной жизни [Трофимова, 2004; Якимец, 1999]. Она изучала философию в университетах Вены, Мюнхена и Киля и в 1985 году получила степень доктора философии. Клаудия Эрдхайм работала в университетах Киля и Гамбурга и преподавала логику в Институте философии в Вене с 1984 по 2005 годы; там же она живет и трудится как писатель-фрилансер в настоящее время. В романах она обращается к психологическим проблемам, носящим отпечаток личностного опыта, а в поздних произведениях предметом изображения становятся картины жизни современного австрийского общества.

Для книг К. Эрдхейм характерен трезво описательный стиль, что вполне отвечает её профессиональной ориентированности, но иногда также встречается легкая ирония, самоирония, что является одним из отличительных кодов австрийской ментальности, менталитета как родовой памяти, основанной на синтезе природной и социальной памяти [Бех,1997, с. 4]. Использование понятия «код» не случайно в контексте данной статьи, поскольку авторы опираются на употребление соответствующего термина И. К. Пантиным [Пантин, 1994, с. 29—33]. В этом аспекте под *ментальностью* понимается своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические [Философская энциклопедия,1970, с. 135], а также некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. Следует также

CC BY

согласиться с П. Динцельбахером, отмечавшим, что «менталитет как историческую категорию проще описать, чем определить» [Dinzelbacher, 1993, S. X—XI].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Einfühlung («вчувствование») и Gemütlichkeit («уют, уютность, спокойствие») как основообразующие слагаемые австрийской ментальности

Книга К. Эрдхайм «Раньше всё было лучше» («Früher war alles besser») в полной мере представляет нам такие слагаемые австрийской ментальности, как Einfühlung («вчувствование») и Gemütlichkeit («уют, уютность, спокойствие»). Речь идет прежде всего об австрийской способности «вслушиваться», «вдумываться» в других. Невозможно в небольшой статье охватить многие слагаемые австрийской картины мира, однако названные свойства являются основополагающим для ментальности австрийца. «Вчувствование» (общительность, способность представить себя на месте другого, диалогичность) исторически является важнейшим позитивным слагаемым австрийской культуры. Широко известно, что Гуго фон Гофмансталь (Hofmannsthal H. von, 1874—1929) при сравнении прусского и австрийского менталитетов считал черту, связанную со способностью «вдумываться», «вслушиваться», а следовательно, и «вчувствоваться» в мысли другого («Hineindenken in andere bis zur Charakterlosigkeit») определяющей [Цит по: Gollner, 1999, с. 79]. Современная Австрия в её границах по-прежнему оценивается в контексте прошлой истории и национального многообразия. Современная «малая Австрия» (Klein-Österreich) до сих пор воспринимается европейской ментальностью как великая Австрийская империя (Gross-Österreich), давно исчезнувшая, но все еще продолжающая влиять на своеобразие австрийской ментальности и культуру народов Европы [Die Österreichisch-Ungarische Monarchie…, 1999, S. 24; Eichhorn, 2000, S. 104].

Обратим внимание ещё только на одно из слагаемых австрийской картины мира — Gemütlichkeit («уют, уютность, спокойствие»), находящее своеобразную репрезентацию в подтексте книги К. Эрдхайм. Трудно найти точный перевод этого слова на русский язык. Картина мира каждого народа уникальна и может весьма отличаться от картины мира даже пограничных, близких по языку, соседей. Русская ментальность напрямую сопряжена с такими представлениями, как «душа» («широкая душа»), «русский размах», «русский авось», «тоска», «судьба», «воля» [Российская ментальность…, 1994], что отчасти находит отражение в книге австрийского автора. Как известно, для жителей Германии, немцев, центральными в картине мира сохраняются такие слагаемые менталитета, как порядок (Ordnung),

CC BY

чистота (Sauberkeit), дисциплина (Disziplin), прилежность (Fleiß), бережливость (Sparsamkeit), законопослушность (Gesetz), перфекционизм (Perfektionismus) [Worterbuch. Österreichisch-Deutsch, 1995]. В чем же своеобразие именно австрийского взгляда на нормально благоустроенную жизнь? Оно связано прежде всего с представлением о ***Gemütlichkeit*** [Нургалиев; Schmidt-Lauber, 2003, S. 143]. Само это понятие, по мнению исследователей, в свою очередь складывается из семи определений: «уют», «приветливость», «добродушие», «общительность», «спокойствие», «неторопливость», «уютность». Чтобы составить более точное представление об этом понятии, следует обратиться к его этимологии. Как свидетельствует «Этимологический словарь немецкого языка», концептуальная нагрузка заключена уже внутри самой лексемы *Gemüt* [EWD, S. 422], которая связана с представлением о внутреннем мире человека в целом в противоположность его материальной оболочке. Особый смысл неологизм (*Gemütlichkeit*) приобретает в XIX веке в эпоху бидермейера, когда Gemüt становится почти философским понятием. Картина мира эпохи бидермейера и его эстетические представления включают такие слагаемые, как тепло и уют, приветливость, спокойствие, которые призваны были содействовать возникновению чувства Gemütlichkeit. В дальнейшем это представление охватывает практически все стороны жизни и предполагает спокойствие, непринужденность, отсутствие навязчивых проблем. Как писал немецкий ученый О.-Ф. Больнов, «Gemütlich — это прежде всего поведение, при котором человек, отказываясь от активного проявления своих волевых качеств и активных действий как таковых, может предаваться релаксации и покою» / «Gemütlich ist darum alles Verhalten, bei dem der Mensch die Anspannung des Willens und tätigen Handelns aufgeben und sich einer entspannenden Ruhe überlassen kann» [Bollnow, 1994, S. 168]. То есть речь в данном случае может идти об «эмоциональном состоянии душевного и физического комфорта» / «Gemütlichkeit ist ein emotionaler Zustand des Wohlbefindens und der Behaglichkeit» [Schmidt-Lauber, 2003, S. 143]. Именно этой Gemütlichkeit будет так не хватать Клаудии Эрдхайм во время её путешествий по России 90-х годов, в которой не только квартиры, метро, транспорт, но сама атмосфера представляется сдвинутой, неуютной, жесткой, некомфортной.

3.2. Синтаксические и стилистические средства выражения субъективной модальности К. Эрдхайм в книге о России

Жанр этого произведения австрийской писательницы и путешественницы определить трудно. Перед нами художественно-документальная книга этюдов, своеобразных путевых заметок, рассказов путешествующего по России 90-х годов автора, объединенных стремлением почувствовать, ус-

CC BY

лышать, понять менталитет Иного / Другого / Чужого. Клаудия Эрдхайм с перерывами прожила в России два года, а потому достаточно точно передает атмосферу страны 90-х со всеми её трудностями и абсурдностью. Это произведение австрийской писательницы служит ярким примером материализации в литературном произведении системы конкретной коллективной культуры, во многом определяющейся симбиозом социальной ментальности и культурной памяти. На примере пяти рассказов, объединенных образом путешественника — автора-рассказчика, представлена рецепция инокультурного кода и его связи с представлением о специфике воплощения национального менталитета в чужой для автора культуре. Рассказ «Коля» повествует о некой криминальной истории учителя музыки (игры на гитаре), у которого без его ведома один из учеников, представителей золотой молодёжи, продаёт квартиру; история «Стомкомплекс» повествует о садизме врача-непрофессионала в зубоврачебной клинике; «Петербург» представляет нам жизнь коммуналки, объединяющей в своих обшарпанных, неуютных, грязных стенах подчас несовместимых жильцов; в рассказе «Казань» описан быт большой семьи, ютящейся в жалкой малогабаритной «хрущёвке». И хотя каждый рассказ, каждый этюд имеет определенное тематическое и сюжетное завершение, но есть и сквозные, переходящие из истории в историю мотивы и персонажи. Так, последний рассказ «Осенние листья» описывает финансовый кризис 1998 года и отъезд автора на Родину. Проводы на вокзале собирают вместе почти всех героев прошлых рассказов, что должно было подвести читателя к выводу о том, что перед нами типичные истории типичных людей со всех концов необъятной России, а также констатировать общность ментальных особенностей жителей этой чужой, в чем-то абсурдной, иной реальности, связанных с гостеприимством, чувством солидарности, отзывчивости к чужому горю. События, люди, чужие эмоции и перипетии судьбы показаны через призму сознания человека, рожденного в другой / чужой земле. И главное заключается не в автобиографичности героя и документальности событий, а в точности и типичности описания путешествующим реалий, пусть и далеко не понятных повествователю, исторического процесса 90-х годов.

Как уже отмечалось, все истории получают логическое завершение и, тем не менее, связаны как с предшествующими, так и с последующими рассказами. Об этом свидетельствует даже простое перечисление частей, представляющих структуру каждого из рассказов: описание поезда, прибытие, описание вокзала, встреча, характеристика встречающих, незнакомых, вернее: «*Petersburg*: *Alla hat leider einen Gast aus Spanien. So muß ich bei jemand anderen wohnen. Bei Ira, einer Freundin einer Freundin einer Freundin* / Петербург: У Аллы гость из Испании. Поэтому я должна буду

CC BY

жить у кого-то другого. У Иры, одной подруги другой подруги этой подруги [Erdcheim, 2000, S. 168]*; Kasan: Ich kann bei Bekanten von Bekanten von Bekanten wohnen* [Erdcheim, 2000, S. 182—183] / Казань: Я могу остановиться у знакомого знакомого одного знакомого» (здесь и далее перевод наш. — *Т. Ш., П. К., В. Е.*).

Стиль австрийской писательницы Клаудии Эрдхайм лаконичен, краткие диалоги сменяются скупыми, но запоминающимися описаниями героев повествования и событий, разворачивающихся в новой России в конце двадцатого века. Рассказ *«Kolja»*, как и другие рассказы сборника «*Früher war alles besser*», представляет собой наблюдение европейца за не вполне понятной жизнью «*komisches Volks»* — забавного / странного / чудного народа и за взаимоотношениями между людьми, которые автор определяет как «*merkwürdige russische Verhältnisse»* — странные / диковинные / удивительные / необычные русские взаимоотношения.

Отличительной особенностью стиля письма Клаудии Эрдхайм являются короткие предложения. В рассказах писательницы данное синтаксическое явление становится стилистическим приемом. Таким образом Клаудиа Эрдхайм пытается передать ограниченность, серость и безликость постсоветского периода, которому, по ощущениям и наблюдениям австрийской писательницы, не хватает красок, палитра которых в данном произведении, как и в жизни русских, по мнению писательницы, крайне скудна. Использование лаконичных кратких предложений — это намеренная попытка погрузить читателя в атмосферу того времени.

Слова о том, что «*раньше все было лучше*», вынесенные в заглавие всего сборника, проходят через все рассказы и звучат из уст многих героев повествования, несмотря на то, что все они считают себя, как пишет Эрдхайм, диссидентами в прошлой жизни или, как минимум, признают наличие свободы и отсутствие дефицита в настоящей жизни. Однако, противореча сами себе, подчеркивают, что при старой жизни *было не так уж и плохо и царил порядок / Es war gar nicht so schlecht. Da hat Ordnung geherrscht*. Герои рассказов в ностальгической манере, полной светлой грусти, делятся воспоминаниями об ушедших годах: «*Die Straßen waren immer sauber* / Улицы всегда были чистыми; *Mädchen haben überhaupt nicht geraucht früher* / Раньше девушки вообще не курили; *Früher waren hier Bänke. Da hat man sitzen können* / Раньше здесь были скамейки. Там можно было сидеть; *Die Moral war besser* / Мораль была лучше» [Erdheim, 2000, S. 33, 39, 46, 83]. В трудное переходное время данный ретроспективный взгляд в «светлое прошлое» является основной тенденцией, характерной для репрезентации образа России в рассказах К. Эрдхайм. Подобное поведение можно расценить как некую защитную реакцию людей, закрывающих гла-

CC BY

за на происходящее вокруг них в данный постсоветский отрезок времени и демонстрирующих свое явно негативное отношение к описываемому историческому отрезку времени и ностальгию по ушедшему.

3.3. Цветовые предпочтения и оценочные прилагательные как средства выражения субъективной модальности в художественном тексте К. Эрдхайм

Повествование начинается в сентябре 1997 года в Москве в момент празднования 850-летия столицы. Но вместо ярких красок праздника читатель видит глазами автора другие цвета, да и само празднование, толпы людей на улицах сравниваются с днем похорон Сталина, когда в давке погибли люди.

В рассказе обращает на себя внимание использование небольшого числа оценочных прилагательных при описании, большинство из которых многократно повторяются в разных формах. Так, например, автор всегда мерзнет, и если в описаниях начала сентября используется прилагательное «*kalt* / холодный», то к концу сентября погода уже характеризуется сложным прилагательным-интенсификатором «*saukalt* / чертовски холодно» [Erdheim, 2000, S. 31]. Кроме того, она неоднократно повторяет, что никак не может согреться: «So *kalt ist es. Ich kann mich gar nicht erwärmen* / Так холодно. Я никак не могу согреться». Практически все используемые оценочные прилагательные имеют отрицательную коннотацию. Так, воздух в Москве «*so schlecht wie in keiner anderen Stadt* / плохой как ни в одном другом городе», а в Люблино для характеристики воздуха автор также использует комбинацию из префикса-интенсификатора и превосходной степени прилагательного, получив таким образом усиление признака: воздух «*am* ***allerschlechtesten*** *in ganz Moskau* / наихудший во всей Москве» [Erdheim, 2000, S. 20]. Наряду с прилагательным «schlecht / плохой» автор активно использует негативное оценочное прилагательное «*dreckig* / грязный» и существительное «*Dreck* / грязь» для описания интерьеров квартир героев рассказа: «*dreckiges Bett, abgeschabtes dreckiges Sofa, dreckige Löffel, hunderjähriger Dreck* / грязная кровать, обшарпанный грязный диван, грязные ложки, столетняя грязь на сувенирах» — все вокруг автора повествования вызывает чувство брезгливости и дурноты, она сожалеет, что не взяла с собой в гости свою дорожную ложку [Erdheim, 2000, S. 15—16]. Как для отдельных предметов и явлений, негативное оценочное прилагательное «*dreckig* / грязный» характерно и в целом для описания Москвы. Если подняться на 22-й этаж МГУ, можно увидеть, что «*Dreck liegt über der Stadt* / грязь лежит на всём городе» [Erdheim, 2000, S. 28]. И вновь из уст героев рассказов слышим сожаления о том, что раньше было лучше и чище: «*So einen Dreck hat früher auch nicht auf der Straße* / Такой грязи раньше никогда на улице не было».

CC BY

Сама Москва и ее общественные места предстают также в унылом полуразрушенном виде. Дома характеризуются как «*schäbig*»: *schäbiges Gebäude* / потрёпанное, облезлое здание*; baufällig* / ветхий, *verfallen* / развалившийся*, stinkend* / вонючий, *kaput / niedrig* / сломанный / низкий. В суде, поликлинике, больнице «*abgeschlagene Kacheln* / отбитый, треснутый кафель; *abgeschlagene Wand* / треснутая стена, *kaputtes billigstes Linoleum* / рваный самый дешевый линолеум» [Erdheim, 2000, S. 12, 58, 66]. Еда в больнице «*scheußlich* / отвратительная», как и чай практически везде, где автору его предлагают. Местами отсутствует освещение на улицах, что также передает удручающую угнетающую обстановку: «*Es gibt fast keine Straßenbeleuchtung* / Почти веде отсутствует уличное освещение» [Erdheim, 2000].

На фоне тусклой и грязной Москвы подчёркнутым великолепием и величественностью отличается описание станций метро, на которых оказывается автор: *«Hier wird die Geschichte der Rus in Mosaiken fortgesetzt* / История Руси здесь продолжается в мозаике; *«Die Station mit kostbarsten Steinen»* / Станция, оформленная самым дорогим камнем; «*Diese gigantische Partisanengruppe in der Belorusskaja*» / Этот гигантский отряд партизан на Белорусской; «*…plötzlich ist man in einer gotischen Kathedrale*» / …вдруг оказываетесь в готическом соборе; *«Ästetischer Genuß»* / эстетическое наслаждение; *«Cremfarbe Säulen aus Mramor mit einem weißen sich wie ein Blütenblatt auflösender Abschluß» /* Колонны кремового цвета из мрамора с белым, распускающимся, как лепесток, завершением [Erdheim, 2000, S. 22, 34, 38].

Особый интерес представляют языковые средства цветообозначения. С первых строк атмосфера уныния и разрухи подчеркивается мрачными темными цветами, черный цвет (и серый как его вариант) проходит через все повествование. Основная масса людей носит темную неброскую одежду: «*schwarze Lederjacke, schwarzer Ledermantel, Hemd mit einem schwarzen Kragen und schwarzen Manschetten, alte graue Stoffhose, schwarze Jeans, schwarzes T-Schirt, schwarzer Glockenrock*» / черная кожаная куртка, черное кожаное пальто, рубашка с черным воротником и черными манжетами, старые брюки из серой ткани, черные джинсы, черная футболка, черная юбка-колокол [Erdheim, 2000, S. 7, 12, 15], даже пластиковые пакеты черные. Одна из героинь, Валя, встречает автора в своем лучшем платье, и оно также «*grau mit schwarzen Streifen* / серое с черными полосками». Если в одежде москвичей и появляются редкие вкрапления другого цвета, то они либо заглушаются черным или темным «*schwarzblau, dunkelblau, dunkelgrün, mittelbraun*» / черно-синий, темно-синий, темно-зеленый, светло-коричневый, либо цвет трудно определим из-за грязи, которая повсюду, в том числе в оттенках цветов *«schmutzfarbener Pullover, schmutzigbraunes Hotel»* / грязный свитер, грязно-коричневый отель. Милиционеры на ули-

CC BY

цах также все в сером: *«graue Daunenjacken mit grauen Webpelzkragen»* / серые пуховики с серым воротником из искусственного меха. В интерьерах квартир также преобладают темные цвета на основе коричневого и серого: «*dunkelbraune Möbel* / тёмно-коричневая мебель (автор подчеркивает, что такая мебель везде), *grauer Teppichboden* / серое ковровое покрытие. Даже грязь на плите «tiefbrauner Dreck». Если вдруг в интерьере появляются светло-коричневые оттенки «*hellbraune Couch* / светло-коричневый диван» это повод для автора назвать его уютным. Женщины красят волосы в основном в красно-коричневый цвет «*braunrote Haare*», некоторые ходят с волосами, обесцвеченными перекисью водорода «*wasserstoffgefärbte Haare*», обе эти крайности кажутся автору странными. Сама она многократно подчеркивает, что носит седые неокрашенные волосы, это даже позволяет ей, как пенсионерке, бесплатно ездить в общественном транспорте несмотря на то, что ей 52 года и она иностранка: кондукторы очень часто не спрашивают проездные документы. Любопытная деталь, вполне укладывающаяся в такую черту соседствующих немецкоязычных народов, как бережливость (Sparsamkeit) [Wörterbuch. Österreichisch-Deutsch, 1995]. На фоне этого однообразия выделяются станции метро, которые *«pikobello sauber»*, некоторые станции голубого или синего цвета, служащие носят светло-голубые блузы и красные береты.

Несмотря на внешнее уныние и подчеркнуто бедную (*ärmlich gekleidet*) жизнь (а может именно по этой причине), русские люди очень любят праздники, в особенности дни рождения. Они дарят, с точки зрения австрийца, «*riesige Geschenke zum Geburtstag* / огромные подарки на день рождения» и любят цветы: «*alle Russen lieben Blumen* / все русские любят цветы». Прилагательное «*glücklich* / счастливый» встречается в рассказе «Коля» всего дважды и описывает душевное состояние одной из героинь не в момент какого-то праздника, а в связи с удачной покупкой свежих карпов, что лишь подчеркивает общее состояние неудовлетворенности и неустроенности жизни.

Отдельно необходимо отметить использование автором культурно-маркированной лексики. Ряд лексических единиц, служащих для обозначения русских реалий, особенно связанных со стереотипами представлений о русских и реалиях российской жизни, и в принципе имеющих эквиваленты в немецком языке, переданы методом калькирования. Можно предположить, что автор использует данный прием для более глубокого погружения читателя в российскую действительность, хотя немецкие эквиваленты позволили бы читателям, малознакомым с русской культурой, точнее понять значение данных объектов действительности. Так, писатель использует слова «*Pensionerka*» вместо «Rentnerin»,

CC BY

«*Kommunalka*» вместо «Gemeinschaftswohnung», «*Bulotschki*» вместо «Semmel», «*Piroggen*» вместо «Buchtel», «*Bomschi»* вместо «Obdachlose», «*Warenje* (Himbeerwarenje)» вместо «Konfitüre», «*Kascha*» вместо «Brei», «*Elektritschka*» вместо «S-Bahn», «*Walenki*» вместо «Filzschuhe», «*Diwan»* вместо «Sofa», «*Myschjak*» вместо «Arsen», «*Baba»* вместо «Frau» / «Weib», «*Russkoje Bistro»* вместо «Russisches Bistro», *«uliza»* вместо «Straße». Объяснение этих «экзотических» слов, придающих особый «русский» колорит предлагаемым историям, К. Эрдхайм даёт в глоссарии, который располагается автором в конце повествования.

4. Заключение = Conclusions

Проблема русско-австрийского культурного диалога реализуется, как мы видим, в первую очередь, сквозь призму субъективного восприятия австрийским сознанием. В связи с этим антиномия западного образа мышления и российского менталитета является превалирующим мотивом в книге рассказов. Об этом свидетельствуют поразившие автора, очевидца происходящего, документальные зарисовки сцен уличной жизни, фрагментарно вкрапленные в сюжетную канву рассказов и выделенные писателем графически.

Книга К. Эрдхайм представляет собой развёрнутое впечатление о русской национальной идентичности путем репрезентации удивительных историй о России и простых людях, сочетающих в себе трудно сопоставимые и парадоксальные вещи: горести лишений и дружелюбная, местами наивная, открытость; маленькие трагедии повседневности и добродушное светлое радушие, бескорыстная готовность прийти на помощь.

Представления о России отражают во многом реакции-штампы сознания рассказчика, что в свою очередь помогает понять феномен «австрийскости», проявляющийся в поэтологических доминантах исследуемого произведения. Тем не менее книга К. Эрдхайм является ярким примером репрезентации «Другим» / «Чужим» представлений об «Ином» национальном характере и воссоздает в своей художественной системе в совокупности образ русского народа.

Источники и принятые сокращения

1. *Erdheim C.* Früher war alles besser. Geschichte aus Rußland / C. Erdheim. — Wien : Löcker, 2000. — 252 S. — ISBN 3-85409-332-2.

2. EWD — *Etymologisches* Wörterbuch des Deutschen / W. Pfeifer (ed.). — München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. — 422 S. ISBN-13: 9783423325110.

Литература

1. *Бех В. П.* Содержание социального мира / В. П. Бех // Нова парадігма. Запоріжжя. — 1997. — Вип. 4. — С. 10—20.

CC BY

2. *Ваулина С. С.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — Вып. 8. — С. 13—21.

3. *Ваулина С. С.* Модальность как коммуникативная категория : некоторые дискуссионные аспекты исследования / С. С. Ваулина. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Выпуск 8. — С. 7—12.

4. *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с. — ISBN 5-86793-020-3.

5. *История* ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефератах. — Москва : РГГУ, 1996. — 255 с.

6. *Менассе Р.* Страна без свойств : эссе об австрийском самосознании / Р. Менассе ; пер. А. Белобратова, при участии З. Мардановой. — Санкт-Петербург : Петербург — XXI век, Симпозиум, 1999. — 109 с.

7. *Нургалиев В.* Основные концепты австрийского ментального мира [Электронный ресурс] / В. Нургалиев. — Часть I. — Режим доступа : https://www.russianvienna.com/nravy-i-obychai/4509-osnovnye-kontsepty-avstrijskogo-mentalnogo-mira-chast-i (дата обращения 11.11.2021).

8. *Пантин И. К.* Национальный менталитет и история России / И. К. Пантин // Российская ментальность. Вопросы философии. — 1994. — № 1. — С. 29—33.

9. *Стратийчук Е. Ю.* Персональность как текстообразующая категория художественного текста : на материале русского и английского языков : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Ю. Стратийчук. — Ростов-на-Дону, 2006. — 23 с.

10. *Трофимова И. А.* Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте (на материале прозаических произведений А. П. Чехова) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. А. Трофимова. — Калининград, 2004. — 24 с.

11. *Философская* энциклопедия. В 5 т. — Москва : Советская энциклопедия, 1970. — Т. 5. — С. 575.

12. *Якимец Н. В.* Категория авторской модальности в функциональном аспекте (на материале «Театрального романа» М. А. Булгакова) : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Якимец. — Нижний Новгород, 1999. — 23 с.

13. *Bollnow O.-F.* Mensch und Raum / O.-F. Bollnow. — Stuttgart : Kohlhammer, 1963. —310 S.

14. *Die Österreichisch-Ungarische* Monarchie in Wort und Bild. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf / Asgewahlt von Christiane Zintzen. — Wien — Koln — Weimar : [b. i.], 1999. — 920 S.

15. *Dinzelbacher P.* Europaishe Mentalitatsgeschichte : Hauptthemen in Einzeldarstellungen / P. Dinzelbacher. — Stuttgart : Alfred Kroner Verlag, 1993. — 663 S.

16. *Eichhorn H.* Terrassenraum, Seeblick, Mowenflug / H. Eichhorn // Uber Osterreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller uber Literatur — Heimat — Politik / Hrsg. V. Gerald Leitner. — Salzburg und Wien : Residenz Verlag, 2000. — 251 S.

17. *Gollner H.* Literatur : österreichische Literatur der 2. Republik : Materialien zur osterreichischen Landeskunde fur den Unterricht aus Deutsch als Fremdsprache. — Wien : Bundesministerium für Unterricht, Kunst und Kultur, 1999. — Bd. 12. — 836 S.

18. *Schmidt-Lauber B*. Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung / B. Schmidt-Lauber. — Frankfurt am Main : Campus Verlag, 2003. — 257 S.

19. *Worterbuch.* Österreichisch-Deutsch. Zusammengestellt von Astrid Wintersberger unter beratender Mitarbeit von H. C. Artmann. — Salzburg und Wien : Residenz Verlag, 1995. — 96 S.

Material resources

Erdheim, C. (2000). *Frűher war alles besser. Geschichte aus Rußland.* Wien: Löcker. 252 S. ISBN 3-85409-332-2. (In Germ.).

References

Bekh, V. P. (1997). The content of the social world. *Nova paradigma. Constipation, 4:* 10—20. (In Russ.).

Bollnow, O.-F. (1963). *Mensch und Raum.* Stuttgart: Kohlhammer. 310 S. (In Germ.).

Die Őesterreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild. Aus dem Kronprinzenwerk des Erzherzogs Rudolf. (1999). Wien — Koln — Weimar: [b. i.]. 920 S. (In Germ.).

Dinzelbacher, P. (1993). *Europaishe Mentalitatsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen.* Stuttgart: Alfred Kroner Verlag. 663 S. (In Germ.).

Eichhorn, H. (2000). Terrassenraum, Seeblick, Mowenflug. In: *Uber Osterreich zu schreiben ist schwer. Őesterreichische Schriftsteller uber Literatur — Heimat — Politik.* Salzburg und Wien: Residenz Verlag. 251 S. (In Germ.).

Gasparov, B. M. (1996). *Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence.* Moscow: New Literary Review. 352 p. ISBN 5-86793-020-3. (In Russ.).

Gollner, H. (1999). *Literatur: österreichische Literatur der 2. Republik. Materialien zur osterreichischen Landeskunde fur den Unterricht aus Deutsch als Fremdsprache, 12.* Wien: Bundesministerium für Unterricht, Kunst und Kultur. 836 S. (In Germ.).

History of mentalities, historical anthropology: Foreign studies in reviews and abstracts. (1996). Moscow: RSUH. 255 p. (In Russ.).

Menasse, R. (1999). *A country without properties: An essay on Austrian self-consciousness.* St. Petersburg: "Petersburg — XXI century", "Symposium". 109 p. (In Russ.).

Nurgaliev, V. *The main concepts of the Austrian mental world, I.* Available at: https://www.russianvienna.com/nravy-i-obychai/4509-osnovnye-kontsepty-avstrijskogo-mentalnogo-mira-chast-i (accessed 11.11.2021). (In Russ.).

Pantin, I. K. (1994). National mentality and history of Russia. *Russian mentality. Questions of philosophy, 1:* 29—33. (In Russ.).

Pfeifer, W. (ed.) (2005). *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen.* München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 422 S. (In Germ.).

Philosophical Encyclopedia: In 5 volumes, 5. (1970). Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 575. (In Russ.).

Schmidt-Lauber, B. (2003). *Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung.* Frankfurt am Main: Campus Verlag. 257 S. (In Germ.).

Stratiychuk, E. Y. (2006). *Personality as a text-forming category of a literary text: based on the material of the Russian and English languages.* Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 23 p. (In Russ.).

Trofimova, I. A. (2004). *Means of expressing subjective modality in a literary text (based on the material of prose works by A. P. Chekhov).* Author's abstract of PhD Diss. Kaliningrad. 24 p. (In Russ.).

Vaulina, S. S. (2013). Modality as a communicative category: some controversial aspects of research. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant, 8:* 7—12. (In Russ.).

Vaulina, S. S., Devina, O. V. (2010). The author's modality as a text-forming category (to the formulation of the problem). *Bulletin of the I. Kant Russian State University, 8:* 13—21. (In Russ.).

Yakimets, N. V. (1999). *The category of the author's modality in the functional aspect (based on the material of the "Theatrical Novel" by M. A. Bulgakov).* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 23 p. (In Russ.).

Worterbuch. Ősterreichisch-Deutsch. (1995). Salzburg und Wien: Residenz Verlag. 96 S. (In Germ.).

Статья поступила в редакцию 17.12.2021,
одобрена после рецензирования 16.02.2022,
подготовлена к публикации 12.03.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Александр Алексеевич Корнилов, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Александрович Гросс, стажер-исследователь (Ростов-на-Дону, Оксфорд)
Валерий Валентинович Цысь, д-р истор. наук (Нижневартовск)
Вячеслав Валериевич Аксарин, канд. истор. наук (Тобольск)
Денис Владимирович Дорофеев, канд. полит. наук (Симферополь)
Екатерина Евгеньевна Ханина, ассистент (Екатеринбург)
Иван Иванович Воронов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Наталья Александровна Жерлицына, канд. истор. наук (Москва)
Наталья Сергеевна Лобанова, преподаватель (Нижний Новгород)
Оксана Романовна Жерновая, канд. филол. наук (Нижний Новгород)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Аксарин В. В. Тобольский окружной союз потребительских обществ в 1920—1940-х годах : исторический экскурс / В. В. Аксарин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 347—358. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-347-358.

Aksarin, V. V. (2022). Tobolsk District Union of Consumer Societies in 1920s-1940s: a Historical Digression. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 347-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-347-358. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-347-358

Тобольский окружной союз потребительских обществ в 1920—1940-х годах: исторический экскурс

Аксарин Вячеслав Валериевич
orcid.org/0000-0003-3461-8258
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
aksarin_80@mail.ru

Тобольская комплексная научная
станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

Tobolsk District Union of Consumer Societies in 1920s-1940s: a Historical Digression

Vyacheslav V. Aksarin
orcid.org/0000-0003-3461-8258
PhD in History, Associate Professor,
Senior Researcher
aksarin_80@mail.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

© Аксарин В. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается история становления Тобольского окружного союза потребительских обществ. Впервые вводятся в научный оборот архивные материалы. Исследуются организационно-правовые вопросы создания Тобольского союза потребительской кооперации и сети обществ, входивших в его состав. Предпринята попытка осмысления роли тобольской кооперации в жизни региона, а также деятельности ее руководителей, их участия в кооперативной жизни. Выяснено, что со времени образования кооперации удалось создать широкую торгово-заготовительную и низовую сеть, состоящую из 41 общества и 50 000 пайщиков. Представленные результаты свидетельствуют о том, что общероссийские тенденции развития потребительской кооперации (как положительные, так и отрицательные) были присущи и кооперации Тобольска. Выявлены факторы, которые влияли на работу потребительских обществ: незнание спроса и потребностей в товарах у населения, наличие растрат и хищений в среде кооператоров, убыточность некоторых кооперативов, отсутствие контроля за торговыми и заготовительными операциями. В статье охарактеризованы состав и численность аппарата управления торгово-заготовительной и низовой сети. Проанализированы допущенные перегибы в ее деятельности. Обозначены основные этапы становления и развития потребительской кооперации.

Ключевые слова:
пайщик; потребительская кооперация; Тобокрпотребсоюз; Тобольск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the formation of the Tobolsk District Union of Consumer Societies is studied. Archival materials are introduced into scientific circulation for the first time. The organizational and legal issues of the creation of the Tobolsk Union of Consumer Cooperatives and the network of societies that were part of it are studied. An attempt was made to comprehend the role of the Tobolsk cooperation in the life of the region, as well as the activities of its leaders, their participation in cooperative life. It was found that since the formation of the cooperation, it was possible to create a wide trading, procurement and grassroots network, consisting of 41 companies and 50,000 shareholders. The presented results indicate that the all-Russian trends in the development of consumer cooperation (both positive and negative) were also inherent in the cooperation of Tobolsk. The factors that influenced the work of consumer societies were identified: ignorance of the demand and needs for goods among the population, the presence of waste and theft among cooperators, unprofitability of some cooperatives, lack of control over trade and procurement operations. The composition and size of the management apparatus of the trade and procurement and grassroots network are described in the article. The admitted excesses in its activity are analyzed. The main stages of the formation and development of consumer cooperation are outlined.

Key words:
shareholder; consumer cooperation; Tob Okrpotrebsoyuz; Tobolsk.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 334.735(571.12)“1920/1940”

Тобольский окружной союз потребительских обществ в 1920—1940-х годах: исторический экскурс

© Аксарин В. В., 2022

1. Введение = Introduction

Российская историческая наука на протяжении XIX—XX веков уделяла огромное внимание вопросу изучения кооперативного движения. Кропотливые поиски ученых, анализ и систематизация исторических источников по кооперативному строительству отразились в многочисленных монографиях, научных статьях, очерках [Кабанов, 1973; Корелин, 2009; Петрова, 2004; Файн, 1994, 2002]. Если сравнить общероссийские тенденции изучения истории кооперации с региональными, то создание и деятельность последних изучена слабо, поэтому служит предметом дальнейших научных изысканий. Применительно к Западной Сибири в целом и городу Тобольску, в частности, история потребительской кооперации 1930—1940-х годов на региональном уровне освещена слабо. Отдельные публикации посвящены более раннему историческому периоду и географически рассматривают Север Западной Сибири. Среди таких работ можно отметить исследования В. В. Аксарина [Аксарин, 2009, 2010], В. К. Белобородова [Белобородов, 2005, 2006], А. Дробинина [Дробинин, 2004], Н. Б. Патрикеева [Патрикеев, 2009], Ю. П. Прибыльского [Прибыльский, 2001], В. В. Цыся [Цысь, 2001].

К сожалению, проблема становления и развития в городе Тобольске потребительской кооперации еще не стала предметом углубленного исследования для ученых. В современных рыночных условиях актуализации частного производства и предпринимательства, развития кооперации в аграрном секторе, появления спроса в потребительском рынке на качественное натуральное сырье и продукцию, появления экологического направления во всех сферах производства кооперация остается одной из форм способных предложить новый подход к ведению технологического процесса, созданию и реализации своей продукции.

Сегодня Тюменская область занимает по площади третье место среди всех субъектов Российской Федерации (1 464 173 км. кв.) и охватывает три климатических зоны, что позволяет ей широко внедрить исторический опыт кооперативного строительства. Пристальное изучение вопросов становления и деятельности потребительской кооперации в регионе может оказать влияние на ее дальнейшее развитие с учетом экономических реалий. На дан-

CC BY

ный момент в Тюменской области функционирует областной союз северных потребительских обществ, потребительские союзы имеются в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. В состав Тюменского облсеверпотребсоюза входят 50 хозрасчетных предприятий, в том числе 28 потребительских обществ, две оптовые базы, 43 предприятия по выпуску пищевой продукции, 12 предприятий общественного питания, 160 магазинов розничной торговли и 30 магазинов-заготпунктов сельскохозяйственной и дикорастущей продукции. По словам председателя совета облсеверпотребсоюза Анатолия Мануйлова, кооперация активно участвует в социально-экономической, политической жизни региона, взаимодействует с органами власти, торгово-промышленными палатами, способствует развитию малого и среднего предпринимательства. Ее деятельность направлена на удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах, повышение его трудовой занятости и деловой активности [Мануйлов, 2021].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Впервые вводимые в научный оборот документы Государственного архива в г. Тобольске раскрывают основные этапы становления Тобольского окружного союза потребительских обществ, их участия в развитии кооперации на местах, деятельность руководящих кадров, их успехи и промахи. Хронологические рамки статьи охватывают 1925—1941 годы, когда происходило становление разрозненных кооперативов и последующее их объединение в окружной союз. Цель статьи — рассмотреть в исторической ретроспективе становление и специфику деятельности потребительской кооперации в Тобольском округе в указанный период.

Автором использовались проблемно-хронологический, статистический, ретроспективный и историко-сравнительный методы. Анализ, сопоставление и критический подход позволили рассмотреть процесс становления потребительской кооперации как одну из форм развития субъектов малого предпринимательства, выявить проблемы, с которыми пришлось столкнуться. Обращение к историческому опыту потребительской кооперации Тобольского округа будет способствовать пополнению данных о деятельности региональной кооперативной системы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление и начальный период деятельности Тобольского союза потребительских обществ (1925—1938 годы)

Согласно описанию к фонду, Тобольский окружной союз потребительских обществ — Тобокрпотребсоюз — был образован в 1925 году [Краткий справочник…, 2002, с. 133]. До этого времени потребительская кооперация

CC BY

была представлена Обь-Иртышским союзом северных потребительных обществ — Северосоюзом, который в основном обслуживал кооперативы Севера Западной Сибири, Тобольским городским потребительским обществом и рядом районных кооперативов. Потребительские общества Тобольского округа еще не были объединены в единый союз, территория их обслуживания была не столь широка и, как правило, замыкалась на одном населенном пункте. Разрозненность сети потребительской кооперации объяснялась восстановительным процессом после гражданской войны и интервенции, отяготивших экономическое состояние региона и затормозивших процесс кооперирования.

Положение потребительской кооперации того времени можно понять, просмотрев протокол выступления представителей потребительской кооперации на заседании Тобольского городского совета в июне 1932 года. Присутствующие констатировали, что пример северных городов, когда городские организации закрепляют в собственность за потребкооперацией довольно ценные здания, в Тобольске не стал показательным, в городе для этого ничего не было сделано. Тобольская кооперация в финансовом отношении была намного слабее северной, а провоз от Тюмени съедал всю ее прибыль. Кооператоры отмечали, что при таком положении тобольская кооперация не в силах заняться строительством или покупкой здания для обеспечения своих потребностей. Здания приходилось арендовать, нередко переезжать с места на место, тем самым отрывать контору от складов, что негативно сказывалось на товарообороте, торгово-закупочных и иных операциях. Фракция кооператоров просила городской совет передать в собственность магазин и склады, ранее принадлежавшие купцу Янушкевичу по улице Свободы, Сталина (современная улица Мира), а взамен перечислить на благоустройство города 25 000 тыс. руб. [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 1 а, л. 14]. Пребывание системы потребительской кооперации в перманентном состоянии было нарушено только в 1936 году.

Официально система Тобокрпотребсоюза сформировалась приказом организационного бюро областного союза потребительских кооперативов в январе 1936 года. Были согласованы с оргбюро должностные обязанности и календарные планы заготовок, планы кооперирования населения, паенакопления и товарооборота. Небольшой по численности штат сотрудников был задействован по всей разветвленной сети союза, всего 25 штатных сотрудников трудились в организационном и торговом отделах, на оптовом и товарном складе, Тюменском перевалочном пункте. Организационный отдел возглавил И. А. Мысовских, торговый — М. Ф. Родин, оптовый склад — Ф. М. Шахов, товарный — Н. Н. Корепанов, экспедитором в Тюменском пункте был И. М. Макаров. Председателем правления союза избрали К. П. Семерикова. Помимо аппарата управления, в союзе служили

CC BY

следующие лица: главный бухгалтер О. В. Матаева, бухгалтер М. М. Турчанис, счетоводы Т. А. Мальцева и Варен, статистик А. А. Еперина, делопроизводитель Н. Н. Косьянова, курьер Е. Б. Бухарова, инструкторы С. А. Балин и А. Е. Саласин, шофер Я. А. Пальянов, товаровед П. М. Арканов, экспедитор Енбаев, машинистка Р. И. Каплун и четыре сторожа [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 1, д. 1, л. 1]. Как видим, штат сотрудников был небольшим, и уже на начальном этапе своего существования кооперация остро нуждалась в квалифицированных кадрах.

К 1937 году сетью союза было охвачено 857 населенных пунктов, в которых находилось 40 сельских потребительских обществ с 50 631 пайщиком, из чего следует, что в среднем на один кооператив приходилось по 1270 пайщиков, проживавших в территориально приближенных 20 населенных пунктах [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 2, л. 16].

Как видим, становление Тобольской потребительской кооперации началось в 1925 году с отдельно созданных на местах кооперативов, перешедших в 1936 году в ведение Тобольского окружного союза потребительских обществ. Из чего следует, что хронологически процесс создания и развития союза потребительской кооперации в Тобольске был длительным. Организационный момент образования союза предваряло создание оргбюро, взявшего на себя временные функции управления новым кооперативным объединением.

3.2. Тобольская потребительская кооперация накануне войны (1939—1941 годы)

Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 25 января 1939 года «О работе потребительской кооперации» структура потребительской кооперации претерпевала изменения. На местах создавались районные союзы потребительской кооперации. В этом же году система Тобольского окружного союза объединила шесть созданных районных потребительских союзов — Байкаловский, Вагайский, Дубровный, Тобольский, Уватский, Ярковский, а так же Туртасское охотничье хозяйство и Тобольскую торговую базу [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 7 а, л. 10 об.]. Тобольский окружной союз возглавил В. Г. Сусарев [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 1, д. 13, л. 35].

О структуре и кадровом составе низовых районных потребительских союзов можно судить на примере Тобольского. Всего на его хозяйственных предприятиях трудился 401 сотрудник, из них в аппарате конторы — 117 работников, в розничных предприятиях торговли — 23 сотрудника, на снабженческих складах — 73 человека, на заготовительных складах и заготпунктах — 44 человека, 36 сотрудников трудились на предприятиях общест-

CC BY

венного питания и 108 — на транспорте. Численность торгово-розничной и заготовительной низовой сети Тобольского райпотребсоюза состояла из 805 сотрудников, из них в аппарате конторы находилось 110 человек, в розничных предприятиях торговли — 445 человек, на заготовительных складах и заготпунктах — 88 человек, 84 сотрудника трудились на предприятиях общественного питания, 48 — в хлебопекарных предприятиях, и 30 человек были учениками конторы и торгово-заготовительной сети [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 4, л. 12]. Новым структурным подразделением в системе Тобольского окрпотребсоюза стало Туртасское промыслово-охотничье хозяйство, в его административно-управленческом штате состояло 10 сотрудников: директор, бухгалтер, охоттехник, три заведующих подстанцией, три сторожа и уборщица [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 3, л. 15].

Снабжение, заготовка, сбыт продукции, а также общественное питание оставались приоритетными задачами потребительской кооперации. С целью улучшения своей торгово-заготовительной системы среди низовых кооперативов на местах Тобокрсоюзом была создана широкая торговая сеть, представленная районными и сельскими магазинами, торговыми лавками, палатками, а также столовыми. Если в 1939 году в системе союза имелось 297 торговых точек, то в 1941 году их число возросло до 352, увеличение составило 55 единиц, или 84 % [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 7 а, л. 7]. Примечательно, что число районных магазинов оставалось неизменным, а особый рост наблюдался на местах среди сельских магазинов, лавок, ларьков и палаток. Раймаги находились в Вагае, Дубровном, Тобольске и Увате, культмаги были созданы в Вагае и Тобольске. Цифры фиксируют и рост предприятий общественного питания на местах с 9 до 14. Столовые создавались прежде всего для улучшения питания населения. В столовых и чайных посетителям предлагали хлебобулочные изделия, горячие блюда и безалкогольные напитки кооперативного производства. При окрпотребсоюзе для обслуживания партийного советского аппарата была создана «Столовая № 1 Тобольского окрпотребсоюза» закрытого типа на полном хозрасчете с самостоятельным балансом и штатом в девять человек. Заведовала столовой Л. Н. Ситникова [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 1, д. 2, л. 8 об.].

В то же время наблюдались и факты халатного отношения в работе предприятий общественного питания, так, например, в Байкаловской столовой (заведующий Колпаков), по словам посетителей, готовили 2—3 наименования блюд плохого качества, чай подавали в консервных банках и грубо обращались с посетителями, в Покровской и Иевлевской столовых отмечалось антисанитарное состояние помещений, посетителям предлагали уху из мелкого окуня с крупой и кашу без масла [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 7 а, л. 10—10 об.].

CC BY

Наряду с развитием торговой сети потребительская кооперация серьезное внимание уделяла оздоровлению системы заготовок. Как правило, финансирование и бюджет кооперации являлись самыми проблемными вопросами того времени, что было связано напрямую с торгово-заготовительными операциями кооперативов, их неумелым использованием имеющихся средств, неумением предвидеть ситуацию и приобрести «нужный», пользующийся спросом у населения товар. Спрогнозировать, а тем более приобрести и завезти в нужном объеме необходимую продукцию для многих кооперативов было нелегким и выполнимым делом. К примеру, имелись случаи, когда по вине кооперации из-за отсутствия необходимых товаров в Заболотье Тобольского района целый ряд сотрудников: специалисты радиостанции, учителя и другие работники — были вынуждены оставить свою работу, а более 50 % обучающихся не ходили в школу из-за отсутствия одежды и обуви. В районе ощущалась острая нехватка ржаной муки, пшеничной крупы, рыбы, сахара, соли, чая, консервов, ткани, готовой одежды, головных уборов, трикотажа, кожаной обуви, галош, мыла, махорки, спичек, керосина, посуды, печатной продукции и учебников, бумаги и других товаров [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 7 а, л. 3—4]. Нередко наблюдались случаи затоваривания, к примеру, Ярковский райпотребсоюз закупил в Тюмени полуторатонную машину топорищ, Дубровный райпотребсоюз создал пятилетний запас строительных скоб, двухгодичный запас карманных зеркал, конторских счет и игрушек [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 7 а, л. 10].

С целью бесперебойного завоза товаров в сельские потребительские общества, организации лучшего обслуживания потребителей и более эффективного использования имеющихся средств был установлен график выезда представителей потребительских обществ за товарами на оптовые склады окрпотребсоюза. Заведующим складом вменялся отпуск товаров только в день приезда представителя от сельпо со списком необходимых товаров с указанием их количества исходя из учета потребительского спроса [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 1, д. 1, л. 28]. Ранее заведующему Тобольским сырьевым складом Долгих был объявлен строгий выговор за своевольную продажу товаров непосредственно со склада при закрытых дверях, а в ряде кооперативов фиксировались растраты и хищения, за халатное отношение к работе отстранялись бухгалтера [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 1, д. 1, л. 79].

Несмотря на вышеприведенные случаи, Тобольскому окружному союзу удалось достичь финансовой стабильности. Интенсивное паенакопление помогло сбалансировать собственные и заемные оборотные средства. Размер пая возрос с 38 руб. 70 коп. в 1940 году до 60 руб. 30 коп. к апре-

CC BY

лю 1941 года. К этому времени паевые средства союза уже составляли 3876 тыс. руб. против 1468 тыс. руб. 1939 года. Сокращалось и число растрат в среде потребительских обществ, из 41 сельского потребительского общества в 1939 году не имели растрат три, в 1940 году — 40 [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 7 а, л. 18—18 об.].

Успешно развивалась и заготовка сельскохозяйственного сырья. Если в 1939 году в связи с отсутствием массовой работы среди сотрудников потребительской кооперации и пайщиков в сфере заготовок данная работа носила слабый характер, о чем свидетельствовало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 25 января 1939 года «О работе потребительской кооперации», то уже к 1940 году на его основе Тобольский окрпотребсоюз изменил политику заготовок и закупок сельхозпродукции. Система заготовок потребовала кардинальных изменений в структуре окрпотребсоюза. Согласно постановлению президиума правления областного потребсоюза от 25 апреля 1940 года «О рассмотрении постановления правления Тобольского окружного потребсоюза об организации окружной заготовительной конторы» было утверждено создание самостоятельной Тобольской хозрасчетной окружной заготовительной конторы и окружной заготовительной базы по перевалке и переработке заготовляемого сельхозсырья, продуктов и утиля, причем на баланс конторы передавалось и Туртасское промыслово-охотничье хозяйство, а при Тобольском райпотребсоюзе организовали заготовительный отдел, координировавший оперативное руководство всех заготовок и выполнение их плана [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 3, л. 40].

В 1940 году план заготовок свыше 100 % был выполнен по 27 видам продукции. Лучшими среди заготовителей стали Вагайская, Уватская и Тобольская заготовительные конторы. В первом квартале 1941 года в число лучших по заготовкам вошли Тобольский и Вагайский районные союзы [ГА в Тобольске, ф. 1041, оп. 2, д. 7 а, л. 19].

Нападение нацистской Германии на Советский союз в короткие сроки перестроило всю экономику страны на военные рельсы. Потребительская кооперация в условиях военного времени была вынуждена работать по заданиям государственных и партийных организаций, перейти на заготовку не только сельхозпродукции, но и дикоросов (ягод и грибов), заготовку рыбы и дичи.

Как видим, на протяжении краткого промежутка времени кооперации не удалось достичь существенно высоких показателей в своей деятельности. Данные тенденции распространялись на всю систему потребительской кооперации страны. Это было связано по большей части с отсутствием грамотного управления и мониторинга. Попытки перестройки кооперативной системы и ее аппарата были прерваны начавшейся войной.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Краткий анализ становления и деятельности Тобольского окружного союза потребительских обществ позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, на начальном этапе процесс создания потребительской кооперации носил затяжной характер. Существование различных потребительских обществ и Северосоюза, ориентированного прежде всего на северные районы региона, а следовательно, северный завоз и заготовки не позволили консолидироваться и оформиться в самостоятельную систему тобольской потребительской кооперации. Ее становление началось с 1925 года с отдельно созданных на местах кооперативов, перешедших в 1936 году в ведение Тобольского окружного союза потребительских обществ.

Во-вторых, организационный момент образования союза предваряло создание оргбюро, взявшего на себя временные функции управления новым кооперативным объединением, что в свою очередь лишало самостоятельности и инициативности его руководящий аппарат и торгово-заготовительную сеть.

В-третьих, архивные данные свидетельствуют о степени вовлечения населения в потребительскую кооперацию, создании за короткий период на ее базе широкой торгово-заготовительной и низовой сети потребительских обществ, что подтверждает тезис о доступности, понятности и заинтересованности населения в ее функционировании.

В-четвертых, деятельности тобольской потребительской кооперации были присущи тенденции, вызванные незнанием спроса и потребностей в товарах у населения, наличием растрат и хищений в среде кооперативных работников, убыточностью некоторых кооперативов, отсутствием контроля за торговыми и заготовительными операциями.

В-пятых, руководству потребительской кооперации и ее низовой системе пришлось столкнуться с рядом проблем организационно-производственного, финансового, снабженческо-сбытового характера, которые ему пришлось решать, пусть и не всегда эффективно. А начавшаяся Великая Отечественная война переориентировала ее работу на выполнение заданий государственных и партийных организаций.

Несмотря на организационные, заготовительные, снабженческо-сбытовые трудности, нехватку кадровых специалистов, к началу Великой Отечественной войны Тобольская потребительская кооперация заявила о себе как сложившаяся система.

Источники и принятые сокращения

1. ГА в г. Тобольске — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. Р. 1041 (Тобольский окружной союз потребительских обществ (окрпотребсоюз). 1925—1945 гг.).

2. *Цысь В. В.* П. И. Лопарев — организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы Гражданской войны / В. В. Цысь // Западная Сибирь : история и современность. Краевые записки. — Тюмень : Издательство Ю. Мандрики, 2001. — Выпуск 4. — С. 72—83.

Литература

1. *Аксарин В. В.* Кооперация на Севере Западной Сибири : история становления и развития в 1917—1940 годах / В. В. Аксарин. — Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2009. — 204 с. — ISBN 978-5-85944-256-0.

2. *Аксарин В. В.* Сибиряки — организаторы кооперативного движения на Севере Западной Сибири / В. В. Аксарин // Судьбы Романовых в судьбе Сибири : материалы международного научного форума. Департамент стратегического развития Тюменской области. — Тюмень : Экспересс, 2010. — С. 75—79.

3. *Белобородов В. К.* Краевед, педагог, общественный деятель (к 115-летию со дня рождения В. М. Новицкого) / В. К. Белобородов // Югра. — 2005. — № 11. — С. 68—74.

4. *Белобородов В. К.* Исследователь Тобольского Севера Василий Михайлович Новицкий : материалы биографии (к 115-летию со дня рождения) / В. К. Белобородов // Подорожник. Краеведческий альманах. — Тюмень : Мандрика, 2006. — С. 215—236.

5. *Дробинин А.* Синусоида жизни человеческой / А. Дробинин // Северяне. — 2004. — № 1. — С. 12—15.

6. *Кабанов В. В.* Октябрьская революция и кооперация (1917 — март 1919) / В. В. Кабанов. — Москва : Наука, 1973. — 244 с.

7. *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860—1917 гг. / А. П. Корелин. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2009. — 391 с. — ISBN 978-5-8243-1183-9.

8. *Краткий* справочник по фондам филиалов государственного архива Тюменской области в г. Тобольск и г. Ишим. — Тюмень : Вектор Бук, 2002. — 304 с. — ISBN 5-88131-229-5.

9. *Мануйлов А.* Тюменский областной северпотребсоюз [Электронный ресурс] / А. Мануйлов. — Режим доступа : http://ospstmn.ru (дата обращения 15.10.2021).

10. *Патрикеев Н. Б.* П. И. Лопарев — организатор кооперативного движения и охотничьего промысла на Тобольском Севере / Н. Б. Патрикеев // Югра. — 2009. — № 7. — С. 58—61.

11. *Петрова В. П.* Кооперация и крестьянство. История сельскохозяйственной кооперации Урала в 1917—1930 гг. / В. П. Петрова. — Тюмень : Тюм ГУ, 2004. — 148 с. — ISBN 5-88081-428-9.

12. *Прибыльский Ю. П.* Жизнь и деятельность И. Ф. Ного / Ю. П. Прибыльский // Самодийцы. Культурное наследие народов Западной Сибири : материалы IV Всероссийского Сибирского симпозиума. — Тобольск, Омск : Издательство Омского государственного педагогического университета, 2001. — С. 155—157.

13. *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация : исторический опыт / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. — 276 с. — ISBN 5-230-02245-0.

14. *Файн Л. Е.* Российская кооперация : историко-теоретический очерк. 1861—1930 гг. / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. — 600 с. — ISBN 5-7807-0272-1.

Material resources

The State budgetary institution of the Tyumen region "State Archive in Tobolsk". F. R. 1041 (Tobolsk District Union of Consumer Societies (okrpotrebsoyuz). 1925—1945). (In Russ.).

Tsys, V. V. (2001). P. I. Loparev — organizer of the cooperative movement in the Tyumen North during the Civil War. In: *Western Siberia: History and modernity. Regional notes, 4.* Tyumen: Publishing House Yu. Mandriki. 72—83. (In Russ.).

References

Aksarin, V. V. (2009). *Cooperation in the North of Western Siberia: the history of formation and development in 1917—1940.* Tobolsk: D. I. Mendeleev TSPI. 204 p. ISBN 978-5-85944-256-0. (In Russ.).

Aksarin, V. V. (2010). Siberians — organizers of the cooperative movement in the North of Western Siberia. In: *The Fate of the Romanovs in the fate of Siberia: materials of the International Scientific Forum. Department of Strategic Development of the Tyumen region.* Tyumen: Experess. 75—79. (In Russ.).

A short guide to the funds of the branches of the State Archive of the Tyumen region in Tobolsk and Ishim. (2002). Tyumen: Vector Book. 304 p. ISBN 5-88131-229-5. (In Russ.).

Beloborodov, V. K. (2005). Local historian, teacher, public figure (to the 115th anniversary of the birth of V. M. Novitsky). *Yugra, 11:* 68—74. (In Russ.).

Beloborodov, V. K. (2006). Researcher of the Tobolsk North Vasily Mikhailovich Novitsky: materials of biography (to the 115th anniversary of his birth). In: *Plantain. Local history almanac.* Tyumen: Mandrika. 215—236. (In Russ.).

Drobinin, A. (2004). Sinusoid of human life. *Northerners, 1:* 12—15. (In Russ.).

Fine, L. E. (1994). *Domestic cooperation: historical experience.* Ivanovo: Ivanovo State University. 276 p. ISBN 5-230-02245-0. (In Russ.).

Fine, L. E. (2002). *Russian cooperation: a historical and theoretical essay. 1861—1930.* Ivanovo: Ivanovo State University. 600 p. ISBN 5-7807-0272-1. (In Russ.).

Kabanov, V. V. (1973). *The October Revolution and cooperation (1917 — March 1919).* Moscow: Nauka. 244 p. (In Russ.).

Korelin, A. P. (2009). *Cooperation and the cooperative movement in Russia. 1860—1917.* Moscow: Russian Political Encyclopedia. 391 p. ISBN 978-5-8243-1183-9. (In Russ.).

Manuylov, A. *Tyumen Regional severpotrebsoyuz.* Available at: http://ospstmn.ru (accessed 15.10.2021). (In Russ.).

Patrikeev, N. B. (2009). P. I. Loparev — organizer of the cooperative movement and hunting in the Tobolsk North. *Yugra, 7:* 58—61. (In Russ.).

Petrova, V. P. (2004). *Cooperation and the peasantry. The history of agricultural cooperation in the Urals in 1917—1930.* Tyumen: Tyum GU. 148 p. ISBN 5-88081-428-9. (In Russ.).

Pribilsky, Yu. P. (2001). Life and activity of I. F. Nogo. In: *Samoyeds. Cultural heritage of the peoples of Western Siberia: materials of the IV All-Russian Siberian Symposium.* Tobolsk, Omsk: Publishing House of Omsk State Pedagogical University. 155—157. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.10.2021,
одобрена после рецензирования 12.01.2022,
подготовлена к публикации 15.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Воронов И. И. Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ как структурный элемент государственного управления России в 1837—1855 годах / И. И. Воронов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 356—375. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-356-375.

Voronov, I. I. (2021). Department of Agriculture of Ministry of State Property as a Structural Element of Russian State Administration in 1837—1855. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 356-375. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-356-375. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-356-375

Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ как структурный элемент государственного управления России в 1837—1855 годах

Воронов Иван Иванович
orcid.org/0000-0001-7293-4396
доктор исторических наук, профессор
кафедра истории и регионоведения
ivan.voronov@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
(Санкт-Петербург, Россия)

Department of Agriculture of Ministry of State Property as a Structural Element of Russian State Administration in 1837—1855

Ivan I. Voronov
orcid.org/0000-0001-7293-4396
Doctor of History, Professor, Department of History and Regional Studies
ivan.voronov@mail.ru

The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State
University of Telecommunications
(Saint Petersburg, Russia)

© Воронов И. И., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается вопрос становления одного из центральных органов управления земледелием Российской империи — Департамента сельского хозяйства. Актуальность работы обусловлена необходимостью совершенствования механизма государственного управления на современном этапе. На основе отзывов современников автором показаны особенности организации внутренней работы Департамента сельского хозяйства. Особое внимание уделяется деятельности министра государственных имуществ П. Д. Киселева и директоров департамента И. Ф. Деллингсгаузена, Е. Ф. фон Брадке и А. И. Левшина. Новизна исследования видится в том, что автором раскрываются и уточняются ранее неизвестные аспекты функционирования Департамента сельского хозяйства. Вводятся в научный оборот новые данные из архивных источников. Доказано, что подготовка отмены крепостного права сыграла важную роль в учреждении Департамента сельского хозяйства. Выявлены особенности становления и показаны основные направления деятельности Департамента сельского хозяйства. Представлены результаты сопоставительного анализа численности и финансового положения чиновников департаментов сельского хозяйства и лесного. Охарактеризована специфика службы чиновников Департамента сельского хозяйства в указанный исторический период.

Ключевые слова:
Николай I; П. Д. Киселев; Министерство государственных имуществ; Сельскохозяйственный департамент; сельское хозяйство; земледелие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the formation of one of the central agricultural management bodies of the Russian Empire — the Department of Agriculture is studied. The relevance of the work is due to the need to improve the mechanism of public administration at the present stage. Based on the opinions of contemporaries, the author shows the features of the organization of the internal work of the Department of Agriculture. Particular attention is paid to the activities of the Minister of State Property P. D. Kiselev and directors of the department I. F. Dellingshausen, E. F. von Bradke and A. I. Levshin. The novelty of the study is seen in the fact that the author reveals and clarifies previously unknown aspects of the functioning of the Department of Agriculture. New data from archival sources are introduced into scientific circulation. It is proved that the preparation of the abolition of serfdom played an important role in the establishment of the Department of Agriculture. The features of formation are revealed and the main directions of activity of the Department of Agriculture are shown. The results of a comparative analysis of the number and financial situation of officials of the Departments of Agriculture and forestry are presented. The specifics of the service of officials of the Department of Agriculture in the specified historical period are characterized.

Key words:
Nicholas I; P. D. Kiselev; Ministry of State Property; Agricultural Department; Agriculture; land husbandry.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).073:351.823.1

Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ как структурный элемент государственного управления России в 1837—1855 годах

© Воронов И. И., 2022

1. Введение = Introduction

В 30-х годах XIX века экономика Российской империи находилась в затяжном кризисе. Неэффективная система управления, Отечественная война 1812 года, неурожаи и эпидемии подорвали сельское хозяйство страны. Существовавшая практика прикрепления крестьян к земле, когда-то необходимая, давно изжила себя. Отвергая сельскохозяйственные новшества и гася инициативу, крепостничество тормозило развитие страны. Для решения стоявших перед Россией проблем требовалось изменить систему управления. Подготавливать отмену крепостного права Николай I начал постепенно, с реформирования государственной деревни. Осуществить преобразование поручалось новому министерству, в состав которого входил и сельскохозяйственный Департамент.

Министерство государственных имуществ (МГИ) было учреждено 26 декабря 1837 года. Создавалось ведомство для управления государственными имуществами, попечительства над государственными крестьянами и заведования сельским хозяйством. МГИ состояло из Первого, Второго, Третьего департаментов, ученого комитета, типографии, литографии, совета и канцелярии министра [Учреждение …, 1837, с. 1—17]. Возглавил новое министерство П. Д. Киселев [Шилов, 2001, с. 289]. Штаты МГИ включали 618 чиновников с содержанием 1 млн 216 тыс. 694 руб. ассигнациями, а после пересчета в 1839 году ассигнаций на серебро — 319 тыс. 55 руб. Руководство сельским хозяйством поручалось Третьему департаменту [Историческое …, 1888, с. 62]. Оклады МГИ в 1,5—2 раза превышали содержание в других министерствах, за исключением военного [РГИА, д. 611. л. 128 об-148]. Так в составе государственного аппарата появилось Министерство, занятое сельскохозяйственным управлением. На содержание образцово-показательного ведомства были выделены значительные средства, что позволяло охватить большой фронт работ и привлечь компетентных специалистов. Нацеленное в первую очередь на «попечительство» МГИ не могло стать полноценным сельскохозяйственным ведомством, но за развитие сельского хозяйства теперь отвечал целый Департамент.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалы исследования основываются на документах Российского государственного исторического архива (РГИА). Это фонды: 381 (Канцелярия министра земледелия), 1152 (Департамент государственной экономии Государственного совета), 1589 (V отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). В этих фондах содержатся документы об учреждении и реорганизации МГИ и Департамента сельского хозяйства, всеподданнейшие доклады, записки, отчёты, переписка министров и т. п.

Особое значение имеют издания нормативно-правового характера: «Полное собрание законов Российской империи» и «Сборник постановлений по управлению государственных имуществ» [ПСЗРИ … 1838, 1840, 1844, 1846, 1847, 1853; Сборник …, 1850]. Не менее важны и мемуары: воспоминания Е. Ф. Брадке [Брадке, 1875], К. С. Веселовского [Веселовский, 1903], В. А. Инсарского [Инсарский, 1894], А. А. Малышева [Малышев, 1885] и дневники М. А. Корфа [Корф, 2010]. Мемуаристы позволяют увидеть скрытые механизмы становления Департамента сельского хозяйства и особенности положения его чиновников [Волков, 2010].

Дореволюционная историография вопроса представлена юбилейными изданиями МГИ [Историческое …, 1888; Очерк …, 1887; Столетие …, 1898; Гинс, Шафранов, 1914]. Как правило, эти труды состоят из двух частей: первая с краткой историей возникновения МГИ и биографиями министров, вторая с описанием деятельности МГИ и его департаментов. Также имеются работы-отчеты, подготовленные Департаментом сельского хозяйства [Обзор …, 1850]. Советская историография отражена в монографии Н. М. Дружинина. Автор проанализировал причины учреждения МГИ, дал краткую характеристику личности некоторых его чиновников и подготовил обзор деятельности министерского аппарата. В том числе на примере Департамента сельского хозяйства [Дружинин, 1958]. Российская историография представлена монографиями, статьями и справочниками. Так, Л. Е. Шепелёв проанализировал систему центральных государственных учреждений и чиновничества. Особый интерес представляет информация, посвященная МГИ и Лесному департаменту [Шепелёв, 2001]. В статье А. И. Рыбалкина рассмотрено формирование в структуре МГИ Лесного департамента [Рыбалкин, 2013]. Отдельные эпизоды из истории Департамента сельского хозяйства можно встретить в обобщающих трудах по истории министерств [Министерская …, 2007; Управленческая …, 2008]. В справочнике Д. Н. Шилова представлены подробные биографические и служебные данные чиновников сельскохозяйственного ведомства, занимавших высшие государственные должности [Шилов, 2001].

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Третий департамент

Третий департамент создавался для управления учреждениями и мероприятиями, занятыми распространением сельскохозяйственных сведений. Кроме того, ведомство руководило корпусами лесничих (до 1843 года) и гражданских топографов, а также производством кадастра (до 1845 года). Департамент состоял из канцелярии, чертежной, архива и шести отделений. 1-е управляло учебными и образцовыми сельскохозяйственными заведениями. 2-е занималось усовершенствованием сельского хозяйства. 3-е инспектировало Лесной (до 1843 года) и Межевой корпуса (с 1847 года). 4-е руководило производством кадастра. 5-е ведало статистикой государственных имуществ. 6-е вело бухгалтерские и контрольные дела. Кроме того, под контролем департамента находились ученый комитет, типография и литография. Ученый комитет состоял из отделений сельского хозяйства, лесного и кадастра. К компетенции Комитета относились объявление конкурсов, взаимодействие с учеными и экономическими обществами, отслеживание сельскохозяйственных нововведений за границей и т. п. вопросы [РГИА, д. 98, л. 9 об. — 13 об.]. Лесное хозяйство осталось без собственного органа управления и было рассредоточено между тремя департаментами. В 1838 году директор Третьего департамента предложил передать управление лесами отдельному ведомству. Однако его предложение было отклонено. А 30 января 1839 года специалисты лесного дела были объединены в состоящий при Третьем департаменте Корпус лесничих (726 офицеров, в том числе 4 генерала) [Рыбалкин, 2013, с. 33—34]. При учреждении МГИ вопросам руководства сельским хозяйством не придавалось большого значения. Изначально Третий департамент был загружен массой непрофильных дел. Поэтому при решении сельскохозяйственных вопросов, вероятно, возникали конфликты, например, между необходимостью включения в оборот новых земель и охраной лесов. При существенных различиях в предметах ведения внутренняя организация и деятельность департамента не могли находиться на высоком уровне [Малышев, 1885, с. 660]. Поэтому директор и попытался вывести из состава ведомства лесное управление. Однако присутствие в составе департамента Ученого комитета говорит о наличии у П. Д. Киселева больших планов по развитию сельского хозяйства.

Директором Третьего департамента был поставлен И. Ф. Деллинсгаузен, бывший начальник штаба П. Д. Киселева в армии [Волков, 2010, с. 438]. При отсутствии в МГИ должности товарища министра И. Ф. Деллинсгаузен стал первым помощником П. Д. Киселева, заменяя его в случае необходимости. Служебный прием у министра начинался в 10 часов.

CC BY

В отличие от других директоров департаментов, имевших свой день для доклада, И. Ф. Диллингаузен являлся к П. Д. Киселеву по мере надобности. Также он и имел право просматривать бумаги, лежащие в кабинете министра. Кроме руководства департаментом, И. Ф. Делленсгаузен занимался и массой общеминистерских дел вплоть до компенсации чиновникам командировочных расходов [Малышев, 1885, с. 655—656]. Однако карьера у И. Ф. Деллинсгаузена не заладилась. В результате конфликта с полицейским [Корф, 2010, с. 324, 362] 8 мая 1839 года И. Ф. Деллинсгаузен вышел в отставку. В тот же день новым директором Третьего департамента был назначен Е. Ф. фон Брадке [Историческое …, 1888, с. XV.]. Теперь доклад директора проходил по средам. С раннего утра чиновники во главе с Е. Ф. фон Брадке собирались в департаменте для окончательной подготовки к докладу. Первоначально во время доклада директора сопровождали все начальники отделений. Но П. Д. Киселев не любил робких и косноязычных докладчиков. Поэтому Е. Ф. фон Брадке стал брать с собой только двух лучших чиновников, они и отчитывались за весь департамент [Инсарский, 1894, с. 69]. Но, несмотря на богатый административный опыт [Веселовский, 1903, с. 22], Е. Ф. фон Брадке не смог заменить И. Ф. Деллинсгаузена. И в 1840 году П. Д. Киселев получил официального заместителя [Малышев, 1885, с. 660], которым стал директор Первого департамента Н. М. Гамаля [РГИА, д. 127, л. 70—72 об.]. Через два года после учреждения МГИ П. Д. Киселев решил проверить эффективность работы своего ведомства. 24 декабря 1840 года он распорядился провести ревизию делопроизводства и отчётности МГИ. Замечания к Третьему департаменту были типичными для всего МГИ и заключались в неправильном распределении дел и недостатках в делопроизводстве. 23 ноября 1841 года министр предписал директорам департаментов устранить недочёты. Неизвестно, как развивалась ситуация в Третьем департаменте, но в Первом департаменте замечания были устранены лишь через год [РГИА, д. 260, л. 1—6 об., 14—24 об. — 40, 60—61]. Первоначально МГИ довольствовалось временными помещениями расположенными в разных местах: на Мойке у Синего и Певческого мостов, на ул. Б. Морской, Миллионной и Почтамтской. Два собственных здания МГИ у Синего моста были построены лишь к 1850 году [Очерк …, 1887, с. 25]. Там и расположился Третий департамент. Занимаясь укомплектованием МГИ, П. Д. Киселев старался подобрать для него знакомых, проверенных и образованных служащих. Именно таким был И. Ф. Деллинсгаузен, являвшийся соратником П. Д. Киселева еще со времени армейской службы. Вероятно, являясь де факто заместителем министра, он мало времени уделял своему департаменту и не успел правильно организовать работу ведомства. Следующий дирек-

CC BY

тор Е. Ф. фон Брадке не сумел стать помощником министра, зато наладил работу департамента. Устроенная П. Д. Киселевым проверка не выявила в Третьем департаменте никаких серьезных замечаний.

Хоть при учреждении МГИ Лесной департамент создан не был, но идея объединения лесного управления в одном учреждении осталась. 18 января 1843 года лесное хозяйство было отделено от земледелия. Лесной корпус и лесные подразделения других департаментов были переданы в специально созданный Лесной департамент [Столетие …, 1898, с. 107]. Это преобразование пошло на пользу не только лесному, но и сельскому хозяйству. Дела Третьего департамента дела стали все более упорядочиваться. Сотрудниками департамента были подготовлены уставы Горыгорецкого земледельческого института, образцовых ферм, школ виноделия, шелководства и ряда др. учреждений. На прочную основу был поставлен кадастр. Ведомство пополнилось сельскохозяйственными чиновниками со специальным образованием. Но, не выдержав напряженной работы [Веселовский, 1903, с. 23], 16 января 1844 года Е. Ф. фон Брадке оставил службу. 24 января 1844 года Третий департамент возглавил А. И. Левшин [Историческое …, 1888, с. XV.] известный как специалист в области земледелия [Министерская …, 2007, с. 535]. Новый директор предложил сменить название ведомства на Департамент сельского хозяйства [Гинс и др., 1914, с. 7—8]. Постепенно Третий департамент избавлялся от непрофильных дел и сосредотачивался на сельском хозяйстве. Хотя за семь лет сменилось три директора, но в конце концов департамент возглавил специалист. Чиновничий аппарат ведомства также становился более компетентным. Произошедшие изменения требовалось закрепить окончательным освобождением от посторонних функций и названием, соответствующим назначению ведомства.

3.2. Департамент сельского хозяйства

Учреждение Лесного департамента потребовало перераспределения обязанностей и пересмотра штатов МГИ [Очерк …, 1887, с. 30]. 25 ноября 1844 года П. Д. Киселев передал государственному секретарю И. В. Васильчикову для внесения в Государственный совет проекты изменения штатов МГИ и его местных органов. В частности, министр предлагал изменить структуру органов управления сельским хозяйством. Третий департамент следовало переименовать в Департамент сельского хозяйства, инспекторское отделение упразднить, а чертежную передать Корпусу гражданских топографов; литографию и металлографию корпуса перевести в типографию департамента; для подготовки проектов сельскохозяйственных построек создать особую комиссию. 30 ноября 1844 года Департамент государствен-

CC BY

ной экономии Государственного совета рассмотрел представление П. Д. Киселева. Деньги на усиление штатов (до 155 чиновников) с содержанием в 36 тыс. 928 руб. 58 коп. предлагалось изыскать за счет средств МГИ. 15 декабря 1844 года Общее собрание Государственного совета одобрило мнение департамента, а 9 января 1845 года его утвердил Николай I [РГИА, д. 189, л. 15—46 об., 65—68]. Так за ведомством было окончательно закреплено руководство сельским хозяйством. Но, несмотря на переименование, в ведении департамента остался ряд дел, лишь косвенно связанных с сельским хозяйством. Это статистика государственных имуществ, строительство, издательская деятельность и т. п. [Гинс и др., 1914, с. 7—8]. Сельскохозяйственный департамент состоял из канцелярии и пяти отделений. 1-е руководило усовершенствованием сельского хозяйства. 2-е занималось учебными и образцовыми сельскохозяйственными заведениями; 3-е управляло Корпусом гражданских топографов, межеванием казенных земель и т. п.; 4-е ведало статистикой сельского хозяйства и государственных имуществ; 5-е вело бухгалтерские и контрольные дела. Также в состав ведомства вошли комиссии для дел технических и строительных и уравнения сборов с государственных крестьян. Под контролем департамента находились ученый комитет, типография, литография и металлография [Сборник …, 1850, с. 11—13]. С целью сокращения расходов по межеванию земель 11 апреля 1847 года Корпус гражданских топографов был преобразован в Корпус межевщиков [ПСЗРИ …, 1847, с. 297]. Проведенное преобразование укрепило положение МГИ в системе органов государственной власти, а избавление от непрофильных функций и переименование Третьего департамента сосредоточило в нём все сельскохозяйственный дела МГИ. Взамен утраченного отделения департамент получил четко очерченные предметы ведения, что позволило оперативнее выполнять свои обязанности. Вместо утраченного ранее чужеродного Лесного корпуса сельскохозяйственное ведомство получило соответствующий его задачам Корпус межевщиков.

28 января 1852 года произошло общеминистерское сокращение штатов, затронувшее и Департамент сельского хозяйства [ПСЗРИ, 1853, с. 47]. В МГИ были сокращены три вице-директора и 97 младших помощников, журналистов и др. чиновников. Это уменьшило ведомственные расходы на 52 тыс. 6 руб. 98 коп. Департамент сельского хозяйства лишился вице-директора и, вероятно, 20—25 чиновников. Однако это сокращение было проведено за счет второстепенных сотрудников, состав которых должен был постепенно восстановиться. Ликвидированные должности вице-директоров департаментов по инициативе П. Д. Киселева с выплатой содержания за счет МГИ были возвращены уже 14 апреля 1852 года [РГИА, д. 127, л. 280, 281].

CC BY

В основном работа департамента была направлена на повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Для этого ведомство занималось изучением состояния сельского хозяйства в различных районах страны. Так, в 1838 году на Кавказ и в Астраханскую губернию был командирован А. П. Заблоцкий-Десятовский. В 1840 году в северные губернии были направлены два агронома. Позднее были созданы три комиссии для изучения положения отдельных отраслей промышленности (льняной 1845 год, свеклосахарной 1847 год, пеньковой 1849 год). Интересные сведения были собраны сотрудниками Горыгорецкого земледельческого института [Историческое …, 1888, с. 49—55]. Департамент распространял элитные семена и новую технику, субсидировал сельскохозяйственные общества, учреждал опытные участки и хозяйства, организовывал съезды и выставки, оказывал агрономическую, ветеринарную и зоотехническую помощь. С 1844 по 1856 годы на опытных фермах прошли обучение 8 тыс. 130 человек. Пропаганда передовых методов организации сельского хозяйства велась печатными органами департамента. Так, «Земледельческая газета» издавалась тиражом 4—5 тыс. экз. [Управленческая …, 2008, с. 386—390]. «Журнал Министерства государственных имуществ» относился к числу лучших «серьезных журналов» того времени [Веселовский, 1903, с. 26]. Издавало ведомство и «Лесной журнал» [Гинс и др., 1914, с. 9]. Постепенно деятельность Департамента сельского хозяйства стала приносить и материальную выгоду. Так, его доходы в 1846 году равнялись 3 тыс. 985 руб., 71 коп., а в 1855 году уже 83 тыс. 908 руб., 37 коп. [Историческое …, 1888, с. 96—97]. Экспорт пшеницы увеличился с 2 млн 298 тыс. 739 четвертей в 1838 году, 40 млн 204 тыс. 793 четвертей в 1847 году [Обзор …, 1850, с. 329]. То есть за девять лет доходы ведомства повысились на 79 тыс. 922 руб. 66 коп. Экспорт пшеницы за десять лет возрос на 37 млн 906 тыс. 54 четверти. Однако этого было недостаточно. Из-за низкой грамотности населения распространяемая МГИ информация фактически была доступна лишь помещикам. Но и они при даровом труде крепостных не спешили с модернизацией, и сельскохозяйственные новшества внедрялись лишь в образцовых хозяйствах, а крестьянское земледелие оставалось низкоэффективным.

3.3. Чиновничество Департамента сельского хозяйства

При учреждении в 1837 году штат Третьего департамента включал 140 сотрудников (в том числе 93 классных чиновника) с бюджетом в 276 тыс. 80 руб. В подконтрольных департаменту, но имевших собственный штат и бюджет ученом комитете, типографии и литографии состояли еще 18 сотрудников (в том числе 12 классных чиновников) с содержанием 71 тыс. 524 руб.

CC BY

Столовые получали только классные чиновники за исключением чиновников особых поручений. В ученом комитете, типографии и литографии столовые получали лишь три делопроизводителя. После переименования 9 января 1845 года Третьего департамента в Департамент сельского хозяйства его штат включал 132 сотрудника (в том числе 85 классных чиновников) с бюджетом в 81 тыс. 535 руб. 11 коп. В подконтрольных департаменту ученом комитете, типографии, литографии и металлографии состояли еще 7 сотрудников (в том числе 3 классных чиновника) с содержанием 20 тыс. 198 руб. 44 коп. То есть число сотрудников уменьшилось на 8 человек. Но их содержание с учетом пересчета ассигнаций на серебро (1 руб. серебром = 3 руб. 50 коп. ассигнациями) [Блиох, 1882, с. 226] увеличилось на 9 тыс. 440 руб. 5 коп. В подконтрольных департаменту ученом комитете, типографии и литографии были сокращены 11 сотрудников, а их содержание уменьшено на 830 руб. Столовые чиновники получали на прежнем основании [ПСЗРИ … 1838, с. 298—299; ПСЗРИ … 1846, с. 35—36].

Из всех департаментов МГИ по характеру деятельности к Департаменту сельского хозяйства больше всего приближался лесной, но ситуация там была иная. Лесной департамент был учрежден из других подразделений МГИ и получал часть предусмотренного для них финансирования. Так, по штату 1843 года в его составе числилось 114 человек (в том числе 68 классных чиновников) с бюджетом 54 тыс. 880 руб. Столовые получали только классные чиновники. Директор Лесного департамента, являясь одновременно инспектором Лесного корпуса, получал жалование согласно своему воинскому званию и столовые как инспектор корпуса. Непосредственно в департаменте он получал лишь небольшую прибавку — так называемые добавочные. После введения новых штатов 9 января 1845 года Лесной департамент включал 122 сотрудника (в том числе 70 классных чиновников). Лесное ведомство получило собственный бюджет в 58 тыс. 566 руб. Число сотрудников ведомства возросло на 8 человек, а содержание на 3 тыс. 686 руб. Столовые получали только классные чиновники. Включенные в штат запасные офицеры жалование и столовые получали в корпусе лесничих, а в департаменте лишь небольшие добавочные. Директор получал зарплату на прежнем основании [ПСЗРИ … 1840, с. 40—41; ПСЗРИ … 1844, с. 41—42; ПСЗРИ … 1846, с. 36—37].

Первоначально повышенное материальное обеспечение и научный характер работы привлекли в сельскохозяйственный департамент многих талантливых чиновников. Но после утверждения 23 декабря 1838 года новых министерских штатов оклады МГИ уже не казались особенно привлекательными [Корф, 2010, с. 213—214]. А относительно небольшое жалование в сочетании с особенностями службы в новом департаменте

CC BY

заставили некоторых перспективных чиновников покинуть ведомство. Так, участвовавший в создании МГИ начальник отделения В. А. Инсарский ушёл управляющим к предложившему огромное жалование князю А. И. Барятинскому [Инсарский, 1894. с. 83]. Недовольный рутинной работой столоначальника, будущий академик К. С. Веселовский перешел в Министерство внутренних дел. Правда, попробовав себя на аналогичной работе в другом ведомстве, он вскоре вернулся обратно. Как и многих других чиновников его привлекала научная работа сельскохозяйственного департамента [Веселовский, 1903, с. 29—31]. То есть даже после общеминистерского повышения окладов Департамент сельского хозяйства продолжал пользоваться популярностью в среде молодых чиновников.

Департаменты сельского хозяйства и лесной выполняли схожие функции, и финансовое положение их персонала было почти одинаковым. Ранее учрежденный и более многочисленный Департамент сельского хозяйства полнее оплачивал труд лишь начальников статистического и счетного отделений. Выделившийся из сельскохозяйственного Лесной департамент первоначально не имел своего бюджета и полностью зависел от МГИ. Исключением был лишь директор (до 1845 года управляющий) лесного департамента. Даже в звании полковника [Лесной …, 1898, с. 109] благодаря огромным столовым его зарплата была выше, чем у директора департамента сельского хозяйства. После введения штатов 1845 года Лесной департамент получил собственный бюджет, но содержание сельскохозяйственных и лесных чиновников осталось на прежнем уровне (табл. 1). Разница сохранилась лишь на уровне директоров департаментов. Однако теперь несмотря на звание генерал-майора содержание директора лесного департамента уступало зарплате директора департамента сельского хозяйства.

Основу личного состава сельскохозяйственного ведомства составили выпускники университетов, чиновники других ведомств, владельцы имений и отставные военные [Дружинин, 1958, с. 88]. Научное направление в работе привлекало в Третий департамент «мыслителей и прожектеров». Но в общем личный состав ведомства оставлял желать лучшего даже после его переименования в Департамент сельского хозяйства [Инсарский, 1894, с. 17, 32, 53]. Первоначально дела велись «по общему канцелярскому порядку». Чиновники упражнялись в искусстве «бессознательного многословия» или внедряли новшества, «плохо понятые и неусвоенные» [Брадке, 1875, с. 289]. Ученый комитет департамента мог считаться таковым «только по официальной терминологии». Некомпетентные в сельском хозяйстве чиновники часто передавали на заключение комитета даже незначительные дела. В результате комитет рассматривал вопросы о продаже одной коровы [Веселовский, 1903, с. 17, 32—33] и утверждал инструкции,

Таблица 1

Содержание чиновников Департаментов сельского хозяйства и лесного*

Должность	Департамент сельского хозяйства				Лесной департамент				
	1837 г.		1845 г.		1843 г.			1845 г.	
	жало-вание	столовые	жало-вание	столовые	жало-вание	столовые	добавоч-ные	жало-вание	столовые
Директор де-партамента	6000 р.	6000 р.	1715 р., 52 к.	1715 р., 52 к.	531 р.	5000 р.	1143 р.	1017 р.	1143 р.
Вице-директор	4000 р.	3000 р.	1143 р., 68 к.	857 р., 76 к.	1143 р.	857 р.	-	1143 р.	857 р.
Начальник от-деления	от 3000 до 4000 р.	1500 р.	от 857 р., 76 к. до 1143 р. 68 к	428 р., 88 к.	857 р.	429 р.	-	857 р.	429 р.
Столоначаль-ник	1800 р.	750 р.	514 р. 60 к.	214 р. 43 к.	515 р.	214 р.	-	515 р.	214 р.

* Подготовлено на основе источников: [ПСЗРИ … 1838, с. 298—299; ПСЗРИ … 1840, с. 40—41; ПСЗРИ … 1844, с. 41—42; ПСЗРИ … 1846, с. 35—37; Аничков, 1860, с. 248].

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

CC BY

написанные чиновниками за одну ночь [Инсарский, 1894, с. 68]. Но постепенно личный состав департамента улучшился. В ведомстве работали крупные специалисты, позднее заслужившие звание академиков: К. С. Веселовский, П. И. Кеппен и многие другие [Дружинин, 1958, с. 88—89]. Непригодные чиновники заменялись «молодыми людьми из первых кандидатов университета, которые охотно вступали в … модный департамент» [Инсарский, 1894, с. 66]. Если судить по канцелярии, то после учреждения МГИ чиновники департамента имели необременительные обязанности [Инсарский, 1894, с. 56—57]. Но уже в 1843 году они еле справлялись с огромным объемом работы [Веселовский, 1903, с. 34—35].

Вместе с учреждением МГИ его чиновники получили особую форму одежды. Парадный мундир МГИ был темно-зеленого сукна с золотыми матовыми пуговицами с изображением государственного герба; шитье золотое; воротник и обшлаг из светло-зеленого бархата. Мундирный фрак был темно зеленого сукна со светло-зеленым бархатным отложным воротником и пуговицами как на парадном мундире. Начиная с четвертого разряда составной частью шитья к мундиру являлись веточки дуба и букетики из колосьев и васильков, которые присутствовали на шитье мундиров Министерства внутренних дел. Бордюр представлял собой тонкую дубовую ветвь, свободно обвитую лентой. Свою форму имел личный состав Корпуса лесничих. Его сотрудники носили темно-зеленую воинскую форму. Воротники и обшлага с клапанами были светло-зеленые суконные. Выпушка на фалдах, обшлагах и брюках — того же цвета. Сохранялось принятое ранее серебряное шитье. Вводились серебряные эполеты и черный лакированный кивер (по образцу флота) с гербовым орлом и литерами *К. Л.*, с серебряным помпоном [Шепелёв, 2001, с. 281, 283—384]. После передачи Лесного корпуса лесному ведомству форма чиновников Департамента сельского хозяйства стала единообразной.

4. Заключение = Conclusions

Подготовка к отмене крепостного права вызвала изменения в системе министерского управления Российской империи. Для повышения эффективности управления государственными имуществами было учреждено Министерство государственных имуществ, включавшее сельскохозяйственный Департамент. Но первоначально вопросам руководства сельским хозяйством особого значения не придавалось. Поэтому отвечавший за сельское хозяйство Третий департамент был загружен множеством чужеродных дел. Лишь в 1845 году ведомство избавилось от непрофильных функций и было переименовано в Департамент сельского хозяйства. Повышенные материальные возможности и реформаторская деятельность

CC BY

сельскохозяйственного ведомства позволили привлечь в его ряды лучших представителей бюрократии. Тем не менее Департамент достаточно долго нуждался в сельскохозяйственных специалистах. Пополнившись компетентными чиновниками, ведомство развернуло большую работу по повышению производительности сельскохозяйственного производства. Но наличие крепостного права сильно обесценивало его деятельность. В сельскохозяйственных улучшениях не были заинтересованы ни помещики, ни государственные крестьяне. Несмотря на частные успехи, большие затраты на сельскохозяйственное управление не привели к экономическому подъёму, и штат ведомства был сокращён.

После смерти в 1855 году императора Николая I наступает новый этап в судьбе Департамента сельского хозяйства. 11 июля 1956 года либеральный министр П. Д. Киселев получил отставку и вскоре был отправлен послом во Францию. 17 апреля 1857 года главой МГИ был назначен консерватор М. Н. Муравьев [Шилов, 2001, с. 289, 438]. Новый министр сосредоточился на уменьшении издержек и повышении эффективности использования государственных имуществ. А Департамент сельского хозяйства 9 февраля 1859 года был присоединен ко Второму департаменту и сосредоточился на подготовке к отмене крепостного права [Управленческая …, 2008, с. 392].

Источники и принятые сокращения

1. ПСЗРИ, 1838 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Штаты и табели. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1838. — Т. 12. — Ч. 2. — 300 с.

2. ПСЗРИ, 1840 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Штаты и табели. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1840. — Т. 14. — Ч. 2. — 310 с.

3. ПСЗРИ, 1844 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Штаты и табели. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1844. — Т. 18. — Ч. 2. — 322 с.

4. ПСЗРИ, 1846 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Штаты и табели. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1846. — Т. 20. — Ч. 2. — 229 с.

5. ПСЗРИ, 1847 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Законы. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1847. — Т. 22. — Ч. 1. — 950 с.

6. ПСЗРИ, 1853 — *Полное* собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Законы. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1853. — Т. 27. — Ч. 1. — 801 с.

7. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 381, Оп. 2, Д. 98, 260 ; Ф. 381, Оп. 47, Д. 127 ; Ф. 1152, Оп. 3, Д. 189 ; Ф. 1589, Оп. 1, Д. 611.

8. *Сборник* постановлений по управлению государственных имуществ. — Санкт-Петербург : II Отделение СЕИВК, 1850. — Т. 1. — 663 с.

9. *Учреждение* Министерства государственных имуществ. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1837. — 17 с.

CC BY

Литература

1. *Аничков В. М.* Военное хозяйство : Сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии / В. М. Аничков. — Санкт-Петербург : Типография Н. Деноткина, 1860. — 627 с.

2. *Блиох И. С.* Финансы России XIX столетия. История — статистика / И. С. Блиох. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. — Т. 1. — 344 с.

3. *Брадке Е. Ф.* Автобиографические записки Егора Федоровича фон Брадке / Е. Ф. Брадке // Русский архив. — 1875. — Книга 1. — № 3. — С. 257—294.

4. *Волков С. В.* Генералитет российской армии. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов Российской армии от Петра I до Николая II / С. В. Волков. — Москва : Центрполиграф, 2010. — Т. 1. — 831 с. — ISBN 978-5-227-02054-3.

5. *Веселовский К. С.* Воспоминания К. С. Веселовского / К. С. Веселовский // Русская старина. — 1903. — № 10. — С. 5—42.

6. *Гинс Г.К.* Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности / Г. К. Гинс, А. П. Шафранов. — Петроград : Издание канцелярии главноуправляющего землеустройством и земледелием, 1914. — 397 [61] [VII] с.

7. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н. М. Дружинин. — Москва : Издательство академкнига, 1958. — 617 с.

8. *Инсарский В. А.* Записки Василия Антоновича Инсарского / В. А. Инсарский. — Санкт-Петербург : Русская старина, 1894. — Ч. 1. — 271 с.

9. *Историческое* обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837—1887 гг. — Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. — Ч. 1. — 103 [LXV] с.

10. *Корф М. А.* Дневники 1838 и 1839 гг. / М. А. Корф. — Москва : «Рубежи XXI», 2010. — 576 с. — ISBN 978-5-91791-044-4.

11. *Малышев А. А.* Из воспоминаний о прошлом 1830—1836 гг. / А. А. Малышев // Исторический вестник. — 1885. — Т. 20. — № 6. — С. 645—664.

12. *Министерская* система Российской империи : к 200-летию министерств в России / Отв. составитель Д. И. Раскин. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 920 с. — ISBN 978-5-8243-0854-9.

13. *Обзор* действий Департамента сельского хозяйства в течении пяти лет с 1844 по 1849 год. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1850. — 332, 6, [12] с.

14. *Очерк* пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837—1887. — Санкт-Петербург : Паровая скоропечатня Яблонский и Перрот, 1887. — 271 [IV] с.

15. *Рыбалкин А. И.* Деятельность Министерства государственных имуществ по совершенствованию системы управления лесным комплексом Российской империи / А. И. Рыбалкин // Берегиня. 777. Сова. — 2013. — № 4 (19). — С. 32—45.

16. *Столетие* учреждения Лесного департамента 1798—1898. — Санкт-Петербург : Типолитография Ю. Я. Римана, 1898. — 253 с.

17. *Управленческая* элита российской империи. История министерств 1802—1917 гг. — Санкт-Петербург : Лики России, 2008. — 696 с. — ISBN 978-5-87417-261-9.

18. *Шепелёв Л. Е.* Чиновный мир России XVIII — начало XX века / Л. Е. Шепелёв. — Санкт-Петербург : «Искусство-СПБ», 2001. — 479 с. — ISBN 5-210-01518-1.

19. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802—1917 гг. / Д. Н. Шилов. — Санкт-Петербург : Д. Буланин, 2001. — 830 с. — ISBN 5-86007-227-9.

CC BY

Material resources

Collection of resolutions on the management of state property, 1. (1850). St. Petersburg: Southern branch of Seivk. 663 p. (In Russ.).

Establishment of the Ministry of State Property. (1837). St. Petersburg: [b. i.]. 17 p. (In Russ.).

Russian State Historical Archive. F. 381, Op. 2, 98, 260; F. 381, Op. 47, 127; F. 1152, Op. 3, 189; F. 1589, Op. 1, 611. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Staff and report card, 12 (2). (1838). St. Petersburg: Southern branch of Seivk. 300 p. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Staff and report card, 14 (2). (1840). St. Petersburg: Southern branch of Seivk. 310 p. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Staff and report card, 18 (2). (1844). St. Petersburg: Southern Branch of Seivk. 322 p. (In Russ.).

The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Staff and report card, 20 (2). (1846). St. Petersburg: Southern Branch of Seivk. 229 p. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Laws, 22 (1). (1847). St. Petersburg: Southern Branch of Seivk. 950 p. (In Russ.).

The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Laws, 27 (1). (1853). St. Petersburg: Southern branch of Seivk. 801 p. (In Russ.).

References

Anichkov, V. M. (1860). *Military economy: A comparative study of the positive legislations of Russia, France, Prussia, Austria, Sardinia, Belgium and Bavaria.* St. Petersburg: Printing house of N. Denotkin. 627 p. (In Russ.).

An outline of the fifty-year activity of the Ministry of State Property 1837—1887. (1887). St. Petersburg: Steam printing house Yablonsky and Perrot. 271 [IV] p. (In Russ.).

Bliokh, I. S. (1882). *Finance of Russia of the XIX century. History — statistics, 1.* St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 344 p. (In Russ.).

Bradke, E. F. (1875). Autobiographical notes of Egor Fedorovich von Bradke. *Russian Archive, 1 (3):* 257—294. (In Russ.).

Centenary of the establishment of the Forest Department 1798—1898. (1898). St. Petersburg: Typolithography of Yu. Ya. Riemann. 253 p. (In Russ.).

Druzhinin, N. M. (1958). *State peasants and the reform of P. D. Kiselyov.* Moscow: Akademkniga Publishing House. 617 p. (In Russ.).

Gins, G. K., Shafranov, A. P. (1914). *Agricultural department for 75 years of its activity.* Petrograd: Publication of the Office of the Chief Administrator of Land Management and Agriculture. 397 [61] [VII] p. (In Russ.).

Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property 1837—1887, 1. (1888). St. Petersburg: Steam printing house Yablonsky and Perott. 103 [LXV] c. (In Russ.).

Insarsky, V. A. (1894). *Notes of Vasily Antonovich Insarsky, 1.* St. Petersburg: Russian Antiquity. 271 p. (In Russ.).

Korf, M. A. (2010). *Diaries of 1838 and 1839.* Moscow: "Frontiers of XXI". 576 p. ISBN 978-5-91791-044-4. (In Russ.).

Malyshev, A. A. (1885). From memories of the past 1830—1836. *Historical Bulletin, 20 (6):* 645—664. (In Russ.).

Review of the actions of the Department of Agriculture during the five years from 1844 to 1849. (1850). St. Petersburg: [b. i.]. 332, 6, [12] p. (In Russ.).

Rybalkin, A. I. (2013). Activity of the Ministry of State Property to improve the management system of the forest complex of the Russian Empire. *Bereginya. 777. Owl, 4 (19):* 32—45. (In Russ.).

Shepelev, L. E. (2001). *The official world of Russia XVIII — early XX century.* Saint Petersburg: "Art-SPB". 479 p. ISBN 5-210-01518-1. (In Russ.).

Shilov, D. N. (2001). *Statesmen of the Russian Empire. Heads of higher and central institutions 1802—1917.* St. Petersburg: D. Bulanin. 830 p. ISBN 5-86007-227-9. (In Russ.).

The managerial elite of the Russian Empire. History of Ministries 1802—1917. (2008). St. Petersburg: Faces of Russia. 696 p. ISBN 978-5-87417-261-9. (In Russ.).

The ministerial system of the Russian Empire: to the 200th anniversary of ministries in Russia. (2007). Moscow: ROSSPEN. 920 p. ISBN 978-5-8243-0854-9. (In Russ.).

Veselovsky, K. S. (1903). Memoirs of K. S. Veselovsky. *Russian Antiquity, 10:* 5—42. (In Russ.).

Volkov, S. V. (2010). *Generalitat of the Russian army. Encyclopedic dictionary of generals and admirals of the Russian Army from Peter I to Nicholas II, 1.* Moscow: Tsentrpoligraf. 831 p. ISBN 978-5-227-02054-3. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2021,
одобрена после рецензирования 02.02.2022,
подготовлена к публикации 17.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Гросс А. А. Формирование идеологии раннего диссидентского движения в СССР в 1960-е годы : этика Александра Есенина-Вольпина / А. А. Гросс // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 376—394. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-376-394.

Gross, A. A. (2021). Formation of Early Dissident Movements Ideology in USSR in 1960s Years: Ethics of Alexander Yesenin-Volpin. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 376-394. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-376-394. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-376-394

Формирование идеологии раннего диссидентского движения в СССР в 1960-е годы: этика Александра Есенина-Вольпина

Гросс Андрей Александрович [1, 2]
orcid.org/0000-0002-5296-6670
аспирант, стажер-исследователь
кафедры отечественной истории
XX—XXI веков;
аспирант факультета современных
и средневековых языков
andrei.gross@sant.ox.ac.uk

[1] Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

[2] Оксфордский университет
(Оксфорд, Великобритания)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-39-90021

Formation of Early Dissident Movements Ideology in USSR in 1960s Years: Ethics of Alexander Yesenin-Volpin

Andrei A. Gross [1, 2]
orcid.org/0000-0002-5296-6670
postgraduate student, research assistant
Department of Russian History of
XX — XXI centuries;
postgraduate student, Faculty of Modern
and medieval languages
andrei.gross@sant.ox.ac.uk

[1] Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

[2] University of Oxford
(Oxford, United Kingdom)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR,
project number 20-39-90021

© Гросс А. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема появления советского диссидентского движения в 1965 году. Особое внимание уделяется «Митингу гласности» 5 декабря 1965 года, который, по воспоминаниям самих диссидентов, стал «точкой сборки» движения. Новизна исследования заключается в том, что автор предлагает интерпретацию нравственных мотивов инициатора митинга Александра Есенина-Вольпина. Основными источниками исследования служат неопубликованные дневники 1961—1965 годов и политическое заявление Есенина-Вольпина августа 1965 года, хранящиеся в архиве «Международного Мемориала» в Москве. Особое внимание уделяется случаю публикации «покаянного письма» известного московского инакомыслящего Александра Гинзбурга в газете «Вечерняя Москва» в июне 1965 года; прежде оно не привлекало внимание исследователей. Показано, что, осудив «покаяние» инакомыслящего в политическом заявлении августа 1965 года, Есенин-Вольпин сформулировал «диссидентскую» этику, известную по концу 1960-х — началу 1970-х годов. Доказано, что заявление подвело черту моральным размышлением диссидента в дневниках и стало источником лозунгов, с которыми Есенин-Вольпин готовился к «Митингу гласности». В результате исследования автор приходит к выводу, что уже летом 1965 года в воображении диссидента существовала социальная общность, объединенная «диссидентскими» ценностями.

Ключевые слова:
Есенин-Вольпин; диссидентство; советские диссиденты; диссидентское движение; правозащитное движение в СССР; советская интеллигенция; диссидентская этика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the appearance of the Soviet dissident movement in 1965 is investigated. Particular attention is paid to the “Glasnost rally” on December 5, 1965, which, according to the recollections of the dissidents themselves, became the “assembly point” of the movement. The novelty of the research lies in the fact that the author offers an interpretation of the moral motives of the initiator of the rally, Alexander Yesenin-Volpin. The main sources of the study are the unpublished diaries of 1961—1965 and the political statement of Yesenin-Volpin in August 1965, kept in the archives of the International Memorial in Moscow. Particular attention is paid to the case of the publication of the “letter of repentance” by the well-known Moscow dissenter Alexander Ginzburg in the newspaper “Vechernyaya Moskva” in June 1965; it had not previously attracted the attention of researchers. It is shown that, having condemned the “repentance” of a dissenter in a political statement in August 1965, Yesenin-Volpin formulated a “dissident” ethic known in the late 1960s — early 1970s. It has been proven that the statement summed up the dissident’s moral reflections in his diaries and became the source of the slogans with which Yesenin-Volpin was preparing for the «Glasnost Rally». As a result of the study, the author comes to the conclusion that in the summer of 1965 in the imagination of the dissident there was already a social community united by “dissident” values.

Key words:
Yesenin-Volpin; dissidence; Soviet dissidents; dissident movement; human rights movement in the USSR; Soviet intelligentsia; dissident ethics.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.9 +929Есенин-Вольпин

Формирование идеологии раннего диссидентского движения в СССР в 1960-е годы: этика Александра Есенина-Вольпина

© Гросс А. А., 2022

1. Введение = Introduction

В последние годы история диссидентского движения в СССР привлекает все больше внимания со стороны общества и ученых. И те, и другие проводят параллели между политической оппозицией в современной России и советскими диссидентами и стремятся глубже понять специфику диссидентского протеста в СССР [Вессье, 2015, с. 453—455; Horvath, 2015].

Диссидентское движение формировалось с начала 1960-х годов в Москве под влиянием громких судебных дел над политическими оппозиционерами и творческой интеллигенцией (суд над В. Осиповым, Э. Кузнецовым и И. Бокштейном в 1961 году, процесс И. Бродского 1964 года). Центральное место в этом процессе занимал Александр Есенин-Вольпин — автор правозащитной идеологии, диссидентского движения и инициатор их первого митинга в защиту писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, арестованных в сентябре 1965 года. Согласно множеству воспоминаний диссидентов, «Митинг гласности» 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади стал «точкой сборки» движения [Nathans, 2007, p. 631; Алексеева, 1992, с. 194]. Разрозненные группы инакомыслящей интеллигенции, раньше скрыто выступавшей за различные гражданские свободы (слова, печати, мысли), объединились путем принятия общей морали и единых форм общественно-политической деятельности. За осуждением Синявского и Даниэля (на 7 и 5 лет заключения в исправительно-трудовой колонии соответственно) в феврале 1966 года последовала «петиционная кампания» диссидентов, направлявших коллективные письма протеста в адрес советских органов власти и официальных лиц [Алексеева, 1992, с. 201—204]. Теперь они в первую очередь выступали не за творческие свободы интеллигенции, а за соблюдение властями процессуальной нормы о «гласности судопроизводства» и положений советской Конституции.

В январе 1967 года в Москве начался еще один громкий процесс над советскими диссидентами, за которым последовала массовая отправка писем протеста в официальные инстанции [Алексеева, 1992, с. 207—208; Вессье, 2015, с. 77—80]. Он был непосредственно связан с процессом Синявского и Даниэля: на скамье подсудимых сидели молодые диссиденты А. Гинзбург и Ю. Галансков, составившие самиздатский сборник до-

CC BY

кументов о процессе Синявского-Даниэля под названием «Белая книга». По поводу ареста в конце января 1967 года также состоялся митинг на Пушкинской площади, организованный последователем Есенина-Вольпина — В. Буковским [Алексеева, 1992, с. 206; Вессье, 2015, с. 74—75]. В результате «процесса четырех» (кроме Гинзбурга и Галанскова также судили А. Добровольского и В. Лашкову) произошла окончательная консолидация московских диссидентов вокруг правозащитной идеологии [Алексеева, 1992, с. 207]; в апреле 1968 года они начали выпускать правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий», в котором описывали все нарушения прав человека и советских законов, которые совершались в СССР [Алексеева, 1992, с. 210—211].

В 2004 году Владимир Буковский номинировал Александра Есенина-Вольпина на Премию имени Сахарова, учрежденную Европейским парламентом в честь, пожалуй, самого известного советского диссидента-правозащитника — А. Д. Сахарова. Подчеркивая важность роли Есенина-Вольпина для формирования диссидентского движения, он сказал: «Честно говоря, это Андрей Дмитриевич должен был бы получить премию имени Есенина-Вольпина. Алик был его учителем (в правозащитной деятельности)» [90 лет Александру Сергеевичу Есенину-Вольпину]. Есенин-Вольпин представляет особый интерес для изучения формирования идеологии и самого диссидентского движения, так как именно он инициировал первый митинг диссидентов и наделил его определенным нравственным содержанием. После Митинга гласности 5 декабря 1965 года среди участников и критиков диссидентского движения установилось мнение о протесте диссидентов как протесте нравственном, а не политическом [АММ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 5—7; Богораз и др., 1989, с. 411; Горбаневская, 2017, с. 329; Шрагин, 2000, с. 202]. Действительно, листовка «Гражданское обращение», призывавшая на митинг 1965 года, содержала не политические требования, а нравственные императивы (об этом см. далее). Характеристика диссидентского движения как объединения с нравственными, а не политическими требованиями остается доминирующей в историографии [Алексеева, 1992, с. 191; Буббайер, 2010, с. 135; Вессье, 2015, с. 365—373; Шубин, 2000, с. 427—429; Gilligan, 2004, p. 27; Horvath, 2005, p. 205; Rubenstein, 1980, p. 96]. С точки зрения ученых, центральной проблемой «диссидентской этики» являлись отношения с государством [Буббайер, 2010, с. 151; Шубин, 2000, с. 456].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье мы обратимся к теме диссидентской этики со стороны моральной критики советского общества. По нашему мнению, диссидент-

CC BY

ское движение со свойственным для него высоким вниманием к публичной морали началось не с противостояния государству, а с разговора с советским обществом. Мы исходим из базовой структуралистской интуиции об идентичности, как «негативном» качестве [Butler, 1990]. Поэтому мы полагаем, что *диссиденты* как «воображаемое» сообщество, объединенное дискурсивно, а не «реально» (то есть через социальные связи), появились в момент конструирования «Другого», через противопоставление которому они обрели свое специфическое лицо. Соответственно, в основании этики советских диссидентов не лежала проблема отношения к государству. В соответствии с этимологией экзонима (лат. *dissidens* ‘располагающийся в отдалении; не соглашающийся’), перед диссидентами стоял вопрос «как не быть такими, как все?», при этом последние наделялись отрицательными моральными качествами.

Принимая всерьез мысль о Митинге гласности 5 декабря 1965 года как «точке сборки» диссидентского движения, мы нацелены на поиск моральных утверждений, сформулированных московскими инакомыслящими в преддверии митинга. Данная статья является опытом микроистории. В фокусе нашего исследования находится обойденный историками случай публикации в газете «Вечерняя Москва» в начале июня 1965 года «покаянного письма» известного московского инакомыслящего Александра Гинзбурга. Выход письма заставил инициатора «Митинга гласности» Александра Есенина-Вольпина написать в августе 1965 года политическое заявление, в котором он раскритиковал мораль советской интеллигенции и сформулировал диссидентскую этику. Чтобы проследить происхождение его идей, мы изучим размышления Есенина-Вольпина в дневниковых записях, сделанных им до сентября 1965 года. Политическое заявление и дневники Есенина-Вольпина хранятся в архиве Международного Мемориала в Москве (далее — АММ), впервые становятся объектом исследования, архивные данные вводятся в научный оборот[1].

Целью данной статьи является изучение процесса формирования советского диссидентского движения. Анализируя взгляды Александра Есенина-Вольпина, мы преследуем задачу объяснения мотивов, побудивших его провести «Митинг гласности». Другой задачей статьи является сопоставление его этических идей, сформулированных летом и осенью 1965 года, с диссидентской этикой, известной по периоду конца 1960-х — начала 1970-х годов. Это позволит взглянуть на появление диссидентского движения как факт длительной интеллектуальной и социальной, а не по-

1 Выражаю благодарность работникам архива Татьяне Михайловне Хромовой и Алексею Макарову за оказанную помощь и условия работы с материалами.

CC BY

литической истории с явным моментом «начала» в виде митинга на Пушкинской площади.

Изучение этических воззрений Александра Есенина-Вольпина представляет определенную методологическую проблему для историка. Являясь ученым-математиком со склонностью к философским изысканиям, он сформулировал свою этическую концепцию в нескольких философских эссе. С другой стороны, Есенин-Вольпин уделял много внимания публичной морали в своих дневниках, формально не служивших цели выражения его этических идей. Вместе с тем, как будет видно ниже, примеры поведения его знакомых и ряд моральных установок в итоге появились в его «политическом заявлении», обобщившем его этические взгляды перед арестом Синявского и Даниэля в сентябре 1965 года. Это заставляет видеть в дневнике Есенина-Вольпина своеобразную «творческую лабораторию», в которой он наблюдал за своим и чужим общественным поведением и формулировал свои этические воззрения. В этом смысле кажется релевантным следующее утверждение Ханны Арендт: «Я не думаю, что существует мыслительный процесс без личного опыта. Каждая мысль — это запоздалая мысль, то есть размышление о какой-то проблеме или событии [Arendt, 2013, p. 34]. Нам представляется, что такая методологическая установка, не разделяющая социальное воображение, выраженное в эго-документах, и осознанное интеллектуальное творчество, наиболее приемлема в случае Александра Есенина-Вольпина.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формулируя диссидентскую этику наедине: дневники Александра Есенина-Вольпина 1961—1965 годов

Сын Сергея Есенина и переводчицы Надежды Вольпин, Александр Есенин-Вольпин родился в 1924 году. Ко времени появления диссидентского движения его неоднократно репрессировали за инакомыслие. В 1940-е годы он писал стихотворения о репрессиях и идеологической индоктринации, за что в июле 1949 года его арестовали сотрудники МГБ. После заключения во внутренней тюрьме МГБ на Лубянке Особое Совещание МГБ приговорило Есенина-Вольпина к принудительному лечению в психиатрической больнице при тюрьме № 2 в Ленинграде [Nathans, 2007, p. 639]. В 1961 году в США вышел сборник стихотворений Есенина-Вольпина с его антимарксистским философским трактатом, который он передал в 1959 году членам Йельского русского хора [Ibid, p. 643]. После этого на него обрушилась критика первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева, председателя идеологической комиссии ЦК Леонида Ильичева и фельетониста журнала «Огонек» Ильи Шатуновского [Ibid., p. 650]. В де-

CC BY

кабре 1962 года его вновь принудительно госпитализировали в психиатрическую больницу [Ibid, p. 651].

После освобождения из психиатрической больницы в марте 1963 года Есенин-Вольпин подал иск в суд на Илью Шатуновского за клевету в фельетоне «Из биографии подлеца» [Ibid., Pp. 651—652]. Это событие было экстраординарным для того времени. В конце года Есенин-Вольпин писал в дневнике о попытках родственников (по-видимому, матери и жены) убедить его отказаться от судебных разбирательств:

«В отношении судебного дела родственники всячески добивались того, чтобы я руководствовался их опасениями и “не рыпался”. Кажется, это называется у них “держаться с достоинством”» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 13, л. 48об][1].

В той же дневниковой записи он нацелился на поиск «более четких формулировок, нужных для продолжения борьбы» и «разрешения старого конфликта с советским обществом» [Там же, л. 47]. Цель своей «борьбы» Есенин-Вольпин выразил в дневнике еще в конце 1961 года: «Я уже предвижу отдаленные бури, в которых я буду защищать права и правовое мышление, а также мораль правдивости как таковые» [Там же, л. 38 об].

Объяснение мотивов проведения «Митинга гласности» 5 декабря 1965 года до сих пор основывалось на публичном образе хладнокровного легалиста, осознанно создававшемся Есениным-Вольпиным до и после митинга. Исследователи видят в «Митинге гласности» первый случай манифестации правозащитной идеологии диссидента, которая стала моральной и стратегической основой правозащитного движения в СССР [Nathans, 2007, p. 654—656; Komaromi, 2015, pp. 28, 39; Серебрякова, 2020, с. 51]. Не умаляя важности этой стороны личности Есенина-Вольпина, следует заметить, что диссидент также был и требовательным моралистом.

В листовке «Гражданское обращение», призывавшей на митинг с требованием открытого суда над Синявским и Даниэлем, Есенин-Вольпин предлагал императив гражданского поведения, требовавший храбрости: «Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия во время неостановленного произвола» [Есенин-Вольпин, 1999, с. 313]. Известно, что многие инакомыслящие не пришли на митинг либо стояли в стороне [Алексеева, 1992, с. 203]. Для них публичное выражение протеста против действий органов власти было актом безрассудства или провокации [Памятка; Самойлов, 2002, с. 25]. Первая жена Есенина-Вольпина, Виктория Вольпина вспоминала реакцию друзей и настрой мужа во время подготовки к митингу: «“Ты сошел с ума!” <…> никаких доводов об опас-

1 Как правило, Есенин-Вольпин делал дневниковые записи в конце года (31 декабря) и в день рождения (12 мая), поэтому мы ограничиваемся фразами «в конце года» и «в мае».

CC BY

ности он не принимал. У него был лозунг: “Долой инстинкт самосохранения и чувство меры!”» [Пятое декабря 1965 года].

В одном из интервью Есенин-Вольпин утверждал, что к проведению митинга его подтолкнул судебный процесс с Ильей Шатуновским [Памятка]. Он закончился в апреле 1964 года отказом диссиденту в иске [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 4, л. 257—258]. Воспоминание диссидента подтверждается его дневниковыми записями. В мае 1964 года он сокрушался на страницах дневника, что суды «интересуются политическим аспектом проблемы явно больше, чем правом и логикой» [Там же, д. 13, л. 52—52 об]. Прежде всего он имел в виду закрытый характер судебного процесса против Шатуновского. В дневниковой записи он вновь упомянул о предстоящей «борьбе»: «Мне предстоит, вероятно, бурная борьба за свои идеи и права в течение ближайшего года, и еще более бурная — в последующие годы. Я должен спешить, так как мне угрожает заговор конформистов» [Там же]. Там же он признался, что, «ведя борьбу с конформизмом, прокладывает дорогу себе подобным» [Там же]. Таким образом, можно утверждать, что отнесенная в будущее «борьба» Есенина-Вольпина была не личным делом инакомыслящего, оскорбленного клеветой, а общественно-политическим предприятием, направленным на изменение публичной морали.

Стоит заметить, что заявления о предстоящей борьбе за свои идеи Есенин-Вольпин делал в дневниках и раньше. Его общественно-политическим устремлениям мешала повседневная реальность. В мае 1965 года Есенин-Вольпин, сотрудник Всесоюзного института научной и технической информации Академии наук (ВИНИТИ РАН), планировал закончить в течение полугода большую работу об «ультраинтуиционистском» обосновании математики. Он писал в дневнике, что при новом правительстве Леонида Брежнева не намерен «возобновлять остроту конфликта до нового случая нарушения чьих-либо прав» [Там же, л. 62]. Есенин-Вольпин уже был готов защищать писателей, арестованных через три месяца. Тем не менее он отметил, что пошел на «компромисс с противниками конституционных норм» и избрал «мирную психологию» [Там же, л. 69—70].

В мае 1965 года Есенина-Вольпина, как и прежде, беспокоила забота близких, которую он воспринимал как ограничение его свободы. Диссидент жаловался, что жена не подготовлена к борьбе, которая ему предстоит, и «не вполне отказалась от желания склонить к уступкам — в пользу одного лишь домашнего очага» [Там же, л. 73]. Он окончил дневниковую запись заявлением о выборе нравственных приоритетов на период предстоящего конфликта: «… семейные обстоятельства я буду принимать в соображение, вступая в новый этап борьбы, столь же мало, как тот, кто бывает вынужден браться за оружие или лезть под пули во время войны» [Там же, л. 74].

CC BY

Мы можем заключить, что уже в мае 1965 года Есенин-Вольпин сформулировал собственные установки относительно моральных оснований для проведения «Митинга гласности». Через анализ собственной жизни диссидент пришел к мысли, что частная жизнь («семейные обстоятельства») мешает заниматься общественной деятельностью и тем самым ограничивает свободу. Сравнение с солдатом, принужденным идти на фронт, служило обоснованием необходимости переступить через страх и пожертвовать частными интересами ради общей пользы. Целью «борьбы» Есенина-Вольпина было не только насаждение правосознания, но и искоренение среди его окружения «конформизма», препятствовавшего его общественно-политической деятельности.

3.2. Моральные дилеммы советских инакомыслящих и «покаяние» Александра Гинзбурга в мае 1965 года

3 июня 1965 года в газете «Вечерняя Москва» за подписью известного инакомыслящего Александра Гинзбурга вышел текст под названием «Ответ господину Хьюгесу». Гинзбург критиковал свой образ жизни: чтение иностранных книг, встречи с иностранцами и издание поэтического альманаха «Синтаксис» в обход официальной цензуры [Орлов, 2017, с. 173—174]. Эпизод «покаяния» не запечатлелся в мемуарах диссидентов. По-видимому, по этой причине историк диссидентского движения Филипп Буббайер поставил Александра Гинзбурга в один ряд с Андреем Сахаровым. По его мнению, перед обоими диссидентами никогда не стояла задача «преодолеть себя»; иначе говоря — альтернатива скрытого «инакомыслия» и открытого «диссидентства» [Буббайер, 2010, с. 126]. На самом деле с начала 1960-х годов Александр Гинзбург находился в процессе морального поиска, завершившегося «диссидентским» выбором только после ареста Синявского и Даниэля [Орлов, 2017, с. 178—183].

На рубеже 1950—1960-х годов квартира матери Александра Гинзбурга (1936—2002) была центром притяжения для московских инакомыслящих, интересовавшихся неподцензурной поэзией. Как позже утверждали друзья Гинзбурга, в стране с официальной цензурой издание «Синтаксиса» было политическим делом [Там же, с. 74—75, 84]. Чтобы избежать конфликта с партийно-государственной властью, название альманаха выбирали с установкой на отстранённость от «политики». Александр Гинзбург вспоминал, что это было не тактическим шагом, а выражением групповых ценностей: «Мы были не политики и, честно говоря, политики очень сильно боялись» [Там же, с. 61—62]. О нежелании обсуждать общественно-политические проблемы вспоминали многие молодые знакомые Гинзбурга. Так, Николай Котрелев (1941 г. р.), посещавший его квартиру, утверждал, что у их «по-

CC BY

коленческой прослойки» не было «специального интереса к политике» [Там же, с. 56, 148]. В воспоминаниях инакомыслящих начала 1960-х годов реферон проходит приоритет культурных интересов над политическими [Поликовская, 1997, с. 43, 47—48, 54—55; Орлов, 2017, с. 70, 74, 148].

В июле 1960 года сотрудники КГБ арестовали Александра Гинзбурга по обвинению в «распространении антисоветских взглядов» и подделке документов. В январе 1961 года его приговорили к заключению в лагере на два года за мошенничество [Орлов, 2017, с. 110—111]. В переписке с Гинзбургом его друзья-инакомыслящие интересовались, как заключение повлияло на его убеждения. Отвечая им в одном из писем из лагеря, он сформулировал свое новое кредо: «… я понял свое назначение (совсем не великое) и буду делать свое дело (пусть маленькое и техническое, но свое). А в деле — счастье, вся жизнь. <…> слабенький «Синтаксис» что-то сделал, заставил людей поработать, помечтать, пожить» [Там же, с. 125].

В мае 1964 года против Александра Гинзбурга завели уголовное дело об «антисоветской пропаганде». В конце месяца он обратился в Идеологическую комиссию ЦК КПСС. Инакомыслящий просил позволить ему «учиться и жить нормально»; журналист по первому, неоконченному образованию, он хотел работать редактором в издательстве [Там же, с. 163—164]. Гинзбург настойчиво фреймировал свою деятельность как «неполитическую». Судя по множеству воспоминаний, он был искренен. Диссидент и философ Григорий Померанц, в то время много общавшийся с Гинзбургом, вспоминал настроение в среде московских инакомыслящих в начале 1960-х годов: «Люди устали от зацикленности на политике, от политических программ и тактик. Они хотят просто жить» [Поликовская, 1997, с. 167].

В июне 1964 года Александр Гинзбург написал заявление в КГБ, в котором, по словам следователя, признал «неправильность своих действий» [Орлов, 2017, с. 170]. Публикация «покаянного письма» в «Вечерней Москве» спустя год, 3 июня 1965 года, была вынужденной. Согласно Владимиру Орлову, КГБ поставил инакомыслящему ультиматум после печати трех номеров «Синтаксиса» в эмигрантском журнале «Грани» [Там же, с. 173]. «Покаяние» вызвало удивление у друзей Гинзбурга и стало причиной его мучительных переживаний. Диссидент Владимир Буковский пришел к нему домой и устроил ссору, причем Гинзбург признал за Буковским правоту [Там же, с. 175]. Он осознавал, что совершил поступок недостойный с точки зрения морали «референтной группы». Многие знакомые прекратили общение с ним, а другие, наоборот, продолжили посещать его квартиру, помня о социальной атомизации сталинских времен. Одним из знакомых Гинзбурга, отреагировавших на «покаяние», был Александр Есенин-Вольпин.

CC BY

3.3. Диссидентская этика в политическом заявлении Александра Есенина-Вольпина (август 1965 года)

В начале августа 1965 года Есенин-Вольпин написал текст, в котором пересказал свой разговор с Александром Гинзбургом на тему «покаяния», состоявшийся в июне. Во вступлении диссидент назвал его «политическим заявлением» и выразил намерение распространить его [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 1]. По-видимому, оно осталось «в столе»[1]. Заявление было посвящено трем темам и разрослось до 152 машинописных листов. Одной из тем было «покаяние» Александра Гинзбурга. В начале текста Есенин-Вольпин описал кредо знакомого, в котором можно обнаружить мораль, ключевые положения которой он сформулировал в письме из лагеря в 1961 году: «Он говорит в свое оправдание, что, как он убедился, “нужны не деятели, а работники” — то есть нужна деятельность более скромная, чем та, посредством которой он прежде приобрел известность (издание «Синтаксиса». — *А. Г.*); он признает, что опозорил свое имя — но это не помешает ему в его новой, будничной, но необходимой и благонадежной работе» [Там же, л. 4—5].

Есенин-Вольпин представил Гинзбурга в качестве члена сообщества, в которое входили их общие знакомые, как и он, удивившиеся «покаянию». По его мнению, единственное достоинство поступка Гинзбурга заключалось в том, что, «вымазав себя и свое прежнее дело в грязи», он никого «не выдал». Тем не менее он подставил всех инакомыслящих: из-за него «инквизиторы» будут жестче обращаться с ними в тюрьмах и психиатрических больницах, «дожидаясь покаяний» [Там же, л. 32—33]. Религиозная терминология Есенина-Вольпина происходила из его дневниковых записей, в которых диссидент размышлял над «покаяниями» после участия в допросах и заседаниях судебно-психиатрических комиссий. В дневнике он называл «католиками» сотрудников КГБ; например, в конец записи от 12 мая 1962 года Есенин-Вольпин вставил поэтический призыв: «И настолько ведь останусь я собой, / Чтобы вызвать всех католиков на бой!» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 13, л. 37 об.].

Кроме этого, Есенин-Вольпин счел «бесстыдным» появление Гинзбурга, скрывшего свое «превращение», перед иностранцами в кругу друзей [Там же, д. 8, л. 5]. Возмущение диссидента происходило из убеждения, что поступки знакомого — не его личное дело. Воображаемое им сообщество инакомыслящих было революционного типа: его члены были скрыты от государства и объединены чувством неприязни к нему. В отношениях

1 Его следов в Самиздате до сих пор не обнаружено. Учитывая большой объем текста, сложно представить, чтобы его перепечатывали для распространения.

CC BY

с ним нужно было твердо придерживаться определенных моральных качеств.

Есенин-Вольпин осудил молодого знакомого за «ложь и малодушие»: «Его покаяние было лживым, так как он отлично знал, что каяться ему было не в чем. Оно было малодушным — так как совершено под нажимом и сам он <…> дал ему весьма нелестную оценку» [Там же, л. 24]. Он использовал выражение *быть собой*, когда писал о сопротивлении Александра Гинзбурга КГБ до публикации письма: «Долго Гинзбург не сдавался, оставаясь самим собой» [Там же, л. 33]. Оценка «покаяния» основывалась на этике Есенина-Вольпина, сформулированной в 1959 году в «Свободном философском трактате». В нем он выделил «правду» и необходимое для ее выражения «мужество» в качестве главных моральных качеств. Там же он отметил, что «быть честным — значит не быть предателем» [Есенин-Вольпин, 1999, с. 50]. Моральные убеждения Есенина-Вольпина в целом соответствовали диссидентской этике, известной по периоду конца 1960-х — начала 1970-х годов.

С точки зрения диссидентов, главной моральной проблемой советского общества была невозможность публичного выражения личных убеждений из-за страха или силы материальных обстоятельств. Предполагалось, что в «совести» или «душе» человека содержатся «честные» моральные оценки, которые необходимо высказывать, чтобы избежать «двоемыслия» или «конформизма» [Буббайер, 2010, с. 153—185; Вессье, 2015, с. 107—125; Шубин, 2000, с. 429]. По мнению диссидентов, кроме «нормальных» советских граждан, «конформизмом», или «двоемыслием», страдали инакомыслящие, избегавшие открытого протеста ради сохранения материального комфорта [Шрагин, 2000, с. 193; Солженицын, 1995, с. 187—188, 190—191]. Диссидентов отличало от «инакомыслящих» то, что они публично выражали свои убеждения («были самими собой») и нравственные оценки («правду»), переступая через частные интересы и страх, то есть обладая «мужеством» и «достоинством» [Шрагин, 2000, с. 195, 203; Шубин, 2000, с. 429].

3.4. Социология предательства Александра Гинзбурга и «теория малых дел» советской интеллигенции

Диссидентская этика допускала взаимодействие с государством только по собственной воле. По мнению Есенина-Вольпина, письмо Александра Гинзбурга было бы непредосудительным, если бы он опубликовал его в иностранном или советском издании без внешнего давления: «Он действовал бы при этом без нажима, искренне и вполне убежденно — значит, хранил бы собственное достоинство» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 25]. В этом отрывке Есенин-Вольпин вновь связал потерю «достоин-

CC BY

ства» с предполагаемым страхом Гинзбурга перед КГБ. По его мнению, публикация письма в результате проявления им «малодушия» означала, что инакомыслящий «опозорил свое имя» [Там же, л. 34]. В социологических терминах «покаяние» Гинзбурга привело к потере «лица» или порче «виртуальной социальной идентичности», предполагающих выполнение определенных нормативных ожиданий [Goffman, 1963, pp. 1—3; Goffman, 1967, pp. 5—7]. В представлении Есенина-Вольпина, с именем известного инакомыслящего ассоциировались моральные качества, которыми тот пренебрег в значимом эпизоде — столкновении с государством. По мнению диссидента, в эпизоде «покаяния» Гинзбург потерял «мужество и принципиальность». Чтобы «вернуть утраченное достоинство», от него требовалось публично отказаться от «имени Гинзбург»: отныне оно символизировало моральное падение [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 34][1].

Отход от ценностей сообщества означал лишь временную стигматизацию и условный остракизм. Есенин-Вольпин допускал, что Гинзбург мог бы «искупить грех», совершив «очистительный акт», то есть отказавшись от фамилии и проявив «диссидентские» качества под псевдонимом [Там же, л. 34—35]. Однако диссидент находил для этого непреодолимое препятствие в морали Гинзбурга, которую тот провозглашал с 1961 года. В конце заявления он вернулся к этой теме: «Он говорит теперь, что разочаровался в своей прежней деятельности, что “ни у кого из деятелей (такого рода, каким был он) ничего не получилось, и что нужны не деятели, а работники”. Не осудил бы я его за эти слова, если бы он произнес их вместо того, чтобы браться за “Синтаксис” … <…> это – некоторая широко известная “теория малых дел”, по которой каждый “в наше время” должен “знать свое место и свое дело” ~~и не выходить проявлять смело~~(сть. — *А. Г.*) (предполагается: дозволенное начальством) (так в тексте. — *А. Г.*), пытаться что-то сделать хитроватыми путями в своей скромной области и не проявлять никакой активности за ее пределами. “Малые дела” Гинзбурга теперь это газетная работа, связанная в настоящий момент с материалами по детской преступности» [Там же, л. 31].

После разговора с Гинзбургом Есенин-Вольпин кодировал выход его письма в «Вечерней Москве» как «ренегатство» [Там же, л. 24]. Он представил моральные взгляды Александра Гинзбурга как проявление «теории малых дел». По мнению диссидента, она прикрывала карьеризм интелли-

1 Практика публичного отказа от имени с целью морального перевоплощения известна по случаю советского писателя-невозвращенца Анатолия Кузнецова. Получив убежище в Великобритании летом 1969 года, он отказался от своих произведений и фамилии «Кузнецов». По его мнению, она олицетворяла его отрицательные моральные качества: «Кузнецов — нечестный, конформистский, трусливый автор». Чтобы стать «честным человеком и честным писателем», он взял псевдоним А. Анатоль [Батшев].

CC BY

генции, которая не выражала своих истинных оппозиционных настроений [Там же, л. 37]. При этом сторонники «теории малых дел» будто бы проповедовали ценности частной жизни: «Они добавляют <…>, что у человека должны быть семья, дом и уют, и очень хорошо, если в придачу к этому у него есть любимое занятие, которого у него не отнимают и он имеет в нем некоторые успехи» [Там же, л. 36].

Есенин-Вольпин считал, что утверждение приоритета личного призвания и семейной жизни отворачивало инакомыслящих от протеста. «Теория малых дел» представлялась диссиденту «обоснованием ограниченности». Она якобы предписывала запрет на публичную деятельность, в том числе юридическую защиту за пределами собственной профессии: «Если ты ученый — не суйся в философию, если философ — не суйся в политику, если ты не адвокат — не защищай тех, кого судят и ни в коем случае не возражай против очевидной воли авторитетного начальства» [Там же, л. 37]. Есенин-Вольпин объявил сторонников «теории малых дел» «злейшими врагами свободы, как духовной, так и политической» [Там же, лЛ. 40].

Как можно заметить, заявление диссидента было продолжением его дневниковых размышлений. В уста проповедников «теории малых дел» он вложил выражения, которые слышал от родственников, препятствовавших суду с Ильей Шатуновским («не рыпаться», «сохранить достоинство»): «Природа, говорят они, наделила человека многими дарами, но пользоваться в наше время надо только чем-нибудь одним, не рыпаться**,** когда нельзя …»; «эта “теория малых дел” учит нас <…> как, став предателем, следует “сохранить свое достоинство”» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 36, 43]. В неназванном ученом, противящемся «теории», легко угадывался сам диссидент: «Если он рвется за границу, ибо его доконают здесь идеологические нормы и проповедники этой “теории” — его укоризненно осуждают: “у тебя же здесь и дом, и семья и работа”» [Там же, л. 42].

В конце заявления Есенин-Вольпин привел сравнение с солдатом-добровольцем из дневниковой записи от 12 мая 1965 года: «По этой “теории” глуп тот, кто без принуждения идет на войну добровольцем». Сравнение диссидента с солдатом, рискующим «собственной жизнью во имя свободы», служило обоснованию диссидентской этики, которую Есенин-Вольпин формулировал в дневнике на основе моральных дилемм из реальной жизни. Судебный процесс с Ильей Шатуновским не только повлиял на его представления о советских судах, но и дал материал для построения диссидентского кредо. В заявлении 1965 года, как и в дневниковых записях, Есенин-Вольпин вел воображаемый диалог со своими родственниками, будто бы обвинявшими его в том, что он «отчаянный эгоист, забывший свои обязанности перед женой и родителями» [Там же, л. 44—45]. Уподобление себя солдату,

CC BY

а общественно-политической борьбы войне («попробовали бы так сказать тому, кто собирается идти добровольцем на фронт!») обосновывало высшую моральную ценность диссидентского протеста [Там же].

Таким образом, в воображении Есенина-Вольпина «теория малых дел» противостояла диссидентской этике. Ее сторонники проповедовали ценности частной жизни, тем самым навязывая «границы свободы» и отворачивая других от «политики» [Там же, л. 41, 43]. Именно это делало Александра Гинзбурга «ренегатом». В глазах Есенина-Вольпина он не только отказался от диссидентских ценностей, но и стал исповедовать мораль, противостоящую им.

4. Заключение

В заявлении о «покаянии» Александра Гинзбурга Александр Есенин-Вольпин выполнил задачу, которую ставил перед собой в дневнике в конце 1963 года: нашел «более точные формулировки для продолжения борьбы и разрешения конфликта с советским обществом». Дневниковый «заговор конформистов» приобрел вид соперничающей этики, «теории малых дел», в противопоставление которой Есенин-Вольпин сформулировал диссидентскую этику. Она предписывала участвовать в общественной жизни, непреклонно следуя личным убеждениям. В терминологии Есенина-Вольпина это означало говорить «правду» или быть «искренним». Для этого нужно было обладать «мужеством» и «принципиальностью».

Из дневниковых записей в заявление августа 1965 года Есенин-Вольпин перенес мысль о том, что «малодушие» и приоритет частной жизни приводят к ограничению свободы. Через несколько месяцев диссидент обосновывал идею проведения «Митинга гласности» в защиту Андрея Синявского и Юлия Даниэля с помощью лозунга «Долой инстинкт самосохранения и чувство меры!» С уверенностью можно утверждать, что он назвал «чувством меры» «границы», которые, по его мнению, навязывали сторонники «теории малых дел». В «Гражданском обращении», приглашавшем на митинг, Есенин-Вольпин призывал «пожертвовать одним днем покоя», чтобы «остановить произвол» процесса над Синявским и Даниэлем. Происхождение этого императива также следует связать с текстом заявления о «покаянии» Александра Гинзбурга. В мае и августе 1965 года Есенин-Вольпин уподоблял себя солдату, жертвующему личным благополучием ради «свободы».

Мы обнаружили, что за несколько месяцев до «Митинга гласности» в воображении Есенина-Вольпина существовала социальная общность, объединенная «диссидентскими» ценностями. Она была сконструирована через противопоставление окружению диссидента — интеллигенции и

CC BY

семье, предположительно исповедовавших ценности, препятствовавшие публичному протесту «инакомыслящих» против действий государства. Эта интеллектуальная работа также велась в дневниках 1961—1965 годов и завершилась в политическом заявлении Есенина-Вольпина, написанном в августе 1965 года.

Источники и принятые сокращения

1. АММ — *Архив* Международного Мемориала. Ф. 102. (Ленинградская. коллекция самиздата). Оп. 1. Д. 7. Статья Михайлов А. Соображения по поводу либеральной кампании 1968 г ; Ф. 120. (Коллекция А. Есенина-Вольпина). Оп. 1. Д. 4. Постановление Тимирязевского нарсуда г. Москвы от 29.04.1964 по иску А. С. Вольпина ; Оп. 1. Д. 8. Политическое заявление А. С. Есенина-Вольпина о «покаянии» А. Гинзбурга, 5—6 августа 1965 г., Д. 13. Дневники А. С. Есенина-Вольпина.

Литература

1. *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР : Новейший период / Л. М. Алексеева. — Вильнюс-Москва : Весть, 1992. — 352 с.

2. *Батшев В.* Дело Анатолия Кузнецова. Воспоминания. Документы. Признания А. Кузнецова [Электронный ресурс] / В. Батшев. — Режим доступа : http://www.belousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.htm (дата обращения 21.05.2021).

3. *Богораз Л. И.* Диссиденты / Л. И. Богораз, А. Ю. Даниэль // 50 / 50. Опыт словаря нового мышления. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 411—416. — ISBN 5-01-002295-8.

4. *Буббайер Ф.* Совесть, диссидентство и реформы в Советской России / Ф. Буббайер. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 367 с. — ISBN 978-5-8243-1334-5.

5. *Вессье С.* За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России / С. Вессье. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 576 с. — ISBN 978-5-4448-0268-7.

6. *Горбаневская Н. Е.* Полдень : Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади / Н. Е. Горбаневская. — Москва : Новое издательство, 2017. — 400 с. — ISBN 978-5-98379-210-4.

7. *Есенин-Вольпин А. С.* Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека : Избранное / А. С. Есенин-Вольпин. — Москва : РГГУ, 1999. — 452 с. — ISBN 5-7281-0266-2.

8. *Орлов В. И.* Александр Гинзбург : русский роман / В. И. Орлов. — Москва : Русский путь, 2017. — 792 с. — ISBN 978-5-85887-489-8.

9. *Памятка* для не ожидающих допроса. Беседа с Александром Есениным-Вольпиным // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 1. — Режим доступа : https://magazines.gorky.media/nz/2002/1/pamyatka-dlya-ne-ozhidayushhih-doprosa.html (дата обращения 01.06.2020).

10. *Поликовская Л. В.* Мы предчувствие ... предтеча ... : Площадь Маяковского, 1958—1965 / Л. В. Поликовская. — Москва : Звенья, 1997. — 398 с. — ISBN 5-7870-0002-1.

11. *Пятое* декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС [Электронный ресурс] / сост. Костенко Н., Кузовкин Г., Лукашевский С., Паповян А. «Мемориал», 1995. — Режим доступа : http://old.memo.ru/history/diss/books/5dec/index.htm (дата обращения 01.06.2020).

12. *Самойлов Д.С.* Поденные записи. В 2 т. / Д. С. Самойлов. — Москва : Время, 2002. — Т. 2. — 384 с. — ISBN 5-94117-030-0.

13. *Серебрякова Е. Г.* Идентичность “правозащитник” в аксиологии и социальной практике Александра Есенина-Вольпина / Е. Г. Серебрякова // Обсерватория культуры. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 48-60. — DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-48-60.

14. *Синявский А. Д.* Диссидентство как личный опыт / А. Д. Синявский // Синтаксис. — 1985. — № 15. — С. 131—148.

15. *Солженицын А. И.* Публицистика : в 3 т. Статьи и речи / А. И. Солженицын. — Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. — Т. 1. — 720 с.

16. *Шрагин Б. И.* Мысль и действие : Философия истории. Эстетика. Критика. Публицистика. Воспоминания. Письма / Б. И. Шрагин. — Москва : РГГУ, 2000. — 477 с. — ISBN 5-7281-0285-9.

17. *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. / А. В. Шубин. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 768 с.

18. *90 лет* Александру Сергеевичу Есенину-Вольпину [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://hro.org/node/19368 (дата обращения 05.09.2021).

19. *Arendt H.* The Last Interview and Other Conversations / H. Arendt. — Brooklyne : Melville House, 2013. — 144 p. — ISBN 978-1-61219-311-3.

20. *Butler J.* Gender Trouble : Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. — New York : Routledge, 1990. — 172 p. — ISBN 0-203-90275-0.

21. *Gilligan E.* Defending Human Rights in Russia : Sergei Kovalyov, Dissident and Human Rights Commissioner, 1969—2003 / E. Gilligan. — London : Routledge, 2004. — 272 p. — ISBN 0-415-32369-X.

22. *Goffman E.* Interaction Ritual : Essays on Face-to-Face Behavior / E. Gofman. — New York : Pantheon Books, 1967. — 270 p.

23. *Goffman E.* Stigma : Notes on the Management of Spoiled Identity / E. Goffmann. — Englewood Cliffs, N.J : Prentice-Hall, 1963. — 147 p.

24. *Horvath R.* The Legacy of Soviet Dissent : Dissidents, Democratisation and Radical Nationalism in Russia / R. Horvath. — London : Routledge, 2005. — 263 p. — ISBN 0415333202.

25. *Horvath R.* “Sakharov Would Be with Us” : Limonov, Strategy-31, and the Dissident Legacy / R. Horvath // The Russian Review. — 2015. — Vol. 74. — № 4. — Pp. 581—598.

26. *Komaromi A.* Uncensored : Samizdat Novels and the Quest for Autonomy in Soviet Dissidence / A. Komaromi. — Evanston : Northwestern University Press, 2015. — 254 p. — ISBN 978-0-8101-3186-6.

27. *Nathans B.* The Dictatorship of Reason : Aleksandr Vol’pin and the Idea of Rights under ‘Developed Socialism / B. Nathans // Slavic Review. — 2007. — Vol. 66. — № 4. — Pp. 630—663. — DOI: 10.2307/20060376.

28. *Rubenstein J.* Soviet Dissent in Historical Perspective / J. Rubenstein. — Cambridge : Cambridge University Press, 1980. — 305 p.

Material resources

Archive of the International Memorial. F. 102. (Leningrad. samizdat collection). Op. 1. d. 7. Article Mikhailov A. Considerations on the liberal campaign of 1968; F. 120. (Collection of A. Yesenina-Volpina). Op. 1. d. 4. The resolution of the Timiryazevsky People’s Court of Moscow of 29.04.1964 on the claim of A. S. Volpin; Op. 1. D. 8.

The political statement of A. S. Yesenin-Volpin about the "repentance" of A. Ginzburg, August 5—6, 1965; d. 13. The Diaries of A. S. Yesenin-Volpin. (In Russ.).

References

Alekseeva, L. M. (1992). *The history of dissent in the USSR: the newest period.* Vilnius-Moscow: Vesti. 352 p. (In Russ.).

Arendt, H. (2013). *The Last Interview and Other Conversations.* Brooklyne: Melville House. 144 p. ISBN 978-1-61219-311-3.

Batshev, V. *The case of Anatoly Kuznetsov. Memories. Documents. Confessions of A. Kuznetsov.* Available at: http://www.belousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.htm (accessed 21.05.2021). (In Russ.).

Bogoraz, L. I., Daniel, A. Yu. (1989). Dissidents. In: *50/50. Experience the vocabulary of new thinking.* Moscow: Progress. 411—416. ISBN 5-01-002295-8. (In Russ.).

Bubbayer, F. (2010). *Conscience, dissidence and Reforms in Soviet Russia.* Moscow: ROSSPEN. 367 p. ISBN 978-5-8243-1334-5. (In Russ.).

Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity.* New York: Routledge. 172 p. ISBN 0-203-90275-0.

December 5, 1965 in the memoirs of the participants of the events, materials of Samizdat, documents of party and Komsomol organizations and in the notes of the State Security Committee in the Central Committee of the CPSU. (1995). *"Memorial"*. Available at: http://old.memo.ru/history/diss/books/5dec/index.htm (accessed 01.06.2020). (In Russ.).

Gilligan, E. (2004). *Defending Human Rights in Russia: Sergei Kovalyov, Dissident and Human Rights Commissioner, 1969—2003.* London: Routledge. 272 p. ISBN 0-415-32369-X.

Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity.* Englewood Cliffs, N. J: Prentice-Hall. 147 p.

Goffman, E. (1967). *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior.* New York: Pantheon Books. 270 p.

Gorbanevskaya, N. E. (2017). *Noon: The case of the demonstration on August 25, 1968 on Red Square.* Moscow: New Publishing House. 400 p. ISBN 978-5-98379-210-4. (In Russ.).

Horvath, R. (2005). *The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratisation and Radical Nationalism in Russia*. London: Routledge. 263 p. ISBN 0415333202.

Horvath, R. (2015). "Sakharov Would Be with Us": Limonov, Strategy-31, and the Dissident Legacy. *The Russian Review, 74 (4):* 581—598.

Komaromi, A. (2015). *Uncensored: Samizdat Novels and the Quest for Autonomy in Soviet Dissidence.* Evanston: Northwestern University Press. 254 p. ISBN 978-0-8101-3186-6.

Memo for those who are not waiting for interrogation. Conversation with Alexander Yesenin-Volpin. (2002). *Inviolable reserve, 1.* Available at: https://magazines.gorky.media/nz/2002/1/pamyatka-dlya-ne-ozhidayushhih-doprosa.html (accessed 01.06.2020). (In Russ.).

Nathans, B. (2007). The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the Idea of Rights under 'Developed Socialism. *Slavic Review, 66 (4):* 630—663. DOI: 10.2307/20060376.

Orlov, V. I. (2017). *Alexander Ginzburg: a Russian novel.* Moscow: Russian Way. 792 p. ISBN 978-5-85887-489-8. (In Russ.).

CC BY

Polikovskaya, L. V. (1997). *We have a premonition ... the forerunner ...: Mayakovsky Square, 1958—1965.* Moscow: Links. 398 p. ISBN 5-7870-0002-1. (In Russ.).

Rubenstein, J. (1980). *Soviet Dissent in Historical Perspective.* Cambridge: Cambridge University Press. 305 p.

Samoilov, D. C. (2002). *Daily records. In 2 volumes, 2.* Moscow: Vremya. 384 p. ISBN 5-94117-030-0. (In Russ.).

Serebryakova, E. G. (2020). Identity "human rights defender" in the axiology and social practice of Alexander Yesenin-Volpin. *Observatory of Culture, 17 (1):* 48—60. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-48-60. (In Russ.).

Shragin, B. I. (2000). *Thought and action: The Philosophy of History. Aesthetics. Criticism. Journalism. Memories. Letters.* Moscow: RSUH. 477 p. ISBN 5-7281-0285-9. (In Russ.).

Shubin, A. V. (2000). *From "stagnation" to reforms. The USSR in 1917—1985.* Moscow: ROSSPEN. 768 p. (In Russ.).

Sinyavsky, A. D. (1985). Dissidence as a personal experience. *Syntax, 15:* 131—148. (In Russ.).

Solzhenitsyn, A. I. (1995). *Journalism: In 3 volumes, 1. Articles and speeches.* Yaroslavl: Verkhne-Volzhsky Book Publishing House. 720 p. (In Russ.).

Vessier, C. (2015). *For your and our freedom! Dissident movement in Russia.* Moscow: New Literary Review. 576 p. ISBN 978-5-4448-0268-7. (In Russ.).

Yesenin-Volpin, A. S. (1999). *Philosophy. Logic. Poetry. Protection of human rights: Selected.* Moscow: RSUH. 452 p. ISBN 5-7281-0266-2. (In Russ.).

90 years of Alexander Sergeevich Yesenin-Volpin. Available at: https://hro.org/node/19368 (accessed 05.09.2021). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.06.2021,
одобрена после рецензирования 19.09.2021,
подготовлена к публикации 21.01.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дорофеев Д. В. Внешняя политика США в исследованиях С. Ф. Бимиса : полиархивный подход / Д. В. Дорофеев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 395—418. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-395-418.

Dorofeev, D. V. (2022). US Foreign Policy in Studies of S. F. Bemis: a Polyarchive Approach. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 395-418. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-395-418. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-395-418

Внешняя политика США в исследованиях С. Ф. Бимиса: полиархивный подход

Дорофеев Денис Владимирович
orcid.org/0000-0001-7015-3713
кандидат политических наук,
доцент, кафедра археологии
и всеобщей истории
dorof-denis@yandex.ru

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

US Foreign Policy in Studies of S. F. Bemis: a Polyarchive Approach

Denis V. Dorofeev
orcid.org/0000-0001-7015-3713
PhD in Political Sciences,
Associate Professor,
Department of Archeology
and World History
dorof-denis@yandex.ru

V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

© Дорофеев Д. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена критическому анализу состояния американской исторической науки. Актуальность проведения исследования в этой сфере связана с необходимостью прервать циркуляцию стереотипов в академическом пространстве, препятствующую продвижению научного знания. На примере интеллектуальной биографии Сэмюэля Флэгга Бимиса (1891—1973) был осуществлен анализ, целью которого выступала детализация восприятия историком внешней политики США и ее зарождение. Научная новизна работы заключается в создании концептуальных рамок интеллектуальной биографии исследователя. Методологический комплекс составлен на основе принципов историзма, объективности, системности, историко-хронологического, историко-биографического, нарративного, просопографического методов. Результаты исследования показали отсутствие оригинальности во взглядах С. Ф. Бимиса относительно темы генезиса внешней политики Соединенных Штатов: в 1920—1950-е годы историк был сподвижником развития «научной истории», но не ее творческим пионером. К началу 1960-х годов ученый утратил влияние в профессиональных кругах, но его труды продолжают оставаться востребованными по причине собрания в них фактов. Полученные выводы предназначены для использования в научно-исследовательской и образовательной областях при изучении истории, историографии внешней политики США.

Ключевые слова:
историография, история внешней политики США; новая история; полиархивный подход; Сэмюэль Флэгг Бимис.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to a critical analysis of the state of American historical science. The relevance of the research is associated with the need to interrupt the circulation of stereotypes in the academic space, which impedes the advancement of scientific knowledge. On the example of the intellectual biography of Samuel Flagg Bemis (1891-1973), an analysis was carried out, the purpose of which was to detail the historian's perception of US foreign policy and its origin. The scientific novelty of the work lies in the creation of a conceptual framework for the intellectual biography of the researcher. The methodological complex is based on the principles of historicism, objectivity, consistency, historical-chronological, historical-biographical, narrative, prosopographic methods. The results of the study showed the lack of originality in the views of S. F. Bemis on the topic of the genesis of the United States foreign policy: in the 1920s-1950s the historian was an associate of the development of "scientific history", but not its creative pioneer. By the beginning of the 1960s the scientist has lost influence in professional circles, but his works continue to be in demand due to the collection of facts in them. The findings are intended for use in research and education in the study of history, historiography of US foreign policy.

Key words:
historiography; history of US foreign policy; new history; polyarchival approach; Samuel Flagg Bemis.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(73).03/.04:327+930(73)“1926”

Внешняя политика США в исследованиях С. Ф. Бимиса: полиархивный подход

© Дорофеев Д. В., 2022

1. Введение = Introduction

В историографии внешней политики США сложилось представление, согласно которому в середине 1920-х годов берет свое начало школа дипломатической истории. В качестве отправной точки предлагается рассматривать монографию «Договор Пинкни: исследование преимуществ Америки от Бедствия в Европе, 1783—1800» (1926), написанную Сэмюэлем Флэггом Бимисом (1891—1973). Эта книга, по мнению П. П. Хилла, «впервые направила аспирантов искать другие примеры бедствия Европы, работающие на пользу Америки» [Hill, 2003, p. 55]. С этой оценкой можно согласиться только не зная историографии [Дорофеев, 2021; Дорофеев, 2021а], представляя развитие взглядов историка в изолированности от современного ему научного мира.

Оценочное суждение П. П. Хилла является примером ограниченного понимания состояния научной мысли второй четверти XX века в США. Причиной столь удручающего состояния была утрата актуальности раннего периода истории внешней политики как объекта изучения в американской историографии. Несмотря на то, что еще в 1980—1990-е годы высказывались предупреждения о последствиях этого процесса для научной мысли [Deconde, 1983, p. 399—430; Hunt, 1992, p. 130; Kaplan, 1983, p. 431—442; Maier, 1980, p. 355—387; Perkins, 1998, p. 119], на рубеже XX — XXI веков они оказались пророчески верными. Сформировались неблагоприятные последствия: в обобщающих историографических трудах тематика была представлена поверхностно [Combs, 1986, p. 17, 40—41], а в специализированных публикациях — ограниченно [Brauer, 2000, p. 44, 46; Dull, 1981, p. 9; Fry, 1989, p. 17—35; Fry, 1992, p. 40—49; Weeks, 2000, p. 8—43]. Отсутствие масштабных исследований привело к возникновению стереотипов, воспроизводящих некорректные оценки. Актуальность приобретает критический подход к изучению американской научной мысли, который прекратит циркуляцию неточных данных и будет способствовать продвижению научного знания.

В контексте угасания научного внимания к раннему периоду истории внешней политики США взгляды С. Ф. Бимиса выступают примером стереотипного восприятия: современная научная мысль представляет ученого

CC BY

основателем нового направления в историографии — школы дипломатической истории [Ferrell, 1968, p. 14, 89, 193, 198; Ferrell, 1975, p. 49; Lycan, 1970, p. 50]. При этом историка рассматривают в двух ракурсах. Преобладающая часть видит в нем безоговорочный авторитет. В то же время существует и более скептическое отношение к С. Ф. Бимису, которого критиковали за ура-патриотизм и национализм [Dull, 1985, p. 9—10; Gilbert, 1961, p. 42, 78; Kaplan, 1979, p. 426; Stinchcombe, 1969, p. 220; The Cambridge History of American Foreign Relations, 1993, p. xi]. Две крайности в оценивании позиции американского ученого были следствием низкой степени исследованности его взглядов на внешнюю политику США. Состояние изученности этой темы в творчестве С. Ф. Бимиса не только обусловливает актуальность проведения исследования, но и определяет для него новые научные ориентиры.

В данной статье предлагается новаторский поход к осмыслению творческих взглядов С. Ф. Бимиса. Впервые в научной литературе в качестве цели исследования ставится детализация восприятия историком внешней политики североамериканского государства, особенно ее зарождения. Новизной характеризуются и задачи, которые ранее не были поставлены в науке: определить системообразующие этапы становления профессиональных взглядов ученого; установить восприятие историком генезиса внешней политики США; уточнить вклад в историографию рассматриваемой проблематики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В историографии сложились две методологические модели анализа взглядов С. Ф. Бимиса. Первая — «механическая», при которой исследователи заимствуют наработки ученого (факты, оценки), не обращая внимание на его научные взгляды, принципы. Сторонники этой модели, используя авторитетное имя историка, оказывают амбивалентное воздействие на научную мысль: с одной стороны, они сохраняют труды историка в академической среде, но, с другой — обесценивают его наследие, поскольку не подвергают критическому и всестороннему анализу профессиональные воззрения ученого [Краснов, 2000, с. 5—6, 28, 66, 104, 143, 167; Плешков и др., 1994, с. 20, 21, 24, 25, 28, 34, 36, 40; Трояновская, 2010, с. 117].

Вторая модель — «политическая» — делает акцент на формате отношения историка и власти. Отмечая тот факт, что ученый принес научное знание в жертву политической целесообразности, адепты этой модели рассматривали профессиональные воззрения С. Ф. Бимиса производной от политического идеализма [Dull, 1985, p. 10; Gilbert, 1961, p. 42; Kaplan, 1979, p. 424—425; Stinchcombe, 1969, p. 219—220].

CC BY

Обе модели упрощают взгляды С. Ф. Бимиса на внешнюю политику США, допускают их поверхностное и ограниченное рассмотрение («механическая» модель) или одноаспектную трактовку («политическая» модель). При этом для них свойственна узкая источниковая база, сконцентрированная на отдельных работах С. Ф. Бимиса.

В данном исследовании была применена альтернативная методологическая модель — «полиаспектная». Для реализации цели и достижения задач был построен методологический комплекс, состоящий из принципов историзма, объективности, системности, а также историко-хронологического, историко-биографического, нарративного, просопографического методов. Комплекс применялся для обработки данных полученных из источниковой базы, сформированной научными и автобиографическими трудами С. Ф. Бимиса, рецензиями на работы ученого, материалами фондов Библиотеки Конгресса, Университета Кларка, Института Карнеги. Применение «многофакторной» модели позволило достичь качественно нового результата: сформировать интеллектуальную биографию историка, выделив интерпретацию внешней политики Соединенных Штатов и ее зарождение.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Зарождение представлений о международных отношениях: влияние Дж. Х. Блейксли и Н. С. Б. Гра. Начало 1910-х годов

За год до начала Первой мировой войны С. Ф. Бимис защитил магистерскую диссертацию на тему «Южное направление экспансии Соединенных Штатов» (1913) [Bemis, 1913]. В эти годы, когда он проходил обучение в Университете Кларка, на формирование его интереса к международным отношениям оказал воздействие профессор Джордж Хаббард Блейксли (1871—1954) — основатель «Journal of International Relations» (печатный орган Совета по международным отношениям. — *Д. Д.*) [Vitalis, 2005, p. 161]. Будучи выпускником Гарвардского университета, где им была защищена докторская диссертация на тему «История Антимасонской партии» (1903) [Blakeslee, 1903], он содействовал тому, чтобы С. Ф. Бимис поступил в элитарный вуз [Bostert et al., 1973, p. 117—118; Hench, 1973, p. 198]. Наставник передал ученику большее — интерес к внешней политике США, понимание ее сквозь призму функционирования внешнеполитических институтов — Государственного департамента, в частности, и администрации Президента в целом.

Не меньшее воздействие в магистратуре, по воспоминаниям С. Ф. Бимиса, оказывал на него Норман Скотт Брайен Гра (1884—1956) — канадский историк-экономист, выпускник Гарвардского университета, который

CC BY

также ориентировал обучающегося на изучение международных отношений и поступление в престижный вуз [Bemis, 1976a, p. 3].

Обучение в Университете Кларка заложило интерес С. Ф. Бимиса к изучению международных отношений и внешней политики, сформировало понимание основополагающей роли государственных институтов в процессе планирования и реализации внешнеполитического курса. Все эти методологические принципы не носили уникальный характер и преобладали в интеллектуальной среде предвоенной эпохи националистической школы. Одновременно, развивая отношения с Дж. Х. Блейксли и Н. С. Б. Гра, С. Ф. Бимис получил урок первостепенного значения личных контактов и протекции, который он хорошо усвоил.

3.2. Становление профессиональных взглядов и специализация: наследие Ф. Дж. Тернера и Э. П. Ченнинга. Середина 1910-х годов

Поступив в двадцатилетнем возрасте в докторантуру Гарвардского университета, С. Ф. Бимис погрузился в атмосферу долгосрочной неиссякаемой инновации исторической науки. Этот вуз одним из первых в стране заявил научно-образовательный фокус на истории международных отношений и внешней политики. У ее истоков стоял в 1870—1880-е годы профессор истории Генри Уоррен Торри (1814—1893), который ввел предметы, содержавшие такие темы, как «Современная история, XVII век — первая половина XVIII века», «Современная история, начиная с середины XVIII века», «Дипломатическая история, или История современных соглашений с 1648 года, с элементами международного публичного права» [Adams, 1887, p. 29]. Затем эти начинания приобретут системный характер усилиями профессора истории Генри Брукса Адамса (1838—1918) [Brookhiser, 2003, p. 156; Morison, 1986, p. 347—348]. Несмотря всего на семилетний период работы в вузе, с 1870 года по 1877 год, он не только вошел в ее анналы как педагог, но стал научным руководителем для студентов, которых впоследствии рекомендовал на педагогическую работу в вузе: в 1878 году — Эдварда Перкинса Ченнинга (1856—1931), в 1880 году — Альберта Бушнелла Харта (1854—1943).

Следует отметить, что начало работы в 1910 году Фредерика Джексона Тернера (1861—1932) только усилило позиции университета [Billington, 1973, p. 217, 237], где сложился коллектив, способствовавший становлению истории внешней политики США как педагогической дисциплины. Крупным шагом в этом направлении стала книга «Руководство по изучению и чтению Американской истории» (1912), написанная Ф. Дж. Тернером, Э. П. Ченнингом, А. Б. Хартом [Hart, et al., 1912]. О востребованности книги можно судить по пяти ее изданиям на протяжении восемнадцати лет,

CC BY

с 1896 по 1922 годы. Именно эта триада ученых сформировала интеллектуальный климат становления профессиональных взглядов С. Ф. Бимиса.

В это же время перед Бимисом встанет задача выбрать профессора, который мог бы курировать его диссертационные изыскания. Решение было принято — научным руководителем стал Э. П. Ченнинг, но именно Ф. Дж. Тернер был педагогом, который показал докторанту важность для историка работы в архивах — опыт, который он не приобрел в Университете Кларка. Занимаясь на семинаре у профессора Ф. Дж. Тернера, он взялся за написание статьи — необходимое условие обучения по дисциплине мэтра — под названием «Канадско-американская граница и англо-американский военный кризис 1794 года». Работа над ней и в особенности внимание, которое ему уделил профессор, привели его к пониманию значения использования архивных материалов. «Так случилось, — спустя годы вспоминал С. Ф. Бимис, — что летом 1915 года, отправляясь в северную провинцию Онтарио и возвращаясь оттуда, я проезжал дважды через Оттаву и провел неделю в канадских архивах. <…> Это был мой первый опыт архивной работы, и Тернер очень обрадовался, когда прочитал мою статью осенью. Он отметил мои ссылки на архивные записи. “Почему вы не указали в своей библиографии, что консультировались с архивами?” — написал он в моей статье. Он пригласил меня в свой домашний кабинет, чтобы я ознакомился с его собственными голографическими записями о неизвестных источниках, относящихся к этому периоду. Я смотрел на них, а Тернер лениво откинулся на спинку кресла и курил сигару, время от времени косясь на меня. <…>. Моя собственная программа (обучения. — *Д. Д.*) не привела меня к дальнейшему личному контакту с Фредериком Джексоном Тернером. Он был одним из самых невозмутимых учителей, которых я встречал в Гарварде» [Bemis, 1976a, p. 9—10].

Мемуары таят недосказанное: С. Ф. Бимис был очевидцем нарастания противостояния между Э. П. Ченнингом и Ф. Дж. Тернером, поэтому, отойдя от идеалов своей магистерской диссертации, построенной на теории фронтира, отдал предпочтение сотрудничеству с более перспективным профессором — Э. П. Ченнингом. Этот шаг представлял собой внутренний перелом начинающего историка. Провинциализм фермерской жизни в окрестностях г. Вустер в штате Массачусетс [Hench, 1973, p. 196], имевший параллели с размеренностью жизни на Среднем Западе, сменялся элитизмом Новой Англии [Sioussat, 1931, p. 278—279]. Эпоха президентства В. Вильсона создавала предпосылки для интернационализации научных интересов молодого поколения историков. С. Ф. Бимис не стал исключением: он все больше и больше интегрировался в вопросы внешней политики США и международных отношений. Ф. Дж. Тернер — авторитет периода

CC BY

написания магистерской работы — отойдет на второй план во время проведения исследования в докторантуре [Billington, 1973, p. 332, 544; Doctors …, 1926, p. 88; Bemis, 1923, p. ix].

Примечательно, но выбор темы для диссертации стал следствием недочета Э. П. Ченнинга. Еще работая в Университете Джона Хопкинса, с 1907 года он вел кропотливый труд над масштабным проектом «История Соединенных Штатов» и в 1912 году опубликовал третий том этого издания под названием «Американская революция, 1761—1789». В нем прослеживается минимальное внимание автора к внешней политике. Отмечая известные процессы — англо-французское противостояние XVII—XVIII веков, реакция европейских держав на Американскую революцию, дипломатический аспект Войны за независимость [Channing, 1907—25, Vol. 3, p. 19, 31, 173, 283—286, 291], — Э. П. Ченнинг не выделил внешнюю политику североамериканского государства в самостоятельный раздел. Это упущение он исправил в следующем томе «Федералисты и республиканцы, 1789—1815» (1917), где разместил главу «Американская внешняя политика» [Ibid., 1907—25, Vol. 4, p. 116—149]. Однако сделать это он смог благодаря стараниям своего докторанта: он привлек докторанта в качестве помощника для поиска и обработки источников. Специально для этой цели и была выбрана тема диссертации — «История и дипломатия договора Джея, 1789—1794» (1916) [Bemis, 1916], — сочетавшаяся с концепцией четвертого тома.

Факт и обстоятельства использования наработок соискателя научной степени Э. П. Ченнинг не пытался скрыть. «При подготовке этой главы — отмечал он — мне очень помогло чтение неопубликованного эссе “История и дипломатия договора Джея, 1789—1794” Сэмюэля Флэгга Бимиса из Медфорда, штат Массачусетс» [Channing, 1907—25, Vol. 4, p. 136]. Не имея представлений о последствиях, он направил профессиональный интерес соискателя в сферу раннего периода истории внешней политики [Bemis, 1976a, p. 6—7].

Сопричастность к реализации масштабного проекта была для С. Ф. Бимиса опытом понимания необходимости создания исторических трудов, консолидирующих американскую нацию. Сотрудничество с мэтром стало механизмом формирования понимания молодым специалистом связи между историей и современностью. Литературная история и псевдонаучность, столь свойственные Э. П. Ченнингу [Bemis, 1923, p. 39], уходили в прошлое. Тем не менее наследием для его ученика являлись концептуальные рамки профессионального мышления (американская уникальность, персонификация внешней политики, первостепенное значение источников, главенство научного метода, новоанглийский элитизм в дипломатической

CC BY

истории страны) и политических взглядов (умеренный национализм), на основе которых он выстраивал концепты своих трудов [Smith, 1985, p. 297].

3.3. «Новая история» и признание в науке: патронаж Дж. Ф. Джеймсона. Конец 1910-х годов — 1920-е годы

После защиты диссертации навыки проведения научного исследования могли быть утрачены С. Ф. Бимисом: переезд в 1916 году в Колорадо для лечения туберкулеза, женитьба и бедственное материальное положение отсекали подающего надежды ученого от научных центров в самом начале его профессиональной карьеры. Однако имя историка не затерялось в провинции: на протяжении второй половины 1910-х годов и начала 1920-х годов, он вошел в узкий круг специалистов по истории внешней политики последней четверти XVIII века. Преимущественная часть его публикаций издавалась в журнале «The American historical review» [Bemis, 1916, p. 547—560; Bemis, 1918, p. 26—47; Bemis, 1922, p. 465—484; Bemis, 1924, p. 474—495; Bemis, 1933, p. 265—284; Bemis, 1934, p. 250—268], редактором которого с 1895 по 1928 годы был Джон Франклин Джеймсон (1859—1937). Выпускник Гарвардского университета, ученик профессора Г. Б. Адамса (1838—1918), сподвижник Американской исторической ассоциации, основатель архивной службы США оказывал протекцию С. Ф. Бимису в 1910—1930-е годы.

Предпосылки для патронажа молодого исследователя были связаны с личными обстоятельствами. Благотворно сказались дружеские отношения Дж. Ф. Джеймсона с Э. П. Ченнингом [Joyce, 1974, p. 93, 117], в результате исследователь перешел под опеку от одного мэтра к другому. Также имело место знакомство нового покровителя с Франклином Эли Бруксом (1860—1916) — двоюродным братом матери С. Ф. Бимиса, конгрессменом-республиканцем от штата Колорадо (1903—1907) [Bemis, 1976, p. 11; Smith, 1985, p. 301], попечителем Университета Брауна, в котором ранее преподавал покровитель.

Не ставя под сомнение самоотверженность труда С. Ф. Бимиса, следует учитывать, что благодаря поддержке Дж. Ф. Джеймсона в ранние годы профессиональной карьеры он сделал себе имя в науке. При содействии покровителя с 1923 по 1926 годы С. Ф. Бимис опубликовал два исследования.

Первая книга — «Договор Джея: исследование в области коммерции и дипломатии» — была написана на основе диссертации 1916 года для участия в конкурсе работ среди учителей в колледжах, проводимой Исторической комиссией Рыцарей Колумба в 1922 году. Одним из членов жюри был Гейлард Хант (1862—1924) — глава Отдела публикаций, снискавший реноме «первого официального историка Государственного департамента» [Cozzens P. et al., 2015, p. 72], — который дал высокую оценку: «<…> историческая моногра-

CC BY

фия, которая является не только заслугой американской науки, но и заметным вкладом в американскую историю» [Bemis, 1923, p. xv]. Приз — 3 тыс. долл. — достался только работе С. Ф. Бимиса, а заявки остальных номинантов не получили признания, поскольку исследование возвеличивало национальную историю. Договор Джея в прочтении ученого не символизировал сдачу национальных интересов в отношениях с Великобританией, а был проявлением прозорливости и рациональности [Kauffman, 1982, p. 267—268].

После подведения итогов конкурса карьера С. Ф. Бимиса стала стремительно расти. Будучи директором отдела исторических исследований в Институте Карнеги, Дж. Ф. Джеймсон пригласил в 1923 году С. Ф. Бимиса стать сотрудником его подразделения. Это дало возможность переехать из провинции в столицу: он покинул Колледж Уитмена в г. Волла-Волла, штат Вашингтон, и с энтузиазмом принялся изучать архивные документы Государственного департамента с 1776 по 1800 годы, отправился в командировку в Испанию для поиска источников по американо-испанским отношениям до начала XIX века [Year book …, 1924, p. 67; Year book …, 1925, p. 71].

Вскоре, в 1924 году, С. Ф. Бимис стал также преподавать в Университете Джорджа Вашингтона — центре подготовки дипломатических кадров для Государственного департамента. Спустя два года, в 1926 году, он презентовал результаты своих наработок по проекту Института Карнеги в рамках Лекции имени Альберта Шоу по дипломатической истории в Университете Джона Хопкинса. Фактически выступление представляло собой презентацию новой книги — «Договор Пинкни: преимущество Америки от бедствия Европы, 1783—1800» (1926) [Bemis, 1926], получившая в 1927 году Пулитцеровскую премию по истории за тщательность и масштабность в исследовании архивных источников, а также «<…> разумную интерпретацию дипломатического инцидента огромного значения» [Fischer, 2017, p. xxiv]. Награда поставила С. Ф. Бимиса в один ряд с Э. П. Ченнингом, получившим ее годом ранее, в 1926 году. Десять лет были затрачены С. Ф. Бимисом на профессиональное признание.

Но С. Ф. Бимису сопутствовали благоприятные обстоятельства: как и Э. П. Ченнинг в первой половине 1910-х годов, так и Дж. Ф. Джеймсон во второй половине 1920-х годов нуждались в нем как специалисте в области истории международных отношений XVIII века. Четыре лекции, прочитанные в 1926 году Дж. Ф. Джеймсон в Принстонском университете, легли в основу его монографии «Американская революция как социальное движение» (1926) [Jameson, 1926]. Издание трактовалось ключевой работой историков-прогрессистов [Young, 2011, p. 13—16] и, по мнению А. М. Шлезингера — старшего, являлось зеркалом эпохи [Schlesinger, 1956, p. x]. В ней содержался посыл к написанию социально-ориентированной истории и формирова-

CC BY

нию нового поколения историков, но внешнеполитическая проблематика была представлена фрагментарно. Для компенсации трудностей возникла потребность в привлечении С. Ф. Бимиса. Также еще в середине 1910-х годов Дж. Ф. Джеймсон был подвергнут критике оппонентами из университетов Среднего Запада, обвинявших его в «новоанглийском» элитизме и олигархии, поскольку он оказывал поддержку представителям Новой Англии, стремясь сохранить этот регион в качестве научно-образовательного центра [Young, 2011, p. 22]. В этом контексте С. Ф. Бимис был компромиссной фигурой: биография ученого позволяла сделать заключение о его связи с разными регионами страны. Все это создавало предпосылки для продолжения сотрудничества между двумя историками. Переход Дж. Ф. Джеймсона на работу в Библиотеку Конгресса, где он возглавил отдел рукописей, повлиял и на карьеру С. Ф. Бимиса: по протекции наставника он получил должность директора Европейской миссии в 1927—1929 годах, которая вела работу в архивах Великобритании, Испании, Франции, и стал ответственным редактором десятитомного издания «Американские государственные секретари и их дипломатия» (1927—1929). С. Ф. Бимис, понимая, что возможности всегда временны, усердно использовал финансирование библиотеки для публикации документов, ранее недоступных для исследователей [An historian's world …, 1956, p. 343].

3.4. «Новая история» и рост влияния: конъюнктура и полиархивный подход. Первая половина 1930-х годов

Работа над источниками по истории внешней политики США открывала карьерные перспективы для С. Ф. Бимиса (1891—1973) [Goetzmann, 1976, p. 26—27], что отразилось на его оценке генезиса внешней политики. Сотрудничество с Дж. Ф. Джеймсоном поставило перед С. Ф. Бимисом масштабную задачу — формирование нового концепта написания дипломатической истории на основе использования источников как из американских, так и иностранных архивов. Эту идею он высказал на заседании Американской исторической ассоциации в 1930 году [Bemis, 1930, p. 75]. Это выступление было прологом масштабного проекта. С 1931 по 1936 годы он опубликовал четыре книги, которые закрепили его авторитет в этой сфере: «Миссия Хасси-Камберленда и американская независимость: очерк дипломатии Американской революции» (1931) [Bemis, 1931], «Руководство по дипломатической истории Соединенных Штатов, 1775—1921» (1935), «Дипломатия Американской революции» (1935), «Дипломатическая история Соединенных Штатов» (1936). Последняя в перечне монография стала своего рода показателем развития исторической науки в США: в 1936 году Американская историческая ассоциация выдвинула труд в статусе офици-

CC BY

ального подарка Международному Академическому Союзу (Union Academique Internationale) [Votes …, 1937, p. 4]. Сам же С. Ф. Бимис, став профессором Йельского университета, в 1935—1938 годах избирался представителем ассоциации в подкомитет по дипломатической истории Международного комитета исторических наук [Committees …, 1936, p. 192; Minutes …, 1936, p. 147; Minutes ..., 1938, p. 12]. Несмотря на то, что он ни разу не принимал участия в работе организации, этот статус свидетельствовал о признании его авторитета в профессиональной среде.

С. Ф. Бимис был воплощением ожиданий профессиональных историков рубежа XIX—XX веков, которые делали все от них зависевшее для формирования «новой истории», предъявлявшей такие квалификационные требования, как обращение к архивным источникам, внимание к историографии и методологии [Kraus et al., 1990, p. 151]. По формальным признакам ученый соответствовал этим тенденциям, но содержание его взглядов, особенно относительно генезиса внешней политики США, характеризовалось вторичностью оценки.

Осевой идеей С. Ф. Бимиса был ревизионизм, сформулированный в тезисе о необходимости использования полиархивного подхода [Bemis, 1957, p. vii]. Призыв не представлял собой новаторство в исторической науке Соединенных Штатов: англо-германская традиция изучения межгосударственных отношений с использованием архивов великих держав уже существовала в Гарвардском университете, где наследие европейских историков — Вильгельма Гумбольдта (1767—1835), Леопольда фон Ранке (1795—1886) — сохранялось и изучалось [Hunt, 1992, p. 130].

Несмотря на то, что исследования воспринимались современниками положительно, взгляды С. Ф. Бимиса были лишены новаторства относительно трактовки генезиса внешней политики США. Оценка международных процессов XIV—XVIII веков, данная им в книге «Дипломатия Американской революции» (1935), осталась без нововведений и сводилась к повторению идей о враждебности международной среды, опасности европейского баланса сил [Bemis, 1957, p. 15]. Эти тезисы автор приводил, не считаясь с положением в историографии. Единственное американское исследование, на которое была сделана ссылка, — это статья Максвелла Хикса Сэвейлла (1896—1979), доцента Стэнфордского университета: «Колониальные истоки американских дипломатических принципов» [Ibid., p. 12]. Причина внимания к идеям коллеги заключалась в том, что он видел в нем соратника в продвижении «новой истории».

По структуре работа С. Ф Бимиса не была оригинальна: на первое место он поставил рассмотрение интересов Франции, сведя свой анализ к идее ее реваншизма [Ibid., p. 16—28]. Анализ начального этапа внешней

CC BY

политики США был размещен им в главе «Первая зарубежная миссия Соединенных Штатов». На шести страницах (или 1,5 % объема книги) ученый изложил свою интерпретацию исторического процесса, охватывавшего период с октября 1774 года по июль 1976 года [Ibid., p. 29—34].

Так же, как и предтечи, С. Ф. Бимис выделял среди отцов-основателей Б. Франклина и Дж. Адамса за их обладание внешнеполитическими представлениями [Ibid., p. 30]. Обращает на себя внимание его отказ применять методологию историков-прогрессистов, преобладавших в период написания книги. Автор избегал рассмотрение борьбы групп интересов, демонстрируя приверженность идее единства взглядов [Ibid., p. 32, 45]. Принимая во внимание уровень достижения исторической науки, нельзя не признать, что такой подход характеризовался архаичностью [Bostert, et al., p. 124], обусловленной состоянием политической конъюнктуры.

С. Ф. Бимис не вступал в открытую дискуссию ни с одним из авторов. В тексте, подстрочных примечаниях, разделе «Библиографическая заметка», который представляет собой обзор источников, но не анализ литературы, нет данных о пересмотре точек зрения историков [Bemis, 1957, p. 265—273].

Следует отметить существование корреляции между книгами двух профессиональных этапов в творчестве историка: «Договор Джея: исследование в области коммерции и дипломатии» (1923) и «Дипломатия Американской революции» (1935). Как в раннем труде, так и в более поздней публикации С. Ф. Бимис отдавал дань уважения американским дипломатам за их прозорливость: Дж. Адамс, Дж. Джей, Б. Франклин обошли внутренние препятствия, интриги иностранных государств [Ibid., p. 255—256]. Одновременно С. Ф. Бимис поддерживал идею мессианской роли Американской революции и Соединенных Штатов в международных отношениях [Ibid., p. 256]. В труде «Дипломатическая история Соединенных Штатов» (1936) С. Ф. Бимис повторил идеи работы 1935 года [Bemis, 1936]. Тем не менее это издание стало завершающей работой, сформировавшей учебно-академический комплекс по изучению истории внешней политики США в целом.

Несмотря на призывы применять полиархивный метод, сам С. Ф. Бимис более не возвращался к ранней истории внешней политики США, отдавая предпочтение периодам после 1789 года.

3.5. Утрата влияния: трансформация научной парадигмы и ревизионизм. Вторая половина 1930-х годов — 1960-е годы

Триумф С. Ф. Бимиса заключался в том, что им был представлен новый стандарт для проведения узкоспециализированных исследований по истории внешней политики США в рамках «новой истории». Но позиция

CC BY

ученого была уязвима в двух аспектах. Во-первых, она характеризовалась привязкой к политической конъюнктуре и национализму. Книги создавались с позиций изоляционизма, доминирующего в политическом дискурсе середины 1930-х годов [Bemis, 1935, p. 221—240; H. E. B., 1936, p. 443]. Историк не предвидел факторов, которые предопределили скорое устаревание его точки зрения: «карантинная речь» от 5 октября 1937 года президента Ф. Д. Рузвельта обозначила резкие перемены во внешней политике США — неизбежность вовлечения страны в международные отношения надвигавшейся Второй мировой войны. Связь истории и современной политики в интерпретации С. Ф. Бимиса утрачивала актуальность, и ей быстро были найдены альтернативы, в частности, подход общественного мнения Т. Э. Бейли [Дорофеев, 2021а, с. 6—11].

Вторым уязвимым местом концепции была меняющаяся парадигма исследования истории внешней политики США. Сконцентрированность анализа С. Ф. Бимиса на государственных институтах привела к тому, что уже в 1950—1970-е годы историки-ревизионисты построили свою аргументацию на критике подхода ученого, в частности, за его ура-патриотизм и узость понимания внешней политики [Bailey, 1979, p. 13; Hench, 1973, p. 202]. Свидетельством утраты влияния ученого является то, что именно Т. Э. Бейли, а не он стоял у истоков учреждения в 1967 году общества для специалистов в области истории американских внешних отношений. На фоне заката влияния в профессиональной среде взгляды С. Ф. Бимиса на историю внешней политики в целом и ее генезис, в частности, сохраняли актуальность для массового читателя. Умеренный национализм, направленный на консолидацию американского общества, на который он опирался при написании книг в период Великой депрессии и ее преодоления, оказался востребованным в первое десятилетие холодной войны.

Понимал ослабление своих позиций и сам С. Ф. Бимис, неспособный найти компромисс с нарастающим влиянием историков-ревизионистов. Занимая должность президента Американской исторической ассоциации, в 1961 году ученый представил послание «Американская внешняя политика и благословения Свободы», в котором обозначил непринятие новой парадигмы: «Возьмите тон академического мира. Разве наши общественные науки не слишком тяготели к самоисследованию — к тому, что с нами происходит, а не к опасностям и силам, испытывающим нашу свободу? Слишком много самоанализа, слишком много самокритики ослабляют народ, как и отдельного человека. Существует такое понятие, как национальный невроз» [Bemis, 1962, p. 304]. В конференц-зале он был один на один со своими мыслями, аудитория из уважения к авторитету не шла на дискуссию, но и не высказала понимание. Эта молчаливая реакция не имела ничего общего с бурными

CC BY

овациями и словами поддержки в адрес ученого, когда он призывал проводить полиархивные исследования истории внешней политики США во время выступления в 1929 году [Proceedings …, 1930, p. 39].

В семидесятилетнем возрасте С. Ф. Бимис пребывал в одиночестве: он перестал быть ориентиром для грядущего поколения историков, магнетизм 1930-х годов сменился непринятием 1960-х годов. На фоне эрозии авторитета его оценка генезиса внешней политики США сохраняла актуальность, поскольку была итогом не столько его личного труда, сколько научного поиска историков конца XIX века и первой четверти XX века.

4. Заключение = Conclusions

С. Ф. Бимиса не следует считать основателем школы дипломатической истории. Будучи «продуктом» становления «новой истории», он действовал в соответствии с логикой системных рамок, которые были поставлены его предшественниками. Периоды становления интеллектуальной биографии ученого наглядно это показывают. В начале 1910-х годов во время обучения в Университете Кларка Дж. Х. Блейксли и Н. С. Б. Гра сформировали основы интернационализации мышления студента, привив ему интерес к истории международных отношений. В середине 1910-х годов при написании докторской диссертации в Гарвардском университете Ф. Дж. Тернер способствовал укоренению в нем понимания важности привлечения документов из иностранных архивов; Э. П. Ченнинг, как научный руководитель, передавал ученику умеренный национализм, убежденность в американской уникальности, приверженность изучению источников и применению научной методологии. На протяжении обучения в двух вузах С. Ф. Бимис приобрел навыки, сформировавшие его отношение к истории в целом и внешней политике, в частности. Но признание и авторитетное влияние придут позже. В конце 1910-х годов и в 1920-е годы протекция Дж. Ф. Джеймсона откроет возможности получить системную поддержку Института Карнеги и Библиотеки Конгресса, занять должность ответственного редактора многотомного издания, посвященного деятельности государственных секретарей. Карьерный рост и профессиональные награды — приз Исторической комиссии Рыцарей Колумба 1922 года, Пулитцеровская премия 1927 года — ознаменовали признание в академической среде. Тем временем в первой половине 1930-х годов его авторитет укреплялся. Обозначила этот процесс серия книг по истории дипломатии США, рассчитанная как на массового читателя, так и на коллег, которым предлагалось рассматривать издания в качестве эталона научного исследования.

Изучение этапов становления профессиональных взглядов и влияния ученого показали: С. Ф. Бимис был «продуктом» и сподвижником станов-

CC BY

ления «научной истории» в 1910—1930-х годах. В этом отношении историк был частью трансформационных изменений в науке, которые он продолжил, но он не был их начинателем. Это проявилось и при рассмотрении вопроса о зарождении внешней политики: взгляды ученого были фрагментарны, лишены оригинальности. Поддерживая тезис об уникальности американского опыта, он увязывал генезис с автохтонным процессом.

Влияние идей ученого было обрамлено узкими хронологическими рамками середины 1930-х годов. Его труды устаревали, поскольку его подход имел два уязвимых места: зависимость от политической конъюнктуры и подчиненность источнику. Первая дала о себе знать после того, как в 1937 году администрация президента Ф. Д. Рузвельта взяла курс на ревизию политики изоляционизма под воздействием разрушения Версальско-вашингтонской системы международных отношений. Ученый придерживался противоположных взглядов и давал интерпретацию истории внешней политики в изоляционистском контексте. Борьба за американское глобальное лидерство требовала иных подходов к осмыслению истории для формирования политической нации. Во-вторых, уязвимость концепции была обусловлена научной парадигмой, которой придерживались историки 1890—1920-х годов, повлиявшие на становление профессиональных взглядов ученого. Признание первостепенной значимости источника в исторической науке и поддержка национализма вступили в противоречие с научным знанием 1940—1960-х годов: использование архивных документов вытеснялось владением методологией общественно-политических наук. Происходивший парадигмальный сдвиг побуждал С. Ф. Бимиса пересмотреть оценки генезиса внешней политики США. Однако совершить это он не мог, поскольку был носителем других научных приоритетов. Отказаться от национализма в пользу научного познания, отвернуться от государственных институтов как основного объекта исследования — все это было за пределами его научного мировоззрения.

К началу третьей четверти XX века неспособность С. Ф. Бимиса преодолеть уязвимость его научных позиций привела к падению его авторитета в профессиональной среде. Но именно идеализация им роли источника стала причиной сохранения востребованности трудов ученого в последующем: историки разных направлений и поколений используют наработки коллеги, ценя их не за интерпретацию, а за ценное собрание фактологических данных для своих работ.

Литература

1. *Дорофеев Д. В.* Генезис внешней политики США : зарождение историографии темы, 1610—1820-е годы / Д. В. Дорофеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». — 2021. — Том 7 (73). — № 2. — С. 81—93. — DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-81-93.

2. *Дорофеев Д. В.* Генезис внешней политики США : подход общественного мнения Т. Э. Бейли / Д. В. Дорофеев // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2021а. — № 5. — С. 6—11. — DOI: 10.37882/2223-2982.2021.05.12.

3. *Краснов Н. А.* США и Франция : дипломатические отношения, 1775—1801 гг. / Н. А. Краснов. — Москва : ПАИМС, 2000. — 424 с. — ISBN 5-89574-102-9.

4. *Плешков В. Н.* Дипломатия Американской революции / В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко // История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. — Москва : Международные отношения, 1994. — С. 11—46. — ISBN 5-71330-702-6.

5. *Трояновская М. О.* Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1776—1823) / М. О. Трояновская. — Москва : Издательство «Весь мир», 2010. — 328 с. — ISBN 978-5-7777-04955.

6. *Adams H. B.* The study of history in American colleges and universities / H. B. Adams. — Washington : Government Printing Office, 1887. — 299 p.

7. *An historian's* world ; selections from the correspondence of John Franklin Jameson / ed. by E. Donnan, L. F. Stock. — Philadelphia : American philosophical Society, 1956. — 382 p.

8. *Bailey T. A.* The Friendly Rivals : Bemis and Bailey / T. A. Bailey // The SHAFR Newsletter. — 1979. — Vol. 10. — № 1. — Pp. 12—17.

9. *Bemis S. F.* A Clarifying Foreign Policy / S. F. Bemis // The Yale Review. — 1935. — Vol. XXV. — Pp. 221—240.

10. *Bemis S. F.* A diplomatic history of the United States / S. F. Bemis. — New York : Henry Holt and Company, 1936. — 881 p.

11. *Bemis S. F.* A Worcester County Student in Wartime London and Paris (via Harvard) : 1915—1916 / S. F. Bemis // The SHAFR Newsletter. — 1976. — Vol. 7. — № 4. — Pp. 1—11.

12. *Bemis S. F.* American Foreign Policy and the Blessings of Liberty / S. F. Bemis // The American Historical Review. — 1962. — Vol. 67. — № 2. — Pp. 291—305. — DOI: 10.2307/1843424.

13. *Bemis S. F.* British secret service and the French-American alliance / S. F. Bemis // The American historical review. — 1924. — Vol. 29. — № 3. — Pp. 474—495. — DOI: 10.2307/1836521.

14. *Bemis S. F.* Canada and the Peace Settlement of 1782—3 / S. F. Bemis // The Canadian Historical Review. — 1933. — Vol. 14. — № 3. — Pp. 265—284. — DOI: 10.3138/CHR-14-03-02.

15. *Bemis S. F.* Diplomacy of the American revolution / S. F. Bemis. — Magnolia : Peter Smith, 1957. — 293 p.

16. *Bemis S. F.* Expansion of the United States Southward. Master's thesis / S. F. Bemis. — Worcester : Clark University, 1913. — 211 p.

17. *Bemis S. F.* Fields for Research in the Diplomatic History of the United States to 1900 / S. F. Bemis // The American Historical Review. — 1930. — Vol. 36. — № 1. — Pp. 68—75. — DOI: 10.2307/1837627.

18. *Bemis S. F.* Jay's Treaty and the Northwest Boundary Gap / S. F. Bemis // The American historical review. — 1922. — Vol. 27. — № 3. — Pp. 465—484. — DOI: 10.2307/1837800.

19. *Bemis S. F.* Jay's treaty : a study in commerce and diplomacy / S. F. Bemis. — New York : Macmillan, 1923. — 388 p.

20. *Bemis S. F.* Pinckney's treaty : America's advantage from Europe's distress, 1783—1800 / S. F. Bemis. — Baltimore : John Hopkins Press, 1926. — 421 p.

21. *Bemis S. F.* Professor Channing and the West / S. F. Bemis // The Washington Historical Quarterly. — 1923a. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 37—39.

22. *Bemis S. F.* Relations between the Vermont separatists and Great Britain, 1789—1791 / S. F. Bemis // The American historical review. — 1916. — Vol. XXI. — № 3. — Pp. 547—560. — DOI: 10.2307/1835013.

23. *Bemis S. F.* Samuel Flagg Bemis at Harvard, 1913—1916 / S. F. Bemis // The SHAFR Newsletter. — 1976a. — Vol. 7. — № 3. — Pp. 3—12.

24. *Bemis S. F.* The history and diplomacy of the Jay Treaty, 1789—1794. PhD dissertation / S. F. Bemis. — Cambridge : Harvard University, 1916. — 325 p.

25. *Bemis S. F.* The Hussey-Cumberland Mission and American Independence : an Essay in the Diplomacy of the American Revolution / S. F. Bemis. — Princeton : University Press, 1931. — 195 p.

26. *Bemis S. F.* The United States and the Abortive Armed Neutrality of 1794 / S. F. Bemis // The American historical review. — 1918. — Vol. 24. — № 1. — Pp. 26—47. — DOI: 10.2307/1835391.

27. *Bemis S. F.* Washington's Farewell Address : A Foreign Policy of Independence / S. F. Bemis // American historical review. — 1934. — Vol. 39. — № 2. — Pp. 250—268. — DOI: 10.2307/1838722.

28. *Billington R. A.* Frederick Jackson Turner : historian, scholar, teacher / R. A. Billington. — New York : Oxford University Press, 1973. — 599 p. — ISBN 978-0-19-501609-3.

29. *Blakeslee G. H.* The history of the Anti-Masonic party. PhD dissertation / G. H. Blakeslee. — Cambridge : Harvard University, 1903. — 439 p.

30. *Bostert R. H.* Samuel Flagg Bemis / R. H. Bostert, J. A. DeNovo // Proceedings of the Massachusetts Historical Society. — 1973. — Vol. LXXXV. — Pp. 117—129.

31. *Brauer K.* The great American desert revisited : recent literature and prospects for the study of American foreign relations / K. Brauer // Paths to Power : The Historiography of American Foreign Relations to 1941 / ed. by Michael J. Hogan. — New York : Cambridge University Press, 2000. — Pp. 44—78. — ISBN 978-0-52-166413-4.

32. *Brookhiser R.* America's first dynasty : the Adamses, 1735—1918 / R. Brookhiser. — New York ; London ; Toronto : Free Press, 2003. — 245 p. — ISBN 978-0-74-324209-7.

33. *Channing E.* A History of the United States : in 6 vols. / E. Channing. — New York : Macmillan Co., 1907—1925.

34. *Combs J. A.* American diplomatic history : two centuries of changing interpretations / J. A. Combs. — Berkeley : University of California Press, 1986. — 431 p. — ISBN 978-0-52-004590-3.

35. *Committees for 1936* // Annual report of the American Historical Association for the years 1935 / American Historical Association. — Washington : United States Government printing office, 1936. — Pp. 191—195.

36. *Cozzens P.* The Contemporaneous FRUS, 1870—1905 / P. Cozzens, W. B. McAllister // Toward "thorough, accurate, and reliable" : a History of the Foreign relations of the United States series / ed. by William B. McAllister [et. al.]. — Washington : U.S. Department of State, Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, 2015. — Pp. 66—102. — ISBN 978-0-16-093212-0.

37. *Deconde A.* Historians, the War of American Independence, and the Persistence of the Exceptionalist Ideal / A. Deconde // The International History Review. — 1983. — Vol. 5. — № 3. — Pp. 399—430.

38. *Doctors* of philosophy and doctors of science : who have received their degree in course from Harvard University, 1873—1926, with the titles of their theses / (Harvard University). — Cambridge : Harvard University, 1926. — 199 p.

39. *Dull J. R.* A diplomatic history of the American Revolution / J. R. Dull. — New Haven : Yale University Press, 1985. — 229 p. — ISBN 0-300-03419-9.

40. *Dull J. R.* American foreign relations before the constitution : a historiographical wasteland / J. R. Dull // American foreign relations : a historiographical review / ed. by Gerald K. Haines, J. Samuel Walker. — Westport : Greenwood Press, 1981. — Pp. 3—16. — ISBN 978-0-31-321061-7.

41. *Ferrell R. H.* American diplomacy : a history / R. H. Ferrell. — New York : Norton, 1975. — 881 p. — ISBN 978-0-39-309309-4.

42. *Ferrell R. H.* Foundations of American diplomacy, 1775—1872 / R. H. Ferrell. — Columbia : University of South Carolina Press, 1968. — 284 p. — ISBN 978-0-87-249122-9.

43. *Fischer H. D.* American History Awards 1917—1991 : From Colonial Settlements to the Civil Rights Movements / H. D. Fischer. — Berlin / Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2017. — 436 p. — ISBN 978-3-11-097214-6.

44. *Fry J. A.* Some additional citations on the historiography of American foreign relations / J. A. Fry // The SHAFR Newsletter. — 1992. — Vol. 23. — Iss. 1. — Pp. 40—49.

45. *Fry J. A.* United States diplomacy : a bibliography of historiographical works / J. A. Fry // The SHAFR Newsletter. — 1989. — Vol. 19. — Iss. 3. — Pp. 17—35.

46. *Gilbert F.* To the farewell address : ideas of early American foreign policy / F. Gilbert. — Princeton : Princeton University Press, 1961. — 172 p.

47. *Goetzmann W.* Time's American adventures : American historians and their writing since 1776 / W. Goetzmann // Social science in America : the first two hundred years / Edited by Ch. M. Bonjean [et al.]. — Austin : University of Texas Press, 1976. — Pp. 3—48. — ISBN 978-0-29-277262-5.

48. *H. E. B.* The Association at Chattanooga / H. E. B // The American Historical Review. — 1936. — Vol. 41. — № 3. — Pp. 439—457. — DOI: 10.2307/1839863.

49. *Hart B.* Guide to the study and reading of American history / B. Hart, E. Channing, F. J. Turner. — Boston ; London : Ginn and Co., 1912. — 650 p.

50. *Hench J. B.* Samuel Flagg Bemis / J. B. Hench // The Proceedings of the American Antiquarian Society. — 1973. — Vol. 83. — Part 2. — Pp. 196—202.

51. *Hill P. P.* The Early National Period, 1775—1815 / P. P. Hill // A companion to American foreign relations / edited by R. D. Schulzinger. — Malden : Blackwell Pub., 2003. — Pp. 48—63. — ISBN 978-0-47-099903-5.

52. *Hunt M. H.* The Long Crisis in U.S. Diplomatic History : Coming to Closure / M. H. Hunt // Diplomatic History. — 1992. — Vol. 16. — № 1. — Pp. 115—140. — DOI: 10.1111/j.1467-7709.1992.tb00492.x.

53. *Jameson J. F.* The American Revolution considered as a social movement / J. F. Jameson. — Princeton : Princeton University Press, 1926. — 158 p.

54. *Joyce D. D.* Edward Channing and the Great Work / D. D. Joyce. — Dordrecht : Springer Netherlands, 1974. — 242 p. — ISBN 978-9-02-471634-0.

55. *Kaplan L. S.* The American Revolution in an International Perspective : Views from Bicentennial Symposia / L. S. Kaplan // The International History Review. — 1979. — Vol. 1. — № 3. — Pp. 408—426. — DOI: 40105022.

56. *Kaplan L. S.* The Treaty of Paris, 1783 : A Historiographical Challenge / L. S. Kaplan // The International History Review. — 1983. — Vol. 5. — № 3. — Pp. 431—442. — DOI: 40105317.

57. *Kauffman C. J.* Faith and fraternalism : the history of the Knights of Columbus, 1882—1982 / C. J. Kauffman. — New York : Harper & Row, 1982. — 512 p. — ISBN 978-0-06-014940-6.

58. *Kraus M.* The writing of American history / M. Kraus, D. D. Joyce. — Norman : University of Oklahoma Press, 1990. — 445 p. — ISBN 978-0-80-612234-2.

59. *Lycan G. L.* Alexander Hamilton and American foreign policy : A design for greatness / G. L. Lycan. — Norman : Univ. of Oklahoma Press, 1970. — 462 p. — ISBN 978-0-80-610880-3.

60. *Maier Ch. S.* Marking Time : The Historiography of International Relations / Ch. S. Maier // The Past Before Us : Contemporary Historical Writing in the United States / ed. by M. Kammen. — Ithaca : Cornell University Press for the American Historical Association, 1980. — Pp. 355—387. — ISBN 978-0-80-141224-0.

61. *Minutes* of the meeting of the council, December 27—28, 1935 // Annual report of the American Historical Association for the years 1935 / American Historical Association. — Washington : United States Government printing office, 1936. — Pp. 142—147.

62. *Minutes* of the meetings of the council, December 28 and 29, 1937 // Annual report of the American Historical Association for the years 1937 / American Historical Association. — Washington : United States Government printing office, 1938. — Pp. 8—12.

63. *Morison S. E.* Three Centuries of Harvard, 1636—1936 / S. E. Morison. — Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 1986. — 512 p. — ISBN 978-0-67-488891-3.

64. *Perkins B.* Early American Foreign Relations : Opportunities and Challenges / B. Perkins // Diplomatic History. — 1998. — Vol. 22. — № 1. — Pp. 115—120. — DOI: 10.1111/0145-2096.00105.

65. *Proceedings* of the forty-fourth annual meeting of the American Historical Association at Durham and Chapel Hill, N. C., December 30—31, 1929, and January 1, 1930 // Annual report of the American Historical Association for the years 1929 / American Historical Association. — Washington : United States Government printing office, 1930. — Pp. 27—104.

66. *Schlesinger A. M.* Introduction / A. M. Schlesinger // Jameson J. F. The American Revolution considered as a social movement. — Boston : Beacon Press, 1956. — Pp. vii—xii.

67. *Sioussat G. L.* Edward Channing : 1856—1931 / G. L. Sioussat // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. — 1931. — Vol. 55. — № 3. — Pp. 277—279.

68. *Smith G.* The Two Worlds of Samuel Flagg Bemis / G. Smith // Diplomatic History. — 1985. — Vol. 9. — № 4. — Pp. 295—302. — DOI: 10.1111/j.1467-7709.1985.tb00538.x.

69. *Stinchcombe W. C.* The American revolution and the French alliance / W. C. Stinchcombe. — Syracuse : Syracuse University Press, 1969. — 246 p. — ISBN 978-0-81-562134-8.

70. *The Cambridge* History of American Foreign Relations : in 4 vols. / Ed. by W. I. Cohen. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — Vol. 1 : The Creation of a Republican Empire, 1776—1865. — 254 p. — ISBN 978-0-52-138209-0.

71. *Vitalis R.* Birth of a discipline / R. Vitalis // Imperialism and Internationalism in the Discipline of International Relations / ed. by D. Long, B. C. Schmidt. — Albany : State University of New York Press, 2005. — Pp. 159—181. — ISBN 978-0-79-148393-0.

72. *Votes* passed by the executive committee in 1936 // Annual report of the American Historical Association for the years 1936 / American Historical Association. — Washington : United States Government printing office, 1937. — Pp. 3—8.

73. *Weeks W. E.* New directions in the study of early American foreign relations / W. E. Weeks // Paths to Power : The Historiography of American Foreign Relations to 1941 / ed. by M. J. Hogan. — New York : Cambridge University Press, 2000. — Pp. 8—43. — ISBN 978-0-52-166413-4.

74. *Year book :* 1923—1924 / Carnegie Institution of Washington. — Washington : Carnegie Institution of Washington, 1924. — 325 p.

75. *Year book : 1924—1925* / Carnegie Institution of Washington. — Washington : Carnegie Institution of Washington, 1925. — 392 p.

76. *Young A. F.* American Historians Confront "The Transforming Hand of Revolution" / A. F. Young // Whose revolution was it? : historians interpret the founding / ed. by A. F. Young, G. H. Nobles. — New York : New York University Press, 2011. — Pp. 13—133. — ISBN 978-0-81-479710-5.

References

Adams, H. B. (1887). *The study of history in American colleges and universities.* Washington: Government Printing Office. 299 p.

Bailey, T. A. The Friendly Rivals : Bemis and Bailey / T. A. Bailey // The SHAFR Newsletter. — 1979. — Vol. 10. — № 1. — Pp. 12—17.

Bemis, S. F. (1913). *Expansion of the United States Southward. Master's thesis.* Worcester: Clark University. 211 p.

Bemis, S. F. (1916). Relations between the Vermont separatists and Great Britain, 1789—1791. *The American historical review, XXI (3):* 547—560. DOI: 10.2307/1835013.

Bemis, S. F. (1916). *The history and diplomacy of the Jay Treaty, 1789—1794.* PhD Diss. Cambridge: Harvard University. 325 p.

Bemis, S. F. (1918). The United States and the Abortive Armed Neutrality of 1794. *The American historical review, 24 (1):* 26—47. DOI: 10.2307/1835391.

Bemis, S. F. (1922). Jay's Treaty and the Northwest Boundary Gap. *The American historical review, 27 (3):* 465—484. DOI: 10.2307/1837800.

Bemis, S. F. (1923). *Jay's treaty: a study in commerce and diplomacy.* New York: Macmillan. 388 p.

Bemis, S. F. (1923a). Professor Channing and the West. *The Washington Historical Quarterly, 14 (1):* 37—39.

Bemis, S. F. (1924). British secret service and the French-American alliance. *The American historical review, 29 (3):* 474—495. DOI: 10.2307/1836521.

Bemis, S. F. (1926). *Pinckney's treaty: America's advantage from Europe's distress, 1783—1800.* Baltimore: John Hopkins Press. 421 p.

Bemis, S. F. (1930). Fields for Research in the Diplomatic History of the United States to 1900. *The American Historical Review, 36 (1):* 68—75. DOI: 10.2307/1837627.

Bemis, S. F. (1931). *The Hussey-Cumberland Mission and American Independence: an Essay in the Diplomacy of the American Revolution.* Princeton: University Press. 195 p.

Bemis, S. F. (1933). Canada and the Peace Settlement of 1782—3. *The Canadian Historical Review, 14 (3):* 265—284. DOI: 10.3138/CHR-14-03-02.

Bemis, S. F. (1934). Washington's Farewell Address: A Foreign Policy of Independence. *American historical review, 39 (2):* 250—268. DOI: 10.2307/1838722.

Bemis, S. F. (1935). A Clarifying Foreign Policy. *The Yale Review, XXV:* 221—240.

Bemis, S. F. (1936). *A diplomatic history of the United States.* New York: Henry Holt and Company. 881 p.

Bemis, S. F. (1957). *Diplomacy of the American revolution.* Magnolia: Peter Smith. 293 p.

Bemis, S. F. (1962). American Foreign Policy and the Blessings of Liberty. *The American Historical Review, 67 (2):* 291—305. DOI: 10.2307/1843424.

Bemis, S. F. (1976). A Worcester County Student in Wartime London and Paris (via Harvard): 1915—1916. *The SHAFR Newsletter, 7 (4):* 1—11.

Bemis, S. F. (1976a). Samuel Flagg Bemis at Harvard, 1913—1916. *The SHAFR Newsletter, 7 (3):* 3—12.

Billington, R. A. (1973). *Frederick Jackson Turner: historian, scholar, teacher.* New York: Oxford University Press. 599 p. ISBN 978-0-19-501609-3.

Blakeslee, G. H. (1903). *The history of the Anti-Masonic party.* PhD Diss. Cambridge: Harvard University. 439 p.

Bostert, R. H., DeNovo, J. A. (1973). Samuel Flagg Bemis. *Proceedings of the Massachusetts Historical Society, LXXXV:* 117—129.

Brauer, K. (2000). The great American desert revisited: recent literature and prospects for the study of American foreign relations. *Paths to Power: The Historiography of American Foreign Relations to 1941.* New York: Cambridge University Press. 44—78. ISBN 978-0-52-166413-4.

Brookhiser, R. (2003). *America's first dynasty: the Adamses, 1735—1918.* New York; London; Toronto: Free Press. 245 p. ISBN 978-0-74-324209-7.

Channing, E. (1907—1925). *A History of the United States: in 6 volumes.* New York: Macmillan Co.

Cohen, W. I. (ed.). (1993). *The Cambridge History of American Foreign Relations: in 4 volumes, 1: The Creation of a Republican Empire, 1776—1865.* Cambridge: Cambridge University Press. 254 p. ISBN 978-0-52-138209-0.

Combs, J. A. (1986). *American diplomatic history: two centuries of changing interpretations.* Berkeley: University of California Press. 431 p. ISBN 978-0-52-004590-3.

Committees for 1936. In: *Annual report of the American Historical Association for the years 1935 / American Historical Association.* (1936). Washington: United States Government printing office. 191—195.

Cozzens, P., McAllister, W. B. (2015). The Contemporaneous FRUS, 1870—1905. In: *Toward "thorough, accurate, and reliable": a History of the Foreign relations of the United States series.* Washington: U.S. Department of State, Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. 66—102. ISBN 978-0-16-093212-0.

Deconde, A. (1983). Historians, the War of American Independence, and the Persistence of the Exceptionalist Ideal. *The International History Review, 5 (3):* 399—430.

Doctors of philosophy and doctors of science: who have received their degree in course from Harvard University, 1873—1926, with the titles of their theses / (Harvard University). (1926). Cambridge: Harvard University. 199 p.

Donnan, E., Stock, L. F. (ed.). (1956). *An historian's world; selections from the correspondence of John Franklin Jameson.* Philadelphia: American philosophical Society. 382 p.

Dorofeev, D. V. (2021). The genesis of US foreign policy: the origin of the historiography of the topic, 1610—1820-ies. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The series "Historical Sciences", 7 (73) / 2:* 81—93. DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-81-93. (In Russ.).

Dorofeev, D. V. (2021a). The genesis of US foreign policy: the approach of public opinion T. E. Bailey. *Modern Science: actual problems of theory and practice. The series "Humanities", 5:* 6—11. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.05.12. (In Russ.).

Dull, J. R. (1981). American foreign relations before the constitution: a historiographical wasteland. *American foreign relations: a historiographical review.* Westport: Greenwood Press. 3—16. ISBN 978-0-31-321061-7.

Dull, J. R. (1985). *A diplomatic history of the American Revolution.* New Haven: Yale University Press. 229 p. ISBN 0-300-03419-9.

Ferrell, R. H. (1968). *Foundations of American diplomacy, 1775—1872.* Columbia: University of South Carolina Press. 284 p. ISBN 978-0-87-249122-9.

Ferrell, R. H. (1975). *American diplomacy: a history.* New York: Norton. 881 p. ISBN 978-0-39-309309-4.

Fischer, H. D. (2017). *American History Awards 1917—1991: From Colonial Settlements to the Civil Rights Movements.* Berlin / Boston: Walter de Gruyter GmbH. 436 p. ISBN 978-3-11-097214-6.

Fry, J. A. (1989). United States diplomacy: a bibliography of historiographical works. *The SHAFR Newsletter, 19 (3):* 17—35.

Fry, J. A. (1992). Some additional citations on the historiography of American foreign relations. *The SHAFR Newsletter, 23 (1):* 40—49.

Gilbert, F. (1961). *To the farewell address: ideas of early American foreign policy.* Princeton: Princeton University Press. 172 p.

Goetzmann, W. (1976). Time's American adventures: American historians and their writing since 1776. In: *Social science in America: the first two hundred years.* Austin: University of Texas Press. 3—48. ISBN 978-0-29-277262-5.

Hart, B., Channing, E., Turner, F. J. (1912). *Guide to the study and reading of American history.* Boston; London: Ginn and Co. 650 p.

H. E. B. (1936). The Association at Chattanooga. *The American Historical Review, 41 (3):* 439—457. DOI: 10.2307/1839863.

Hench, J. B. (1973). Samuel Flagg Bemis. *The Proceedings of the American Antiquarian Society, 83 (2):* 196—202.

Hill, P. P. (2003). The Early National Period, 1775—1815. In: *A companion to American foreign relations.* Malden: Blackwell Pub. 48—63. ISBN 978-0-47-099903-5.

Hunt, M. H. (1992). The Long Crisis in U.S. Diplomatic History: Coming to Closure. *Diplomatic History, 16 (1):* 115—140. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1992.tb00492.x.

Jameson, J. F. (1926). *The American Revolution considered as a social movement.* Princeton: Princeton University Press. 158 p.

Joyce, D. D. (1974). *Edward Channing and the Great Work.* Dordrecht: Springer Netherlands. 242 p. ISBN 978-9-02-471634-0.

Kaplan, L. S. (1979). The American Revolution in an International Perspective: Views from Bicentennial Symposia. *The International History Review, 1 (3):* 408—426. DOI: 40105022.

Kaplan, L. S. (1983). The Treaty of Paris, 1783: A Historiographical Challenge. *The International History Review, 5 (3):* 431—442. DOI: 40105317.

Kauffman, C. J. (1982). *Faith and fraternalism: the history of the Knights of Columbus, 1882—1982.* New York: Harper & Row. 512 p. ISBN 978-0-06-014940-6.

Krasnov, N. A. (2000). *USA and France: diplomatic relations, 1775—1801.* Moscow: PAIMS. 424 p. ISBN 5-89574-102-9. (In Russ.).

Kraus, M., Joyce, D. D. (1990). *The writing of American history.* Norman: University of Oklahoma Press. 445 p. ISBN 978-0-80-612234-2.

Lycan, G. L. (1970). *Alexander Hamilton and American foreign policy: A design for greatness.* Norman: Univ. of Oklahoma Press. 462 p. ISBN 978-0-80-610880-3.

Maier, Ch. S. (1980). Marking Time: The Historiography of International Relations. In: *The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States.* Ithaca: Cornell University Press for the American Historical Association. 355—387. ISBN 978-0-80-141224-0.

Minutes of the meeting of the council, December 27—28, 1935. In: *Annual report of the American Historical Association for the years 1935 / American Historical Association.* (1936). Washington: United States Government printing office. 142—147.

Minutes of the meetings of the council, December 28 and 29, 1937. In: *Annual report of the American Historical Association for the years 1937 / American Historical Association. (1938).* Washington: United States Government printing office. 8—12.

Morison, S. E. (1986). *Three Centuries of Harvard, 1636—1936.* Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press. 512 p. ISBN 978-0-67-488891-3.

Perkins, B. (1998). Early American Foreign Relations: Opportunities and Challenges. *Diplomatic History, 22 (1):* 115—120. DOI: 10.1111/0145-2096.00105.

Pleshkov, V. N., Fursenko, A. A. (1994). Diplomacy of the American Revolution. In: *The History of US Foreign Policy and Diplomacy, 1775—1877.* Moscow: International Relations. 11—46. ISBN 5-71330-702-6. (In Russ.).

Proceedings of the forty-fourth annual meeting of the American Historical Association at Durham and Chapel Hill, N. C., December 30—31, 1929, and January 1, 1930. In: *Annual report of the American Historical Association for the years 1929 / American Historical Association.* (1930). Washington: United States Government printing office. 27—104.

Schlesinger, A. M. (1956). Introduction. In: Jameson J. F. *The American Revolution considered as a social movement.* Boston: Beacon Press. vii—xii.

Sioussat, G. L. (1931). Edward Channing: 1856—1931. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography, 55 (3):* 277—279.

Smith, G. (1985). The Two Worlds of Samuel Flagg Bemis. *Diplomatic History, 9 (4):* 295—302. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1985.tb00538.x.

Stinchcombe, W. C. (1969). *The American revolution and the French alliance.* Syracuse: Syracuse University Press. 246 p. ISBN 978-0-81-562134-8.

Troyanovskaya, M. O. (2010). *Discussions on foreign policy in the USA (1776—1823).* Moscow: Publishing House "The Whole world". 328 p. ISBN 978-5-7777-04955. (In Russ.).

Vitalis, R. (2005). Birth of a discipline. In: *Imperialism and Internationalism in the Discipline of International Relations.* Albany: State University of New York Press. 159—181. ISBN 978-0-79-148393-0.

Votes passed by the executive committee in 1936. In: *Annual report of the American Historical Association for the years 1936 / American Historical Association.* (1937). Washington: United States Government printing office. 3—8.

Weeks, W. E. (2000). New directions in the study of early American foreign relations. In: *Paths to Power: The Historiography of American Foreign Relations to 1941.* New York: Cambridge University Press. 8—43. ISBN 978-0-52-166413-4.

Year book: 1923—1924 / Carnegie Institution of Washington. (1924). Washington: Carnegie Institution of Washington. 325 p.

Year book: 1924—1925 / Carnegie Institution of Washington. (1925). Washington: Carnegie Institution of Washington. 392 p.

Young, A. F. (2011). American Historians Confront "The Transforming Hand of Revolution". In: *Whose revolution was it?: historians interpret the founding.* New York: New York University Press. 13—133. ISBN 978-0-81-479710-5.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021,
одобрена после рецензирования 21.01.2022,
подготовлена к публикации 17.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Жерлицына Н. А. Радикализация колониальных методов Франции и Испании во время войны с Республикой Риф (1921—1926) / Н. А. Жерлицына // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 419—436. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-419-436.

Zherlitsina, N. A. (2022). Radicalization of French and Spanish Colonial Methods during War with Rif Republic (1921—1926). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 419-436. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-419-436. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-419-436

Радикализация колониальных методов Франции и Испании во время войны с Республикой Риф (1921—1926)

Жерлицына Наталья Александровна
orcid.org/0000-0001-8647-9419
кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник
ns_inafr@mail.ru

Институт Африки
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Radicalization of French and Spanish Colonial Methods during War with Rif Republic (1921—1926)

Natalia A. Zherlitsina
orcid.org/0000-0001-8647-9419
PhD in History
Leading Researcher
ns_inafr@mail.ru

Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Жерлицына Н. А., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос трансформации колониальных стратегий Франции и Испании по отношению к Марокко с началом войны в Республике Риф. Проводится сопоставительный анализ колониальной политики двух европейских метрополий до начала восстания рифских племен и в период Рифской войны. Утверждается, что эта война по своей продолжительности, масштабу и международному резонансу поставила под сомнение всю колониальную систему и создала опасный прецедент. Проанализированы разногласия внутри властных элит метрополий между сторонниками гибких дипломатических методов колонизации и поборниками прямого военного решения. Новизна данного исследования видится в том, что победа военного лобби во Франции и Испании означала радикализацию методов «умиротворения», применяемых к местному населению. Использование современного оружия и авиации, подразумевавшее массовое истребление местного населения, предвосхитило методы Второй мировой войны. Автор приходит к выводу, что наиболее глубокое влияние война в Рифе оказала на политическое развитие Испании, во многом предопределив установление через десять лет военно-националистической диктатуры.

Ключевые слова:
протекторат Марокко; Франция; Испания; колониализм; антиколониальная война; Абд аль-Крим; Республика Риф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the transformation of the colonial strategies of France and Spain in relation to Morocco with the beginning of the war in the Rif Republic is considered. A comparative analysis of the colonial policy of the two European metropolises before the start of the revolt of the Rif tribes and during the Rif War is carried out. It is argued that this war, in its duration, scale and international resonance, called into question the entire colonial system and created a dangerous precedent. Disagreements within the power elites of the metropolises between supporters of flexible diplomatic methods of colonization and advocates of a direct military solution are analyzed. The novelty of this study is seen in the fact that the victory of the military lobby in France and Spain meant the radicalization of the methods of “conciliation” applied to the local population. The use of modern weapons and aircraft, which meant the mass extermination of the local population, anticipated the methods of the Second World War. The author comes to the conclusion that the war in the Rif had the most profound impact on the political development of Spain, largely predetermining the establishment of a military-nationalist dictatorship ten years later.

Key words:
protectorate of Morocco; France; Spain; colonialism; anti-colonial war; Abd al-Krim; Rif Republic.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:325.36(64)“1921/1926”+94(44).083+94(460).087

Радикализация колониальных методов Франции и Испании во время войны с Республикой Риф (1921—1926)

© Жерлицына Н. А., 2022

1. Введение = Introduction

Восстание рифских племен против испанского протектората под руководством Абд аль-Крима и последовавшая франко-испанская агрессия против Республики Риф занимают особое место в истории освободительного движения арабских народов. Во многом деятельность Абд аль-Крима по созданию независимого государства в Рифе опередила свое время: он выступал не только в традиционной для мусульманского мира роли руководителя священной войны против неверных, но как современный политический лидер, который расширил свои амбиции до национальной идеи и международных связей. Поддержка, которую ему оказывали в исламском мире, либералы в Европе и международное коммунистическое движение, сделала Абд аль-Крима фигурой международного масштаба. Война в Рифе по своей продолжительности, масштабу и международному резонансу поставила под сомнение всю колониальную систему и создала опасный прецедент. Поэтому изучение реакции двух европейских колонизаторов Марокко — Франции и Испании — является важной научной задачей.

Источниками для данного исследования послужили мемуары двух генералов войны в Рифе — француза Буасаюта и испанца Годеда, мемуары Абд аль-Крима и опубликованная в 1927 году книга британского корреспондента «Таймс» Уолтера Харриса, работавшего в Марокко во время Рифской войны. В статье использованы публикации французской и английской прессы того периода и опубликованные архивные документы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Общие труды по истории войны между Республикой Риф и европейскими метрополиями публиковались советскими [Луцкая, 1951, 1973] и французскими, английскими и американскими учеными в 1960—1990-е годы [Ayache, 1974, 1996; Chandler, 1975; Fleming, 1977; Furneaux 1967; Pennell, 1992; Woolman, 1968]. Различные аспекты данной проблемы получили освещение в более поздних трудах 2000—2010-х годов. Так, С. Балфур, В. Боуэн и Д. Е. Алварес анализируют внутреннюю политику и колониальные устремления Испании [Balfour, 2002; Bowen et al., 2007]. Тума и Виллалонга Санчес в своих статьях исследуют взаимосвязь гражданской

CC BY

войны в Испании и войны в Рифе [Tuma, 2012; Villalonga Sánchez, 2010]. В данной статье представлены результаты сопоставительного анализа колониальной политики двух европейских метрополий до начала восстания рифских племен и в период Рифской войны.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Испанская стратегия по отношению к протекторату в Марокко до 1919 года

В результате колониального раздела европейскими государствами к началу 1920-х годов Марокко было поделено на неравные по размеру французскую и испанскую зоны. По договору 1912 года Испании досталась небольшая территория на севере — Риф, простирающийся от Атлантического океана до границы Алжира и от Средиземного моря на севере до реки Верга на юге [Official Documents, 1912, p. 116]. Испания получила свою долю в Марокко в результате международных переговоров, причем города-анклавы Сеута и Мелилья, завоеванные Испанией еще в период Реконкисты, не входили в состав протектората, поскольку считались суверенными территориями метрополии.

Колониальные амбиции Испании значительно уступали французским, испанские политические и военные элиты считали приоритетными внутренние вопросы, а отвлечение ресурсов на колониальные авантюры — непосильными для государства. За время присутствия в Марокко с 1912 по 1921 год испанская армия очень мало продвинулась за пределы нескольких прибрежных анклавов. Марокканские племена, издавна проживающие на этих территориях, не признавали верховенства испанской власти.

Понимая, что прямая конфронтация с местным населением потребует отвлечения больших ресурсов и может повлечь новые проблемы, испанское командование предпочитало политические средства. Пользуясь феодальной раздробленностью племен Рифа, испанцы покупали лояльность некоторых ключевых местных деятелей, глав племен и религиозных авторитетов, чтобы распространить испанское влияние вглубь территории [Chandler, 1975, p. 303]. Особым объектом интереса испанцев было племя Бени Урриагуэль, проживавшее в центральной части Рифа вдоль залива Альхусемас; это место, которое испанская армия планировала использовать в качестве плацдарма для будущего проникновения в богатые полезными ископаемыми внутренние районы страны. Среди авторитетных членов этого племени, сотрудничавших с испанцами, была и семья каида (религиозного судьи) из г. Аджджира Абд аль-Карима аль-Хаттаби. Один из сыновей каида — Мухаммад — несколькими годами позже получил известность как Абд аль-Крим, вождь восстания Рифа. Мухаммад закон-

CC BY

чил испанскую школу в Тетуане, а затем в течение нескольких лет работал в службе по делам коренных народов Испании [Civil-Military Relations, 2004, p. 205]. Однако к началу Первой мировой войны Мухаммад, вероятно, утратил все иллюзии, которые он когда-то питал в отношении Испании. После высказывания мыслей о необходимости освобождения Рифа от иностранного присутствия он был заключен в тюрьму в Мелилье. Выйдя оттуда в 1919 году, он вернулся в Аджджир и начал поднимать движение сопротивления.

3.2. Милитаризация испанского подхода к колонизации Марокко

В это же время, в 1919 году, назначение в восточную часть протектората получил генерал Мануэль Фернандес Сильвестре, твердый сторонник военного решения марокканского вопроса. Прибыв в Мелилью, он уже к февралю 1920 года собрал военные силы в количестве 27 500 человек для продвижения на запад [Balfour, 2002, p. 36]. Начало было относительно легким, и за несколько месяцев ему удалось удвоить территорию, находящуюся под контролем Испании. Однако продвижение вперед сделало его уязвимым с точки зрения логистики, и сопротивление усилилось [Berenguer Fusté, 1923, p. 236]. Столкнувшись с новым врагом, племена стремились преодолеть многовековую раздробленность и бороться за свою независимость. Такая ситуация была на руку Абд аль-Криму, и ему удалось сплотить ранее разрозненное сопротивление. После нескольких месяцев подготовки силы Рифа перешли в наступление и 17 июля 1921 года атаковали испанский гарнизон в Ануале, застигнув его защитников врасплох [Berenguer Fusté, 1923, p. 237]. Сильвестре пришел к выводу, что не сможет защитить Ануаль, и приказал начать полномасштабное отступление, которое превратилось в хаотичное бегство в Мелилью. Сам Сильвестре был убит, как и тысячи его солдат: по официальной версии — 13 192 и около 19 тыс. по оценкам независимых источников [Harris, 1927, p. 41]. Кроме того, испанцы потеряли 20 тыс. винтовок, 429 орудий. Фактически гарнизон Мелильи был уничтожен. Это стало настоящим унижением для Испании.

Абд аль-Крим оказался перед искушением захватить Мелилью, и только соображения международного порядка остановили его: такой шаг мог спровоцировать вмешательство других европейских держав от имени их граждан, которые там проживали. Вот что сам Абд аль-Крим говорит об этом в своих мемуарах: «Я не позволил занять Мелилью из боязни международных осложнений, и в этом я горько раскаиваюсь. Это была моя колоссальная ошибка» [Abdelkrim, 1927, p. 62]. Уже на этом раннем этапе вождь Рифа осознавал важность поддержания дружественных или, по крайней мере, нейтральных отношений с европейскими державами.

CC BY

В Испании весть о разгроме в Марокко вызвала разноречивую реакцию: некоторые политики требовали вообще покинуть Марокко [Аяш, 1982, с. 366]. Происходящее в Марокко действительно не было шуткой для Испании: в период с 1920 по 1923 год 12 тыс. испанцев погибли в Марокко на полях сражений, а также из-за сопутствующих бедствий, связанных с управлением и медицинским обслуживанием, поэтому эта война становилась все более непопулярной [Villalonga Sánchez, 2010, p. 63]. Власти протектората пытались найти политическое решение и предлагали Абд аль-Криму компромисс — частичную автономию Рифа. Однако он даже не ответил на это предложение. Унизительное положение, в котором оказалась Испания, подтолкнуло власти страны к военной реформе как в метрополии, так и в отношении Протектората. Военное ведомство получило 54 млн песет для создания резерва армии Африки в Аликанте и Альмерии [Tuma, 2012, p. 436]. Королевским указом от 18 января 1924 года было учреждено Управление Марокко, второй указ более тесно связывает Управление верховного комиссара с правительством Испании. На месте реорганизуются военные округа. Тогда численность войск составляла 270 тыс. человек, а весной они были усилены контингентом в 80 тыс. человек [Harris, 1927, p. 42].

3.3. Самопровозглашенная Республика Риф

В 1922—1923 годах вокруг Рифа сложилась тупиковая ситуация: и испанцы, и Риф занимались своими внутренними проблемами. Так, перед Абд аль-Кримом стояла задача организации нового независимого государства Риф, провозглашенного в конце января — начале февраля 1923 года. Сам Абд аль-Крим принес официальную присягу на верность в качестве эмира (главы) самопровозглашенной Республики Риф. Когда в январе 1923 года испанское правительство согласилось выкупить 396 испанских пленных, захваченных в битве при Ануале, за 4 млн песет, это не только значительно повысило престиж Абд аль-Крима, но и дало ему возможность оснастить армию современным оружием, которое ему продавали через частных торговых представителей Великобритания и Франция [Zakya, 1999, p. 54]. Абд аль-Крим обратился к Анкаре с просьбой прислать в Риф турецких военных инструкторов [Ayache, 1974, p. 187]. Абд Аль-Крим положил начало характерной для XX века тактике партизанской войны: используя небольшие группы, которые сегодня назвали бы командос, он предпочитал неожиданные или ночные атаки, засады и преследования.

На дипломатическом уровне Абд аль-Крим добился впечатляющих результатов: одно за другим племена переходят в лагерь Рифа и клянутся в верности Абд аль-Криму. Его влияние распространяется за пределы

CC BY

территории Испании на районы, закрепленные за Францией по договорам. Из французской резиденции в Марокко сообщалось: «Везде он посягает на наши права и знаменует собой снижение политического влияния, которое мы смогли завоевать» [Kœrner, 1992, p. 146]. Французские газеты обвиняли Германию в поддержке восстания в Рифе, сообщая, что представитель Абд аль-Крима работает в Берлине [Жерлицына, 2016, с. 14]. В прежде диких горах Рифа правительство Абд аль-Крима провело телефонные линии и установило военные посты. В Адждире, Таргуте и Бокое велось строительство посадочных площадок для аэропланов. В планах правительства самопровозглашенной республики значилось создание государственного банка Рифа [Moudden, 2004, p. 167].

Неспособность правительства Испании разрешить ситуацию в Марокко стала одной из причин политического кризиса в стране. В сентябре 1923 года генерал М. Примо де Ривера совершил государственный переворот и установил военную диктатуру. В отношении мятежного протектората новое правительство решило избрать путь переговоров, но Абд аль-Крим опять отказался от дипломатического пути. Вместо этого силы эмира пошли в наступление, вынудив генерала Примо де Риверу принять решение о частичном выводе войск с территорий южнее Тетуана. Отступление проводилось в два этапа в течение сентября — ноября 1924 года под личным руководством генерала [Fleming, 1977, p. 88]. Но этот частичный вывод войск ничего не решил, зимой 1925 года силы Рифа вновь были готовы атаковать испанские формирования, новая линия обороны которых была далека от того, чтобы выдержать натиск. К тому времени Ривера тайно планировал полный отказ от Марокко и роспуск протектората, хотя избегал заявлять об этом публично. Но неожиданно Испания была спасена от международного унижения новым поворотом событий в Марокко.

3.4. Отношение французских колониальных властей к событиям в Рифе

В течение пяти лет испано-рифского конфликта за ситуацией внимательно, но отстраненно следили с французской стороны Марокко. Французские официальные лица в Марокко не только не сочувствовали испанским коллегам, но и надеялись использовать данную ситуацию в своих интересах. Прогерманская позиция Испании во время Первой мировой войны была еще свежа во французской памяти, и зрелище ее унижения теми же силами, которые она когда-то пыталась обратить против них, рассматривалось как справедливое наказание. События 1921 года подтвердили предубеждения французов в отношении испанского стиля колонизации и укрепили их веру в превосходство их собственной системы. Презрение

CC BY

и раздражение, испытываемые генеральным резидентом Франции маршалом Ю. Лиотэ и его помощниками по отношению к своим испанским коллегам, были усилены дипломатическим спором между Францией и Испанией по поводу статуса международного города Танжер в начале 1920-х годов. Поскольку идея «полностью французского Марокко» не могла быть реализована дипломатически, Лиотэ призвал Париж инициировать некоторые односторонние изменения нечетко определенных границ между двумя зонами протектората. Не сумев достичь и этой цели, он прибегнул к единственному средству, которое еще оставалось в его власти, и заблокировал любые шансы на значимое сотрудничество с Испанией по проблеме Рифа. На первом этапе конфликта маршал относился к испано-рифскому противостоянию как к прекрасной возможности добиться от Испании компромисса по вопросу о Танжере и как к гарантии сдержанности со стороны Абд аль-Крима по отношению к Франции.

В 1921—1923 годах Лиотэ пытался обеспечить продолжение войны, не рискуя активным участием в ней Франции. Действия Абд аль-Крима устраивали французов, но только до тех пор, пока его успех ограничивался унижением Испании, а не полным ее поражением. Пока Испания оставалась активным противником, его самой большой заботой было избежать создания второго фронта [Furneaux, 1967, p. 162].

И все же это мирное сосуществование не могло продолжаться бесконечно. Растущая власть Абд аль-Крима усиливала опасения французов, что его антиколониальная деятельность начнет раскачивать ситуацию и на французской территории. Действительно, в 1924 году на границе двух протекторатов среди племен, населяющих северный берег реки Уэрги, появились вооруженные группы из Рифа [Miller, 2013, p. 49]. Граница в этом районе не была четко определена в 1912 году, поэтому и Франция, и Испания заявляли о своих правах на него, хотя ни одна из них не предприняла серьезных усилий для осуществления своих притязаний [Луцкая, 1973, с. 113—114]. Интерес Франции к этому району усиливался из-за связей с влиятельным местным марабутом из тариката Даркава Абд ар-Рахманом, старым союзником Франции [Дьяков, 2021].

Хотя хрупкий мир сохранялся еще почти год, события мая-июня 1924 года следует рассматривать как перелом в отношениях между французским протекторатом и рифским образованием: Лиотэ все больше убеждался в том, что военная конфронтация между Рифом и Францией неизбежна. Так, ежедневная английская газета «Tanger Gazette», издававшаяся в Марокко, 12 июня признала, что сторонникам Абд аль-Крима удалось сбить несколько испанских самолетов близ Дар-Кобы, а в статье от 19 июля говорилось: «К сожалению, больше нельзя было надеяться на быстрое и

CC BY

удовлетворительное урегулирование ситуации на западе Испанской зоны» [Tanger Gazette, 1924]. Началось наращивание французской военной силы вдоль р. Уэрги. Генеральный резидент оповестил Париж об эскалации напряжения на севере протектората. В своих донесениях военному ведомству и министру иностранных дел он рисовал угрожающую картину неподконтрольного мусульманского государства, создаваемого в Рифе, связанного с радикальными исламскими националистическими движениями по всей Северной Африке [Чикризова и др., 2020, с. 29]. Как писал Лиотэ, «Абд аль-Крим, опьяненный своим успехом, лелеял надежду выгнать нас из Марокко вслед за испанцами» [Kœrner, 1992, p. 151]. Генеральный резидент запросил у Парижа военное подкрепление, попросив направить девять пехотных батальонов, два кавалерийских эскадрона и три артиллерийские батареи [Harris, 1927, p. 68].

Абд аль-Крим также готовился к войне с Францией: в Рифе в течение нескольких месяцев укрепляли южные границы, складировали припасы и снаряжение. В целом силы, которыми располагал вождь Рифа, доходили до 75 тыс. бойцов [Ayache, 1996, p. 118].

3.5. Французские военные действия против Рифа

Силы Рифа перешли в наступление 12 апреля 1925 года, атаковав завию (обитель) тариката Даркава и вынудив этих союзников Франции искать спасения у французских военных. 18 апреля его бойцы вступили в бои с французским постами на первой линии обороны у р. Уэрги. Несколько постов были захвачены, в то время как другие были окружены и подверглись сильному обстрелу со стороны рифской артиллерии, что стало шоком для французских военных, которые до сих пор обладали монополией на использование артиллерии в Марокко.

Положение Франции усугублялось «неверностью» местных племен, ранее признававших власть метрополии. Теперь же, воодушевленные примером рифских собратьев, они вернулись к сопротивлению. Около 20 тыс. местных жителей присоединились к Абд аль-Криму, многие из них имели при себе французское оружие [Hoisington, 1995, p. 132]. Такое развитие событий было чревато опасностью нападений с тыла.

И только к началу июня 1925 года, когда в Марокко уже вовсю бушевала война, властные элиты в Париже осознали всю опасность происходившего и отреагировали на кризис. Он привлек широкое общественное внимание и вызвал жаркие парламентские дебаты. Спектр оценок варьировался очень широко: от призывов депутатов-коммунистов отказаться от протектората над Марокко и признать независимость Рифа до обвинений правых в неспособности правительства подавить восстание. Так, париж-

CC BY

ский журнал в статье «Битва за Риф» называл сложившуюся ситуацию угрожающей: «Восставшие оккупировали горы, угрожая оттуда всему богатому региону Гарб, где находятся фермы наших поселенцев…» [France-Maroc, 1925]. Позиция кабинета П. Пенлеве была ближе к правым: помимо приверженности защите прав Франции на Марокко, правительство было преисполнено решимости расширить свое участие в делах протектората. Эта новая фаза развития кризиса характеризовалась перемещением центра приема решений по Марокко в Париж и отстранением от этой функции генерального резидента Лиотэ, на которого частично возложили ответственность за трудности Франции в Северной Африке. О том, что ситуация была серьезной и могла выйти из-под контроля, свидетельствовал и генерал Буасают в своих воспоминаниях, он писал: «Летом 1925 года Алжир начал ощущать, как на него дует ветер из Марокко» [Général Boiciiut, 1937, p. 318].

10 июня премьер-министр Пенлеве вылетел в Марокко, где получил информацию из первых рук о ходе войны. Проведя в Марокко три дня, Пенлеве направился в Испанию, где уже начались переговоры в поисках скоординированных дипломатических и военных стратегий [Woolman, 1968, p. 181]. Таким образом, Франция отступила от прежней политики отказа от сотрудничества с Испанией, инициированной Лиотэ. Генерал Буасают отмечает, что именно личные контакты высших военных властей Испании и Франции заложили основу военного союза против Абд аль-Крима [Général Boiciiut, 1937, p. 322].

Французское правительство решило разделить военные и гражданские функции, выполняемые Лиотэ, назначив другого высокопоставленного офицера верховным главнокомандующим в Марокко, генерала С. Наулина. Передача управления операциями Наулину позволила Лиотэ сосредоточить внимание на долгосрочной стратегии конфликта в Рифе. Оставаясь убежденным сторонником «просвещенного» колониализма и уважительного отношения к местным традициям, он в своих донесениях в Париж настаивал на начале переговорного процесса и признании в некоторой степени самостоятельности Рифа [Орлов, 2019, с. 306]. По его мнению, кризис в Рифе мог и должен был решаться способом, совместимым с традиционными принципами колониальной политики, а не дорогостоящей военной кампанией в европейском стиле. Он писал: «Никто не сражается с Абд аль-Кримом так, как сражается с маршалом Гинденбургом (*видный немецкий командующий времен Первой мировой войны*)» [Pennell, 1982, p. 29]. Такая позиция совершенно диссонировала с настроениями в столице метрополии и лишь ускорила принятие кабинетом решения о замене генерального резидента в Марокко. 17 июля 1925 года для изучения ситуации в протек-

CC BY

торате Пенлеве направил в Марокко самого авторитетного военного Франции послевоенного периода, маршала Филиппа Петена. Этот влиятельный высший чин отвечал за формирование французской оборонной стратегии в 1920-е годы и в отношении происходящего в Марокко был сторонником быстрых и решительных военных мер, которые помогли бы избежать большего ущерба престижу Франции. Его прибытие в Марокко ознаменовало начало нового этапа в истории французского протектората.

3.6. Франко-испанская коалиция против Рифа

Первым практическим результатом пребывания Петена в Марокко стало удовлетворение просьбы о подкреплениях, которые бы позволили стабилизировать фронт и позволить начать французское контрнаступление. 36 батальонов, включая знаменитую Марокканскую дивизию, были выведены из Алжира и Рейнской области и отправлены в Марокко. Так, в Алжире для операций в Марокко был сформирован 19-й корпус, состоящий из 11-й дивизии и Марокканской дивизии. Командование корпусом было возложено на генерала Буасаюта [Général Boiciiut, 1937, p. 324]. Приказ Генерального штаба для генерала звучал так: нужно «прикрыть Алжир», то есть держать восточный фланг рифского фронта. В общем французы собрали 325 тыс. военнослужащих регулярных войск и 400 тыс. запасных частей, или 32 дивизии, с 60-ю генералами и во главе с маршалом Петеном. А также многочисленную артиллерию и 44 авиационных эскадрильи. Вместе с испанскими силами против рифов было выставлено 800 тыс. европейских военных с превосходящей огневой мощью и, прежде всего, владением воздухом [Bowen, Álvarez, 2007, p. 176].

Французское контрнаступление было запланировано на начало сентября. Петен предложил сосредоточить наступление на северном участке фронта в попытке привлечь сюда значительное количество рифских войск, что, в свою очередь, облегчило бы одновременную высадку испанских войск в заливе Альхусемас. Как только эта операция будет завершена, второй и основной удар будет нанесен в восточном секторе.

Тем временем испанские войска в районе г. Тетуана начали отвлекающие маневры, направленные на привлечение рифских сил в этот сектор и подальше от залива Альхусемас. Высадка в заливе началась 8 сентября и продолжалась, как и планировалось, несмотря на ожесточенное сопротивление рифов. Две недели спустя, 23 сентября, испанские войска взяли под контроль гору Мальмуси, с которой открывается вид на Аджджир [Rees, 2003, p. 654]. Абд эль-Крим был вынужден покинуть свою столицу и перебраться вглубь страны. Тем временем французы начали свое наступление и добились быстрых успехов. Массив Бибан был занят 15 сентября.

CC BY

3.7. Радикализация методов ведения колониальной войны в Рифе

Исход войны был, по существу, определен в сентябре 1925 года. Столкнувшийся с массированным наращиванием военной мощи двух своих врагов и оттесненный в глубь Рифа их общими маневрами, Абд аль-Крим больше не мог рассчитывать на выход из конфликта с той же позицией, которую он занимал в марте 1925 года. Он мог надеяться сохранить некоторые из своих ранних достижений, только вынудив своих противников к длительной, кровопролитной войне на истощение, которая оживила бы антивоенные движения в Париже и Мадриде, заставив правительства европейских держав пойти на компромисс.

Франко-испанская стратегия на 1926 год была разработана, чтобы избежать такого сценария. Петен и Примо де Ривера были нацелены на достижение быстрой и безоговорочной победы, хорошо зная, что общественное мнение в их странах не потерпит длительного пребывания столичных войск за границей. А для этого необходимо было действовать максимально жестко. Наступление союзников готовится, сопровождается и продолжается серией воздушных бомбардировок, направленных на то, чтобы открыто терроризировать население и уничтожить его ресурсы.

Успешное французское контрнаступление и высадка испанцев в Альхусемасе изменили ситуацию и значительно сузили его возможности. Именно при таких обстоятельствах Абд аль-Крим в конце концов сделал свое предложение о мире в марте 1926 года, приняв в принципе условия своих противников. Эта инициатива была встречена без особого энтузиазма в Париже и Мадриде, но оба правительства не могли отказаться от шага, который был совместим с их первоначальными предложениями. Таким образом, они объявили о своей готовности принять участие в мирных переговорах, но выдвинули множество условий, которые, как они надеялись, Абд аль-Крим отвергнет.

В дополнение к разоружению Рифа, освобождению всех заключенных и официальному признанию рифами суверенитета султана над ними, Франция и Испания также указали на необходимость экспатриации Абд аль-Крима за пределы Рифа. Это требование подкреплялось инсинуациями во французской прессе, так, журнал «Африк франсез» обвинил Абд аль-Крима в ведении антифранцузской пропаганды в Магрибе [L'Afrique française, 1926]. Хотя это условие ставило под сомнение его политическое будущее, Абд аль-Крим принял франко-испанские условия в качестве основы для обсуждения и направил своих делегатов для переговоров.

Переговоры и их преждевременное завершение хорошо отражают трансформацию, произошедшую во французской и испанской стратегии в Марокко. Обеспечив подавляющее превосходство над своим против-

CC BY

ником, военные ведомства обеих стран не имели стимула поддерживать умеренный подход. Испанское верховное командование стремилось отомстить за унижение при Ануале, а их французские коллеги рассматривали сепаратистское рифское образование в любой форме как потенциальную угрозу французскому правлению в Северной Африке. И Испания, и Франция согласились на проведение переговоров с Рифом скорее, чтобы угодить общественному мнению в своих странах, в которых были сильны лево-либеральные антиколониальные силы, сочувствовавшие борьбе Рифа [Луцкая, 1951, с. 139]. Но как только рифы дали повод прервать переговоры, испанцы и французы с облегчением возобновили военные действия.

Франко-испанское наступление началось 8 мая 1926 года. Испанцы направили против оборонительной линии Рифа три колонны элитных частей, оснащенных современным вооружением. Генерал Буасают описывает, что к этому моменту сотрудничество военных Франции и Испании еще более укрепилось. Так, «испанское верховное командование направило 22 мая сражающимся на передовой французским частям грузовики, груженные мукой и ячменем, а также санитарные машины для эвакуации раненых французов. Благодаря этой неоценимой помощи войска обладают достаточным запасом продовольствия, чтобы совершить последний рывок и 24 мая занять свою цель» [Général Boiciiut, 1937, p. 330].

Сопротивление рифов быстро рухнуло на всех фронтах. Генерал Буасают писал: «Военные действия, начатые 8 мая, за восемнадцать дней кампании привели к подавлению восстания Рифа… Благодаря плодотворному сотрудничеству наших армий мы завершили за две недели план действий, на которые нам отводилось два месяца» [Général Boiciiut, 1937, p. 333]. По мере того как военное поражение становилось неизбежным, скрытая внутренняя оппозиция Абд аль-Криму проявилась и угрожала прекратить его карьеру прежде, чем это смогут сделать его европейские противники. Двойное давление заставляло рифского лидера постоянно менять свое местонахождение. 26 мая он, наконец, подошел к французскому командиру, ближайшему к его укрытию, и сдался. Этот акт ознаменовал окончание войны. Что оставалось сделать, так это провести операции по зачистке изолированных очагов сопротивления, которые были завершены к середине июня 1926 года.

4. Заключение = Conclusions

Французы позаботились о личной безопасности Абд аль-Крима. Они отклонили испанские запросы об экстрадиции и вместо этого выслали его вместе с некоторыми членами его семьи и несколькими близкими помощниками на остров Реюньон, где он провел 22 года, прежде чем переехать в Египет. Там он провел последние годы своей жизни. Абд аль-Крим, и

CC BY

находясь в изгнании, и живя в последние годы в Египте, продолжал влиять на сознание арабов Северной Африки, став одной из символических фигур арабского национализма.

Таким образом, война в Рифе, несмотря на победу франко-испанской колониальной коалиции, стала знаковым событием, предваряющим грядущее через три десятилетия крушение колониальной системы. Раскол внутри властных элит метрополий между сторонниками гибких дипломатических методов колонизации и поборниками прямого военного решения влиял на процесс принятия решений и вносил противоречия в программу действий. Победа военного лобби для самой территории конфликта — в данном случае Рифа — означала радикализацию методов «умиротворения», применяемых к местному населению. Использование современного оружия и авиации, подразумевавшее массовое истребление местного населения, предвосхитило методы Второй мировой войны.

Для Испании, как более слабой из двух колониальных метрополий, испытание Рифом имело более глубокие исторические последствия. Через 2 года после позорного поражения при Ануале в Испании пала конституционная система и началось возрождение милитаризма. Ударные войска, прошедшие крещение Рифом, и их боевые офицеры, среди которых был и 30-летний Ф. Франко, сыграют через десять лет определяющую роль в националистическом восстании 1936 года и окончательной победе франкистов над республиканцами.

Источники

1. *Abdelkrim*. Mémoires d'Abd el Krim recueillis par J. Roger-Mathieu / Abdelkrim. — Paris : Librairie des Champs Elysées, 1927. — 243 p.

2. *Berenguer Fusté D*. Campañas en el Rif y Yebala 1921—1922. Notas y Documentos de mi Diario de Operaciones / D. Berenguer Fusté. — Madrid, Spain : Sucesores de R. Velasco, 1923. — 286 p.

3. *Général Boiciiut*. Campagne du Rif. 1925—1926. Officiers espagnols et Français au Maroc / Général Boiciiut // Revue des Deux Mondes. — 1937. — Vol. 41. — № 2. — Pp. 304—335.

4. *General Goded.* Marruecos. Las Etapas de la Pacificación / General Goded. — Madrid, Spain : Compañía Iberoamericana de Publicaciones, 1932. — 460 p.

5. *Harris W. B.* France, Spain and the Rif / W. B. Harris. — London : Arnold and Co, 1927. — 425 p.

6. *La bataille de Riff* // France-Maroc : revue mensuelle illustrée : [газета]. — 1925. — Aout. — № 105.

7. *La propaganda* d`Abd el Krim dans l`Afrique du Nord // L'Afrique françaice : [газета]. — 1926. — Janvier.

8. *Official* Documents and Treaty Between France and Spain Concerning Morocco // The American Journal of International Law. — 1912. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 116—120. — DOI: 10.2307/2212123.

9. Tanger Gazette. [газета]. — 1924. — 12, 19 July.

Литература

1. *Аяш Ж.* Очерки марокканской истории / Ж. Аяш. — Москва : Прогресс, 1982. — 382 с.

2. *Дьяков Н. Н.* Ислам в колониальной политике Франции : от истоков до Пятой республики / Н. Н. Дьяков // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2021. — Т. 12. — № 5 (103). — DOI: 10.18254/S207987840015901-0.

3. *Жерлицына Н. А.* «Защитник угнетенного Марокко» : освещение Рифской войны в Советском Союзе в 1920-х гг. / Н. А. Жерлицына // Вестник Томского государственного университета. Серия История. — 2016. — № 6 (44). — С. 11—17.

4. *Луцкая Н. С.* Борьба французских коммунистов против колониальной войны в Марокко (1925—1926 гг.) / Н. С. Луцкая // Вопросы истории. — 1951. — № 9. — С. 132—142.

5. *Луцкая Н. С.* Очерки новейшей истории Марокко / Н. С. Луцкая. — Москва : Наука, 1973. — 473 с.

6. *Орлов В. В.* Ислам в колониальной политике Л.-Ю. Лиотэ : опыт становления французского протектората в Марокко (1912—1925 гг.) / В. В. Орлов // Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика. ИСАА МГУ. — 2019. — С. 304—306.

7. *Чикризова О. С.* Шиизм в Марокко : историческое наследие и современность / О. С. Чикризова, Н. Н. Морозова // Азия и Африка сегодня. — 2020. — № 5. — С. 28—35. — DOI: 10.31857/S032150750009547-3.

8. *Ayache G.* La Guerre du Rif / G. Ayache. — Paris : France, L'Harmattan, 1996. — 257 p.

9. *Ayache G.* Les implications internationales de la guerre du Rif (1921—1926) / G. Ayache // Hespéris-Tamuda. — 1974. — Vol. XV. — Pp. 181—224.

10. *Balfour S.* Deadly Embrace : Morocco and the Road to the Spanish Civil War / S. Balfour. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2002. — 368 p. — ISBN 978-0199252961.

11. *Bowen W. H.* A Military History of Modern Spain. From Napoleonic Era to the International war on Terror / W. H. Bowen, J. E. Álvarez. — Westport, Ct : Praeger Security International, 2007. — 233 p. — ISBN 978-0275993573.

12. *Chandler J. A.* Spain and Her Moroccan Protectorate / J. A. Chandler // Journal of Contemporary History. — 1975. — Vol. 10. — № 2. — Pp. 301—322.

13. *Civil-Military* Relations in the Spanish Protectorate in Morocco : The Road to the Spanish Civil War, 1912—1936 // Armed Forces & Society. — 2004. — Vol. 30. — № 2. — Pp. 203—226. — DOI: 10.1177/0095327X0403000204.

14. *Fleming S. E.* Primo de Rivera and Spain's Moroccan Problem, 1923—1927 / S. E. Fleming, A. K. Fleming // Journal of Contemporary History. — 1977. — Vol. 12. — № 1. — Pp. 85—99.

15. *Furneaux R.* Abd el Krim, Emir of the Rif / R. Furneaux. — London : United Kingdom, Martin Secker & Warburg Ltd, 1967. — 253 p.

16. *Hoisington W. A.* Lyautey and the French Conquest of Morocco / W. A. Hoisington // Palgrave Macmillan. — New York : St. Martin's Press, 1995. — 292 p. — ISBN 978-0-312-12529-5.

17. *Kœrner F.* La guerre du Rif espagnol vue par la Direction des Affaires indigènes française (1921—1924) / F. Kœrner // Revue Historique. — 1992. — T. 287. — № 1 (581). — Pp. 141—156.

18. *Miller S. G.* France and Spain in Morocco. In : A History of Modern Morocco / S. G. Miller // Cambridge university press. — 2013. — Pp. 88—119. — DOI: 10.1017/CBO9781139045834.008.

19. *Moudden A.* Reforme par le bas : aux origines de la guerre populaire, La guerre de resistance de Muḥammad Ben ʿAbd Al-Karīm (1920—1926) / A. Moudden // Oriente Moderno. — 2004. — № 23 (84). — Pp. 165—174.

20. *Pennell C. R.* Ideology and Practical Politics. A Case Study of the Rif War in Morocco, 1921—1926 / C. R. Pennell // International Journal of Middle East Studies. — 1982. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 19—33.

21. *Rees T.* Between the Rock and a Hard Place : Spain's International Relations in the Twentieth and Twenty-first Centuries / T. Rees // Journal of Contemporary History. — 2003. — Vol. 38. — № 4. — Pp. 633—646.

22. *Tuma A. A.* Tangier, Spanish Morocco and Spain's civil war in Dutch diplomatic documents / A. A. Tuma // The Journal of North African Studies. — 2012. — Vol. 17. — № 3. — Pp. 433—453. — DOI: 10.1080/13629387.2012.655924.

23. *Villalonga Sánchez G.* Las Lecciones de la Pacificación del Protectorado Español de Marruecos : ¿Están Vigentes? / G. Villalonga Sánchez // Revista Ejército. — 2010. — № 830. — Pp. 62—71.

24. *Woolman D. S.* Rebels in the Rif. Abd el Krim and the Rif Rebellion / D. S. Woolman. — Stanford, CA : Stanford University Press, 1968. — 257 p.

25. *Zakya D.* Abdelkrim. Une Épopée d'Or et de Sang / D. Zakya. — Paris : France, Seguier, 1999. — 440 p.

Material resources

Abdelkrim. (1927). *Mémoires d'Abd el Krim recueillis par J. Roger-Mathieu.* Paris: Librairie des Champs Elysées. 243 p. (In Franc.).

Berenguer Fusté, D. (1923). *Campañas en el Rif y Yebala 1921—1922. Notas y Documentos de mi Diario de Operaciones.* Madrid, Spain: Sucesores de R. Velasco. 286 p. (In Spain.).

Général Boiciiut. (1937). Campagne du Rif. 1925—1926. Officiers espagnols et Français au Maroc. *Revue des Deux Mondes, 41 (2):* 304—335. (In Franc.).

General Goded. (1932). *Marruecos. Las Etapas de la Pacificación.* Madrid, Spain: Compañía Iberoamericana de Publicaciones. 460 p. (In Spain.).

Harris, W. B. (1927). *France, Spain and the Rif.* London: Arnold and Co. 425 p.

La bataille de Riff. (1925). *France-Maroc: revue mensuelle illustrée: [newspaper]. Aout, 105.* (In Franc.).

La propaganda d`Abd el Krim dans l`Afrique du Nord. (1926). *L'Afrique françaice: [newspaper]. Janvier.* (In Franc.).

Official Documents and Treaty Between France and Spain Concerning Morocco. (1912). *The American Journal of International Law, 6 (2):* 116—120. DOI: 10.2307/2212123.

Tanger Gazette. [newspaper], 12, 19 July. (1924).

References

Ayache, G. (1996). *La Guerre du Rif.* Paris: France, L'Harmattan. 257 p. (In Franc.).

Ayache, G. (1974). Les implications internationales de la guerre du Rif (1921—1926). *Hespéris-Tamuda, XV:* 181—224. (In Franc.).

Ayash, Zh. (1982). *Essays on Moroccan history.* Moscow: Progress. 382 p. (In Russ.).

Balfour, S. (2002). *Deadly Embrace: Morocco and the Road to the Spanish Civil War.* Oxford, New York: Oxford University Press. 368 p. ISBN 978-0199252961.

Bowen, W. H., Álvarez, J. E. (2007). *A Military History of Modern Spain. From Napoleonic Era to the International war on Terror.* Westport, Ct: Praeger Security International. 233 p. ISBN 978-0275993573.

Chandler, J. A. (1975). Spain and Her Moroccan Protectorate. *Journal of Contemporary History, 10 (2):* 301—322.

Chikrizova, O. S., Morozova, N. N. (2020). Shiism in Morocco: historical heritage and modernity. *Asia and Africa today, 5:* 28—35. DOI: 10.31857/S032150750009547-3. (In Russ.).

Civil-Military Relations in the Spanish Protectorate in Morocco: The Road to the Spanish Civil War, 1912—1936. (2004). *Armed Forces & Society, 30 (2):* 203—226. DOI: 10.1177/0095327X0403000204.

Dyakov, N. N. (2021). Islam in the colonial policy of France: from the origins to the Fifth Republic. *Electronic scientific and educational journal "History", 12 / 5 (103).* DOI: 10.18254/S207987840015901-0. (In Russ.).

Fleming, S. E., Fleming, A. K. (1977). Primo de Rivera and Spain's Moroccan Problem, 1923—1927. *Journal of Contemporary History, 12 (1):* 85—99.

Furneaux, R. (1967). *Abd el Krim, Emir of the Rif.* London: United Kingdom, Martin Secker & Warburg Ltd. 253 p. (In Turk.).

Hoisington, W. A. (1995). Lyautey and the French Conquest of Morocco. In: *Palgrave Macmillan.* New York: St. Martin's Press. 292 p. ISBN 978-0-312-12529-5.

Kœrner, F. (1992). La guerre du Rif espagnol vue par la Direction des Affaires indigènes française (1921—1924). *Revue Historique, 287 / 1 (581):* 141—156. (In Franc.).

Lutskaya, N. S. (1951). The struggle of the French Communists against the colonial war in Morocco (1925—1926). *Questions of history, 9:* 132—142. (In Russ.).

Lutsk, N. S. (1973). *Essays on the modern history of Morocco.* Moscow: Nauka. 473 p. (In Russ.).

Miller, S. G. (2013). France and Spain in Morocco. In: *A History of Modern Morocco. Cambridge university press.* 88—119. DOI: 10.1017/CBO9781139045834.008.

Moudden, A. (2004). Reforme par le bas: aux origines de la guerre populaire, La guerre de resistance de Muḥammad Ben ʿAbd Al-Karīm (1920—1926). *Oriente Moderno, 23 (84):* 165—174. (In Franc.).

Orlov, V. V. (2019). Islam in colonial policy L.-Y. Liote: the experience of the formation of the French protectorate in Morocco (1912—1925). In: *Lomonosov Readings. Oriental and African Studies. ISAA MSU.* 304—306. (In Russ.).

Pennell, C. R. (1982). Ideology and Practical Politics. A Case Study of the Rif War in Morocco, 1921—1926. *International Journal of Middle East Studies, 14 (1):* 19—33.

Rees, T. (2003). Between the Rock and a Hard Place: Spain's International Relations in the Twentieth and Twenty-first Centuries. *Journal of Contemporary History, 38 (4):* 633—646.

Tuma, A. A. (2012). Tangier, Spanish Morocco and Spain's civil war in Dutch diplomatic documents. *The Journal of North African Studies, 17 (3):* 433—453. DOI: 10.1080/13629387.2012.655924.

Villalonga Sánchez, G. (2010). Las Lecciones de la Pacificación del Protectorado Español de Marruecos: ¿Están Vigentes? *Revista Ejército, 830:* 62—71. (In Spain.).

Woolman, D. S. (1968). *Rebels in the Rif. Abd el Krim and the Rif Rebellion.* Stanford, CA: Stanford University Press. 257 p.

Zakya, D. (1999). *Abdelkrim. Une Épopée d'Or et de Sang.* Paris: France, Seguier. 440 p. (In Franc.).

Zherlitsyna, N. A. (2016). "Defender of oppressed Morocco": coverage of the Rif War in the Soviet Union in the 1920s. *Bulletin of Tomsk State University. History series, 6 (44):* 11—17. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.10.2021,
одобрена после рецензирования 12.01.2022,
подготовлена к публикации 15.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Корнилов А. А. Обсуждение палестино-израильского конфликта в комитете Британского Парламента по иностранным делам (2014 год) / А. А. Корнилов, Н. С. Лобанова, О. Р. Жерновая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 437—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-437-462.

Kornilov, A. A., Lobanova, N. S., Zhernovaya, O. R. (2022). Discussion of Palestinian-Israeli Conflict in British Parliament Foreign Affairs Committee (2014). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 437-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-437-462. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY LIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-437-462

Обсуждение палестино-израильского конфликта в комитете Британского Парламента по иностранным делам (2014 год)

Корнилов Александр Алексеевич
orcid.org/0000-0001-9139-3740
ResearcherID: AAG-5821-2019
доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории
kornilov@imomi.unn.ru

Лобанова Наталья Сергеевна
orcid.org/0000-0003-3184-3169
преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии
lobanova@imomi.unn.ru

Жерновая Оксана Романовна
orcid.org/0000-0001-7685-7025
кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой иностранных языков и лингвокультурологии
zhernovaya@imomi.unn.ru

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Discussion of Palestinian-Israeli Conflict in British Parliament Foreign Affairs Committee (2014)

Alexander A. Kornilov
orcid.org/0000-0001-9139-3740
ResearcherID: AAG-5821-2019
Doctor of History, Professor,
Head of the Department
of Foreign Regional Studies
and Local History
kornilov@imomi.unn.ru

Natalia S. Lobanova
orcid.org/0000-0003-3184-3169
Lecturer, Department of Foreign
Languages and Cultural Linguistics
lobanova@imomi.unn.ru

Oksana R. Zhernovaya
orcid.org/0000-0001-7685-7025
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign
Languages and Cultural Linguistics
zhernovaya@imomi.unn.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Корнилов А. А., Лобанова Н. С., Жерновая О. Р., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Авторы анализируют дебаты по проблеме ближневосточного урегулирования в комитете по иностранным делам Британского Парламента, состоявшиеся в связи с началом американской мирной инициативы 2013—14 годов. Дается общая характеристика обсуждению ближневосточной проблематики на заседаниях комитета в период правительственной каденции Д. Камерона (2010—2016 годы). Особое внимание уделяется позициям сторон конфликта, изложенным на заседании дипломатами Израиля и Палестины. Рассматриваются ключевые вопросы палестино-израильского противостояния: вопросы Постоянного статуса (границы, беженцы, израильские поселения, статус Иерусалима) и вопросы безопасности, обсуждавшиеся на проводимых под эгидой Дж. Керри переговорах. Доказано, что позиции конфликтующих сторон остались непримиримыми. Отмечается, что на данном историческом этапе ни одна из ведущих держав мира не обладала достаточным влиянием для эффективного и успешного урегулирования палестино-израильского конфликта. Новизна исследования состоит в том, что для анализа перспектив ближневосточного урегулирования впервые были введены в научный оборот документы Британского Парламента. Актуальность исследования обусловлена тем, что палестино-израильский конфликт остается источником напряженности на Ближнем Востоке, продолжая оказывать влияние на ситуацию в регионе и политику ведущих мировых держав.

Ключевые слова:
Великобритания; Британский Парламент; Ближний Восток; Израиль; Палестинская национальная администрация; палестинская проблема; ближневосточное урегулирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The authors analyze the debates on the problem of the Middle East settlement in the Foreign Affairs Committee of the British Parliament, which took place in connection with the start of the American peace initiative in 2013-14. A general description of the discussion of the Middle East issues at committee meetings during the government cadence of D. Cameron (2010-2016) is given. Particular attention is paid to the positions of the parties to the conflict, stated at the meeting by the diplomats of Israel and Palestine. The key issues of the Palestinian-Israeli confrontation are considered: issues of permanent status (borders, refugees, Israeli settlements, the status of Jerusalem) and security issues discussed at the negotiations held under the auspices of John Kerry. It is proved that the positions of the conflicting parties remained irreconcilable. It is noted that at this historical stage, none of the leading powers of the world had sufficient influence for an effective and successful settlement of the Palestinian-Israeli conflict. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the documents of the British Parliament were introduced into scientific circulation in order to analyze the prospects for a Middle East settlement. The relevance of the study is due to the fact that the Palestinian-Israeli conflict remains a source of tension in the Middle East, continuing to influence the situation in the region and the policies of the leading world powers.

Key words:
Great Britain; British Parliament; Middle East; Israel; Palestinian National Authority; Palestinian problem; Middle East settlement.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:328(410)“2014”+327(410):94(569.4)“2014”

Обсуждение палестино-израильского конфликта в комитете Британского Парламента по иностранным делам (2014 год)

© Корнилов А. А., Лобанова Н. С., Жерновая О. Р., 2022

1. Введение = Introduction

Данная статья является продолжением серии публикаций, посвященных работе комитета по иностранным делам Британского Парламента. Исследования предыдущих лет были посвящены различным аспектам деятельности комитета в период правления премьер-министра Д. Кэмерона (2010—2016 годы). Был изучен состав комитета, и выявлены приоритетные темы заседаний с ближневосточной повесткой дня [Корнилов и др., 2020]. Получила освещение иранская ядерная проблема и позиция Великобритании и ее ближневосточных союзников по переговорам с Ираном [Корнилов и др., 2021]. В данной статье авторы подробно остановятся на проблеме арабо-израильского урегулирования, особое внимание будет уделено попытке добиться прорыва на палестино-израильском треке в ходе американской мирной инициативы 2013—14 годов.

До сих пор период каденции правительства Д. Кэмерона (2010—2016 годы) остается неисследованным в той части, которая касается работы парламента в области внешней политики. В связи с этим приобретает актуальность проблема функционирования комитета по иностранным делам — ключевого подразделения Британского Парламента, ответственного за обсуждение и рекомендации кабинету министров в области осуществления ближневосточной политики и, в частности, палестино-израильского вектора этой политики.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что:

— в научный оборот на русском языке впервые вводятся оригинальные документы комитета по иностранным делам Британского Парламента периода 2010—2016 годов;

— настоящее исследование охватывает слабо изученный период внешней политики премьер-министра Д. Кэмерона в той ее части, которая касается парламентской работы;

— авторы используют материалы экспертно-аналитических учреждений Великобритании и других стран, которые делегировали своих представителей для научно-аналитического обеспечения работы профильного комитета парламента;

CC BY

— подробно освещаются позиции сторон конфликта, изложенные на заседаниях комитета дипломатами Израиля и Палестины.

Авторы следующим образом формулируют цель данного исследования — провести сопоставительный анализ деятельности комитета по иностранным делам, направленной на решение вопросов развития ближневосточного региона с акцентом на процессе урегулирования палестино-израильского конфликта. В данной статье авторы также постараются ответить вопрос, была ли Британия на данном историческом этапе способна оказать существенное влияние на процесс мирного урегулирования, обладала ли она достаточными рычагами влияния и политической волей для достижения мира на Ближнем Востоке.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой в процессе подготовки статьи послужили документы комитета по иностранным делам Британского Парламента, а также историография изучаемой проблемы.

Парламентские материалы представляют собой протоколы заседаний комитета по иностранным делам (minutes), доклады комитета (reports), информационно-справочные материалы, подготовленные исследовательской службой Британского Парламента, включающие в себя брифинги (research briefings) и материалы, готовящие депутатов к тематическим заседаниям (debate packs), а также устные и письменные показания приглашенных участников заседаний — представителей экспертного сообщества и правительственных министров (oral and written evidence). Указанные документы были выявлены авторами на портале парламента, главным образом на странице комитета по иностранным делам, классифицированы и введены в научный оборот.

В процессе написания статьи авторы обратились к исследованиям российских и зарубежных авторов. Данные труды представляют собой монографии, материалы конференций, научные статьи по тематике палестино-израильского конфликта и других важных международно-политических процессов в ближневосточном регионе. Для современного состояния научного осмысления вопроса ближневосточного урегулирования характерно изучение динамики отношений Израиля с соседними государствами: Турцией, Сирией, Египтом, Саудовской Аравией, Ираном и другими странами ближневосточного региона [Костенко, 2016; Купер, 2010; Пиляева, 2012; Сажин, 2021; Сулейманов, 2014; Bar-Joseph, 2004-5], обсуждение проблемы усиления влияния политического ислама в соседствующих с Израилем государствах [Костенко, 2016; Долгов, 2016; Степкин, 2015]. В ряде исследований предпринимается попытка обозначить пути урегулирования арабо-израильского конфликта и найти механизмы достижения мира на

CC BY

Святой Земле [Бакланов, 2009; Косач, 2007; Носенко, 2009; Sayigh, 2000-01], включая урегулирование вопроса статуса Иерусалима [Меламедов и др., 2005]. Ряд авторов анализируют позицию западных государств по вопросу ближневосточного урегулирования и влияние внерегиональных игроков, таких как США [Крылов и др., 2017; Gerges, 2013] и ЕС [Hollis, 2012; Kausch et al., 2009], на арабо-израильское противостояние. При этом несколько в стороне оставалась роль Великобритании и ее усилия по поддержке переговорного мирного процесса. Однако этой тематике также посвящен ряд работ [Карасев, 2012; Сухопарова, 2014; Hollis, 2016], что подтверждает актуальность нашего исследования.

В ходе исследования использовался сравнительно-исторический метод, который предполагает сопоставительный анализ содержания и результатов заседаний комитета по иностранным делам по различным проблемам Ближнего Востока и в разные периоды созыва заседаний. Авторы использовали также метод исторической индукции, согласно которому авторы собрали группу фактов, а именно исследовали парламентские события в 2010—2016 годах, и на основе этих фактов сделали необходимые обобщения и выводы. Использовался метод анализа и синтеза, благодаря которому анализ работы парламентского комитета позволил синтезировать сделанные выводы и прийти к выявлению закономерностей в деятельности комитета по иностранным делам, когда его заседания касались ближневосточной повестки дня.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблематика ближневосточного региона в деятельности парламентского комитета по иностранным делам (2010—2016 гг.): общая характеристика

Комитет по иностранным делам неоднократно обращался к теме арабо-израильского противостояния в период деятельности правительства Дэвида Кэмерона (2010—2016 годы). Этот период можно назвать временем устойчивой турбулентности и нестабильности на Ближнем Востоке, когда усилились позиции организаций политического ислама, а сложившаяся в регионе система баланса сил претерпела значительные трансформации. В этих условиях Израиль, находившийся вблизи от очагов конфронтации и нестабильности, «чувствовал себя крайне неуютно» [Пиляева, 2012, с. 28]. Необходимо отметить, что при рассмотрении ближневосточных дел парламентарии традиционно учитывали позицию Израиля, который являлся союзником Соединенного Королевства в регионе. Так, в ходе «Арабской весны», волны восстаний, прокатившейся по Ближнему Востоку и Северной Африке и приведшей к смене режимов в целом ряде государств, особую

CC BY

тревогу и опасения Израиля вызывали события, происходившие в Египте. Приход к власти «Братьев-мусульман»[1], выражавших открытую поддержку палестинцам и настроенных враждебно по отношению к Израилю, не мог не вызывать обеспокоенность Тель-Авива. В этой связи в докладе комитета по иностранным делам «Британская внешняя политика и Арабская весна», опубликованном в 2012 году, рассматривалось, помимо прочих вопросов, влияние событий «Арабской весны» на египетско-израильские отношения и безопасность в ближневосточном регионе.

В докладе отмечалось, что пришедшее к власти правительство заверило международное сообщество, что Египет будет придерживаться всех существующих соглашений, включая Кэмп-дэвидский мирный договор с Израилем 1979 года. Однако члены комитета выражали озабоченность по поводу публичных проявлений враждебности по отношению к Израилю. Враждебность проявилась в таких событиях, как штурм израильского посольства в Каире 10 сентября 2011 года после гибели пяти египетских пограничников на Синайском полуострове, голосование в парламенте Египта о высылке израильского посла в марте 2012 года, приостановка экспорта газа в Израиль [British …, p. 63]. Тем не менее эксперты, на мнение которых комитет ссылался в докладе, заверили парламентариев, что Египет был не заинтересован в развязывании войны с Израилем [British …, p. 64]. Более того, в докладе была отмечена позитивная роль Египта в урегулировании конфликта между Израилем и палестинскими организациями в секторе Газа: движением ХАМАС и группировкой «Исламский джихад»[2] в марте 2012 года. Все это позволяло в дальнейшем рассчитывать на вовлеченность Египта в мирный процесс [British …, p. 63].

Отношения между указанным палестинским движением и исламистскими организациями, чья деятельность представляла угрозу не только для Израиля, но и для Великобритании, были детально описаны в более позднем докладе комитета — «Политический ислам и деятельность движения Братья-мусульмане», увидевшем свет в 2016 году. Данный вопрос обсуждался комитетом по иностранным делам после проведения правительством Соединенного Королевства расследования в отношении деятельности этого движения, связи с которым были признаны возможным показателем экстремизма. Отметим, что некоторые выводы расследования были оспорены в докладе комитета. Согласно данным, представленным в докладе, организация ХАМАС являлась палестинской ветвью движения «Братья-мусульмане»[3], которое неоднократно и на всех уровнях поддерживало эту организацию,

1 Признана террористической организацией в России.
2 Признаны террористическими в ряде стран.
3 Признано террористической организацией в России.

CC BY

оправдывая акты экстремизма и атаки против Израиля. В то же время в докладе отмечалось, что действия данной организации в связи со значимостью и чувствительностью арабо-израильского конфликта поддерживали и другие организации региона [Political Islam …, p. 34]. В докладе также делался вывод о том, что это организация скорее националистического, чем исламистского толка, так как для палестинского общества, «объединенного идеей национального освобождения от израильской оккупации» [Степкин, 2015, с. 168], религиозная составляющая явно отходила на второй план. Представляется важным упомянуть, что ни ХАМАС, ни «Братья-мусульмане» не были включены в список запрещенных в Великобритании организаций, террористическим было признано лишь военное крыло ХАМАС.

Проблема арабо-израильского урегулирования также была затронута в докладах комитета по иностранным делам, посвященных отношениям Великобритании со странами ближневосточного региона, такими как Турция, Саудовская Аравия, Бахрейн. Так, в докладе «Британско-турецкие отношения и роль Турции в регионе», опубликованном в 2012 году, отношениям между Турцией и Израилем уделялось особое внимание. Согласно выводам доклада, Турция являлась для Великобритании более ценным партнером при хороших отношениях с Израилем [UK-Turkey …, p. 57]. В течение долгого времени «отношения Турции с Израилем являлись моделью сотрудничества между мусульманским и еврейским государствами» [Костенко, 2016, с. 136]. Являясь страной с преимущественно мусульманским населением, Турция могла оказать поддержку Израилю, выступая в роли посредника в переговорах с Сирией и другими арабскими странами, а благодаря членству в НАТО Турция осуществляла поставки вооружений в Израиль. Однако в мае 2010 года после инцидента с турецким кораблем «Мави Мармара», в ходе которого израильскими военными были убиты восемь турецких граждан и американский студент турецкого происхождения [The Gaza …, p. 4], отношения между Израилем и Турцией подверглись пересмотру, дипломатические контакты между странами были свернуты.

Как отмечалось в докладе комитета, немаловажную роль в ухудшении отношений сыграло турецкое общественное мнение [UK-Turkey …, p. 56], которое серьезным образом влияло и на позицию Турции по палестино-израильскому урегулированию. Турецкое общество всегда выражало солидарность с палестинским народом, осуждало применение силы против палестинцев, блокаду сектора Газа [UK-Turkey …, p. 47]. После инцидента с «Мави Мармара» «пропалестинская позиция Анкары … еще более укрепилась» [Сулейманов, 2014, с. 168].

Начавшийся в марте 2011 года сирийский кризис в период правления Д. Кэмерона сыграл дестабилизирующую роль в ближневосточном реги-

CC BY

оне. Со временем он приобрел характер глобального конфликта, в котором столкнулись интересы как региональных сил, так и великих держав [Долгов, 2016, с. 81]. Активная поддержка вооруженных антиправительственных группировок из-за рубежа являлась характерной чертой этого конфликта. В данном конфликте «Великобритания также заняла сторону оппозиции» [Сухопарова, 2014]. Британское правительство осуждало действия режима Б. Асада, а премьер-министр Д. Кэмерон неоднократно призывал к проведению военной операции в Сирии. В Британском парламенте в августе 2013 года и в декабре 2015 года проводилось голосование по использованию вооруженных сил Соединенного Королевства на территории Сирийской Арабской Республики, причем в 2013 году парламент заблокировал участие британского воинского контингента в военной операции против режима Б. Асада [Strong, 2014, p. 604].

В декабре 2013 года комитет по иностранным делам счел необходимым обсудить кризис в Сирии и то, как соседние страны, включая Израиль, влияли на динамику конфликта. В ходе заседания, проведенного комитетом 10 декабря 2013 года, эксперты сообщили депутатам, что роль Израиля в сирийском конфликте по сравнению с другими региональными игроками (Турцией, Катаром, Саудовской Аравией и Ираном) была минимальной. Израиль наносил точечные удары по целям в Сирии в случае передачи воюющим сторонам современного вооружения. В то же время представители академических кругов отмечали, что Израиль был заинтересован в сохранении такого положения дел, при котором ни одна из враждующих сторон не могла добиться превосходства, так как это ослабляло его многочисленных противников [Oral evidence …, p. 16].

В 2011 году вновь обострилась иранская ядерная проблема, которая во время правления Д. Кэмерона стала «одним из главных объектов мировой политики» [Сажин, 2012, с. 92]. После публикации доклада МАГАТЭ, раскрывшего военную составляющую ядерной программы Ирана, страны Запада, включая Великобританию, ввели жесткие финансово-экономические санкции против ИРИ, а их союзники в регионе — Израиль и Саудовская Аравия — потребовали ограничить ядерную программу Тегерана [UK policy …, p. 12]. В 2012 году возобновился переговорный процесс между Ираном и «шестеркой» международных посредников. Целью переговоров было заключение сделки с Ираном, которая позволила бы предотвратить создание Исламской Республикой Иран ядерного оружия и избежать еще одной войны в ближневосточном регионе.

Комитет по иностранным делам рассматривал иранский вопрос в феврале 2013 года, в период активизации переговоров по иранской ядерной программе (подробнее см. [Корнилов и др., 2021]), и в январе-марте

CC BY

2014 года после прорыва, достигнутого на переговорах в Женеве, где был подписан Совместный план действий. В докладе комитета «Политика Соединенного Королевства в отношении Ирана», опубликованном в 2014 году, была дана оценка достигнутым договоренностям, обсуждались перспективы заключения всеобъемлющего соглашения, а также позиции ближневосточных союзников Великобритании. Так, в докладе отмечалось, что Израиль выступал против заключения сделки с Ираном, «идеологически приверженным ликвидации государства Израиль» [UK policy …, p. 12]. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху назвал соглашение «исторической ошибкой» [Iran …]. В Тель-Авиве осознавали, что в случае обретения Ираном ядерного оружия Израиль впервые со времен Войны за независимость 1948 года столкнулся бы с «экзистенциальной угрозой» [Bar-Joseph, 2004-05, p. 137]. Противостоять этой угрозе Израиль был готов любыми способами. В частности, в докладе речь шла о возможных односторонних попытках Израиля уничтожить ядерные объекты Ирана в случае провала переговоров, а также о сообщениях в СМИ об убийствах иранских физиков-ядерщиков и использовании вируса Stuxnet для вывода из строя центрифуг на заводе в Натанзе [UK policy …, p. 41]. В этой связи комитет по иностранным делам рекомендовал обсудить соглашение с британскими союзниками (Израилем, Саудовской Аравией, странами Персидского залива) и заверить их в том, что их интересы будут учтены при заключении сделки [UK policy …, p. 21].

Особую обеспокоенность Израиля вызывала деятельность Ирана по подготовке, поддержке и финансированию организаций экстремистского толка, включая возможную поддержку исламских фундаменталистов в Газе [Oral Evidence …, p. 15]. Согласно данным доклада, Иран открыто поддерживал и финансировал такие организации, как Хезболла в Ливане и ХАМАС в секторе Газа и на Западном берегу [UK policy …, p. 12]. Следует упомянуть, что Иран был противником ведения переговоров между палестинцами и израильтянами, так как считал их неэффективными. Решение палестинского вопроса руководители Ирана видели в проведении референдума, на котором все жители Палестины, мусульмане, христиане и иудеи, а также палестинские беженцы могли бы решить судьбу палестинского государства [Каким …, 2019]. Этот проект, который, по сути, подразумевал уничтожение Государства Израиль [Сажин, 2021], не был принят ни Израилем, ни большинством стран международного сообщества.

В отличие от Ирана Саудовская Аравия признавалась Великобританией одним из важнейших партнеров в ближневосточном урегулировании. В докладе комитета по иностранным делам «Отношения Соединенного Королевства с Саудовской Аравией и Бахрейном», написанном в 2013 году,

CC BY

подчеркивалось, что Саудовская Аравия являлась лидером в регионе, обладала значительным богатством, а также пользовалась авторитетом в религиозных вопросах [The UK's …, p. 55]. Региональное влияние Саудовской Аравии было упрочено благодаря Арабской мирной инициативе, представленной наследным принцем, королем Абдаллой бен Абдель Азизом. Эта инициатива, провозглашенная в Бейруте в 2002 году и возобновленная в ходе Эр-Риядского саммита в 2007 году, получила международную поддержку, в том числе она была поддержана ближневосточным квартетом (ООН, США, ЕС и Россия) и Организацией исламского сотрудничества. Напомним, что Арабская мирная инициатива заявляла о готовности арабских стран нормализовать отношения с Израилем в обмен на его уход со всех арабских территорий, оккупированных с июня 1967 года, признание независимого государства Палестина со столицей в Восточном Иерусалиме и справедливое урегулирование проблемы палестинских беженцев. В этом случае арабо-израильский конфликт считался бы завершенным [Arab …, 2002]. В докладе комитета Арабская мирная инициатива, «направленная на всеобъемлющее решение ближневосточного конфликта» [Косач, 2007], была названа основой обсуждавшейся в 2013—14 годы мирной инициативы Вашингтона [The UK's …, p. 55].

В 2013—2014 годах международным сообществом была предпринята попытка добиться прорыва в урегулировании палестино-израильского конфликта. Очередные переговоры между Израилем и палестинцами, проходившие при посредничестве Соединенных Штатов, начались в июле 2013 года и должны были продлиться до конца апреля 2014 года. В результате переговоров стороны рассчитывали подписать соглашение о Постоянном статусе и образовании реального, в четких территориальных границах государства Палестина. Ожидалось, что администрации США удастся добиться дипломатического прорыва после того, как госсекретарь Джон Керри в январе 2014 года представит план урегулирования на основе границ 1967 года и обмена территориями. Так называемый «план Керри» должен был обратиться к вопросам установления мира в ближневосточном регионе, учесть требования Арабской мирной инициативы и предложить программу развития палестинской экономики [Крылов и др., 2017, с. 105]. Инициатива мирного урегулирования была поддержана Великобританией и ЕС.

3.2. Повестка дня и участники заседания 14 января

Центральным и субстантивным стало заседание комитета по иностранным делам, посвященное палестино-израильскому конфликту, которое состоялось 14 января 2014 года. Открыл заседание председатель комитета Ричард Оттавей — юрист и профессиональный военный, член парламента

CC BY

от Консервативной партии с 1983 года, имевший опыт работы в парламентских комитетах по обороне, по разведке и безопасности. Он сообщил, что в ходе слушаний депутаты рассмотрят состояние отношений Израиля и Палестинской Администрации, проанализируют усилия международного сообщества по достижению соглашения, оценят перспективы переговорного процесса в 2014 году [Oral Evidence …, p. 2]. На заседание комитета были приглашены глава дипломатической миссии Палестины в Лондоне Мануэль Хассассиан, посол Израиля в Соединенном Королевстве Дэниел Тауб, представители научно-экспертного сообщества. Очевидно, комитет стремился к сбалансированной дискуссии, в ходе которой дипломаты могли бы представить позиции сторон, а компетентные эксперты — дать оценку ситуации в районе палестино-израильского противостояния.

Среди приглашенных экспертов были профессор Лондонского городского университета Розмари Холлис, старший преподаватель Королевского колледжа Лондона доктор Арон Брегман и старший научный сотрудник Ближневосточного центра Карнеги в Бейруте профессор Езид Сайиг.

Учитывая потенциально конфронтационный характер дискуссии, необходимо отметить роль председателя комитета по иностранным делам Ричарда Оттавея в выстраивании обсуждения. Будучи высокообразованным, тактичным, интеллигентным человеком, он провел заседание, выказывая уважение ко всем участникам дискуссии, живо и с юмором реагируя на замечания экспертов и дипломатов, пресекая попытки взаимных обвинений конфликтующих сторон. Благодаря его усилиям состоялось содержательное обсуждение палестино-израильского конфликта.

Говоря о позиции депутатов Британского Парламента по палестинскому вопросу, следует отметить традиционно высокую степень поляризации их позиций. Парламентские дебаты по данному вопросу часто приводили к конфронтации, что становилось причиной как внутрипартийных расколов, так и конфликтов между депутатами. Такую ситуацию отчасти можно объяснить глубокой вовлеченностью Великобритании в палестино-израильский конфликт. Приняв в 1917 году «Декларацию Бальфура», Соединенное Королевство взяло на себя обязательство создать национальный очаг для еврейского народа, в результате чего Великобритания оказалась ответственной за судьбы народов ближневосточного региона. В качестве еще одной причины можно назвать весьма эффективную деятельность произраильских и пропалестинских организаций на территории королевства, которые оказывали влияние на органы государственной власти Великобритании. Многие депутаты Британского Парламента тесно взаимодействовали с непарламентскими организациями (или являлись их членами), поддерживающими одну из сторон конфликта.

CC BY

В этой связи правительство Великобритании предпочитало не выражать открытую поддержку ни одной из сторон и занимало нейтральную, примирительную позицию. Официальная позиция правительства Д. Кэмерона была следующей: правительство выступало за решение палестино-израильского конфликта на основе принципа двух государств, который поддерживали все партии Британского Парламента, и критиковало политику Израиля по развитию поселенческого сектора. В то же время британское правительство выступало против бойкотов и санкций, нацеленных против Израиля, мотивируя это тем, что они ослабят, а не укрепят влияние Соединенного Королевства [Palestine …, p. 8].

В ходе январского заседания членам комитета, приглашенным дипломатам и экспертам удалось обсудить достаточно широкий круг вопросов, а именно:

— строительство Израилем поселений на Западном берегу;
— статус Иерусалима;
— право палестинских беженцев на возвращение;
— территориальные границы;
— возможный обмен территориями;
— контроль над Иорданской долиной;
— признание Израиля в качестве «еврейского государства»;
— финансовую помощь Палестине;
— позиции ФАТХ и ХАМАС.

Первым перед членами комитета по иностранным делам выступал глава дипломатической миссии Палестины в Лондоне Мануэль Хассассиан. Отметим, что в 1993 году Великобритания признала Организацию освобождения Палестины официальным представителем палестинского народа, отказавшись, однако, предоставить представителю Палестины в Лондоне статус посла [Hollis, 2016, p. 6]. Профессор Хассассиан работал дипломатическим представителем Палестинской национальной администрации в Великобритании с 2005 года. Это был профессиональный специалист в области международных отношений. Он получил образование в Американском университете Бейрута, а также в Университете Толедо и Университете Цинциннати в Соединенных Штатах, где изучал политологию и международные отношения, затем работал в должности профессора политологии в Вифлеемском университете.

В своем вступительном слове М. Хассассиан заявил, что палестинцы возлагают большие надежды на окончательное урегулирование арабо-израильского конфликта в 2014 году, объявленном ООН международным годом солидарности с палестинским народом. Палестинская сторона выразила полную готовность сотрудничать с американской администрацией

CC BY

для достижения мира и осуществления права палестинского народа на самоопределение и независимость. М. Хассассиан полагал, что этот мирный процесс был последним шансом на реализацию двугосударственного решения, и выразил надежду, что палестинскому народу, наконец, удастся положить конец оккупации и создать свое «независимое государство на 22 % исторической территории Палестины» [Oral Evidence …, p. 2].

В то же время профессор Хассассиан обвинил Израиль в нежелании признать государственность Палестины, несмотря на то, что Организация освобождения Палестины (ООП) была привержена признанию Государства Израиль с 1988 года, а в 1993 году официально признала Израиль. Он также заявил, что мирный процесс затягивался из-за нежелания Израиля обсуждать ключевые вопросы постоянного статуса (права беженцев, статус Иерусалима, израильские поселения) и что единственные вопросы, которые обсуждались на переговорах, — это вопросы границ и безопасности. И даже по этим вопросам сторонам не удалось достичь договоренности. Палестинская сторона вступила в переговоры, полагая, что границы 1967 года будут основой для достижения соглашения, в то время как израильская сторона не представила карты с обозначением границ. Более того, согласно сообщениям в СМИ, премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху отверг возврат к границам 1967 года, так как они не учитывали произошедших за 46 лет «демографических изменений» [Israel …, 2013].

Отвечая на вопрос депутата от Либерально-демократической партии сэра Мензиса Кэмпбелла о приемлемости территориальных разменов для палестинской стороны, М. Хассассиан рассказал, что он был главным консультантом покойного Фейсала Хусейни, палестинского политика, инициатора проведения Мадридской конференции, первым предложившего формулу «Два государства для двух народов» [Мунблит, 2001]. В ходе участия в переговорах в Кэмп-Дэвиде в 2000 году его команда предложила идею обмена территориями на основе следующих принципов: 1) признание границ, существовавших до войны 5—10 июня 1967 года; 2) размены должны быть незначительными, равноценными и взаимосогласованными [Oral Evidence …, p. 10]. На переговорах под эгидой госсекретаря Дж. Керри палестинцы также были готовы обсудить размен территориями, однако многое зависело и от позиции Израиля.

3.3. Проблемы статуса Иерусалима, палестинских беженцев и строительства израильских поселений

По статусу Иерусалима, являвшегося «камнем преткновения для всех сторон» [Меламедов и др., 2005, с. 209], позиция палестинцев была незыблема. Восточный Иерусалим рассматривался ими как неотъемлемая часть

CC BY

оккупированных территорий и должен был стать будущей столицей Государства Палестина. М. Хассассиан заявил, что палестинцы «никогда не признают Иерусалим неделимой столицей Государства Израиль» [Oral Evidence …, p. 9]. Согласно позиции ООП, Восточный Иерусалим и Западный Иерусалим должны были стать частью открытого города, а святые места открыты для посещения людьми всех вероисповеданий и национальностей. Однако в случае раздела Иерусалима западная часть должна была остаться под контролем Израиля, а восточная часть передана под управление палестинцев. Профессор Хассассиан добавил, что предлагалось множество вариантов раздела Иерусалима, включая интернационализацию «старого города» и передачу этой территории под контроль международной организации.

В ходе обсуждения была затронута и проблема палестинских беженцев, право которых на возвращение не было признано Израилем из опасений, что возвращение беженцев «может вызвать радикальное изменение этнического баланса и характера власти в Израиле» [Бакланов, 2009, с. 34]. Член комитета Сэр Кемпбелл поинтересовался, возможен ли компромисс в этом вопросе, поскольку признать право всех беженцев, включая их потомков, на возвращение вряд ли представлялось возможным. М. Хассассиан заявил, что существовало несколько вариантов решения проблемы беженцев: возвращение в Израиль, возвращение в Палестину, натурализация в стране пребывания, переселение в третью страну (например, США, Канаду, Великобританию). Он полагал, что 7 миллионов беженцев не возвратятся в Израиль и что этим правом, в основном, воспользуются порядка 350 тысяч палестинских беженцев, проживающих на территории Ливана, где они не получили гражданства [Oral Evidence …, p. 10]. Однако палестинцы также требовали возвращения беженцам собственности и выплаты компенсаций, против чего резко выступал Израиль.

Еще одной проблемой, ставящей под угрозу переговорный процесс, было продолжающееся строительство израильских поселений на оккупированных территориях, где к 2014 году проживали порядка полумиллиона израильтян. Израильская поселенческая деятельность привела к тому, что к западу от реки Иордан было «де-факто создано единое образование» [Носенко, 2009, с. 50]. М. Хассассиан напомнил депутатам, что с момента начала переговоров 30 июля 2013 года Израиль пообещал построить более 6400 единиц жилья (квартир или домов для одной семьи). По мнению профессора Хассассиана, расширение строительства израильских поселений и возведение разделительной стены, названной им «стеной апартеида» [Oral Evidence …, p. 3], свидетельствовало об отсутствии у Израиля приверженности мирному процессу и ставило под вопрос возможность двугосударственного решения.

CC BY

Таким образом, позиции сторон практически по всем принципиальным вопросам постоянного статуса были взаимоисключающими. Не добавляло оптимизма и требование израильской стороны признать Израиль в качестве «еврейского государства», выдвигаемое правоцентристским правительством Б. Нетаньяху с октября 2010 года [In brief …, p. 2]. Эта идея впервые прозвучала в так называемой «Бар-Иланской речи» 2009 года премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в Бар-Иланском университете [Неум …, 2009]. Палестинцы ожидаемо выступали «против», так как Израиль не имел подобного статуса ни в ООН, ни при подписании договоров с другими арабскими государствами — Иорданией и Египтом. Кроме того, палестинцы опасались, что признание Израиля в качестве «еврейского государства» неизбежно приведет к ущемлению прав полутора миллионов палестинцев, имеющих израильское гражданство, и лишит беженцев права на возвращение.

Отвечая на вопрос представителя Консервативной партии Джона Бэрона о роли британского правительства в переговорном мирном процессе, М. Хассассиан счел необходимым поблагодарить правительство Великобритании за оказанную палестинскому народу политическую и экономическую поддержку. Палестинская национальная администрация ценила вклад Великобритании в развитие палестинской экономики, участие Соединенного Королевства в совместных инфраструктурных и бизнес проектах, которые были столь необходимы страдающему от бедности и безработицы палестинскому обществу. Одной из важнейших инициатив британского правительства являлась программа помощи оккупированным территориям, на которую в 2011—2016 годы было направлено 422 миллиона фунтов стерлингов [Key issues …, p. 129].

В то же время Палестинская национальная администрация ожидала от Великобритании более решительной политический поддержки. М. Хассассиан полагал, что Соединенное Королевство, занимавшее жесткую позицию по израильским поселениям, могло оказать давление на своих американских партнеров по этому вопросу, а также убедить своего союзника на Ближнем Востоке — Израиль — снять с повестки переговоров вопрос о признании Израиля в качестве «еврейского государства». М. Хассассиан также выразил сожаление по поводу того, что Великобритания, как и большинство западных стран, не признавала государственность Палестины: в 2012 году Великобритания воздержалась при голосовании в ООН о присвоении Палестине статуса государства-наблюдателя, а в 2011 году не поддержала вступление Палестины в ЮНЕСКО. Такие шаги, шедшие вразрез с жесткой официальной позицией британского правительства по оккупированным территориям, не могли не вызвать разочарования у палестинцев [Oral Evidence …, p. 7].

CC BY

3.4. Обсуждение позиции Израиля в мирном процессе с палестинцами

Во второй части заседания на вопросы членов комитета отвечал посол Израиля Дэниел Тауб. Карьерный израильский дипломат британского происхождения Д. Тауб был назначен послом Израиля в Соединенном Королевстве в 2011 году. Он получил образование в Оксфорде и Университетском колледже Лондона, где изучал право, а впоследствии окончил Гарвард, где занимался изучением публичной политики. После эмиграции в Израиль в 1989 году он поступил на дипломатическую службу и принимал участие в переговорах с палестинской стороной [Frazer, 2011].

В своем вступительном слове Д. Тауб описал события, происходившие в то время на Ближнем Востоке, как эпоху величайших потрясений. Скорее всего, посол имел в виду события «Арабской весны», приведшие к свержению режимов в целом ряде стран. Посол отметил, что необходимо помнить о природе ближневосточных конфликтов, которые являются «идеологическими, племенными, конфликтами поколений, но не территориальными». Поэтому арабо-израильский конфликт, который, несомненно, имеет территориальное измерение, нельзя урегулировать, просто решив территориальный вопрос. По его мнению, у конфликта были гораздо более глубокие корни — неприятие идеи создания еврейского национального очага на Ближнем Востоке, и пока данный вопрос не будет решен, сложно достичь мира между палестинцами и израильтянами [Oral Evidence …, p. 12]. В речи посла прозвучала идея, которую традиционно продвигали в международных организациях израильские дипломаты, а именно: арабо-израильский конфликт не является причиной региональных проблем на Ближнем Востоке, он выступает лишь одним из вопросов региональной нестабильности.

Тем не менее Д. Тауб сказал, что Израиль был готов вести переговоры с палестинцами для достижения мира и пойти на значительные уступки. Так, для начала переговоров из израильских тюрем были выпущены, по выражению посла, «отъявленные убийцы» [Oral Evidence …, p. 13]. Посол Тауб ссылался на согласие Израиля освободить 104 палестинцев, включенных в списки палестинской стороной, как гарантию своего участия в переговорах. Освобождение должно было проходить в четыре этапа и являлось крайне непопулярной в Израиле мерой. Последнюю группу из 26 заключенных, освобождение которых было запланировано на конец марта 2014 года, Израиль так и не выпустил из-за опасений развала собственной правительственной коалиции [The latest …, p. 4].

Одним из важнейших вопросов, затронутых в ходе заседания и касавшихся обеспечения безопасности Израиля, был вопрос контроля над Иорданской долиной. Д. Тауб заявил, что для Израиля присутствие войск

CC BY

в Иорданской долине было стратегически важным (контроль над высотами, над шоссе, КПП израильских поселений, таможенный контроль за движением товаров и людей и пр.) и позволяло гарантировать безопасность страны на годы вперед. Контроль над границей с Иорданией позволял пресечь возможное проникновение «джихадистов и других экстремистских элементов» на территорию Израиля [Oral Evidence …, p. 16]. Предлагаемый палестинцами вариант размещения в Иорданской долине международного воинского контингента или сил НАТО Израиль отвергал как ненадежный. Посол Тауб сравнил миротворцев с «зонтиком, который тает в дождь» [Oral Evidence …, p. 16], подразумевая неспособность международных сил обеспечить безопасность Израиля в случае возникновения очагов нестабильности. Для палестинцев же отсутствие контроля над Иорданской долиной означало, по сути, отказ от возможности создания полноценного палестинского государства — без фактического контроля над водными ресурсами, перемещением товаров и людей через границу с Иорданией [Крылов и др., 2017, с. 107].

Посол Израиля подчеркнул, что вопросы безопасности на переговорах являлись для его страны ключевыми, заявив, что было невозможно обсуждать территориальные вопросы, не обеспечив прежде безопасность страны. Посол Тауб напомнил членам комитета, что за последнее десятилетие Израиль дважды передавал территорию, чтобы достичь мира или стабильности, однако в обоих случаях эта территория, будь то в Южном Ливане или в Газе, «становилась площадкой для запуска ракет» по Израилю [Oral Evidence …, p. 12]. Д. Тауб рассказал, что не далее как 13 января мир стал свидетелем «шокирующего спектакля» на похоронах А. Шарона, который вывел войска и эвакуировал 9000 израильских поселенцев из Газы в 2005 году, — в день похорон с территории сектора Газа по Израилю были выпущены ракеты.

Фигура Ариэля Шарона, генерала Армии обороны Израиля, политического деятеля, занимавшего пост премьер-министра Израиля в 2001—2005 годы, была, конечно, неоднозначной. Восхождение на Храмовую гору, предпринятое им 28 сентября 2000 года, явилось «переломным моментом в истории оккупированных палестинских территорий» [Bregman, 2015, p. 247]. Это событие привело к резкому обострению палестино-израильских отношений и считается началом «Интифады аль-Акса». Израильская же оккупация Южного Ливана, как заметил британский дипломат и влиятельный стратег Р. Купер, не могла вызвать ничего, кроме «непримиримой вражды» [Купер, 2010, p. 146]. По его мнению, для долговременного решения палестино-израильского конфликта требовались изменения «как в израильской, так и в палестинской идентичности и, возможно, подобные перемены во многих арабских странах» [Купер, 2010, p. 173].

CC BY

Члены комитета также поинтересовались у посла Д. Тауба, насколько Израиль был удовлетворен политикой Великобритании по ближневосточному урегулированию и каким образом Соединенное Королевство могло способствовать достижению прогресса на переговорах. Дэниел Тауб выразил удовлетворенность поддержкой Великобритании. Однако он отметил, что следовало более тщательно контролировать финансовую помощь различным организациям региона, чтобы исключить поддержку терроризма и экстремизма [Oral Evidence …, p. 20]. Посол указал на необходимость решения спорных вопросов исключительно в рамках переговорного процесса, осуждая стремление палестинской стороны получить признание государственности Палестины в международных организациях, в частности, с помощью членства в ряде институтов ООН и Международном уголовном суде [Oral Evidence …, p. 13].

3.5. Скептическая точка зрения приглашенных экспертов

Приглашенные на заседание эксперты — Розмари Холлис, Арон Брегман и Езид Сайиг — были настроены весьма скептически относительно результатов палестино-израильских переговоров. Директор программы изучения Ближнего Востока в Королевском институте международных отношений (Chatham House) Розмари Холлис предположила, что соглашение, если оно и будет заключено, не устроит палестинцев, которые воспримут его как не отражающее их интересы [Oral Evidence …, p. 22]. Схожую оценку ситуации дал профессор Езид Сайиг, много лет изучавший Ближний Восток и неоднократно принимавший участие в палестино-израильских переговорах. Он считал, что в рядах палестинцев царили апатия, усталость и цинизм. Палестинцы не верили, что переговоры под эгидой Дж. Керри приведут к прорыву, а потому не выказывали особого интереса к переговорному мирному процессу. Профессор Сайиг также заявил о необходимости участия ХАМАС в переговорах, против чего активно выступал Израиль. Он полагал, что без вовлечения ХАМАС, являвшегося частью палестинского общества, достижение соглашения было невозможным [Oral Evidence …, p. 25].

Говоря о позиции Израиля, эксперты сошлись во мнении, что он был не заинтересован в изменении статус-кво. Причиной этому была, с одной стороны, нестабильность на Ближнем Востоке, а с другой — позиция израильского общества, которое все терпимее относилось к оккупации [Oral Evidence …, p. 22]. Р. Холлис отметила, что на израильских географических картах с 1967 года не обозначалась «зеленая линия» — границы, существовавшие до июня 1967 года (На картах, составленных по соглашению между Израилем и Египтом, Иорданией, Ливаном и Сирией, линия прекращения

CC BY

огня после окончания первой арабо-израильской войны 1948—1949 годов была окрашена зеленым цветом [Скосырев, 2015, с. 4—5]). По ее мнению, незнание реальности жизни соседнего народа, недостаток контактов с «другими» приводили к страху и нежеланию израильского общества изменить существующий порядок [Oral Evidence …, p. 27].

Профессор Сайиг также добавил, что пока Израиль считает, что может продолжать строить поселения на оккупированных территориях, его позиция не изменится. Е. Сайиг считал необходимым увязать меры поддержки со строительством поселений. Его позицию разделял доктор Арон Брегман, британский политолог израильского происхождения, автор ряда книг по арабо-израильскому конфликту. Он полагал, что для достижения прогресса по вопросу мирного урегулирования необходимо было оказывать давление как на израильтян, так и на палестинцев. По его мнению, международное сообщество должно было использовать имеющиеся в его распоряжении рычаги влияния для достижения мира [Oral Evidence …, p. 27].

Эксперты сомневались, что у ведущих держав было достаточно политической воли для урегулирования арабо-израильского конфликта. Так, профессор Сайиг полагал, что на тот момент в мире не существовало силы, способной изменить реальное положение дел на Ближнем Востоке. Для урегулирования конфликта должны были определенным образом сложиться обстоятельства. То, чего можно было достичь в 90-х годах (Мадридская конференция 1991 года, Соглашения Осло 1993 года и 1995 года), когда создание Палестинского государства казалось делом «ближайшей, а не отдаленной перспективы» [Sayigh, 2000-01, p. 5], в 2014 году вряд ли было возможным [Oral Evidence …, p. 29].

Следует отметить, что подобные точки зрения были изложены в работах многих западных исследователей и экспертов. Так, К. Кауш и Р. Янгс, критически оценивая политику Евросоюза на Ближнем Востоке, в своей статье «Конец евро-средиземноморской мечты» утверждали, что, несмотря на значительные усилия по продвижению демократии и «хорошего управления» на Ближнем Востоке, Евросоюз был вынужден довольствоваться лишь «достаточно хорошим управлением» [Kausch et al., 2009, p. 974]. Очевидно, результаты политики этого блока в отношении стран ближневосточного региона оказались плачевными. Говоря словами Р. Холлис, Европа не стала «другом демократизации» [Hollis, 2012, p. 81]. Ф. Гергес в работе «Подход Обамы к Ближнему Востоку: конец момента Америки» писал, что Соединенные Штаты стремительно теряли влияние на Ближнем Востоке: «Америку уже не боялись и не верили, что она будет действовать разумно и мудро, сохраняя мир» [Gerges, 2013, p. 323]. Гергес также сравнил этот процесс с окончанием эпохи британского доминирования в регионе

CC BY

около 50 лет назад. Таким образом, Соединенные Штаты, Великобритания и ЕС не обладали необходимым влиянием на Ближнем Востоке для эффективного и успешного урегулирования палестино-израильского конфликта.

Старейший член комитета по иностранным делам сэр Джон Стэнли поинтересовался у экспертов, каким образом Великобритания, являвшаяся постоянным членом Совета Безопасности ООН и «сыгравшая ключевую роль в формировании большинства правящих режимов на Ближнем Востоке» [Карасев, 2012, с. 7], могла бы способствовать решению палестинского вопроса. Розмари Холлис полагала, что Великобритания со времен правления Т. Блэра была вынуждена признать гегемонию Соединенных Штатов в ближневосточном регионе. Действуя «в фарватере политики Вашингтона» [Карасев, 2012, с. 7], Великобритания не выдвигала никаких значимых инициатив. Более того, Соединенное Королевство «фактически не входило в какие-либо переговорные механизмы по ближневосточному урегулированию» [Сухопарова, 2014] и не являлось, по словам Р. Холлис, значимым игроком в вопросе палестино-израильского урегулирования.

Тем не менее эксперты полагали, что Великобритания все же могла играть более значительную роль в урегулировании палестино-израильского конфликта. Так, доктор Брегман считал, что Соединенное Королевство могло использовать свои связи в регионе для мобилизации поддержки мирной инициативы арабскими странами и снятия озабоченностей Израиля в сфере безопасности [Oral Evidence …, p. 22].

4. Заключение = Conclusions

Заседание комитета по иностранным делам в январе 2014 года отразило целый ряд устойчивых явлений внешней политики и парламента Великобритании. Прежде всего, заседание комитета свидетельствовало, что позиции конфликтующих сторон остались непримиримыми. Парламентарии пытались нащупать темы палестино-израильского конфликта, в обсуждении которых переговорщики были способны найти компромисс. Это были темы укрепления общественных контактов народов Израиля и Палестины, а также идея заморозить строительство израильских поселений на палестинских территориях.

Во-вторых, на заседании комитета проявилось влияние лоббистских структур — тех организаций, которые активно работали с депутатами парламента. Протоколы заседания и иные материалы парламента указывают, что наиболее эффективными объединениями стали «Британско-палестинская межпартийная парламентская группа», «Британско-израильская межпартийная парламентская группа», «Межпартийная парламентская группа против антисемитизма».

CC BY

В-третьих, заседание комитета 14 января продемонстрировало процедурные традиции работы парламентского учреждения. Участники заседания были условно разделены на три категории: депутаты, дипломаты стран-участниц конфликта, эксперты-ближневосточники. Здесь, очевидно, не хватало представителей кабинета министров, по крайней мере, ближневосточников из МИДа (Форин Офис). Однако это объяснялось предельной загруженностью комитета, который в течение нескольких месяцев разбирал сирийский, иранский и палестино-израильский вопросы.

Первая категория участников, депутаты, выясняли перспективы эффективного и конструктивного вовлечения Великобритании в конфликт. Дипломаты Израиля и Палестины обозначили «красные линии», пересечь которые их лидеры были не готовы, а также предложили свои идеи для прогресса на переговорах. Эксперты же выступили с позиций политического реализма, показывая риски и возможности в случае запуска нового раунда переговоров, на этот раз под эгидой администрации демократов и ее государственного секретаря Дж. Керри. Приходится констатировать, что эксперты из «мозговых центров» и вузов оказались наиболее близки к реальности: ни Израиль, ни Палестина, ни США, ни международное сообщество — каждый по своим причинам — не смогли обеспечить действительное продвижение переговорного прогресса и сделать хотя бы один существенный шаг в направлении урегулирования конфликта.

Источники и принятые сокращения

1. *Каким* видит Иран решение палестинского вопроса? Выступление лидера Исламской революции на Международной конференции в поддержку Палестины, 1 октября 2011 г. [Электронный ресурс] // Khamenei. — 2019. — 1 сентября. — Режим доступа : https://russian.khamenei.ir/news/3849 (дата обращения 9.11.2021).

2. *Мунблит В.* Смерть Фейсала Хусейни — палестинского принца [Электронный ресурс] / В. Мунблит // Радио свобода. — 2001. — 1 июня. — Режим доступа : https://www.svoboda.org/a/24223252.html (дата обращения 11.11.2021).

3. *Неум* рош а-мэмшала ба-мерказ бегин-садат ба-университет бар-илан [Электронный ресурс] // Мисрад рош а-мэмшала. — 2009. — 14 июня. — Режим доступа : http://www.pmo.gov.il/MediaCenter/Speeches/Pages/speechbarilan140609.aspx (дата обращения 13.11.2021).

4. *Arab* peace initiative : full text [Electronic resource] // The Guardian. — 2002. — 28 March. — Access mode : https://www.theguardian.com/world/2002/mar/28/israel7 (accessed 13.11.2021).

5. *British* foreign policy and the ‘Arab Spring’. Second Report of Session 2012—13 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmselect/cmfaff/80/80.pdf (accessed 15.11.2021).

6. *Frazer J.* Interview : Daniel Taub [Electronic resource] / J. Frazer // The Jewish Chronicle. — 2011. — 22 September. — Access mode : https://www.thejc.com/lifestyle/features/interview-daniel-taub-1.27825 (accessed 15.11.2021).

7. *In brief* : Israel and the Palestinians — recent developments [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05777/SN05777.pdf (accessed 15.11.2021).

8. *Iran* nuclear deal 'is historic mistake', says Netanyahu [Electronic resource] // BBC News. — 2013. — 24 November. — Access mode : https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-25075675 (accessed 17.11.2021).

9. *Israel* says Separation Wall will be border [Electronic resource] // Al Jazeera. — 2013. — 6 November. — Access mode : https://www.aljazeera.com/news/2013/11/6/israel-says-separation-wall-will-be-border (accessed 18.11.2021).

10. *Key* issues for the 2015 Parliament [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7189/CBP-7189.pdf (accessed 21.11.2021).

11. *Oral* Evidence : Israel and the Occupied Palestinian Territories : prospects for 2014 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/foreign-affairs/Israel-Palestine14Jan.pdf (accessed 22.11.2021).

12. *Oral* evidence : The crisis in Syria and the impact upon its neighbours [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : http://data.parliament.uk/writtenevidence/WrittenEvidence.svc/EvidencePdf/434 (accessed 23.11.2021).

13. *Palestine* update 2012 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06307/SN06307.pdf (accessed 24.11.2021).

14. '*Political* Islam', and the Muslim Brotherhood Review. Sixth Report of Session 2016—17 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaff/118/118.pdf (accessed 27.11.2021).

15. *The* Gaza flotilla attack and its aftermath [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05637/SN05637.pdf (accessed 29.11.2021).

16. *The latest* round of Israeli/Palestinian talks, 2013—14 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06854/SN06854.pdf (accessed 29.11.2021).

17. *The UK's* relations with Saudi Arabia and Bahrain. Fifth Report of Session 2013—14 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmselect/cmfaff/88/88.pdf (accessed 29.11.2021).

18. *UK* policy towards Iran. Third Report of Session 2014—15 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmfaff/547/547.pdf (accessed 01.12.2021).

19. *UK—Turkey* relations and Turkey's regional role. Twelfth Report of Session 2010—12 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : https://publications.parliament.uk/pa/cm201012/cmselect/cmfaff/1567/1567.pdf (accessed 04.11.2021).

Литература

1. *Бакланов А. Г.* Палестино-израильское противостояние — поиск развязок и механизмов достижения мира / А. Г. Бакланов // Ближний Восток : вызовы XXI века : сборник статей. — Москва : Институт Ближнего Востока, 2009. — С. 26—48.

2. *Долгов Б.* Сирийский кризис и радикальный исламизм / Б. Долгов // Россия и мусульманский мир. — 2016. — № 7. — С. 81—107.

3. *Карасев А. В.* Динамика британской политики по урегулированию арабо-израильского конфликта при Э. Блэре (1997—2007 гг.) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.15 / А. В. Карасев. — Нижний Новгород, 2012. — 23 с.

4. *Корнилов А. А.* Дебаты в комитете по иностранным делам британского парламента по вопросам ближневосточной политики (2010—2015 гг.) / А. А. Корнилов, Н. С. Лобанова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 2. — С. 34—42.

5. *Корнилов А. А.* Политические дискуссии 2013 года в комитете по иностранным делам Британского Парламента по вопросу ядерной проблемы Ирана / А. А. Корнилов, Н. С. Лобанова // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 384—398. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-384-398.

6. *Косач Г. Г.* Исчерпала ли себя арабская мирная инициатива? [Электронный ресурс] / Г. Г. Косач // Институт Ближнего Востока. — 2007. — 11 июля. — Режим доступа : http://www.iimes.ru/?p=5982 (дата обращения 13.12.2021).

7. *Костенко Ю. И.* «Новая периферия» как фактор укрепления израильских позиций на Ближнем Востоке / Ю. И. Костенко // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 2 (47). — С. 134—144.

8. *Крылов А. В.* Палестино-израильский трек : провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы / А. В. Крылов, В. М. Морозов // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — № 4 (55). — С. 99—112. — DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-99-112.

9. *Купер Р.* Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / Р. Купер. — Москва : Московская школа политических исследований, 2010. — 240 с. — ISBN 978-5-91734-014-2.

10. *Меламедов Г. А.* Вечный вопрос «вечного города» / А. Г. Меламедов, А. Эпштейн // Россия в глобальной политике. — 2005. — Том 3. — № 4. — С. 209—212.

11. *Носенко Т. В.* Принцип двух государств в урегулировании палестино-израильского конфликта / Т. В. Носенко // Ближний Восток : вызовы XXI века : сборник статей. — Москва : Институт Ближнего Востока, 2009. — С. 49—61.

12. *Пиляева М. А.* Израиль в эпицентре «Арабской весны» / М. А. Пиляева // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 2 (23). — С. 28—30. — DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-28-30.

13. *Сажин В. И.* Иранская ядерная проблема : итоги 2012 года / В. И. Сажин // Вестник Московского университета. — 2012. — № 4. — С. 70—96.

14. *Сажин В.* Иран vs Израиль (современный контекст) [Электронный ресурс] / В. Сажин // Международная жизнь. — 2021. — 12 марта. — Режим доступа : https://interaffairs.ru/news/show/29380 (дата обращения 14.12.2021).

15. *Скосырев А. В.* Стратегия и тактика Израиля в отношении палестинской проблемы на рубеже XX — XXI веков : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.03 / А. В. Скосырев. — Москва, 2015. — 37 с.

16. *Степкин Е. А.* О проблеме политического ислама в Палестине / Е. А. Степкин // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 5 (44). — С. 168—172. — DOI: 10.24833/2071-8160-2015-5-44-168-172.

17. *Сулейманов А. В.* Турецко-израильские отношения: история и современность / А. В. Сулейманов // Вестник РУДН. — 2014. — № 3. — С. 165—172.

18. *Сухопарова И. В.* Ближневосточная политика Великобритании [Электронный ресурс] / И. В. Сухопарова // Институт Ближнего Востока. — 2014. — 27 января. — Режим доступа : http://www.iimes.ru/?p=19567 (дата обращения 16.12.2021).

19. *Bar-Joseph U.* The Paradox of Israeli Power / U. Bar-Joseph // Survival. — 2004-05. — Vol. 46. — № 4. — Pp. 137—156. — DOI: 10.1080/00396330412331342506.

20. *Bregman A.* Cursed Victory : Israel and the Occupied Territories : A History / A. Bregman. — New York : Pegasus Books, 2015. — 424 p.

21. *Gerges F.* The Obama approach to the Middle East : the end of America's moment? / F. Gerges // International Affairs. — 2013. — № 89 (2). — Pp. 299—323. — DOI: 10.1111/1468-2346.12019.

22. *Hollis R.* No friend to democratization : Europe's role in the genesis of the Arab Spring / R. Hollis // International Affairs. — 2012. — № 88 (1). — Pp. 81—94. — DOI: 10.1111/j.1468-2346.2012.01058.x.

23. *Hollis R.* Palestine and the Palestinians in British Political Elite Discourse : From "The Palestine Problem" to "The Two-State Solution" / R. Hollis // International Relations. — 2016. — № 30 (1). — Pp. 3—28. — DOI: 10.1177/0047117815625347.

24. *Kausch K.* The end of the 'EuroMediterranean vision' / K. Kausch, R. Youngs // International Affairs. — 2009. — № 85 (5). — Pp. 963—975. — DOI: 10.1111/j.1468-2346.2009.00841.x.

25. *Sayigh Y.* Palestine's prospects / Y. Sayigh // Survival. — 2000—01. — Vol. 42. — № 4. — Pp. 5—19.

26. *Strong J.* Why Parliament Now Decides on War : Tracing the Growth of the Parliamentary Prerogative through Syria, Libya and Iraq / J. Strong // British Journal of Politics and International Relations. — 2014. — Vol. 17 (4). — Pp. 604—622. — DOI: 10.1111/1467-856X.12055.

Material resources

Arab peace initiative: full text. (2002). *The Guardian. 28 March.* Available at: https://www.theguardian.com/world/2002/mar/28/israel7 (accessed 13.11.2021).

British foreign policy and the 'Arab Spring'. Second Report of Session 2012—13. *UK Parliament.* Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201213/cmselect/cmfaff/80/80.pdf (accessed 15.11.2021).

Frazer, J. (2011). Interview: Daniel Taub. *The Jewish Chronicle. 22 September.* Available at: https://www.thejc.com/lifestyle/features/interview-daniel-taub-1.27825 (accessed 15.11.2021).

How does Iran see the solution of the Palestinian issue? Speech by the leader of the Islamic Revolution at the International Conference in Support of Palestine, October 1, 2011. (2019). *Khamenei. September 1.* Available at: https://russian .khamenei.ir/news/3849 (accessed 9.11.2021). (In Russ.).

In brief: Israel and the Palestinians — recent developments. UK Parliament. Available at: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05777/SN05777.pdf (accessed 15.11.2021).

Iran nuclear deal 'is historic mistake', says Netanyahu. (2013). *BBC News. 24 November.* Available at: https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-25075675 (accessed 17.11.2021).

Israel says Separation Wall will be border. (2013). *Al Jazeera. 6 November.* Available at: https://www.aljazeera.com/news/2013/11/6/israel-says-separation-wall-will-be-border (accessed 18.11.2021).

Key issues for the 2015 Parliament. In: *UK Parliament.* Available at: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7189/CBP-7189.pdf (accessed 21.11.2021).

Munblit, V. (2001). The death of Faisal Husseini — the Palestinian Prince. *Radio Liberty. June 1.* Available at: https://www.svoboda.org/a/24223252.html (accessed 11.11.2021). (In Russ.).

Neum Rosh a-memshala ba-merkaz begin-Sadat ba-Bar-ilan University. (2009). *Misrad rosh a-mamshala. June 14.* Available at: http://www.pmo.gov.il/MediaCenter/Speeches/Pages/speechbarilan140609.aspx (accessed 13.11.2021). (In Russ.).

Oral Evidence: Israel and the Occupied Palestinian Territories: prospects for 2014. In: *UK Parliament.* Available at: https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/foreign-affairs/Israel-Palestine14Jan.pdf (accessed 22.11.2021).

Oral Evidence: The crisis in Syria and the impact upon its neighbours. In: *UK Parliament.* Available at: http://data.parliament.uk/writtenevidence/WrittenEvidence.svc/EvidencePdf/434 (accessed 23.11.2021).

Palestine update 2012. In: *UK Parliament*. Available at: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06307/SN06307.pdf (accessed 24.11.2021).

'Political Islam', and the Muslim Brotherhood Review. Sixth Report of Session 2016—17. In: *UK Parliament.* Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaff/118/118.pdf (accessed 27.11.2021).

The Gaza flotilla attack and its aftermath. In: *UK Parliament.* Available at: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05637/SN05637.pdf (accessed 29.11.2021).

The *latest* round of Israeli/Palestinian talks, 2013—14. In: *UK Parliament.* Available at: https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06854/SN06854.pdf (accessed 29.11.2021).

The UK's relations with Saudi Arabia and Bahrain. Fifth Report of Session 2013—14. In: *UK Parliament.* Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmselect/cmfaff/88/88.pdf (accessed 29.11.2021).

UK policy towards Iran. Third Report of Session 2014—15. In: *UK Parliament.* Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmfaff/547/547.pdf (accessed 01.12.2021).

UK—Turkey relations and Turkey's regional role. Twelfth Report of Session 2010—12. In: *UK Parliament.* Available at: https://publications.parliament.uk/pa/cm201012/cmselect/cmfaff/1567/1567.pdf (accessed 04.11.2021).

References

Baklanov, A. G. (2009). The Palestinian-Israeli confrontation — the search for solutions and mechanisms for achieving peace. In: *The Middle East: challenges of the XXI century: a collection of articles*. Moscow: Institute of the Middle East. 26—48. (In Russ.).

Bar-Joseph, U. (2004—05). The Paradox of Israeli Power. *Survival, 46 (4):* 137—156. — DOI: 10.1080/00396330412331342506.

Bregman, A. (2015). *Cursed Victory: Israel and the Occupied Territories: A History.* New York: Pegasus Books. 424 p.

Cooper, R. (2010). *Discord between nations. Order and chaos in the XXI century.* Moscow: Moscow School of Political Studies. 240 p. ISBN 978-5-91734-014-2. (In Russ.).

Dolgov, B. (2016). The Syrian crisis and radical Islamism. *Russia and the Muslim world, 7:* 81—107. (In Russ.).

Gerges, F. (2013). The Obama approach to the Middle East: the end of America's moment? *International Affairs, 89 (2):* 299—323. DOI: 10.1111/1468-2346.12019.

Hollis, R. (2012). No friend to democratization: Europe's role in the genesis of the Arab Spring. *International Affairs, 88 (1):* 81—94. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2012.01058.x.

Hollis, R. (2016). Palestine and the Palestinians in British Political Elite Discourse: From "The Palestine Problem" to "The Two-State Solution". *International Relations, 30 (1):* 3—28. DOI: 10.1177/0047117815625347.

Karasev, A. V. (2012). *Dynamics of British policy on the settlement of the Arab-Israeli conflict under E. Blair (1997—2007).* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 23 p. (In Russ.).

Kausch, K., Youngs, R. (2009). The end of the 'EuroMediterranean vision'. *International Affairs, 85 (5):* 963—975. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2009.00841.x.

Kornilov, A. A., Lobanova, N. S. (2020). Debates in the Foreign Affairs Committee of the British Parliament on Middle East policy (2010—2015). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 2:* 34—42. (In Russ.).

Kornilov, A. A., Lobanova, N. S. (2021). 2013 Political Discussions in Foreign Affairs Committee of British Parliament on Iranian Nuclear Issue. *Nauchnyi dialog, 5:* 384—398. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-384-398. (In Russ.).

Kosach, G. G. (2007). Has the Arab peace initiative exhausted itself? *Institute of the Middle East. July 11.* Available at: http://www.iimes.ru/?p=5982 (accessed 13.12.2021). (In Russ.).

Kostenko, Yu. I. (2016). "New periphery" as a factor of strengthening Israeli positions in the Middle East. *Bulletin of MGIMO University, 2 (47):* 134—144. (In Russ.).

Krylov, A. V., Morozov, V. M. (2017). The Palestinian-Israeli track: the failure of the Middle East policy of the Obama administration. *Bulletin of MGIMO University, 4 (55):* 99—112. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-99-112. (In Russ.).

Melamedov, G. A., Epstein, A. (2005). The Eternal question of the "eternal city". *Russia in Global Politics, 3 (4):* 209—212. (In Russ.).

Nosenko, T. V. (2009). The principle of two states in the settlement of the Palestinian-Israeli conflict. In: *Middle East: challenges of the XXI century: collection of articles.* Moscow: Institute of the Middle East. 49—61. (In Russ.).

Pilyaeva, M. A. (2012). Israel in the epicenter of the "Arab Spring". *Bulletin of MGIMO University, 2 (23):* 28—30. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-28-30. (In Russ.).

Sayigh, Y. (2000—01). Palestine's prospects. *Survival, 42 (4):* 5—19.

Sazhin, V. I. (2012). The Iranian nuclear problem: the results of 2012. *Bulletin of the Moscow University, 4:* 70—96. (In Russ.).

Sazhin, V. (2021). Iran vs Israel (modern context). In: *International life. March 12.* Available at: https://interaffairs.ru/news/show/29380 (accessed 12/14/2021). (In Russ.).

Skosyrev, A. V. (2015). *Strategy and tactics of Israel in relation to the Palestinian problem at the turn of the XX — XXI centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 37 p. (In Russ.).

Stepkin, E. A. (2015). On the problem of political Islam in Palestine. *Bulletin of MGIMO University, 5 (44):* 168—172. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-5-44-168-172. (In Russ.).

Strong, J. (2014). Why Parliament Now Decides on War: Tracing the Growth of the Parliamentary Prerogative through Syria, Libya and Iraq. *British Journal of Politics and International Relations, 17 (4):* 604—622. DOI: 10.1111/1467-856X.12055.

Sukhoparova, I. V. (2014). Middle East policy of Great Britain. In: *Institute of the Middle East. January 27.* Available at: http://www.iimes.ru/?p=19567 (accessed 12/16/2021). (In Russ.).

Suleymanov, A. V. (2014). Turkish-Israeli relations: history and modernity. *Bulletin of the RUDN, 3:* 165—172. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.10.2021,
одобрена после рецензирования 21.01.2022,
подготовлена к публикации 17.03.2022.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Нестеров А. Г. Создание и развитие Нинся-Хуэйского автономного района Китайской Народной Республики (1949—1979) / А. Г. Нестеров, Е. Е. Ханина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 463—481. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-463-481.

Nesterov, A. G., Khanina, E. E. (2022). Establishment and Development of Ningxia Hui Autonomous Region of People's Republic of China (1949—1979). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 463-481. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-463-481. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-463-481

Создание и развитие Нинся-Хуэйского автономного района Китайской Народной Республики (1949—1979)

Нестеров Александр Геннадьевич
orcid.org/0000-0002-3349-6204
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
зарубежного регионоведения
Alexander.Nesterov@urfu.ru

Ханина Екатерина Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-0417-0352
ассистент кафедры
зарубежного регионоведения
4sorokdva2@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Establishment and Development of Ningxia Hui Autonomous Region of People's Republic of China (1949—1979)

Aleksandr G. Nesterov
orcid.org/0000-0002-3349-6204
Doctor of History, Head of Department
of Foreign Region Studies
Alexander.Nesterov@urfu.ru

Ekaterina E. Khanina
orcid.org/0000-0002-0417-0352
Assistant of Department
of Foreign Region Studies
4sorokdva2@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Нестеров А. Г., Ханина Е. Е., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена одному из автономных районов Китайской Народной Республики — Нинся-Хуэйскому автономному району (НХАР). Рассмотрены исторические события, связанные с территорией современного НХАР, особенности развития ислама на территории Китая и формирования этнической группы хуэй. Выявлено, что создание НХАР было обусловлено идеологическими концепциями национального развития, заложенными в Конституцию КНР 1954 года. На основании документов, опубликованных в Китае на китайском языке, доказано, что создание НХАР сыграло существенную роль для этнического развития народа хуэй. Выявлено, что политические изменения, происходившие в КНР в 1958—1976 годах и связанные с политикой «Трех красных знамен» и «Великой пролетарской культурной революции», нанесли существенный ущерб как для экономики НХАР, так и для этнической стабильности в рассматриваемом регионе Китая. Реализация политических кампаний данного периода привела даже к столкновениям на конфессионально-этнической почве, потребовавшим использования вооруженной силы для их подавления. В итоге исследования было выявлено, что ситуация в НХАР стала стабилизироваться и изменяться только после смерти Мао Цзэдуна и начала реформ Дэн Сяопина в 1979 году.

Ключевые слова:
Нинся; Нинся-Хуэйский автономный район; хуэй; Китай; история Китая; национальная политика в Китае.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to one of the autonomous regions of the People's Republic of China — the Ningxia Hui Autonomous Region (NHAR). The historical events associated with the territory of modern NHAR, the features of the development of Islam in China and the formation of the Hui ethnic group is showed in the article. As a result of the study, it was revealed that the creation of the NHAR was due to the ideological concepts of national development laid down in the 1954 Constitution of the People's Republic of China. Based on documents published in China in Chinese, it is proved that the creation of the NHAR played a significant role in the ethnic development of the Hui people. It was revealed that the political changes that took place in the PRC in 1958-1976 and associated with the policy of the "Three Red Banners" and the "Great Proletarian Cultural Revolution" caused significant damage both to the economy of the NHAR and to ethnic stability in the considered region of China. The implementation of political campaigns of this period even led to clashes on confessional and ethnic grounds, which required the use of armed force to suppress them. As a result of the study, it was revealed that the situation in the NHAR began to stabilize and change only after the death of Mao Zedong and the beginning of Deng Xiaoping's reforms in 1979.

Key words:
Ningxia; Ningxia Hui Autonomous Region; Hui; China; history of China; national politics in China.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(510).093

Создание и развитие Нинся-Хуэйского автономного района Китайской Народной Республики (1949—1979)

© Нестеров А. Г., Ханина Е. Е., 2022

1. Введение = Introduction

Нинся-Хуэйский автономный район — один из автономных районов Китайской Народной Республики, созданный в соответствии с Конституцией КНР в местах компактного проживания национальных меньшинств Китая. Он существенно отличается от других автономных районов современного Китая, так как его титульное население — народность хуэй (хуэйцзу, 回族) — отличается от основной массы населения Китая — ханьцев — прежде всего религией. По сути, хуэй — население, говорящее на китайском языке, но исповедующее ислам. В сравнении с общим населением Китая численность хуэй невелика — приблизительно 10,5 млн человек. Название *хуэй* однозначно соотнесено с названием мусульманской религии (хуэй цзяо, 回教), оно появилось еще в эпоху Сун (960—1279). В современном Китае для отличия мусульман от народа хуэй по отношению к исламу используется термин *исылань цзяо* (伊斯兰教). Хуэй расселены по всему Китаю, от Синьцзяна до Гуандуна, собственно, в Нинся-Хуэйском автономном районе проживает меньше 20 % хуэй. Автономные уезды хуэй созданы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, провинциях Цинхай, Ганьсу, Гуйчжоу; довольно многочисленные группы хуэй проживают в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу.

Исторический регион, где создан Нинся-Хуэйский автономный район, находился на периферии исторического Китая, практически замыкая так называемый «коридор Ганьсу» — караванный путь, связывавший собственно исторический Китай с Центральной Азией и зажатый между пустынями и горами. В эпохи Хань (206 год до н. э. — 220 год н.э.) и Тан (618 – 907) коридор контролировался властями китайских империй; в IV—VI веках на этой территории существовал ряд государств, созданных некитайскими по происхождению народами. В X — начале XIII веках регион находился под властью тангутского государства Си Ся, разгромленного в 1227 году монголами, после чего земли этого государства вошли в состав Монгольской империи. В рамках монгольской империи Юань (1260—1368) на территории будущего автономного района был создан регион Чжунсин (中兴路), позднее переименованный в Нинсяфу (宁夏府路).

Свержение монгольской власти в Китае и создание империи Мин (1368—1662) привело к недолгому существованию в регионе управы Нин-

CC BY

ся (宁夏府), ставшей частью провинции Ганьсу; управа просуществовала недолго, так как в 1372 году император Чжу Юаньчжан (1368—1398) в условиях продолжающейся войны с монголами повелел переселить всё население региона во внутренние области империи. После прекращения войны с монголами население постепенно стало возвращаться в регион, и в конце XIV века был создан военный пост — караул Нинся. Как отдельная структурная единица управа Нинся была восстановлена только маньчжурами в 1724 году в рамках провинции Ганьсу империи Цин.

Падение империи Цин в ходе Синьхайской революции 1911—1912 годов привело среди прочего к созданию региона Нинся (宁夏道) провинции Ганьсу (вскоре регион переименовали в Шофан, 朔方道). Наконец, восстановление единства Китая в 1927 году привело к административной реформе; были созданы четыре новые провинции, в том числе провинция Нинся (1928). В 1932 году фактическую власть в Нинся захватила группа хуэйских генералов во главе с Ма Хункуем [Дудин, 2014б, с. 68—69]. В 1934—1935 годах часть провинции оказалась под контролем китайских коммунистов, создавших Советский район Шэньси — Ганьсу — Нинся (формально был ликвидирован только в 1950 году). В сентябре 1948 года власть коммунистов была установлена над всей провинцией Нинся.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследований, посвященных непосредственно провинции Нинся и Нинся-Хуэйскому автономному району, почти нет. К числу немногочисленных трудов, связанных с историей данного региона, следует отнести прежде всего работы А. А. Москалева [Москалев, 1979; Москалев, 1981], однако основным направлением исследований этого выдающегося ученого-китаиста было изучение народа и языка чжуан, а Нинся-Хуэйский автономный район и народ хуэй затрагивались им в основном в целях компаративного анализа ситуации с народом чжуан и Гуанси-Чжуанским автономным районом.

Исследований, посвященных истории народа хуэй, также относительно немного. В основном исследователи анализируют историю распространения исламской религии на землях современного Китая — начиная с эпохи Тан (618—907), когда мусульмане впервые появились в Китае [Герасимов, 2020; Дин Хун, 2011; Завьялова, 2007; Захарьин, 2012, Leslie, 1998 и др.]. Значительно реже встречаются исследования, посвященные отдельным этапам истории хуэй в XX веке — к таким работам можно отнести исследования П. Н. Дудина [Дудин, 2014а; Дудин, 2014б]. Однако собственно процесс создания и развития Нинся-Хуэйского автономного района остался практически вне поля зрения исследователей.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание Нинся-Хуэйского автономного района: проект (1949—1954)

1 октября 1949 года официально было провозглашено создание Китайской Народной Республики, однако создание Нинся-Хуэйского автономного района начинается несколько раньше. 23 сентября 1949 года был полностью освобождён от войск Гоминьдана Советский район Шэньси — Ганьсу — Нинся [周靖程, 2010, 页 79]. 26 сентября военно-контрольный совет г. Иньчуань опубликовал обращение, в котором провозглашал соблюдение принципа равенства всех этнических групп и права на национальную автономию, уважение обычаев и традиций всех национальных меньшинств на территории Нинся. 23 декабря 1949 года в г. Иньчуань было создано народное правительство провинции, в ведении правительства на тот момент находился один город — Учжун. После освобождения территории от войск Гоминьдана волость Учжун официально стала городом. В начале 1950 года Учжун получил статус провинциального муниципалитета. Помимо Учжуна, в состав территории, которая управлялась новым правительством, вошли 13 округов и 2 волости. Общая численность населения на тот момент составляла 1 197 501 человек, из которых народность хуэй составляла 31,1 % от общей численности населения [郑彦卿, 2018, 页 33].

8 августа 1952 года на 18 заседании ЦК Народного правительства единогласно был одобрен «План реализации национально-территориальной автономии в КНР». Пункт 36 Плана гласил: «В местах компактного проживания национальных меньшинств, за исключением тех мест, где принцип национально-территориально автономии уже реализован, надлежит начать создание автономии. Для этого нужно создать подготовительные органы или передать полномочия соответствующим органам, а также созвать местное Народное правительство для установления других необходимых подготовительных мероприятий» [人民代表 …, 2015, 页 121].

7 декабря 1952 года Центральный Комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) выпустил «Руководящие заключения о разработке пятилетнего плана по строительству в КНР института национально-территориальной автономии». В документе говорится о необходимости реализовать принцип автономии на уровне провинции и ниже до конца 1955 года, а также о необходимости создать местные Собрания народных представителей (СНП) в каждой национальной автономии в 1955 году [中共中央 …, 2013. 页 358].

Во исполнение требований ЦК КПК в январе 1953 года в Нинся было проведено второе заседание Народного правительства, где был представлен отчет провинциального Народного комитета о выполнении плана по

CC BY

строительству национально-территориальной автономии в провинции. Начиная с 1953 года активно велась работа по созданию автономии, которая распространялась на всю территорию Нинся. К первой половине 1954 года в проект национально-территориальной автономии были включены 26 региональных автономных районов, среди которых 18 автономных поселений хуэй (в 1955 году они будут преобразованы в национальные волости), 2 автономных района компактного проживания хуэй на уровне уезда, автономный район Линша, автономный район Баофэн в уезде Хуэйун, 3 автономных района на уровне уезда, монгольский автономный район Алха, монгольский автономный район Эцзина Баннер, Хуэйский автономный район уезда Цзинюань (в то время находился в составе провинции Ганьсу), 3 автономных района провинциального уровня: автономный район Хэдун-Хуэй, монгольский автономный район Нинся, Сихайгу-Хуэйский автономный район [宁夏百科 …, 1998, 页 652].

19 июня 1954 года на 32-м заседании ЦК Народного правительства КНР было принято «Решение об отмене некоторых региональных административно-территориальных единиц и слиянии некоторых единиц провинциального и муниципального уровня». Согласно данному решению 23 сентября 1954 года Народные правительства провинций Ганьсу и Нинся выпустили совместное заявление об упразднении провинции Нинся и ее объединении с провинцией Ганьсу. Народное правительство Нинся в свою очередь объявило о прекращении осуществления своих полномочий [冯炯华, 2006, 页 231]. Данное решение не соответствовало плану реализации национально-территориальной автономии в КНР, поскольку хуэй — национальное меньшинство, достаточно большое по численности, и отказ от создания для подобного национального меньшинства национальной автономии уровня провинции означал отказ от признания права хуэй на создание собственного отдельного автономного района, что в будущем могло стать поводом для конфликта.

С начала октября 1954 года стали проводиться всесторонние консультации и обсуждения по вопросу о необходимости создания отдельного автономного района Нинся. По результатам консультаций партийная группа государственного комитета по делам национальностей направила запрос в ЦК КПК «Об инструкциях по созданию в Северо-Западном регионе Китая Нинся-Хуэйского автономного района». По данному запросу в состав Нинся-Хуэйского автономного района должны были войти автономный район Хэдун-Хуэй в провинции Ганьсу и Сихайский автономный район, а также автономный район Гу Хуэй [中国共产党 …, 2008, 页 203]. ЦК КПК в свою очередь поручил всем заинтересованным сторонам подробно изучить данный документ.

CC BY

3.2. Создание Нинся-Хуэйского автономного района: практическая реализация проекта (1955—1958)

Начиная с мая 1956 года народный комитет Ганьсу, а также отделение Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) в Ганьсу проводили совещания по созданию Нинся-Хуэйского автономного района среди всех проживающих на территории Ганьсу национальных меншьшинств. Проводились опросы также и внутри самой партии для представления различных мнений по данному вопросу. В мае 1957 года НПКСК созвал специальное заседание, по итогам которого было представлено два плана. Первый план состоял в создании Нинся-Хуэйского автономного района в северо-восточной части Ганьсу. Внутренне деление предлагалось основать на том, как оно было организовано в провинции Нинся первоначально, а также добавить автономную провинцию Гуюань-Хуэй, округа Лундэ и Цзинъюань. Второй же план предлагал включить в состав автономии, помимо перечисленных выше административно территориальных единиц, также специальные районы Чжанцзячуань-Хуэйский автономного уезда в Ганьсу — Пинлян и Тяньшуй. После обсуждений и консультаций было принято решение действовать по первому плану. Согласно этому плану, Нинся-Хуэйский автономный район создавался в северо-восточной части провинции Ганьсу. В его первоначальную структуру входили специальный район Иньчуань, автономный округ Учжун-Хуэй, уезд Лунде автономного округа Гуюань-Хуэй и специальный район Пинлян, а также автономный уезд Цзинъюань-Хуэй с 17 уездами и 2 городами, входящими в его состав. Общая площадь планируемого автономного района составляла около 77 800 квадратных километров, где население составляет около 1 728 000 человек, а народность хуэй составляет более одной трети от общей численности населения. 7 июня на 51-м пленарном заседании Государственного совета было принято решение о создании Нинся-Хуэйского автономного района. 4 июля Чжоу Эньлай представил «Предложение о создании автономного района Нинся-Хуэй» на четвертой сессии Первого Всекитайского собрания народных представителей. 15 июля четвертая сессия Первого Всекитайского собрания народных представителей приняла решение о создании Нинся-Хуэйского автономного района [关于成立…].

5 ноября 1957 года в Пекине был учрежден рабочий комитет Нинся для организации и руководства работой по созданию Нинся-Хуэйского автономного района. В марте 1958 года рабочий комитет переехал в г. Иньчуань. Первым секретарем данного комитета был назначен Ван Фэн, сам комитет состоял из 20 членов. Первое заседание кабинета было проведено 16—19 июня 1957 года. На нем был оглашен список членов комитета, а также комитет обсудил и принял «Отчет о создании автономии районно-

CC BY

го уровня в Нинся за 1958 год», «План экономики», «Разъяснения относительно упразднения автономной префектуры Учжун-Хуэй в провинции Ганьсу, автономного округа Гуюань-Хуэй, специального района Иньчуань автономного округа Цзинюань-Хуэй и создания специальной администрации Гуюань в автономном районе Нинся-Хуэй» [中国共产党 …, 2008, 页 213]. 12 октября состоялась первая сессия Народного Политического Консультативного Совета (НПКС) Нинся-Хуэйского автономного района, где был избран председатель НПКС Нинся-Хуэйского автономного района Ли Цзилинь (этнический ханец; в дальнейшем лица ханьской национальности указываются без указания на этническое происхождение), заместителями председателя стали Ма Сыи (хуэй), Юань Цзиньчжан, Ли Чунхэ, Хэ Ицзян (хуэй) и Хун Цинго (хуэй) [中国共产党 …, 2008, 页 209].

24—30 октября 1958 года в Иньчуане состоялась первая сессия местного собрания народных представителей (СНП) Нинся-Хуэйского автономного района. 25 октября 1958 года было официально объявлено о создании нового автономного района. Также на заседании 25 октября был избран председатель СНП Лю Гэпин (этнический хуэй), его заместителями были избраны Ма Юхуай (хуэй), У Шэнсю, Ван Цзиньчжан, Ван Чжицян (хуэй), Ма Тенгай (хуэй), Хао Юйшань и Хуан Чжичжун. Столицей нового автономного района был объявлен город Иньчуань, в состав вошли следующие административно-территориальные единицы: автономный округ Гуюань, город Иньчуань, города Учжун и Юннин, Хелань, Хуэйнун, Пинлуо, Таоле, Ниншо, Линву, Цзиньцзи, Янчи, Тунсинь и Чжуннин, Чжунвэй, Гуюань, Сицзи, Хайюань, Лунде, 17 уездов округа Цзинъюань, ранее относившихся к провинции Ганьсу. Всего площадь района составила 66 400 квадратных километров с общей численностью населения 1,93 миллиона человек, из которых хуэй составили 32,5 % от общей численности населения [当代宁夏 …, 2004, 页 67].

Уже после создания района для оценки проделанной работы туда была отправлена делегация во главе с виднейшим деятелем Коммунистической партии Китая Линь Боцюем (долгое время занимавшим пост председателя Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся). Линь Боцюй отметил, что реализация практики национально-территориальной автономии — ключ к решению национального вопроса в КНР [中国共产党 …, 2008, 页 214]. Такое значимое событие также не осталось без внимания государственной прессы Китая. 26 октября газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью под названием «Я желаю создания Нинся-Хуэйского автономного района». 27 октября армейская газета «Цзефанцзюнь бао» опубликовала специальный выпуск, посвященный созданию Нинся-Хуэйского автономного района [郑彦卿, 2018, 页 35].

CC BY

3.3. Развитие Нинся-Хуэйского автономного района в 1958—1979 годах

При создании Нинся-Хуэйского автономного района (НХАР) возникали многочисленные сложности. Еще до официального создания НХАР проводившиеся кампании — «чженфэн», также известная как «кампания за упорядочивание стиля», и кампания против правых, которыми в Нинся были названы мусульманские лидеры хуэй, — стали событиями, которые усложнили создание автономного района. Мусульманские лидеры обвинялись Пекином в разжигании межнациональной розни и подрыве отношений между ханьцами и национальными меньшинствами. Развернутые также кампании против «плохих элементов» и против «правых элементов из религиозных кругов» только ухудшили отношения между ханьцами и хуэй, вызвав у последних волну широкого недовольства. Уже в процессе создания автономии, начиная с 1958 года, развёртывалась кампания против местного национализма, усилившаяся с началом реализации политического курса «Трёх красных знамен» (новая генеральная линия КПК, «большой скачок» и народные коммуны). Здесь преследования были направлены не только против духовенства, но также против местной интеллигенции и национальных кадров.

Начавшаяся в 1958 году политика «большого скачка» (大躍進, проходившая под лозунгом «Пять лет упорного труда — десять тысяч лет счастья» и нацеленная на ускоренную индустриализацию Китая) совпала по времени с созданием Нинся-Хуэйского автономного района. Точно так же, как и по всей стране, в Нинся началось массовое создание «народных коммун» (как определил Председатель КНР Мао Цзэдун, народные коммуны станут исходной структурой будущего коммунистического общества). 21 сентября 1958 года газета «Нинся жибао» публикует указания рабочего комитета КПК НХАР о создании народных коммун. Всего в автономном районе было создано 152 коммуны [宁夏日报, 1958]. «Большой скачок» в НХАР, как и во всём Китае, оказался достаточно сложным и неоднозначным событием, в рамках которого переплелись различные вопросы, непосредственно повлиявшие на развитие только что созданного автономного района. Так, при создании производственных бригад внутри коммун национальность трудящихся не учитывалась, что выливалось в многочисленные конфликты на национальной почве. Во-вторых, задачи реализации политики «Большого скачка» полностью игнорировали особые условия, в которых Нинся находилась на тот момент: необходимость активного развития сельского хозяйства и экономики в целом, подготовку национальных кадров, наличие собственной культуры и обычаев титульной народности, которые диктуют порой совершенно иные нормы жизненного уклада и поведения. Все перечисленные выше острые вопросы были проигнорирова-

CC BY

ны ради реализации новой генеральной линии партии. В результате это вылилось в волну протеста среди хуэй, которая, конечно же, осуждалась со стороны партийного руководства района, одновременно с осуждением в прессе активно пропагандировалась идея слияния национальностей как формы решения национального вопроса [民族团结, 1958, № 1, 页 1].

Другим следствием стал голод, охвативший Нинся-Хуэйский автономный район в 1959 году [Xin Meng, 2015, p. 1568]. Только оформившийся институционально район, где сельское хозяйство было основой экономики, был вынужден полностью забросить аграрное производство и приступить к выплавке металла. При этом автономный район не располагал техническими средствами ни для выплавки металла, ни для развития сельского хозяйства. Помимо прочего, полагалось выделять людей из коммун для строительства промышленных объектов. Не прекращалось проведение различных политических кампаний, продолжалась борьба с духовенством. Все это вместе взятое в итоге привело как к массовому голоду, так и к провалу всех мероприятий «большого скачка» на территории НХАР. Об этом говорит и статья в журнале «Минцзу туаньцзе», опубликованная в 1960 году: Опыт двух лет показал, что для создания крепкой промышленной базы в первую очередь нужно создать крепкую базу сельского хозяйства [民族团结, 1960, № 7, 页 25].

С 1960 года в НХАР начинается постепенное восстановление и развитие сельского хозяйства. Первостепенной задачей для руководства было обеспечение населения едой, что означало увеличение производства риса. Для этого большая часть болот и озер, которые сдерживали пустыню Гоби, была засыпана ради возможности увеличить рисовые поля. С одной стороны, это действительно позволило увеличить производство риса. С другой стороны, привело к тяжелым последствиям для экологии района и увеличению случаев опустынивания сельскохозяйственных земель.

Параллельно происходили изменения и в административно-территориальном делении района. В январе 1960 года уезд Хуэйнун был упразднен, был основан город (и городской округ) Шицзуйшань. В августе того же года уезды Ниншо и Цзиньцзи были упразднены и был основан город Цинтунся. В 1961 году в г. Инчуань были образованы два района городского подчинения — «городской район» и «новый городской район». В 1963 году города Учжун и Цинтунся были преобразованы в уезд Учжун и уезд Цинтунся [宁夏历史…].

Несмотря на попытки улучшить сельское хозяйство в регионе, ситуация в НХАР оставалась сложной. Ни одна из сфер экономической, социальной, культурной жизни района не была в порядке. Каждая из сфер жизни дополнительно осложнялась национальным вопросом. Однако ситуация продол-

CC BY

жала ухудшаться, поскольку на смену провалившемуся «большому скачку» пришла культурная революция. На ее начальных этапах (1966—1969) главной целью высшего партийного руководства по отношению к НХАР была чистка кадрового состава органов местного самоуправления. В первую очередь борьба велась против национальных кадров, которые, как утверждало официальное руководство, шли по капиталистическому пути, а также преследовали исключительно националистические интересы. Все это противоречило Конституции КНР 1954 года, а также «Программе осуществления национальной автономии в КНР». В 1967 году хунвэйбины («красные охранники») и цзаофани («революционные бунтари») даже предприняли попытки захвата официальных органов власти, которые в итоге не увенчались успехом. Продолжали усиливаться гонения на национальные кадры, хунвэйбины требовали от них отказаться от мусульманской веры. Все это не только стало новым поводом к осложнению отношений между ханьцами и хуэй, но и подтолкнуло хуэй к сопротивлению. Летом 1967 года на фоне попытки хунвэйбинов и цзаофаней захватить местные органы власти произошли столкновения, которые впоследствии активно осуждались в пекинских газетах как «крайние националистические проявления контрреволюционеров». Только в августе 1967 года, после введения частей Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в автономный район, конфликт удалось погасить. Результатом этого стала полная ликвидация органов местного самоуправления [Москалев, 1979, с. 117].

На тот момент органами управления национально-территориальных автономий являлись местные собрания народных представителей и органы государственной власти на местах, исполнительным и административным органом являлись народные комитеты. В Конституции 1954 года отдельно обозначалось обязательное наличие представителей титульной народности, в данном случае хуэй, в высшем руководстве, а также в составе самих органов местной власти [宪法 1954, 第 3章, 第 38条].

Зимой 1967 года маоисты выдвинули идею о создании новых органов власти — ревкомов, которые, по замыслу Мао Цзэдуна, должны были стать «соединением трех сторон» в вопросе «верного» управления административно-территориальными единицами. Три стороны, по мнению Мао, — революционные массы, революционные кадры и армия. В НХАР ревком был создан в апреле 1968 года, его возглавил ханец Кан Цзяньминь, сосредоточив в своих руках всю власть в автономном районе [Великодержавная …, 1975, с. 96]. После этого активно началась фаза создания ревкомов на низовом уровне. Окончательно подобная структура местного управления оформилась только в 1975 году с принятием новой конституции КНР. Конституция 1975 года отражала идейно-политическую деформацию ки-

CC BY

тайской власти и общества в период культурной революции. Она провозглашала местными органами самоуправления СНП и местные революционные комитеты. Функции местного СНП и революционных комитетов Конституция не разделяла, а также не определяла национальный состав тех, кто мог быть избран в местные СНП и ревкомы. Естественно, существование местного СНП было лишь номинальным, всю полноту власти осуществляли ревкомы.

3.4. Нинся-Хуэйский автономный район в 1970-х годах

К началу 1970 годов Нинся-Хуэйский автономный район подошел с накопившимися в 1960-х годах проблемами. Необходимо было решать национальные и административные вопросы, а также вопросы развития экономики.

Изменилась территория района. В 1969 году район Алашань-Цзоци, находившийся в составе Автономного района Внутренняя Монголия, вошел в состав НХАР. В 1972 году были созданы районы Иньбэй и Иннань. В том же году уезд Юннин был включен в состав города Иньчуань вместе со всеми пригородами Иньчуаня. В 1975 году район Иньбэй был упразднен. Городской округ Шицзуйшань был реорганизован в городской муниципалитет Даукоу, в ведении которого находились районы Даукоу, Шицзуйшань и Шитаньцзин. В то же время уезд Хелань был переведен из района Иньбэй в город Иньчуань [宁夏历史].

К концу 1960-х годов территория НХАР выросла почти вдвое, включив в себя земли, почти полностью населенные другими национальными меньшинствами, такими, например, как монголы. Присоединение территорий, изначально заселенных не народом хуэй, советские исследователи объясняли военно-стратегическими замыслами руководства КНР [Великодержавная …, 1975, с. 101]. Кроме того, непрекращающиеся гонения на хуэйские кадры в органах управления районом, а также притеснения религиозных лидеров и попытки заставить хуэй отказаться от традиций и веры ислама привели к заметному ухудшению взаимоотношений между ханьцами и титульной народностью района.

Первым предстояло решить административный вопрос. Разрушенная в период культурной революции система местного самоуправления нуждалась в восстановлении. Работа по смене системы начинается в августе 1971 года, когда состоялась «восстановительная» конференция КПК в НХАР [人民日报, 1971]. Главными тезисами были подготовка к войне, исполнение стратегического курса Мао. По итогам конференции был сформирован новый партийный комитет НХАР, руководящие посты в котором были заняты преимущественно ханьцами, однако три заместителя председателя

CC BY

были хуэй. Следующим шагом на пути к изменению административной системы стали региональная конференция комсомола и профсоюзный съезд в Нинся в 1973 году. Хотя главные тезисы этих съездов почти полностью совпадали с тезисами «восстановительной» конференции КПК — подготовка в войне и запасы продовольствия для военных нужд, критика ревизионизма, упорядочивание стиля работы, в документах данных мероприятий можно заметить такие тенденции, как необходимость подготовки новых, молодых, национальных кадров [人民日报, 1973]. Тем не менее стоит отметить, что их действия строго контролировались, а высказывания и работа тщательно проверялись, и при малейшем подозрении в отклонении от курса или проявлении национализма такие кадры тут же подвергались репрессиям.

Окончательно административная структура поменялась с принятием новой Конституции в 1978 году. По-прежнему органами местного самоуправления провозглашались СНП и революционные комитеты. Однако главное отличие заключалось в двух моментах. Первый — на законодательном уровне были четко разделены функции местного СНП и ревкомов, которые отныне стали исполнительным органом СНП. Второй момент — вновь отдельное внимание уделялось представительству в органах самоуправления всех народностей, проживающих в многонациональных автономных образованиях. При этом в действительности даже в районах, где более 90 % населения составляют хуэй, на национальные кадры приходилось около 20 % от общего числа лиц, занятых в органах самоуправления [人民日报, 1978.11.5].

Годы «большого скачка» и культурной революции не могли не отразиться на развитии экономики региона. Тяжелая промышленность пострадала от кустарного производства металла в годы «большого скачка», те же предприятия черной металлургии, которые еще действовали на территории НХАР, работали в основном на нужды общегосударственного военного строительства, добываемые полезные ископаемые вывозятся в соседние провинции [广西日报, 1973]. Тяжелая промышленность также не закрывала местной потребности в технике для сельского хозяйства, которое по-прежнему оставалось малоприбыльным и низкоэффективным, несмотря на внедрение опыта Дачжая. Все эти факторы вкупе с полным игнорированием местных природных условий и годами складывающихся сельскохозяйственных привычек местного населения повлияли на то, что сельскохозяйственное производство с каждым годом все больше и больше приходило в упадок, как и другие сферы жизни района: здравоохранение, медицина, образование [人民日报, 1972].

Только после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году ситуация в НХАР начала несколько меняться: наряду с изменением административной структуры и принятием новой Конституции начала происходить реабилитация

CC BY

национальных кадров, которые подверглись репрессиям в годы культурной революции [人民日报。1978.2.10]. Тем не менее при выборе нового руководителя ревкома НХАР должность была отдана Хо Шиляню — ханьцу. Национальные кадры смогли занять только второстепенные по значимости посты [人民日报, 1978.06.25]. Вплоть до конца 1970-х годов руководство района по-прежнему придерживалось прежнего курса партии — «учиться у Дацина, учиться у Дачжая» в промышленности и в сельском хозяйстве, игнорируя национальный вопрос [光明日报, 1978].

4. Заключение = Conclusions

Приход к власти в Китае Дэн Сяопина в 1979 году привел к изменению генерального курса Коммунистической партии и началу политики реформ и открытости. Первые результаты реформ в сельском хозяйстве можно было наблюдать уже в 1983 году, когда резко возросла эффективность сельского хозяйства и начал развиваться свободный рынок. Это позволило создать фундамент для дальнейшего развития данной отрасли и начать выполнение проектов по улучшению жизни сельского населения, таких как проекты по борьбе с бедностью, проекты по развитию ирригационных систем Хуанхэ, проекты по борьбе с наводнениями и опустыниванием сельскохозяйственных угодий, за сохранение и улучшение качества почвы и ресурсов питьевой воды [郑彦卿, 2018].

В 1980-е годы также происходит несколько важных изменений для административной системы национально-территориальных автономий и для НХАР, в частности, — принятие в 1982 году новой Конституции КНР, принятие в 1984 году «Закона о национально-территориальной автономии», который был призван дополнить положения Конституции об институте национально-территориальной автономии, а также дать ей конкретное определение и содержание. Структура и функции органов также претерпели изменения, было усилено представительство титульной национальности в органах власти автономных районов.

Изменилась и административная структура Нинся-Хуэйского автономного района. В 1983 году уезд Учжун был переименован в город Учжун, был создан округ Пэнъян. В 1984 году уезд Цинтунся был переименован в город Цинтунся В 1987 году пригороды города Шицзуйшань были упразднены, а округ Хуэйнун (Цзимэцзявань) был восстановлен.

В конце 1980-х годов стал заметен определенный подъем экономики НХАР, тем не менее район остается дотационным регионом. Главной проблемой становится низкий уровень экономического и социального развития НХАР. Ситуация начала меняться только в 1999 году, когда на четвертом пленуме ЦК КПК была принята Программа развития запада,

призванная ускорить экономическое и социальное развитие западных регионов КНР, куда входил и Нинся-Хуэйский автономный район. Особое же внимание регион стал привлекать после 2013 года, когда Председатель КНР Си Цзинпин провозгласил инициативу «Один пояс — один путь», которая во многом была нацелена на ускорение экономического развития западных и северо-западных районов КНР и в соответствии с которой через Нинся-Хуэйский автономный район должна была пройти основная линия Экономического пояса Нового Шелкового пути [Прекрасные перспективы …, 2015, с. 33]. Таким образом, Нинся-Хуэйский автономный район попал в программу ускорения социально-экономического развития западных регионов Китая, что в перспективе сможет оказать существенное влияние на уровень жизни и экономику рассматриваемого региона.

Источники

1. *Прекрасные перспективы* и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2015. — 44 с. — ISBN 978-7-119-09359-8.

2. 关于成立议案 // 全国人民代表大会. 中国人大网. (*Guanyu* chengli Ningxia huizu zizhiqu de yian // Quan guo renmin daibiao dahui. Zhongguo rendawang ; Предложение о создании Нинся-Хуэйского автономного района [Электронный ресурс] // Всекитайское собрание народных представителей, Народный конгресс Китая). — Режим доступа : http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/12/content_5000360.htm (дата обращения 2.11.2021)).

3. 光明日报. — 1978年. 1月. 3日 (*Guangming* ribao. 1978. 1. 3) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/237600/3834736993/ (accessed 3.11.2021).

4. 广西日报. — 1973年. 3月. 25日 (*Guangxi* ribao. 1973. 3. 25) [Electronic resource]. — Access mode : http://www.gxdfz.org.cn/flbg/baiguizl/201701/t20170115_36595.html (accessed 4.11.2021).

5. 民族团结. — 1958, 第1期 (*Minzu* tuanjie, 1958, № 1) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/364788/3021403263/ (accessed 6.11.2021).

6. 民族团结. — 1960, 第7 期 (*Minzu* tuanjie, 1960, № 7) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/1959/2606035026/ (accessed 6.11.2021).

7. 宁夏日报. — 1958年. 10月. 24日 (*Ningxia* ribao. 1958. 10. 24) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/27727/268394803/ (accessed 7.11.2021).

8. 人民日报. — 1971. 7月. 26日. (*Renmin* ribao. 1971. 7. 26) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/318909/1744360732/ (accessed 9.11.2021).

9. 人民日报. — 1972年. 6月. 27日 (*Renmin* ribao. 1972. 6. 27) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/88219/906109857/ (accessed 9.11.2021).

10. 人民日报. — 1973年. 7月23日(*Renmin* ribao. 1973. 7. 23) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/10911/3776029983/ (accessed 11.11.2021).

11. 人民日报. — 1978年. 2月. 10日 (*Renmin* ribao. 1978. 2. 10) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/318909/1790207794/ (accessed 11.11.2021).

12. 人民日报. — 1978年. 6月. 25日 (*Renmin* ribao. 1978. 6. 25) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/468650/3000160024/ (accessed 13.11.2021).

13. 人民日报. — 1978 年. 11 月. 5 日 (*Renmin* ribao. 1978. 11. 5) [Electronic resource]. — Access mode : https://book.kongfz.com/273171/1325566629/ (accessed 15.11.2021).

14. 人民代表大会制度重要文献选编. 广州: 中国民主法制出版社, 2015, 第一册. — 700页. (*Renmin* daibiao dahui zhidu zhongyao wenxian xuan bian. Guangzhou: Zhongguo minzhu fazhi chubanshe, 2015, di 1 ce. — 700 ye. ; Избранные важнейшие документы Народного конгресса Китая. — Гуанчжоу : Китайское политическое и правовое издательство, 2015. — Том 1. — 700 с.). — ISBN 978-7-516-20820-5.

15. 中国共产党宁夏史（1949.9 — 1978.12）. 银川: 宁夏人民出版社, 2008 . — 419 页. (*Zhongguo* gongchandang Ningxia shi（1949.9 — 1978.12）. — Yinchuan : Ningxia renmin chubanshe, 2008. — 419 ye. ; История Коммунистической партии Китая в Нинся, сентябрь 1949 — декабрь 1978. — Иньчуань : Народное издательство Нинся, 2008. — 419 с.). — ISBN 978-7-227-03927-3.

16. 宪法 1954 — 中华人民共和国宪法（1954年）. 第三章. 第三十八条 // 全国人民代表大会 (*Zhonghua* Renmin Gongheguo xianfa, 1954 nian ; Конституция Китайской Народной Республики, 1954 года) [Electronic resource]. — Access mode : http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4365.htm (accessed 17.11.2021).

17. 中共中央文件选集 (1949 年 10 月 — 1966 年 5 月). 北京: 人民出版社, 2013, 第 10 册. — 446 页. (*Zhonggong* zhongyang wenjian xuanji, 1949 nian 10 yue — 1966 nian 5 yue. — Beijing : Renmin chubanshe, 2013, di 10 ce.) ; Избранные документы Центрального комитета Коммунистической партии Китая, октябрь 1949 — май 1966. — Пекин : Народное издательство, 2013. — Том 10. — 446 с.). — ISBN 978-7-010-12019-5.

Литература

1. *Великодержавная* политика маоистов в национальных районах КНР / Отв. ред. М. И. Сладковский. — Москва : Политиздат, 1975. — 126 с.

2. *Герасимов И. В.* Формирование мусульманских общин в Китае и исламские святыни Иньчуани (Нинся-Хуэйский автономный район, КНР) / И. В. Герасимов, Г. А. Пан // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — Выпуск 58. — № 9. Философские науки. — С. 37—45. — DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10906.

3. *Дин Хун.* Ислам в Китае. Взгляд на проблему с точки зрения народности хуэй / Дин Хун // Ислам в мультикультурном мире. — Москва : [б. и.], 2011. — С. 510—514.

4. *Дудин П. Н.* Монгольская Алашаньская республика как политический проект 1940-х гг. / П. Н. Дудин // Восток (Oriens). — 2014а. — № 2. — С. 33—42.

5. *Дудин П. Н.* Предпосылки становления государственности в провинции Нинся / П. Н. Дудин // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2014б. — № 6 (109). — С. 67—72.

6. *Завьялова О. И.* Китайские мусульмане хуэйцзу : язык и письменные традиции / О. И. Завьялова // Проблемы Дальнего Востока. — 2007. — № 3. — С. 153—160.

7. *Захарьин А. Б.* Ислам в Китае. Религия и власть / А. Б. Захарьин // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2012. — № 4. — С. 38—47.

8. *Москалёв А. А.* Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР / А. А. Москалёв. — Москва : Наука, 1979. — 152 с.

9. *Москалёв А. А.* Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949—1978) / А. А. Москалев. — Москва : Наука, 1981. — 213 с.

10. *Leslie D. D.* The Integration of Religious Minorities in China : The Case of Chinese Muslims [Electronic resource] / D. D. Leslie // The Fifty-ninth George Ernest Morrison Lec-

ture in Ethnology 1998. — Access mode : http://islamicpopulation.com/asia/China/China_integration of religious minority.pdf (accessed 1.12.2021).

11. *Xin Meng*. The Institutional Causes of China's Great Famine, 1959—1961 [Electronic resource] / Xin Meng, Nancy Qian, Pierre Yared // Review of Economic Studies. — 2015. — № 82. — Pp. 1568—1611. — Access mode : https://www0.gsb.columbia.edu/faculty/pyared/papers/famines.pdf (accessed 3.12.2021).

12. 当代宁夏史通鉴. 北京 : 当代中国出版社, 2004. — 712页. (*Dangdai* Ningxia shi tongjian. — Beijing : Dangdai Zhongguo chubanshe, 2004. — 712 ye. ; Обозрение современной Нинся. — Пекин : Издательство «Современный Китай», 2004. — 712 с.). — ISBN 978-7-801-70334-7.

13. 冯炯华. 当代宁夏日史 / 冯炯华. 银川:宁夏人民出版社, 2006. — 470 页. (*Feng Jionghua*. Dangdai Ningxiari shi / Feng Jionghua. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 2006. — 470 ye. ; Фэн Цзюнхуа. Современная история Нинся. — Иньчуань : Народное издательство Нинся, 2006. — 470 с.). — ISBN 978-7-227-03233-7.

14. 宁夏百科全书. 银川 : 宁夏人民出版社, 1998. — 1008 页. — (*Ningxia* baikequan shu. Yinchuan : Ningxia renmin chubanshe, 1998. — 1008 ye ; Энциклопедия Нинся. — Иньчуань : Народное издательство Нинся, 1998. — 1008 с.). — ISBN 978-7-227-01647-2.

15. 宁夏历史沿革 // 个人图书馆. (Ningxia lishi yange // Geren tushu guan ; История Нинся [Электронный ресурс] // Личная библиотека) 2017. — Режим доступа : http://www.360doc.com/content/17/0417/08/8527076_646203360.shtml (дата обращения 14.12.2021).

16. 周靖程. 民国时期宁夏政治史研究. 专门史. 北京, 2010. — 120 页. (*Zhou Jingcheng*. Minguo shiqi Ningxia zhengzhishi yanjiu. — Beijing : Zhuanmen shi, 2010. — 120 ye ; Чжоу Цзинчэн. История Нинся в период Китайской Республики [Электронный ресурс]. — Пекин : Специализированная история, 2010. — 120 с.). — Режим доступа : https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFD0911&filename=2010261386.nh&uniplatform=NZKPT&v=ivgeBzVBRit3xgtJExLev370VG42ir4LRv72c0aap%25mmd2Bi%25mmd2BPcZxf254dbFBj5wUsuGc (дата обращения 17.12.2021).

17. 郑彦卿. 民族区域自治的光辉实践 — 宁夏回族自治区的发展历程、辉煌成就和历史经验 / 郑彦卿 // 当代中国史研究. (*Zheng Yanqing*. Minzu quyu zizhi de guanghui Shijian — Ningxia huizu zizhiqu de fazhan licheng 、 hui huangcheng jiuhe lishi jingyan / Zheng Yanqing // Dangdii Zhongguoshi yanjiu. — 2018. — № 5. — 33—41 ye). — 2018. — № 5. — 33—41 页 ; Чжэн Яньцин. Славная практика региональной этнической автономии : история развития, блестящие достижения и исторический опыт Нинся-Хуэйского автономного района [Электронный ресурс] / Чжэн Яньцин // Исследования по современной истории Китая. — 2018. — № 5. — С. 33—41. — Режим доступа : https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=DZSY201805003&uniplatform=NZKPT&v=4IrvkenNcdahzT2s%25mmd2FsSZ%25mmd2F4YAsjuYaAluxp%25mmd2BA53s59eKXS5%25mmd2BtBmyYPNit1WmucXrD (дата обращения 24.12.2021).

Material resources

Constitution of the People's Republic of China, 1954. Available at: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4365.htm (accessed 17.11.2021). (In Chin.).

Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road of the XXI century. (2015). Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. 44 p. ISBN 978-7-119-09359-8. (In Russ.).

Guangming ribao, 1: 3. (1978). Available at: https://book.kongfz.com/237600/3834736993/ (accessed 3.11.2021). (In Chin.).

Guangxi ribao, 3: 25. (1973). Available at: http://www.gxdfz.org.cn/flbg/baiguizl/201701/t20170115_36595.html (accessed 4.11.2021). (In Chin.).

History of the Communist Party of China in Ningxia, September 1949 — December 1978. (2008). Yinchuan: Ningxia People's Publishing House. 419 p. ISBN 978-7-227-03927-3. (In Chin.).

Minzu tuanjie, 1. (1958). Available at: https://book.kongfz.com/364788/3021403263/ (accessed 6.11.2021). (In Chin.).

Minzu tuanjie, 7. (1960). Available at: https://book.kongfz.com/1959/2606035026/ (accessed 6.11.2021). (In Chin.).

Ningxia ribao, 10: 24. (1958). Available at: https://book.kongfz.com/27727/268394803/ (accessed 7.11.2021). (In Chin.).

Proposal for the creation of the Ningxia Hui Autonomous *Region. National People's Congress, People's Congress of China.* Available at: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/12/content_5000360.htm (accessed 2.11.2021)). (In Russ.).

Renmin ribao, 7: 26. (1971). Available at: https://book.kongfz.com/318909/1744360732/ (accessed 9.11.2021). (In Chin.).

Renmin ribao, 6: 27. (1972). Available at: https://book.kongfz.com/88219/906109857/ (accessed 9.11.2021). (In Chin.).

Renmin ribao, 7: 23. (1973). Available at: https://book.kongfz.com/10911/3776029983/ (accessed 11.11.2021). (In Chin.).

Renmin ribao, 2: 10. (1978). Available at: https://book.kongfz.com/318909/1790207794/ (accessed 11.11.2021). (In Chin.).

Renmin ribao, 6: 25. (1978). Available at: https://book.kongfz.com/468650/3000160024/ (accessed 13.11.2021). (In Chin.).

Renmin ribao, 11: 5. (1978). Available at: https://book.kongfz.com/273171/1325566629/ (accessed 15.11.2021). (In Chin.).

Selected Documents of the Central Committee of the Communist Party of China, October 1949 — May 1966, 10. (2013). Beijing: People's Publishing House. 446 p. ISBN 978-7-010-1209-5. (In Chin.).

Selected most important documents of the People's Congress of China, 1. (2015). Guangzhou: Chinese Political and Legal Publishing House. 700 p. ISBN 978-7-516-20820-5. (In Chin.).

References

Ding, Hong. (2011). Islam in China. A look at the problem from the point of view of the Hui people. In: *Islam in the multicultural world.* Moscow: [b. i.]. 510—514. (In Russ.).

Dudin, P. N. (2014a). The Mongolian Alashan Republic as a political project of the 1940s. *Vostok (Oriens), 2:* 33—42. (In Russ.).

Dudin, P. N. (2014b). Prerequisites for the formation of statehood in the province of Ningxia. *Bulletin of the Trans-Baikal State University, 6 (109):* 67—72. (In Russ.).

Encyclopedia of Ningxia. (1998). Yinchuan: Ningxia People's Publishing House. 1008 p. ISBN 978-7-227-01647-2. (In Chin.).

Feng, Junhua. (2006). *The modern history of Ningxia.* Yinchuan: People's publishing house of Ningxia. 470 p. ISBN 978-7-227-03233-7. (In Chin.).

Gerasimov, I. V., Pan, G. A. (2020). The formation of Muslim communities in China and the Islamic shrines of Yinchuan (Ningxia Hui Autonomous Region, China). *Bulletin of Chelyabinsk State University, 58 (9). Philosophical Sciences:* 37—45. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10906. (In Russ.).

Leslie, D. D. The Integration of Religious Minorities in China: The Case of Chinese Muslims. *The Fifty-ninth George Ernest Morrison Lecture in Ethnology 1998.* Available at: http://islamicpopulation.com/asia/China/China_integration of religious minority.pdf (accessed 1.12.2021).

Moskalev, A. A. (1979). *Guangxi-Zhuang and Ningxia-Hui Autonomous Regions of China.* Moscow: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Moskalev, A. A. (1981). *The policy of the People's Republic of China in the national language issue (1949—1978).* Moscow: Nauka. 213 p. (In Russ.).

Review of modern Ningxia. (2004). Beijing: Publishing House "Modern China". 712 p. ISBN 978-7-801-70334-7. (In Chin.).

Sladkovsky, M. I. (ed.). (1975). *The Great-power policy of the Maoists in the national regions of the People's Republic of China.* Moscow: Politizdat. 126 p. (In Russ.).

The History of Ningxia. (2017). *Personal Library.* Available at: http://www.360doc.com/content/17/0417/08/8527076_646203360.shtml (accessed 12/14/2021). (In Chin.).

Xin, Meng., Nancy, Qian., Pierre, Yared. (2015). The Institutional Causes of China's Great Famine, 1959—1961. *Review of Economic Studies, 82:* 1568—1611. Available at: https://www0.gsb.columbia.edu/faculty/pyared/papers/famines.pdf (accessed 3.12.2021).

Zakharin, A. B. (2012). Islam in China. Religion and power. *Bulletin of the Moscow University. Episode 13. Oriental studies, 4:* 38—47. (In Russ.).

Zavyalova, O. I. (2007). Chinese Muslims huizu: language and written traditions. *Problems of the Far East, 3:* 153—160. (In Russ.).

Zheng, Yanqing. (2018). The Glorious Practice of Regional Ethnic Autonomy: the History of development, brilliant achievements and historical experience of the Ningxia Hui Autonomous Region. *Studies on the Modern History of China, 5:* 33—41. Available at: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2018&filename=DZSY201805003&uniplatform=NZKPT&v=4IrvkenNcdahzT2s%25mmd2FsSZ%25mmd2F4YAsjuYaAluxp%25mmd2BA53s59eKXS5%25mmd2BtBmyYPNit1WmucXrD (accessed 12/24/2021). (In Chin.).

Zhou, Jingcheng. (2010). *The history of Ningxia in the period of the Republic of China.* Beijing: Specialized History. 120 p. Available at: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFD0911&filename=2010261386.nh&uniplatform=NZKPT&v=ivgeBzVBRit3xgtJExLev370VG42ir4LRv72c0aap%25mmd2Bi%25mmd2BPcZxf254dbFBj5wUsuGc (accessed 17.12.2021). (In Chin.).

Статья поступила в редакцию 08.12.2021,
одобрена после рецензирования 11.01.2022,
подготовлена к публикации 17.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале / А. М. Сафронова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 482—496. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-482-496.

Safronova, A. M. (2022). V. N. Tatishchev and Organization of First Verbal Schools in Urals. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 482-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-482-496. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-482-496

В. Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале

Сафронова Алевтина Михайловна
orcid.org/0000-0002-4692-3025
доктор исторических наук, профессор
кафедра документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
Alevtina.Safronova@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

V. N. Tatishchev and Organization of First Verbal Schools in Urals

Alevtina M. Safronova
orcid.org/0000-0002-4692-3025
Doctor of History, Professor,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration
Alevtina.Safronova@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Сафронова А. М., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об открытии первых словесных школ горного ведомства на Урале в 1721 году. В. Н. Татищев, назначенный Берг-коллегией начальником казенных заводов в 1720 году, задумал открыть школы по обучению грамоте при двух заводах, находившихся тогда в горном ведомстве, и приписных к ним слободах. В первом же нормативном документе, регламентировавшем деятельность заводского комиссара, он одну из глав посвятил школам. Документ представляет особый интерес как первый педагогический опыт В. Н. Татищева, взявшего на себя ответственность по организации словесных школ, не дожидаясь санкции Берг-коллегии. В статье анализируются нормы наказа, касающиеся причин открытия школ, обязанностей комиссара по их устройству, обязанностей учителей, определения источников их содержания за счет специальных сборов денег с местных жителей. Задуманный В. Н. Татищевы план был успешно выполнен, за 2—3 года в школах обучилось грамоте более сотни детей заводских жителей, служителей церкви, бобылей, крестьян. Постепенно заводские власти увеличили долю своего участия в финансировании школ вплоть до назначения нуждающимся школьникам казенного жалованья.

Ключевые слова:
В. Н. Татищев; Урал, первые словесные школы; источники содержания; учителя; учащиеся.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issue of opening the first verbal schools of the mining department in the Urals in 1721. V. N. Tatishchev, appointed by the Berg Collegium as the head of state-owned factories in 1720, decided to open literacy schools at two factories that were then in the mining department, and settlements assigned to them. In the very first normative document that regulated the activities of the factory commissar, he devoted one of the chapters to schools. The document is of particular interest as the first pedagogical experience of V. N. Tatishchev, who assumed responsibility for organizing verbal schools without waiting for the approval of the Berg Collegium. The norms of punishment concerning the reasons for opening schools, the duties of the commissioner for their arrangement, the duties of teachers, determining the sources of their support through special collections of money from local residents are analyzed in the article. The plan conceived by V. N. Tatishcheva was successfully implemented; in 2-3 years, more than a hundred children of factory residents, church ministers, landless peasant, and peasants learned to read and write in schools. Gradually, the factory authorities increased their share in the financing of schools up to the appointment of state salaries for needy schoolchildren.

Key words:
V. N. Tatishchev; Ural, the first verbal schools; content sources; teachers; students.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:37(470.5)“1721”+929Татищев

В. Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале

© Сафронова А. М., 2022

1. Введение = Introduction

Основной состав учебных заведений в России XVIII века имел ведомственный и сословный характер. В условиях нехватки грамотных людей и квалифицированных специалистов каждое крупное ведомство организовывало свои школы, находившиеся на государственном обеспечении. Так, в связи с созданием регулярной армии в России была сформирована сеть учебных заведений военного ведомства и самым крупным видом начальных школ стали гарнизонные школы для подготовки грамотных солдат, унтерофицеров, впервые упоминаемые в воинских штатах 1720 года [ПСЗРИ, т. 43, № 3511]. По именному указу 1717 года адмиралтейское ведомство начало открывать школы для обучения «плотничьих, матросских, кузнечных и протчих мастерств русской грамоте и цифири» [ПСЗРИ, т. 5, № 3122].

В. Н. Татищев, назначенный Берг-коллегией главой уральских казенных заводов, прибыв в Кунгур 30 июля 1720 года, создал Канцелярию горных дел, в декабре переведенную на Уктусский завод, и уже в феврале 1721 года приступил к открытию словесных школ горного ведомства, ставших первыми государственными школами в крае, разработал основы их организации в наказе заводскому комиссару Т. Бурцеву. К середине 1730-х годов эти школы вместе с арифметическими, открытыми с разрешения Берг-коллегии, превратились в один из крупных видов начальных школ России с демократическим составом учащихся. Поэтому важно раскрыть историю их организации и личный вклад В. Н. Татищева в регламентацию их деятельности, тем более что в отношении уральских школ это делалось не на законодательном уровне, а путем издания нормативного акта по инициативе начальника заводов В. Н. Татищева, и это был его первый опыт по развитию просветительной деятельности.

Н. К. Чупин отмечал, что «едва ли не важнейшей услугой, которую Татищев оказал Уральскому краю, было заведение школ, до него вовсе там не существовавших». Н. К. Чупин кратко передал содержание отдельных пунктов наказа 1721 года, не указав его названия, сообщил о привлечении дьячков в качестве учителей, назначении жалованья школьникам в 1721 году [Чупин, 1882, с. 60]. Н. В. Нечаев упомянул об учителе-дьячке Уктусской школы [Нечаев, 1944, с. 89]. В. И. Будрин кратко передал со-

CC BY

держание «инструкции» Т. Бурцеву и назвал с некоторыми искажениями имя учителя на 1723 год — Петр Федоров Грамматчиков [Будрин, 1950, с. 45—46]. А. М. Сафронова кратко охарактеризовала содержание наказа, привела даты открытия школ и фамилии учителей [Сафронова, 2014, с. 136—138, 285, 288—290]. Учитывая краткость данных в литературе о первых словесных школах Урала, большую роль, которую они сыграли в распространении грамотности среди населения Урала в последующие десятилетия, мы поставили целью проанализировать вклад В. Н. Татищева в разработку основ их организации и деятельность в первые годы их существования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В 1720 году на Урале имелось всего два завода в ведении Берг-коллегии и местной горной администрации, Уктусский и Алапаевский, основанные в 1704 году. Основным источником, отражающим вклад Татищева в организацию обучения грамоте детей при этих заводах, является наказ заводскому комиссару Тимофею Бурцеву, врученный ему 27 февраля 1721 года [Татищев, 1990, с. 52—65]. Наказ стал первым крупным нормативным документом, регламентировавшим должностные обязанности комиссара как среднего звена между Канцелярией горных дел и управителями заводов. Поскольку Бурцеву вручался надзор за обоими заводами, а Татищев задумал открыть при них школы, то заодно он определил и обязанности комиссара по их устройству. В отношении же других школ России подобные акты принимались на уровне законов. Наряду с анализом наказа были привлечены такие разновидности источников, как доношения учителей, определения уральского начальства, указы В. Н. Татищева, ведомости школ, приходо-расходные ведомости заводов о денежной казне, сохранившиеся описи документов заводских контор, в которых имеются сведения о школах. Эти источники были выявлены в фондах уральского горного начальства и заводских контор [ГАСО], а также в фонде Берг-коллегии [РГАДА]. Они позволили проследить, как нормы наказа Татищева претворялись в жизнь, насколько полно и успешно.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Наказ В. Н. Татищева об основах организации первых словесных школ на Урале

Наказ комиссару Т. Бурцеву от 27 февраля 1721 года имеет 10 глав, глава 7 «О школах» краткая, состоит из введения и 10 лаконичных пунктов [Татищев, 1990, с. 62—63]. Во введении В. Н. Татищев обосновывает причины организации словесных школ: «заводы ... довольством письмо уме-

CC BY

ющих в лучшее состояние и размножение привести», «народ, хотя мало во обычаях читанием книг применить, и во услуги е. в. способнейших учинить». Ясно, что Татищев преследовал две цели: практическую — школы необходимы для развития заводов — и просветительскую — с помощью школ можно подготовить людей нового склада, новой ментальности, на формирование которой должно повлиять чтение книг, но опять-таки с выходом на практическое назначение учебных заведений — «во услуги е. в. способнейших учинить» [Там же, с. 62].

В. Н. Татищев особо подчеркнул еще одно важное предназначение школ — для налаживания делопроизводства в органах управления, обслуживавших заводы: «Понеже здесь есть немалая тягость в отправлении дел от недостатка помощников, письма умеющих, також и дела без записок весьма смятны, что не токмо в несколько лет, но по прошествии нескольких месяцов уже обрести неможно: кто у какой работы был, что зделал...». Эта оговорка не случайна: начальнику заводов пришлось столкнуться с проблемой отсутствия многих важных документов в делах заводов за предшествующие годы. В августе 1720 года из Канцелярии горных дел был отправлен указ Т. Бурцеву на Уктус с требованием прислать ведомости о состоянии заводов, о числе мастеров, работников, приходе-расходе денежной казны. «Но оных и доднесь получить не могли, ибо вы записок обстоятельных ничему по надлежащему порядку не имели…», — констатировалось во введении к тексту наказа [Там же, с. 53].

Социальный контингент школ предполагался широкий и демократический, во введении к главе 7-й заявлялось: «обучать всех детей здешних жителей», а поскольку школы предписывалось открывать и в слободах, ясно, что Татищев делал расчет и на прием детей крестьян, чтобы использовать их впоследствии в слободском управлении.

Поскольку наказ адресовался заводскому комиссару, все положения его, сформулированные в повелительной форме, означали его обязанности. К ним относились: обеспечение школ помещениями, организация сбора средств с населения для обеспечения их деятельности, контроль над учителями, привлечение овладевших письмом школьников в канцелярии для помощи подьячим.

Конкретные пункты открытия школ не назывались: «Здесь, на заводах и в каждой слободе особно…». Поскольку в сферу действия комиссара в 1721 году входили Уктусский и Алапаевский заводы, то установить перечень слобод, приписных к ним, нетрудно. Их было 4 при Уктусском заводе (Арамильская, Белоярская, Каменская и Ново-Пышминская) и столько же при Алапаевском (Невьянская, Арамашевская, Мурзинская, Уткинская) [Геннин, 1937, с. 448, 488]. В январе — апреле 1721 года по распоряжению Татище-

CC BY

ва, стремившегося закрепить эти слободы за заводами, как раз проводились переписи их населения [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 6, л. 5—6 об., 103—104 об., 107—107 об.], правда, на практике Уткинская слобода была приписана позже.

Комиссару поручалось за казенный счет обеспечить школы помещениями и мебелью: «…построить избы с сеньми и зделать по потребности красные окошка, поставить столы и лавки и в оных обучать ребят» (пункт 1).

Поскольку найти грамотных людей, не занятых делом, в условиях отдаления от городов было невозможно, В. Н. Татищев решил привлечь к обучению детей церковнослужителей. Он счел возможным распоряжаться представителями духовного ведомства, служащими на подчиненной ему территории, и обязал их выполнять наряду с церковными дополнительные светские обязанности, сформулированные им в четырех пунктах наказа, 2—4.

На комиссара возлагался контроль над тем, насколько хорошо будет обучать дьячок. Предписывалось о неприлежности дьячка доносить в Канцелярию горных дел для принятия решения, а в случае отсутствия ее членов на Уктусе решить вопрос о его отставке и приеме другого «с опщего вам всем совета», то есть заводского комиссара Т. Бурцева, казначея Ф. Качеповского и шихтмейстера С. Братцева, осуществлявших коллективное управление заводом под руководством комиссара (п. 6). В случае если учеников будет много и потребуется еще один учитель, разрешалось нанять его, дав из собранных на школу денег равную часть «против дьячка» (п. 7).

Поскольку В. Н. Татищев открывал словесные школы по собственной инициативе, до получения одобрения со стороны Берг-коллегии, он побоялся тратить заводские средства на их деятельность. Предусматривалось, что они будут действовать за счет введения сборов с населения, своеобразного «школьного налога». Пункт 2-й гласил: «У каждой церкви дьячкам, кроме церковного их дохода, прибавить с венца (то есть муж з женою) по три копейки, с холостых мужеска полу от восьми лет и выше, которые грамоте не учатся, по тому ж, а которые холостые в школе или отучились, со оных ничего не брать, только за все ученье взять 12 копеек, когда окончает письмо, и за оные деньги содержать ему тое избу в чистоте, топить и починивать. Книги учебныя, кроме азбуки, покупать, учить оных читать и писать».

Для записанных в школу, но уклонявшихся от занятий вводилось наказание материального порядка: «Которые ученики от лености учиться не похотят и в школу ходить не будут, а родители, потая им... принуждать не будут... со оных брать по копейке на день» (п. 8). Тем самым уральская администрация объявляла обучение грамоте, по крайней мере, для детей, проживавших в заводских поселениях, чуть ли не обязательным, угрожая отлынивающим еще одним денежным сбором.

CC BY

Так кратко были сформулированы дополнительные обязанности дьячков и по сбору средств на школы, и по содержанию помещений школ, обеспечению учебными книгами, обучению грамоте «с прилежанием». При этом четкое распределение обязанностей между комиссаром и дьячком-учителем в этом документе еще отсутствовало. Разве мог дьячок сам требовать деньги с необучающихся подростков на территории завода или слободы, покупать учебные книги, обеспечивать школу дровами? Пожалуй, он мог лишь организовать топку печей силами учащихся.

Хотя прямым адресатом наказа являлся комиссар, нормы этого документа имели силу и для членов канцелярии (на них они постоянно ссылались, контролируя деятельность школ), и для управителей заводов, и для учителей. О том, что учителя тоже руководствовались наказом, точнее, его главой «О школах», свидетельствует опись имущества Уктусской словесной школы за 1724 год, где упоминается «инструкция в прошлом 721-м году марта в 20 день за рукою комиссара Бурцева» [ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 180].

3.2. Меры по нравственному воспитанию детей и их заинтересованности в школьном обучении.

В наказе В. Н. Татищев особое внимание уделил нравственному воспитанию учащихся: «Учителем робят обучать не токмо грамоте, но в начале страха божия, почитания властем и всякому честному и порядочному опхождению, того ради читать им по вся суботы пред будущаго воскресения Евангелие и Апостол и несколько катехисма и притом рассуждать священнику со вниманием, дабы все робята оное писание, по последней мере хотя речи, разуметь могли. Ежели ж поп или дьячек которой хотя едину суботу пропустит, то лишен будет месяц своего дохода» (п. 3).

Судя по тексту, Татищев с первых шагов по организации школ видел в них главный центр воздействия на души детей, возлагал на учителей основные обязанности по нравственному воспитанию своих подопечных. Важное средство привития детям почтительного отношения к властям, честности и порядочности он видел в чтении и умелом толковании им по субботам Евангелия и Апостола. Примечательно, что наряду с дьячком-церковнослужителем выполнять эту обязанность мог и сам священник. При этом заметим, в какой жесткой приказной форме это предписывалось — под угрозой удержания месячного дохода у этих лиц в случае пропуска хотя бы одного занятия.

Специальный пункт наказа, 4-й, посвящался изложению правил благопристойного поведения, которые дьячок должен был прививать ученику: «Обучать честно говорить, кланяться со всяким почтением, быть смирным, меж собою не бранитца и не дратца, старших почитать, как словом,

CC BY

так и местом, дабы по науке своей всяк садился», то есть продвинувшиеся в изучении грамоты — на первых скамьях, отстающие — позади них. Действенным средством воспитания объявлялось и посещение учениками церковных служб по воскресеньям и праздничным дням: «быть им в церкви у пения и читания книг» (п. 5).

При этом Татищев предлагал своеобразные меры, способствующие повышению заинтересованности подростков в школьном обучении: «Которые обучатся писать совершенно, оных брать в канцелярию для помощи и заставливать их писать, платя за труд по рассмотрению. Ежели ж где место порожжее будет, оных письма умеющих производить впредь, хотя б безграмотной у дела и стари его был». Безусловно, возможности приработка во время обучения, преимущественное распределение школьников к канцелярским делам были заманчивыми для уральской молодежи. По сути, обучение в школе становилось для них своеобразным социальным лифтом, способом выйти «в люди», добиться чего-то нового в жизни, в будущем сделать карьеру. Более того, В. Н. Татищев предписал: «Обнадежить всех, что письмо умеющия, никогда в салдаты, матросы и другия невольныя службы отданы не будут, но сверх того всегда им большее пред другими жалованья дастся». Последнее было особенно привлекательным для выходцев из крестьян.

3.3. Организация деятельности школы при Уктусском заводе

Изучение лишь отчасти сохранившихся документов Уктусской заводской конторы и документов Канцелярии горных дел позволяет сделать вывод, что нормы наказа В. Н. Татищева в отношении открытия словесных школ стали сразу же претворяться в жизнь. В день вручения наказа Т. Бурцеву дьячок Николаевской церкви Уктусского завода, фигурировавший в документах до 1723 года как Петр Федоров, подал доношение в канцелярию о выдаче ему книг для обучения ребят — часословов и азбук [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 4а, л. 315]. Видимо, он был предупрежден о своей предстоящей роли учителя. Татищев приказал купить книги Т. Бурцеву, «а деньги собрать против данного наказа, и оные книги отдать дьячку с росписью» [Там же]. 1 марта 1721 года Татищев предписал Т. Бурцеву немедленно открыть школу при Уктусском заводе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 6, л. 76], и в марте она уже начала действовать: именно этот месяц указан в ведомости об успехах учащихся как начало занятий [ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 7, 181 об.].

Но вопрос о назначении жалованья учителю решен не был. По прошествии трех с лишним месяцев дьячок Петр Федоров решился на подачу прошения об оплате своего труда. В записной книге челобитных и доношений, поданных в Канцелярию горных дел, 30 июня 1721 года зафиксировано его

CC BY

«доношение …, что он обучает здешних жителей детей их в грамоте в школе, а жалованья ему не определено и кормитца нечем». Татищев распорядился: «Выписать, как определено, и колико собрано денег, також, колико у него учеников, чему учатся, взять ведение» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 4а, л. 337].

Сразу же после этого Татищев отправился по делам на два месяца в Кунгур [Там же, л. 264—275], а вернувшись из поездки, поинтересовался делами школ, и 16 сентября последовал его указ Бурцеву: подыскать для Уктусской школы «особого мастера, которой бы писать учил» [ГАСО, ф. 24, оп. 1. д. 6, л. 287]. Ясно, что начальник заводов сам проконтролировал способности учителя и остался ими недоволен. Действительно, подписи дьячка под документами оставляют желать лучшего, рука дрожит, почерк искаженный. 28 сентября комиссар сообщил: «по приказу вашего благородия … сыскан здешней житель Василей Копылов и договаривается учить здешних жителей робят читать и писать, а просит от тех наук денег в год двенатцать рублев» [Там же, д. 4а, л. 452 об.]. Татищев пометил на доношении: если захочет «учить и содержать их (учеников. — *А. С.*) и себя в добром порядке и обхождении, то дано ему будет в год девять рублев. А когда прилежен и в деле своем исправен явится, тогда будет ему прибавлено. И в том взять у него скаску с подтверждением, что ему в пьянство и шалости непотребные не вдаваться и детей от того унимать» [Там же, л. 453].

В справке 1723 года, составленной по запросу горного начальства относительно того, какое жалованье имели учителя грамоты на Уктусе, первым назван Копылов, получавший с 30 сентября 1721 года 9 руб. [Там же, д. 22, л. 69—69 об.]. То есть дьячок с марта до конца сентября работал бесплатно, более того, в феврале 1722 года в расходной книге Уктусского завода зафиксирована выплата ему «за покупные дрова, которые купил он для топления школы в прошлом 721 году, из осталых школьных денег, которые збираны в том же году, пятьдесят копеек» [ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 201 об.]. Получается, что, работая без жалованья, учителю пришлось за счет своих доходов дьячка обеспечивать еще и школу дровами. Одновременно из этой справки мы получаем сведения о том, что деньги с населения для содержания школ на Уктусском заводе в 1721 году собирались и траты на их деятельность производились.

Кандидатура Копылова на должность учителя оказалась неподходящей. Согласно делопроизводственной справке, по прошествии трех месяцев, 31 декабря 1721 года, он был отставлен от преподавания по приговору Уктусской заводской конторы Бурцевым, Качановским и Братцевым «за пьянство и за шалости». Вместо Копылова вновь был определен для обучения «словесному» дьячок Федоров, а письму — его сын, с сохранением им общей суммы жалованья в 9 руб. [ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 11, л. 43—43 об.].

CC BY

Дьячок имел двух сыновей, Ивана и Лариона, числившихся в ведомостях Уктусской арифметической школы в апреле 1722 года как Грамотчиковы, причем первыми по успехам среди учеников [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 20, л. 12]. В помощники отцу был назначен Ларион, именно он упоминается в справке за январь 1723 года [Там же, д. 22, л. 69 об.].

В Уктусской словесной школе по прошествии года деятельности, в марте 1722 года, числилось 28 человек, из них двое учили азбуку, 17 — часослов, 5 учеников часослов закончили, трое учили псалтирь [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 86 об.]. В апреле 1722 года, по ведомости, поданной в Берг-коллегию, выбыли двое учащихся, но появилось трое новеньких [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 217—217 об.]. Только в третьей ведомости (май 1723 года) указаны должности отцов учеников, и мы можем судить об их социальном составе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 22, л. 843]. В ведомости числится 39 человек, но трое уже ушли в арифметическую школу, то есть обучается 36, среди них 12 новеньких. Социальный состав учившихся следующий: 13 детей мастеров, 1 — брат мастера, 6 подмастерьев, 4 — заводских работников (кузнеца, плотников, доменного работника); по одному — сыновья пушкаря, фискала, приказчика, 2 — попов, 3 — церковнослужителей, 4 — бобылей. Таким образом, более 66 % учащихся — дети заводских работников, в основном высокой квалификации, пятеро принадлежали к духовному ведомству. В июне 1723 года учитель-дьячок, требуя бумаги для обучения письму, сообщал, что письму обучается уже 20 человек. Всего, по нашим подсчетам, проведенным на основе анализа сохранившихся ведомостей, до марта 1724 года прошли обучение грамоте в Уктусской школе тот или иной срок как минимум 50 человек.

3.4. Открытие словесной школы при Алапаевском заводе

26 июня В. Н. Татищев и бергмейстер И. Блиер приговорили: «Алапаевских заводов и приписных слободах церковничьих, подьяческих, детей боярских и мастеров, детей их велеть обучать читать и писать дьячкам церковным, которым за труд на заводе давать по наказу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оные дьячки учить не будут, или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктуской завод для обучения» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 91]. Алапаевский завод отстоял тогда от Уктусского из-за кривизны дороги на 183 версты (верста — 1, 066 км) [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 22, л. 643—643 об.]. Такая угроза могла оказаться действенной: ведь родителям пришлось бы снабжать детей едой, одеждой, оплачивать постой у чужих людей. 30 июня на основе этого документа был составлен указ В. Н. Татищева управителям Алапаевского завода Я. Вистицкому и Ф. Попову об обучении детей при заводе и в приписных сло-

CC BY

бодах [РГАДА, Ф. 271, Оп. 1, д. 618, л. 242]. В указе алапаевским управителям 16 сентября 1721 года Татищев предписал: «Всеконечно о школах исправлять вам по наказу и по третям года присылать ведомости, колико человек, в какой науке. А школу зделать в хоромах, где прикащики живали» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 6, л. 290—290 об.].

4 октября 1721 года в Канцелярии горных дел был составлен очередной указ: «Школьников на Алапаевском заводе велите учить прилежно дьякону, а книги вам даны напредь сего, да к тому ж купить на Ирбитцкой ярмонки, сколько понадобитца, собрав деньги по посланной к вам с камисарского наказу копии. А в слободах велите со всяким прилежанием обучать дьячкам, и о том учинить вам по прежде посланным июня 30, сентября 16 дня и по сему указом непременно» [Там же, л. 308 об. — 309]. Обратим внимание, в качестве учителя на заводе стал фигурировать уже не дьячок, а дьякон. Причины такого решения нам неизвестны.

Дату открытия Алапаевской школы удается установить по прошению учащихся, поданному в январе 1723 года и случайно обнаруженному нами в фонде «Конторы Екатеринбургского монетного двора»: они указывали, что обучаются в школе с ноября 1721 года [ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 6, л. 99].

Если сохранившиеся приходо-расходные ведомости Уктусского завода умалчивают о сборе средств на деятельность школы, то аналогичные ведомости Алапаевского завода, представленные в фонде Уктусской заводской конторы и документах уральского горного начальства, сохранились в достаточном количестве. В ведомости за вторую треть 1722 года в мае отмечено: «В 26 де[нь] принято собранных денег в е. и. в. казну, которые собраны [с] заводцких жителей на школу за друд учителю по три копейки с венца, да и с ребят, которые в школе не учатца, от восьми лет по три ж копейки. Всего пять рублев дватцать одна копейка» [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 983 об.]. Получается, что 3-копеечному сбору на Алапаевском заводе подверглось 173 источника и, по-видимому, большинство из них составляли семейные пары. В расходных статьях за 29 мая 1722 года значится: «заводцкому диякону Иякову Иоанинову за учение робят в школе заводцких ис собранных денег два рубли» [Там же, л. 989 об.]. В «Табели», фиксирующей, сколько остаточных от 1721 года и вновь собранных денег в 1722 году, показан расход на покупку на Ирбитской ярмарке 20 часословов за 12 руб., 15 псалтирей за 13 руб. 50 коп., «за учение робят школьников учителю» — 3 руб. [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 20, л. 314]. Вероятно, 1 руб. из этой суммы приходился за 1721 год. В расходе за декабрь 1722 года читаем: «за ученье робят школьников» — 1 руб. [Там же, д. 28, л. 775 об.]. В «Табели Алапаевских заводов о приходе и росходе денежной казны» за январь — декабрь 1722 года зафиксировано: «За учение робят школьников учителю 3 руб.» [Там же, д. 20, л. 314].

CC BY

Как видим, дьякону Якову Иванову на Алапаевском заводе за обучение ребят платили в несколько раз меньше, чем учителю на Уктусском заводе (9 руб.). В «Табели» за первую треть 1723 года выдача денег алапаевскому учителю не показана [Там же, л. 345—347], в ведомости же с июня по декабрь 1723 года отмечено: «за учение робят школьников словесному» — 2 руб., «за учение оных же школьников письму» — 2 руб. [Там же, д. 28, л. 580 об.], что свидетельствует о появлении второго учителя, по письму. В другой ведомости за декабрь 1723 года читаем: 30-го числа по письму управителя завода Буженинова «Алапаевской земской канторы писчику Павлу Дягилеву за учение робят школьником, [которых] писать обучил, а имянно, Фирса Кобакова с товарищи 9 человеком, за оных по десяти копеек от каждого, итого, девяносто копеек» выдано [Там же, л. 598 об.]. Так мы узнаем фамилию учителя и его должность. По наказу Татищева за обучение письму ученик должен был платить 12 коп. Возможно, начинал учить письму дьякон или ученики еще до школы приступили к нему, поэтому сумма писчику Дягилеву была уменьшена до 10 коп. Заметим, деньги с учеников собирал не сам учитель, а представители заводской власти.

Алапаевская школа была крупнее Уктусской: как сообщал управитель завода, 31 декабря 1722 года в ней числилось 34 ученика, из них письму обучалось уже 12 человек, то есть они начали учиться грамоте еще на дому, псалтири — 11, часослову — 11 человек [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 23 а, л. 838]. В «реестре» учащихся от 17 января 1723 года — 35 человек, напротив 10 фамилий показано: «псалтирь выучил», 16 человек ее учили, 8 находились в разных частях часослова, 1 «азбуку выучил» [Там же, д. 22, л. 70—70 об.], то есть продвижение в обучении грамоте шло быстрее, чем в Уктусской школе.

3.5. Введение института казенного жалованья для учеников. Открытие школ в слободах

В декабре 1721 года для уктусских школьников был введен институт казенного жалованья: «Сиротам и тем, у кого отцы убогие и пропитать детей своих не могут, давать всякому муки ржаной по полтора пуда на месяц или вместо муки деньгами против покупной цены, да в год на платье по рублю человеку… А ученикам, у которых отцы у церкви в службе или на заводе в окладе, или в работе может в год десять рублев иметь, и тем жалованья не давать…» [Там же, д. 5, л. 133 об. — 134]. Назначение жалованья учащимся арифметических школ санкционировала Берг-коллегия указом от 20 июня 1721 года, заинтересованная в скорейшей подготовке кадров для промышленности [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 621, л. 126]. Уральские власти сразу же распространили его выплату и на учеников Уктусской словес-

CC BY

ной школы, а в январе 1722 года — на учащихся Алапаевской [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 4а, л. 677]. Так постепенно словесные школы стали переходить на финансирование деятельности за счет заводов.

Как нам удалось установить, по наказу Татищева 1721 года были открыты школы и в слободах. В сохранившейся в делах Канцелярии горных дел описи документов Алапаевского завода за 1718—1735 годы зарегистрирована без указания месяца и числа за 1721 год «Отписка из Невьянской слободы от прикащика Чернышева» «об отдаче в школу учеников дьячку Григорю Слобцову». За 1722 год фиксируется «Доношение Невьянской слободы о присылке книг учебных» (без даты), «Росписка дьячка Григория Слопцова в приеме часовников» (12 июня), «Доношение Невьянской слободы от дьячка Слопцова о присылке книг для обучения школьников» (без даты) [Там же, оп. 2, д. 5, л. 61 об.; 71 об. — 72].

Эти записи свидетельствуют об открытии уже в 1721 году словесной школы в Невьянской слободе, приписной к Алапаевскому заводу, и продолжении ее существования в 1722 году. Ясно, что обучал в ней дьячок Григорий Слобцов, а учебники дети получили от заводской администрации.

В описи значится «Письмо в приеме отписки и ведомости, что обучается в школе детей у посланного беломестного Алексея Козина» от 3 августа 1722 года [Там же, л. 89 об.]. Перед нами учитель еще одной слободской школы. Судя по фразе «у посланного», Козин был послан учительствовать в соседнюю слободу.

В описи документов за 1722 год зарегистрирована «Записка об отдаче учебных книг, холста дьячком для обучения школьников» [Там же. Л. 115], из чего можно заключить, что дьячков, одновременно работавших учителями в слободах, было по меньшей мере два. В таком случае можно предположительно говорить о существовании в приписных к Алапаевскому заводу слободах в 1722 году трех школ, подробнее об этом см.: [Сафронова, 2016, с. 18—33].

4. Заключение = Conclusions

В январе 1722 года В. Н. Татищев выехал по делам в Москву, вернулся на Урал лишь в октябре, уже отстраненным от дел из-за жалобы Н. Демидова, в команде нового начальника заводов В. И. Геннина. Но и за столь короткий срок пребывания на Урале в качестве главы казенных заводов В. Н. Татищев успел проявить себя как успешный администратор, не только основал при казенных заводах первые школы по обучению детей грамоте, но и регламентировал их организацию, при этом действия Татищева можно считать полностью инициативными и самостоятельными: Берг-коллегия получила текст наказа комиссару Т. Бурцеву, впервые затрагивав-

CC BY

ший вопрос о словесных школах, лишь 6 июля 1721 года [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 621, л. 126.].

В. Н. Татищев в наказе заводскому комиссару впервые определил места открытия школ, состав учителей, учащихся, меры повышения заинтересованности детей в школьном обучении, источники содержания школ, регламентировал обязанности заводской администрации в отношении учебных заведений, обязанности учителей, особое внимание уделил вопросу нравственного воспитания молодого поколения. Практика обучения детей грамоте в школах горного ведомства, заложенная В. Н. Татищевым в 1721 году, продолжала успешно развиваться им и в 1734—1739 годах, когда он вторично возглавил уральские заводы, организовал обучение детей при всех казенных предприятиях, благодаря чему горнозаводской Урал стал одним из самых передовых регионов России по уровню детской грамотности.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. 24 (Уральское горное управление). Ф. 24. Оп. 1. Д. 4 а. Лл. 264—275, 315, 337, 452 об, 453, 677 ; Д. 5. Лл. 91—91 об. ; 133 об. — 134 ; Д. 6. Лл. 5—6 об., 103 об. — 104 об., 107—107 об., 287, 290—290 об., 308 об. — 309 ; Д. 20. Лл. 12, 314, 345—347 ; Д. 22. Лл. 69—69 об., 70—70 об., 643—643 об., 843 ; Д. 23 а. Л. 838 ; Д. 28. Лл. 580, 598 об., 775 об. ; Оп. 2. Д. 5. Лл. 61 об., 71 об. — 72, 89 об., 115. Ф. 29 (Уктусский золотопромывательный завод). Оп. 1. Д. 4. Лл. 86 об., 201 об. 983 об., 989 об. ; Д. 7. Л. 180 ; Д. 11. Лл. 43—43 об. ; Ф. 56 (Контора Екатеринбургского монетного двора). Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

2. *Геннин В. И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. / В. Геннин. — Москва : Государственное издательство «История заводов», 1937. — 681 с.

3. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. — 1-е собр. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 5. — № 3122 ; Т. 43. — № 3511.

4. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 271 (Берг-коллегия). Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Лл. 178 об. — 179 ; Д. 618. Л. 242 ; Д. 620. Лл. 217—217 об. ; Д. 621. Л. 126.

5. *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717—1750 / В. Н. Татищев. — Москва : Наука, 1990. — 440 с. — ISBN 5-02-009427-7.

Литература

1. *Будрин В. Н.* Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. / В. Н. Будрин // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск : [б. и.], 1950. — С. 45—98.

2. *Нечаев Н. В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия : К истории профессионального образования в России / Н. В. Нечаев. — Москва : Гудок, 1944. — 120 с.

3. *Сафронова А. М.* Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. — 334 с. — ISBN 978-5-7996-1378-5.

4. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в. : к 330-летию со дня рождения / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. — 298 с. — ISBN 978-5-7996-1982-4.

5. *Чупин Н. К.* Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских Ведомостей в период 1842—1881 / Н. К. Чупин. — Пермь : Типография Губернского Правления, 1882. — Выпуск 1. — 257 с.

Material resources

Documents from the Russian state archive of ancient acts. F. 271 (Berg-Collegium). F. 271. Op. 1. D. 611. Ll. 178 about. — 179; D. 618. L. 242; D. 620. Ll. 217—217 about; D. 621. L. 126. (In Russ.).

Gennin, V. I. (1937). *Description of Ural and Siberian plants. 1735.* Moscow: State Publishing House "History of Factories". 681 p. (In Russ.).

State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24 (Ural Mining Administration). F. 24. Op. 1. d. 4 a. Ll. 264—275, 315, 337, 452 vol., 453, 677; D. 5. Ll. 91—91 vol.; 133 vol. — 134; D. 6. Ll. 5—6 vol., 103 vol. — 104 vol., 107—107 vol., 287, 290—290 vol., 308 vol. — 309; D. 20. Ll. 12, 314, 345—347; D. 22. Ll. 69—69 vol., 70—70 vol., 643—643 vol., 843; d. 23 A. L. 838; d. 28. Ll. 580, 598 vol., 775 vol.; Op. 2. d. 5. Ll. 61 vol., 71 vol. — 72, 89 vol., 115. F. 29 (Uktussky Gold Mining Plant). Op. 1. d. 4. Ll. 86 vol., 201 vol. 983 vol., 989 vol.; d. 7. L. 180; D. 11. Ll. 43—43 vol.; F. 56 (Office of the Yekaterinburg Mint). Op. 1. D. 6. L. 99. (In Russ.).

Tatishchev, V. N. (1990). *Notes. Letters 1717—1750.* Moscow: Nauka. 440 p. ISBN 5-02-009427-7. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire, 5 (3122); 43 (3511). 1-e Coll. St. Petersburg: Printing house of the 2nd Otd-niya Own. E. I. V. Kantselyarii. (In Russ.).

References

Budrin, V. N. (1950). Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries. In: *Materials of the 2nd Scientific Conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk.* Sverdlovsk: [b. i.. 45-98. (In Russ.).

Chupin, N. K. (1882). *Collection of articles concerning the Perm province and placed in the unofficial part of the Provincial Gazette in the period 1842—1881, 1.* Perm: Printing House of the Provincial Government. 257 p. (In Russ.).

Nechaev, N. V. (1944). *Schools at mining plants of the Urals in the first half of the 18th century: On the history of vocational education in Russia.* Moscow: Gudok. 120 p. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2014). *Documents of industrial management bodies of Russia as a source about mining schools of the Urals in the first half of the XVIII century.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 334 p. ISBN 978-5-7996-1378-5. (In Russ.).

Safronova, A. M. (2016). *V. N. Tatishchev as an outstanding figure of enlightenment in Russia in the first half of the XVIII century: to the 330th anniversary of his birth.* Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 298 p. ISBN 978-5-7996-1982-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.10.2021,
одобрена после рецензирования 17.02.2022,
подготовлена к публикации 17.03.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Цысь В. В. Становление системы медицинских учреждений на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв. / В. В. Цысь // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 497—512. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-497-512.

Tsys, V. V. (2022). Formation of System of Medical Institutions in Tobolsk North in XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog, 11(2):* 497-512. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-497-512. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-497-512

Становление системы медицинских учреждений на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв.

Цысь Валерий Валентинович
orcid.org/0000-0002-9695-3900
WoS ResearcherID O-2448-2015
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
и документоведения
roshist@mail.ru

Нижневартовский
государственный университет
(Нижневартовск, Россия)

Formation of System of Medical Institutions in Tobolsk North in XIX — Early XX Centuries

Valeriy V. Tsys
orcid.org/0000-0002-9695-3900
WoS ResearcherID O-2448-2015
Doctor of History, professor
Department of Russian History
and Documentation
roshist@mail.ru

Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

© Цысь В. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается история создания и развития системы медицинских учреждений на территории Тобольского Севера (в современных границах — Ханты-Мансийский и Ямало-ненецкий автономные округа) в дореволюционный период. Отмечено, что с середины 1830-х годов ведется организация сети медицинских пунктов в регионе: трех больниц, до полутора десятков фельдшерских пунктов, медицинских бараков на рыболовных промыслах и пароходных пристанях. Основную роль в этом играло государство. Оно финансировало медицинские учреждения, обеспечивало кадрами, необходимым оборудованием и лекарствами, регулировало деятельность через законодательство и подзаконные акты, контролировало организацию медицинской помощи со стороны предпринимателей. Особенно быстрые темпы роста сети больниц и фельдшерских пунктов наблюдаются в конце XIX — начале XX веков, чему способствовало вовлечение края в рыночные отношения, активизация переселенческого процесса, а также реализация законодательного акта от 10 мая 1888 года «Об устройстве сельской медицинской части в губерниях Тобольской и Томской». Указано, что в вопросах оказания врачебной помощи коренное население находилось в привилегированном положении в сравнении с русским, так как получало ее бесплатно. Отмечены трудности в создании системы современных медицинских учреждений на Тобольском Севере: кадровый дефицит не только врачей, но и среднего медицинского персонала, особенно в сельской местности; чрезвычайная разбросанность и редкость селений, затруднявшая регулярный контроль за состоянием здоровья местных жителей, медленные темпы модернизации. Делается вывод, что мнение о крайне низком уровне развития медицины в регионе не в полной мере справедливо.

Ключевые слова:
Березовская инородческая больница; история медицинских учреждений; Тобольская губерния; Тобольский Север; Сургутская инородческая больница; фельдшерские пункты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the creation and development of the system of medical institutions on the territory of the Tobolsk North (within the modern borders — the Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs) in the pre-revolutionary period is studied. It is noted that since the mid-1830s, a network of medical centers has been organized in the region: three hospitals, up to a dozen paramedical stations, medical barracks in fishing fields and steamship piers. The state played the main role in this. It financed medical institutions, provided personnel, necessary equipment and medicines, regulated activities through legislation and by-laws, and controlled the organization of medical care by entrepreneurs. Particularly rapid growth in the network of hospitals and feldsher stations was observed at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, which was facilitated by the involvement of the region in market relations, the intensification of the resettlement process, and the implementation of the legislative act of May 10, 1888 “On the arrangement of a rural medical unit in the provinces of Tobolsk and Tomsk”. It is indicated that in matters of providing medical care, the indigenous population was in a privileged position in comparison with the Russians, since they received it free of charge. Difficulties in creating a system of modern medical institutions in the Tobolsk North were noted: a shortage of personnel not only for doctors, but also for paramedical personnel, especially in rural areas; the extreme dispersion and rarity of villages, which made it difficult to regularly monitor the health of local residents, the slow pace of modernization. It is concluded that the opinion about the extremely low level of development of medicine in the region is not fully fair.

Key words:
Berezovskaya foreign hospital; history of medical institutions; Tobolsk province; Tobolsk North; Surgut foreign hospital; medical stations.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).06/.08+726(571.1)“17/19”

Становление системы медицинских учреждений на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв.

© Цысь В. В., 2022

1. Введение = Introduction

На протяжении многих веков на территории Тобольского Севера отсутствовали медицинские учреждения. Как коренное, так и пришлое население пользовалось услугами шаманов, различных «народных целителей». Становление современной системы медицинского обслуживания населения относится лишь к XIX веку.

Ее изучение началось еще в ***дореволюционный период*** и нашло освещение в работах обзорного характера [Абрамов, 1993; Дунин-Горкавич, 1908; Дунин-Горкавич, 1996; Иринарх, 2005; Лопарев, 1997] или же в связи с обсуждением проблемы так называемого «вымирания инородцев» [См.: Якобий, 1895], а также в посвященных народной медицине очерках [Неклепаев, 1998; Скалозубов, 1905]. Разработка темы велась в пределах накопления фактов и их описания, оценки и выводы были связаны с текущими нуждами и вопросами совершенствования системы здравоохранения.

К особенностям ***советского этапа*** в изучении темы следует отнести идеологический монополизм, остро критическое отношение к дореволюционному опыту (см. [Киселев, 1974]), а среди достижений можно назвать расширение круга используемых источников, изложение проблем здравоохранения в контексте социально-экономической, политической истории края (см. [Миненко, 1975]).

В ***постсоветский период*** произошли изменения, которые позволили более объективно взглянуть на прошлое региона, расширить проблематику исследований. Деятельность медицинских учреждений рассматривается опять же в обобщающих исследованиях по истории населенных пунктов, муниципальных образований края [Березово…, 2008; Древний…, 1994; История Нижневартовского…, 2013], в работах о народной медицине [Темплинг, 2017]. Особое значение имеет реконструкция биографий врачей и фельдшеров, чья профессиональная деятельность разворачивалась на территории края [Белобородов, 2013; Белобородов, 2017].

Тем не менее к настоящему времени отсутствует последовательная реконструкция хронологии создания медицинских учреждений на Тобольском Севере, характеристика ее системы, а также сохраняется унаследованное от более ранних этапов негативное отношение к ходу и результатам деятель-

CC BY

ности по организации медицинской помощи до Октябрьской революции и установления советской власти. Изучение данного вопроса позволит глубже понять особенности государственной политики на территории региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено на основе документов Государственного бюджетного учреждения «Государственный архив в г. Тобольске» (фонд И-152 «Тобольское общее губернское управление»): отчетов медицинских учреждений о деятельности, сообщений об эпидемиологической обстановке в крае, переписки и др. Привлечены также материалы периодической печати о состоянии медицины и лекарственном обеспечении края, в том числе официальные издания: «Тобольские губернские ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», тобольская «частная» газета «Сибирский листок» [Краткая…, 1909; Макаров, 1915; П. С., 2003], справочные издания [Календарь…, 1888; Календарь…, 1889; Календарь…, 1893; Памятная…, 1915].

Особенности взаимоотношений медицинского персонала с местным населением рассматриваются в контексте перехода от традиционного к современному обществу на территории Тобольского Севера в XIX — начале XX веков. Представленное исследование нацелено как на реконструкцию хронологии событий, связанных с созданием системы медицинских учреждений на Тобольском Севере, так и на выявление способствовавших этому факторов и характеристику полученных результатов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Организация управления медицинскими учреждениями

В России органами губернского управления медико-санитарным делом являлись учрежденные в 1797 году врачебные управы. Вопросами финансирования занимался Тобольский приказ общественного призрения. В 1895 году врачебная управа и приказ общественного призрения были упразднены, создано врачебное отделение при Тобольском губернском правлении, которое ведало вопросами здравоохранения, а также медицинской полицией и судебной медициной.

Непосредственно на территории Тобольского Севера создание учреждения, руководившего вопросами здравоохранения, связано с борьбой с оспой — одним из наиболее распространенных и опасных заболеваний в XIX веке. Прививки по методу Э. Дженнера детям «инородцев» Березовского края еще в 1806 году делались инспектором Тобольской врачебной управы И. С. Пабстом [Темплинг, 2015, с. 140]. В соответствии с положением от 3 мая 1811 года «О распространении прививания коровьей оспой в губер-

CC BY

ниях» организуются «Комитеты предохранительной оспы» [ПСЗРИ, 1830, № 24622]. Создание такого комитета в г. Березове (с участием окружного исправника, благочинного и медика) относится к 21 октября 1811 года [ГУТО ГА, ф. И707, оп. 1, д. 3, л. 441]. Комитет занимался следующими вопросами: «чтобы везде знающими людьми прививаема была всем детям без изъятия коровья оспа… снабжение прививателей свежей оспенной материей и самоудобнейшими для сего дела инструментами… наставление от медицинских чиновников желающим научиться основательному прививанию» [ПСЗРИ, 1830, № 24622]. С 1850-х годов он также выполнял функции окружного (с конца XIX века — уездного) «комитета общественного здравия», то есть занимался вопросами здравоохранения на территории Березовского округа в целом. С образованием в 1868 году самостоятельного Сургутского округа аналогичные комитеты были созданы и в Сургуте.

При отсутствии стационарных медицинских учреждений основным методом борьбы с эпидемиями первоначально являлись командировки специалистов в очаги заболеваний. Так, весной 1829 года губернским властям стало известно от вернувшегося из поездки в Березов жандармского полковника, что «в Кондинске свирепствует в сильной степени оспа и венерические болезни, так что мало семейств которые не были заражены этими двумя болезнями». По распоряжению губернатора Тобольская врачебная управа отправила на север курганского штаб-лекаря Ященко, «как более опытного и имеющего обширные сведения», с тем, чтобы он, объехав «весь край, между Обдорском и Сургутом… старался бы прекратить между жителями болезнь». В помощь врачу постановлено было прикомандировать двоих «знающих медицинскую часть здешней острожной больницы фельдшеров 2-го разряда Федора Воловенка и Михайла Самарина» [РГИА, ф. 1207, оп. 124, д. 204, л. 1—5].

3.2. Создание больничных учреждений

Появление собственно медицинских учреждений на территории Тобольского Севера относится ко второй трети XIX века. Важную роль в этом сыграло предписание Министерства внутренних дел от 17 апреля 1831 года об устройстве больниц в уездных городах. В 1834 году Николай I одобрил проект устава об управлении окружными лечебницами.

В январе 1835 года были созданы Сургутская и Березовская больницы, которые были подчинены в хозяйственно-финансовом отношении Тобольскому приказу общественного призрения, а в медицинском — врачебной управе. Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 15 марта 1835 года предполагало учреждение больницы «для лечения тамошних инородцев от свирепствующей между ними болезни, имеющей

CC BY

вид венерической» [ПСЗРИ, 1836, № 7954]. На строительство и обзаведение предписывалось выделить из казны более 15 тыс. руб. Однако открытие Березовской инородческой больницы состоялось лишь 19 марта 1844 года [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 47, д. 211, л. 123]. В 1853 году медицинские учреждения г. Березова были объединены путем присоединения городской больницы к инородческой.

Средства на содержание Березовской инородческой больницы в середине XIX века превышали 1,5 тыс. руб. в год [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 47, д. 211, л. 123]. Они складывались из казенного пособия, собственных доходов и субсидий Приказа общественного призрения. К концу столетия расходы возросли до 3—3,5 тыс. руб. в год (из них до 2,9 тыс. руб. — суммы Тобольского губернского управления [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 43, д. 98, л. 6]). До середины 1890-х годов в Березовской инородческой больнице имелось 18 коек. Новое здание, построенное в 1895 году и рассчитанное на 40 чел., имело, в частности, два флигеля (один для заразных больных), баню с прачечной, анатомический покой, амбар с сушилкой для белья [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 47, д. 211, л. 123]. В 1907 году это здание сгорело, а возведение следующего затянулось до 1915 года. В штате больницы в начале XX века состояли врач, смотритель, два лекарских ученика (соответствовали по уровню подготовки фельдшерам), писец и 6 чел. прислуги. Пациенты стационара обеспечивались питанием, которое готовилось на кухне. Так, в 1846 году среди израсходованных продуктов Березовской городовой больницы названы мука ржаная и пшеничная, крупа ячневая и гречневая, мясо, рыба, молоко, масло, соль, мед [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 31, д. 93, л. 3].

На Сургутскую городскую больницу из сумм Приказа общественного призрения выделялось до 2 тыс. руб. в год. Первое здание постепенно пришло в негодность, и в 1871 году врач Н. Кудрявцев подал рапорт о необходимости возведения новой больницы [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 32, д. 699, л. 312 об]. Построенное в 1877 году здание, рассчитанное на 12 (позднее на 16) кроватей, состояло из 7 комнат (в каждой имелась голландская печь), 5 палат, лаборатории, аптеки и ванной. Отдельными рядом расположенными постройками являлись кухня и прачечная, амбар и погреб, баня, анатомическая. В штате на начало XX века имелись, кроме врача, смотритель, фельдшер и три чел. прислуги [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 47, д. 211, л. 11—12].

В 1895 году открывается отделение Березовской инородческой больницы в с. Обдорском на 10 кроватей и с пособием от казны 500 руб. в год [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 47, д. 211, л. 123]. (Этот филиал существовал и раньше, по крайней мере, с 1860-х годов, но потом был закрыт, и с начала 1890-х годов действовал «приемный покой»).

CC BY

При больницах были организованы филиалы Тобольского аптечного склада, с которых отпускались бесплатно (для коренных жителей) или за деньги (для остальных) необходимые лекарства. Однако оборот средств был небольшой — 30—40 руб. в год в 1900-х годах. Должность смотрителя больницы была сродни администратору, так как он заведовал делопроизводством, аптекой и хозяйством в целом. Прислуга выполняла функции рабочих по кухне, уборщиков, санитаров. Контролирующие обязанности на местах возлагались на Советы больниц во главе с Березовским и Сургутским окружными (уездными) исправниками.

При этом нужно отметить, что в инородческих больницах лечение без оплаты предусматривалось только для коренного населения. Мещанам, крестьянам, купцам, казакам нужно было возмещать стоимость как лекарств, так и пребывания в стационаре. Гражданский больной за каждые 10 дней лечения в стационаре обязан был вносить 1,95 руб., военный — 55,5 коп. в сутки [Календарь…, 1888, с. 171]. Исключение делалось для больных сифилисом.

Распоряжением губернатора от 31 января 1893 года в Сургуте было открыто отделение для бесплатного лечения русских крестьян, но оно просуществовало недолго. Ходатайство о его возобновлении, предпринятое в 1900 году, не получило удовлетворения [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 47, д. 211, л. 2]. Лишь с 1905 года русскоязычное население получило доступ к услугам врача или фельдшера без оплаты.

К концу XIX века относится развитие медицинских учреждений на севере Тобольского уезда. В соответствии с Высочайше утвержденным 10 мая 1888 года мнением Государственного Совета «Об устройстве сельской медицинской части в губерниях Тобольской и Томской» [ПСЗРИ, 1890, № 5189] предполагалось создание сельских лечебниц, приобретение инструментов и аптечек. В развитие данного узаконения по предложению губернатора вводятся штаты повивальных бабок в с. Мужи, Кондинское и Тундринское. С 1893 года в с. Самарово существовал «приемный покой». В 1897 году вводятся штаты сельской медицины, а также деление губернии на лечебные участки (районы). Четыре участка было образовано на Тобольском Севере: Березовский, Обдорский, Сургутский и Самаровский. Сургутский врач В. Е. Клячкин назвал это преобразование сельской медицины «одним из самых важных событий в жизни сельского населения» [Клячкин, 1897, с. 321].

Самаровская сельская больница была рассчитана на 6 кроватей. Лечебница первоначально размещалась в наемном доме, параллельно велось строительство собственного одноэтажного здания, которое включало кабинет врача, аптеку, операционную, три палаты, кухню, ванную и туалет. Кроме врача, в штате Самаровского участка, объединявшего семь север-

CC BY

ных волостей Тобольского уезда (на 1910 год — более 12,2 тыс. жителей), числились три фельдшера: при больнице, в с. Нахрачинском и в с. Филинском [Труды…, 1913, с. 54].

Как показывают ведомости «о больных инородцах, пользованных в Березовской инородческой больнице», большинство пациентов из числа коренного населения приходили в больницу сами, русскоязычные — по отношениям городского общественного или полицейского управлений [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 56, д. 9]. Услугами больниц пользовались жители не только близлежащих селений, но и отдаленных волостей. Общее же число посещений по всем больницам и фельдшерским пунктам Березовского и Сургутского уездов в начале XX века составляло около 1 тыс. в год. В сложных случаях больных направляли для лечения в Тобольск или даже в Европейскую Россию. Таких пациентов было отправлено в Тобольскую губернскую больницу за 1908—1910 годы из Березовского уезда — 35, из Сургутского — 6 [Труды…, 1913, с. 43]. При заболевании бешенством от укуса животного через Тобольскую больницу приказа общественного призрения могли послать в Самару, где с 1886 года работала прививочная «пастеровская станция».

После организации больниц в места распространения эпидемических заболеваний могли командироваться их сотрудники. Так, в 1883 году в дер. Кунинской и Тундринской Сургутского округа заболело оспой 25 чел., преимущественно детей, из которых 9 умерло. По решению сургутского врача туда был направлен младший лекарский ученик Бесперстов «до прекращения болезни» [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 33, д. 395, л. 3]. Кроме того, для организации карантина и для предотвращения дальнейшего распространения заболевания в устье р. Аган был направлен полицейский стражник.

3.3. Организация сети фельдшерских пунктов и медицинских бараков

Помимо больниц, постепенно развивается сеть сельских фельдшерских пунктов. По данным на 1888 год, на территории края фельдшеры имелись в с. Самарово, Тундрино, Елизарово, Мужи, Шеркалы, родовспоможение оказывалось повивальными бабками в с. Самарово и Локосово [Календарь…, 1888, с. 172—175]. В 1889 году фельдшер появился в с. Нахрачи, лекарские ученики — в с. Ларьяк и Кондинском, повивальная бабка — в с. Нижне-Лумпокольском и Кондинском [Календарь…, 1889, с. 226], в 1893 году — лекарский ученик в с. Сартыньинском [Календарь…, 1893, с. 74]. К 1904—1906 годам в Березовском и Сургутском уездах было 9 фельдшерских пунктов и еще 1 — в Самаровской волости. На территории региона к середине 1900-х годов действовало три больницы (Березовская Сургутская, Самаровская) и семь фельдшерских пунктов (Нахрачинский,

CC BY

Кондинский, Ларьякский, Тундринский, Сартыньинский, Шеркальский, Елизаровский). В начале XX века деятельность этих медицинских учреждений приобретает относительную стабильность (ранее фельдшерские пункты могли прерывать работу из-за отсутствия персонала). К 1908 году открылся фельдшерский пункт в с. Локосово, к 1910 году — в с. Филинском, к 1913 году — в с. Реполовском и с. Нижне-Вартовском, к 1915 году — в с. Мало-Атлымском и Саранпаульском. Соответственно число фельдшерских пунктов возросло до 13 [Памятная…, 1915, с. 109—110].

Вовлечение края в рыночные отношения, связанные, в первую очередь, с развитием рыбной промышленности, привело к притоку большого числа сезонных рабочих. Это требовало мер по охране их здоровья и делало необходимым контроль над распространением завоза новых заболеваний, возникновением очагов эпидемий.

Еще в 1871 году березовский врач Н. Кудрявцев подал рапорт, где просил обязать рыбопромышленников улучшить быт рабочих, повысить качество питания на низовых промыслах. Рапорт врачебная управа переслала губернатору [ГУТО ГА, ф. И152, оп. 32, д. 699, л. 313]. Однако у нас нет сведений о том, что были приняты какие-то меры по данному документу.

В 1879 году члена врачебной управы Матвеева командировали для знакомства с постановкой врачебно-санитарного дела на рыбных промыслах края. Хотя путешествие было кратким, его результаты обнаружили крайне тяжелое положение наемных рабочих. Поэтому губернским советом вырабатываются правила, которые должны были «оградить до известной степени здоровье последних» [Рыбные…, 1895, с. 1548]. Тем не менее обеспечить контроль их исполнения у губернских властей тогда не имелось никакой возможности.

В 1892—1893 годах данный вопрос был вновь поставлен новым Тобольским губернатором Н. М. Богдановичем. По его распоряжению «в целях подачи медицинской помощи заболевающим рабочим» рыбопромышленникам предписывалось выстроить специальные бараки, снабдить их инвентарем и пригласить для заведывания фельдшеров в следующих пунктах: с. Новое (на 12 коек), близ д. Тундриной (5 коек), Вартовский песок (10 коек), Елизаровский песок (10 коек), Карымкарские юрты (12 коек), с. Шеркалы (7 коек), Оленский песок (5 коек), Мелекленский песок (10 коек), Ульпаслинский песок (12 коек), Пончанские юрты (35 коек), Варкутинские юрты (5 коек), Хэ (15 коек), Хармониель (12 коек) [Рыбные…, 1895, с. 1565]. Таким образом, намечалась организация на территории Тобольского Севера 13 сезонных медицинских пунктов на 150 коек. Но опять-таки без действенного контроля это распоряжение осталось на бумаге. Рыбопромышленники единодушно заявили, что в 1893 году боль-

CC BY

ных на рыбных промыслах не было. Поэтому в следующем году проводится совещание под председательством губернского врачебного инспектора П. Ф. Почтарева с участием представителей рыбопромышленников. Выяснилось, что медицинские бараки созданы не на всех промыслах, а те, что имеются, «выстроены поспешно и неудовлетворительно». Власти пошли навстречу предпринимателям, разрешив сократить число коек до 70—73. Также было удовлетворено ходатайство рыбопромышленников, что организация медицинской помощи будет возложена на местную администрацию, а они готовы выплачивать определенную сумму, соответствующую числу занятых рабочих [Рыбные…, 1895, с. 1578]. В ноябре 1894 года состоялось новое совместное заседание представителей власти и предпринимателей, где эти условия были подтверждены.

В 1895 году администрация заказала и приобрела паровую яхту (небольшой пароход), что давало возможность регулярного контроля за состоянием медицинского обслуживания промыслов. Всего же в течение 1894—1895 годов было организовано 16 медицинских бараков на 87 коек [Рыбные…, 1895, с. 1578]. У каждого из командируемых на промыслы фельдшеров имелись аптечки. Тяжелые условия труда приводили к высокому уровню заболеваемости. Так, в 1894 году было зарегистрировано 948 амбулаторных и 34 стационарных больных, трое рабочих умерли. В 1895 году число амбулаторных больных составило 656, стационарных — 53, один скончался. При общем количестве рабочих, колебавшемся от 5 до 6 тыс. на всех промыслах, заболеваемость доходила до 15—20 %. Тем не менее благодаря принятым мерам удалось не только своевременно оказывать медицинскую помощь нуждающимся в ней, но и улучшить санитарное состояние на промыслах в целом. Всего же в течение 1894—1895 годов было открыто 17 «летних лечебных заведений» по Оби, Иртышу и в Обской губе [Объяснительная…, 1896, с. 14]. В них работало стационарно по одному фельдшеру и еще семь объездных фельдшеров, в обязанности которых входили «разъезды по промыслам в пределах своего участка, подача помощи амбулаторно и доставка тяжело больных в больницы» [Объяснительная…, 1896, с. 15]. Вырабатывается проект «Положения организации врачебно-санитарной части на рыбных промыслах Тобольской губернии», в соответствии с которым, например, требовалось на каждом из промыслов иметь русскую баню с запасом дров, просторные светлые помещения для приготовления пищи и сушки белья, производить постоянное вентилирование зданий для обработки рыбы и их дезинфекцию раз в три дня, ежедневно вывозить и закапывать отходы производства.

Развитие водных путей сообщения сделало необходимым организацию еще одного вида медицинской помощи — изоляция и лечение в специаль-

CC BY

ных бараках инфекционных больных, следовавших по Иртышу и Оби на пароходах. В 1893 году такой барак был изготовлен на юге губернии, затем сплавлен по Иртышу до Самарова и там собран примерно в двух верстах от села ниже по течению. Помещение включало два отделения — мужское и женское, всего на 20 коек. По сути, этот барак был не просто местом для изоляции заболевших, а полноценное медицинское учреждение, обеспеченное оборудованием и инструментом, в том числе гидропультами для дезинфекционного раствора, а также он играл роль «врачебно-питательного пункта» для переселенцев, где выдавали заранее выпеченный хлеб [Галанин, 1894, с. 266—268]. Заведование медицинским бараком и его обустройство были возложены на студента Московского университета А. П. Галанина. Такого же типа барак, предназначенный для больных холерой, был построен и в Сургуте на пристани Белый яр.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, вряд ли являются оправданными излишне односторонние, на наш взгляд, критические оценки якобы чрезвычайно низкого уровня системы здравоохранения в регионе в дореволюционный период, см., например [Вильгельм, 2000, с. 242]. Разумеется, в большинстве других регионов Российской империи развитие медицинских учреждений шло гораздо быстрее, см.: [Будко, 2010; Henze, 2011; Morei, 2017]. Но это не умаляет того факта, что менее чем за сто лет на Тобольском Севере были сделаны огромные шаги в деле создания сети медицинских учреждений на территории региона: от городских больниц до лечебных бараков на рыболовных промыслах.

В целом сеть медицинских учреждений на Тобольском Севере оставалась недостаточно развитой, хотя с формальной точки зрения все обстояло благополучно в сравнении с общей ситуацией в регионе. Так, если в Тобольской губернии к 1908 году один врач приходился на 39 110 жителей [Труды, 1913, с. 10], на севере губернии эта цифра была меньше, по крайне мере, в три раза. Однако низкая плотность населения, его рассредоточение на огромном пространстве не позволяли обеспечивать регулярное врачебное наблюдение за здоровьем местных жителей. Медицинских работников для такого обширного региона, как Тобольский Север, было явно недостаточно. Наблюдался кадровый дефицит не только врачей, но и среднего медицинского персонала, особенно в сельской местности. «В селе… существует фельдшерский пункт, — писал в 1910 году в одной из корреспонденций из с. Ларьяк местный учитель, краевед Г. М. Дмитриев-Садовников, — остающийся целыми годами незанятым» [Сибирский…, 2003, с. 280]. К тому же квалификация значительной части среднего и низшего

CC BY

медперсонала была невысокой. Отсутствовали специалисты узкого профиля, прежде всего педиатры. Однако эти трудности имели или объективный характер, или же были связаны с «болезнями роста», характерными для процесса становления современной медицины в ходе форсированной модернизации. В традиционном обществе с его натуральным или полунатуральным хозяйством, господством передававшегося из поколения в поколение мировоззрения различного рода новации, в том числе, касающиеся медицины, приживались медленно. По справедливому замечанию В. Я. Темплинга, в традиционном мире коренного населения «врачу, фигуре из другой, западно-европейской культуры, еще предстояло занять свое место» [Темплинг, 2015, с. 137]. Однако нельзя и недооценивать успехи современной медицины в регионе. В этот период было положено начало созданию сети медицинских учреждений как в городах, так и на селе. При всех недостатках вакцинации того времени снижается роль эпидемий оспы к началу XX века как важного фактора смертности местного населения. Врачи, фельдшеры показывали примеры самоотверженного труда в борьбе с эпидемиями, каждодневно заботились о здоровье северян.

Источники и принятые сокращения

1. *Галанин А.* Из воспоминаний о Самарове и его бараке в лето 1893 г. / А. Галанин // Тобольские губернские ведомости. — 1894. — 3 апр. — № 14. — С. 266—268.

2. ГУТО ГА — *Государственное* бюджетное учреждение «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И152 (Тобольское губернское управление (1822—1919 гг.)). Ф. И152. Оп. 31. Д. 93 ; Оп. 32. Д. 699 ; Оп. 33. Д. 395 ; Оп. 43. Д. 98 ; Оп. 47. Д. 211 ; Оп. 56. Д. 9 ; Ф. И707 (Сосвинская Христорождественская церковь). Ф. И707. Оп. 1. Д. 3.

3. *Календарь* Тобольской губернии на 1889 год. — Тобольск : Издательство Тобольской губернской типографии, 1888. — 206, 58 с.

4. *Календарь* Тобольской губернии на 1890 год. — Тобольск : Издательство Тобольской губернской типографии, 1889. — 354 с.

5. *Календарь* Тобольской губернии на 1894 год. — Тобольск : Издательство Тобольской губернской типографии, 1893. — 89, 48 с.

6. *Клячкин В. Е.* Мысли о страшном народном недуге / В. Е. Клячкин // Тобольские губернские ведомости. — 1897. Неофиц. часть. — 24 мая (№ 21). — С. 320—323.

7. *Краткая* характеристика инородческого прихода в низовом крае // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909. — № 16. Отдел неофиц. — С. 427—433.

8. *Макаров М., свящ.* Посещение Его Преосвященством, Преосвященным Варнаваю, Епископом Тобольским и Сибирским Северного края / М. Макаров., свящ // Тобольские епархиальные ведомости. — 1915. — № 36. Отд. неофиц. — С. 549—551 ; № 38. Отд. неофиц. — С. 577—578 ; № 46—47. Отд. неофиц. — С. 749—751.

9. *Объяснительная* записка к составленной Тобольской врачебной управой карте рыбных промыслов в Тобольской губернии по рр. Оби и Иртышу // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1896. — Выпуск 6. — С. 1—15.

10. *Памятная* книжка Тобольской губернии на 1915 год. — Тобольск : Типография губернского управления, 1915. — 158, 75, 29, 16, II с.

11. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской Империи : собр. 1-е. Т. XXXI (1810—1811 гг.). — Санкт-Петербург, 1830. — № 24622 ; собр. 2-е. Т. X (1835 г.). — Санкт-Петербург, 1836. — № 7954 ; собр. 3-е. Т. VIII (1888 г.). — Санкт-Петербург, 1890. — № 5189.

12. *П. С.* Вести с Севера // Сибирский листок : 1890—1894 / Сост. В. Белобородов. — Тюмень : Мандрика, 2003. — С. 342—343. — ISBN 5-93020-137-4.

13. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1297 (Медицинский департамент МВД). Ф. 1207. Оп. 124. Д. 204.

14. *Рыбные* промыслы на севере Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. — 1895. — № 99. — С. 1547—1549 ; № 100. — С. 1565 ; № 101. — С. 1578—1580.

15. *Сибирский* листок : 1908—1911 / Сост. В. К. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень : Мандр. и Ка, 2003. — 656 с. — ISBN 5-93020-169-2.

16. *Труды* первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии (20 января — 4 февраля 1911 г.). — Тобольск : Издательство Тобольского врачебного отделения, 1913. — 300 с.

Литература

1. *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края / Н. А. Абрамов. — Шадринск : ПО “Исеть”, 1993. — 83 с. — ISBN 5-7142-0030-6.

2. *Березово* (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д. А. Редин. — Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008. — 472 с. — ISBN 978-5-88664-307-7.

3. *Белобородов В. К.* Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII — начале XX вв. : краеведческие заметки о былом и насущном / В. К. Белобородов. — Тюмень : ИД «Титул», 2013. — 352 с.

4. *Белобородов В. К.* Русские старожилы Сургутского края : последняя книга очерков / В. К. Белобородов. — Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2017. — 400 с. — ISBN 978-5-4289-0125-2.

5. *Будко А. А.* История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. / А. А. Будко. — Санкт-Петербург : «Нестор-История», 2010. — 400 с.

6. *Вильгельм В. Д.* Здравоохранение Ханты-Мансийского автономного округа / В. Д. Вильгельм // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Том первый : А-И. — Ханты-Мансийск : ИД «Сократ», 2000. — С. 342—343. — ISBN 5-88664-083-5.

7. *Древний* город на Оби : история Сургута / Н. Н. Баранов и др. — Екатеринбург : «Тезис», 1994. — 327 с. — ISBN 5-87799-001-2.

8. *Дунин-Горкавич А. А.* Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. — Тобольск : Тобольский стат. губ. ком, 1908. — 87 с.

9. *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север : В 3 т. — Москва : Либерея, 1996. — Т. 2 : Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. — 432 с.

10. *Иринарх, иер.* Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032—1910 гг.) // Избранные труды. — Москва : Советский Спорт, 2005. — С. 107—289. — ISBN 5-85009-785-6.

11. *История* Нижневартовского района / Л. В. Алексеева и др. — Екатеринбург : Издательство Баско, 2013. — 336 с.

12. *Киселев Л. Е.* От патриархальщины к социализму : Опыт КПСС по соц. преобразованию в нац. районах Севера / Л. Е. Киселев. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1974. — 266 с.

13. *Лопарев Х. М.* Самарово, село Тобольской губернии и округа : хроника, воспоминания и материалы о прошлом / Х. М. Лопарев. — Тюмень : СофтДизайн, 1997. — 262 с. — ISBN 5-88709-064-2.

14. *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. : Историко-этнографический очерк / Н. А. Миненко. — Новосибирск : Наука, 1975. — 308 с.

15. *Неклепаев И. Я.* Народная медицина в Сургутском крае / И. Я. Неклепаев // Тобольский Север глазами политических ссыльных / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. — Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1998. — С. 301—329. — ISBN 5-7529-0700-4.

16. *Скалозубов Н. Л.* Материалы к вопросу о народной медицине. Народная медицина в Тобольской губернии / Н. Л. Скалозубов // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск : Типография Епархиального Братства, 1905. — Выпуск XIV. — С. 1—30.

17. *Темплинг В. Я.* Здравоохранение на крайнем севере Тобольской губернии (XIX — начало XX вв.) / В. Я. Темплинг // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 4 (31). — С. 136—142.

18. *Темплинг В. Я.* Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект) / В. Я. Темплинг. — Тюмень : Мандр и Ка, 2017. — 224 с.

19. *Якобий А. И.* Остяки северной части Тобольской губернии : (формы угасания, причины и меры помощи) : доклад сделан в соединенном заседании комитета Тобольского губернского музея и Тобольского физико-медицинского общества 28 марта 1895 г. / А. И. Якобий // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1895. — Выпуск 4. — С. 1—25.

20. *Henze C. E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia : Life and Death on the Volga, 1823—1914 / C. E. Henze. — London ; New York : Routledge, 2011. — 227 p. — ISBN 9780415547949.

21. *Morei T. V.* Archival Materials about the Situation of Medical Institutions in the Kiev Province at the end of the XVIII — first half of the XIX century / T. V. Morei // Europien Journal of Social and Human Science. — Banská Bystrica. — 2017. — № 4. — Pp. 29—34.

Material resources

Brief description of a non-native parish in the grassroots region. (1909). *Tobolsk diocesan Vedomosti, 16. Department of neofits:* 427—433. (In Russ.).

Commemorative book of the Tobolsk province for 1915. (1915). Tobolsk: Printing house of the provincial administration. 158, 75, 29, 16, II p. (In Russ.).

Explanatory note to the map of fisheries in the Tobolsk province compiled by the Tobolsk Medical Board according to pp. Ob and Irtysh. (1896). *Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum, 6:* 1—15. (In Russ.).

Fisheries in the north of the Tobolsk province. (1895). *Tobolsk provincial Gazette, 99:* 1547—1549; *100:* 1565; *101:* 1578—1580. (In Russ.).

Galanin, A. (1894). From the memories of Samarov and his barracks in the summer of 1893. *Tobolsk provincial Gazette. 3 APR, 14:* 266—268. (In Russ.).

Klyachkin, V. E. (1897). Thoughts about a terrible folk disease. *Tobolsk provincial Gazette. Neofits. part. May 24, 21:* 320—323. (In Russ.).

Makarov, M., sacred. (1915). A visit by His Grace, His Grace Barnabas, Bishop of Tobolsk and Siberia of the Northern Territory. *Tobolsk diocesan Gazette, 36. Ed. Neofits:* 549—551; *38. Ed. Neofits:* 577—578; *46—47. Ed. Neofits:* 749—751. (In Russ.).

News from the North Siberian leaf: 1890—1894. (2003). Tyumen: Mandrika. 342—343. ISBN 5-93020-137-4. (In Russ.).

Proceedings of the first provincial Congress of rural doctors of the Tobolsk province (January 20 — February 4, 1911). (1913). Tobolsk: Publishing House of the Tobolsk Medical Department. 300 p. (In Russ.).

Russian State Historical Archive. F. 1297 (Medical Department of the Ministry of Internal Affairs). F. 1207. Op. 124. D. 204. (In Russ.).

Siberian leaflet: 1908—1911. (2003). Tyumen: Mandr. and Ka. 656 p. ISBN 5-93020-169-2. (In Russ.).

State budgetary institution "State archive in Tobolsk". F. И152 (Tobolsk provincial office (1822—1919 years)). F. И152. Op. 31. D. 93; Op. 32. D. 699; Op. 33. D. 395; Op. 43. D. 98; Op. 47. D. 211; Op. 56. D. 9; F. И707 (Sosvinskaya Christ Church). F. И707. Op. 1. 3. (In Russ.).

The calendar of the Tobolsk province for 1889. (1888). Tobolsk: Publishing house of the Tobolsk provincial printing house. 206, 58 p. (In Russ.).

The calendar of the Tobolsk province for 1890. (1889). Tobolsk: Publishing house of the Tobolsk provincial Printing house. 354 p. (In Russ.).

The calendar of the Tobolsk province for 1894. (1893). Tobolsk: Publishing house of the Tobolsk Provincial Printing House. 89, 48 p. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire: Coll. 1-E. T. XXXI (1810—1811), 24622; Coll. 2-E. T. X (1835), 7954; Coll. 3-E. T. VIII (1888), 5189. (1830, 1836, 1890). Saint Petersburg. (In Russ.).

References

Abramov, N. A. (1993). *Description of the Berezovsky region.* Shadrinsk: PO "Iset". 83 p. ISBN 5-7142-0030-6. (In Russ.).

Beloborodov, V. K. (2013). *Paths to the house. Russians of the Berezovsky Region at the end of the XVIII — early XX centuries: local history notes on the past and the present.* Tyumen: Publishing house "Title". 352 p. (In Russ.).

Beloborodov, V. K. (2017). *Russian old-timers of the Surgut region: the last book of essays.* Khanty-Mansiysk: Print-Class. 400 p. ISBN 978-5-4289-0125-2. (In Russ.).

Berezovo (Essays on history from antiquity to the present day). (2008). Yekaterinburg: Publishing house "Socrates". 472 p. ISBN 978-5-88664-307-7. (In Russ.).

Budko, A. A. (2010). *History of medicine of St. Petersburg of the XIX — early XX century.* St. Petersburg: "Nestor-Itoria". 400 p. (In Russ.).

Dunin-Gorkavich, A. A. (1908). *Needs of the Tobolsk North and measures to meet them.* Tobolsk: Tobolsk stat. gub. com. 87 p. (In Russ.).

Dunin-Gorkavich, A. A. (1996). *Tobolsk North: In 3 volumes, 2: Geographical and statistical-economic description of the country by individual geographical areas.* Moscow: Libereya. 432 p. (In Russ.).

Henze, C. E. (2011). *Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823—1914.* London; New York: Routledge. 227 p. ISBN 9780415547949.

History of Nizhnevartovsk district. (2013). Yekaterinburg: Basko Publishing House. 336 p. (In Russ.).

Irinarch, jer. (2005). Chronological review of memorable events in the Berezovsky region of Tobolsk province (1032—1910). In: *Selected works.* Moscow: Soviet Sport. 107—289. ISBN 5-85009-785-6. (In Russ.).

CC BY

Kiselev, L. E. (1974). *From patriarchalismism to socialism: The experience of the CPSU on the social transformation into the national. districts of the North.* Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 266 p. (In Russ.).

Loparev, H. M. (1997). *Samarovo, village of Tobolsk province and district: chronicle, memories and materials about the past.* Tyumen: Soft Design. 262 p. ISBN 5-88709-064-2. (In Russ.).

Minenko, N. A. (1975). *North-Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX century: Historical and ethnographic essay.* Novosibirsk: Nauka. 308 p. (In Russ.).

Morei, T. V. (2017). Archival Materials about the Situation of Medical Institutions in the Kiev Province at the end of the XVIII — first half of the XIX century. *Europien Journal of Social and Human Science. Banská Bystrica, 4:* 29—34.

Neklepaev, I. Ya. (1998). Folk medicine in the Surgut region. In: *Tobolsk North through the eyes of political exiles.* Yekaterinburg: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 301—329. ISBN 5-7529-0700-4. (In Russ.).

Skalozubov, N. L. (1905). Materials on the question of folk medicine. Folk medicine in the Tobolsk province. In: *Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum, XIV.* Tobolsk: Printing House of the Diocesan Brotherhood. 1—30. (In Russ.).

Templing, V. Ya. (2015). Health care in the far north of the Tobolsk province (XIX — early XX centuries). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, 4 (31):* 136—142. (In Russ.).

Templing, V. Ya. (2017). *Folk medicine of the Russian population of Western Siberia of the XIX century. (sociocultural aspect)*. Tyumen: Mandr and Ka. 224 p. (In Russ.).

The ancient city on the Ob: the history of Surgut. (1994). Yekaterinburg: "Thesis". 327 p. ISBN 5-87799-001-2. (In Russ.).

Wilhelm, V. D. (2000). Healthcare of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. In: *Yugoria. Encyclopedia of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. Volume one: A—I.* Khanty-Mansiysk: Publishing house "Socrates". 342—343. ISBN 5-88664-083-5. (In Russ.).

Yakobiy, A. I. (1895). Ostyaki of the northern part of the Tobolsk province: (forms of extinction, causes and measures of assistance): the report was made at the joint meeting of the committee of the Tobolsk Provincial Museum and the Tobolsk Physico-Medical Society on March 28, 1895. *Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum, 4:* 1—25. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2021,
одобрена после рецензирования 02.02.2022,
подготовлена к публикации 17.03.2022.

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература
	10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
	10.01.08 Теория литературы. Текстология
	10.01.09 Фольклористика
	10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык
	10.02.03 Славянские языки
	10.02.04 Германские языки
	10.02.19 Теория языка
	10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история
	07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
	07.00.07 Этнография, этнология и антропология
	07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
	07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела
Текст
3.3. Тематическое название раздела
Текст

4. Заключение = Conclusions
Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения
(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).
ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:
1. АА — *Архив* авторов.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:
2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:
4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.
ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).
ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:
6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература
(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Contents

Linguistics

Buzheninov, A. E. Conventional and Innovative Metaphors with Source Sphere "Liquidity" in English Investment Discourse 9

Zhukova, O. Yu., Zaitseva, N. G. Magic of Words: Lexemes with Semantics 'Spell' and 'to Spell' in Vepsian (Etymological-Semantic and Linguo-Geographical Aspects) 28

Ioanesyan, E. R. Transition from Gesture and Gesture Nomination to Phraseology 46

Petrenko, S. A., Petrenko, A. Ph. Epistemic Causality in Literary Discourse of M. Amis 63

Sadchenko, V. T. Verbs with Prefix po- in Russian Dialects of Amur Region 77

Seagal, K. Ya. Development of Punctuation theory in First Quarter of 21st Century: Main Trends 94

Smolina, A. N. Intertextual Inclusions in Russian Spiritual Epistolary Communication: Typology, Functions, Context 122

Smolonogina, E. A., Sitnikova, I. O. Parameters of Lexicographic Description of New Vocabulary of Modern German in Electronic Dictionary of Neologisms of Leibniz Institute for German Language 140

Yurieva, N. M. Interactive Generation of Oral History by a Child with Participation of an Adult 159

Media communications and journalism

Wang Zhe, Dai Xiaofeng. Transmedia Narrative in Chinese Literary Network Discourse (Online Novel "Founder of Devil's Way"). 182

Ivanova, A. A. Image of a Woman in Social Advertising in Italy 198

Nikolaeva, O. V. Discursive-Pragmatic Creativity in English-Language Chinese Mass Media 221

Selemeneva, O. A. Intertextuality in Native Advertising of International Glossy Magazines (of Tatler Magazine) 239

Literary studies. Folklore

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. In Search of Self-Knowledge (Intertext of I. Brodsky's Poem "The Procession"). 258

Lebedeva, V. Yu. Death that Came to Holiday, in Stories of E. A. Poe, I. Bunin and V. Nabokov 282

Lushnikova, G. I., Osadchaya, T. Yu. Kazuo Ishiguro's Idiostyle (Novel "Klara and the Sun") 299

Osmukhina, O. Yu., Sukhikh, O. S. Concept of Path in Novels "The Way of Muri" by Ilya Boyashov and "Chronicles of a Stray Cat" by Hiro Arikawa 316

Sharypina, T. A., Kazakova, P. D., Egorova, V. N. Specificity of Author's Modality and Representation of Russia's Image in Claudia Erdheim's Book "Früher war alles besser": an Austrian View 331

History

Aksarin, V. V. Tobolsk District Union of Consumer Societies in 1920s-1940s: a Historical Digression 347

Voronov, I. I. Department of Agriculture of Ministry of State Property as a Structural Element of Russian State Administration in 1837—1855 359

Gross, A. A. Formation of Early Dissident Movements Ideology in USSR in 1960s Years: Ethics of Alexander Yesenin-Volpin 376

Dorofeev, D. V. US Foreign Policy in Studies of S. F. Bemis: a Polyarchive Approach 395

Zherlitsina, N. A. Radicalization of French and Spanish Colonial Methods during War with Rif Republic (1921—1926) 419

Kornilov, A. A., Lobanova, N. S., Zhernovaya, O. R. Discussion of Palestinian-Israeli Conflict in British Parliament Foreign Affairs Committee (2014) 437

Nesterov, A. G., Khanina, E. E. Establishment and Development of Ningxia Hui Autonomous Region of People's Republic of China (1949—1979). 463

Safronova, A. M. V. N. Tatishchev and Organization of First Verbal Schools in Urals 482

Tsys, V. V. Formation of System of Medical Institutions in Tobolsk North in XIX — Early XX Centuries 497

TO AUTHORS 513

ПОДПИСКА
на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Научный диалог
Том 11, выпуск 2, 2022

Главный редактор
Татьяна Валерьевна Леонтьева

Nauchnyi Dialog
Volume 11, Issue 2, 2022

Editor-in-Chief:
Tatyana Valeryevna Leontyeva

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 24.03.2022. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,44. Тираж 500 экз. Заказ 24/03-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022

Свободная цена